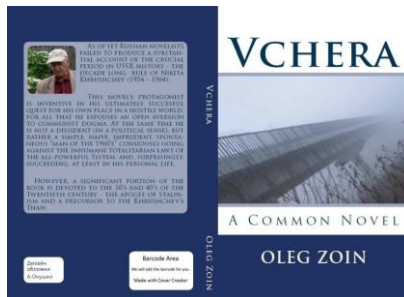


Олег Зойн

Вчера

Обыкновенный роман



Запорожье - Набережные Челны

Самиздат

1960-2008

Олег Зоин

Вчера

Обыкновенный роман

ISBN 978-1475057485

Вчера

Обыкновенный роман

Запорожье - Набережные Челны

Самиздат

1960-2008

Анонс

Русская проза практически ещё не освоила переломный исторический период в жизни СССР – десятилетнее правление Никиты Хрущёва (1954-1964 г.г.). Герой романа изобретательно пытается найти и находит своё место во враждебном ему мире, открыто исповедуя активное неприятие коммунистических догматов. При этом он не диссидент, но простой, наивный, бестолковый, “стихийный” шестидесятник, сознательно нарушающий бесчеловечные тоталитарные законы и, что удивительно, одолевающий такую всесильную Систему в нелёгкой личной жизни. Немало страниц, однако, посвящено и 30-40-м годам 20-го века - годам расцвета сталинизма, то есть предистории хрущёвской “оттепели”...

Часть 1 –я

Серебристые облака упований

И вот он понёсся, как бешеный конь, долгожданный 1955-й. Зимняя сессия у Семёна прошла ровно, ни одного «хвоста». Так что стипендия в 230 рэ обеспечена. Ещё полдня мучительного сражения за билет на Курском вокзале, и Сенька Серба помчался домой, в родной город на Днепре.

Валюша опять уклонилась от встреч и разговоров, поэтому в Запорожье получился пустой номер. Удрученный неудачей, холодно простившись с матерью, раньше намеченного вернулся Сенька в Москву. Анна Николаевна так и не смогла растопить лёд непонятого сыновнего отчуждения и протоптать тропинку к его окровавленному сердцу.

И вновь потекли мрачные дни. Учёба, как учёба, в общем, скукота жуткая. Конечно, учиться на юрфаке МГУ считалось

немалой жизненной удачей, однако вскоре науки приелись, всё вокруг как-то потускнело. Да и прогулов получалось немало. Просто так, от лени и от неприятия казённости и лицемерия на факультете.

Доцент-марксист любил проводить коллоквиумы по коммунистической теории. Обычно они проходили очень весело. Азартно спорили умница Витя Месяцев, прозванный за скрупулёзную дотошность в аргументах Догматиком, и Семён Серба, получивший кличку Диалектик, – возможно, за казуистическую гибкость формулировок.

Жаркое лето 37-го... В стране – человекотрясение. А в кухоньке хаты деда Калистрата липкая духота. Кусючие мухи. Сенькина нянька соседская Тонька, ей было тогда лет 15-16 (её мать, старая Калзнычка, – соседка Сенькиных деда-бабы со стороны колхозной конюшни), возится с двухлетним Сенькой, пытаясь напоить молоком из кружки. Он вредничает, капризничает. Она берёт его на руки и пытается утихомирить убаюкиванием. У неё на руках уютно и привычно. Сквозь ситчик летней кофточки ему приятна ласка пружинистых грудей, он прижимается к ним щекой и очень доволен, но ещё по инерции завывает затихающим нытьем.

Заходит кто-то из взрослых мужиков и подначивает Тоньку (Сенька ещё не разговаривает, только отдельные слова, поэтому не донесёт, и дядьке не опасно попохабничать):

- Ты ему сиську дай, вон они какие у тебя уже, как дыни!.. Сразу успокоится...

Тонька краснеет, быстро отнимая Сеньку от себя и усаживая на лавку. Её чувство стыда передается ему, и он с ненавистью смотрит на мужика. Тот гогочет и уходит... Сцена врезалась в память.

... Конец лета. Мама взяла Сеньку на какое-то время в город. У неё комнатка на Слободке, улица Кошневая, 17. Дело к вечеру,

солнце уже низко. Семён ещё не ходит, и это беспокоит маму. Во дворе, в нескольких метрах от них с мамой, сидят на лавочке двое мужчин из семьи хозяев Мозулевских.

Один из них ласково зовёт Сеньку к себе, приманивая жестами тяжёлых загорелых мужских рук. И вдруг Сенька отрывается от мамы и неуверенно идёт к дядьке, и проходит-таки всю дистанцию, падая на финише в его крепкие руки.

- Пошёл!.. – изумленно кричит мама. Все дружно смеются...

- Ну вот видишь, Анька, - басит мужчина, - теперь не переживай, такой орёл далеко пойдёт!..

Сенькины довоенные воспоминания носят смутный, отрывочный характер. Так как он большей частью воспитывался у бабушки Ефросиньи Петровны, поэтому первые и самые прекрасные его жизненные впечатления связаны с поэтичным украинским хутором Казачьим, раскинувшимся двумя недлинными улочками вдоль бывшей речечки, впадавшей, продираясь сквозь чащу камыша, в небольшой пруд, по-украински, конечно, называемый **ставок**.

Бабуся очень любила животных – коров, свиней, гусей, кур. Коровам она давала имена цветов. На Сенькиной памяти в те годы были Роза и Астра.

Всегда в хате жил кот. Одна серая кошка Тинка прожила в доме много лет. Сенька любил летом возиться с кошками. Сильное впечатление – котенок, которого он тормозил, почему-то недомогал. На следующий день он издох в страшных судорогах. Из его рта вывалился клубок белых червей. Дедуля, ветеринар ещё дореволюционной выучки, брезгливо отбросил котёнка ногой, затем подхватил штыковой лопатой и отнес за хату, где закопал на пепелище. После этого сполоснул холодной колодезной водой руки (гигиена – наш принцип!) и так красочно объяснил Сеньке, что есть такое глист, что он до сих пор

содрогается от этого слова.

Это объяснение, впрочем, не помешало Сеньке сходить погода попереживать на могилку котёнка на пепелище, под развесистой бузиной, куда дед и бабка относили золу, в которой так охотно купались куры.

Руки всегда были безнадежно черны и заскорузлы от возни с землей, однако земля грязью не считалась, и поэтому было достаточно их перед едой вытереть выдавшим виды полотенцем. По утрам, правда, не каждый день, в целях закалки и бодрости внук с дедом через раз умывались из ведра колодезной холодной водой, так, слегка, для приличия - пару раз, смеясь, плескали в лица с ладошек.

Вообще, гигиена была в том беззаботном хуторе на высоте. Можно было по неделям не мыть руки, мыло туалетное ценилось дороже экзотических раковин с тихоокеанских островов. Оно сберегалось бабусей в сундуке ради приятного парфюмерного запаха, напоминавшего ей одеколон.

Но зато когда изредка, раз в два-три месяца, приезжала мама, то отношение к мылу резко менялось. Увидев дорогую гостью из оконца кухни (мама шла обычно ближней стороной улицы, затем продиралась долго через неогороженный, заросший вишенником палисадничек, и была узнаваема издалека), бабушка кликала Сеньку, выхватывала из сундука новый кус мыла, розового и сумасшедше пахнущего, и успевала разок умыть внука, поспешно вытерев рожу не очень часто стиравшимся передником, так что когда сияющая мать, переводя дыхание, переступала порог и Сенька кидался к ней на шею, то ей не оставалось ничего другого, как радостно воскликнуть:

- Какие вы чистенькие, какие хорошенькие!

Бабуся при этом стояла в стороне, с гордостью потирая руки и приговаривая, что как же, не хуже, чем в городе живем, - и чистота и прочие блага у Сенечки в изобилии...

Тотчас начинало опорожняться и всем показываться

содержимое тяжелых сумок, притащенных мамой, которая жаловалась на то, как она растерла ноги и как устала. Привозила она обычно уйму конфет, которые до сих пор упорно именуется "конфетами", бутылки с рыбьим жиром (лечить сыночкины простуды и хилость) и всякую детскую одежду.

Рыбий жир ставился на окно в парадной комнате с наставлениями пить его ежедневно (а лучше ежеминутно) и так и оставался там пылиться нетронутым до её следующего приезда.

Сенечка оказался болезненным, простудным малым, с вечными соплями, свисавшими до колен (во взрослые годы он понял, что это была неизвестная тогдашним врачам аллергия, преследующая его всю жизнь), прочно закутанный в тысячу одежек и платков, так что часто перегревался и ещё больше простуживался. Теперь уже, с высоты лет, можно твердо сказать, что простудная хилость – его постоянное хобби, он в этом деле специалист.

По случаю приезда матери бабуся резала придержанного на сей случай и откормленного петуха и готовила тут же борщ с петухом, а на борщи она была мастерица...

К вечеру, после сытного обеда, начинались бесконечные рассказы о Запорожье, о том, как там, в городе, удивительно люди живут.

А то, иной раз, вспоминали страшный голод 33-го года, как вымирили целые хутора и сёла. Бабушка при этом непременно говорила, что выжили благодаря **матэржэнькам**. Сенька даже рецепт их приготовления запомнил. Ну, собирается трава крапивы, спорыша, лебеды, калачики... Отваривается... Перемешивается со всякими вышкребками из бадей и бочек, лепятся такие себе вроде котлетки... Их присаливают и поджаривают на остатках **олии**, если есть, или на жире сусликов... Бабушка говорила, что вкуснятина страшная... К счастью, Сеньке попробовать **матэржэньки** не выпало, и он

так и не узнал, чего в матержэныхках больше – вкуснятины или страшного...

Когда через несколько дней наступал час маминого отъезда, Сенька вставал рано со всеми взрослыми и провожал мамочку до ворот – насчет её отъезда деда обыкновенно договаривался с председателем, чтобы маму взяли на забитый до отказа сельхозпродуктами и бабами "ЗИС-3", спешивший в Запорожье на воскресный базар. Сенька при этом ревел, возможно, что искренне, и просил маму взять его, сопливого, с собой. Надо ним смеялись загорелые колхозные бабы, огромными курицами громоздившиеся в кузове на мешках и корзинах, зисок натужно трогал, выбрасывая, как Везувий, облако ядовитого выхлопа, и уносился в далёкую сказочную городскую жизнь. А Сенька, сказать правду, забывал об уехавшей матери раньше, чем на улице успевала осесть пыль, поднятая мощной техникой, какой являлись тогда автомобили завода имени Сталина – легендарные ныне ЗИСы с зелеными фанерными кабинами.

Сенька рос замкнутым, одиноким ребенком, без друзей – ему почему-то казалось, что больше в хуторе детей нет. А те, которых он видел в соседних дворах, сторонились его, городского, он их побаивался, да и бабушка всячески ограждала внука от их "тлетворного" влияния. Сенькиными верными приятелями были кошки, соседская собака огненно-рыжей масти, - конечно, её звали Шарик, - куры, гуси, утки, деревья в садике перед хатой, добрые растения в огороде и в балочке за огородом, как культурная флора, так и сорняки, он всех их знал и очень любил.

Бабуся, не любившая ишачить на колхоз задарма на прополке свёклы, обычно бралась готовить трактористам. Рядом с дедовой хатой на соседней усадьбе, отобранной при коллективизации у единственного на весь хутор якобы кулака, стояла добротная хата, занятая теперь правлением колхоза

"Большевик". Там же была и летняя кухня, в которой бабуся готовила свои знаменитые обеды. В полдень на колесных "Универсалах" приезжали чумазые трактористы и накидывались на обед, не снимая фуфаек.

Однажды, ещё ранней весной, в первый день весенней вспашки, бабуля сварила трактористам на обед котёл лапши с петухом, которого выпросила по случаю начала полевых работ у председателя колхоза. Петуха привез с фермы лично бригадир Мартыненко Трофим Трофимович.

Обед получился веселым. Один из трактористов подпоясался не ремнем, как остальные пятеро, а **укрутился** стальной проволокой. Бабуля налила им по большой миске лапши и нарезала гору свежеевыпеченного ею же хлеба. Они, гогоча, **рубанули** по миске и запросили добавки. Петровна, добрая душа, опять налила им по полной миске. Молодость быстро оприходовала и добавку. Вдруг один парубок, тот, что был укручен проволокой, взвыл от боли и, согнувшись в три погибели, вывалился из-за стола, пытаясь расцепить свою проволочную упряжь.

Все поняли, что дело плохо. Кто-то слетал через дорогу в кузню и принес большие щипцы. Но ухватить проволоку, чтобы перекусить, было невозможно, она глубоко врезалась в пузо бедолахи, не рассчитавшего своих возможностей и слабо знакомому с физикой. После нескольких минут отчаянных криков, хлопцы как-то сумели засунуть за проволочный пояс напильник-терпуге и оттянуть проволоку, чем сразу же воспользовался специалист с клещами. Ра-а-аз! И вот она, свобода! Трактористы долго ржали, как молодые жеребцы, а герой дня остался героем бабушкиных рассказов на долгие годы.

Бабуля сломя голову бежала готовить своим хлопцам-трактористам, дед уходил за почтой, Сенька оставался один и уходил в огород или палисадник играть с травами, деревьями, муравьями и кошками. Любовь и

благодарность к этим созданиям природы, разделившим с ним детство, он пронёс через всю жизнь...

Особенно загадочны растения. Да, это то, что не предаст, думал Сенька, когда его затем во взрослом жизни крепко помотали года. Иногда думалось, что мир растений не менее разумен, чем мир животных. Просто их эволюция создала такие формы разума, которые не только нам непонятны в принципе, но даже неясно, где эти мыслительные "механизмы" расположены. Но несомненно, что растения разбираются в окружающем пространстве не хуже нас...

О самом факте Сенькиного рождения мама упоминала в разговорах вскользь, так же, как и об отце. Видно, хороших воспоминаний память о главных её мужчинах, не сохранила. Однако краткость маминой информации заставляет кое-что добавить.

Итак, Семён Серба родился 23 апреля 1935 года (свидетельство о рождении № 1333 от 29.04.35 г.), а примерно за полтора года до этого Сенькина мать познакомилась с его будущим отцом. Серба Станислав Степанович работал тогда кем-то вроде ревизора в системе "Дорресторана" на бывшей Екатерининской (тогда уже Сталинской) железной дороге, где короткое время Сенькина мама работала в учёте. Подробностями их знакомства и женитьбы она, злясь на Станислава, не баловала интересующихся и в последующем, так что в Сенькиной памяти остались лишь ее единичные отрывочные высказывания.

Их брак, вопреки тогдашней моде, был официальным, в ЗАГСе. Сохранилось брачное свидетельство № 603 от 9.02.34 г. Анна Николаевна утверждала, что был даже исполнительный лист на алименты, но Сенька ни самого исполнительного, ни алиментов никогда не видел, а когда спустя двадцать пять лет после рождения узнал отцову родню и узнал, что отец якобы был

до мамы женат на другой женщине и имел от неё дочь, то очень расстроился. Но это, конечно, не Сенькино дело. Но все-таки отметим, что породив Сеньку (не будем мелочны по отношению к своим отцам), он (по версии мамы) незамедлительно расстался с матерью, не помогая ей и сына видеть не старался (или от Семёна скрывали его попытки в этом направлении), так что Сенька за всю сознательную жизнь повидал его один раз, как он приехал на десять минут в гости, когда Семёну было семь лет, то есть в 1942-м году, о чем позже.

Уже в сознательном возрасте Семён узнал, что всё было не совсем так, как ему говорили в подростковом возрасте. Оказалось, что в 1935 году отец был выслан из Запорожья по мотивам непролетарского происхождения (Сенькин дед Степан Григорьевич якобы был лицом духовным да к тому ещё и раскулаченным). Высылка от ссылки отличалась тем, что высылаемый мог выбрать любое место жительства, кроме 70 самых важных, «режимных» городов СССР. Обладавший прирожденным украинским чувством юмора Сенькин отец выбрал Бахчисарай в Крыму. Брак, естественно, распался. Мама, уволенная с «Запорожстали» с вольчьим билетом по тем же мотивам и тихо, как мышка, работавшая по поддельной трудовой книжке, само собой, не могла рисковать своим местом и интересами ребенка и последовать за отцом в место его высылки не захотела. Да и не декабристка была по натуре...

Как видим, не было веских причин для молодой женщины ждать возвращения мужа, когда его там простит Советская власть, год от года только сильнее закручивавшая гайки репрессий. В конце концов жизнь сблизила её с формально сводным братом Георгием Калистратовичем Евтушенком, который хотя и был на пять лет моложе Анны, но по врожденной интеллигентности характера пошел на этот роман, да и она в те годы была очень хороша собой. Их связывало красивое чувство, о чем говорили десятки его

флотских писем, бережно хранимых Анной, которые уже в послевоенные годы подростком Сенька часто тайком перечитывал, сопереживая сердечным волнениям взрослых. А вдруг именно эти письма помогли ему воспитать в себе уважительное отношение к женщине, потому что привычный бытовой советский цинизм так и не одолел его в годы взрослости.

О довоенных годах Семён почти ничего не помнил. Так, несколько ярких эпизодов. Одно из пожизненных впечатлений связано с первым его путешествием. Понятно, что поездка в Николаев не могла не запомниться. Ездили в гости к дяде Жоре, которого мама предпочитала называть Гришей. Она говорила, что Жора - имя для уркаганов. С неделю назад Сенька с мамой или, вернее, мама с Сенькой, поехали проведать Георгия в **закрытом** режимном городе Николаеве, как Сенька потом узнает, одной из баз Черноморского флота.

В Херсон из Запорожья приплыли пароходом, что совершенно не запомнилось. Когда другим пароходом шли в Николаев, то ночью приключилась какая-то авария. Пароход вдруг остановился, взревела сирена. Собственно, от этой сирены Сенька и проснулся. И крепко, на всю жизнь, запомнил, как мама таскала его с безумными воплями с палубы на палубу, а он совсем не боялся, потому что очень хотел спать, а в такой суете и дерготне разве уснешь?

Даже взрослым человеком Сенька отчетливо помнил, как его разбудило поспешное мамино торможение, малахольные крики беспорядочно бежавших по палубе людей, резкий свет каких-то мощных ламп, громоуханье металла по металлу, великая суета.

Подхватив Сеньку на руки, мать бесцельно носилась по бесконечным палубам и коридорам корабля, пока, наконец, всё не успокоилось, и пятилетний Сенька получил возможность продолжать сладкий безмятежный сон на свежем морском воздухе. И хотя, помнится, в те роковые минуты он истошно

вопил, смутно угадывая по панике среди пассажиров какую-то опасность, тем не менее, когда мама с ним пристроилась, при первой возможности снова уснул...

Действительно, как потом много раз рассказывала мама, было полнолуние, светил огромный яркий месяц, стоял полный штиль и было совершенно непонятно, отчего мечутся и воют в остальном вполне приличные взрослые люди. Наконец, кто-то чего-то прокричал в мегафон, и ещё долго гремело под кувалами команды какое-то железо. Казалось, этот кузнечный грохот разносится на весь мир. Потом мама как-то успокоилась и прочие пассажиры перестали носиться, как угорелые. Где-то и Сенька, наконец, уснул.

Сенька потом услышал из разговоров взрослых, что пароход был колёсным, то есть изрядно древним. Это про такие весело пела уличная шпана:

"Америка России подарила пароход,
Огромные колеса и очень тихий ход..."

И драматическая поломка гребного колеса парохода в ночном лимане могла закончиться печально.

На следующий день прибыли в порт Николаев, подробностей чего он так и не запомнил. Что осталось в памяти, так это то, что сначала они устроились с жильем (мама сняла на несколько дней весёлую светлую комнату), попутно зашли на рынок, где купили чудесных томатов, потом пошли, расспрашивая встречных патрулей, на базу флота.

Стоял чудесный жаркий тихий летний денек. Навстречу им то и дело попадались чудесно маршировавшие подразделения чудесных военных моряков в чудесной белой летней форме. И Сенька с мамой, которая то и дело чертыхалась от незнания точной дороги, с чудесным настроением торопились на встречу с чудесным человеком, которым был дядя Жора. И вот, наконец, кто-то передал на корабль, что мы его ожидаем, и вот он сам выпрыгнул из шлюпки, ткнувшись в песчаный берег неподалеку

от нас. Дядя Жора оказался в такой же, как у всех краснофлотцев, белой-белой форме, высокий, загорелый и стройный – чудесная цель нашего чудесного путешествия была достигнута.

Придя на квартиру, присели с дороги поесть и поговорить. Помнится, дядя Жора вынул белейший носовой платок и подстелил его на гнутый венский стул, сохраняя перевозданную флотскую белизну своих идеально отутюженных флотских брюк. Аппетитно ели огромные херсонские помидоры, арбуз и еще какие-то сладкие плоды.

Поговорив немного, взрослые установили, что Георгию надо срочно возвращаться на корабль, а на завтра ему вроде дадут увольнение на целый день.

Потом дядя Жора пригласил Сеньку сходить с ним на катере на экскурсию на его родной крейсер "Москву", стоявший на профилактике у судостроительного завода и громадившийся в бухте напротив, но Сенька, хотя ему зверски хотелось побывать на военном корабле, помня шумное ночное приключение в лимане, струсил и позорно отказался, забоялся, маменькин сыночек, разревелся, и эту мужскую идею пришлось отбросить. Потом, лет в четырнадцать, он очень жалел о своей нерешительности. Дядя Жора погиб в первые дни войны, а мама долго не верила, надеялась, что он после взрыва крейсера в бухте Констанцы, как-нибудь выплыл и рано или поздно вернется из плена. Но чуда не произошло.

Осень. Листопад. Который день занудный мелкий, но ещё тёплый дождичек. У Семёна какая-то простудная немочь, и бабуся прописывает ему постельный режим. За окном светёлки видны нарядные, в желтых и красных листьях, деревья в саду. Особенно хороши абрикосы и лиственные ковры под ними. Время к вечеру. Бабушка гремит ведрами, собираясь за «доброй» водой в самый конец хуторской улицы, к Кучерам. Сенька клянчит у неё принести что-нибудь из похода.

Проходит вечность. Бабуся возвращается, тяжело управляясь с коромыслом, увешанным двумя ведрами с водой. Но просьбу внука она не забыла. У неё в руке букетик из листьев грецкого ореха и еще какого-то диковинного дерева, растущего в саду у Кучеров. Ореховые листья волнующе пахнут. К ним она добавила несколько лимонно-желтых листков ясеня, что рос на улице со стороны Балэнчихы-Калэнычки.

Цветы бабуся любила. У неё под окном светлички у хаты всегда росли два-три куста чайной розы. Летом роза расцветала и обалденно пахла. Из её нежных лепестков «цветы чайной розы» бабушка варила немного бесподобного варенья...

Летом бабушка, несмотря на протесты деда, втыкала то там, то тут, между помидор и огурцов, на переднем плане, то есть у летней плиты, по несколько астр, майоров, чёрнобриццев...

Конец зимы. Видимо, мартовская оттепель. Огромная копна сена напротив кухонного окна изрядно подалась. Сенька с дедом топчутся у копны, и дед дергает из её нутра пучки душистого сена специальным стальным прутком с зазубренным крючком на конце. Народный инструмент называется **смычка**. Конечно, это от украинского глагола **смыкать**, но Сенькин любимый антисоветский дед считает, что совсем не так, а в честь **смычки города и деревни**... Семён не понимает ещё высокой политики, но уже соображает, что дедуля изголяется над кем-то или над чем-то, а над кем или над чем насмеяться не рекомендуется. Это нечто он любит называть в среднем роде единственного числа - **оно**, по-украински – **воно**... Да и он сам, когда смеется над собственным юмором, шутовливо оглядывается...

Все покупки селяне совершали в сельпо. Денег у них практически не было, водилась всякая мелочь, если раз-два в

году удавалось вырваться в Запорожье на базар и продать пару кур или шматок сала. Еще нашим помогала «богатая» Зоя. Так они покупали в сельпо керосин для лампы, раз в году для неё же стекло, если разбивалось, соли, мыла и спичек. Иногда дед покупал бабушке ситцевый платочек или новую фуфайку. Часто приходилось сдавать в сельпо вместо денег яйца. Остальные промтовары и обувь привозила из города мама.

Когда же был в отпуске дядя Жора, то он потащил всех в сельпо и купил старикам два тяжелых стула в светлицу, бабушке, в дополнение к подаренной турецкой шали, шерстяной бордовый платок, а деду полотняный картуз, ну точь в точь такой, как у Лазаря Михайловича Кагановича... Теперь деда не перегревал свою **башкенцию** под нещадным хуторским солнцем.

Под потолком конюшни лепили гнёзда ласточки. Они людям так доверяли, что смело залетали в открытую верхнюю половинку двери, даже когда Сенька выглядывал из неё.

По **драбыне** (стремянке) он часто залезал на **горище** (чердак), где стояли два ящика с позабытыми дедушкиными конскими лекарствами, когда тот ещё практиковал ветеринаром. Но это было в прошлом, до коллективизации. Сейчас деда вызывали раз-два в году, когда тяжело рожала чья-нибудь корова или издыхал голодный колхозный конь (для составления акта).

Напротив дедова двора располагалась колхозная кузня, где Сенька любил беспричинно торчать, засматриваясь на красивую работу Ивана Штанька.

Часто приходил дядько Дмытро, муж дедушкиной младшей дочери тётки Гашки. Тогда в хуторе пьяниц не было, так как пить было не на что. Но прикладывающихся человека три набралось бы. В их числе числился и дядько Дмытро. Однажды он летом принёс поллитру и остался у тестя обедать. Так как

никто не составил ему компанию (деда выпивал два-три раза в году и лишь с дедом Зорей), то он принялся воспитывать Сеньку. Жара стояла, как Сенька теперь понимает, градусов тридцать. Мухи терзали перед дождем жутко и не давали спокойно поест. Тут дядько Дмытро берёт столовую ложку, наливает в неё тёплой водки и даёт Сеньке попробовать.

- **Чи воно выпье, чи ни?** – сам себя спросил Дмытро. Сенька выпил и тут же выплюнул мерзкую жидкость. **Воно**, это про него, Сеньку, в третьем лице единственного лица среднего рода...

- **Нэ будэ дила, воно пыты николы, як трэба, нэ зможэ**, - расстроено умозаключил дядько Дмытро и в третий раз осушил сто грамм. Его прогноз оказался верным, Семён, хотя и был на грани несколько лет, к тридцати фактически завязал, о чём и не жалеет.

Лето 40-го удалось провести с мамой и, от некуда деться, она его днём брала с собой на работу, где Сенька вёл себя препротивно и мешал бухгалтерам вести свои важные дела. Он отбирал у них **счёты** и катался на них промеж столов. Все нерничали, но не хотели ссориться с главным бухгалтером А. Н. Она через какое-то время поднимала голову, окатывала Сеньку убийственным холодным взглядом, медленно снимала нарукавники, подходила, отбирала у него счета, извинялась перед жертвой и вытаскивала Сеньку за **шкiryтник** на улицу, где он убежал на опушку Дубовой Рощи в песчаную пустошь, заросшую сотнями молодых топольков-самосевок...

Но однажды, идя с работы, приключилось нечто странное. У Сеньки вдруг подкосились ноги и он почти упал, но мама подхватила на руки, как маленького, и несла так до самой Слободки. Оказалось, у Сеньки отнялись ноги. Два месяца сидел он один в душной комнатке домика на Кошевой, 17, никакие врачи ничего хорошего сказать не могли.

Мама сходила с ума. По совету Ольги Тимофеевны она оттащила Семёна к известному тогда частному врачу Полстянко, который жил в красивом кирпичном особнячке на углу улицы Михеловича и Базарной прямо у трамвайной остановки. Это у него под окнами росло три красивейших серебристых тополя. Знаменитость сказала, что это всё нервы и надо подождать. Или растущий организм возьмет своё, или так и останется на всю жизнь. Врач при любом исходе оказался бы прав. И он им оказался, поскольку непонятная немочь так же внезапно прошла, как и появилась. Сенька встал и снова уверенно пошел... И, слава Богу, ходит до сих пор...

А как Сенька жил-поживал в прекрасном хуторе Казачьем с бабулей и не родным, но таким замечательным дедом Калистратом Гордеевичем?

Единственной радостью и источником существования был огород размером в полгектара, послабление, которое якобы разрешил Сталин, чтобы сельский люд не вымер. А на самом деле, сохранилось лишь в ихнем хуторе, потому что никак было не отрезать огороды, сбегавшие к бывшей речке Чавке. Везде же в округе было под огородами где 25, а где и вовсе 15 соток...

На участке стояла глинобитная хата, крытая соломой, – одно окошко на кухне и два оконца в парадной половине дома, в светлице.

Дверь со двора, единственная дверь, состояла из двух половинок, верхней и нижней, открывавшихся внутрь конюшни независимо друг от друга. Такое её устройство позволяло открывать днем верхнюю половинку с таким расчетом, чтобы скотина не разбредалась по двору и огороду. Летом в конюшне вили два-три гнезда ласточки и ещё поэтому верхнюю половинку рано открывали и лишь за полночь закрывали.

Конюшня считалась неотъемлемой частью хаты, где проживали корова Роза, веселый хрюкатель Васька и по десятку

кур и гусей, пробивая лаз на свободу. По молчаливой договоренности звери и птицы занимали всяк свой угол, никогда не претендуя на чужую территорию и не ссорясь. Естественно, что глубокой ночью и под утро, как часовой, прокрикивал в тёплую спящую темноту бдительный петух Петька.

Зимой, когда непрестанно пуржило и дверь снаружи к утру заметало снегом, деда открывал на себя верхнюю половинку и, пробив лаз, выбирался с лопатой наружу, а через полчаса мог уже спокойно выходить через нижнюю половинку и Сенька, дорожка была расчищена. Но главной заботой деда было откопать заметённый **дымарь**.

И если выдавался солнечный, пусть и морозный денёк, Сенька полдня проводил на улице с санками. Иной раз устанавливались такие снега, что получалось кататься с крыши дома. Санки летели и летели, и влетали, наконец, в сплетение вишневых веток, сам ствол старой вишни скрывался где-то внизу сугроба, напрочь заметенный снегом, а недоступная летом вершинка останавливала санки. Вкус вишнёвой промерзшей веточки, отломленной и прикушенной зубами, незабываем. Такие веточки бабуля добавляла в чай "для вкуса".

Дед Калистрат Гордеевич работал в довоенные годы почтальоном, поскольку скота в колхозе почти не осталось и в его фельдшерских познаниях власть более не нуждалась.

За почтой он ходил километров за восемь в село Ново-Миргородовку, где располагался сельсовет и все прочие государственные учреждения - почта, школа-восемилетка, фельдшерский пункт **и так и далее**. Уходил он с рассветом, возвращался к обеду с тяжелой брезентовой сумкой, набитой газетами и письмами, часу в четвертом-пятом. Иногда его подвозили попутные подводы и тогда он появлялся раньше. Он никогда не позволял себе не выйти на службу, даже в непогоду он привычно уходил в путь, а возвращался иной раз с обмерзшей бородой или в насквозь промокшем тяжеленном брезентовом

плаще. Доставал, сняв сумку, из-за пазухи ломтик домашнего хлеба (остаток бутерброда, снаряженного ему бабусей в дорогу), и подавал Сеньке, уверенно утверждая, что это гостинец от зайца. Внук с радостью уплетал гостинец, пахнувший неизведанными просторами и странствиями.

Сущим удовольствием Сеньке рассортировывать газеты, удивительно пахнувшие типографской краской, сюда "Правду", туда "Зорю", а в третью стопу - "Вісті".

Часто в хату, дожидаясь доставки, заходили веселые мужики, садились у стола, обсуждали, как тогда говорили, международное положение. Приходил дед, и бабушка наливала всем чаю, а дедушке борща. Разговор иной раз продолжался, особенно в слякотные дни, когда не надо было ишачить за трудодни, до вечера. Четырёхлетний Сенька отчётливо запомнил разговор в один из дождливых вечеров. Из рук в руки переходила сырая газета, поведавшая о заключении Пакта о ненападении между Германией и СССР. На первой полосе внимание привлекала довольно крупная фотография представителей сторон. Рассмотрев её внимательно, мужики установили, что если В. М. Молотов искренне смотрит в глаза народам мира, то **геноссе** Риббентроп отвернул морду куда-то в сторону. Мужики **одностайно** (единодушно) сошлись на том, что добра из этой дружбы не получится. Одним словом, как пелось в песне, часто распеваемой Сенькой в детстве - "в воздухе пахнет грозой". Ещё он певал, сидя на тёплой бабушкиной печи, "Если завтра война, если завтра в поход, если тёмная сила нагрянет...". В сторону тёмной силы, однако, шли один за другим эшелоны с пшеницей и салом, углём и железной рудой. Неумолимо приближался 1941-й. Он неотвратимо возникал из своих невеселых предшественников - 1937-го, 1938-го, 1939-го и 1940-го...

Зимы проходили в спокойной полудрёме. Довоенные и военные зимы, как правило, были снежными, продолжительными, с

довольно крепкими для тех мест морозами до тридцати градусов.

К зиме дед Калистрат Гордеевич готовился загодя. Плел из камыша специальные маты в размер окна и, когда наступали первые холода, наглухо закрывал ими окна как со стороны улицы, так и изнутри дома. Изнутри же применялись для утепления окон светлички (парадной комнатки) ещё и мягкие соломенные маты. Само собой, загодя подправлялась крыша, несколько снопов истлевшего камыша выбрасывалось, а на их место дедуля с помощью верного приятеля, деда Зори, втыкивал свежесвязанные, пахнущие болотом и утками, таинственно шелестящие снопы свеженарезанного, пока предколхоза не заметил, камыша.

Бабуля иногда пела. Пела протяжные старинные украинские песни и какие-то старомодные русские романсы. Она ведь в молодости повращалась в "обществе". Чаше других Сенька слышал песню про то, как "Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой...". Однако порой её тянуло на запретное:

**"Не хочу я чаю пить
Из голубого чайника,
А хочу я полюбить
Гэпэу начальника..."**

Дед тоже не особенно одобрял колючие ростки нового, он певал:

**"Ноги довги, пыка гостра,
Тилькы выскочив з колгоспу..."**

По счастливой случайности их певческие способности остались незамеченными соседскими Павликами Морозовыми...

А как бывало прекрасно летом! Ты ещё спишь, но слух уже отмечает массу родных привычных утренних звуков. Вот бабуся доит Розку и цинковое ведро дребезжит под тугими струями

молока. Вот она процеживает через чистую марлю получившиеся полведра молока в другое ведро и ставит его на скамейку в углу кухни, накрыв полотенцем, чтобы коты не добрались. Вот бабушка ласково говорит что-то курам и петуху. Вот она одевает старый дедов пиджак и выгоняет всю живность во двор размяться - кур, гусей, поросенка, корову.

От дальнего конца улицы, от Новика уже слышится мычание коров - стадо начинали гнать с того конца улицы. Когда оно подходило к дедову двору, в нём уже было с полтора десятка коров и тёлочек. Из каждого двора хозяйка или подростки выгоняют скот, присоединяя его к стаду. Некоторые сопровождают своих упрямых животных до самого выгона - до околицы. Это хороший момент бабам обменяться сплетнями, узнать последние новости.

В это время обычно встает, чертыхаясь, дед. Он долго кашляет и харкает в конюшне, поминая нерадивую, по его мнению, бабу, которая опять сделала что-то не так. Если Сенька к тому времени уже на ногах, дедуля берет его с собой во двор - посмотреть, что и как, полить с ним на пару, жмурясь от восходящего солнца, тяжёлыми жёлтыми струями клён и бузину, росшие на пепелище, за хатой, бросить камень в соседских кур, обожавших бабушкины огуречные грядки, щедро запровленные перепревшим навозом, вообще, пройтись по двору, размяться.

Можно нагнуть вишнёвую ветку и съесть десяток прохладных, росистых вишен или вытащить из-под густого полога листьев пупыристый огурец и присовокупить его к завтраку, который как-то незаметно, к возвращению мужиков после обхода владений, успевает приготовить бабушка.

Утреннее солнце едва приподнялось над соседским клёном и освещает лишь половину огорода. Входишь босиком, осторожно ступая, в милое переплетение листьев и вдыхаешь аромат росистой зелени. Приподнимая припавшую к земле ветвь, отыскиваешь порозовевший за ночь помидор и, едва сдунув пыль

*(тогда, в те, неотягощенные загрязнением окружающей среды годы, пыль в современном канцерогенном значении была, вероятно, лишь в крупных индустриальных центрах), съедаешь его, забрасывая в палисадник огрызок. Раздвинув заросли тыквы, приседаешь у крупных оранжевых цветов, рассматривая первую пчелу, уже деловито перебирающую тычинки. Затем задумчиво проходишь вдоль грядки огурцов и вдруг замечаешь распутившийся за ночь цветок мака, выросшего из брошенного бабусиной рукой макового зёрнышка, притягиваешь его к сопливному носу и, увы, с огорчением видишь, что твоё грубое движение не прошло безнаказанно - миг! - и лепестки опадают. Первая убитая тобой сегодня красота, первое, ещё мимолётное, сожаление и долгожданный (как некая индульгенция, устраивающая совесть) бабкин возглас, возвецающий внуку, что завтрак (**сниданок**) готов. На этот родной зов мчишься со всех ног...*

*Завтраки были незатейливы, но вкусны. Обычно Сенька с дедом просили жареной картошечки с яшницей, солёные или свежие огурцы и помидоры в виде салата, кружку молока и кусок хлеба с маслом. Иной раз делали пюре, деда называл его **гартамачкой**, на кислом молоке. Много ели **цыбули**, чеснока.*

*За столом народу обыкновенно обыкновенно собиралось четверо, если не появлялись гости в виде соседей. Гостей дед не любил и успевал проворчать, пока фигура, мелькнувшая в окне, успевала звякнуть **клямкой** двери:*

– Кого цэ чорт нэсэ?

Последние годы перед войной бабушка готовила для трактористов, а кухня и столовая для них располагались в соседнем дворе, где находилась "контора" – помещение правления колхоза. Так что, находясь на работе, она имела возможность часто подсакивать домой, присматривать за внуком.

В июле, когда поспели абрикосы, то на единственном сортовом деревце, называемом «калировкой», кто-то ночью снял урожай. Остальные три абрикосовых дерева в дедовом садике были полудичками с более мелкими и горьковатыми плодами. Вечером за керосиновой лампой собрался военный совет в составе деда и бабушки, который определил, что абрикосину обнесла Крупкина Наташка, мужиковатая нелюдимая девка лет 18-19-ти. Петр Крупка жил от нас через два двора, сразу за дедом Зорей, и имел ещё двух сыновей, оба не промах...

Летом приезжала мама. Она пришла пешком после обеда с тяжелой сумкой гостинцев. Ещё одну сумку она оставила в пшеничном поле между Михайло-Лукашево и Ново-Миргородовкой. Не смогла дотащить. Так дед бегом понёсся к председателю попросить бричку и коня съездить за поклажей. Как-то договорились, и вот уже Сашка сбегал на конюшню, запряг лошадь в бричку-кубарку (с кузовом объемом 1 кубометр для перевозки зерна от комбайна), накидал сена и подкатил ко двору. Сенька тоже напросился, и так они с мамой и дядей Сашей в роли возницы поехали искать сумку. Нашли её уже в полной темноте по какой-то маминой примете, кажется, напротив непохожего на другие придорожного деревца. Было очень интересно ехать под звёздным небом и слушать нескончаемые мамины и Сашкины разговоры, вселенский стрекот кузнечиков и всхрапывание колхозного коня, но как приехали домой, Сенька не запомнил, потому что уснул...

Много о себе рассказывал и дед. Особенно он любил повествовать о том, как был вольным землепашцем в Приморском крае. Так вот, дед, бедствуя в Полтаве на клочке земли, поверил Столыпину и подался на Дальний Восток.

Где-то году в 1908-м он с родителями в составе большой патриархальной семьи переселился из перенаселенной и потому голодной Полтавской губернии в Приморский край. Получили

кредит от Николая Кровавого - 500 рублей золотом на 15 лет с первым платежом через пять лет через Земельный банк. Это тогда было целое состояние.

Ехали на место подводами со всем скарбом полгода, и к августу добрались до места назначения. Им нарезали сорок десятин (примерно 45 гектаров) целинной земли в благодатном лесном краю недалеко от Владивостока под Уссурийском. Землицы могли взять и больше, но не потянули бы в обработку.

Они быстро, в обрез к зиме, спроворили просторную рубленую избу и возвели всякие сараи, хлевы и амбары. Весной купили во Владивостоке две пары лошадей, пару волов, весь сельхозинвентарь, завели коров, свиней, птицу. Царское правительство помогло с семенами и на первые года освободило от налогов.

Прекрасная земля давала невиданные на Украине урожаи пшеницы, проса, овса... Через два года стали продавать пшеницу. Как и кто без дорог и техники покупал у них пшеницу и пёр через тайгу во Владик, а оттуда пароходом в Японию, дед не знал. Короче, зажили, как господа, даже граммофон и кровати с медными прибабасами завели...

Приторговывая пшеницей, зарабатывали неплохие деньги. С устатку начали досрочно гасить кредит по 50 рублей в год. Когда отдали за три года 150 рублей, царь-батюшка зачем-то простил переселенцам долг...

Тогда в Приморье нашли новый дом около трёх миллионов малоземельных из Украины. Образовалась целая страна, её называли Зелёный Клин, там и казачество расцвело, и предпринимательство...

Но тут началась первая мировая, а затем и большевистский переворот в 1917 году. **Хохлы** в Приморье ещё держались, и жизнь их всё ещё была безбедной. Ужасы гражданской войны в Приморье как-то обошли стороной село переселенцев. Но в 1924 году образовалась буферная Дальне-Восточная Республика и

край мог реально попасть под японцев. Люди опять снялись с обжитых мест и вернулись в свой Гадяч на Полтавщину.

Там не было, как и раньше, ничего хорошего. Дед подался южнее, в Александровск (потом, при **кугутах**, переименованный в Запорожье). Так он попал в хуторок Казачий. В нем тогда не было и десяти хат. Но в 1928-м приехали горлопаны из города и загнали всех в колхоз.

Деда еще долго показывал Сеньке на колхозном току то свою веялку, то свою подводку, то своих бывших коней, которых погоняли уже колхозные ездовые... Напротив дедова двора располагалась колхозная кузня, а около неё стоял на вечном ремонте всякий сельхозинвентарь. Так и там дедуля часто показывал Семёну то свой плуг, то свою борону... Все было ржавое, в грязи, неухоженное...

– Глянь сюда, Сенька, – возмущался деда, – вон моя сеялка, **оно** (так он конспиративно называл Кубу) все перегадило. Смотри, на сеялке осталось одно колесо. А вот тот гнедой конь - тоже мой, он хромает и видишь как живот подтянуло - скоро издохнет...

...Приезд дяди Жоры в отпуск после дружеского визита кораблей Черноморского флота в Турцию - огромное событие для хутора Казачьего и всей дедушкиной семьи. Сеньке же он привёз целый ящик невиданных хуторянами и даже горожанами апельсинов. Бабуся долго выдавала их по одному. Деду сын подарил комплект флотского белья и старый долго хвастался белой полотняной исподней рубахой и кальсонами с длинными завязочками на штанинах. Сашке и дяде Дмитру досталось по тельняшке, бабушка получила турецкую шаль, а мама отрез шелка на платье. Она потом быстро сшила из этого крепдешина прелестное платье, там на тёплом коричневом фоне жёлтые кленовые листья. До скончания века остались потом фотографии мамы в этом восхитительном платье.

Дядя Жора, как краснофлотец, навел в правлении колхоза шороху. Уже через день после его визита в правление в дедов двор привезли две арбы хорошей соломы, а еще через день два присланных правлением мужика залезли на крышу хаты и надежно укрыли соломой места протёков. Ещё дядя сходил в **комору** (колхозный амбар) и получил два мешка пшеницы в счёт его заработка на трудодни ещё до призыва во флот. На зависть всему попадававшемуся на пути люду он шутя нёс под каждой рукой по шестипудовому мешку пшеницы (6 пудов равно примерно 100 кгзз).

Перед приездом дяди Жоры деда внеочередно побрился топором (обычно он брился этим инструментом дважды в году – на Риздво (Рождество) и на Пасху (получалось, что и на Новый год, и на 1-е Мая). Он носил козлиную бородку и был похож своей неухоженностью на всесоюзного старосту товарища Калинина. Раз в месяц бабушка подстригала его седые патлы большими портновскими ножницами. Свои дни рождения старики не отмечали. Похоже, они годов не замечали.

Вот уж и не помнится, когда Сенька с мамой и дядей Жорой гуляли по знойной июльской улице Карла Либкнехта в Запорожье, в начале его отпуска или перед отъездом. Сенька запомнил только, как зашли в кондитерский отдел магазина «Люкс» около областного театра, и он стал клянчить пирожные. Мама смеялась и пыталась отговорить дядю Жору купить ему шесть (!) эклеров. Но дядя Жора настоял, и Сеньке пришлось есть всё. Но одолел он всего штуки три. Остальные ему помогли взрослые. При этом пили превосходный бутылочный лимонад. Потом мама не раз угощала Сеньку в том месте пирожными под лимонад, дюшес или сельтерскую... Возможно, что и ей было что вспомнить о том июле.

Ещё они тогда сфотографировались на память, и эти прелестные фотографии – Сенька с мамой и ещё они втроем, с дядей Жорой, – дарят Семёну своё тепло до сих пор...

Но вот наступило 22 июня 1941-го года. Сам день начала войны Сеньке не запомнился, потому что ничем не врезался в память. Видно, маме Ане было не до того, чтобы что-либо ему объяснять. В ту пору его водили в детсадик в Дубовую Рощу. На её опушке располагалось здание детсада "Торгречтранса", хитрой "фирмы", где тогда работала мама.

В первые дни войны около детсадика рабочие судоремзавода быстро вырыли большие бомбоубежища, но детям, к счастью не пришлось их опробовать "в деле", хотя несколько раз, в порядке учебы, дети размещались в них, ведомые воспитательницами. В бомбоубежищах приятно пахло свежераспиленными сосновыми досками, там было прохладно и темно, то есть интересно с детской точки зрения.

*Потом вскоре по ночам начались бомбежки города и заводов. Во дворе домика на улице Кошевой 17 хозяева вырыли по требованию властей в огороде так называемую **цель**, нечто вроде узкого длинного окопа в рост взрослого человека. Во время ночных воздушных тревог, когда весь город был взбудоражен гудками заводов и сирен, иногда поздним вечером, иногда глубокой ночью Семёна, всегда сонного, мама закутывала в одеяло и тащила в эту самую цель, где стоя размещалось несколько человек, всё население домика. Налет продолжался долго, думается, не меньше часа. Гудели невидимые самолеты, вякали зенитки, рвались, ухая, бомбы.*

Эти несколько ночей, которые запомнились Сеньке, были прохладными, тихими, светила полная луна, которая иногда на несколько секунд пряталась в высокие перистые облака. Утром главным разговором жителей было обсуждение ночного налёта. Пацаны постарше с улицы Кошевой вели неплохую коммерцию, собирая и затем обменивая на всякие пацаначьи всякости осколки авиабомб.

Анна с сыном оставались пока в Запорожье. Город пустел.

Верхушка, то есть начальники разных организаций, проводили эвакуацию своих близких. В их ведении был транспорт, но семей рядовых работников не брали.

Поезда не ходили, мосты были взорваны, самолеты фашистов бомбили всё подряд.

19-го августа Анна в середине дня пошла на пристань забрать трудовую книжку и получить обещанный расчёт.

Добираться до пристани оказалось непросто, потому что вся Дубовая Роща и прибрежные дома оказались залиты днепровской водой, как бывает весной в мае во время наводнения и сброса лишней воды **ДнепроГЭСом**. Вчера вечером наши взорвали ДнепроГЭС, и вода хлынула ужасным 30-ти метровым валом и снесла всё на своем пути.

Днепр разлился так, что затопило всё, что за речкой **Московкой**, включая **Дубовку** и **Пристань**, а сама Московка вышла из берегов и подтопила даже окраинные улицы, вроде **Артёма**, **Кирова** и **1-й Московской**. Трамвай № 5 от **площади Свободы** до Пристани по **Глиссерной**, понятно, не ходил, потому что трамвайные пути скрыл метровый слой воды. Но откуда-то, как бывает в период майских наводнений, взялись два лодочника, которые бесплатно возили редких граждан на Пристань и обратно.

На конечной остановке 5-го трамвая у Пристани лежал на боку затопленный наполовину, сваленный водяным валом трамвай. Лодка проплыла мимо красного вагона, расталкивая носом всякий мусор, доски и какой-то хлам, в изобилии плававший после вчерашнего потопа. Неподалёку громоздился речной буксир, выброшенный на берег огромной волной. Чуть дальше прямо на мостовой на площади близ речного вокзала громадился облепленный ракушками и тиной дебаркадер.

Здание Аниной конторы стояло на бугре у судоремонтного

завода, основательно затопленного и растерзанного шальной днепровской водой. Стены конторы устояли под напором стихии, хотя высаженные окна и двери первого этажа красноречиво говорили о том, что здесь творилось ночью. Самое удивительное, что в конторе нашлись сотрудники при делах и ещё с крылечка были слышны бодрые щелчки счёт и взвизги арифмометров на втором этаже, до которого ночью не добрался девятый вал. Даже касса работала! Анна получила не только трудовую, но и 18 рублей под расчёт.

В городе стояла зловещая тишина и запустение, с часу на час ждали немцев, поэтому народ по такому счастливому случаю третий день грабил мельницы и магазины. Зачем-то взорвали и сожгли здание НКВД, много других хороших зданий. Жаль было взорванного мелькомбината, что у Южного вокзала, на выезде на Симферопольское шоссе. Власть, однако, опомнилась, и через пару дней в городе был восстановлен железный порядок...

Вторую ночь город обстреливался с Правого берега и с Хортицы, занятой ещё 18-го, вражескими минометами и артиллерией. Утром вся главная улица – Карла Либкнехта – была усеяна осколками стекла. Грабеж магазинов почти прекратился после вмешательства военных патрулей. Вчера одна женщина была прилюдно застрелена прямо на выходе из разграбленного магазина. Говорят, что комендант города, о котором до того никто ничего слыхом не слыхал, написал на обёрточной бумаге от руки приказ с предупреждением, что за грабеж — расстрел на месте. Такой приказ видели в центре, на двери “Люкса”. Подпись была – Комаров. Хотя Комаров – 1-й секретарь горкома, а никакой не комендант. Люди, встречавшиеся на улицах, были встревожены и обеспокоены, а попадались и такие, что посмеивались...

Днём, выйдя добыть хлеба и молока, Анна встретила

хорошую знакомую Мотю. Мотя тащила две тяжеленные сумки на тележке из переделанной детской коляски.

– Здравствуй, Мотя! – Обозвалась Анна. – Откуда и куда?

– Да вот с Южного вокзала домой **вертаюсь**... – охотно остановилась потная и уставшая Мотя.

Оказалось, что она с семьей соседей решили несколько дней тому эвакуироваться. Собрали барахло, что поценнее, и подались на Южный вокзал. Но там, на привокзальной площади, битком набитой отъезжающими с котомками, узлами, чемоданами, мешками, и всякой хозяйственной утварью выяснилось, что никто никого не эвакуирует.

Военный комендант вокзала объявил, что вагонов для гражданского населения не будет, потому что комендатура занимается только формированием и отправкой воинских эшелонов для эвакуации военной техники и оборудования важных заводов, а также раненых.

А ведь август, самые жаркие летние дни, раскаленная на солнцепеке привокзальная площадь напоминает открытую дышащую жаром духовку. Около единственного крана на перроне бесконечная очередь за водой. Вообще, число желающих уехать увеличивается прямо на глазах.

Сегодня с утра поднялась паника, пошли слухи, что с острова Хортица немцы готовятся ворваться в город и где-то уже выбросили **десант**. Торговые точки, всякие там ларьки и палатки на привокзальной площади брошены продавцами открытыми. Бери – не хочу! А нам ведь только палец покажи... Началось растаскивание товаров. Там где мы сидели, рядом с нашими узлами был лоток, где продавался изюм. Так народ как унюхал, то быстро растащили все ящики. Мы с соседями тоже оприходовали один ящик. Прямо так, ложками ели. А потом было нечем запить, хоть плачь...

Мотины соседи разуверились, что власть подаст вагоны и поезда, и ушли с вокзальной площади на привокзальную улочку.

Перебрали узлы, выбросили всё неподъёмное. Связали барахло в походные узлы и примкнули к толпам, уходящих из города пешком.

И ничто не могло остановить испуганных людей, стремящихся на восток. Ни невыносимая жара, ни проселочные дороги, где пыль по щиколотки, где то и дело рыщут немецкие самолёты, строча из пулемётов, ни жажда и голод – только в тыл, только спасти жизнь и детей.

Но у Моти, женщины самостоятельной и одинокой, воспитанницы детдома, сил на пеший поход неизвестной длительности и неопределённого пункта назначения уже не осталось. Она потащила свой скарб домой, отдавая себя в руки судьбы...

– И я вот тоже, Мотя, никуда не поехала... – обняла Мотю Анна. – У меня тут мама в хуторе за Софиевкой, сын, куда я? Ты не плачь, иди домой, умойся, отоспись, а там будет новый день, будем выкручиваться, как сможем...

А в плавнях ниже города оставалось много наших войск, сельских жителей, скота да и дикого зверья порядочно... Когда следующим летом, уже при немцах, Анна, устроившаяся бухгалтером на судоремзавод, плыла пароходом в Херсон в командировку, то невозможно было выйти на палубу – от Запорожья до самого Херсона в плавнях на кустах и деревьях висели неисчислимые тысячи трупов красноармейцев, гражданских лиц и рогатого скота. Немцев на этом страшном вернисаже не было – оккупанты буквально на следующий после потопа мобилизовали местных колхозников и свою похоронную команду и достойно захоронили погибших фрицев. Да и погибли враги только на острове Хортица.

Затем, в конце августа, когда спала шальная днепровская вода и обнажилась Хортица, а немцы прочно заняли остров

посреди Днепра и возобновили обстрел Запорожья, мама отправила сыночка к бабушке Фросе на хутор Казачий, в пятидесяти километрах от города, с оказией (заехал бабушкин сосед). Уезжали рано утром на какой-то арбе, днище которой было мягко устлано соломой. На всю жизнь врезались в память бесцеремонность ранней пробудки, довольно холодный воздух, тряская, несмотря на соломенную подстилку, арба, медленно, но неумолимо миновавшая четырёхэтажные новостройки **Жилмассива**, около завода "29", ныне моторостроительного. По тем временам район Жилмассива был вторым украшением Запорожья после Соцгорода и его сердца - 6-го поселка около ДнепроГЭСа.

На Жилмассиве шла разнузданная грабильовка. Простые советские люди, ударники и стахановцы, носились по этажам новеньких жилмассивских четырёхэтажек и тащили, что попадёт под руку.

Мебель уехавших в эвакуацию уже была давно растащена на неделю, а сейчас счастливые раскрасневшиеся граждане приканчивали окна, двери, чугунные батареи отопления. Мужик, везший Сеньку, не удержался от соблазна и свернул к одному из домов. Быть может, он и выбрался в город арбой, а не телегой, так как, видно, слышал, что в городе можно хапнуть и что-нибудь **крупногабаритное**.

– **Посыдь, хлопче, я хутко**, – успокоил он Семёна и привязал конячку к дереву палисадника.

В самом деле, вскоре мужичок вернулся, с натугой волоча красивую белую дверь. Затем, хитро улыбаясь, сбегал ещё раз и притащил белое-пребелое окно, двустворчатое, с форточкой. С трудом пристроив добычу в арбе, он снова поудобнее умял солому на днище, куда уложил снаряжённые мамой две тяжёлые сумки с крупами-сахарами и усадил Сеньку.

- Но-о! – скомандовал колхозник и взмахнул батошкой. Коняга обречённо махнула хвостом и тронула старорежимное

транспортное средство.

Миновав Жилмассив, лошадка потащила телегу по пыльной дороге, под просыпающимся, всё более распалющимся солнцем, среди толчеи отступающего транспорта на северо-восток в сторону Софиевки (Красноармейска). Запомнилось, как мимо пронеслась автомашина с полудюжиной тяжёлых снарядов, тускло блеснувших на дне кузова, когда машину накренило на колдобине. Возница объяснил, что это такое, снаряды, и Сеньке впервые стало по-настоящему страшно на этой войне...

И хотя уже прошло два месяца, как объявлена война, но ни Анна, ни многие её друзья и знакомые никак не верили, что немцы займут такую территорию Советского Союза. Когда в конце июля началась эвакуация граждан и заводов, вначале никто не собирался ехать, говорили, что незачем, война к нам не достанет, даже были евреи, которые не хотели ехать, остались в Запорожье, и их потом немцы расстреляли.

Но зашёл как-то у Сенькиной мамы разговор с дядей Игорем Ивановичем, хозяином домика, где Анна снимала комнату.

Этот самый Игорь Иванович работал в мартеновском цехе "Запорожстали". Его не было почти две недели, даже ночевать с завода не являлся. Но когда вернулся домой, то много чего порассказал.

– Дни и ночи вывозим оборудование, сотнями вагонов в день. Так или иначе, немец будет здесь. Пустые цеха подметаем и прибираем. Враг должен увидеть, что мы уходили неторопясь, по-хозяйски, что мы вернёмся!..

Попробуем описать, как нас взяли немцы. В первых числах октября стояла необычайно теплая, прямо-таки летняя погода, было солнечно и сухо. Хлеба в основном были убраны, на полях было мирно и сонно, однако приближение фронта чувствовалось всё явственней по нервозности и суете взрослых.

Через маленький, в 25-30 хатенок, хутор Казачий по целым дням шли воинские части, громыхали в пыли военные подводы, гнали скот, трактора тащили на прицепе комбайны. Все эта рать безостановочно и без всяких объяснений и соображений драпала в тыл. Куда? На восток!..

Дед Калистрат Гордеевич по вечерам подолгу шептался с бабушкой Фросей. Иногда Сенька, укладываясь спать в своем углу за печкой в светелке, слышал отрывки их рассуждений. Смысл был в том, что "недолго ему, гаду, осталось народ давить". Он уже понимал, что речь идет о том весёлом, как ему казалось, человеке, портрет которого едва ли не каждый день появлялся в наших газетах, которые не один год дедушка приносил, работая почтарём. Этого усача дед органически не переваривал, называл иносказательно для конспирации "гадость" или "гадово", и Семён с бабушкой привыкли понимать деда с полуслова.

Немцы не вызывали у деда страха или иного отторжения, он их принимал как неизбежное, но меньшее зло.

Так вот однажды поток откатывающихся через хутор частей и гражданских лиц иссяк и воцарилась непривычная подозрительная тишина. Враг нагрнулся на исходе ясного, тёплого, тихого до безмятежности последнего сентябрьского дня. К вечеру, при заходе солнца, со стороны совхоза "43-й", а это как раз, если смотреть на закат через ставок в направлении **цвынтаря** /кладбища/, раздался непривычный шмелиный гул. Там за ставком, над пригорком, темнела лесополоса, вдоль которой вилась полевая дорога на крупное село Максимовку. Солнце готовилось спрятаться за частокол лесопосадки, когда вдоль этой лесополосы возникла большая пыль, замеченная многими селянами, поглядывавшими за ставок в ожидании идущего с пастьбы стада. На горизонте потянулись в сторону Дыхановки мотоциклы с колясками, вслед за ними нырнули в балку несколько грузовиков.

"Нимци!" - единогласно выдохнули селяне, численностью человек 10-12, собравшиеся к вечеру перед правлением колхоза. Несколько мотоциклов вырулили из колонны и проскочили к кладбищу на толоку, остановились. Игрушечные фигурки людей походили, разминаясь и справляя нужду, затем сели в свои мотоциклы и умчались в сторону Ново-Миргородовки. Это была немецкая разведка, не удостоившая своим вниманием степной хуторок, хотя он и приготовился выкинуть белый флаг.

Но первое знакомство запорожцев с живыми фрицами произошло где-то через неделю. На следующий день кто-то из пробирающихся через хутор горожан сообщил, что немцы без всякого боя взяли Запорожье 4 октября.

Так началась двухлетняя немецкая оккупация. Правда, неизвестный миру хутор немецкие войска так за два года и не посетили. Вероятно, это было счастьем.

Условия жизни селян, и раньше перебивавшихся с кваса на воду, ещё более ухудшились, исчезли ранее привозимые из Запорожья необходимые промышленные товары, даже спички и керосин стали проблемой.

Вообще, немецкая оккупационная власть в дедовом отдельно взятом хуторе выражалась в наличии нескольких энтузиастов, сбежавших от отбывания воинской обязанности в разбежавшейся Красной Армии и "по зову души" ставших полицейями. Одного из таких мужиков, только-только поселившегося на хуторе, назначили старостой.

Настоящий же жандарм из Софиевки приезжал не реже раза в месяц. Когда он шел по сельской улице, украшенный всяким блестящим добром, в фуражке с кокардой и очень высокой тульей, увешанный пистолетами-пулемётами, даже смотреть на него было страшно. Однако пороли розгами хлопцев, повадившихся на общественный баштан, усердствующие полицейи, а немец-жандарм всего-то стоял рядом и громко смеялся, наблюдая порку.

- Воровайт некоршо! – поучал он ребятню и после десятка ударов сам останавливал ретивых полицаев.

Незаметно прошло два года. В страшной войне мы, хоть и помучились, но повернули дело к победе. Город наполнился ранеными, калеками. Вернулись уцелевшие фронтовики. Анна, как и старики, надеялась на чудо и ждала Георгия, но чуда не произошло. Дед Калистрат ещё в первые дни войны видел сон, – вроде бы у него коренной зуб выпал. Он тогда так и сказал:

– Значит так, мать... Георгия, чувствую, не стало... Налей чарочку вишнёвки! И себе плесни. Нет у нас теперь старшого...

Через год узнали, что старший сын пропал без вести. Но ещё в сорок третьем через хутор прошёл какой-то искалеченный войной мужик, так он, ночуя в хате у бабушки и дедушки, разговорился, шикарно подкрепившись салом и молоком, и оказалось, что он тоже чернофлотец и служил на **лидере** “Харьков”. “Харьков”, как и лидер “Москва”, на котором старшим радистом был Георгий, тоже лёгкий крейсер новейшей конструкции, их построили за три года до войны...

Так на третий день войны их направили громить Констанцу. Дошли. “Москва” вошла в бухту, чтобы бить прямой наводкой, но береговые батареи румын её не выпустили. “Москва” взорвалась и конец. А подбитый “Харьков” кое-как вернулся в Севастополь. И надежда, что Георгий жив, осталась. Может, прыгнул в воду и выплыл – плавал он превосходно...

На летние каникулы будущий прокурор-судья-защитник вновь понёсся домой. Постоянно искал встреч с Валюшей. Продолжалась долгая и драматическая агония любви. Сенька страшно ревновал. Бродил поздними вечерами чёрной тенью в тесной улочке возле её дома. Купил в «Медтехнике» и таскал в кармане пиджачка огромный, бритвенно-острый хирургический

нож, называемый **секатор**. Мог совершить любую глупость, но не подвернулся случай.

Но однажды ему повезло, и он увидел её в первом часу ночи, возвращающуюся со свидания. Подпирал плечом громадную старую акацию и был совершенно незаметен издали. Она буквально наткнулась на него и поняла, что выяснения отношений не избежать.

Вымученно улыбнулась и мягко взяла за руку. Вся его злость убралась в конуру. Рассказала, что встречается со студентом четвертого курса своего машиностроительного института. У него трофейный «Опель», подаренный папой, и ещё он очень любит музыку.

- Сеня, ты научил меня любить книги, и за это спасибо тебе. А он научил меня любить музыку. Прости, но ничего у нас уже никогда не будет. Я тебя не виню, так получилось. Забудь меня, пожалуйста!..

Она целомудренно чмокнула его в щёку, махнула прощально рукой и исчезла в арке своего дома навсегда. Да, такая жизнь...

В этой улочке они встречались с восьмого класса, здесь провели два замечательных лета – перед девятым и десятым. Вон узкий “карман” между двумя частными домиками, С трёх сторон деревянные заборы и несколько густых кустов. Там спокон веков стояла старая деревянная скамья, на которой все послевоенные годы оттачивала мастерство любви не одна влюблённая парочка. И Сенька с Валюшей, само собой, не теряли времени зря. До поздней ночи обжимались в гостеприимном тёмном углу. Их левые руки крепко прижимали партнеров, губы склеивались в непрерывном страстном поцелуе, а правые руки делали свою приятную работу ниже пояса.

При этом получилось, что до крайности дело так и не дошло. Страх перед возможной беременностью, перед испепеляющим осуждением окружающих и всего советского народа был

настолько велик, что Сенька с Валюшей так и не осмелились поступить, как требовали природа и молодость.

Хотя дела у них закрутились ещё в восьмом классе. Валюша как-то пришла домой к Сеньке по какому-то важному поводу. Может быть, например, взять учебник геометрии. И как раз у него дома никого не оказалось. Мама, конечно, на работе, а соседи по этажу тоже все в разгоне. И как приятная неожиданность – первый поцелуй!.. Нацеловались до опупения, а вечером продолжали уже в Дубовке...

Позапрошлым летом, после шестого, она побывала в пионерлагере и научилась нехитрому пионерскому **обжимону**. Спасибо, уцелела девчачья честь, что так дорога для настоящей пионерки, а с октября, в седьмом, уже и комсомолки.

После восьмого их с Сенькой половое воспитание, уставших от томления, фантазий и пустых ожиданий на протяжении всего учебного года, вначале не продолжилось, потому что проницательная мама отправила Валюшу на всё лето в село Каменку к тётке Клаве. Где уж и радости было всего-то, как говорится, гусей пасти, да корове хвост крутить... Но ссылка в Каменку закончилась в конце июля, а до школы так ещё полный жаркий август.

Когда наступил август их первого сладкого лета, то не только благословенный закуток меж двух домов спасал их, но часто молодята уходили в Дубовую Рощу, где можно было всласть пообжиматься, не боясь быть спугнутыми случайным прохожим.

И вот он, финиш... Семён опустил голову и, убитый горем, побрёл домой.

Он не раз измождённо прислонялся к тёплым старым акациям, вспоминая события последних двух лет.

А уж событий, хороших и неприятных прошло немало...

До окончания десятого оставалась пара месяцев. Но вдруг радио сообщило ужасную весть о болезни товарища Сталина.

Народ застыл в ужасе и горе. Несколько дней драматических ожиданий разрешились 5 марта. Генеральный секретарь ЦК КПСС, генералиссимус, кормчий, зодчий, корифей и отец народов Иосиф Виссарионович Сталин умер.

***Смерть Сталина спасла Россию... (СССР)...** Сенька услышал такие слова на Большом Базаре через несколько дней после похорон Иосифа Виссарионовича. Их обронил негромко грязный мужик, похожий на путевого обходчика. Он сказал их спокойно, даже не оглядываясь, как всегда. Потом они обошли весь Советский Союз. Кому первому они пришли в голову, неведомо. Возможно, они родились именно тогда на глазах у Сеньки на запорожском базаре. Но к этой формуле каждый советский человек шёл своим трудным путем.*

В те же дни у газетного киоска около кинотеатра «Комсомолец», когда продавец сообщила очереди граждан, что газета «Правда», которую они нервно хапали, закончилась, Сенька услышал печальное: «Правда кончилась, началась брехня»...

Тогда ещё он был под гипнозом тридцатилетней пропаганды и очень переживал. Что будет со страной? Сумеет ли Политбюро продолжить движение страны к коммунизму? Обеспечить победу коммунизма во всем мире? Победить прогнивший капитализм?..

На столе у Сеньки дома с неделю простояла открытка с портретом Сталина. Он жадно слушал репродуктор с траурными мелодиями и короткими информационными выпусками из Москвы. Слёзы наворачивались на глаза. Школы не занимались несколько дней. Пришла Валюшка, увидела Семёна чуть ли не зарёванным.

- Ты что это? – спросила тихо. – Всё будет хорошо. Мы с тобой молодые, и нам всё будет по силам. Не переживай. Когда умер Ленин, ничего же не случилось. Всегда в такой большой стране найдется умный человек, чтобы заменить любого

начальника, хоть директора школы, хоть генерального секретаря. Когда-нибудь таким человеком можешь стать и ты, если всё сложится...

Как ни странно, её тихие, спокойные слова открыли ему глаза на то, что, в сущности, произошла естественная штука, умер старый человек и этого не обойти. Но надо работать, каждому добросовестно делать своё дело во благо советского народа, и тогда страна «не заметит потери бойца»...

Через минуту, чтобы окончательно вылечить Сеньку, она обняла его и поцеловала. Жизнь возвратилась... Жизнь продолжалась!...

В конце марта Сеньке позвонил инструктор райкома комсомола и, задав несколько обычных вопросов о ходе вовлечения большинства старшеклассников в комсомол в ходе так называемого «сталинского призыва», вдруг перешел на темы усиления обороны страны «по понятным причинам». Он предложил срочно создать в школе кружок парашютистов для старшеклассников. Его не смутило даже то, что десятые классы должны вот-вот сдавать выпускные экзамены. Семён загорелся этим предложением. Уже на следующий день он собрал человек пятнадцать энтузиастов, доложил по телефону в райком, и вскоре к ним на первое занятие приехал инструктор парашютного спорта с аэродрома ДОСААФ в поселке Леваневского.

Одно плохо, Валюше не разрешила мама. Сенькина тоже бы упёрлась непреодолимо, но он вначале ей ничего не сказал, а когда надо было ехать ночью куда-то, то объяснил какой-то военно-спортивной тренировкой.

Прослушав пару лекций об устройстве парашютов, в начале апреля кружковцы уже начали выезжать на лётное поле в посёлок Леваневского. Дело это оказалось нелёгкое, так как надо было встать в три часа ночи и быстро выходить на ул.

Карла Либкнехта в условное место к зданию городского госбанка, где в 3.30 народ начинала собирать дежурная автомашина аэродрома. К 4.00 будущие парашютисты прибывали на летное поле. За одно занятие их обучили укладывать парашюты, потом они по несколько раз прыгнули с двухметрового помоста для разработки стоп, разов по пять для тренировки залезали на заднее место в стоявшем на лётном поле свободном от полетов По-2, а в следующее занятие начались прыжки с того же «Поликарпова». Лётное поле уже покрылось травой, стояла тёплая, почти майская погода, начали цвести сады, над ними и вокруг их пели какие-то птицы. В первый раз подростки прыгали в тихое, солнечное, удивительно мирное, прямо-таки праздничное утро.

И вот Сенькина очередь. Он залезает на второе сиденье (штурмана), и, как говорится, «контакт!». Взлетели легко, почти взмыли. Быстро набрали восемьсот, и вот машина уже в районе выброса. Пилот оборачивается и дает знак рукой. Сенька заученно вылезает на крыло, держась за борт левой рукой, поворачивается спиной и, чтобы не дожидаться позорного тычка пилота в спину, шустро прыгает в голубую бездну. Не успевает испугаться, как за спиной шелестит фал, выдерживающий вытяжной парашют. Всё. Сенька висит, поправляет лямки под бёдрами, осматривается. Тихий, прекрасный мир. Вдали привычно коптят нежное запорожское небо металлургические заводы, отчего в химическо-розовой дымке родной город как бы парит. Семён приземляется на пахоту, всё в порядке. Собирает парашют, оглядывается. К нему едет машина, чтобы подвезти к месту расположения группы.

Через пару дней прыгнули ещё по разу. На этом замечательные курсы закончены по причине неотвратимо надвигающихся экзаменов. Впрочем, одна девочка, Лариса Лагозина из параллельного, закрепилась в коллективе

настоящих парашютистов и через пару лет стала мастером спорта по парашютизму. Ребята долго ждали обещанных удостоверений, но начальство ограничилось выдачей им простых значков «Парашютиста».

Между прочим, кружковцы прыгали охотно, в радость, и ни один из них не испугался. Но вот в день, когда прыгали вторично, на другом «кукурузнике» бросали по разочку ребят, которых военкомат направлял в десантные войска. Так одного парня вывезли на восемьсот метров, он кое-как вылез на крыло, но прыгнуть так и не смог. Пилот и материл его, и толкал в спину, но всё напрасно. И пилот привёз его, зарёванного, на крыле. Конечно, пацана в десантники не взяли. Выходит, не ко всему человека можно принудить...

Перед самыми экзаменами не стало мамы у Лоры Киприян. Молодая, ей не было и сорока, она умерла от сердечного приступа во сне. Весь класс пошёл на похороны. Киприяны жили в очаровательном двухэтажном домике за трампарком, у Красной Воды, в том месте, где Сенька с мамой несколько месяцев снимали жилье в 1947-м году. Недавно построенный дом утопал в цветах и деревьях. Гроб усыпан живыми цветами.

Тогда принято было медленно, под оркестр, вести процессию через весь город, по главной улице. Сенька тоже, по очереди с парнями-одноклассниками, часто нёс то венок, то портрет... Устали, но часам к трём подошли к воротам кладбища. Народу набралось человек пятьдесят, если не больше. Во время прощания Сенька отошел в сторону и стал медленно ходить между могил, читая вылинявшие на солнце бранные надписи. Казалось, что он понял здесь философическое спокойствие Гамлета, - действительно, вся наша жизнь пуста и тщетна. Семён ни с того, ни с сего стал нервно смеяться. Хотя и негромко, но Борька Калмыков, один из Ларисиних друзей, усёк безобразие и, быстро подойдя, крепко встряхнул Семёна.

- Повредился, что ли? Или в морду дать?..

- Извини, Борис, - ответил тот, повернулся и медленно пошел с кладбища. Его нагнала Валечка.

- Что с тобой? – спросила и обняла за плечи. Хандра вдруг прошла, и ему стало легче и теплее на душе. Они ушли сами, не дожидаясь конца церемонии и автобусов, и вскоре добрались до ближайшей трамвайной остановки...

И вот, наконец, выпускные экзамены. Главный - сочинение по русской литературе. Семён выбирает «общую» тему о декабристах, которые «разбудили Россию». Потом несколько других экзаменов, и остается ждать решения горОНО. Приходит решение. Медали у Раи Рудзевич, у Софы Габрилович, у Вали Деннис и у Семёна. У Валюши Деннис – золотая. У него – серебро. Четверка по сочинению. Его классная Елена Сергеевна в трансе, к чему придралось горОНО, ведь школа выпустила Сенькино сочинение с пятёркой. Оказалось, стилисты из горОНО посчитали, что сказать «декабристы отваживались критиковать царский строй» будет не по-русски. Им знаком глагол «отваживать» (отучать от чего-либо), но неизвестен глагол «отваживаться»... И за что тогда даётся медаль “За отвагу”? Ну да ладно, против ветра не плюют... Что-то не получилось и у Ёни Пинкера. Да, впрочем, все понимали, что именно не получилось у него, умнейшего паренька, восемнадцать лет тому назад...

Перед выпускным едва ли не каждый день по вечерам гуляли с Валюшкой по весеннему городу, болтали, уединялись где-нибудь в малолюдном месте на скамейке и целовались, целовались...

Как-то, сидя тёплым вечерком под тенистыми акациями в сквере площади Свободы, не заметили, как к ним подвалил небритый **смурной** мужик. Тогда уже партия, боясь неконтролируемой благодарности народа, начала по амнистии

выпускать зэков из лагерей и тюрем. Понятно, что до политических вначале руки не дошли, возражал Лавретий Павлович, а уголовщина, как классово близкая, попёрла на свободу...

И вот такой прохвост навис над обнявшейся парочкой. Сильно, выворачивая, схватил Сеньку за левую руку и прохрипел:

– **Котлы** сымай, сука!

Но не найдя часов на хилой ручке маменькиного сынка, брезгливо харкнул и сплюнул туберкулёзную **харкотню** себе под ноги, едва не обгадив новые брюки Семёна.

Валюша возмущённо подняла на него ясные комсомольские очи:

– Что вы себе позволяете, гражданин?..

Гражданин икнул и не остался в долгу.

– А ты, проблядь, молчи, а не то морду подремонтирую. Поняла?

И, ожёвши напуганных комсомольцев ненавидящим взглядом, неспешно удалился в сторону кинотеатра.

Оторопевшие ребята сидели, оцепенев, как оплётанные. Потом оклемались и стали разбирать данный случай.

Часы в тот вечер на руке у Сеньки были. Мама дала ему пофрантить свою премиальную “Звезду”, вызывавшую зависть всей бухгалтерии. Но Семён по привычке соригинальничал и одел их на правую руку...

Гремит выпускной бал. Директор школы милейший Пётр Михайлович Неприступенко поздравляет выпускников. Им вручают аттестаты зрелости, а медалистам обещают выдать медали в ближайшие дни. Принаряженные счастливицы танцуют с учителями и друг с другом. Семён упорно не отходит от Валюши. У неё замечательное платье из розового поплина. Им хорошо вдвоем. Но вокруг много людей. И они нагло уединяются в первом попавшемся тёмном пустом классе и долго

целуются, как будто в первый раз.

Застолье. Сенькиной и Валиной мам за столом нет. Они у них скромняги, а таких в школу не затанешь. Ну и ладно. На столе много всякой всячины и шампанское, шампанское... Сашка Каракуля, Борька Калмыков и Толик Белгородский уходят в неосвещённый двор за туалет раздавить по-взрослому бутылку водяры и покурить. Приходят «косые». Стыдоба! Сенька и Ёня почти на уровне, хотя и им ударило в головы непривычное “Советское шампанское”.

На рассвете, как водится, когда разошлись подобревшие родители, народ устремился гулять по городу.

Широкой шеренгой прошли, галдя и оря, по Карла Либкнехта, добрались до площади Свободы, свернули налево, вниз в сторону Дубовой Роци. Некоторые разбились на сложившиеся за последние два года пары. Мальчики набрасывают на плечи девочек пиджаки, ведь к утру посвежело. Но мальчиков раз-два и обчёлся, а девочек в три раза больше... Свободные девочки идут по-двое, по-трое, тесно прижимаясь друг к дружке. Свобода!

В устье Московки причал лодок. Дальше уже берег Днепра. Примитивные причалы, место, откуда лодками запорожцы обычно переправляются на остров Хортицу, где наиболее чистые пляжи. Дальше берег практически свободен, там, ограничивая фарватер, метрах в пятидесяти от кромки берега, лениво покачивается красный бакен. Небольшой деревянный причал. Сама собой возникает идея окунуться, сплавать к бакену и обратно.

Пять подвыпивших пацанов готовы покрасоваться перед девочками. Семён плавать не умеет, но отказаться не может, засмеют. Валюша тихо пытается его отговорить. Но отступить невозможно. Под хихиканье девчонок красавцы стягивают штаны и довольно дружно прыгают в воду, держа курс на бакен. Метров через пять Семён уверенно уходит под

воду. В это время Витёк Петров случайно оборачивается и усекает, что Сеньки в составе группы заплыва уже нет. Он быстро все просчитывает, ныряет по направлению к берегу и, невероятно, но факт, натывается на Сеньку под водой. Отбуксировывает его к берегу, тихонько матеря за то, что не сказал ему в свое время, что плавает по-топориному. Им навстречу легко и красиво плывёт Валечка, успевшая скинуть розовое выпускное платье и кинуться на помощь. Но Семён волнующей сцены спасения на водах не видит, так как без сознания. Рассказывали, что Витька перекинул неудачника через коленку (и от кого только он всему этому научился?!) и стал вытряхивать из его непутевого организма лишнюю воду. Через минуту Сенька, чертыхаясь и отплываясь, уже пытался встать на ноги...

Долго сидел под дубом, отходя от страха, пока не успокоились нервы. Понял, что мог запросто утонуть. Валюшка переживала, что не участвовала в заплыве и не она спасла Сеньку. Ёня Пинкер только горестно качал кудрявой головой.

И вспомнился случай из детства. День Победы. Всполошился весь город. Целый день стрельба из автоматов, вечером много народу на главной улице, снова переименованной из мерзкой Гитлер-штрассе на Карла Либкнехта... И началась долгожданная мирная советская жизнь.

По воскресеньям главное развлечение в городе – прогулки по «толчку» или «туче», огромному вещевому рынку, расположившемуся на территории Малого Базара.

Чего там только нет! Пережившие войну жители города должны ещё одолеть голодные послевоенные годы и поэтому продают всё, что нельзя съесть, - одежду, обувь, пластинки, самовары, гвозди, любую довоенную мелочь вплоть до расчески. Удивительно, но находятся и покупатели.

Вот кучка любопытных окружила сидящего на табуретке бородатого старика, перед которым складной столик,

увенчанный широким деревянным ящиком, наполненным бумажными конвертиками. В каждом – предсказание судьбы. Дрессированная мышка вытаскивает желающим «судьбу». Плата – копеечная, поэтому стоит небольшая очередь. Да и людям важно узнать свою судьбу в такие непредсказуемые годы. Мама протискивается с Сенькой к старику, крепко прижимая к груди ридикюльчик с денежками. Старик вопросительно поднимает глаза в дремучих зарослях седых бровей. Мама, кивая на Сеньку, просит погадать на сына, протягивает деньги. Тихая команда, и мышка вытаскивает конвертик. Мать читает вслух. «Если не утонете в 18 лет, то проживете не менее 87 лет...». Почему-то пророчество запомнилось...

На выходе из «тучи» небольшая православная церковь, открытая в прошлом году. Мама, оглянувшись, нет ли знакомых, быстренько перекрестилась. При немцах была только кирха не нашей веры, дверями на восток, в здании кинотеатра имени Ленина на площади Свободы. Наши пришли, кирху закрыли, вернув народу храм культуры – кинотеатр, но разрешили открыть церквушку на Малом Базаре...

Похоже, что пророчество, когда-то вытащенное ему мышкой на Малом Базаре, удивительно сбывается, ведь сегодня как раз восемнадцать лет!.. Спасибо, Виктору, он спас Семёну жизнь! И остался Сенька перед другом в неоплатном долгу...

Правда, никто над ним не посмеялся, потому что все изрядно перетрусили. Просохли и пошли гулять по Дубовке. Солнце быстро согрело ребят, а приключение напомнило, что хорошо бы поесть. Жаль, что постеснялись взять еду с богатого праздничного стола, поэтому вскоре медленно разошлись по домам, условившись встретиться послезавтра в школе...

Мама была патологически мудра, она боялась оставить

Семёна с Валюшей после экзаменов одних, она уже два года как ужасно боялась прозаической развязки их любви.

Поэтому она выбила сыну в профкоме путевку в уже известный ему не единожды дом отдыха речников в Цюрупинске (Олешках) под Херсоном. Хорошо ещё, что ей отпуска не дали и она отпустила сынулю самого. Поплыл он в Херсон, как и было заведено, рейсовым двухпалубным пароходом и через день уже добрался до места.

Тихо шлёпают по воде шлицы пароходных гребных колёс. Благодать и тишь. И ещё невиданно прекрасный закат на Днепре. Тихий вечер. Семён стоит на нижней палубе ближе к носу судна. В каюте неинтересные попутчики и он часами смотрит, как речной броненосец рассекает тугую, словно желе, тёплую массу вод. Настроение глубоко философское. В полдень причаливали в Каменке, и на борт погрузили, установив на корме, гроб с двенадцатилетней девочкой, умершей от менингита.

Палуба безлюдна. Народу нет. Кто в ресторане, что ещё не для Сеньки, кто в буфете пьет пиво, кто дрыхнет в каюте... Но вот выходит высокий старик с густой окладистой белой бородой. Знакомится, по-русски окая. Оказывается, старый 85-летний учитель химии из Днепропетровска... Едет, как он говорит, в последнюю поездку к родным в Херсон. Что означает «последняя», учитывая суетность человеческой жизни, Семёну понятно. Разговорились. Обо всем.

Сначала дед очень осторожен. Кем будешь? Кто родители? Куда поплывешь?.. Потом разгорячился. Сокрушается, что из вас, молодых, получится... Сенька и выложил ему свою тревогу в связи со смертью Иосифа Виссарионовича. Дедуган усмехнулся. Сказал, что повторить Октябрьский переворот никому не сможет. Он не сказал «Великая Октябрьская Социалистическая Революция», а именно «Октябрьский переворот». Семён не побежал к капитану, и это придало

старику смелости. Он стал говорить о том, что в реальной истории нашей родины всё было несколько иначе, чем пишут в учебниках.

Дед рассказал, как раскулачили его семью в 30-е годы, убедил Сеньку, что и его дедуля Калистрат (он рассказал учителю про деда), которого загнали в колхоз в то же время, потерял всё. Короче, Семён слушал бородача до поздней ночи, а говорил дед вовсе не о химии... Сенькино мировоззрение испытывалось на прочность и, признаться, дало течь.

В Херсоне Сеня привычно пересел на речной трамвай и уже через час регистрировался в доме отдыха в Цюрупинске, до революции любимые многими Олешки.

Вечера в таких домах отдыха проходили в топтании на танцплощадке. Весь вечер, в промежутках между изысканными комплиментами, партнёры проводили в непрестанной борьбе с комарами, для чего у каждой девушки и мужчины в руках мельтешили ветки, обломанные с ближайших пыльных кустов жёлтой акации. Употреблялось два танца – быстрый типа «Рио-Рита» или ещё «Саша, ты помнишь наши встречи...» и медленный в форме всевозможных танго. Ну, там “Сердце моё” или “Брызги шампанского”. Мужики предпочитали медленный, потому что можно было проверить «товар» наощупь. Девушки и дамы хотели бы попрыгать, соблюдая дистанцию и сохраняя хотя бы на полвечера независимость. Девушек и женщин, как всегда, было раза в три больше, чем кавалеров.

Самое удивительное, что на первый же «белый» танец Сеньку пригласила какая-то бойкая девчонка, оказавшаяся Таней из Полтавы. С ней произошла история, как и у Семёна. Она тоже только что закончила среднюю школу, и родители отправили её со старшей сестрой, студенткой теперь уже третьего курса Днепропетровского университета, в дом отдыха в Цюрупинск в качестве поощрения за школьные труды. Как-то так

получилось, что Сенька провел вместе с ней остаток вечера. Сестра им не мешала, так как сама крутила любовь с каким-то амбалом, и, по словам Тани, торопилась использовать предоставленную свободу на полную катушку...

Простились Сенька с Таней перед отбоем крепким поцелуем. Вышло так, что в основном отдыхающие были крепко взрослыми трудягами, и она скучала без ровесников. А тут – он! Ни тебе конкуренции, ни рыцарских турниров...

На следующий день он с Танькой с утра после завтрака сбежали на протоки Конки, за рубль переправились лодкой на другой берег, где затерялись в настоящих джунглях из камыша и вербы. Купались, загорали на казённом одеяле. Обед пропустили, но было не до обеда. Танечка была такая загорелая, с длинными русыми волосами, с красивой, точёной, гимнастической фигуркой. Полное отсутствие людей и ощущение необитаемого острова быстро довели их до логического конца. Сенька, наконец, стал мужчиной, а Татьяна вроде бы в науке не нуждалась. Она была изобретательной учительницей, а он упоённым учёбой учеником. Труден первый шаг. Дальше – безоглядное поглощение друг друга...

Так продолжалось дней десять, а затем вдруг вспомнилось, что Таня завтра уезжает, её путевка началась на пару недель раньше Сенькиного заезда. Расставание было горьким и печальным. Особенно поразила Сеньку ее взрослая трезвость и практичность. На легкомысленное предложение переписываться и, быть может, потом как-то встретиться, она ответила ясным отказом.

- Зачем? У меня есть парень, и я хочу быть с ним дальше... У тебя ведь тоже девушка... Нам было хорошо?... Так запомни наши дни и вечера и, прости - прощай!..

Танькины слова показались ему бесстыдным, кощунственным цинизмом. Как, после такой страсти, после десяти суток немислимой солнечной вспышки их неподдельной африканской

страсти, и – забыть друг друга?!

Назавтра она уехала первым речным трамваем. Велела не провожать, чтобы не ржала сестра...

Семён несколько дней ходил и переживал. С одной стороны, он тосковал по Танькиному горячему телу, а с другой стороны, в нём постепенно стало просыпаться чувство вины перед Валюшей. Чувство, которое крепко спало предыдущие позорные дни. Выходит, он ей, скотина, так подло изменил!.. В конце концов, он решил написать Вале письмо и всё объяснить.

Дело молодое, сел и написал. Мол, встретил здесь интересную девушку и поступил по-свински. Сказал, что теперь, наверное, их отношениям и планам конец. Извини, так получилось...

Решительно бросил письмо в почтовый ящик, а уже на следующее утро хоть ящик ломай. Сенька понял, что писать покаянную исповедь ни при каких обстоятельствах было не надо. Но птичка улетела.

Через пару недель он вернулся домой. Сразу же побежал поговорить с Валюшей. Еще оставалась призрачная надежда, что письмо затерялось и не дошло, или вдруг ещё какой неожиданно благоприятный оборот дела. Валя вышла на его стук в знакомую дверь, и Семён понял без переводчика, что между ними всё кончено. Не сходя с порога, сказала, что письмо получила и очень за него рада. Заплакала.

Сенька стал чего-то врать, оправдываться, но всё получалось так ненатурально и неубедительно, что самому стало противно. Он повернулся и ушел.

А в понедельник уехал автобусом в Днепропетровский горный институт имени Артема (Сергеева). На следующий день, как медалиста, его зачислили на горный факультет. Он ткнулся было на геолого-разведочный, но там уже всё было забито. Если

бы он не ездил в дом отдыха, а сразу поехал поступать, то, конечно, зачислился бы, куда хотел. Вообще-то Семён хотел на гуманитарный профиль в какой-нибудь университет, но приключение в Цюрупинске сбilo его с толку. Ему стало всё равно, куда поступать. Мама посоветовала в Горный. Мол, дело будет в руках. Ну, ладно. Дело так дело. Плевать на всё. Мир стал принципиально не мил.

В Горном институте учеба шла тошнотворно. Интеграл – дифференциал, физика - химия, минералогия - гидрогеология... Жить стал в общежитии рядом с институтом. В комнате четверо. Наш кореец из Ташкента Рево Тян, демобилизованный отец-одиночка Костя Костенко и ещё какой-то хмырь. Вскоре выяснилось, что у Рево Тяна сестру зовут Люция, а Костя разошёлся со своей дрянью и забрал годовалого сына, которым теперь занималась не только Сенькина комната, а и пол-общежития...

По вечерам Сенька умирал от скуки и тоски по Валюше. Чтобы развеяться, записался на курсы бальных танцев в студенческом Доме культуры. Вальс, кадрили, полька, па-де-катр, па-д-эспань... Как ещё его бабушка в детстве певала: «Па-д-эспанец хорошенький танец, он танцуется очень легко...». Но на контакты с девушками из соседнего Мединститута, а эти классные девчонки были необычайно популярны в Горном, идти не спешил. На душе было тошно. Не понимал ребят, каждый вечер стремглав бежавших в прибрежный парк им. Шевченко на «танкодром».

Раз в две недели ездил домой в Запорожье. Или автобусом, или пригородными поездами через Синельниково. Валюша встречаться с ним не хотела. Но он как-то разузнал, что она успешно поступила в Запорожский машиностроительный институт. Ага, раз в институте, то, значит, встречается с кем-нибудь из студентов. Возникла дикая ревность...

Однажды в Днепропетровске он поехал трамваем в Институт инженеров железнодорожного транспорта (ДИИТ), где училась их «золотая» Валюша Деннис. Сенька не виделся с ней с выпускного. Попили чаю. Гость принёс бутылку шампанского. Посплетничали. Она очень удивилась его с Валей разрыву. Сказала, что они - дураки. Надо быть выше случайных невзгод и обстоятельств... Легко сказать! Правда, и у неё самой всё школьное отлетело, как пыль. Её мальчик уехал, кажется, в Ленинград и даже, негодяй, не пишет...

Конечно, она не стала говорить Сеньке, сколько у неё самой личных проблем и сожалений ... Зачем Семёну чужие хлопоты?..

После зимней сессии в Днепропетровском горном Сенька поехал домой на пару недель, но так и не повидался с Валей. Его надежды на какое-то счастливое восстановление отношений не оправдались. Похоже, окончательный разлад с Валюшкой состоялся...

Кое-как ещё пару-тройку месяцев ходил в Горный. А в мае бросил ДГИ имени Артема (Сергеева) окончательно и забрал документы...

Всё лето провалялся на запорожских пляжах, в основном, на Хортице. Валюша уехала из города, лишив его возможности искать с ней встреч. И спасибо ей за это, так как Сенька был зол на весь белый свет и мог бы наделать глупостей...

В июле подался в Москву, решив поступать в МГУ. На Моховой сдал документы на экономический и получил на две недели место в общежитии на Стромынке. Собеседование на экономический факультет прошло вроде бы неплохо, он ответил на все хитрые вопросы, но через неделю увидел себя в списке не прошедших собеседование. У доски объявлений же Сенька познакомился с двумя москвичками - Ритой Аросевой и Галей Хлопониной. Они тоже поступали на экономический, но срезались после первого же экзамена по математике.

Семён решил ещё раз попытать счастья и пройти собеседование на юридическом факультете, а его новые знакомые девчонки побежали в Московский финансовый институт, чтобы успеть попробовать пробиться там. Как ни удивительно, Сенька легко одолел собеседование на юрфаке и уже через неделю получил на руки бумажку о зачислении. Лишь потом, приступив к учёбе, подумав и пообтёршись с будущими коллегами, он понял, – победа была иллюзорной. На экономический набирали группу в 25 человек, а на юридический, с учетом заочного отделения, две тысячи...

До начала первого семестра ещё оставалось дней десять, так что Сенька съездил на недельку в Запорожье, обрадовал маман, собрал вещи, счастливая мама снабдила на первое время деньгами, и он укатил в столицу штурмовать третий Рим.

На первые две недели **салаг** поселили в общежитии бывшего Всесоюзного заочного юридического института в Бабушкине (бывший Лосиноостровск), в двадцати минутах электричкой от Москвы. Старый двухэтажный бревенчатый барак, набитый тараканами и столетним смрадом. Дикие пьянки счастливых первокурсников со всего СССР.

Сентябрь, первые дни занятий в Москве. Группа подобралась интересная. Появились новые друзья. Виктор Месяцев, Олежка Горбуновский, Сашка Решоткин, Вадька Остапенко... Уважаемые учебные дисциплины – латынь, основы государства и права, марксизм-ленинизм, судебная статистика...

Наконец, дали место в общежитии на **Стромынке**, на берегу **Яузы**.

Между прочим, когда-то в этом четырёхугольном корпусе располагались кельи местного монастыря. Да и меблировка там соответствовала нижнему пределу скромности – самая простая, почти монастырская: кровати, столы, стулья, тумбочки, этажерки, платяные шкафы. На этажах общие кухни и туалеты с умывальниками.

Скромен был тогда и студенческий гардероб, они

носили-донашивали-перенашивали "семисезонные" одежды, зачастую перешитые из трофейных тряпок.

Как правило, студенты покупали в театры самые дешевые билеты. Билеты, на которых стоял честный штамп: "Галерка, неудобно". Галерка, галерка!.. Входя в театры, Сенька до сих пор оглядывается на неё - именно с галерки смотрел-слушал он первую в свой жизни оперетту "Цыганский барон".

Нравы на Стромынке были самые бурсацкие. В комнатах по восемь – – десять – четырнадцать человек, туалет и умывальник в коридоре, тошнотворно-жлобская вахта на входе, – никого не водить, ни с кем не блудить. Тем не менее, на лестничный марш четвертого этажа, ведущий на чердак, существовала жесткая очередь. Семён вначале попробовал усердно учиться, но делать это в людной комнате в обществе вечно пьяных студюзи оказалось невыносимым. Надо было быть, как все, или снимать угол в частном порядке.

Девушек специально не искал, но иногда приключения были. Запомнился комический случай. Разговорился с одной первокурсницей из параллельной группы своего курса (было, кажется, шесть групп по 25 человек на очном отделении). Назовём условно Дарьей, поскольку она была очень полная, с розовыми щечками, ну просто кустодиевская купчиха или дочь купчихи. Слово по слову, пошли с ней вечером уединяться на четвертый этаж, право на который Сенька выторговал у кого-то за бутылку водки, взяли суконное одеяло, бутылку портвейна и пяток яблок. Болтали до глубокой ночи, но Сеньке далеко продвинуться не удалось. Конечно, до пояса купеческое дитё обнажилось, но дальше – ни-ни!..

У Дарьи оказалась тяжёлая крестьянская грудь с крупными твёрдыми сосками. Сенька гладил добро, достойное ВДНХ, а девчонка от удовольствия просто мычала, как та высокоудойная в павильоне "Животноводство". На его более смелые поползновения

отвечала, что ещё девушка и мама не велит. Он же убеждал её, с учётом своего якобы богатого опыта, что где теперь девушек найдешь. Дарья объяснила ему, что есть верный признак девичества, - если хорошо помять груди, то непременно обнаружишь маленькую как бы фасолинку или вишнёвую косточку. Если эта штука есть, то какие могут быть сомнения, а соответственно и притязания!..

Скажем только, что до утра старательно мял Семён сей Дарье её внушительное молочное хозяйство, а она благодарно мурлыкала. Что он, лопух, ни делал, но вишнёвой косточки не находил. На его сомнения Дарья скромно отвечала, что Семён, видно, ленится хорошо поискать...

Когда Сенька по неосторожности рассказал эту бль в своей комнате, хлопцы долго гоготали. Оказалось, что через проверку вишнёвой косточкой прошла половина его приятелей, но никто не мог похвастаться тем, что завоевал Дарью по-настоящему...

Тоска по Валюше. Первая сессия и – бегом в Запорожье к ней...Но успеха на сердечном фронте никакого. Валя уклонилась от ненужных встреч и занудных разговоров. Семён всё никак не мог признать непоправимость их разрыва, упрямо добиваясь реставрации разбитого горшка...

Зимой на обратном пути в Москву произошел поучительный случай. Часов в девять утра Сенька собрался ехать на **Южный вокзал**, попрощался с мамулей и влез в переполненный трамвай № 1 на заднюю площадку второго вагона, поскольку с ним был средних размеров тяжеленный чемодан и сумка с сухим пайком. Семён был в костюмчике, застегнутом на все пуговицы, и в совершенно нестигаемом плаще из прорезиненной грубой ткани, тоже наглухо задраенным.

В числе пассажиров задней площадки грубо расталкивала мужиков молодая разбитная девица в пальто, накинутом едва ли не на голое тело, во всяком случае, верхняя пуговица была то ли

растянута, то ли оторвана, и в глубоком декольте ее крупные дыни бесстыдно выглядывали из распах. Через какое-то время девица, растолкав таки нахальных мужиков, оказалась с Сенькой нос к носу. Он вообще-то ещё сохранял довольно наивности и стыдливости. Воспитанный на уважении к женщине, Сенька автоматически постарался отвести взгляд от её прелестей, чтобы не поставить девушку в неловкую ситуацию.

- **Чё устался, бесстыжий?** – вдруг возмущенно и довольно громко заявила девица, как бы отталкиваясь от него руками. Семён, наверное, зарделся от стыда и возмущения, и сделал всё, чтобы отстраниться от кусочей шалавы, и ещё старательнее отвернулся, боясь быть прилюдно обвиненным в нездоровом интересе к её роскошным прелестям.

Вот и вокзал. Толпа вывалилась на асфальт, и все рванули, кому куда. Сенька пошел прямо на перрон, так как на его поезд уже шла посадка. Расстегнув последовательно пуговицы и пояс плаща, а потом пуговицы пиджака, Сенька полез во внутренний карман за бумажником, где были все документы, деньги и билет. Сердце опустилось до уровня **тухеса**, поскольку карман оказался пуст. Отойдя в сторонку, он осмотрелся и понял, что у него, будущего юридического светила, банально вырезали карман. Пока он старательно отстранялся от вульгарной красотки, чья-то рука поработала лезвием, а когда Сенька вышел из трамвая, его бумажник карманники подобрали на полу вагона. Семёна душил стыд и бессильная злоба. Он живо представил себе, как хохочут сейчас недотрога и её дружки. Да и что делать, пропали деньги, паспорт и билет. Только чтобы новый билет взять, надо потратить неделю, а уж паспорт менять, так лучше и не жить на белом свете.

Семён присел на скамью у стены вокзала, на душе было горько и мерзко. Вдруг он ощутил какое-то неудобство в области селезёнки. Изучив обстоятельство, наткнулся на свой бумажник! Оказывается, портмоне упало внутрь подкладки, а не наружу, как

предполагали злоумышленники. Ура! Сенька побежал к своему вагону и ещё успел погрузиться в поезд...

От перегрузки нервов у Семёна стали появляться острые боли в сердце. При любой, даже символической нагрузке. Но чтобы вылечить его кровоточащее сердце, обычные лекарства не годились. Убивало то, что он, Телец, не добился своего...

Сентябрь. Вновь на юрфаке. Второй курс. Жить становится тяжелее. Если в прошлом году можно было зайти в столовку на Моховой, взять стакан чаю и вволю наесться бесплатного хлеба с общей хлебницы, щедро посыпая его дармовой солью, то теперь надо пробивать в кассу и покупать столько ломтиков, сколько позволяет кошелек студента. Соль, правда, пока еще бесплатная.

На днях в столовке на Стромынке прошла забастовка. Качество блюд стало ужасным. Воруют повара просто бессовестно. Два дня студенты в столовку не ходили. Наконец, встревоженное начальство **общепита** пришло само и созвало собрание забастовщиков. Мерзавца шеф-повара обещали лишить премии и установить жесткий контроль...

После комсомольского собрания группы будущие юристы пошли всем коллективом в церковь. Почему-то захотелось сменить пластинку. Выбрали Богоявленский собор в Елохове. Полчаса до метро «Бауманская», и ребята в божьем доме. В нём всё так величественно и торжественно. Посетителей просветили, что в 1948-м году собор реставрировали, его потолочные и настенные росписи восстанавливали такие известные советские художники, как Иогансон и Герасимов, в хоре поют по большим православным праздникам Михайлов и Козловский. Множество икон представляет собой огромную художественную ценность.

Сначала комсомольцы просто тихонько обошли огромный храм, разбредясь, как овцы, по залу. Потом каждый увлекся каким-нибудь фрагментом оформления, иконой и **тэпэ**. Сеньке

понравилась в правой половине икона Богородицы с младенцем. Лицо с выражением выплаканной печали взяло за душу. Студенты вышли тогда из храма какие-то притихшие, задумавшиеся над чем-то величественным и вечным. Их проблемы, о которых кричали на комсомольском собрании, в раз потускнели и показались ничтожными. Но им всем было едва по двадцать, и они даже в тяжёлом сне не могли представить себе, что можно прекрасно жить без атеизма, коммунизма и вообще марксизма... Как, впрочем, и без религиозных догм.

В конце первого семестра их всех, как будущих правоведов, записали в «бригадмил». Бригады содействия милиции партия создала для наведения порядка среди вконец распоясавшихся трудящихся. Их группу приписали к 17-му отделению милиции, что располагалось в парке Горького. За всю зиму Семён разов пять-шесть продежурил в 17-м о/м. Там тогда практически ежедневно работали прекрасные катки, был залит льдом весь немалый парк. Бригадмилыцы могли «по службе» бесплатно кататься до упаду, для чего одна из раздевалок выдавала им бесплатно коньки. На каток в парк Горького приходил весь центр Москвы, там булькала жизнь, кипела любовь, сталкивались животные страсти. Бригадмилыцы умиряли буйных, восхищались красивыми девушками, впитывали любопытными провинциальными ушами московский говор.

Как-то их трое шло с дежурства по боковой аллейке, тоже залитой льдом. Раздался истошный крик. Все побежали на крик, побежал сломя голову и Семён. Когда подбежали, увидели, что двое парней стаскивают дорогие коньки вместе с забугорными ботинками с орущей девчонки. Завидя бригадмилыцев, один убежал, другого будущие прокуроры отволокли в отделение...

В феврале произошло грандиозное для юрфаковцев событие. После критики Хрущевым сталинских излишеств в архитектуре

начали строить экспериментальный район Москвы, названный **Новые Черёмушки**. Один из первых пятиэтажных так называемых блочных домов отдали юрфаку под общагу. Новая общага в Черемушках народу понравилась. Заселили их по-царски – по четыре **кадра** на комнату, жить было можно. Даже на каждый этаж дали в красный уголок по телевизору, что было вообще для многих техническим откровением. Каждый вечер толпа человек по тридцать пыталась втиснуться в тесную комнатку красного уголка, чтобы чего-нибудь увидеть на небольшом экране. По субботам – танцы на первом этаже в холле под радиолу.

Общежитие, спасибо партии и правительству, было смешанным. В одном крыле Г-образного здания жили парни, в другом – девчонки. Кухня, гладильня и комнатка дежурной располагались на стыке **крыльев** и были общими. В уютной комнате на 4-м этаже проживали кроме Семёна еще Валька Решоткин, Ольгерд Кутафьин и какой-то старый тридцатилетний хрыч пролетарского облика и потрёпанности, откликавшийся на прозвище Пролетарий. В соседней комнате пребывали Лешка Рарин, Олежка Горбуновский, Вадыка Остапенко (он же Остапёныч) и кто-то там еще, лохматый и очкастый, понятно, с кликухой Очкарик, который сутками шептал английские слова, сверяя произношение по истрёпанному толстому словарю, и прослушивал мировой эфир на своем всеволновом трофейном **«Телефункене»**, коему не было цены, так как он брал короткие волны в 13, 16 и 19 метров, те, что практически не поддавались глушению. В Союзе с 1950-го года все радиоприемники, в целях охраны духовного облика строителей коммунизма от тлетворного влияния империализма, согласно ГОСТу выпускались без этих диапазонов, самый короткий был стерильный в 25 метров...

Второкурсники недурно вместе проводили время, по очереди собираясь то в Семёновой, то в соседней комнате. Играли в дурачка с битьем глупого носа картами, играли в «коробочку»,

пили водочку, приводили самостоятельных девочек. Образовалась как бы гвардия 4-го этажа. Правда, один из будущих прокуроров, Ольгерд Кутафьин, водку не пил и в оргиях не участвовал. Он до глубокой ночи, кляня однокурсников за шум и сквернословие, долбил зачем-то венгерский язык и историю государства и права. Острословы высказывали предположение, что он готовится после юрфака напроситься в Венгрию генеральным прокурором. Кутафьин лениво огрызался...

Самое время рассказать одну смешную историю. От нечего делать, молодые мустанги по вечерам непрерывно друг друга разыгрывали. Разумеется, розыгрыши делались "на бутылку". Кого подловили, тот должен был сбежать в магазин и за свой счет притащить поллитру или две.

Сеня постоянно таскал на лацкане пиджачка свой любимый тёмносиний значок парашютиста, которым очень гордился. Однажды Валька Решоткин, а это был очень остроумный молодой 22-х летний отставной офицер (он откровенно говаривал, что, не желая служить нашему военному молоху, изобразил порок сердца и комиссовался, дабы защищать Отечество изнутри, а не снаружи) прицепился к Семёну, утверждая, что тот никакой ни парашютист, а самозванец. Сенька, естественно, возмутился.

– А чё возмущаться? – рассуждал Валентин. – Давай мыслить по-правовому. Если ты действительно прыгал с парашютом, то у тебя должен быть документ, удостоверяющий этот факт. Раз документа нет, значит, **заправляешь...**

- Не заправляю, - лениво огрызался Сенька, не сомневаясь в своей правоте. Ведь такой значок парашютиста в киоске не купить...

- Ладно, тогда мы всё выясним путем запроса. Кто окажется неправ, тот поставит литр «Московской».

И он не поленился направить запрос в Запорожский аэроклуб якобы от имени первичной профсоюзной организации первого курса юрфака МГУ. Самое удивительное, что через месяц на

адрес общаги пришел официальный ответ, из которого следовало, что т. Серба С. М. никогда курсантом Запорожского аэроклуба не являлся, в парашютной секции не состоял и прыжков не совершал...

Серба готов был сквозь землю провалиться от стыда, но литр пришлось ставить из ближайшей **стипухи**. Почему пришел такой ответ, он не знал. Возможно, их выбрасывали на парашютах в порядке шефской работы или ещё как, но, увы, его подвиги аэроклуб не подтвердил. В знак протеста он продолжал носить значок. Но всё удовольствие пропало.

Зато появилось понимание того, что в нашей стране главное не сделать что-либо, а оформить документ. Если есть отчёт, что хлеба скошены, значит, так оно и есть. Никто проверять не станет. Если сдан отчет о повышении надоев на 10 процентов, значит, они действительно так высоко поднялись. Никто даже и не задумывался о том, что если сорок лет подряд повышать надои по десять процентов в год, то коровы уже, видимо, дают по пятьсот литров молока в день. И так во всем. Бывали, конечно, совсем вопиющие случаи, когда даже беспартийные начинали навзрыд смеяться, тогда власть устраивала проверку, несчастного руководителя называли очковтирателем и для порядка журили, советуя больше таких несуразных приписок не делать...

Большинство ребят завели девчонок. Ночью они исхитрялись приводить их в комнаты или самим **хилить** в женское крыло. Раза три друзья устраивали большие всеобщие попойки с девочками. Ну, прямо оргии, так как напивались **в дупель**. Для таких оттяжек, конечно, не годились свои девченки из группы и даже со своего потока. Надо было **кадрить** из “дальних стран”, например, из **Плешки** или **Тимирязевки**. Поэтому девчонки в основном приглашались из высотки, с естественных и точных факультетов. Но они были вынуждены оставлять на вахте свои паспорта, а в 23 часа парням надо было гостей провожать на 26-й трамвай. Конечно, по пьяни этого делать не хотелось. В комнате гасился

свет, для чего лампа обматывалась либо майкой либо, pardon, трусами, и делался вид, что население дрыхнет.

Но, на горе энтузиастам, на пути следования экспресса любви утесом стал хитроумный комендант. Ему было лет 35-40, совершенно невидный из себя, скорее поганка мужского рода, прошел войну старшиной и очень усовершенствовал свои мерзкие наклонности. Он сразу при заселении, зайдя в комнату поздравить с новосельем, ясно сказал студентам, что не потерпит блядства. И поведал, как изобретательно на фронте ловил голодных солдатиков, повадившихся по ночам красть из каптёрки хлеб. Как-то вечером (наверное, после изнурительного боя) он настругал фиолетовый сердечник чернильного карандаша и посыпал им буханки верхнего ряда. Утром построили роту и велели всем показать ладони. Трое бедолаг попало, **их ушли** в штрафбат...

От таких блевотных комендантских признаний могла спасти только молитва. И студии сочинили свой "Отче наш" минут за десять. Вот этот перл:

Господи, если ты всё-таки есть, то огради меня, грешного, от словесного дерьма ретивых и ушлых. Отведи их циничные, сардонические инсинуации типа квазикритических плеоназмов, их облыжную денунциацию, инспирированную суперневростеническими обскурантами, дискредитирующую меня звентуальным образом, мимо чего я активно и агрессивно дефилирую, саркастически их пародируя. Аминь!

Потом не раз, отходя ко сну после изнурительных картёжных баталий, для профилактики ребяты гнусавили свою молитву.

Однажды вечером умирали от скуки, но никто не сумел придумать стоящий розыгрыш. Даже блестящий хохмач Олежка Горбуновский. И лишь часов в двенадцать ночи Пролетарий придумал свежий ход. Он предложил премию в размере одной бутылки водки тому, кто в час ночи голяком сходит в женское крыло и войдет в какую-нибудь комнату. Дело в том, что, по

достоверной информации, в половине женских комнат нашего этажа по ночам забывали запереть дверь. Какая ждала парня, чтобы позажиматься, пока подруги спят, у каких просто заклинило бдительность. Посмотрели друг на друга. Больше всех задолжал спиртного на общий стол Олег Горбуновский. Ему и идти, решилO вече.

Пока собирались, общага погрузилась в крепкий молодой сон. Задремала и дежурная бабка в дежурке у гладильни. Олежка, поёживаясь то ли от необычности события, то ли от сквозняка из вечно открытой форточки, не успевающей высасывать табачный дым, обнажился. Проведенная Решоткиным разведка доложила, что, по крайней мере, в трех комнатах ключ не повернут. Чтобы задание считалось выполненным безупречно, Олега обязали пронести на вытянутых руках заведённый патефон с пластинкой, который он должен поставить в девчачьей комнате на стол, опустить играющую головку на пластинку и с первым аккордом бежать домой, в наше крыло.

И вот, представьте, по коридору крадется голый Олег с патефоном на вытянутых руках. Успешно проходит мимо комнатки дежурной. За ним неслышным ходом комиссия из трех великовозрастных оболтусов. В открытую дверь видно, как похрапывает бабулька. Вот и финишная прямая в виде череды белых дверей заветного женского крыла. Олег проходит две-три двери и находит основательно приоткрытую дверь. Бочком открывает её, пятясь, заходит внутрь. Проходит несколько томительных секунд. Наконец, слышится знаменитое завывание Раджа Капура «Абара я, а-а-а-а, абара я, а-а-а-а...» из любимого тогда миллионами фильма «Бродяга». Дверь вдруг захлопывается. В комнате начинаются дикие немелодичные крики, перекрывающие голос великого индийского сердцеда. Потом дверь распахивается, и из неё, как пробка, вылетает Олежка, красный, как жгучий перец, от ушей до пят, и мчится, расталкивая изумленную комиссию, домой.

Оказалось, что одна из девиц, некая Марина, ждала Лёшу Рарина (о чём друзьям он, змей, ни разу не проговорился), для чего любезно приоткрыла дверь. Она потом рассказывала, что едва ума не лишилась, когда вместо Лёши увидела в проёме двери голого Олежку Горбуновского с патефоном в руках. Она просто онемела. Но когда он опустил головку патефона на пластинку и на всю комнату заорал Радж Капур, то вскочили остальные девчонки, и одна из них, самая бдительная, шустро повернула выключатель-включатель. Увидав голого агрессора, девицы заорали, стали кидаться подушками. Олег уже бежал к двери, но вместо того, чтобы потянуть её на себя, в панике толкнул, захлопнув так, что чуть не заклинил, и, конечно, растерялся. Через мгновение он оклемался и разобрался с дверью, унося ноги со скоростью нашкодившего подъездного кота...

На том же этаже жила Алочка Левитина из Магадана. Она училась в другой группе, но Семён давно обратил на неё внимание. Хоть про неё и говорили, что она даёт всем подряд, он никого конкретно при ней не замечал, а она к нему относилась прямо по-матерински. Когда заканчивалась стипендия и до последней копейки пропивались переводы из дому, студенты побирались, обходя все женские комнаты. Сенька в таких случаях шел прямо к Аллочке, зная, что уж кусок хлеба с маслом и кружку крепкого чая у неё найдёт. Мама посылала ей из Магадана поболее, чем доставалось нам, простым смертным, от своих матерей. Да и телесно она выглядела приятно и броско. Высокая грудь, выразительные крупные «телячьи» глаза, фигурка хоть куда. Но Сенька с ней не флиртовал. Как-то так получилось, что они относились друг другу без рисовки, обсуждая всякие мелкие бытовые проблемы, как брат с сестрой. Одна она могла пришить ему пуговицу или постирать рубашку, и только её одну он не стеснялся об этом просить...

В театральной жизни Москвы в 1955-м году случилось

событие экстраординарное. На гастроли приехал из Англии **Королевский Шекспировский мемориальный театр из Стратфорда-на-Эйвоне**. Семён с трудом попал на постановку “Гамлета”, главные роли в котором играли уже тогда всемирно известные **Пол Скофилд** и **Лоуренс Оливье**. Этот спектакль, вероятно, запомнится ему на всю жизнь. Он несколько дней ходил под впечатлением. Играли на английском, он понимал с пятого на десятое, и то только благодаря тому, что сюжет был общеизвестен, **проходили** в школе. Сенька понимал, что другие актёры могут сыграть иначе, но на расстоянии вытянутой руки за плечом другого актёра для него всегда будет загадочно улыбаться Лоуренс Оливье...

У ребят в группе была восхитительная, как с лубочной картинки, китаянка Инь Шоу-юй по прозвищу Шайка. Злой безымянный очернитель, выдумавший ей кличку, имел ввиду банную шайку, а не группу молодых авантюристов-единомышленников... Весёлая и компанейская Шаечка доверчиво подписывалась на любые мероприятия со «старшими братьями», однако ни один наш парень не осмелился её **закадрить**. Ну их к черту, международные инциденты. Вдруг весной Шайка пропала. Оказалось, её замели на очередном медосмотре, которые у нас проводились дважды в год. У неё обнаружили проказу. Конечно, она схватила её не в Москве, а дома. Опечаленная группа несколько дней горевала по Шаечке.

С этими китаёзами вообще больше вопросов, чем ответов. В высотке на **Ленгорах** один из них как-то вызвал на девятнадцатом этаже лифт и уткнулся в «Историю ВКП(б)», с которой они буквально круглые сутки не расстаются. У них там над каждым словом нарисован иероглиф для понимания упорно разыскиваемого ими смысла. Так вот, указатель зажётся, дверь загремела и открылась, и китайчонок шагнул в лифт, который почему-то оставался на первом этаже...

Отдохнув после купания в пруду, пловцы в ближайшую субботу устроили очередное сборище. Начиналось всё, как всегда, безобидно.

Рарин пригласил Остапенку поиграть в кинга "на носы", - бить невезучего картами по носу. Решоткин тоже разок сыграл, вошел в азарт, но его вызвала девушка Наташка, с ней у него бывали дела иной раз и до утра, но где они уединялись, никто не знал. Рарин массировал пунцовый от ударов нос и додумался, что орган тот зудит у него не только от щелчков картами, но и как сигнал выпить.

Из восьми жильцов гвардейских комнат согласились **выступить** четверо – Лёша Рарин, Вадька Остапенко, Олежка Горбуновский и Семён Серба. Остальные четверо предпочли не мешать. Кутафьин со своими книжками просто перешел в соседнюю комнату, Пролетарий уехал на Стромынку пить водку с себе подобными, Очкарик исчез до понедельника по случаю посещения московских родственников.

Идею утвердили. Лёшка Рарин предполагал быть со своей теперь уже рассекреченной Мариной, а она, в свою очередь, взялась пригласить трех знакомых девчонок с мехмата.

Остапёныч вызвался развлекать баб, брэнча на гитаре, Рарин побежал в продовольственный за водярой, а Сербе выпало спуститься в подвал, где допоздна торговал буфет, купить два кило сосисок, десяток плавленых сырков и буханку хлеба. Затем ему же сидеть дома, варить сосиски и отваживать случайных посетителей, дескать, никого нет, разъехались до понедельника...

Сенька быстро сбежал в подвал, пристроился к небольшой очереди, но, заметив Алёну Магаданскую, подмигнул ей и она, под ленивую ругню зелёных первокурсников, взяла ему всё, что надо и даже больше – добавила десятку и теперь хватило ещё и на три бутылки "Мартовского".

Поднимаясь с Сербой по лестнице, Алёна позволила ему положить руку на загривок, но Семён полагал, что она путается с

Рариным, и поэтому не решился закрепить успех. Однако её полновесные сиськи так волнующе прыгали под халатиком, что всякий раз изрядно расстраивали будущего правоведа. Алёнка чувствовала это и победно потрясала своим добром, откровенно дразня Сербу.

С Алёной у него ни черта не получалось вот уже второй год, они дружили, но и только. Делились стипендиями и переводами из дому, заботились друг о друге, как брат и сестра, а зажиматься по вечерам она бегала на чердак с кем попало, только не с Семеном.

Теперь вот, говорят, настала очередь Рарина, и тот уже намекнул как-то Сеньке, что получил от Алёны желаемое, хотя никто ему не позавидовал, так как с первого курса за ней утвердилось слава доступной особы, якобы готовой на что угодно за стакан водки. Но Серба знал её лучше сплетников и не верил грязным **инсинуациям**, и даже допускал, что она ещё девушка...

Лёшка приехал с Мариной и тремя **кадрихами** с Ленгор. Пировать засели в семь вечера. Девушек звали Вика, Люда и Нина. Разыграли в «бутылочку» джентльменов, то есть каждая из трех вращала бутылку, а претенденты, ухмыляясь, сидели друг против друга. Нина вытащила Вадьку, Сенька достался Люде, а Вика и Олежка выпали в осадок. Как потом оказалось, «бутылочка» сделала неудачный выбор. Когда часа через два молодёжь, уже хорошо разогретая, танцевала-обжималась в полумраке, Люда посматривала на Остапёныча, а рука Нины «нечаянно» касалась при поворотах Сенькиной руки. Руки быстро подружились. Вика и Олежка вообще при первом же перерыве в развратных танцах уселись на угловую кровать и вместо флирта стали горячо обсуждать прошлогодние гастроли Шекспировского Королевского драматического театра из Статфорда на Эйвоне, на которых посчастливилось побывать и Сеньке. До танцующих долетало: «Гамлет», Пол Скофилд, Шекспир...

С другой стороны, Нина, похоже, понравилась Вадьке, а Люда показалась Семёну излишне рафинированной, да она и была избалованной дочкой директора танкового завода. Серба же, хохол нечёсанный, чувствовалось, ей тоже без стакана водки не подходил.

В двадцать три часа, строго в соответствии с «Правилами поведения студента в общежитии», к ним постучала дежурная. Участники загула немного подождали, а затем Вадька сонным голосом промямлил, что все уже спят. Дежурная сказала, что **на эту комнату** зарегистрировались три девушки и гостьям пора уезжать. Вадька сказал, что какие-то приходили пару часов тому назад, но потом пошли на третий этаж. Дежурная ушла, и даже показалось, что пронесло.

Ко второму часу ночи мужской народ в лице Семёна и Вадьки спился окончательно, но когда поступила команда полностью гасить свет, девчонки упёрлись и дружно завозражали. Тем не менее, Вадька тоже упёрся и вывернул лампочку над столом, а Сенька едва соображал, что и как. Пришлось попить томатного соку. Расклад оставался смешным. Олег и Вика продолжали общаться изысканно и бесплотно. Сеня с Людой как-то притёрлись, и стали травить анекдоты и заразительно, хотя и конспиративно тихо, хохотать, видно, ничем другим заниматься не собираясь. Вадька и Нина что-то долго выясняли, хотя и шёпотом, но на повышенных тонах. В окна падало от соседних домов и с улицы достаточно света, чтобы понять, кто чем занимается. Когда Нина резко встала и прогнулась, чтобы застегнуть растерзанный Вадькой лифчик, Семён с удовлетворением это дело отметил. И то, что ей не пришлось, как обычно бывает, искать юбку. Встал и вконец расстроенный Вадька. Его идею выпить ещё по маленькой поддержали все, включая шекспирофилов.

Едва народ, ввернув лампочку и замаскировав её чьими-то трусами, обустроил разорённый в первом раунде стол, как

раздался властный стук в дверь. У отдыхающих была единственная на этаже стеклянная дверь из двух половинок.

- *Откройте, комендант общежития!* – раздался знакомый гнусавый голос. Мерзкие, пьяные в дребодан нарушители коммунистической морали предпочли замереть и не отвечать вовсе, изображая крепкий сон. В это время девушки срочно проверяли застегнутость пуговиц и нервно причесывались.

Противник между тем не дремал. Дюжие молодцы из актива Студсовета общаги засунули между половинок двери отвёртку и пытались отжать язычок замка. Потом они сообразили и той же отверткой быстро отжали шпингалеты вверху и снизу двери. Обе половинки дружно распахнулись, и глазам любопытного коменданта и его сподвижников предстала живописная компашка за разоренным столом.

Остапёныч рассвирепел и метнул во врага банку килек в томате. Борец за нравственность молодёжи отработанно присел, банка пролетела выше, кувыряясь и одаривая кильками и соусом оккупантов, загремела по полу коридора, окровавливая линолеум. Борец за нравственность утер соус с лица рукавом мятого-перемятого пиджака и криво осклабился:

- *Разврат! Чуждые нравы! А еще будущие юристы!..* – запричитал он. – *Да я за вами с первого дня слежу. Все ваши шашни у меня в блокноте. Хватит!*

Стало очевидно, что штурм комнаты комендантским взводом завершился победой света из коридора над тьмой развратной комнаты. Сенька оделся и вышел провести девчонок на такси. Ведь пока составляли протокол, разбирались с их документами, натикало пять часов утра. Какое там такси на краю света в Черёмушках осенью 1955-го года в пять утра?.. Стали ждать первого трамвая. Нина нервно курила и кляла себя на чём свет стоит. Она разговорилась с Семёном, хохоча над каким-то анекдотом, потому что Тоня и Вика отошли в сторонку и обсуждали свои невеселые перспективы на будущее. Нина дала Семёну свой

телефон в общежитии высотки МГУ. Записала ещё один телефон подружки Людки, если её саму выселят за сегодняшний запой. Но как бывает только в сказках, вдруг подвалило такси, из которого выпал Пролетарий. Понятно, что машина с удовольствием забрала непутёвых девчонок с мехмата.

Последнее выступление в общежитии не прошло бесследно. По представлению Студсовета ребят выселили из общежития в Черемушках.

Девочки пострадали ещё больше. Их не только попросили из высотки, но и исключили из МГУ. Правда, Людка каким-то образом сумела не сдать пропуск в высотку и преспокойно продолжала кантоваться в северной башне у подруг.

Из той знаменитой пьянки Семен запомнил лишь отдельные **моменты**... В числе приглашенных Рариным девах оказалась и **она**, однако многоопытный Остапёныч был не дурак и с первой минуты намекнул коллегам, что имеет виды на Нинку.

Правда, видать, у него не вышло, поскольку, когда в четвертом часу ночи распахнулась подло растерзанная комендантским ключом и отвёртками дверь и студсоветовцы, прорвав оборону, **врубили свет**, оказалось что Нина, хотя и сидит на койке Остапенки, но ей не нужно, как другим гостям, с пьяной бестолковостью искать раскиданное где попало бельишко или позорно натягивать по самые бесстыжие глаза казенную простыню, – Нина оказалась одета так, словно минуту назад вошла. Даже очки сидели на переносице строго и трезво.

Сербу тогда деканат изгнал из общежития **в момент**, его вина была очевидна, так как оказался пред суровыми очами общественности без штанов да ещё и в жарких объятиях нинкиной подружки Людочки Ксенюшкиной.

Наконец, пришло долгожданное письмо от Ёни Пинкера,

Сенькиного друга, одноклассника, с которым столько было переговорено и обсуждено в последние три школьные года... Тот, отягощённый сталинской дружбой народов, сумел поступить всего лишь на заочное отделение пединститута, и поэтому его в прошлом году призвали в армию. Он, оказывается, служит совсем недалеко от Семёна – в Звенигороде. Увы, в стройбате, ведь Ёня немного хромает на одну ногу. Надо ему срочно написать и поддержать, служба невыносимо тяжкая, плюс недоедание и шанс схватить какую-нибудь болячку...

Друг писал, что условия службы тяжкие, приходится буквально голодать. Сенька быстро собрал ему посылку, положил кило сливочного масла, пару пачек сахара-рафинада, печенье, несколько банок тушонки. Отправив продовольственную помощь, решил съездить к нему в гости в воинскую часть, благо что Ёня подробно расписал дислокацию своей **вэчэ**. Тем более, что после окончания школы друзья ни разу не виделись, так получилось. Всего пару раз написали друг другу. Поэтому предстоящую поездку к нему в Звенигород Семён надолго не откладывал.

В очередную субботу, по случаю отъезда к Пинкеру, Сербя решил на лекции в МФИ не ходить, а в полдень уже толкся на Белорусском вокзале, покупая себе в дорогу пирожки, бутылку «Крем-сода», а для Ёни побольше газет и журналов, ибо он писал, что у них там ещё и информационный голод.

Сел в пригородный поезд, и пока читал книжку, паровоз потихоньку тащил его на Запад. Через пару часов прибыли на станцию «Вылезай». Звенигород. Вышел. Огляделся. По ходу поезда, как писал Ёня, увидишь шлагбаум. Увидел. Перейди под ним ж.д. и двигайся по шоссе направо. Перешел ж.д. и уверенно пошел по прекрасному асфальтированному шоссе. Вокруг – красота неопикуемая, сказочные ели, лиственницы, березы. Истёк час, второй. За это время ни одной машины, ни попутно, ни навстречу.

Ёня писал, что, пройдя по шоссе около часа, надо повернуть

направо на грунтовую грейдерную дорогу, а уже через полтора километра пути по грейдеру упрёшься в КПП, где надо спросить Пинкера, там все его знают и позовут. В части есть гостевое помещение и можно переночевать. Значит, вечером будет возможность основательно поговорить.

Постепенно Семён осознал, что прошел значительно дальше, чем требовалось. Повернул обратно. Поскольку он уже значительно выложился, то шел теперь медленнее, чем в начале пути. Сенька давно уже съел свои припасы и выпил крем-соду, непохвально швырнув бутылку в негостеприимную, почти чёрную ель. Следом к основанию ели полетела и авоська с газетами-журналами. Погода стояла хотя и мало ветреная, но температура к вечеру устремилась в сторону нуля, а с неба едва заметно сыпалась то ли пороша, то ли роса. Многочасовая ходьба не позволяла озябнуть, к тому же и одет Семён был неплохо. Свитер, пиджак, демисезонное, но все-таки драповое пальто.

Как-то быстро стемнело, и по обеим сторонам шоссе неприветливо высились непроходимые первобытные леса. Никакого поворота на грейдер ходок, разумеется, не нашел. В затылок начал тяжело дышать страх. Особенно угнетало то, что за пол дня никто не проехал мимо. По подсчетам через полчаса уже должен был показаться Звенигород.

Вдруг по громадным деревьям запрыгали слабые блики. Сенька обернулся. Вдали светилась вереница фар, значит, его догоняли машины. Серба свернул на обочину и пошел тише, непрерывно оглядываясь. Все ближе натужный храп дизелей. Когда первая машина достаточно приблизилась, Сенька стал активно сигналить рукой.

Первый же грузовик-фургон, туго **утянутый** тентом болотного цвета, со страшным железным скрипом резко, не по-граждански, затормозил. За ним ударили по тормозам ещё с десятков фур. Из откинувшейся дверцы МАЗа ловко выпрыгнул вояка с лычками на погонах, как понял Семён, какой-нибудь сержант или старшина.

Он, разминая затекшие члены, неряшливо укрытые мятой хэбэшкой, зевнул, рыгнул и пошел, как бы не видя путника, к кювету, где шумной струей разрубил дивную тишину окрестных лесов.

- *Куда топаем, земля?* – осипшим, но достаточно дружелюбным голосом спросил начальник.

- *Вообще-то, в Москву,* - безо всякой надежды и смысла ответил Семён.

- *Слушай сюда! Нам дорогу показать через Москву сможешь? Айда!*

- *Покажу!* – не подумав, сказал студент, лишь бы забраться в теплую кабину и отдохнуть немного. Москву он знал тогда отвратительно, всё больше по метро, и показать транзитный проезд заведомо не мог. Но, подумал вслед за поэтом, «начинается земля, как известно, от Кремля». Дорога приведёт. С тем и полез в кабину за своим предельно поддатым благодетелем.

Водитель врубил передачу, и железный мамонт неотвратимо понесся к Москве. Сенька рассудил, что если из Звенигорода, помнится, шел на северо-запад, то, едучи обратно, движемся, стало быть, на юго-восток, то есть к Москве. Да и все дороги по определению ведут в Москву, тем более такие классные, как ночное звенигородское шоссе.

В кабине было очень тепло, тошнотно пахло пивом и водкой, сержант по-свойски расположил голову у Сеньки на плече и тут же уснул. На специальных карабинах в стенках кабины болтались автоматы.

Водила, чтобы не уснуть, как сорока, болтал с неожиданным пассажиром, хотя тот бы и сам с охотой подремал. Выяснилась военная тайна, состоявшая в том, что ребята перегоняли автоколонну, груженную военным имуществом, из города Лида в Свердловск. Семён понял, что и водитель крепко пьян. На спидометр было страшно смотреть – ниже девяноста кэмэ скорость не опускалась. Машину кидало от кювета до кювета, но

инстинктивное мастерство водителя позволяло выравнивать курс в нескольких сантиметрах от роковой канавы.

Какой там сон, Сенька пришел в ужас от ситуации, в которую сам влез. Уже давно бы мирно дремал на холодной, но безопасной эмпээсовской скамье звенигородского вокзала в ожидании утреннего пригородного поезда на Москву. А тут такие страсти!

– *Куда дальше?* – Непрерывно допрашивал его водила.

– *Прямо, все время прямо,* - твердо советовал Сенька.

И на тебе, вскоре показалось и начало все ярче разгораться, закрыв полнеба, зарево ночной Москвы.

Но, красоты красотами, а водитель стал клевать носом, и разок хорошо протрясся по обочине. Он, видно, сам испугался и, быстро протрезвев, растолкал сержанта. Тормознули. Сходили втроем на обочину. За баранку уселся сержант, а водила устроился посередине. С новым рулевым МАЗ начал рыскать еще страшнее. Но Семёну надо было, моля всех богов, терпеть до конца.

Вот, наконец, показалась ВДНХ, и машины вырывают на пустынный ночью проспект Мира. Еще рывок через череду мигающих желтых светофоров, и колонна мчится по Сретенке, а затем по ул. Дзержинского (бывшая Большая Лубянка). Площадь с железным Феликсом в центре круглой клумбы. Охотный ряд. Моховая улица. Стоп. Семён просит остановить у родного здания юрфака МГУ.

Растолковывает служивым, как перебраться через Москву-реку. Ориентиры - библиотека имени Ленина, за мостом кинотеатр «Ударник», ещё мостик, а дальше - прямо и прямо, вплоть до вашего сраного Свердловска...

Так, посмотрим на часы, – уже пять утра. Сенька заходит в знакомый двор. Памятник Ломоносову. Отшлифованные задами тысяч несостоявшихся ломоносовых скамьи. Садится, поплотнее укутываясь в пальтецо. После жаркой кабины быстро зябнет, но терпит минут сорок. Потом рысью бежит мимо американского посольства в тёплый зев метро «Охотный ряд»...

Когда потом он списался с Ёней, то оказалось, что пошел по ходу прибывшего из Москвы поезда к шлагбауму, и дальше зашагал на северо-запад, а Ёня имел в виду, что надо идти по ходу поездов, идущих, естественно, в Москву. Причем, с той стороны станции есть такой же шлагбаум, но шоссе за ним ведет на юго-восток...

Однажды Семён маялся бездельем и от нечего делать позвонил Нине из уличного автомата, и они встретились у Центрального телеграфа на улице Горького. Общие неприятности сближают. Оказалось, что она непростая девочка. Из Казани. Сирота. Воспитывалась тёткой. Тёткин муж известный человек в Казани. Окончила школу с золотом. Математический склад ума и хочет добиться серьезных результатов в математике. И вот на тебе, это глупейшее приключение. Расставаясь, договорились поддерживать отношения, чтобы вместе как-то преодолеть полосу глупых неудач.

С того дня, несмотря на административные невзгоды, Сенька стал встречаться с Ниной, которая нелегально обреталась на двадцать втором этаже северной башни у одной своей землячки из Казани и где скрывалась от невзгод и Людка Ксенюшкина. Пройти в высотку по чужому пропуску не составляло никакого труда.

Целые ночи Нина с Сенькой простаивали, обжимаясь, в какой-нибудь лестничной клетке или коротали время до утра в пустой аудитории учебного корпуса высотки МГУ, на этаже где-то с десятого по девятнадцатый.

Их симпатии усложнились, и для полноты ощущений теперь достаточно было бесконечных разговоров сначала о тебе и обо мне, а уже затем о сумбурной вселенной людей. Никто из знакомых в их платонические чувства не верил. И они не опровергали прямолинейных житейских гаданий и домыслов.

Есть такие мгновения в отношениях парня и девушки, когда хочется открыть всю свою душу, как бы исповедаться, чтобы

начать совместную жизнь с чистой страницы... Итак, Семён Серба. Кто и откуда?

...Сенька принадлежал к тому поколению, кто повидал в детстве войну, но сам не смог, по молодости, чёрт бы её побрал, расписаться на стенах рейхстага. Но к детству своему он обращался, когда затруднялся с оценкой сложных жизненных обстоятельств, как к справочнику по человековедению, и оно всегда выручало его, давая пусть не прямой, но всё же ответ на трудные вопросы повседневности. И поэтому Сенька не мог не рассказать именно Нине во время их бесконечных ночных бдений в учебном корпусе самое-самое из детства.

Война продолжалась. Жить было нелегко, всё превратилось в проблему. Но чего определённо не хватало, так информации с фронта. Слухи носились самые фантастические и, понятно, противоречивые. Из репродукторов в двенадцать и шестнадцать часов раздавалось уверенное: "Внимание, внимание! Говорит Германия! Слушайте последнюю сводку из Рейхсканцелярии. Доблестные части вермахта продолжали изматывать противника на восточном направлении..."

Однако истинное развитие событий иной раз становилось понятным и без дикторов.

Кажется, в июле под вечер Сенька с мамой шли по Гитлер-штрассе в районе завода Войкова, где ремонтировались подбитые немецкие танки. Вдруг дорогу перекрыла полиция, и по главной улице пошла в сторону 6-го поселка (Соцгорода), то есть к плотине ДнепроГЭСа для перехода на правый берег, немецкая моторизованная колонна. Долго шли танки, транспортёры, грузовики. Улицу заволкло смердючим сизым выхлопом. Содрогалась земля и в домах звенели стекла. Хмурые водители сосредоточенно вели машины. На тротуаре сгрудилось человек двадцать аборигенов.

Один небритый дядька довольно громко объяснял бабам, что немец начал драпать, что, видать, прижали фрицев, и скоро наши придут. Женщины зашикали на смельчака, боясь недалеко стоявших полицаев. Но те или не расслышали кощунственную речь мужика, или уже их рвение было не то...

В сентябре 1943-го в хуторке, где жил с бабушкой и бабушкой восьмилетний Сенька Серба, у оставшегося в живых населения пробудили надежду слышная по ночам дальняя канонада, зарево пожаров со стороны Запорожья, слухи о том, что фронт наконец-то докатывается до Днепра. С Запорожьем, хотя до него было рукой подать, около пятидесяти километров, не имелось уже никакой связи. Селяне полагались на всё более редких меняльщиков из города. Вскоре полицаи обошли хутор и взяли на учёт весь скот, предупредив о предстоящем его изъятии для нужд великой Германии. Участились заходы беглых румынских солдат. Вид их был жалок. Они, однако, уверенно кланчили у сердобольных бабулек вареную картошку и со знанием дела уверяли, что "Гитлер капут!".

В последних числах месяца как-то поздним вечером за околицей села раздался грохот и народ всполошился, так как за все два года войны никакие воинские части не проходили через хутор, лежащий в стороне от дорог и важных объектов. Ребятишки, несмотря на запреты стариков, высыпали на шум и увидели, как несколько "тридцатьчетверок" лихо осадили у крайней хаты деда Зори под разлапистыми кленами. Стояла тихая и теплая, как свежеевыдоенное молоко, осень. От разгоряченной брони боевых машин незнакомо запахло металлом, выхлопом, бензином, моторным маслом, а в тихо оседавшую пыль прыгнули усталые парни и попросили позвать кого-либо из старших.

- Наши пришли! – истошно завопила детвора, кидаясь к своим дворам... Через полчаса у танков уже митинговали колхозники.

Как ни убеждали их танкисты в том, что они лишь небольшое подразделение, совершающее рейд в тылу врага, энтузиазм не убавлялся.

Не откладывая, повесили самого злобного полицая Васыля, старшего сына деда Зори, вздёрнули его прямо на огороде за хатой, на старом, усохшем осокоре, и он затих с перекошенным смертью лицом, изумленно глядя на серебряный залив ставка, в котором только утром наловил ведро краснопёрки.

Двое других полицеев, Юхым и Хвэдиру, поклялись, что они не предатели, а партизаны, и если дубасили своих хуторян плётками, то лишь для виду, чтобы втереться в доверие к фрицам...

Командир головной машины, с глазами, полными синей костромской усталости, поддал Хвэдиру, отпуская, под зад кизовым сапогом и сказал тихо и беззлобно, мол, погуляй, куда фронт пройдет, затем разберутся, что к чему.

Танкисты объяснили тем мужикам, которые им показались потолковее, что горячее у них кончается и ночью они ждут самолеты для заправки. Посоветавшись с народом, решили укрыть машины в густой лесопосадке под соседней Максимовкой, до которой всего-то километра четыре ходу. Мужики пообещали танкистам-освободителям помочь скатать бочки с бензином, если парашюты пораскидает ночным ветром...

Наступил вечер. Уже смеркалось, когда в хату постучались трое румын и слёзно попросили бабушку взять их на постой. Как ни моргал ей деда, откажи, мол, но она пустила их. Зажгли каганец из гильзы малокалиберной пушечки, бабуля накормила картошечкой на постном масле изнурённых голодными ночными переходами румын, напоила молоком и уложила спать на свежей ячневой соломе в углу у печи, там, где стоят рогахи (ухваты на длинных рукоятках). Карабины захватчики поставили

тоже в углу вместе с рогаками.

Глубокой ночью снова загрохотали в дверь: «Открой, Петровна, пусть враги выходят, будем их **решать...**». Бабушка признала Хвэдира и Юхыма.

- **Вы шо, сказылыся, чи шо? Вони ж додому йдуть!**— увещевала их бабуся. Но силы были неравны и удары топора в дверь убедили бабушку и дедушку отдать дезертиров Юхыму и Хвэдиру.

Тут надо сказать, что наши родные полицаи Юхым и Хвэдир всё лето распускали слухи, что они тайные партизаны, а в полицаи пошли для маскировки. Видно, оправдывая партизанское звание, они скрутили трёх сонных румын, шутя отобрав карабины. Потом через несколько дней люди, по-конски брызжа слюной, рассказывали, что якобы партизаны отвели румыняк, верещащих как поросята, на шестое поле, за большую лесопосадку, и спихнули в яму скотомогильника. Вслед им стрельнули несколько раз из их же карабинов...

По полю, неотвратимо затихая, вроде долго ещё неслись стоны из шестиметровой ямищи...

Под утро действительно прогудели в высоте вызванные в данный квадрат наши самолеты, но, боясь демаскировать танки, груз скидали без осветительных ракет, да и бочки разбросало километров за шесть, почти под Антоновку. А когда танкисты, слив остатки горючего в один танк, стали объезжать кукурузные поля в поисках бочек, горючего в зарослях кукурузы не оказалось. Бочки тщательно попрятали ушлые да запасливые.

С рассветом над Максимовкой зароились "Юнкеры", а через час уханье их бомб прекратилось. Затем затарахтели мотоциклы. Сумел ли кто из танкистов затаиться в кукурузе до ночи, никто не знал, но говорили, что танки отстреливались до последнего снаряда...

Затем фрицы пригнали топливозаправщик и оживили захваченные танки, погнав их своим ходом в Запорожье...

Тут же в хутор понаехало до черта жандармерии, и фрицы в момент дознались, что повешен полицай Василь и брошены в скотомогильник румыны.

Расстреливая Юхыма и Хвэдира, рыжеволосый и лопухий немецкий офицер поблагодарил их картинно за уничтожение союзников-дезертиров.

- Малчики! – старательно выговаривал он. - Я приказал вас расстрелять за трусость и за ложь. Партизан это тот, кто партизан с первый день войны. А вы симулянты...

Спустя несколько дней некоторые бабы защеголяли в косынках из парашютного шёлка. Дед Калистрат плевался им вслед, но не больно поплюешь против ветра. Сеньке запомнился на эту тему поздний разговор деда и бабули. Они часто беседовали, отходя ко сну.

- Слышь, мать? Ты же знаешь, кто больше всех укатили бочек. Так думаю, что сгорят они в адском пламени на том свете. Попомни мои слова, всё искупить придётся, когда оно свою армию пришлет... Спаси, Господь, ратников невинных!..

Конечно, он сказал все это по-украински: **колы воно свою армию прыгонэ...**

- Ой, Господи, когда же эта напасть кончится. **Люды з глузду зъйихалы, йий-богу!..**

Сенька тяжело ворочался в уютном закутке за большой отопительной печью (по-украински "груба»), источавшей зимой драгоценное тепло почти до утра. Он никак не мог допустить, что весёлые хуторские мужики сделали что-то непотребное, как то следовало из тональности разговора стариков.

Неверующим считал себя дед, а всё же имя божье стал нередко на всякий случай поминать в дни войны, боялся за сыновей своих. Хоть и отплакали по Георгию, но надеялись, что

выплыл он на берег Констанцы, хорошо плавал и был во всем не дурак, учитель ведь. А про Сашку малого и подумать плохое страшным казалось, забрали его в июле 41-го с неполными семнадцатью, даже девчонки ещё не заимел Сашок.

Через несколько дней Калистрат Гордеевич поехал с внуком в поле за топливом. В степи простирались до горизонта бывшие колхозные угодья. Часть из них селяне с согласия фельдкомендатуры нарезали на большие, по 2-3 гектара, огороды, засеяли их в основном кукурузой и подсолнухом. Но много земли осталось невозделанной, а природа не растерялась и пустоши буйно заросли кураём, он же перекасти-поле, осотом, буркуном и невиданной мощи полынью и чернобылем. Деда, хотя ещё стояли тёплые деньки, начал уже наведываться в поля, заготавливая полынь на зиму. Хуторяне каждую зиму шастали по лесопосадкам, на стыке которых с полями всегда до войны обильно росли сорняки, заготавливая полынь, стебли которой достигали толщины детской руки. Её рубили, по всякому ломали и тачками или вязанками увозили и уволакивали пахнущее степью и небом добро, чтобы зимой жарко топить печи.

Интересно ходить с дедом в топливные походы, слушать его рассказы про русско-японскую войну, про дядёв Георгия и Сашку, несомненно, героев, несомненно, где-то поблизости бьющих фрицев. А как деда сворачивал самокрутку, артистически набирая из холщового кисета самосад собственного приготовления! Дед практически не курил. Дома ему запрещала бабушка, да и некогда было заниматься баловством. А в топливных походах за полынью дедуля разрешал себе расслабиться, чего никогда не делал в походах за кизяком.

А как приятно, горько пахли клёны, когда Сенька с дедом заходили в тень лесопитомника отдохнуть и остыть от неукротимого еще солнца. Что за удовольствие пробежаться по

шуршащим, сбитым осенними утренниками кленовым листьям, по коврику нежных акациевых, по огненно-жёлтому покрывалу осокоревых. Деревья в питомнике росли отдельно, вот там - только гледичия, вот там - исключительно орех, а вот там - молодые топольки.

- Смотри, Сенька, - шепелявил беззубо Калистрат Гордеевич, - смотри, какие довоенной посадки **козачки!**..

Растёрши в ладошке пахучий ореховый лист, всласть надышавшись тёрпким духом благородного дерева, Сенька пробежал по просеке между клёнами и тополями. На опушке лесопитомника, где раскинулось ещё одно дикое поле, отчеркнутое кукурузными зарослями слева у горизонта, он увидел знакомую картину бескрайнего полынного моря с проплешинами черной земли, с гордыми одинокими фигурами высоченных будяков и с непонятными белыми пятнами кое-где на черной земле и на стеблях темно-серой полыни. Сенька подбежал и понял, что это белые бумажки, как кусочки газет. Схватив один такой листок, он понес его деду.

Боязливо осмотревшись, Калистрат Гордеевич далеко отнёс от глаз руку с листовкой, ибо не захватил очки, и стал трудно читать сводку Совинформбюро, надёжно спрятав её затем в карман поношенного фрицевского кителя с выпоротыми погонами и лычками, чтобы почитать дома бабушке.

- Никому не говори про эту бумажку! – почему-то шопотом внушал Сеньке дед, когда вдруг позади них послышался легкий шум, на который они испуганно оглянулись. Из зарослей волчьей ягоды, чьи кусты вольно разрослись за плантацией кленочков, вышел измождённый голодом наш танкист. Правой рукой он тяжело махнул топливо-заготовительной бригаде, приглашая подойти.

- Ну вот, батя, - глухо проговорил красноармеец **по-кацапски**, - кажись, я один уцелел. Увидел, как вы листовкой нашей интересовались, и подумал, что не сволочи.

Оказалось, ему удалось избежать плена, когда жандармы прочёсывали лесопосадку под Максимовкой, поскольку в момент немецкой атаки он сидел в зарослях, извините, по большой нужде, и вот уже с неделю хоронится в густом питомнике, ожидая подхода фронта. Воду берёт из старого колодца около заброшенных теплиц, а вот поесть ничего нет, две случайно завалившихся в нагрудном кармане галеты тянул три дня.

Короче, в тот день дед и внук ещё раз съездили за топливом. Краюха кукурузного пирога и **глэчик кысляка** поддержали ослабевшего танкиста. Молодой, с белёсыми бровями, Александр Матрёнин обещал Калистрату Гордеевичу, что самое большое через неделю фронт будет под Запорожьем. Ну, обещание обещанием, а жить надо. Деда хотел было устроить Матрёнина до прихода наших на **горище**, иначе – на чердаке. Но танкист не рискнул, и дед с внуком теперь каждый день заготавливали **сушняк** в районе лесопитомника...

На следующий день с утра по хутору поползли нехорошие слухи и с стороны Антоновки доносились какие-то крики. Оказалось, что приехала команда полицейев из района, и они идут с того края хутора, выгоняя коров, которых собираются гнать на Днепропетровск на прокорм немецкой армии.

Заголосили бабы, заматюкались мужики, закашляли деды. Сенькины старики придумали хитрый ход. Сеньке поставили задачу отогнать Астру за колхозный сад, где кто-то развел гектара два бахчи, и там пасти её до вечера, пока не пройдет облава.

Он взял хворостину и погнал коровку туда, где прошлой зимой попался в заячий капкан. Пригнав корову на **баштан**, стал исследовать местность. Сначала просто пасся в тёрне, которым густо заросла балочка, отделявшая сад от бахчевого поля. Спокойно паслась и Астра, поскольку в плетиве арбузных зарослей росло много мышья и вьюнка-берёзки. Семёну в спешке

старики забыли сунуть чего-нибудь поесть, но вначале, так как успел позавтракать, есть не хотелось.

Через час-второй он уже подумывал, чем подкрепиться. Бродя по полю, стал присматриваться к Астре и увидел, что она, кроме травы, порой смачно хрумает маленькие кавунчики. Оказывается, под листьями осталось немало небольших, с кулак, кавунчиков, которые не собрали или по малости, или из-за незрелости. Теперь они все созрели, и Сенька стал обжираться ими, находя их все больше. Оботрешь о штанину, трахнешь об коленку и зарываешься в сладчайшую карминную мякоть по уши...

Потом он ещё покрутился с Астрой какой-то час, а затем терпение иссякло и он счёл свою задачу выполненной. Когда пригнал кормилицу ко двору, как раз к дедовой хате подошло и стадо, которое собрали на другой улице полицаи...

Надо было видеть слезы в глазах бедной Сенькиной бабули и редкую злость деда... Так и осталось непонятным, почему облава шла так долго, несколько часов. Видно, каждая бабка спасала свою коровку как могла. Где-то полицаям налили самогону и процесс естественным образом затормозился, где-то гонялись за вырвавшейся тёлкой по огороду...

Так или иначе, но скот угнали на Днепропетровск. Горю Сенькиных стариков не было предела. Не было предела и его стыду из-за предательской поспешности. Но есть Бог на небе! Через неделю несколько коров сами пришли домой. В их числе и бабушкина Астра. Оказалось, что стадо коров, собранное со всего района, наши самолеты разбомбили где-то за Ново-Гуполовкой, ближе к Синельниково, километрах в тридцати-сорока. Часть коров убило, часть ранило, остальные разбежались. Умные нашли дорогу домой...

Хотя фронт дрогнул и немцы покатались на запад, в хуторе на несколько дней наступила зловещая тишина. Но однажды в

жаркий день к дедовой хате подкатил немецкий бронетранспортер... На броню вылез белобрысый молодой потный немец в пилотке и спросил Сеньку, игравшего в придорожной траве, как проехать на Максимовку.

– Малчик, Максимовка куда ехать?

Малчик испугался и побежал звать бабулю.

Хозяйка вышла, затолкав внука за спину, и объяснила фрицу, как проехать мимо ставка.

– **Та отак прямо, а дали чэрэз грэблю и – якраз до Максывовкы дойдэтэ...**

Потом она предложила измождённому оккупанту попить молочка.

– **Чи нэ хочете молочка попыты?..**

Предложение было понято и с благодарностью принято. Бабушка сходила в погреб и принесла **глэчик** прохладного молока. На броню повылазило ещё человека четыре растрёпанных потных мужиков, быстро осушивших глэчик. Усталые завоеватели заулыбались и **разданкешонились**. Бабуля, тесня любопытного Сеньку и прижимая к груди порожний глэчик, медленно отступала во двор. Двое из них слезли с боевой машины и, отвернувшись и посмеиваясь, пристроились под кустами жёлтой акации, росшей вдоль межи со стороны улицы, основательно полив кусты мощными жёлтыми струями.

Возвращаясь к машине, один из фрицев вдруг полез за пазуху и повернулся к бабе Фросе и Сеньке, что-то лопоча и улыбаясь.

Бабуле стало почему-то страшно, и она попробовала загнать Сеньку к себе за спину. Но тот ничего не понял и вывернулся, Немец вынул из-за пазухи не пистолет и не гранату, а бумажник, из которого достал карточку не по-нашему подстриженной молодой женщины с девочкой лет пяти и мальчиком лет десяти.

– **Майнэ фрау... Унзэрэ киндэр!..** – показал фотку плохо выбритый усталый мужик и погладил Сеньку по голове. Спрятал

карточку, вымученно улыбнулся и медленно вернулся к боевой машине. Привычно забрался на броню и нырнул в люк. Взревел двигатель.

Потом они дали газу, подняв на сельской улице немыслимую пылицу, и укатили в страшном грохоте на своей раскалённой от полуденного зноя **чертопхайке**, надолго распугав и разогнав кур.

Войдя в хату, бабуля с Сенькой наперебой стали рассказывать деду Калистрату, лежавшему, как всегда в жаркий полдень после хоть какого обеда, на кровати в светёлке, про то, как проскочил на Максимовку заблудившийся фрицевский бронетранспортёр.

– Деда, а мы их ещё и молоком напоили. Они целый глэчик выпили...

– **А я думаю, шо то мени прысылося, колы воно загуркотило...**

Деда встал и начал ругать бабулю, что его не позвала и что молоком непрошенных гостей напоила.

– **Так таки ж хлопци, як и наши**, - оправдывалась бабушка.

Но деда, оказалось, не то испугало, что молоком поделились, а не видел ли кто, как угощали залётных. Как бы не пошло по хутору, а там и до наших, когда придут. За такое **воно** по головке не погладит...

Матрёнин ошибся всего на один день.

В субботу передовые части Советской Армии прошли через хутор и близлежащие села, остановившись километрах в сорока от Запорожья, чтобы сосредоточиться и подумать перед штурмом города и форсированием Днепра.

Александр Матрёнин нашел свой танковый полк, который как раз расположился на окраине хутора, побрился, получил новый комбинезон и танкистский шлем, влился в новый экипаж, в котором недавно тяжело ранило наводчика, отъелся у

старшины и через пару дней подрулил на “виллисе” к усадьбе Гордея Калистратовича.

- Я теперь, батя, - сказал он деду при изумленных соседях, - до Берлина дойду.

Его новый танк с бесстрастным трёхзначным номером на борту стоял в ряду боевых машин, лишь накануне прибывших с Урала и замаскированных в том самом лесопитомнике, где Александр объявился деду и Сеньке.

- На вот, Сеня, на добрую память, - сказал Матрёнин, выдергивая из петель комбинезона узкий кожаный ремень.

А был танкист не из поджарых, грузный, объемистый дядька.

- Когда этот ремешок не станет на тебе сходиться, считай, что ты готовым мужиком стал.

Поясочек едва не три раза обхватил тощенькое тельце Сеньки...

Через две недели Запорожье пало под дружным рывком Юго-Западного фронта.

В приказе № 33 от 14 октября 1943 года Верховного Главнокомандующего эти события подытожены кратко:

“Войска Юго-Западного фронта, продолжая успешно наступательные действия, сломали ожесточенное сопротивление противника и сегодня, 14 октября, штурмом овладели крупным областным и промышленным центром Украины городом Запорожье — важнейшим транспортным узлом железнодорожных и водных путей и одним из решающих опорных пунктов немцев в нижнем течении Днепра.

В боях за освобождение города Запорожье... Особенно отличились:

...9-я гвардейская танковая бригада подполковника Мурашко, 20-й гвардейский танковый полк подполковника Доброзая... 1544-й самоходно-артиллерийский полк подполковника Панкова...

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям,

отличившимся в боях за освобождение города Запорожье, присвоить наименование Запорожских”.

...Сеньке тоже пришлось побегать с сумками. Правда, он пока временно поставил вещи у Алочки Левитиной. Хорошо помотавшись, Семён снял за сто рублей в месяц **угол** на Арбате по ул. Композиторской, 16, у старушенции Коробковой Марии Ивановны (возможно, Степановны или Селивановны, царствие ей Небесное!). Тогда ей было под восемьдесят. Угол, это значит диван в единственной комнатке хозяйки в допотопном деревянном доме, превращённом стараниями советской власти в коммуналку. Суший тараканник. Кровать хозяйки стояла в противоположном по диагонали углу за псевдокитайским складным экраном. Посреди комнаты – стол на все случаи жизни.

Закономерно, что через неделю Сенька пригласил Нинулю в гости на новоселье. Попили чаю, потрепали языком, потом он провел её до троллейбуса. Впервые по-настоящему крепко поцеловались. Потом она пришла ещё раз, и старуха Коробкова Мария Ивановна внимательно посмотрела на Семёна, когда он вернулся, проведя Нину до троллейбуса. На третий раз, с разрешения диалектически мыслящей старой большевички, Нина осталась с Семёном до утра. Ханжи, не всплёскивайте негодующе руками. Ничего такого, о чём вы подумали, не было.

Дело в том, что вот уже второй год у Семёна страшные сердечные боли. Мальчик не раз проверялся у кардиолога, но все только разводят руками. То ли юношеская стенокардия, то ли порок, то ли истощение ЦНС (*центральной нервной системы* – прим. для недоучек). После изгнания из общаги состояние настолько ухудшилось, что уже не мог заснуть по ночам. Если закрывал глаза, у него как бы выключалось сознание, он куда-то проваливался. Казалось, что если немедленно не открыть глаза и не сесть в постели, то он тотчас помрёт.

Так вот, когда они с Ниной нацеловались всласть (тайно, чтобы

не слышала спящая бабуля), а время зашкалило за два часа ночи, Нина пожалела Сеньку и прибегла, как они потом, смеясь, это называли, к **маммотерапии**. Она сняла блузку и лифчик и предоставила умирающему целовать её груди. И он с восторгом занимался этим до утра, отложив умирание на потом, затем, когда, судя по всему, уже заработал транспорт, Нина, почти засыпая, убежала на **Ленгоры**, а Сенька окунулся в славный крепкий сон, спеленавший его почти до вечера. Проснувшись, он увидел улыбающуюся Марию Ивановну. Она подкрепила молодца свежим, еще тёплым **ситничком** с маргарином и крепким, ароматным чаем. Вскоре пришла веселая Нина и начала рассказывать ему сегодняшние эмгэушные сплетни. Ночью же – опять восхитительная маммотерапия. Так продолжалось недели две, и, надо же, состояние больного весьма улучшилось. Он сдал весеннюю сессию и собрался съездить домой. Нина тоже решила побывать в Казани, как-то преподнести тётке тяжёлые известия о своем исключении из МГУ.

Когда Семён уже взял билет, то вспомнил, что надо наведаться к Алке Левитиной и забрать кое-какие вещи. За день созвонились. Ради его она не пошла на лекции, которые не очень и праздновала. Едучи в троллейбусе, Семён вспоминал свои отношения с Алёной.

В своей сомнительной славе Алка сама же и была виновата, так как разрешала себе беспечные увлечения. К тому же она зачем-то, приходя со свиданий, показывала подругам по комнате захватанные грязными руками претендентов блузки. Но Сербе она поверяла душу и не разрешала ему, в связи с деликатностью его должности духовника, нахальничать. Правда, как-то она заболела, не ходила несколько дней на лекции, так и Семен тоже не ходил, просидев едва не сотню часов у её постели.

Сенька застал её в общеаге одну. Было часов одиннадцать дня. Быстро упаковав сумку, собрался было уходить. Алла каким-то

женским чутьем уловила в нём знакомые перемены. В ней, как он понял, разыграло женское чувство собственности.

Алёна бесцеремонно, как будто бы он девчонка, выскочила из постели в одной ночнушке и стала прыгать по комнате, радуясь жизни, как молодой воробышек, не замечающий проворного кота.

Алёна поняла, что Семён уже как-то определился, и она уже не безраздельная сестра в его душе. И она решилась на радикальное, как считала, средство. Потупив свои глаза, тихо и томно сказала, что не раз подумывала дать ему то, что так нужно всем мужчинам. Но, как говорится, мама не велит. Но что её чувства к Сеньке ой как непросты. Что она сумеет доказать ему, что он ей безразличен. Честно сказать, Сенька не был готов к такому повороту разговора. Алка же продолжала развивать атаку, утверждая, что она большая дрянь, но это секрет. Что она не может сожительствовать со ним, но полна почти сестринской ответственности за него.

Вдруг она приблизилась к Семёну, обняла и крепко поцеловала в губы. Он из уважения к их прошлым отношениям стоял, как истукан, слушал и ждал чего-то необычного. И оно совершилось, в ту далекую ханжескую эпоху невообразимое и немислимое. Алка выдернула из пояса Сенькиных брюк ремень и резко распахнула халатик, под которым было только алебастровое, никогда не загоравшее тело северянки.

- Бей меня, Сенька, пори! Я же такая дрянь, если бы ты знал... Ну же, лупи, не жалей! Это только для тебя! Пожалуйста! Бей же! Милый!..

Сенька облапил её и понес на кровать, но она вырвалась, трахнула его по бесстыжей роже и нырнула под одеяло. Затем получилась прямо ерунда какая-то. Она гибко выпрыгнула из кровати, на лету сбросив ночнушку.

- Ну, я же прошу тебя! Что же ты? Бей! – произнесла она глухо. – Но я, пойми, не могу с тобой!..

Сербу опалило жаром девичьего тела, стыдом, властным

толчком инстинкта. Однако заглянув в её сумасшедшие зеленоватые, почти карие, "чайного цвета" глаза, он медленно подошел к ней и с размаху ударил по щеке ладонью. Она отклонилась, но устояла. Он бил ещё и ещё, злобно и подло.

Семён так и не понял, под влиянием какой дьявольской силы взял у неё ремень и первый раз несильно хлопнул по нежной белой попе. И продолжал бить. Бить женщину! Девчонку! Может быть потому, что она начала фантастически извиваться и стонать.

- Бей же, пожалуйста. Сильнее! Сладкий мой, не жалея меня, подлюю, лупи сучку магаданскую!..

Внезапно Семён осознал, что уже крепко исхлестал её. На спине, ягодицах и на бёдрах алели десятки следов. Но вот он как бы очнулся от гипноза и вдел ремень в брюки. Алла повернулась ко нему и поцеловала сердечным благодарным поцелуем. Потупив глаза, Семён засобирился. Возможно, позорно покраснел, потому что лицо горело от стыда. К какой тайне он прикоснулся? Как поднял руку на женщину? Как мог так низко пасть, он, всегда воспринимавший женщину, как божественное явление?..

- Я завтра уезжаю на неделю в Ленинград. Придёшь меня провести? – Она уже наглухо застегнула халат и поправляла волосы. Застегивай, не застегивай, - он видел её, искромсанную, сквозь халат каким-то рентгеновским зрением.

Он кивнул. Как было не придти?

Затем убежал, едва не плача. Алёна не сказала никому ни слова о случившемся. Потом, после каникул, у них восстановится прежняя неразливанная дружба.

На следующий день они встретились на Ленинградском вокзале, прошли к поезду. Зашли в вагон. Она ехала всего только с небольшим баульчиком.

- Не сомневайся, меня там ждут. Мама всё организовала, так что лето будет трудное, но результативное... Если бы ты только знал, какая бывает страшная жизнь... Не спрашивай

меня ни о чём, всё равно не расскажу. А быть может, и расскажу, но не сразу... Когда-нибудь потом. Прости!.. Но вернусь я уже замужней дамой...

Пока молодёжь разговаривала, объявили отправление. Под влиянием сложных чувств Сенька решил, что проведёт Алёну до первой остановки в Клину. Звякнула сцепка вагонов, и экспресс погнал в сторону Питера. Часа через два, когда ребята выкурили в тамбуре почти пачку «Казбека», показался Клин. Проводница вышла в тамбур, открыла дверь, высунулась в неё, готовясь поддержать на виду, для сведения помощника машиниста паровоза жёлтый флажок, как знак порядка в вагоне, и Семён спросил её, сколько простоим в Клину.

- Нисколько, первая остановка через полтора часа в Калининe, - ответила пожилая тетка, чем очень его **впечатлила**.

Поезд замедлил ход, и надо было принимать мужское решение. Сенька крепко поцеловал Аллу и оттеснил проводницу от проёма двери.

- Ты чё? Ненормальный? Меня же премии лишат, придурок! – попыталась ухватить его за рукав тётка, но Сенька уже спустился на последнюю ступеньку с левой по ходу поезда стороны. Границы станции уже заканчивались, приближался выходной семафор. Ну же! Он прыгнул, пытаясь побежать вслед вагону, чтобы устоять на ногах. Однако метров через надцать всё-таки его швырнуло грудью в гравий.

Спасибо, никаких столбиков или камней на пути падения не оказалось. Его несколько раз перевернуло и бросило фэйсом в отсыпку пути. С трудом встав, джентльмен побрёл к вокзалу, нашёл кран с водой, умыл окровавленное лицо. Слава Богу, никаких переломов или других серьезных повреждений не оказалось. Сенька зашёл в вокзал, чтобы изучить расписание пригородных поездов на Москву...

Через пару дней он сам уезжал в Запорожье. Семёна

проводила Нина. Царапины на лице скрыть было невозможно, и он ей всё рассказал про Аллу. Нина улыбнулась и сказала, что таких оригинальных девчонок в высотке тоже встречала. Алкины странности неопасны, хотя действительно очень редки.

– Несчастливая она баба! - подвела итог Ниноля. – Но ты вёл себя безупречно, и я горжусь тобой!

Лето в Запорожье получилось нескладное. Видя Сенькины мучения с сердцем, мама уговорила его провести лечение у гомеопата. Он тогда считал гомеопатов шарлатанами. Но, чтобы не расстраивать маму, пошел с ней на приём к какому-то местному гомеопатическому светилу. Тому было под девяносто. Он не раздевал Сеньку, не прослушивал. Просто поговорил с больным пару минут и начал выписывать рецепты. Выписывал мучительно долго. Сказал, что все прописи надо пить строго по часам, как указано. Станет легче уже через десять дней, но надо набраться терпения и пить лекарства не менее месяца.

Действительно, через пару недель пришла посылочка из Харькова, там тогда располагалась ближайшая от Запорожья гомеопатическая аптека. И в самом деле, Семёну стало легче уже через десять дней. Но он выпил за месяц почти все лекарства и начал, как молодой, бегать, прыгать, наслаждаться жизнью...

Валю Серёгину Сенька больше не пытался увидеть, рана вроде бы зарубцевалась. Ну и получилось, что в Запорожье, в общем, делать нечего.

Правда, в июле случилась маленькая, но приятность.

Осуществляя исторический визит в Советский Союз, к нам прибыла венценосная пара из Ирана – шах Реза Пехлеви и шахиня Сорейя. И, чёрт их дёрнул, случайно или преднамеренно, однако в программу визита попало посещение Запорожья.

В тот день стояла чудная июльская жара. Ни облачка на небе. Голубое, оно простёрло своё марево над разомлевшим городом. Как будто сговорившись меж собою, все облака ушли за горизонт,

и город приготовился быть величественной сценой исторического события.

Семён вышел из дому за хлебом в ближайший “Гастроном” на проспекте, как раз напротив Сквера Пионеров. Купив батон, Сенька засунул его в авоську, перешел проспект, вернулся в сквер и беспечно побрёл главной аллеей в сторону драмтеатра. Подойдя поближе, Сенька упёрся на ступеньках, ведших к гостинице “Театральной”, в плотную толпу тихо галдящих граждан, устремивших взгляды к парадному гостиницы. Порасспрашивав народ, Сенька узнал, что в Запорожье гостит, в рамках визита в СССР, шах Ирана Реза Пехлеви с супругой и вот-вот они выйдут из отеля в город. Эх, Ёни нет, обменялись бы мнениями!

Два часа дня. Толпа затаила дыхание. К парадному подъезду “Театральной” подвалили две невиданные легковые машины с открытым верхом, и вот уже из широко распахнутых дверей вышли гости в сопровождении толпы сопровождения.

Его Величество Шах был в довольно скромном европейском костюме с ярким галстуком, а шахиня Сорейя... – ну нет подходящих слов в русском языке. Толпа зевак единогласно охнула: “Смотрите!..” Живая богиня красоты в почти белом кремовом платье с превосходным колье на смелом декольте.

Гости уселись в первую машину и кортеж тронулся, повернув налево к драмтеатру, и через миг прекрасное видение в июльской духоте сначала превратилось в сказочный мираж, но тотчас исчезло, оставив зрителей ошарашенно глядеть друг на друга.

– *Вот это баба!..* – Восхищённо вырвалось у тщедушного мужичка, оказавшегося рядом с Сенькой, и ещё мужичок зачем-то азартно чесал себе переносицу. Честно сказать, таких красивых женщин Сенька сроду не видал. Но подходя уже к дому (бывшая аптека Рихтера), где у них с мамой уже восемь лет “своя” коммунальная 14-метровка, он признал, что и Валюша, и Нина, если б их одеть в такие платья да обвешать дорожными **кольями**, смотрелись бы не хуже шахини.

Утром, купив на Анголенка у кинотеатра “Комсомолец” свежий номер “Индустриального Запорожья”, Сенька вычитал, что дорогих визитёров повезли сначала смотреть ДнепрогЭС и “Запорожсталь”, а затем показали передовую свиноферму и кукурузные поля... Однако гости, в отличие от недавно приехавших голландцев, к свиноферме большого интереса не проявили и даже не записали схему беконного откорма поголовья кукурузой...

Кроме лежания на днепровских пляжах, Сенька пристрастился читать Горького. Он по приезде купил в книжном, что за кинотеатром, почти полное собрание его сочинений (29 томов из 30, Москва, “Художественная литература”, 1949-1955 г.г., ледериновый переплет, обычный формат, с суперобложкой) и ежедневно проглатывал минимум том. И понял, что Горький это не только “Мать”, “Дело Артамоновых”, “Мои университеты” и “Буревестник”, а как раз то, что не проходили в школе – “Жизнь Клима Самгина” и восхитительные повести “Лето”, “Исповедь” и “Жизнь ненужного человека”...

А его личное лето неслось, как моторная лодка по Днепру. Сенька дочитал Горького, обгорел и немного поправил здоровье, и к концу июля его потянуло в шумную растленную Москву. Не раз вспоминая Нину и все свои приключения последнего времени, Сенька однажды осознал, что его уже неотвратимо тянет к Нинуле... К чёрту Запорожье! Надо немедленно ехать! Вперёд!..

И уже 1-го августа радость его сердца с разгону повесилась ему на шею на Курском вокзале, улыбаясь и радостно щебеча новости.

Через неделю, в среду 8-го, к ним заехал на полдня Ёня Пинкер, он возвращался в часть из трёхдневного отпуска через Москву, так что представился чудный случай повидаться. Подумать только, первый гость у горемычной парочки – Сеньки и Нины! Посидели в любимом “Сраме” на Горького...

Ну куда ещё пойти с другом в Москве, когда на все дела полдня и одна ночь, не в мавзолей же? Нина предложила съездить на

Воробьёвы Горы. Она была в этих делах принципиальна – употребляла только старинные названия улиц и мест. “Ленгоры” от неё было не услышать. Ну, сели на троллик у Киевского вокзала, повертели головами с четверть часа, любуясь Москвой, и вот уже величественная сталинская высотка – МГУ!

Как и заведено тысячами предыдущих экскурсантов, выгрузились у Смотровой площадки, откуда открылся изумительный вид на Москву и Москву-реку. Циклопический лыжный трамплин и суета внизу га правом берегу Москвы-реки, где вовсю кипит строительство станции метро “Ленинские горы” с будущим метромостом через реку.

И главное, на что выкатили глаза многочисленные гуляющие на Смотровой и Сенька с компанией, – недавно открытый стадион имени Ленина. Ёня повернулся к Нине и спросил:

– А вы, ребята, уже побывали на новом стадионе?

– Ну что ты, – улыбнулась Нина, – когда бы мы успели, ведь его открыли всего неделю назад, а с прошлого воскресенья на нём проходит Первая Спартакиада народов СССР. А мы уже не в том возрасте, чтобы рекорды ставить...

...Как не восхититься, если видишь новенький красавец-стадион, самый крупный в Союзе и один из самых крупных в мире.

Но стадион стадионом, а старинная церквушка слева от чудного столичного пейзажа, тоже радовала взор.

Обернулись, переведя взгляды на величественную махину университета. Сеня дисциплинированно встал в очередь у сатураторной тележки, и вскоре ребята жадно хлопнули по паре стаканов жгучей газировки. Полегчало.

А что если показать Ёне высотку изнутри? Всего и делов – позвонить Людке Ксенюшкиной и подождать несколько минут, пока она пройдёт по комнатам, наберёт нужных пропусков и спустится в холл главного входа.

Пока продолжили неспешный трёп, подгробла и радостная, как

матрёшка на Арбате, Людмила.

– *Вот, выбирайте, какие подойдут*, – запыхавшимся голосом проямлила Людка, протягивая с десяток пропусков. Сенька и Нина выбрали корочки с фотками славянской внешности. Ёне решили пропуск не подбирать, а попробовать провести его, как представителя шефской воинской части.

– *А это, тетя Зина*, – сказала Людка знакомой вахтёрше, – *шеф, представитель славной Кантемировской имени Дзержинского дивизии. Слыхали?..*

– *Ну как не слышать*, – ухмыльнулась охранительница строгости и порядка, – *шефы ведь круглосуточно косяками прут, дай бог им здоровья, воителям нашим!..*

На сержантский антураж Ёни тётка не среагировала, безразлично скользнув взглядом по новой гимнастёрке и замечательным значкам. Благополучно миновав стражу, первым делом попёрлись в столовую, потому что сильно проголодались, шляясь по столице.

Хотя лето вроде ещё не совсем обессилело, но погода к вечеру испортилась и получилась не совсем гостеприимная – пасмурно и прохладно, с настойчивым северным ветром. Еще не так мерзопакостно, как будет в октябре, но тем не менее солнце в любой момент могут закрыть облака и окатит ливнем или попугает градом.

Так вот, погуляв по бесконечным этажам и переходам высотки, трио вышло на свежий воздух, и ребята устало пошли к троллейбусной остановке, чтобы продолжить прогулку по Москве.

Неожиданно их окликнул знакомый голос. Оказалось, что Олежка Горбуновский тоже болтался по высотке, не зная куда себя пристроить. Привет! Привет! Познакомили его с Ёней. Подошедший троллик штурмовали уже вчетвером. Так и пошло. Проезжали пяток остановок, выходили, немного продвигались

пешком и снова садились в троллейбус или трамвай. Смердючих автобусов избегали.

В четвёртом часу Нина попрощалась с ребятами и уехала в свою “Чайку” отбивать вечернюю смену, где продолжала работать кассиром.

Каким-то образом оказались в забегаловке около кинотеатра «Великан», что напротив входа в Парк Горького. Взяли по порции пельменей и бутылку “Московской” за грабительскую буфетную цену в 4-20 (в магазине – 2-87). Только налили понемногу, как вдруг где-то поблизости раздался ехидный голосок. Боже мой, да это же Решоткин:

- Какой, однако, эгоизм, господа!

Оглянулись и увидели, что **старик** Валька сидит и скучает в одиночестве через два столика от них. Перед ним стоит початая бутылка коньяка и мясное блюдо типа азу по-татарски или беф-строганова. Естественно, что мужики тут же объединили свои усилия. После того, как они оприходовали ещё и бутылку тошнотворной апельсиновой настойки, их потянуло на свежий воздух. Лишь Ёня был трезв как стёклышко, потому что попасть на глаза патрулю в Москве врагу не пожелаешь. Да, в принципе, он и по жизни практически в рот не брал. Что есть хорошо...

Разумеется, не сговариваясь, попёрлись в родной парк. Вошли через левый боковой вход и поплелись, разминая молодые члены, вдоль знаменитых прудов. В пруды уже какой-то руководящий дурак велел регулярно напускать воды, чтобы трудовой народ брал, значит, лодочки и катался туда-сюда в свое удовольствие. Лодки, правда, уже убрали на плановый ремонт да и пасмурная ветреная погода сегодня не располагала пока к катанью, так что отдыхающие просто прохаживались у кромки воды, ведя глубокомысленные беседы, на редких скамейках сидели, тесно обнявшись, влюблённые парочки.

Друзья представляли собой трёхголового, скверно пахнущего тяни-толкая, который без всякой светлой цели брёл вдоль прудов

под товарищеским присмотром подтянутого загорелого сержанта. Однако, в конце концов, удалось повернуть обратно. Вот и последний перед выходом пруд, но у Решоткина мелькнула идея.

- Господа офицеры! Я предлагаю заработать на погоны. Кто сходит до середины пруда и непременно обратно, тому достанется завтра на опохмел две бутылки. Кто, простите, забздит, сам ставит товарищам отступное... Могу не настаивать только в отношении Сенькиного товарища, служба дело святое, да к тому же ещё проездом...

Сенька с Олежкой не успели продумать условия пари, как Валька тут же, не оглядываясь, вошёл в воду и пошёл, и пошёл, гоня смолисто-чёрную грязную волну.

В этих прудах в принципе утонуть нельзя, везде по грудь, разве что в отдельных местах ямы. Дойдя до середины пруда, Решоткин обернулся, улыбнулся и под ахи остолбеневших прохожих присел два раза, окунувшись с головой. Потом он осознанно пошел к берегу, где уже затормозилось десятка два зевак. С его головы стекала ужасная грязь, поскольку свеженапущенная в пруды вода подняла все накопления со дна и еще не отстоялась, как следует. Он кое-как снял китель, отработанно сбросил сапоги и освободился от галифе, майки и носков, оставаясь исключительно в черных трусах. Начал выкручивать китель.

Семён не мог поступить иначе. Вода была не то, чтобы холодная, а какая-то обжигающая. Он медленно шёл, ощущая дно и моля судьбу, чтобы не попала какая-нибудь ямища, что с его способностями к плаванию было бы равносильно самоубийству.

Дойдя, наконец, до середины, он также присел два раза и по возможности быстро побрёл на берег. Там уже сгрудилось с полсотни болельщиков.

Сенька снял и бросил в траву пиджачок, рубашку, туфли и штаны, ободряюще кривой обезьяньей улыбкой пьяного гражданина ухмыльнулся ошарашенно качавшему головой Ёне, и

последовал примеру бравого офицера Вальки, отжимая воду и отбрасывая с вещей натуральную тину...

- *Во-о, дают!* – Простудно пробасил с плохо скрываемой завистью какой-то скверно выбритый гегемон. Семён с Валентином стали помогать друг другу выкручивать барахло и растирать спины.

Олежка Горбуновский был в очень неплохом шерстяном костюме, недавно купленном ему папой-генералом. Он попросил поэтому разрешить ему снять и тем спасти хотя бы пиджак. Коллеги пошли навстречу и разрешили ему облегченный вариант, но, естественно, хотя бы за половинный штраф, то есть за бутылку.

Когда Горбуновский, отплевываясь, выходил из пруда, какая-то сердобольная старушка сказала им тихонько:

- *Ребятки, а ведь за милицией-то уже послали!..*

Ёня не знал, что и предпринять. Надо срочно уходить, потому что назревала крупная неприятность. Попытался воззвать к остаткам совести будущих законников:

- *Сень, ты возьми себя в руки и давай народ отсюда уводить, а то ведь недолго и в милицию попасть!..*

Нарваться на привод в родное парковое 17-е отделение, где их группа дежурила по линии “Бригадмила”, **хохмачам** очень не хотелось. Поэтому они, скомкав нелегкую процедуру одевания, кое-как натянули мокрые тряпки и неожиданно бодро пошли к выходу. На их счастье, тут же подвалил родной 26-й трамвай, на последней площадке которого правоведа и направились в Черёмушки.

С них текла неотжатая грязь. Волосы торчали гнусными космами. Народ стоял плотно, безрезультатно пытаясь отстраниться от мокрых красавцев. Под ними натекли лужицы грязной воды. Внезапно с передней площадки, унюхав беспорядок, к чудакам стал проталкиваться мильтон. Но герои это дело

вовремя усекли и, не сговариваясь, стали косить под иностранцев, которых уже тогда в Москве было до черта.

Ребята стали живо обмениваться разговором, состоящим из идиотского набора английских, немецких, латинских и прочих хаотично выплывавших в их воспаленных мозгах замысловатых слов, при этом нервно смеясь.

Сержант милиции уже почти протолкнулся к ним, когда из гущи трамвайного народа последовала союзническая помощь:

- *Иностранцы-поганцы, а набрались-то как!..* – Нараспев громко возгласила рядом стоявшая бабулька.

Мильтон услышал глас народа. Возможно, он и не знал, что этот самый глас ещё и **vox Dei**, но мнение тружеников учитывать в своей благородной работе был приучен. К тому же при молодых алкашах стоял подтянутый, скромный, абсолютно трезвый сержант, который, если что, остепенит хулиганов. Поэтому успокоенный мильтон развернулся на 180 и **захиял**, откуда пришел...

От трамвая до общаги парни бежали легко и резво, как боги, или, по крайней мере, как древнегреческие олимпийцы... И даже никто не заболел.

Скопом, с разгону прорвались через вахту, а сидевшая на входе бабулька даже подняться с табуретки не успела. Она было дёрнулась в служебном порыве, но уронила вязанье и пока поднимала всё это хозяйство, молодая орда беспрепятственно пронеслась мимо, матерясь и гогоча.

Утром вставали тяжело. Один Ёня давно был на ногах, побрился, вскипятил чайник, прибрал на столе, помыл посуду, превратил остатки вчерашнего загульного пиршества в подобие бутербродов. Сенька продрал глаза и тут же их закрыл от стыда. Ну куда он втравил друга? Зачем допустил такой позор?..

Через полчаса, ёжась от утренней прохлады, друзья уже ходко шли к трамвайной остановке. У метро “Парк культуры” встретились

с Ниной.

Втроём погуляли по Москве, пообедали в кафешке напротив Центрального телеграфа, провели Ёню на поезд. Выбравшись из душного метро, увидели, что на улице довольно сильный дождь и площадь Белорусского вокзала блестит холодным отсветом уныния... Заняв в зале ожидания дубовую эмпээсовскую скамью, торопливо договорились по возможности писать и держать друг друга **в курсе**... Истекло время, объявили посадку и, обняв друзей, Ёня поднялся в вагон...

– *Ну как тебе мой друг?* – Спросил Сенька Нину, увлекая её в настоящую на поте и человеческих запахах духоту метро.

– *Хороший мальчик, неизбалованный...*

– *Не то что я?*

– *Ну ты, это отдельная песня... Ты, надеюсь, – мой будущий муж. Ты лучше всех. Но ты пока что не видел трудностей и поэтому твоё возмужание ещё впереди. А у Ёни – армия. Это, мне кажется, как наждак, сдирает с мужчины всё лишнее и недостойное... Хотя лучше туда не попадать, говорят знающие люди...*

Вечером Горбуновский, естественно, поставил бутылку, но это что, так, символическая цена проигрыша. Коллеги благородно добавили ещё по одной...

И с неделю хохмачи гордились своим вызовом застойным московским нравам, как вдруг им рассказали, что видели, как на днях какой-то хмырь, бренча десятком орденов и медалей, залез на оттяжку Крымского моста и с добрый час собирался спрыгнуть, но потом милиции всё же удалось уговорить его не делать глупостей, за которые орденов не дают. Возможно, его привлекут за хулиганство...

Первого сентября Сенька с энтузиазмом взялся за учебу. Побежали плотно набитые лекциями и сидениями в библиотеке

дни. Даже не каждый день удавалось повидаться с Ниночкой. Марь Степанна любезно разрешила Сеньке ещё пожить в тёплом углу...

Но скоро безмятежной учёбе и относительно спокойному течению жизни вдруг пришёл конец. 10-го октября пришли на лекции и узнали, что юридический факультет резко сокращают. Партия решила отречься от сталинских репрессий и в числе других покаянных действий наметила уменьшить карательные органы. Конечно, юрфак, на котором обучалось, с заочниками, десять тысяч человек, невероятно превосходил другие крупные факультеты, например, Нинкин мехмат, где обучалось на пяти курсах всего 400 человек.

Семёна **по разнарядке** перевели в Московский финансовый институт на учетно-экономический факультет без потери учебного года, то есть с третьего на третий курс. Лучше всего вышло у старшекурсников (4-й и 5-й курсы). Им разрешили параллельно заочно закончить и юрфак. Ещё переводили в Плехановский, в Инженерно-экономический, в Экономико-статистический институты. Семён и его друзья бурно возражали, но всё было бесполезно, как плевки против ветра.

Позже отторгнутые поняли, что списки составлялись с подачи кураторов групп. За каждой группой с первого дня учебы был закреплен специальный куратор. Внешне все очень безобидно, просто некая классная дама для решения мелких вопросов. Очень вероятно, что все кураторы работали на КГБ и студентов просто **разрабатывали**. Поэтому не только разнузданное поведение было причиной, что их не оставили на юрфаке, но и небрежные разговоры по вечерам, насыщенные «негативными» высказываниями в адрес режима...

Плюсом перевода в МФИ стало то, что бывших студентов МГУ университет обязался обеспечить общагой, так что вскоре Семён снова оказался на знакомой Стромынке и смог экономить на оплате угла у Марь Степанны...

На учётно-экономическом факультете МФИ встретил тех двух девиц, Галку Хлопонину и Риту Аросеву, с которыми познакомился в августе 1954-го при попытке поступить на экономический факультет МГУ. Им тогда тоже не повезло и они **перекинулись** в финансовый. Как старые знакомые, обрадовались друг другу и стали поддерживать дружеские отношения...

Ноябрь. Муторный многодневный дождь. На лекции в МФИ ходить неохота. Как всегда, встретились с Нинкой у Центрального телеграфа. Она как мокрый некормленный щенок. Пошли по улице Горького. Зашли в «Срам» (кафе «Марс») при театре имени Ермоловой. Выпили по чашечке кофе и одну булочку с марципаном на двоих. Она пожаловалась, что после исключения из МГУ и выселения из высотки её положение в Москве очень шатко, а возвращаться к тётке в Казань гонор не дает, да и что там, в провинции, делать. Конечно, к её исключению Сенька имеет вроде бы прямое отношение и его долг чего-нибудь предпринять. Да, в общем, Нинок и небезразлична ему. И не раз уже последнее время, как бы шутя, то он, то она, заговаривали о женитьбе...

Судили-рядили, и он предложил сбегать в ЗАГС и оформить брак. Раз у него ещё действует пятилетняя студенческая прописка в Москве, то жена вполне легально может жить при муже. Решено! Расстались до завтра, решив быстро всё оформить, никому ничего не докладывая.

Как и было намечено, встретились с паспортами в карманах. Нина подняла свои «связи» и нашла, что во Фрунзенском райЗАГСе работает подруга подруги. Созвонились. Поэтому им всё оформили за полчаса. Молодожёны поучили свидетельство о браке, и выпили с этой полуподругой бутылку шампанэ. Нина взяла его фамилию. Она теперь Серба, а не Ильнуровская. Другая полуподруга сделала, меняя ей в связи с переменной фамилии паспорт, тоже большое одолжение, не проставив по забывчивости штамп о браке. Таким образом, Нина Александровна Серба

оказалась милой незамужней молодой женщиной, что давало ей определенный манёр и могло пригодиться в будущем.

В конце ноября прошли слухи, что в Венгрии антисоветское восстание, которое утоплено в море крови. Враз зашевелились и венгерские студенты. Одни спешно паковали чемоданы и трезвонили в посольство, пытаясь поскорее уехать, чтобы успеть покрасоваться на баррикадах, другие ходили, понуриив головы, но так длилось недолго. Впрочем, это особенно не бросалось в глаза. Хотя однажды утром, придя на лекции, советские студенты установили, что из МГУ и других столичных вузов куда-то одновременно подевались венгры. Не зря, получается, предусмотрительный Ольгерд Кутафьин долбил в прошлом году венгерский язык. Или ему старшие товарищи подсказали, что знатоки венгерского скоро понадобятся?..

Всю осень вплоть до Нового года Сенька с Нинулей гуляли каждую свободную минуту по Москве. Прекрасно изучили центр. Привыкли ходить в театры. Были и в Большом, и в Вахтанговском, и в имени Моссовета. Но особенно часто захаживали погреться в оперетту. Раза по два-три пересмотрели весь репертуар. Да и как было не любить театр оперетты, в котором восхитительно пела Татьяна Шмыга и волнующе танцевали Ирина Муштакова и Владимир Шишкин... Лучших тогда, вероятно, не водилось и в Париже...

В финансовом институте в конце декабря началась зимняя сессия. Из трёх экзаменов Серба сдал на отлично основы советского гражданского и трудового права и политэкономия проклятого никак не догняющего капитализма, а теорию бухучёта – на “хорошо”.

Одно было плохо – они с молодой женой не имели своего интимного угла и слонялись по Москве, как неприкаянные. Нина

кантовалась у подруги-москвички в Армянском переулке, а Сенька всё у Марь Степанны... Конечно, если Нина из-за непогоды частенько оставалась ночевать, старушка только радовалась полному совместному чаепитию, а затем хихиканию и перешёптыванию в молодёжном углу...

Маме написали письмо. Мама ответила очень сухо и формально. Сенька понял, что его самостоятельное решение пришлось ей не по нраву. Мама приехала в начале декабря на один день. В Москве тогда остановиться было проблемой, и она, познакомившись с невесткой, уже вечером уехала в Запорожье. Молодожёны не стали ей ничего объяснять. Они были молоды, наглы и невоспитанны. Что был в своей категоричности неправ, Семён понял лишь спустя много лет...

Уже скоро полгода, как они с Ниной поженились, но никак не могут по-человечески уединиться, то есть снять комнату.

Семёну некогда было заниматься поиском подходящего жилья, а о восстановлении Нины на мехмате теперь речь вообще не заходила. Неотвратимо наступала промозглая московская зима, и жизнь стала невыносимой. Но и у атеистов бывают чудеса.

Вчера вроде что-то наметилось. Семён зашел на юрфак, где ещё недавно учился, и встретил Вальку Кащенко, занудную прыщавую дуру. Однако она всегда постреливала на него глазками и ни с того, ни с сего зачем-то пригласила в гости. Видно, не знала, что Сенька женат, и возжелала закадрить его. Вчера же он вечером к ней на улочке Белинского, за Центральным Телеграфом, сразу же и **подвалил**. На первом этаже просторная комната с отдельным входом. Короче, по московским меркам - кайф! И сама, без предков, кои уже лет надцать кантуются в Магадане по вербовке и в Москву пока не стремятся. Ещё есть жутко строгая овчарка Эльза.

Короче, Сенька попил чаю с сушками и с лимоном, а на десерт **раздавили** бутылку принесённого им портвейна десертного

Сурож /0,75 л./ и славно **побазарили**. Вино оказалось тёмно-золотистого цвета и весьма крепким. В букете его чувствовались своеобразные приятные пряные медовые тона. Всё-таки, трехлетняя выдержка. Винкомбинат "Массандра" не подводит советского человека! Под сей классный портвейн перемыли всем на юрфаке косточки.

В конце-концов Валуха поняла, что с Сенькой полный облом и что он действительно закабалён. Семён же (вымирающий тип честного человека) даже паспорт со штампом показал. Она взгрустнула и пожелала ему "долгой-долгой и счастливой-счастливой семейной жизни" и для укрепления семьи пошла на невиданный в Москве шаг - дала на месяц-полтора ключ от своей дачи в **Снегирях**, это где-то час езды от Москвы в сторону **Нового Иерусалима**.

А раз уж Валины родители который год работали в Магадане, то в даче зимой никто не жил.

Нинка страшно обрадовалась, и было намечено завтра же заселить буржуйские апартаменты!

Вчера в четверг Семён с Ниной ездили смотреть Валькину дачу. Потратили полдня. Ну, в самом деле, выехали в полдень, а добрались часа через три - уже синело-вечерело. Пока разобрались, как туда, в эти самые Снегири добираться. До метро "**Сокол**" путь сам по себе неблизкий от Сенькиной **Композиторской**, где он уже не мог больше снимать угол у любезной Марьи Степановны Коробковой (Котёнковой, Кошечкиной или как ещё) - которая отказала ему как женатику, чтобы не терпеть того разврата, что иногда Нина оставалась с законным мужем до утра.

От "Сокола" несколько остановок троллейбусом до **Покровского-Стрешнева**, а дальше паровичком или электричкой до Снегирей. Поезд тянулся мимо занесённых февральскими метелями пригородных станций, останавливался, простуженно

свистел и снова лязгал **желдорметаллом**.

Наконец наступил конец путешествия, и Семён с Нинкой вывалились на платформу Снегири. Расспросили в пристанционном продмаге, куда им идти, и, пройдя по едва проступавшей в синих снегах тропке минут сорок и перебравшись через пустынное в это время недружелюбное шоссе, вошли в окраинный поселок новых бревенчатых дач и разыскали нужные улицы и дом. В целях конспирации я, Зоин, не называю ни дома, ни улицы.

Пробравшись через сугроб на невысокое деревянное крыльцо, отперли драгоценным ключом скрипучую дверь вкусно пахнущего недавно срубленного из мачтовой сосны домика, состоящего из сеней, двух комнаток и кухни.

В одной из комнат стояла грубо застеленная расшатанная старинная двуспальная кровать с медными выкрутасами в головах, такой же несуразный дубовый шкаф и пара фанерных тумбочек.

Сенька с Ниной быстро скинули пальтеца и прыгнули обниматься и миловаться в кровать. Процеловавшись всласть несколько минут, они замерзли и бросились готовить ужин. За окном, конечно, уже стояла морозная тихая ночь, но с электричеством было всё в порядке, а в дровянике рядом с домом Сенька, выйдя исследовать туалетные проблемы, нашел огромный запас берёзовых дров.

Пока Ниноля накрывала в гостиной на стол, он растопил на кухне дровяную плиту, дрова оптимистично загудели, и по дому пошли первые волны тепла. В спальне для сугреву Семён включил две электроплитки, найденные в кухонном буфете, и тяжеленный электроутюг.

На ужин у них получилось много приятного - банка налива в томате, полкило докторской, граммов триста костромского сыру, буханка свежего ситничка, пачка вологодского масла и бутылка трехзвёздочного армянского коньяка московского розлива.

Всё это их хорошо разогрело, и через полчаса они смело

нырнули в холодную, но такую желанную постель, надежно спрятавшись под тремя тяжелыми ледяными ватными одеялами, вытасченными из угрюмого старорежимного шкапа. Однако вскоре ребята согрелись, и всё дальнейшее оказалось раем.

Утром дачники с трудом нашли в себе мужество высунуть наружу носы. Градусник на стене спальни показывал "+ 5", раскаленные спирали электроплиток не могли прогреть промёрзшие стены домика, хотя они старались и делали всё, что могли. Кое-как одевшись, Сенька с Ниной заставили себя протереть глаза, вскипятить чаю и, наскоро пожевав остатки вчерашнего пиршества, помчаться на девятичасовую электричку, в которую вскочили уже на ходу.

А вот вчера чудесно отметили 23 февраля. Утром наскоро позавтракали, и Семён провёл Нину на электричку. Она уехала в свое проклятое кафе "Чайка" на Чернышевского, где уже месяц трудилась кассиром. Сенька прошелся по заснеженной улице и договорился с одной тёткой купить у нее петуха. Петух-красавец - огненный злодей. Часа в два приехала Ниноля с подругой Людкой Ксенюшкиной, известной на 23-м этаже Северной башни МГУ хохмачки. Петуха Семён зарубить не смог. Мирный человек, он впервые в своей жизни решился лишиться другого существа жизни, и топор дрогнул в руке. Петел вырвался и с окровавленной шеей понесся в соседние дворы, так что жаркое **накрылось мокрым полотенцем**. Но все остальное было тип-топ, и праздник удался на славу.

– *Сегодня никуда не идем, отсыпаемся и смотрим в окно,* – предложил утром Сенька. День удался – солнечный и ядреный, мороз - 15 по Цельсию. Как на фронте под Москвой в 41-м! Там, правда, рассказывают, до – 40 доходило...

Вот уже который день Семён не ездит в Москву. Нина мотается на работу, а он в роли Обломова.

Вчера опять проспал всё на свете и встал в десять. Холодно и голодно. Поэтому встал на лыжи и побежал в пристанционный

продмаг. Как раз экспедитор на розвальнях, устланных не по-советски ароматной ячменной соломой, привёз колбасу и свежайший ситничек, забивший своим тёплым домашним духом всю пристанционную площадь. Тут же неказистая лошадь по-простецки опорожнилась, накидав под себя с пяток парных колобков. Сенька подождал, пока мужик разгрузит товар и одним из первых взял пару буханок “горячего” хлеба и полбатона молочной колбаски.

Выйдя из магазинчика, начал было прилаживать валенки к лыжам, но рядом с ним всхрапнула лошадь, обдав родным с детства выдохом домашней скотины. Из ноздрей животины продолжали, как из маневрового паровозика, струиться клубы пара, расходясь в воздухе тёплыми белыми облачками. Лошадь слегка повернула довольно интеллигентную морду к Сеньке и усталилась коричневым глазом на холщовую хозяйственную сумку, куда он упаковал хлеб и колбасу.

– Ну что же ты, бедная? Не кормят тебя прохвосты, не заботятся...

Он прислонил лыжи к уродливому пристанционному клёну и вытащил всё ещё тёплую буханку. Отломил горбушку, поднёс к губам, с которых неопратно капала слюна, и угостил сивку-бурку. Она, благодарно моргая веками, быстро **оприходовала** угощенье, смахнув розовым языком.

Сенька не успел и оглянуться, как скормил буханку. Лимонина холодного зимнего солнца скромно освещала площадку у магазина. Пригоршня вечно голодных суетливо-деловитых воробьёв старательно рылась в лошадином добре.

Хозяин кобылки вышел с накладными в руках, сунул их за обшлаг латанного-перелатанного “служебного” тулупчика и беззлобно сказал Сеньке, прилаживавшему лыжи:

– Понравилась? Могу, энто, одолжить на одну ночь! Дорого не возьму!..

И заржал идиотским, прямо-таки конским смехом. Скотина!

Справившись, наконец, с лыжами, Семён, напевая “и, как один, погрём в борьбе за это”, шустро побежал в ихнее с Нинкой логово.

Дни и ночи побежали гурьбой. Нина сама, не доверяя будильнику, встает часов в шесть и убегает на станцию Снегири к первому поезду на Москву, иначе уволят за прогул, а как тогда жить?

Часов в десять-одиннадцать просыпается, по-обломовски нежась под двумя одеялами, Семён. Греет на электроплитке чай, дожёвывает, что осталось с вечернего пира. Затем встает на лыжи и в лес. Часа три пропадает в лесу, благо морозы стоят небольшие - не крепче минус 10-ти градусов. Придя домой, отдыхает пару часов и начинает основательно топить печь. Эта процедура включает в себя колку дров и их заноску из дровяника. Часам к семи, уже в полной темноте, идёт на станцию встречать Нину. Все-таки, вдвоем интереснее и, пока болтаешь, добегаешь до ихнего домика за двадцать минут. Затем ужин, в основном консервы и готовое типа колбасы, но иногда Нина приносит несколько отбивных из своего заведения на Маросейке, и это бывает восхитительно вкусно! Затем наступает наиболее интересная часть семейной жизни. Однако, занавес, господа!..

Месяц в Снегирях стал для влюбленных молодожёнов заслуженным медовым месяцем. Морозными вечерами пригородный поезд за сорок пять минут дотаскивал их от Покровского-Стрешнева до Снегирей. Затем полчаса ещё они топали, утопая в снегу, на окраину поселка, и только сосны, такие красивые на морозе, скрипели вдоль шоссе, как будто сочувствуя их зябкости и одиночеству в ночной зимней заброшенности Подмосковья. И они спешили в свое дачное логово, волоча онемевшими и полузамёрзшими руками **авоськи** с немудрёным, но таким драгоценным грузом – буханка хлеба, бутылка вина "777" и всё такое прочее к чаю.

33-е марта 1957 года. Так странно Семён обозначил дату в

дневнике, чтобы подвести итоги марта, потому что он этой записью обозначил не конкретный день, а итог месяца. Конечно, многое уже забыто в потоке дней, но основное - нате вот, кушайте, читатели дорогие! Правда, прочтёт ли когда-либо хоть кто-нибудь эти бестолковые заметки или пойдут на растопку печи, а то и на правое дело хмурым студенческим утром вместо газеты «Правда»...

Короче, место в эмгэушной общаге на Стромынке Сенька про всякий случай не сдавал, снова практически постоянно ночуя у Марь Степанной. Да всё чаще и не в одиночестве. Любовь дело приятное, но требует удобств. А тут бабулька за ширмой...

Никак не решить жилищную проблему. А ведь ещё надо и на лекциях в МФИ иногда показываться... Грозят изгнанием, генерал Морозов заикнулся на исключении Сербы. Так получилось, что рай на даче в Снегирах кончился в начале марта, даже не дотянули до 8-го Марта. Семён подозревал, что Валюха Кашенко сама решила устроить на даче на Женский День оргию. Возможно, ей попал на крючок какой-нибудь бедолага. Она сама его разыскала в финансовом и без всяких объяснений забрала ключ. Валентина и Семён вместе съездили за его и Нинкиными вещами. Увы!

В воскресенье десятого марта, когда Серба совершенно выбился из сил и опять стало барахлить сердце, Нинка поехала с ним на Ленгоры, и они попытались как-то пройти в высотку. Людка Ксенюшкина пообещала вынести пропуск одного аспиранта. Пропуск она вынесла, но Семён был грязен, небрит и вызвал подозрение даже у вечно сонных тёток на боковом входе. Короче, чужой пропуск забрали, а он позорно бежал.

Втроем бедолахи расположились на скамейке недалеко от учебного ядерного реактора физфака, у покрытого жухлой травой холма, под которым монстр и был наивно упрятан, и где неподалёку бестолково переминался с ноги на ногу часовой. Было

часа два дня и отличный теплый солнечный почти весенний день, ну градусов 12-15, а на солнышке, да в хорошем обществе...

Однако вдруг у Сеньки начался какой-то странный озноб и по рукам пошла непонятная красная сыпь. Посоветовавшись, решили вызвать скорую, чтобы попытаться лечь в больницу и там хотя бы, пока разберутся и выгонят, отоспаться и восстановить силы. Скорая на диво примчалась минут через двадцать. К ее приезду Семён картинно улегся на скамейке, а его верные девочки скорбно утешали страдальца, рассказывая эмгэушные сплетни. Врач выслушала их трепетный рассказ (больной глубокомысленно молчал, изображая то ли дистрофика, то ли глухонемого), нащупала пульс, внимательно осмотрела сыпь на кистях рук и велела забираться в карету. Он не стал отнекиваться, кратко попрощался с подругами и умчался во владения Минздрава.

Оказалось, что Сеньку свезли в инфекционную больницу на Соколиной Горе. Сыпь, когда он, стесняясь, разделся в приемном покое, оказалась и на спине и на животе. Диагноза, как и в случае с недавними сердечными хворями, не поставили, а на всякий случай поместили в изолятор для изучения. Прекрасные апартаменты в виде одноместной изолированной палаты, ванной с санузлом и небольшой прихожей бедного студента устроили. Было тепло и уютно. Над давно невиданной им белоснежной постелью по-домашнему чирикал репродуктор - пусть себе вещает о хроническом повышении надоев у наших славных доярок и о кознях дядюшки Сэма, доярки которого не умеют, видать, правильно массировать вымя и проигрывают нашим специалисткам-комсомолкам по таким важным показателям...

Семён тут же с наслаждением принял ванну, потом принесли обед, оказалось это борщ, котлета с гречневой кашей и стакан неизменного компота из сухофруктов. Но и то, и другое, и третье было проглочено им без комментариев... Через час Сеньку потревожили, чтобы поиздеваться над задницей и заставить

проглотить пригоршню таблеток.

К счастью, изолятор оказался на первом этаже. Поэтому, когда Семёна через два дня разыскала Нина, то они сумели открыть надёжно зарешечённое окно, и она влезла к мужу со своей необъятной сумкой, в которой, кроме отличных свиных отбивных из славной «Чайки», оказалась и бутылка муската «Пэрлына стэпу». Сенька уже усвоил, что в этой больнице чумных и прочих подозрительных больных, заключённых в изолятор, беспокоят только, если нажатием кнопки звонка вызовешь сестру, а еще три раза в день по случаю приема пищи и один раз в 8.30 утра - обход лечащего врача. Перед первым обходом у него в семь утра взяли всевозможные анализы. Лекарства приносят, как правило, с пищей. При этом также ставят уколы. Три раза чего-то кололи в попу. Однако, с часу дня до пяти никто пациента не беспокоил, а после ужина в 18.00 уже оставляли в покое до 7.30 утра.

Это обстоятельство они с Ниной и использовали. Она приходила в два часа дня, а вылезала в окно обратно в пять - половине шестого перед ужином. Сенька пробыл в этой милой больнице, которую так незаслуженно боятся москвичи, две недели и – не поверите! - набрал килограмм весу. Однажды Нина даже рискнула остаться до утра, и законные супруги провели прекрасную ночь в такой вот нестандартной обстановочке. Пару раз днём Нина приходила с Людкой. Трои курило, болтало, пило вино, а потом подружки, уходя, уносили все следы своего пребывания - пустые бутылки и окурки. Семён тщательно проветривал изолятор...

Часть 2 –я

Загнанный жеребёнок Пржевальского

Из дневника Семёна Сербы, в миру Евгения Танинадзе

"Итак, я в распрекрасной Красной Армии, далеко от Москвы, в Забайкалье, на никому неведомом разъезде почти на границе с Монголией, т. е. в декабристских местах окаянных. Партия и правительство призвали недоучившихся студентов на декабристскую закалку в Забайкалье.

После выхода из инфекционной больницы на Соколиной Горе выяснилось, что жить в Москве негде, общага не светит ни под каким соусом, а возвращаться на родину в Запорожье с молодой женой и полным крахом всех начинаний непереносимо. Мерзкая ситуация привела к пропускам лекций в МФИ, а там только этого и ждали. Думаю, приказ о моем отчислении был заготовлен заранее. Помаявшись с жёнушкой дней пять в бесплодных поисках комнаты (прочесали с ней Вешняки, Выхино, Косино, Ухтомскую, с другой стороны Москвы все станции от Покровского-Стрешнева до родных Снегирей, но, как цыганка заговорила, всё безрезультатно), бросил эту затею, капитулировал и внял институтскому совету итти в

военкомат по-хорошему, не дожидаясь привода.

Там меня уже ждали и уговорили, как слона, даже написать заявление, что прошу меня призвать, так как и т. д. и т. п. Написал, дегенерат.

Седьмого апреля Нинуля провела меня на сборный пункт, где уже томилось огромное количество в основном таких же неудавшихся студентов, как я. Кроме изрядного тормозка с сырами-колбасами, Нина вручила мне толстую амбарную тетрадь, в которую велела записывать всё экстраординарное во время героической службы. И я, конечно, пообещал ей записывать самое важное. Но с ручками и чернилами проблема, так что придётся обходиться карандашом. Сумею ли потом что-нибудь разобрать...

Родных и девчонок после прощальных поцелуев обслуживающий персонал выпроводил за ворота под наш неодобрительный гуд, а потом нас, взбадривая ленивыми, почти ласковыми матюками, завели в помещение.

Вокруг меня на сборном пункте галдёж, у стен спортзала школы, куда нас до часа "х" зачихали военкоматские крысы, разлеглись кто как, в основном, по двое, по трое. Одни брэнчали на гитарах, пели.

*"У тебя на ресницах серебрились снежинки,
Взгляд усталый и нежный говорил о любви..."*

Остальные лениво перебрехивались, а несколько человек, включая меня, ошарашенно молчали, погружаясь в невесёлые мыслишки. И куда это я вляпался?..

Конюшенный запах мужского пота и пердежа постепенно сгущался, потому что форточки и окна открывать было **низзя!** А вдруг команда разбежится?..

Промариновав полдня, к вечеру нас рассовали по плацкартным вагонам и повезли в известном лишь Генштабу направлении. Через пару дней пути, когда под Казанью пересекли Волгу, из разных проговорок сопровождавших нас сержантов-сибиряков стало ясно, куда мы попали. Нас везли в Забайкалье, в танковые

войска.

Вообще-то, этот маршрут, правда, лишь до Новосибирска, я уже проезжал в оба конца девять лет тому назад. Я никого не знал из едущих со мной, не был в настроении знакомиться и поэтому тихо лежал на второй полке, глядя в немывтое со времён разгона **Учредилки** вагонное окно.

Куда попал? И зачем это мне нужно? Хотя, по справедливости, если бы захомутали на год раньше, в 1956-м, то ведь мог бы и в Будапешт загреметь. Стрелять в венгров, которые мне ничего плохого не сделали, определённно бы не смог. Значит, уже давно сидел бы как миленький!..

Что такое вообще военная служба? Начал вспоминать, что я в принципе знаю из этой оперы. Единственный источник хоть какой-то информации – 1941-43 годы. Война. Но вспоминались лишь какие-то мимолётные фрагменты сцен, разговоров, наблюдений.

Когда в сентябре 43-го в хутор вошли наши, жизнь, до того замершая в неопределённости оккупации, закипела. В нашей хате расположился взвод полковой связи и над крышей на двух шестах струной повисла антенна.

В садочке между самой развесистой вишней и абрикосом замаскировался зелёный “Студебеккер” со всякими пожитками связистов.

Пока взвод связи обустривался на новом месте, Бабуля так строго пасла меня, что никак было не вырваться, разве что за руку, как маленького, не держала.

Светёлку занял командир взвода и смешная девушка в гимнастёрке, таких же хэбэшных бриджах при хромовых сапогах и с невиданными наушниками на голове. Командир и связистка непрерывно сидели у радики, что-то слушали, записывая, и кричали в ответ... К ним непрестанно забегали бойцы, о чём-то

говорили, зачем-то то и дело переходя на крик, иной раз с неупотребляемым на хуторе матом.

Бабуля выпросила у гостей для меня право спать в моём закутке за **грубой**, поэтому я там и околачивался после обеда, прислушиваясь и приглядываясь к оперативной работе связистов.

Когда стемнело, дедушка с бабулей стали основательнее чем обычно, собирать на стол в кухоньке, чтобы вроде как пригостить и связистов. Бабушка отварила в большом казанке полведра картошечки, достала из погреба свежего засола огурчиков-помидорчиков, подоила Астру, угрозив на приставленном к столу ящичке глзчик с парным молоком, а дед нарезал кусками вместо хлеба густо сваренную мамалыгу.

Связисты, командир взвода лейтенант Долгих Евгений и его радистка, оказавшаяся, если без наушников, милой девушкой Таней и нас трое, с грехом пополам расселись у стола. Освободители тоже не остались в долгу, а открыли большую банку американской тушонки, лейтенант выглянул во двор и чего-то крикнул ужинавшим под грушей бойцам. Один из них сбежал к полевой кухне, замаскированной в садике у Шаповалов, и принёс полведра ароматной пшённой каши.

Каганец из 37-миллиметровой снарядной гильзы давал ровно столько света, чтобы не пронести ложку мимо рта. Всё было необычайно вкусным да и отсутствием аппетита никто из нас, похоже, не страдал.

– Так и когда же войне конец? – Спросил деда, пользуясь случаем поговорить со знающими людьми.

– Скоро, дедка, уже немного осталось. Как Берлин возьмём, так и точка будет. На лбу у Гитлера, – смеясь, успокоил дедушку лейтенант...

После ужина народ засобирался спать. Лейтенанту Евгению досталась **бабыдедова** кровать в светёлке, а Таня ушла к

соседям Панасенкам, где расположился медвзвод, там с медсёстрами ей было попрочнее. Дедушка с бабушкой, кряхтя, потому что сто лет не лазили, залезли на печь, что в кухне, а я, понятно, притаился за **грубой** в светёлке. День был так плотно набит интереснейшими событиями, что я уснул, как убитый...

Утром бабушкина строгость ослабела, и я получил возможность обследовать двор, садик и огород насчёт расположившихся и у нас и в соседних дворах солдат Советской Армии – освободительницы.

Почти в каждом дворе в палисадничке или садике угадывались громады машин и танков. По сельской улице, вздымая тучи пыли и распугивая клушек с цыплятами, гремели “Студебеккеры” с пушками на прицепе, полевые кухни, “ЗИС-5” нагруженные доверху добротными ящиками с боеприпасами.

Я несмело подошёл к “Студебеккеру”, спрятанному в нашем садике. Машина источала волшебный, редко встречаемый мною ранее, аромат бензина и моторного масла. Кузов машины, оборудованный фанерной будкой, представлял собой настоящий дом на колёсах.

Задняя дверь кузова была открыта и в проёме сидел боец, вольготно свесив наружу ноги в сумасшедше начищенных кирзовых сапогах. Он улыбнулся мне, подморгнув левым глазом, и кивнул головой в смысле “Подойди поближе!” Я сделал робкий шагок вперёд.

– Не робей, паря, – сказал боец, продолжая набивать пулёмётную ленту патронами.

– На вот, понюхай! – зачем-то предложил он мне и протянул пару соломенного цвета патронов.

Я осторожно понюхал патроны и аккуратно отдал их бойцу. Запах меди, хотя и слабый, чувствовался отчётливо. Такого запаха я раньше не встречал.

– А теперь понюхай и посмотри вот эти, – продолжал просвещать меня красноармеец, передавая пару вроде таких же

патронов, но уже более сильного, красно-морковного цвета. Я удивился, понюхав, что и запах у них был несколько другой, более металлический.

– Так вот запомни, пригодится в жизни, гильзы первых патронов сделаны из нашей, советской меди, а те, что я давал второй раз, из американской, союзнической. Вроде ничем, кроме запаха и цвета не отличаются, а всё-таки, приятно, что Америка нам помогает. Тебя как зовут, мужик?

– Сенька, – ответил я почти неслышно.

– Ага, Симеон, значит. Знатное имя. А меня попроще зовут – Андреем.

Он легко спрыгнул на землю и протянул мне огромную, твёрдую как дубовая кухонная доска в бабушкином посудном закутке, ладонь. Моя лягушачья лапка утонула в тёплой неспигаемой ладони.

– Значит, так, Симеон, приходи после обеда, я тебя научу из пулемёта стрелять, пригодится в жизни... – сказал дядя Андрей, улыбаясь.

Под вечер, загнавши Астру, пасшуюся на привязи у нашего огорода вдоль Чавки, я опять приблизился к “Студебеккеру” связистов. Дядя Андрей увидел меня через открытую дверь кузова и приветственно махнул рукой.

Отложивши бобину, на которую отматывал телефонный кабель с огромной катушки, стоящей на полу кузова, он потёр-потряс ладонь о ладонь, как бы стряхивая пыль, и спрыгнул на землю.

– Ну чё? Постреляем? – Спросил меня, похлопывая по плечу.

– Угу... – промырлил я, никак не представляя, что мне предстоит.

- Тогда пошли!

Дядя Андрей повёл меня к соседям, Балэнкам, в садике которых тоже пряталось два “Студера”. Но эти машины, в отличие от нашей, с прочным фанерно-железным коробом. были

просто покрыты вылинявшими брезентовыми тентами, натянутыми на каркасы.

У машин скучал, ковыряясь в носу, часовой с карабином без штыка. В глубине кузова первой машины громоздились оружейные ящики и просто навалом куча чёрных с коричневыми прикладами автоматов и пулемётов. Впрочем, я вначале даже боялся проявлять любопытство и рассматривать открывшийся моему взору арсенал. Было почему-то страшно так, что ноги дрожали.

– Колька, – обратился дядя Андрей к бойцу, который находился в кузове и протирал тряпьем какие-то железяки, – подай-ка Десяря и одну тарелку... Из Сеньки человека делать буду!..

Колька нехотя оторвался от дела, выбрал, я так думаю, обещанный пулемёт и закрепил на нём круглый магазин с патронами. Подал оружие дяде Андрею.

Тот легко, как я ложку к борщу, ухватил грозное оружие.

Мы пошли соседским огородом к Чавке. Там остановились на заросшем пахучим, но уже довольно пожухлым разнотравьем бережку, и дядя Андрей внимательно оглядел округу. Ну, там, саму Чавку, от которой к осени осталось лишь чавкающее русло, непроходимо заросшее камышом, за ней огороды следующей хуторской улицы, ставок, блестящий слева молочным блеском, стаю ворон, ругавшихся перед сном, устраиваясь на высоченном осокоре, росшем у истоков Чавки на меже огорода коваля Штанька...

– Ну, вот, теперь смотри, – дядя Андрей встал на колени и опустил перед собой пулемёт. Оказалось, что от пулемёта отгибаются две ноги и упираются в землю как бы для опоры.

– Это сошки, для упора и более легкого прицеливания при стрельбе... Ну, куда здесь пальнём, чтобы ни в кого не попасть? Давай вон по тому осокору шарахнем. Будем брать повыше, чтобы дворы не задеть. А то тут у вас и пострелять негде...

Он лёг сбоку пулемёта с правой стороны, сказав мне лечь прямо за прикладом.

- Вот так правой рукой обнимай приклад, а левой можешь упереться в землю. Так! Смотри в прицел, прикинь, куда полетят пули. Зри сюда! Прицельные приспособления пулемета состоят из прицела и мушки. Вон на конце ствола мушка. Усёк? А вот у тебя перед носом прицел. Направь ствол так, чтобы мушка расположилась в центре дерева, ближе к вершине. Дальше что? Зри в прорезь прицела и двигай прикладом тихо-о-о-нечко так, чтобы увидеть мушку. Увидел? Так и держи. Теперь указательный палец располагаем на спусковом крючке...

Дядя Андрей обнял меня левой рукой, а правой подправил приклад.

- Нажимай полегонечку на крючок, а как начнётся стрельба, считай до трёх и отпускай крючок, понял? Айда!.. Жми!

Я дёрнул спусковой крючок, и наверное за долю секунды просчитал до трёх. Пулемёт страшно дёрнулся и грохнул выстрелами – та-та-та!.. С пяток гильз запрыгали по траве.

Вороньё на осокоре взвилось чёрным облачком и, возмущённо горланя, закружило над деревом. С глубины кроны посыпались мелкие ветки и листья.

- Ты у меня настоящий мужик! – Погладил по голове дядя Андрей. – Ну давай ещё шарахни, – предложил он мне.

- Неа, я боюсь, – честно захныкал я.

- Не может быть, Симеоны боягузами не бывают, – возмутился дядя Андрей, удерживая меня у пулемёта.

Сзади раздалась и стала быстро приближаться отборная матерщина. Мы оглянулись. Над нами уже нависала дебелая фигура сержанта дяди Фёдора.

- Ну вы и даёте, мать вашу! Устроили стрельбище посреди села. А если какой колхозник согнётся? В штрафбат захотел, рядовой Конопатых? Тем более с минуты на минуту пополнение прибудет, штабных понаедет тьма... Ну-ка, по местам

дислокации. Оружие – на место. А ты, Сенька, больше с дядей Андреем стрелять не ходи. Сопли лучше почаще вытирай и бабке с дедкой помогай. Понял?..

Однако, как не понять. Уж больно страшный мужик.

На следующее утро в хуторе началось сущее столпотворение. Действительно понаехало много машин, на них прибыло пополнение из тыла. Добавилось и начальства. По хуторским улицам, как малахольные, носились, украшенные антеннами, два “виллиса”, поднимая столбы пыли и распугивая кур. В каждом водителе, на правом сиденье офицер, сзади два автоматчика.

Я долго стоял в воротах и смотрел на эту кутерьму. Ворота у дедушки назывался заезд во двор, обрамлённый кустами жёлтой акации и обозначенный двумя красивыми деревьями – ясенем и осиной.

После обеда я сделал вид, что немного поспал, разделив кампанию с дедушкой. Мы устроились на свежем воздухе под навесом, где деда сушил сено, укошенное вдоль Чавки. Но какой там сон, если в хате поминутно хлопали двери и по двору проносились то вестовые, то дневальные, то ротные командиры, которых вызывал на связь командир полка.

Даже в огородах вертелись солдаты, жгли костры, каждые два часа жрали тушонку и страшно матюкались. Некоторые ходили на ставок, стирали там свои гимнастёрки и портянки, купались.

В конце двора, где начинались грядки и делянки огорода, стояла летняя печка, выложенная из кирпича, небольшой столик, за которым мы в хорошую погоду, а это значит, что всё лето, когда обедали, когда ужинали.

Так там росла единственная яблоня, причём очень хорошая, “Белый налив”. Бабушка её очень любила, потому что в довоенные годы она умела из этих яблок варить славное

варенье. Ну а как война загудела, так мы эти яблоки просто сами по себе хрумали, потому что сахара на варку варенья было не достать.

Ну и вот, к чему я это говорю? После обеда к хате подъехал “виллис” с каким-то важным командиром. Он с ординарцем зашли в хату, и в светёлке начальник ругательски ругал и комвзвода связи лейтенанта Евгения, и радистку Таню.

Потом они все вышли во двор и закурили под старой грушей.

– Шашлычка хочу, лейтенант, – засмеялся майор, сверкнув золотой фиксой в верхнем ряду добротных белейших зубов.

– Организуем, товарищ майор, сейчас займусь. Пока вы съездите в Дыхановку и посмотрите, как там налажена связь, я всё и спроворю... – с побитым видом согласился дядя Евгений.

– Лады! – великодушно согласился начсвязи полка и, махнув ординарцу, пошёл с ним к стоявшему у ворот “виллису”. Заверещал стартёр, и машина скрылась в пыли.

Лейтенант Евгений задумчиво почесал в затылке и позвал моего друга дядю Андрея, издевавшегося над шикарным аккордеоном.

– Ты это, значит, Конопатых, слышал приказ майора? Шашлыком дело оборачивается. Он, собака, на Таньку глаз положил, вот и **прирывается** раз за разом. Что делать будем?..

– А што, видать, барана в этих галушечных краях не сыскать. Пойду пройдуся по улице, может где телёнка соображу... А вы тута пока насчёт костерка и дровишек к нему разберитесь...

Дядя Андрей вышел из ворот, а я хотел было увязаться за ним по хутору провожатым, но просекла бабуля, вышла к ясеню и сказала, чтобы от двора ни ногой!..

У школы крутились колхозники, пытааясь завязать отношения с военным начальством. Красный флаг на школьном крыльце уже который день полощется символом неустребимой

советской власти. От крыльца отвалили два мужика и пошли к нашему двору, завидев дядю Андрея.

Оказалось, что это бригадир Трифон Трифонович Мартыненко и якобы партизан Толька Шаповал.

– Колхозный актив, што ль?.. – Поинтересовался дядя Андрей.

– **Та мы тутэчкы гуртуемяся, шоб може чим допомогты вызвольтэлям...**

– Ха-ха-ха, сучары, однако, на ловца и зверь, как говорится, сам и вприпрыжку. Так, мужики, слушай мою команду. Тут начальство поминутно шастает, значит что? Положено подкормить полководцев. И лучше нету закусона, как шашлычок с дымком... Короче, нужен баран или телок. И – быстро. Одна нога здесь, другая – там. Поняли, комбайнёры?..

– **Та якжэ нэ зрозумиты... Тилькы телят шэ литом выризалы люды, бо нимци хотили скотыну з собою гнаты... А баранив ни в кого нэма зараз. Можэ вивця згодыця? Е в одного дядька вивця, вин тэж партизан справжний, домовымяся...**

– Овца в самый раз. Тащите её, собаку, шустрее!

Колхозники, гордые доверием бойца, почти вприпрыжку понесли в конец улицы примерно к Кучерям. И в самом деле, вскоре вернулись, таща на верёвке упирающуюся, грязную как подстилка в колхозной конюшне, всю в репьях овечку.

– Молодцы! На обратном пути из Берлина представлю вас к медали “За взятие Берлина”, потому что баранина очень полезна для повышения боеготовности пехоты!

Колхозный актив засмутился, лопоча: – **Та ну, шо вы такэ кажете, мы б и свиню заризалы та прыпэрлы, абы у кого була... Та нэмае...**

Дядя Андрей потащил несчастную овцу в огород на делянку, где летом рос подсолнух. За ним пошёл дядя Евгений с топором и большим ножом. Бабушка дала воинам большой эмалированный

таз, табуретку и разделочную доску.

– Сенька, гуляй во дворе, не ходи за извергами! – приказала бабушка Фрося тоном, не допускавшим ослушания.

Дедушка тоже, выдав инструменты, не пошёл участвовать в казни овцы. Он такие дела не любил. Ему зарезать петуха было сущей мукой.

Но пока я облазил огуречную грядку и набрал в полумисок с десяток последних, скрюченных и безнадежно переросших огурцов, вернулся дядя Евгений, сказав что всё сделано.

– Петровна, извините, но дайте ещё соли и что-нибудь вытереть руки.

Он взял стоявшее у колодца ведро с водой и принесённую бабулей пёструю тряпку из её старой юбки, названную полотенцем, поллитровую баночку с солью и пару крупных головок лука.

– Спасибо, Петровна! Вы, как моя мама, добрая и всё понимаете...

Лейтенант ещё пару раз приходил с огорода. Одни раз он принёс в миске всякие окровавленные внутренности овцы и выплеснул под бузину на пепелище за хатой. На пепелище сразу, как по команде, побежали наши семь куриц во главе с огненно-рыжим петухом Михалом Ивановичем, названным так бабулей в честь дедушки Калинина. Куриный взвод начал жадно клевать то, что выплеснул дядя Евгений.

Второй раз дядя Евгений попросил у дедушки лопату выкопать траншейку под костерок и дров. Однако, деда нехотя дал ему на одну руку несколько чурбачков из-под навеса, сказав что дров нет, а это вот немного из веток от сломленного ветром старого осокоря за хатой.

Вскоре с огорода потянуло волнующим дымком костра. Быстро прошагал в сторону “Студера” связистов, мурлыча “Бродяга Байкал переехал, навстречу родимая мать...”, дядя Андрей. Он вскоре вернулся, неся пучок каких-то длиной с руку по

локоть проволоки и охалку брусков из разбитого снарядного ящика.

– Айда, Сеньк, шашлык нанизывать! – Пригласил он меня.

Не ведая, что такое “шашлык”, я было остался во дворе, но потом любопытство пересилило, и я побежал в огород.

Там уже во всю кипела работа. Дядя Андрей расстегнул ворот гимнастёрки и колдовал у костерка, разведённого в узкой траншее, а вдоль этой огнедышащей канавки на четырёх рогульках располагались две длинные палки, на которые, как я узнал позже, будут опираться “шпажки” из той самой проволоки, что принёс дядя Андрей.

– Дровишки заканчиваются, а дед не даёт... – занервничал дядя Евгений. – Надо срочно решить с дровами, а то какой шашлык. Из нас шашлык готовят...

В это время на улице к нашему двору подъехал “виллис” с тем самым скандальным майором. Он и ординарец разыскали нас в огороде и, подойдя к месту сражения за шашлык и выяснив оперативную обстановку, начали жутко материться, как в довоенное время председатель колхоза Антон Нэтудыхата.

– Срочно рубите что-нибудь в саду. Пошли посмотрим, что потолще и поподходящее. Бери, Конопатых, топор. За мной!

Боевая группа вернулась к летней печке и остановилась у яблони.

– Вот это то, что надо! И дым даёт благородный... – Сказал майор, шатая зачем-то одну из толстых веток. – Руби, Конопатых, чего скис?..

– Яблоню нельзя, товарищ майор, грех. Это же как аиста погубить!..

– Много ты знаешь, валенок!.. Поговори мне! Исполни приказ, дрова кончаются...

– Ой, ироды кляти, хрэста на вас нэма! – Кричала, подбегая, бабушка Фрося. – Бач шо задумалы... Хиба ж можна яблуньку рубаты? Зараз дида поклыкаю, вин вас у ставку

втопыть...

– Не каркай, бабка, шамать охота, а ты тут под ногами... Наступить могу, – отмахнулся майор, отбирая топор у дяди Андрея.

– **Шо ж вы робыте, хлопци, нэ можна так... Сказылыся вы чи шо? Вы ж военни люди, вид нимця нас вызволили, а сами таки врэдни!**.. – Подключился из ниоткуда возникший деда.

– А ты откуда, старый хрыч, выполз? – Переключился на дедушку майор. – Мы за вас кровь проливаем, а вы тут под немцем **наблатыкались** и залупляетесь. Посторонись, козёл, не тряси тут своими тухлыми причандалами, а то поотрубую к хренам!..

Деда схватился за сердце, а бабушка побежала за валерьянкой.

Топор засверкал далёкими зарницами. Несколько сильных взмахов, и яблоня упала к ногам победившего её шашлыколюб...

– **Нэ плач, стара, я тоби казав, шо воно такэ гидкэ, так так и е...** – утешал бабушку деда, ожив после выпитой валерьянки. – **Мы взною з Сэмэном тоби два яблуня посадымо...**

Когда через какое-то время пришёл дядя Андрей и принёс нам невиданного жареного мяса под названием “шашлык” на трёх проволочках, мы, то есть я, дедушка и бабушка, отказались попробовать угощение, хотя пахло оно, надо признаться, очень аппетитно. Так и унёс дядя Андрей эти “шпажки” обратно на берег Чавки, где военные устроили себе расслабуху...

Вскоре от Чавки послышались взвизги гармошки и девчачий смех.

– **Мабуть, вэлыка гульня почалася...** – определила бабушка, осуждающе покачивая головой.

И вправду, там непонятно как оказались и девчата – наша

соседка моя бывшая нянька Тоня Балэнко, радистка Таня и её подруга Алла. Судя по тому, что дядя Андрей, вроде спокойный и не уркаган, вдруг начал орать так громко, что даже нам во дворе было слышно, причём непрерывно и только мать-перемать, у них там появился и спирт, а это, как сказала бабушка, до добра не доводит. Скорее им там захорошело и они запели.

Ну там, “Гулял по Уралу Чапаев-герой...”, “Катюшу”, “На позицию девушка...”, “Синий платочек”... “Бьётся в тесной печурке огонь...”

И так допоздна, как говорится, до первых петухов.

А на следующий день вообще случилось ужас что. Ну, с утра пока все разобрались, кто с кем и где упали на ночь, сражённые не вражеской пулей, а каким-то коварным пойлом, так не похожим на сладенькую довоенную водочку, как потом сокрушался дядя Андрей, было всё по-военному чётко, – умывание в ставке, завтрак, оперативное совещание командиров в здании школы.

Так надо же, в одном из дворов пропала противотанковая пушечка “сорокопятка”. Там квартировал противотанковый взвод. Кто-то из колхозников польстился на **колёсный ход** орудия. Пневматические шины, лёгкие в движении, искусили злодея, и он раскурочил пушку, сумев снять ствол и сошки, бросив и то, и другое в кусты. Наверное, надеялся, что после прохождения войск сможет сделать из этой **колёсной пары** замечательную тележку для домашнего хозяйства.

Что тут началось! Весь хутор был перерыт и пересмотрен. Солдаты в буквальном смысле слова рыли землю, тыча металлическими прутами вскопанную землю в огородах. Короче, нашли этот колёсный ход в сене под навесом у хозяйственного мужика Крупки.

Дознание провели быстро. Оказалось, что Иван Крупка, мужик

мало того что **смурной**, так ещё и хваткий, со своим шестнадцатилетним сыном Петьком и обтяпали дельце в ночь под новолуние. И хоть работали наощупь, а всё получилось. Сильные умом и пальцами ребята!..

Но Красная Армия всех сильнее! Ворюг поставили к стенке их же собственной недавно побеленной хаты и приказали снять картузы и петь “Интернационал”. Старший Крупка ещё вспомнил первую строчку “Вставай, проклятьем заклеймённый...”, а молодой только шевелил побелевшими от страха губами. Командир роты построил троих безусых из вчерашнего пополнения и приказал зарядить карабины и направить их в пособников фашистов, зажавшихся во фрицевском тылу. Новички неуверенно дослали патроны в патронники и прицелились в диверсантов в ожидании роковой команды.

В этот миг из хаты выскочила распатланная Крупчиха и кинулась в ноги командиру роты.

– **Пожалйтэ, дядьку, моих дурнив, бо в них розуму зовсим немає... Абы я знала, шо воны задумалы, то мабуть сама повбывала б йих... А в нас жэ ще двое пид стил ходять, як жэ я йих ростыты буду? А-а-а... Люды, рятуйтэ!..**

Командир роты художественно выплюнул **бычок** самокрутки, строго окинул взглядом толпу солдат и нас, соседей, сбежавшихся на мать-перемать и поймаю–повешу, доносившиеся от Крупок с утра, и вдруг рассмеялся широко и беззлбно.

– Ну что вы за люди такие кулацко-подляцкие. За последние полгода у нас уже третий раз сорокопятку мужички разбирают и ход уводят... Как с Мерефы и Харькова началось, так буквально раз в два месяца и развинчивают. Хрен вам! Кто в четвёртый раз посягнёт, точно мозги повышибаем, зарубите себе на носу!..

Отставить расстрел диверсантов! Завтра их всё равно

призовут и в самое пекло бросят... На минном поле искупят вину за вредительство. Разряжай! Вольно! Разойдись!

Крупчиха, обливаясь слезами, пыталась обхватить невымытыми с весны руками кирзачи ротного, а он погрозил ей пальцем и поднял на ноги за ворот фуфайки.

– А вы чего стоите, немецкие прихвостни? Айда в дом, каким-нить делом займитесь!

*Заново родившиеся Крупки **саженными** прыжками рванули в хату.*

*– Ты вот что, Мальвина, – обратился ротный к Крупчихе, которую, между прочим, звали Параской, и которую он почему-то продолжал крепко держать за воротник неопределённого цвета **кухвайки**, – у тебя сколько кур?*

*– **Та можэ з десяток будэ... А шо?***

– А ты не догадываешься, Мальвиночка? Я тебе двух мужиков что, за так подарил? Значит, что надо сказать дяде? Правильно! Спасибо! Режь всю стаю и вари самый большой казан борща. Я так полюбил ваш украинский борщ после всех диверсий с орудием, что уже слюнки текут. Ферштейн? Раус!..

*Часа через три действительно четырёхведерный чугунный казан ароматнейшего борща, сваренный на летней плите во дворе Крупок, был готов. Чтобы обеспечить надлежащий огонь в плите, солдаты вытаскали почти всю поленницу сухих дров, приготовленную хозяевами к зиме за счёт вырубки сухостоя в соседней лесополосе. Из трёх длинющих сосновых досок, которые Иван Крупка прятал на чердаке “на **домовыну**”, то есть на гроб, если бог призовет, за вишней соорудили большой стол прямо под окнами хаты.*

Противотанковый взвод и ротное начальство тесно обсели место боя с борщом. Каждому досталось по полкурки, а уж борщ можно было хлебать по два, а кто хотел, то и по три котелка. Правда, хозезвод не подвёз во время хлеба, но зато достал мешок муки. Тётка Мальвина-Параска сообразила и напекла из

этой, давно не виданной в хуторе, пшеничной муки ароматных толстых коржей на кисляке...

*Мне тоже повезло. Дядя Андрей одолжил мне свой котелок, я сбегал к Крупкам и тётя Параска налила мне полный котелок борща и завернула в драное полотенце пару ещё тёплых коржей. Дома бабушка разделила борщ в три **полумиска**, и мы – деда, бабушка и я – тоже вкусно пообедали...*

Двадцатого апреля прибыли в Читу, где нас тотчас перегнали на другой поезд, и – вперёд!. Помню только, что проезжали **Петровский Завод** и **Оловянный Рудник**. В этих милых декабристских местах пацаны отодрали в туалете зеркало и загнали на одном из полустанков. Ну именно там, где маялись баре-идеалисты, кои страшно далеки были что от царя, что от народа...

22-го, в день рождения Ильича, в четыре утра высадили в степи на безымянном разъезде. Часа два нестройно шагали, сонные, по весенней степи, наполненной щебетом птиц и ароматом трав, пока не достигли точки назначения - энской танковой дивизии, навечно врытой в эту каменистую землю.

Значит, так. Служба идет полным ходом. Сейчас я в учебной роте мотострелкового полка танковой дивизии. Так сказать, десантник - "Держись за скобу, не падай!". Хотел податься в шофёры, или хотя бы водителем танка, но выпало пулеметчиком - ДП (Дегтярева пехотный) весит 8,4 кг без магазина, 11,3 кг со снаряженным магазином. Естественно, оружие всегда готово к бою, стоит мне только снять **ружжо** с плеча и сообразить, где враг, куда **пулять**.

Ещё больше таскает помощник, на нём, как на верблюде, два **цинка**, каждый с четырьмя снаряжёнными магазинами. А, между прочим, магазин ("тарелка") содержит 47 патронов и весит около 3-х кило. Так что помощнику **ваще** не сладко, надо тащить под

30 кило боезапаса...

В мае первый раз потрянуло. Так мы узнали, что такое землетрясения. Во время пилки дров закачался "козёл" и из него выпал недопиленный берёзовый чурбан. Сержант, командовавший дровозаготовками, смачно выматюкался. Стены казарм и постройки военного городка не пострадали ни от землетрясения, ни от мата.

Нина пишет, что скучает, но помогает работа. Замполит полка подполковник с украинской фамилией Ивченко мне, как и водится у хохлов, поблажек не дает. Нас тут в дивизии несколько сот из тех четырех тысяч москвичей, которых сюда запихнули по весеннему призыву. Сержанты-деды из сибиряков готовы нас, столичных задавак, живьем сожрать. У меня получился один пока человек, с которым почти полное взаимопонимание - Володя Врубель, какой-то внук вроде бы настоящего Врубеля, причем сам тоже начинающий художник. Вечно пытается уклониться от муштры и мазнуть в блокноте карандашом зарисовку. Ему будет легче, его уже заметили, и дали чего-то оформлять в Ленинской комнате. Мы же, простые смертные, изучаем оружие, политграмоту и роём сортиры поочередно в разных углах плаца. Земля каменистая, проклинаешь всё и всех на свете, – и зодчего, и кормчего, и корифея всех наук и народов, и Никиту Сергеевича с ним за компанию.

Тоскую по Нине, а она пишет так мало, пол листочка торопливым почерком. Скучаю по Москве, по шумной студенческой ватаге. Смирясь с жизненными неудачами, всё ещё надеюсь после демобилизации восстановиться в университете. Но основная боль от призывной травмы прошла. Осталась неудовлетворенность самим собой и растёт желание наладить жизнь по большому счету.

Часто вспоминаю, мелочно перебирая, студенческие годы в

Москве, наше с Ниной молниеносное знакомство, чудную зиму в Снегирях.

Или как, впервые приехав в Москву ещё бестолковым сопляком, радостно толкался по перрону, пробираясь на привокзальную площадь. Сзади фундаментально высился Курский вокзал, а вокруг бурлила всамделишная Москва. Никто не встречал меня, поскольку припёрся без приглашения, но столицу я полюбил с первого взгляда, хотя и тяжёлой любовью.

...Первое время я пытался сыграть на своих проблемах с сердцем, но здесь это всё проходили. Как-то отпросился и поплёлся в санчасть, ссылаясь на приступ. Мне дали какую-то пилюлю и полстакана воды. Я выпил, и мне действительно полегчало. Через минут десять я честно сказал фельдшеру, что легче. Он меня выматюкал и сказал, что сообщит командиру роты, что я **сачок**. Оказывается, он дал мне **плацебо**, таблетку из крахмала для распознавания симулянтов. Мне было стыдно за свое дилетантство, но ведь в самом деле стало легче!

К двадцать третьему мая получил телеграмму от Нинули с поздравлениями. Пошел к замполиту-хохлу разузнать, нельзя ли ей приехать сюда в часть и поработать, пока я отслужу свои два года (у нас летом + 40, зимой – 40, так что приравнено к Заполярью), но он мне ничего утешительного не сказал, говорит, что даже много офицерских жен маются без работы, мол, не срывай её из Москвы. Тоска собачья! Молодая жена где-то за восемь тысяч кэмэ... Пишу ей через день, и от неё дважды в неделю приходит милое письмецо.

...Ни облачка на небе. Жара и пустыня. Пустыня, покрытая однообразными сопками, за ними неподалеку монгольская граница, а дальше Гоби. На сотни километров – Гоби, Гоби, Гоби...Песок и ветер, ветер и песок в бесконечных играх транжирят время, да самая высокая сопка, словно китайский зонтик, держит

над головой раскаленный солнечный диск. Ещё цепочка верблюдов мельтешит у горизонта. То не таинственный караван тянется в Бухару, а небольшое стадо, его перегоняют с соседнего бурятского колхоза на мясокомбинат в городишко Борзя, у которого и стоит 15-я танковая дивизия...

Ну, куда я попал, зачем мне эти военные игрища?.. Кого нам ещё завоевывать? Китай? Так он вроде наш друг, ещё более красный, чем мы сами. Японию? Так её надо было захватывать в 45-м, а сейчас, когда на Японских островах прочно обосновались американцы, нам там делать нечего...

Через неделю нас быстро выпустили из учебки и заставили отбубнить на плацу присягу. Теперь мы допущены к настоящим стрельбам, и уже два раза нас гоняли на стрельбище по вечерам. Идешь по степи, еле ноги волочешь, сгибаясь под проклятым ДП, но такой густой настой весенних трав, что прямо хмель в голову. В голове два фантома - Москва и стихи, которые приходится сто раз через мозги прогнать, чтобы потом вспомнить и записать. Только размечаешься, как раздается рык: "Запевай!".

Хотя со стрельб обычно возвращались затемно, но ужин нам в столовой придерживали и оказывалось погуще, чем в обычный день, так как мы ели последними и повара освобождали котлы. Сегодня досталось по полторы миски неплохих щей, а на второе, кроме пюре, поставили эмалированный таз тощей и вонючей тихоокеанской селедки, так ребята накинулись без всяких норм, и мне досталось три штуки – невероятный кайф!

Потом, наконец, благословенный час на личную жизнь. Тут тоже повязан - надо на завтра подшить свежий подворотничок, закрепить ослабшую пуговицу, написать письмо. Передвигаешься по казарме, как тень. И ещё успеть бы до отбоя записать стихи, которые родились в голове во время марша. А если вкатили наряд вне очереди, то часов до двух драишь полы в казарме...

Есть, понятно, и мировые проблемы. Не забыть во время купить в магазинчике при части баночку **асидола**, чтобы эффективно чистить латунные пуговицы формы до умопомрачительного блеска, а иной раз позволить себе разориться и на баночку настоящего гуталина, чтобы утереть носы проверяющим из какой-нибудь приезжей из Читы или ещё повыше комиссии, классно надраив сапоги. А так, каждодневно, по будням, кирзятину приходится ваксить солидолом, его запасы в помятом ведре на площадке курилки около казармы старшина ежедневно пополняет, проявляя отеческую заботу о солдате...

Стало крайне тяжело. Нинка приехать не может, пишет драматические письма. Я нервничаю. Милитаристские амбиции наследников генералиссимуса мне до фени. Мои убеждения прочно сложились, так что каждая матерщина товарищей командиров ранит до глубины души. Тем более, крепить оборону, а значит, усиливать их шанс на мировую революцию, я никак не могу. Понимаю, что доразмышляюсь до лагерной зоны, минимум до стройбата, но пересилить себя не могу. Теперь понимаю, что надо было на месячишко смотаться из Москвы в родные места, переждать весенний призыв, но поздно, мышеловка захлопнулась.

А тут ещё жена пишет, что съездила к родным в Казань и тётка ей силком устроила **освобождение**, в смысле преждевременные роды (8 месяцев, мальчик) в клинике Казанского медицинского института. Жаль Нинку страшно, но приходится со всеми этими обстоятельствами вынужденно соглашаться, как соглашаются с неизбежностью периодических землетрясений, наводнений и др. непреодоленных ещё пока большевиками стихий. Но и эта боль притупилась, я верю Ниночке и, в конце концов, убедил себя, что ей там виднее.

Романтика тех нескольких месяцев, когда мы с Нинкой отчаянно пытались поплыть по жизни вместе, несколько схлынула, но не забыта и всегда меня поддерживает, когда уже бывает

невмоготу, хоть вешайся.

В свете сказанного, решил саботировать военную дрессуру всячески. Когда пару недель назад объявили о том, что дивизия в июле примет участие в учениях с форсированием пограничной с тугриками (так солдаты называют монголов) реки Онон, мое решение уже было predetermined - на фиг мне это!

Тем более, что ходят слухи о том, что учения могут быть с применением атомной бомбы. Ни хрена себе!..

Нина пишет и знаю из газет, что в конце июля в Москве начнется V-й фестиваль молодежи и студентов, что, конечно, для нашего соцконцлагеря событие неординарное. Завидую ребятам, оставшимся в Москве, пообщаются с детьми асфальта и небоскрёбов напрямую...

Дивизия начала активно готовиться к учениям. Нас, салаг, начали приучать к новеньким, еще секретным, "Т-55". Как залезать на движущийся танк сзади, как устраиваться на броне с комфортом (то самое "Держись за скобу, не падай!"), как спрыгивать на ходу. Не перепутать танки, не забыть свой **борт** - 148...

Тут ещё на днях произошло одно пренеприятное, но курьёзное событие. Нам стали доверять ходить в караулы, охранять склады и т. п. ерунду. Караульное помещение на сопочке, внизу в ложбине - дивизионный городок, штаб, склады, жилые дома офицеров, Дом Культуры (очаг социалистической культуры) и тэпэ. Ну, так, значит, закрутилось - два часа стой, два часа бодрствуй, надраивая автомат или играя в шашки, если сержант потерял тонус и не загрузил читкой "Правды" ("Правда", одна только "Правда" и ничего, кроме "Правды"), затем два часа якобы сон на деревянных скрипучих нарах покотом в одежде (а вдруг враги, ну, а у нас боеготовность на высоте...). И, само собой, с утра до вечера дрессура - "увидел нарушителя, стреляй!".

А уж всяких баек про страшные случаи при охране важных оборонных объектов наслушался – уйму! Ну вот, на вскидку... Вроде на станции Даурия в прошлом году осенью было ЧеПэ так ЧеПэ. Ну, значит, склады. У каждого склада – пост. Один салага заступил на пост с нуля часов, а ночь в новолуние – хоть глаз выколи. Конечно, над входом в склад фонарь болтается, но в ту ночь дизель барахлил и лампочка не горела.

Солдатик ходил-ходил, пару сигарет выкурил, пару раз пописал, а потом присел под бревенчатой стенкой склада и на минуту задремал. Ну, честно, на пару минут, потому как ветерок тянул очень зябкий, а бушлат продувной, совсем не греет. Пацан присел на какую-то булыгу, родной АК-47 с примкнутым клинком меж ног зажал, чтобы враги не спёрли грозное оружие.

Только смежил веки, вдруг мягкий, но неотвратимый шум, схожий с пикированием голодного беркута на беспечного тарбагана, прервал короткую дрему. Отличник боевой и политической подготовки получил, как говорится, мешком по голове. Ему в лицо брызнуло чем-то тёплым. Рядом о камень звякнул чужой нож.

С трудом оклемавшись, солдат сбросил оседлавшее его, ещё трепыхающееся, но уже бессильное, неопасное тело диверсанта наземь и, вскочив, заученно шагнул к навесу часового, в котором был подвешен обрезок рельса. Схватив штатную железяку, он начал бешено колотить в рельс, что означало “нападение на пост”. В караульном помещении за следующим пакагузом взревела сирена. Затопал кирзачами наряд, бросившийся на подмогу...

Утром подвели итоги. Диверсант прыгнул на часового с крыши склада, но не учёл бестолковости солдата, присевшего под стеночкой и зажавшего автомат с примкнутым клинком меж ног. И нанизался на клинок.

А ведь по “Уставу гарнизонной и караульной службы” часовой не имел права усаживаться и располагать автомат между ног. Надо стоять в определённом дислокацией месте и бдительно

всматриваться во враждебную темноту, держа автомат горизонтально в положении для стрельбы стоя...

Говорят, там, на границе, такие случаи нередки. Узкоглазые диверсанты, бесшумные как кошки, нередко снимают часовых, прыгая на несчастных ребят с крыш пакгаузов с ножом. Их привлекают не оружие или снаряжение. Грабят обычно продуктовые склады.

Прошло несколько дней, и вот однажды спустился с разводящим в шесть утра к складу на окраине военгородка и заступил до восьми. Моя территория - сто метров между двумя мрачными пакгаузами с множеством дверей, увешанных амбарными замками. В одну сторону в проём между охраняемыми объектами просматриваются жилые дома, в другую - скверик со зданием штаба дивизии и непрямым гипсовым Ильичем монгольского облика. По режиму несения караула проход людей между складами разрешен с 8-ми утра до 22-х вечера. Поэтому днем штабные офицеришки непрерывно шастают меж складов домой и обратно то щей похлевать, то чаю попить, иначе в обход им итти далековато.

Так вот, смотрю я на часы - стоять ещё минут десять, уже по сопочке и разводящий с тремя сменными спускаются, скоро пост сдавать. На моей тощей потной шее болтается АК-47 с примкнутым клинковым штыком, чтобы если враг, то сразу срезать его очередь или распороть ему брюхо штыком. Просто сбрось предохранитель, и – фуяк!!!

Чудесное тихое летнее утро наполнено запахом благоухающей вокруг полупустыни. Какие-то птахи поют в бездонном континентальном небе. Вдруг прямо на меня на охраняемую территорию вторгается заспанный старлей и прёт прямо на меня, мечтая побыстрее добраться до штаба. Я среагировал, как овчарка - "Стой, назад! До восьми проход закрыт, вернитесь!" Однако старлей, видя, что за ним в отдалении идут ещё несколько

офицеров, закусил удила и обложил меня избранным матом.

"Понаставили сцыкунов, мать вашу, работать не дают!.." - **забазлал** этот козел.

Вообще-то, я никому не позволяю безнаказанно меня материть, такой вот неудобный принцип. Поэтому я озверел, нащупал предохранитель и крикнул срывающимся от ответственности голосом, как Пушкин перед Державиным: - "Стой, стрелять буду! Назад!". Старлей оторопело остановился. В отдалении накапливалась кучка офицеров, которые, однако, выручать неудачника не торопились. Они открыто хохотали. Нарушитель зло прошипел: "На губе сгною, сука!..". Это меня довело до точки кипения. Я перекинул переводчик режима огня на одиночный огонь и прорычал: "Ложись или пристрелю!.." В ответ штабист выразился так непечатно, что воспроизводить брезгую, и продолжил мелкими шажками двигаться в мою сторону. Скажу только, что русский язык козёл знал отменно. Я глубоко вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, дважды нажал на спусковой крючок, то есть два раза пальнул под ноги чёрноротому сквернослову. У офицерского сапога пули вскинули горсти ржаво-коричневой пыли. Наконец, офицер осознал, что солдатик не шутит, и повалился на каменистую тропинку. Другие офицеры продолжали хохотать в отдалении.

Тут, наконец, подбежали в конец запыхавшиеся разводящий сержант со сменой, белые как мел. Они услышали перебранку и ускорили шаг, но моя стрельба заставила их применить на финише бурный спурт. Не менее забористо матерясь, не дожидаясь, пока я спрошу у него пароль, сержант поменял караульных и повёл нас в караулку, не забыв отцепить рожок с моего автомата.

Происшествие могло иметь для меня непредсказуемые последствия, но разбирать инцидент прибыл командир полка (скука, чем ещё заняться...) и неожиданно стал охлаждать доложившего ротного, который вдруг в своем рапорте отметил мою

давно замеченную им леность, политическую безграмотность и прочие недостатки, плавно переходящие в антисоветчину.

Комполка же, подумав, наоборот, к удивлению присутствовавших офицеров, похвалил солдата за строгое исполнение требований Устава караульной службы. "Если каждый раздолбай будет в неположенное время ошиваться у охраняемых объектов, мы не сможем крепить оборону любимой социалистической Родины, как того требует от нас Коммунистическая партия..." - сказал он. Таким образом, вместо дивизионной губы, про которую солдаты рассказывали всякие мрачные истории, я сподобился на косвенное признание моей правоты. Однако от несения караульной службы меня почему-то освободили. Так, на всякий случай...

Взводный сделал свои выводы и стал меня при всяком свободном миге натаскивать в спортзале, чтобы я своей хилостью не подвёл взвод во время предстоящих международных учений в июле. Восьмикратное подтягивание на турнике его не устраивало, он требовал не менее пятнадцати раз. Он также убедительно, с применением привычной ненормативной лексики, рекомендовал подтягиваться с отягощениями, например, привязывая к каждой ноге по пятикилограммовой гантели... Ещё настаивал на полусотне отжиманий. "Одолеешь пару сот отжиманий, любому в харю дашь без проблем!" - повествовал он. Сам он был действительно по-сибирски крепкий человек. Мог запросто левой согнуть дюймовый железный прут на ограде, над исправлением которого потом по его команде добрый час маялась пара салаг.

Для убедительности, каждую вторую ночь давал наряд вне очереди на мытьё полов в казарме, что, по его мнению, закаляло бойца ещё больше. Днём я имел вид сонной тетери да ещё замучили фурункулы. Мы, европейцы, очень страдали от перемены климата, и чирьи доводили нас до полного изнеможения. У меня их возникло штук шесть, на животе, на бедрах и под коленками, где тёрли кромки голенищ. В ларьке на

законные сорок рублей вместо папирос (я курил тогда с ребятами гнуснейшую махру) приходилось покупать "Тройной одеколон" и непрерывно себя протирать.

И вот в последних числах июня во время одного из ночных бдений со шваброй я придумал неплохой вариант. Вздохнул поглубже, заорал благим матом и сел на пол. Подбежал дежурный по казарме. "Не ори, ребят побудишь, мудозвон!" - закричал он в ответ. Я объяснил на единственно понятном ему языке, что меня прихватило приступ аппендицита и скоро я помру, а он будет сидеть на губе за непринятие мер. Это убедило хлопца, и он позвонил по службе.

Через минут тридцать военный механизм СССР повернулся-таки на один щелчок колёсика, за мной приехала дежурная машина и повезла в госпиталь. Ещё через час я уже лежал на операционном столе. Должен сказать, что я не боялся провала. У меня со школьных лет часто бывали приступы хронического аппендицита, но всё откладывал операцию, так как всегда не доверял врачам и боялся их зоологически. Но в данной ситуации я поступил как кошка, прыгающая из окна горящего дома в ненавистный ей пруд. Поэтому зевающий военный хирург запросто подтвердил диагноз и скомандовал - "На стол!".

И вот оно началось! Привязали руки и ноги. Сделали местное обезболивание, обколов область предстоящего хирургического вмешательства. Сердобольная, сказочно красивая ночью сестричка стала в голове и ласково гладила за ушами, тихонько подбадривая байками про необыкновенное мастерство хирурга. Послышались хрестоматийно-анекдотичные команды: "Скальпель... зажим... тампон...". В голове пронеслось знакомое с детства продолжение: "Спирт... огурчик... следующий!".

Вдруг в операционной погас свет. "Не бойся!" - сказала сестричка, сильнее удерживая меня тёплыми ласковыми ладошками и дыша мне в темечко. – "Видать, дизель полетел. У нас это по ночам бывает..."

Операцию заканчивали при свете керосиновой лампы типа "Летучая мышь".

После недельного лежания в госпитале мне дали освобождение от штатного несения службы на один месяц. Как раз через два дня дивизия была поднята ночью по тревоге и загремела на учения.

На период учений меня и ещё несколько выздоравливающих поселили в казарме при штабе дивизии, там же обитали солдаты из хозяйства замкомандира дивизии по тылу, шофёры - штабные и с хозмашин, а также воины-спортсмены, обреченные на вечные тренировки, но с льготным правом выезда на соревнования.

Меня приписали к хозвзводу и послали на фронт борьбы с антисанитарией вместе с одним веселым костромичом (кажется, его звали Володька) с приказом продезинфицировать все туалеты офицерского городка в десятидневный срок...

Фронт работ по наведению порядка в общественных туалетах офицерского городка оказался не менее протяженным, чем 2-й Украинский в 1944-ом - около тридцати дощатых скворечников, каждый на 8-10 посадочных мест, стыдливо разделенных символическими дощатыми перегородками на мужское и женское отделения.

Городок состоял из двух десятков жилых трёх и четырехэтажных домов, нескольких штабных, хозяйственных, спортивных (стадион), госпиталя, двух магазинчиков и иных обитаемых построек, и около каждой был неременный туалет, ибо иначе, при отсутствии всяких удобств в домах, пришлось бы по нужде бегать в сопки, загаживая уникальный ландшафт.

Нам с Володькой выдали по две пары рукавиц, коричневые халаты, по одному заплечному опрыскивателю системы "Автомаск-1" и - с Богом, мать вашу!.. Распыляли ДДТ от выплода вредных насекомых, обитающих в отходах человеческой жизнедеятельности, брызгали полы лизолом от коварного

холерного вибриона и обильно посыпали посадочные места туалетов (очки) и две доски, имитирующие парижские писсуары, хлорной известью.

В дурацких коричневых халатах мы выглядели, как дебилы. В день успевали за полчаса обгадить дезсредствами три уборных, растягивая удовольствие с таким расчетом, чтобы работы хватило на десять дней.

С учётом того, что стояла обычная здесь жара в 30-32 градуса, находиться в этих уборных более пяти минут грозило потерей рассудка, затем сознания, а ещё потом через несколько минут и жизни. Поэтому мы в основном отлёживались на ближайшей сопочке в зарослях полыни, загорали пока ветерок сдувал смрад с наших перетруженных мышц, до одури вглядывались в синее бездонное небо, тоскливо следили взглядами за облаками, неторопливо плывущими в такой недоступный нам на два года мир относительной личной свободы.

Фельдшер Анатолий проверял проделанную работу, обходя готовые объекты в 17.00. С этим Анатолием я как-то раззнакомился, он даже разок пригласил меня через несколько дней в гости. Жил он в скромном глинобитном домике из трех комнатёнок, стоявшем в том углу поселка, где обитало в собственных домах несколько вольнонаёмных семей из местного населения, предков которых судьба занесла ещё до революции в эти неповторимые места. Пошёл я к нему в гости не сразу, а после доброго часа отмачивания в дивизионной бане, куда нашему льготному контингенту разрешалось ходить два раза в неделю индивидуально, а не строем, как положено в армии. Тепло меня приняла и маленькая, опрятная жена Анатолия. Угостили домашним супом с курицей и овощным рагу.

Разговорились, и я выболтал, что женат и очень жду, когда Нина приедет проведать, но не знаю, где ей остановиться. Хозяйева любезно предложили, чтобы она остановилась у них. Я на радостях сказал, что завтра же дам жене телеграмму о том, что

вопрос с жильем решен. С моей стороны весь этот разговор был импровизацией, и я ещё не знал, во что всё выльется. Во всяком случае, казалось мне, можно будет на любом этапе эту договоренность отложить или отменить.

Ещё через два дня нас с Володькой отозвали с фронта борьбы за здоровье нации и бросили на погрузочно-разгрузочный фронт. Впервые со дня призыва нам предстояла командировка за периметр дивизии. Подошла утром бортовая "ГАЗ-51", в кабину сел лейтенант, мы с Володькой залезли в кузов на кучу пустых мешков и понеслись в сторону городка Борзя, в котором когда-то гнусные японские самураи в паровозной топке сожгли бессмертного героя Лазо. Это уже совсем близко от границы, на которой расположилась станция Даурия. За три часа добрались до пункта назначения. Эта самая Борзя оказалась прекрасней, чем Париж, хотя мы и не имели возможности их сравнить.

Быстро в каком-то складе нагрузили сорок мешков сахара в обмен на порошки, укрыли брезентом, и тут лейтенант проявил несвойственную советскому офицеру мягкотелость и разрешил нам пройтись по городу минут 20. Мы не только прошлись, но и сумели купить две бутылки пива. Сам он тоже побежал по магазинам выполнять поручения любимой жены. Ну, где двадцать, там и тридцать. Вернулись мы к машине через час, а лейтенант припёрся еще минут через сорок. "Где вы лазите," - нашелся он, - "я вас больше часу повсюду ищу!" Городок состоял из трёх продольных и двух поперечных улочек, которые прекрасно просматривались из центра, от неизменного Ильича.

После захода солнца сильно похолодало, что здесь не редкость, и на обратном пути нам очень пригодился брезент, которым был укрыт сахар. Он укрыл и нас. Мы бережно приобщались к драгоценному пиву, заедая от припасённой буханки свежего борзинского хлеба, и пели песни. Домой в расположение добрались уже затемно.

10 июля дивизия вернулась с учений, но всех слабаков

оставили при хоззвезде до конца действия льготных справок, то есть мне предстояло курортничать по девятое августа.

К середине июля у меня созрел дерзкий план побега из армии. Затем я снова побывал дома у Анатолия и обрадовал их тем, что Нина дала, мол, телеграмму о том, что взяла на период Фестиваля отпуск и приедет поездом числа 25-го на две недели, пока я относительно свободен и на легком труде. Они согласились, чтобы она пожила у них, обещали дать нам комнату с почти новым диваном.

Числа двадцатого я попросил у Анатолия гражданскую одежду, чтобы сходить на разъезд узнать расписание поездов, а также в этой одежде встретить жену и проводить после побывки. Он дал мне штаны, разношенные туфли, рубашку в клеточку, спортивную курточку мрачного провинциального цвета и серую, почти ленинскую, кепку, а также пару носков.

Володьке я заправил, что жду в гости жёнушку из самой Москвы, чему он очень позавидовал, прямо-таки расстроившись. На следующий день, попросив Володьку подстраховать меня, пока я слиняю на полдня, чтобы смотаться на разъезд узнать расписание и всё такое прочее, я после обеда переоделся в пролетарскую робу Анатолия и отправился **пехом** на станционный разъезд. Хорошо, что при выходе из посёлка не было никакого КПП. Через два часа пути я достиг разъезда, осмотрел навес, заменяющий вокзал, и запертую будочку кассира и за несколько минут изучил и расписание и ситуацию. По нечетным числам в сторону Большой земли с двухминутной остановкой на разъезде в 16.35 следовал только один пассажирский поезд "Даурия - Чита". Никакой милиции или военных патрулей на разъезде, конечно, не было ввиду полной ненужности.

Денег у меня было припасено 184 рубля, что, по подсчетам, уверенно хватало добраться до Москвы, если пользоваться плацкартными, а ещё лучше общими вагонами. Итак, час Икс

приближался. Я написал Нине и отправил авиа большое письмо, в котором подробно описал свои невзгоды за последний месяц, подводя её к мысли, что это испытание не для меня, что я два года не выдержу.

25-го июля я вновь попросил Володьку меня подстраховать, сказав что иду на разъезд уже встречать жену и что будем с ней ночевать у Анатолия, примерно в половине второго взял авоську с кое-какой едой, нинкиными письмами и прочими личными вещичками и потопал в сторону разъезда, в сторону, как я думал, свободы.

Задуманное совершилось через три часа буднично и просто, как всё гениальное. В 4.15 пополудни пришла кассирша, открыла будочку, продала до Читы три билета, один мне, а ещё два каким-то смурным сельским бабам из пристанционного посёлка или из другого какого ближнего села, и вышла на свежий воздух с колченогим стулом и села щелкать семечки в ожидании поезда. Вскоре подвалил даурский экспресс. Я вскочил на подножку нужного вагона, всё ещё не веря в правдивость всего происходящего. Но грязные вагоны лязгнули и поезд медленно покотил, подчиняясь окутанному смрадным дымом паровозу, в Читу.

Прохладное континентальное утро я встретил в читинском вокзале. Вышел, поживаясь на площадь, купил в гастрономе полкило одесской (бывшей еврейской) колбасы, бутылку кефира и мягкий ароматный батон. Уселся на скамью в ближайшем сквере и с аппетитом позавтракал. Это был, поверьте, завтрак свободного синьора. Потом снова зашел в вокзал, изучил расписание и взял билет до Омска на вечерний поезд. На Москву в связи с Фестивалем билеты не продавались. Да и на случай, если меня будут искать в поездах, то наверняка особое внимание уделят именно поездам, идущим в Москву, зная что у меня там молодая жена. Я знал по рассказам, как изобретательно ищут дезертиров и,

как правило, быстро находят. Воинская часть посылает в поиск лучших следопытов-разведчиков. Я полагал, что меня хватятся только сегодня часов в одиннадцать, а так как я при хоззвезде, то могут и вообще ещё не среагировать.

У нас в дивизии, конечно, бывали случаи пропажи солдат в форме **самоволки**, но это никого особо не пугало, так как бежать некуда, а самовольщики убегали в гражданскую часть офицерского поселка, состоявшую из полутора десятков частных домиков. В каждом втором жила или вдова или разведёнка, матери-одиночки, которые имели помногу детей и форменным образом бедствовали, так что за банку тушонки или пару банок сгущёнки иногда ребята отрывались на пару-тройку суток у этих понятливых и практичных матерей-одиночек. В части гуляк терпеливо и тактично ждали, обыска в поселке при самоволке до трех дней включительно не делали. Это негласное мудрое правило знали все, кому не лень, и парни возвращались сами, измождённые, но повеселевшие. Их после всего дней на десять препровождали на дивизионную губу.

Пока выдалось свободное время, я пошёл погулять по Чите, про которую мне много рассказывал мой дед Калистрат Гордеевич Евтушенко. Раза три видел патрулей, но орлиное зрение выручало, и я заблаговременно переходил на другую сторону улицы и нырял в ближайшую подворотню или в магазин. Наконец, залез в общий вагон продымленного состава и покатил в Омск.

30 июля благополучно прибыл в Омск, перекантовался там несколько часов до ближайшего подходящего поезда на Челябинск и опять залёг на свою фирменную третью полку в общем вагоне.

На следующий день в вагоне познакомился с интересным молодым, примерно 25 лет, мужиком Пашкой. Он много говорил со мной, и я так понял, что он моим легендам не верит. У меня с собой на случай проверок был студенческий билет Московского финансового института, копия свидетельства о рождении, но не было паспорта, изъятого военкоматом при призыве. Стрижка у меня была отросший после машинки ёжик высотой в пару

сантиметров, что, конечно, знающих или просто наблюдательных людей наводило на определённые мысли. Мне было впрору напевать "Бежал бродяга с Сахалина звериной каменной тропой...".

Так вот этот самый Павел меня настырно выспрашивал. Моя версия о том, что я студент и ездил в дяде в гости в Читу на время каникул, его, чувствовалось, совсем не убедила. Я прямо-таки стал бояться того, что он может меня сдать на любой станции первому попавшемуся патрулю. Даже его имя Павел навевало мрачную аналогию с Павликом Морозовым, но он оказался парнем неплохим, хотя и себе на уме. Мы с ним выпили уже не одну бутылку водки, и мои денежные сбережения сильно подтаяли. Я прикинул, что когда выйду в Челябинске, то на самый скромный билет до Москвы уже остается всего ничего. Я рассказал о своих финансовых затруднениях Павлу, который предложил мне поехать к нему погостить в Копейск (под Челябинском), куда он возвращался. Потом, сказал он, там у него будет возможность добыть немного денег и отправить меня в Москву. С его доводами пришлось согласиться.

Второго августа прибыл в Челябинск. Как и намечал, поехал с попутчиком Пашкой пригородным поездом в Копейск. Пробыл там два дня. Пашка выполнил обещание и взял мне билет до Москвы на 3-е Копейск - дыра радищевского типа, пыльно и гнусно. В первый день по приезду сели обедать. Были родители Пашки, его старший брат и баба Маня 89 лет. Пили домашнюю бражку, затеянную бабушкой в 38-ти литровом молочном бидоне. Я никогда бражку не пробовал. У нас на Украине такое не квасят. По вкусу едва сладенькое, как столовский компот. Старушенция, несмотря на свои года, шарахнула полулитровую кружку бражки, затем передохнула и выпила ещё полкружки. Я тоже, как и все, выпил кружку этой субстанции. Затем отобедали и в пятом часу местного Пашка с братом повели меня в городскую баню, что было

весьма кстати, так как десятидневное путешествие в душных пыльных вагонах превратило меня в бедуина. Помню, как мы зашли в моечную, взяли шайки и встали в очередь к крану с горячей водой. Дальше ничего не помню.

Проснулся на следующий день часов в 11 по местному времени. То есть, я вырубился в бане, и братьям пришлось хорошо повозиться, чтобы как-то дополоскать меня и дотащить до дома. С тех пор я больше бражки не пью. По техническим причинам (мой крайне отравленный вид) Пашке пришлось сдать мой билет и взять на четвертое число.

На следующий день вечером Пашка проводил меня на московский поезд, дал немного денег на дорогу, авоську с припасами от бабы Мани и пожелание успеха. Я залез на свою фирменную третью полку и вскоре захрапел. Так и провалялся до конца пути. Восьмого вечером я прибыл в Москву. Телеграммы Нине я не давал, так как был уверен, что в Москве меня уже ждут гонцы из Забайкалья.

Из её писем я знал, что в последнее время она снимает комнату в Армянском переулке, что совсем недалеко от её места работы - славного кафе "Чайка" на Покровке, пардон, на Чернышевского. Едва наскрѐб мелочи доехать на метро до "Кировской" и вот, наконец, в двенадцатом часу добрался до нужного дома. Заходить я не стал, размышляя, как ей о себе дать знать. К счастью, вскоре вдали показалась женская фигурка, и я радостно признал в ней Нинулю. Она явно возвращалась с какого-то фестивального мероприятия. Горячо обнялись и пошли обратно в город, боясь зайти к ней. Проговорили до утра. Нинка одобрила моё решение сбежать из армии, и мы начали строить разные планы действий. К ней уже не раз приходили из **органов**, и она всё знала давно. Как раз седьмого Москву покинули иностранные участники фестиваля и строгости в столице поубавилось. Но до двенадцатого фестиваль ещё продолжался для советских участников этого бурлеска. Утром она привела меня

к одной своей подруге из кафе, и та оставила меня до вечера в своей однокомнатной квартире. Так я стал ночным монстром - днем сплю, а ночью встречаюсь и разгуливаю с женой.

Несколько следующих дней по вечерам гуляли по Москве и не могли нагуляться. Вчера поехали троллейбусом от Киевского вокзала на Воробьевы горы к Университету. Это прелестное место зачем-то десять лет назад переименовали в Ленинские горы, ну так народ упростил сию новацию в Ленгоры. "ам со смотровой площадки немного полюбовались ночным видом Москвы и спустились около церквушки в заросли, раскинувшиеся по склону. Было уже ближе у полночи и эти заросли, прорезанные по случаю Фестиваля прибранными дорожками, были даже кое-где освещены простенькими электрофонарями на столбах, впрочем, несильными, так что студентам и другим влюбленным парочкам они помехой не были.

Мы устроились под корявой сосной, вынужденно расположившись непосредственно на её неудобных корнях. Выпили бутылку портвейна, кажется, "три семерки" ("777"), и занялись тем, чем, собственно и славятся Воробьевы горы, то есть любимым делом воробьев и студентов. Конечно, Нинке, с учётом того, что она возлежала на этих самых корнях, не позавидуешь, но так у нас вышло, иначе, не держись мы за эту сосну, сползли бы по склону в овраг.

Вдруг в блёклом свете довольно далекого фонаря сверкнули звёздочки на погонах - за нами кто-то, затаясь, наблюдал. Мы шёпотом обменялись своими страхами и решили делать вид, что слежку не заметили. Кое-как закончили свои дела и продолжали громко целоваться, не произнося осмысленных фраз. Если это уже выследили меня, то зачем ждать и прятаться. Решили, что это обычная фестивальная стража, растыканная в столице за каждым кустом.

Когда мы собрались уходить, то была опасность, что у меня и Нины спросят документы, а может быть и отведут "для

выяснения"... Возвращаться же мы должны были как раз мимо наблюдателя, он, паразит, занял выгодную позицию. Поэтому я взял Ритку на руки и понёс прямо на любопытные погоны. Я довольно упарился, протаскивая её метров пятьдесят, а может, и сто, покуда не миновали топтуна и не удалились ближе к смотровой площадке. Сообразив, что преследования нет, прыгнули в первый же подошедший троллейбус и отчалили в сторону Киевского вокзала.

Постепенно адреналин первых дней выдохся и надо было продолжать, то, что уже совершено. Нужно было как-то легализоваться, обзавестись документами и устроиться на работу. Бежать за границу не было никаких шансов.

Бродя как-то днём в районе Армянского переулка с целью убить время, я наткнулся на две школы. И вдруг меня осенило. Я вспомнил, как в десятом классе несколько месяцев занимался в парашютном кружке и даже два раза прыгал с парашютом. Я быстро составил планчик действий и зашел в ту школу, около которой стоял. Оказалось, что пионервожатая больна. Зато в следующей школе я быстро нашел нужное мне существо-переросток в пионерском галстуке и с комсомольским значком на несвежей белой блузке. Я сказал ей, что выполняю задание Тушинского аэроклуба по набору старшеклассников в парашютные кружки и что, если она хочет оживить работу комсомольской организации школы, то пусть срочно соберет мне после уроков девятиклассников, желающих учиться парашютному делу, достигших 16-ти лет, для установочной беседы. Девушка загорелась прекрасной воспитательной затеей. Через час с небольшим я уже рисовал в одном из свободных классов на доске схемы парашютов, приёмы их укладки. Живо рассказывал разные невероятные случаи из практики, сам назвался мастером спорта по парашютному спорту, чего искренне пожелал и будущим парашютистам. Человек десять из двух десятков учеников, завербованных пионервожатой, "изъявили желание" и написали

под мою диктовку соответствующие заявления в Тушинский аэроклуб. Тем, которые ещё не имели паспортов, я сразу отказал в праве на рекорды в этом виде спорта. "Изыявившие" побежали домой за паспортами и через минут сорок все вернулись с новенькими паспортными книжками.

Хорошо, что Нина меня обстирала и чисто приодела, а также то, что я накануне подстригся. Хотя моя, обгоревшая под забайкальским солнцем, рожа и выглядела не по-московски монголоидно, но как-то пронесло. Через несколько минут я собрал штук восемь принесенных паспортов и, под предлогом показать их в дирекции клуба для оформления соответствующего приказа о зачислении, покинул гостеприимную школу и, сдерживая желание побегать, степенно направился к метро "Кировская", куда благополучно и нырнул...

Сидя через полчаса в уютной квартирке Нининой подруги, я внимательно осмотрел добычу. В результате изучения документов пришел к выводу, что наиболее подходит для моей нужды паспорт девочки Таниной Евгении Александровны. Она родилась в июне 1941 года и совсем недавно получила новенький паспорт. Два паспорта пацанов я сразу отверг, так как они оказались десятиклассниками 1940-го года рождения, значит, у них уже должны быть приписные свидетельства военкомата и по таким паспортам мне не прожить. Остальные паспорта девочек не подходили из-за сугубо женских имен, которые трудно переделать в мужские.

На следующий день я купил флакон чёрной туши, пару школьных ручек и несколько стальных разных перьев к ним. Вооружившись лезвием, аккуратно подтёр окончание имени-отчества Евгении Александровны и вскоре в паспорте уже красовался молодой человек Танинадзе Евгений Александрович. Немало пришлось повозиться с переклейкой фотографии, так как на уголке оной стояла выдавленная печать отделения милиции. Пришлось свою "3х4" хорошенько придавить обрезом

трехкопеечной монеты, которая наиболее близко соответствовала по диаметру. Для верности, по монете стукнул молотком. И вот к вечеру, когда пошел встречать Нину, в кармане уже лежал мой новенький "серпастый и молоткастый". Остальные паспорта я тщательно изорвал и выбросил в урну, где было полно гнусного мусора, с таким расчетом, чтобы никто не проявил любопытства и не отнёс клочки в милицию. Теперь начиналась новая жизнь, в которой я "помолодел" на шесть лет. Придётся коротко и часто стричься и по два раза на дню бриться. Вообще-то я за последние полгода сильно похудел, так что, как дистрофик, вполне мог сойти за шестнадцатилетнего акселерата.

Нина написала маме в Запорожье письмо, в котором обещала ей приехать в гости. Дело в том, что мама забросала её паническим письмами, на которые невозможно было правдиво ответить. К ней наверняка не раз приходили из милиции и военкомата, ей не напишешь, что я дезертир и кайфую с Нинкой в Москве...

Обсуждая наши дела, мы всё более приближались к выводу, что мне надо попытаться устроиться на работу, но это, мы понимали, невозможно в Москве. Попытки снять комнату под Москвой ни к чему не привели. С неделю я планомерно объезжал электричкой несколько поселков. Неплохо изучил пешком Плющево, Вешняки, Выхино, Косино, Ухтомскую. Но, увы... Подруга Нины отказала в квартире, что-то заподозрив, и я стал все чаще ночевать на вокзалах. Личная жизнь в таких условиях превратилась в каторгу. Мы встречались с Ниной, как в 1956-м, шли на пару сеансов подряд в "Метрополь" и, как салаги, целовались в последнем ряду. Было прекрасно, но тревожно и без всякого просвета впереди.

Сентябрь пролетел быстро. Погода стояла прямо-таки летняя и ласковая. Но в последних числах прошли холодные дожди и болтаться на улице становилось невыносимо. Нина страдала,

глядя на меня, но ничем помочь не могла. Кроме того, на её скромную зарплату в "Чайке" вдвоём прожить было нелегко, хотя шеф-повар, узнав, что у их симпатичной кассирши муж мается без работы, частенько подкидывал ей в конце смены то приличный кусок мякоти, то килограмм сливочного масла, то ещё чего съедобно-питательного.

Была ещё и проблема выживания именно в Москве. Дело в том, что робкое наступление в середине пятидесятых годов новой раскованной моды и стиля жизни в дни Фестиваля и после него закончилось полной победой стилига и неведомых дотоле обычаев и вкусов. Понятно, что перед армией я, как и все в МГУ и в Москве, уже носил зауженные брючки, пока что робко-длинную стрижку и пёстрые рубашки и галстуки, но стилигой в полном смысле этого слова я не был, потому что не позволяли финансы. В моём кругу единственным настоящим стилигой был лишь Олежка Горбуновский, как генеральский сынок, которого папа мог одеть соответствующе.

Теперь же, находясь в подполье и на Нинином иждивении, я вообще не мог соответствовать расцвету моды в послефестивальной Москве. Даже прошвырнуться вечерком по **броду** на Горького было просто опасно – так выделялся я на фоне распугаенных **чуваков** с брода. Конечно, **фарца** процветала и можно было прикупить что угодно, от джинсов до вельветовой куртки, но где было взять столько **башлей**? Не **аскать** же у метро "Охотный ряд"?..

Короче, однажды мы с Ниной приняли единственно возможное решение, что я на зиму поеду куда-нибудь на юг, постараюсь как-то устроиться на работу, прописаться, а затем, если все получится, съедемся в каком-нибудь хорошем городе типа Одессы или Питера и попробуем организовать нормальную жизнь.

Так вот и получилось, что в начале октября в воскресенье, чтобы Нине было сподручнее меня проводить, я взял общий билет до Рязька на пригородный поезд. Нина с большими

предосторожностями отвезла меня на вокзал и посадила в седьмой вагон. Решили, что если кто нас увидит, то сделал пересадку в Рязске, я оборву преследование. Нинка всплакнула, поцеловались, и я поехал в неизвестную новую жизнь, как в Америку.

В поезде было привычно душно и смрадно. Народу набито до предела. Я скромно сидел у захлёстанного грязью окна старорежимного вагона явно царской постройки и даже не пытался что-либо за ним разглядеть – неохота было. Народ живо обсуждал позавчерашний запуск первого искусственного спутника Земли, а я безучастно молчал, думая о своей непредсказуемой теперь судьбе. Хотя в старших классах я зачитывался не только Жюлем Верном и Уэлсом, но и на самого Циолковского посягал, теперь тема покорения космоса в моём мозгу, похоже, или вообще угасла или основательно пристыла. Суровая действительность, в которую я сам себя вверх, диктовала чисто пещерное, простое и неотложное – выживай, Сенька, а то пропадёшь за так!

Вечером приехал в Рязск. Ударил первый морозец. Моё продувное пальтецо никак не грело, поэтому бегло прошёлся по привокзальной площади. Место выглядело против московских вокзалов примитивно и пустынно. То, что везде называлось пристанционными ларьками, здесь выглядело угрюмо, первобытно и называлось ларями. Ларь № 5, ларь № 7 и т.п. Я плюнул на эту экзотику и подался в неказистый вокзальчик. Попил чайку с пирожком и взял, после длительного изучения, билет до Ростова-на-Дону.

Интуитивно я чувствовал, что надо ехать в шахтёрские районы, где вечно нехватает рабочей силы. От Ростова рукой подать до города Шахты, а там уже можно попробовать легализоваться.

Через сутки я вышел на ростовском вокзале и сразу отметил приятную сухую погоду и градусов пятнадцать тепла. В этих краях жить можно! Но в дороге я сильно подковался по ситуации с работой и уже знал, что в Шахтах делать нечего, так как там в этом

году пока нет расширения добычи угля. Основной упор партия делает на возрождение Донбасса и развитие Кузбасса. Подумав, я решил в Шахты не ехать. Полдня побродил по Ростову, который показался мне не очень приветливым, так как с обеда задул мерзкий холодный ветер, и я вскоре снова оказался на вокзале. Здесь выяснил, что через полчаса отходит поезд на Кривой Рог, и меня осенило. Во-первых, Кривой Рог - это как ни как моя родина по маме. Во-вторых, там ЮГОК - Южный горно-обогатительный комбинат, недавно вступивший в строй гигант социалистической индустрии. В-третьих, ЮГОК - это переработка и обогащение железной руды, что я, как несостоявшийся горный инженер, ценил выше, чем копанье угля. Итак, я беру билет, бегу на перрон и через четверть часа уже еду в теплом вагоне в сторону родной Украины.

Не прошло и полутора суток, как я утром высадился на заплёванном перроне станции Кривой Рог. Наскоро чем-то буфетным перекусив, побежал в город определить, какая здесь ситуация. На первом же щите объявлений красовалось несколько призывов идти на работу на ЮГОК и другие важные в народно-хозяйственном плане **підприємства** (предприятия) славного Кривого Рога - железорудного Клондайка советской черной металлургии. Однако когда я добрался до отдела кадров ЮГОКа, то выяснил, что меня не могут взять по малолетству (16 лет!), разве что учеником токаря в ремонтно-механический цех при условии, что разрешит горком профсоюза рабочих горнорудной промышленности. Пришлось опять ехать через весь несуразно разбросанный прокопчѐнный город в профсоюз. Там я с ходу рассказал мающимся от хронического безделья защитникам рабочих, что я почти сирота, мама-москвичка умерла, а папа-грузин оказался только мастером строгать детей и заквасил меня, будучи в командировке в Москве по случаю торговли мандаринами в далеком 1940-м году. Поэтому, дескать, у меня и отчество на русский лад и ни слова по-грузински я не волоку и т.п.

и т.д... Профдамы всплеснули руками и с лёту напечатали разрешение на трудоустройство меня учеником токаря "в виде исключения с учетом семейных обстоятельств". Попутно с меня взяли слово, что я немедленно запишусь в вечернюю школу в десятый класс, чтоб было у меня в жизни всё правильно.

Я обрадовался, но когда приехал на ЮГОК, оказалось, что уже конец рабочего дня и отдел кадров дружно погрузился в трамваи. Ночевать первую ночь мне пришлось на **отвратном** местном вокзале. Ещё не топили, и было сыро и холодно. Скамеек не хватало, а какие были, оказались заблаговременно оккупированы местными бродягами. В туалет было страшно заходить. В одном тёмном углу два наркомана (один без ноги, фронтовик) кололи друг другу в бедра нечто, возможно, морфий. После войны в результате ударной работы госпиталей морфинистов развелось навалом. Это были несчастные опустившиеся люди, калеки, подолгу провалявшиеся в госпиталях, перенёсшие не одну операцию, сплошь и рядом без рук или без ног, не принятые семьями, забытые партией и государством. Возможно, кто-то вовремя не доложил товарищу Сталину, и он не продумал этот вопрос. В другом углу какие-то педики чего-то манипулировали друг с другом, и порядочным добытчикам руды, волею МПС заброшенным до утра на вокзал и протиснувшимся в туалет произвести честную советскую дефекацию, было стыдно за эти родимые пятна буржуазно-капиталистического разложения. В одной из кабин я с ужасом увидел распатланную почти седую вокзальную шлюху, которая чего-то там вытворяла на потребу трех разудалых грузин в огромных серых **аэродромах** на головах. **Кацо** весело и плотоядно гоготали. Поскольку было холодно, то мне пришлось за ночь сбегать в этот вертеп раза четыре, и каждый раз этот поход был равен опущению в ад.

На следующее утро я пробился в этом туалете к умывальнику, кое-как промыл невыспавшиеся глаза и побрислся, увлажняя щеки

ледяной водой из крана, ужасным лезвием ленинградского завода "Звезда".

Добравшись трамваем до ЮГОКа, я к своему удивлению за полдня оформился на работу учеником токаря, отоварился в кладовой спецодеждой, (мне издали показали мой будущий токарный станок - гигант "ДИП-500"), получил направление в общежитие, заселился, оформил пропуск (фотка была припасена из сделанных в Москве на паспорт), и еле нашел силы добраться до своей комнаты в общежитии.

Пожевавши батон с молоком из бутылки, завалился спать на застеленную свежим бельём кровать в довольно чистом, новом, ещё не загаженном общежитии, поскольку к 8 утра мне надо было уже явиться в ремонтно-механический цех и заступать в первую в своей жизни учебную смену. Общежитие было не то, что Стромывка, здесь всё было исполнено по-советски, так как имели дело с **гегемонами** (теперь и я один из них). В комнату вместе со мной вселилось ещё два пацана из Никополя, одна койка пока оставалась свободной.

Утром мы втроём проснулись с большим трудом, но кое-как сумели перекусить теми объедками, что остались на столе с вечера, символически умылись вечно холодной водой, лишь один я остервенело скоблил подбородок варварским ленинградским лезвием. Спецуху мне навывали вчера классную, что так было приятно, ибо я побносившись. Комбинезон, куртка, рабочие ботинки солдатского образца, даже новенькая тёмно-синяя, теплая, на вате фуфайка, что было так необходимо в условиях пусть относительно тёплой, но всё же зимы.

В битком набитом трамвае добрался до проходной и, непрерывно оглядываясь, боясь встретить каких-нибудь знакомых, добрался в толпе рабочих до своего РМЦ. Там понаблюдал немного и понял, что пропуск надо сдать в табельную. Так и сделал. Потом разыскал бригадира и спросил, чего мне делать. Он оглянулся, увидел у инструментальной кладовой дядька Дмитра,

которого я после вчерашнего знакомства ещё не запомнил, и наказал моему мэтру за пару недель сделать из меня человека. Дмытро незлобно матюкнулся: "На шо мэни така нахаба?". Бригадир отвёл его немного в сторону и тихонько стал в чем-то убеждать. Сквозь шум запускаемых станков я слышал только отдельные полуслова-полуфразы. Он пересказал Дмытру ту легенду, которую я ему вчера при оформлении раза два слёзно излагал. "Ну пойми, пацан из неблагополучной семьи, полугрузин и тэдэ. Начал самостоятельную жизнь, а ты залупляешься, герой!". После этого осознавший, что от меня не открутиться, Дмытро повёл меня к своему станку. "ДИП-500" значит "Догоним и перегоним", а "500", кажется, наибольший диаметр обрабатываемых заготовок. Рядом гудело штуки три станков поменьше - "ДИП-200", наш же с Дмытром смотрелся гигантом и действительно впечатлял. Осмотрели станок, вокруг было чисто прибрано. Ночная смена сдала технику и рабочее место в идеальном порядке.

И пошло-поехало. Дядько Дмытро оказался заботливым учителем. Перво-наперво он спросил меня, как по-грузински сказать "... твою мать" и название мужского достоинства. Пришлось ему объяснить, что меня воспитала мама-москвичка, а от беспутного отца-грузина у меня осталась только фамилия.

- Цэ погано, - заключил Дмытро. – Батько повинэн буты...

За неделю я познал многое. Станина, суппорт, шпindelь, оправка, оснастка, резцы, заготовки, понятие о допусках и посадках, инструменты, стали, чугуны, много прочей трахомудии. Народ дивился изрядной понятливости шестнадцатилетнего Женьки Танинадзе, а я всем втолковывал, какой замечательный наставник дядько Дмытро.

В пятницу я уже получил паспорт с прописки и с гордостью рассматривал лиловый штамп "Прописан в г. Кривой Рог, ул. Дзержинского, д. 14, комн. 8". Внутренне я ожидал, конечно, провала. По идее, в Москву должен был пойти запрос о моем

проживании там и последовать или подтверждение или разоблачение. Выручило, видимо, то, что я так в Москве и не успел прописаться после получения первого паспорта, по семейным обстоятельствам (бросил школу, влияние улицы) пришлось уехать из опостылевшей столицы и браться за ум в горно-добывающей промышленности. Все одобряли мой истинно мужской поступок.

Через неделю выпал первый снежок, что для этих мест большая новость. Я вёл монашеский образ жизни, так как очень уставал от второй смены, а ведь с недели придется идти и в ночь. Строительство светлого будущего требует круглосуточной работы. Придя домой, я наскоро чего-то **рубал** и заваливался *давить сачка*, ибо уже ни на что более благородное не было сил.

Нина писала мне на главпочтамт, до востребования, Танинадзе Е. А. Я же писал ей на наше классическое "103009, Москва, К-9, д/в". В письмах она называла меня Женькой. Видно было, что она рада тому, что первый этап "выплывания" прошел успешно. Но чувство тревоги полностью так и не прошло.

Побежали трудовые будни раба божьего Женьки Танинадзе. Наставник дядько Дмытро не мог мною нахвалиться. Я окреп и стал даже наглеть - начал два-три раза в неделю ходить в транспортный цех разгружать полувагоны с железной рудой за наличный расчет. Наступили морозные денёчки, и руда **схватывалась в думпках** так, что сама не высыпалась, как ей партия велела, и приходилось ломами отбивать люки, залезать в думпкар и лопатами и ломами обрушивать руду на решётки эстакады, на которую подавали состав.

Вдвоем со случайным напарником разгружали за несколько часов по шесть-семь думпкаров, что приносило по десять рублей с вагона на брата. Работали бригадами по десять человек. Добровольно. Шестьдесят-семьдесят рубликов за один раз на фоне моих ученических в триста пятьдесят за месяц казалось

серьёзной суммой. Я даже купил себе простенькие, на пластмассовой подошве туфли за 90 рублей.

Как малолетка, я имел по КЗОТу шестичасовой рабочий день и только двусменную работу, но я сам попросил начальство определить меня в трехсменку, так как не хотел выбиваться из смены дядька Дмытра. Конечно, никакой КЗОТ не разрешал 16-летнему подростку разгружать замёрзшие полувагоны с железной рудой, но кто там в транспортном цехе спрашивал возраст, когда несколько десятков оборванцев упрашивали руководство цеха поставить состав под ручную разгрузку. Иной раз в складчину покупали пару бутылок горилки и тогда в плюсовой, относительно тёплый день нам ставили полсотни вагонов для заработка.

В такой день, как собьешь крюки люка, то руда ухает в решётки эстакады, только отпрыгивай! А в морозный день намаешься внутри думпкара, махая ломом и стараясь самому не загреметь в люк полувагона. А уж тяжко так, что ой-ой-ой!

В первых числах ноября я также пошёл в десятый класс вечерней школы рабочей молодежи, надо же мальчику занять аттестат! Хотя я и приступил к занятиям с опозданием, учителя не могли не порадоваться способному ученику, который шутя догнал тяжелый в учёбе контингент зачуханных неотёсанных парней и девок с ближайших колхозов, рванувших на ЮГОК, как бабочки на электролампочку. Что значит московская школа за плечами, говорили **педики**.

Нинка писала, что мама очень волнуется, жив ли я, и Нине приходится очень изворачиваться в письмах, чтобы не дать тем, кто их кроме мамы, понятно, читает, что-нибудь унюхать. Хорошо, что она сирота, и у неё нет проблемы объясняться с родителями. Её казанские тётя и дядя большие люди и им не до разгадки ребусов неуправляемой племянницы.

Учёба в школе дала мне один свободный от работы день в неделю, но я им редко пользовался, так как у меня, по

малолетству, и так субботы нерабочие.

В начале декабря выпало много снега, наступила настоящая зима и морозы 15-20 С°. В мои рабочие ботинки приходилось подворачивать портянки из старой простыни, которую я выпросил у завхозши, так как проблему теплых носков мне здесь пока не решить. Нинка прислала перевод в сто рублей, и я их оставил "на чёрный день".

То, как долго крутила (изучая) кассирша почтамта мой паспорт при получении перевода, заставило меня подумать о дальнейших действиях по закреплению первых, во многом случайных успехов в биографии Женьки Танинадзе. Вскоре я придумал, как мне казалось, неплохое решение. Я окунул паспорт в машинное масло и понёс в паспортный стол с заявлением (корявым подростковым почерком) о его замене из-за того, что случайно роба попала в бак с маслом, а в кармане как раз был уважаемый документ, дескать, каюсь и прошу помочь в этом деле. Мне, по малолетству, даже не присобачили никакого штрафа, а через дней десять я уже имел новенький паспорт, в котором красовалось мое **физо**, скреплённое настоящей милицейской печатью и всё остальное - на ять! Даже криворожская прописка была заботливо повторена без всяких проблем. Я в тот же день побежал в отдел кадров, и мне в паспорте восстановили штамп о работе на ЮГОКе.

В середине месяца наша бригада отметила рождение нового токаря, - мое двухмесячное ученичество кончилось (здесь токарей выпекали, как булки) и мне присвоили 3-й разряд. Так я стал гегемоном по стечению обстоятельств. Получил я и соответствующие "корочки".

Приближение Нового года я встречал уже полноправным гражданином Страны Советов. Конечно, очень хотелось в Москву, повидать друзей и отметить праздник с Нинкой, но это было пока невозможно. Поэтому в новогоднюю ночь я посидел с пацанами из соседних комнат общежития за нехитрым мужским столом с

непременным украинским салом и горилкой с перцем. Ребята давно подтрунивали над моим москальским русским языком и очень удивлялись, что я почти не понимаю их ридной мовы. Я по-гоголевски улыбался.

Прошли два месяца моей второй молодости в Кривом Рогу. Стремление к выживанию любой ценой заставило опуститься на молекулярный уровень и для начала жить одной работой. Даже стал перевыполнять норму выработки, был безотказен во всём, брался за нарезку полуметровых чугунных колец в ночную смену за копейки - то, что отказывались точить другие токари. В ночную было особенно тяжело. Хотя задание обычно составлялось бригадирами так, что к трём ночи всё было всеми выполнено, но до пересменки было никуда не уйти и приходилось искать подходящее место **покемарить**. Старшие товарищи уединялись, кто с кладовщицей за ящиками, кто с друзьями соображали в тёмном углу на троих, я же очень мёрз в холодном нетопленном цехе. Хотя зимы здесь сиротские (5-8 градусов ниже нуля уже считается сильный мороз и малоснежные), но в огромном корпусе гуляли сквозняки и за несколько часов пробирало основательно. Я нашел неплохое место за двумя рундуками с тряпьем, у теплотрассы, где обычно и устраивался на куче новых тряпок, взятых из рундука. Утром надо было не проспять, вовремя прибраться на место, протереть глаза и сдать станок сменщику без замечаний.

В конце января, прогуливаясь в погожий воскресный день у главпочтамта после получения письма от Нины, я был внезапно кем-то бесцеремонно схвачен за рукав. У меня чуть ноги не подкосились, но, совладав с собой, я безразлично обернулся:

- Что за дела?

Однако меня держал за руку знакомый по прошлой жизни **чмырь**, один из моих одноклассников по Днепропетровскому горному институту, имя которого я даже забыл.

- Сенька, чёрт, - радостно вопил он, облапливая меня.

- Отвали, мужик, я тебя знать не знаю и знать не хочу... - резко сказал я, отстраняясь. Но бывший знакомец не мог поверить своим глазам.

- Подожди, Сень, у тебя ещё фамилия была какая-то смешная. Вот, вспомнил! Серба! Сенька Серба, ты ещё бросил горный после первого курса...

- Ты обознался, понял? Иди своей дорогой! - прошипел я, как гусак, и быстро пошел к трамваю. Я видел боковым зрением, что человек долго стоял на тротуаре, ничего не понимая.

Случай встревожил меня. Возможно, вся студенческая группа или несколько человек из группы находятся в Кривом Рогу на ЮГОКе или на других рудниках и аглофабриках на практике (получалось, что они заканчивают пятый курс) и могут мне встретиться по несколько человек сразу. Тогда будет трудно отвертеться. Да и куда пошел со своими сомнениями отшитый мною сокурсник, одному богу известно. Уровень бдительности советских людей патологически высок.

Поэтому через несколько дней обдумывания я пришел к выводу, что надо сменить пластинку, то есть уехать в другой город. В родном РМЦ добрый десяток работяг, особенно женщины, отговаривали меня от неразумного шага бросить ЮГОК и ехать к неизвестно каким родственникам в Грузию (я им так объяснил).

Но решение было принято, да и к Нинке тянуло, тем более, что близились праздники, Мужской и Женский дни. За пару дней вопрос увольнения был улажен, я получил на руки новенькую трудовую книжку и выписался из общаги. В середине февраля я двинулся к Москве. По моим правилам, я взял билет сначала до Рязьска. Когда я туда добрался и вышел из вагона (было мрачное утро, часов десять утра), то сразу раскаялся, что поспешил сделать столь решительный шаг. Если в Кривом Рогу уже стояли плюсовые температуры и, можно сказать, уже пахло весной, то здесь мела пурга и зима сразу взяла в оборот, а с учетом моей

очень не зимней экипировки настроение резко упало. Но надо продолжать, раз уж двинулся в путь. С добрый час, обдумывая ситуацию, я бродил по заметённому напрочь старинному кладбищу, расположенному неподалеку от вокзала, читал старинные надписи на купеческих могилах и дивился тому, что у родной советской власти ещё не дошли руки смести с лица земли могилки своих заклятых классовых врагов.

Потом я пошёл погреться в вокзал и чем-то перекусил в станционном буфете. Затем двинулся вдоль улицы и вскоре оказался в центре городка. Дай-ка, подумал я, попробую устроиться на работу, поскольку в Москве искать таковую, учитывая столичный уровень бдительности, наивно. Зайдя в какую-то первую попавшуюся артель и поговорив с кадровиком, я понял, что поспешил уволиться с ЮГОКа. Малолетка, отсутствие свободных рабочих мест и косою взгляд, вот были аргументы отказа.

И здесь я, особо не анализируя, сделал ряд опрометчивых шагов, которые резко ухудшили мое положение. Я купил в раймаге пузырек туши и зашел на почту, чтобы быстренько добавить себе год возраста. Из 1941-го года рождения после незамысловатых подчисток и закруглений вышел 1940-й. Но вышел не так удачно, как мой первый опыт в сентябре прошлого года в Москве. К тому же пришлось подделывать и трудовую книжку, что вышло совсем некрасиво.

Я зашел затем в райпотребсоюз, но его кадровичка долго, с явным сомнением, вертела мой свежесделанный паспорт, затем вздохнула и попросила принести ещё и свидетельство о рождении. Спасибо, что не сдала в милицию.

Я быстро ушёл, пообещав придти завтра, и бесцельно пошёл по улице. Чувство неудовлетворения и тревоги овладело мной. Стало смеркаться. Какой-то захолустный мужичок усёк мое состояние и, быстро определив, что я не местный, предложил ночлег с обещанием завтра найти мне работу, которой, по его

словам, в Ряжске было завались.

В грязную смердючую комнату нас набилось человек восемь и спать пришлось на несвежей соломе вповалку. Я понял, что мужичок промышлял тем, что нелегально сдавал места для ночлега, подлавливая соответствующий контингент в районе вокзала. Полночи я не спал, опасаясь, что утащут мои, какие ни есть, документы.

Утром без всяких разговоров я продрал глаза и побежал на вокзал, взял билет на первый попавшийся поезд в Москву и отчалил в столицу, где рассчитывал на помощь женушки. Пока добирался, подсчитал потери. В Кривом Рогу я имел прекрасный новенький паспорт, трудовую книжку, мог через несколько месяцев добавить к ним аттестат зрелости и приписное свидетельство и жить припеваючи, а затем через год призваться в армию, надеясь попасть в более легкую часть. Теперь же у меня все перспективы рухнули, а паспорт и трудовая имели очень неубедительный вид. Тем более, что возраст уже требовал наличия приписного свидетельства, что я в спешке вообще выпустил из виду. Надежды на то, что ещё раз подфартит с кражей паспортов у молодежи и родится ещё один грузинский юноша, но уже 1942-го года рождения, честно говоря, было в душе моей мало.

Вечером того же дня мы конспиративно встретились с Нинкой и обсудили ситуацию, обливаясь слезами. Плохой подарок я ей привез к 8-му Марта, но ничего уже было нельзя изменить. Приходилось всё начинать сначала.

Неделя прошла в поисках комнаты. Я снова объездил знакомые мне станции по Казанскому направлению - Вешняки, Выхино, Косино, Ухтомскую. Наконец, в Ухтомской нашел комнату, Нина показала паспорт со штампом, а я сказал, что выписываюсь с прежнего места жительства. Мои законные истрепанные свидетельство о рождении и свидетельство о браке убедили хозяйку. Однако она потребовала деньги за три месяца вперёд, у

Нины такой большой суммы не оказалось, и нас, после двух чудесных ночей, хозяйка грубо выкинула на улицу.

Март начался так, как закончился февраль - поисками очередного жилья. Там же, но в другом краю Ухтомской, нашли ещё одну комнату и таким же макаром заселились и прожили полтора месяца. Нам было интересно вдвоём и в гости никого из-за конспирации не приглашали. Так мы дожили до середины апреля. Решили, что новую попытку легализации предпримем в сентябре, под непрописанные свежие паспорта школьников.

Однажды, часов в одиннадцать, вставши попозже, мы сидели в своей комнатухе и пили чай. Нина взяла несколько дней отгула, и нам было чертовски хорошо. Мы мирно сидели в кухоньке и пили поздний утренний кофе.

Вдруг, не сговариваясь, взглянули во двор, по которому вилась дорожка до калитки. Там по этой дорожке уверенно шло трое решительных мужиков в сопровождении подобострастно изгибающейся хозяйки. Мы взглянули друг на друга и поняли, что это конец. Бежать через задние хозяйские комнаты, высадив одно из окон, не имело смысла, далеко не убежишь. Я быстро вынул из кармана пиджака бумажник, в котором было полно компрометирующих документов, и передал Нинке. Она мгновенно **врубилась** и засунула его по-цыгански в бюстгальтер. Тут и вошли незнакомцы.

- Серба Семён Станиславович? - Для проформы спросил один из них, в то время, как двое других уже по-собачьи рылись в наших вещах.

- А вы разве не знаете, к кому врываетесь? - ответил я.

Позвали хозяйку и её мужа-пенсионера, старого пердуна из несгибаемой партийной гвардии, назвали понятыми. Составили протокол задержания и узаконили подписями понятых.

- Ну пошли, шутник! - скомандовал один, и я, мельком поцеловав похолодевшую Нину, побрёл за удачливыми

охотниками.

Оказалось, что их воронок стоял за углом у магазина, чтобы не травмировать соседей, честных тружеников. Меня долго, часа два везли в Москву, пока я не оказался на главной московской губе в Алексеевских казармах. Поместили в одноместную камеру и накормили арестантским обедом. Ещё помылся в душе и осмотрел фельдшер. Какой-то сержант постриг под нулёвку. Прощай, волюшка вольная!

Через окошко в двери негромко переговариваюсь с соседними камерами, расширяя кругозор и осваиваясь в новой реальности. Оказалось, что в эти же казармы привезли арестованного четыре года назад Берию и посадили в одну из камер в нашем коридоре. В коридоре якобы стоял пулемёт, нацеленный на вход, и дежурило отделение надёжных орлов с погонами не ниже майорских. Вскоре стены камеры обер-палача обили мягким, так как он сильно переживал и бился головой в стену. Во дворе казарм круглосуточно дежурило несколько танков. Жуков знал свое дело...

В камере всё было так же скромно, как в хрестоматийной камере Ильича. Правда, койка в шесть утра поднималась охраной к стене и запиралась на висячий замок до 23-х, то есть до отбоя. Ходить не разрешалось, только сидеть на табурете. Петь нельзя, читать, если есть что, можно. Но, конечно, сходить на парашу можно. Пройтись по камере, покуда охрана не глядит в глазок, удавалось, так же как и поговорить с соседями через дверной глазок, покуда охранник в дальнем конце коридора.

На следующий день вызвали на первый допрос, для чего повезли куда-то по Москве. Вежливый майор расспрашивал, где я обретался девять месяцев и как мне это удалось. Я искренне поделился с ним соображениями о том, что служить режиму, который не отказался от сталинизма полностью и поклоняется мумиям Ленина и Сталина в мавзолее, аморально, и я осознанно принял решение дезертировать. Как это сделал? Сел на поезд и уехал. Кто помогал? Все помогли, имен, фамилий и званий не

помню.

После успешного побега из части уехал на Украину в Одесскую область, осенью кормился тем, что нанимался рыть картошку и прибирать огороды, зиму прожил у одной сердобольной старушенции, название села не помню, бабушку звали Марья Степановна. Полтора месяца назад приехал в Москву, разыскал жену, сняли комнату в Ухтомской. Скольких зарезал и ограбил в Одессе, не помню. Есть ли жалобы? Есть. Болит живот, какие-то рези. Есть ли просьбы? Ну да, хочу повидаться с женой. А вообще, теперь думай, скотина. Лет восемь трибунал тебе припаяет точно!..

На следующий день меня посадили в воронку, но отправили не на допрос, а в районную поликлинику около Фрунзенской набережной, кстати, недалеко от дома, где живет Галка Хлопонина, моя давняя знакомая по МГУ и МФИ.

У конвоира с автоматом наизготовку откуда-то взялось в левой руке направление на обследование. Зашли к главврачу, который дал талончики к терапевту и хирургу. Пошли в коридор и заняли очереди, так как больной народ не хотел уступить защитникам Отечества ни пяди земли под очередями.

Терапевт остался доволен состоянием моего здоровья, к хирургу пришлось с часок подождать. Конвоир все время не отводил от меня ствола. Я спросил его, если надумаю сигануть от него, то что? Он ответил, что врежет очередь, не задумываясь. Куда врежешь? Под левую лопатку! Сурьезный мужик!

Я отпросился в туалет. Окно было едва прикрыто и можно было в принципе рискнуть через него рвануть, но мой вид не позволил бы отбежать и квартала от поликлиники, столичная милиция сразу бы врубилась, что и почём.

Визит к хирургу также закончился ничем. Шов после прошлогоднего аппендицита зарос хорошо, руки-ноги целы и - вперёд!..

Через дня три повезли на второй допрос. Народу в кабинет собралось тьма - полковники да майоры. Мне было лестно такое

внимание. Вопросы, в принципе, вертелись на этот раз вокруг мотивации побега. Зачем бежать из непобедимой и легендарной? Я подумал и меня осенило.

- Противно слушать ахинею от интеллигентных с виду офицеров. Все это циничные, сардонические инсинуации типа квазикритических плеоназмов, облыжные денунциации, инспирированные суперневростеническими обскурантами, дискредитирующие меня звентуальным образом, мимо которых я активно и агрессивно дефилирую, саркастически их пародирую. Сатис!

Я прочитал им в вольном изложении на одном дыхании и очень убежденно наш студенческий "Отченаш", сочиненный мною ещё в загульной комнате общаги в Черёмушках весной 1956-го. Единственно, опустил заключительное "Аминь!", заменив на более интригующее "Сатис!".

Столько иностранных слов в одну минуту они не слышали отродясь, и это произвело на красное офицерье сильное впечатление. Один, правда, попытался меня пристыдить, как, мол, тебе не стыдно, комсомолец, небось... Другие посмотрели на него, как на кретина, а он таковым, чувствовалось, действительно был. Я ответил, что офицерам ещё от позапрошлогодних подвигов в Венгрии надо отмываться и отмываться, а потом нотации читать. На том и завершился второй и, как потом оказалось, последний допрос.

Едучи обратно, я прикидывал, как пойдет третий допрос, и ещё не догадывался, что мой афронт воспринят единственно правильно - если он такое наворачивает на допросе, то что же прозвучит на заседании военного трибунала? И тогда военных прокуроров компетентные органы спросят, куда вы смотрели, давая ему слово фактически для антисоветской пропаганды и подрыва авторитета армии.

Через пару дней пробилась на свидание Нина. Я ей все рассказал, она поддержала идею сыграть в шизу. Её тоже

допрашивали. Она очень удачно сказала, что я объявился полтора месяца назад (отрицать то, что известно следствию от нашей доброй ухтомской хозяйки, бессмысленно), что было до этого со мной не знает.

Мой бумажник она с перепугу сожгла на работе в кухне своего кафе. Кроме того, она связалась по телефону с Галкой Хлопониной, имея ввиду, что та, как коренная москвичка, может кое в чем помочь. Условились, что Нина пойдет к следователю и попросит еще одно свидание через неделю.

Через пару дней, утром в среду 23-го апреля я обдумывал тактику поведения к третьему допросу, вдруг громыкает железная дверь и охранник командует не на допрос, а совсем неожиданное:

- На выход с вещами!

Вещей было какая-то книжка и кусочек туалетного мыла. Постельное белье быстро собрано в узелок и сдано старшине. Со склада выдана авоська с моими гражданскими штанами, рубашкой и пальтецом с шапкой. Х/б, в которое меня обрядили на губе после поимки, оставили на мне.

Опять воронок и куда-то долго везут.

На какой-то пятиминутной остановке в "воронок" подсел следователь военной прокуратуры с серой папочкой на тесёмочках. "Мое дело", - подумал я.

Ещё через какое-то время приехали к месту назначения. Я успел заметить на углу дома табличку "Кропоткинский переулок, 23". В приличный подъезд зашли троём - я, следователь и конвоир. За достойным московским фасадом, однако, располагался КПП по всей форме. Большую вывеску у парадной двери прочитать не успел. После нескольких минутных формальностей мы прошли через ряд тщательно за нами запираемых дверей в светлую большую комнату. Там меня стали сдавать под расписку. Следователь зачитал мне и настоял, чтобы я расписался, в том, что ознакомлен, на постановлении о направлении меня на судебно-психиатрическую экспертизу в

Институт судебной психиатрии имени Сербского, НИСПИС, или, по-народному, Серпы. И так, хотя и ожидавшийся, но такой необычный и тревожный поворот сюжета.

И вот я остался наедине со специалистами по душам людским. Прежде всего, меня раздели догола и формально осмотрели, чего-то записывая в карту, очевидно, их интересовал мой экстерьер. Тщательно произвели замеры антропометрических данных. Возможно, рост, вес и осанка дают исходную информацию о принадлежности, скажем, к шизоидам, кто их, психиатров, разберёт? Медики женского полу без стеснения хихикали. Возможно, они ожидали большего.

Затем меня передали в руки медсестры, дебелий бабы с золотыми фиксами, которая отвела меня, голого, в угол большого кабинета, в котором происходил приём пациента. Это было нечто вроде приёмного покоя больницы. Сестра села на белый табурет и бесцеремонно развернула меня к себе передом. Из белой фанерной тумбочки достала стиранное-перестиранное вафельное полотенце и бритвенный станок, заправленный слегка ржавым лезвием. Обрызнув мой лобок из гранёного стакана холодной водопроводной водой, которую она нацедила из крана, свисавшего над когда-то белой раковиной, дама принялась выбривать мне лобное место. Невероятная боль (тупое лезвие плюс отсутствие мыльной пены) сопутствовала её ответственному занятию (работой её действия назвать не решаюсь). Фактически, она по одному вырывала волосы своим варварским инструментом, да ещё в месте, где их вообще нелегко выбривать в лучших обстоятельствах. До сих пор не представляю, зачем проводилась сия процедура, возможно, в Серпах незадолго до моего прибытия прошла эпидемия лобковых вшей, затронувшая и медперсонал, кто знает?

Потом обрядили в синий затрапезный "ихний" халат и истоптанные тапочки. Провели ещё раз беглый опрос анкетных

данных и провели в палату, где располагалось человек двадцать-тридцать незванных гостей этого странного учреждения. Я попал прямо к обеду, который не запомнился, очевидно, потому, что, волей-неволей, я пребывал в состоянии крайнего возбуждения и особого бессильного бешенства, присущего всякой только что пленённой живой твари. Но я понимал, что с первого моего шага за мною внимательно наблюдают, и молча сидел на скамье у длинного непокрытого и некрашеного деревянного стола в компании разношерстных суматиков и ковырял ложкой в тарелке, пытаюсь поесть поданные блюда, поесть хотя бы впрок.

А ещё потом оказалось, что это даже не палата, как таковая, а своего рода гостиная, "кают-компания", где пациенты проводят время днём, обедая, играя в шахматы, беседуя друг с другом. Правда, некоторые называли этот клуб "каюк-компанией", что, конечно, не вдохновляло. Палаты же, в виде комнат на две или четыре койкоместа, расположены дальше, по обеим сторонам длинного коридора. Первую ночь я и ещё человек восемь вновь прибывших суматиков провели на полу в этой гостиной, так как прибыло больше, чем выписалось. На следующее утро выписали побольше и все новички получили койки в палатах. Я попал в двухместный "люкс" с одним дебильным молодым грузином, косившим под шизу, чтобы не получать восемь лет за грабеж...

Моё пребывание в Серпах оказалось довольно-таки тяжким жизненным опытом. Но пример стойких ленинцев, презиравших все происки царских сатрапов, вдохновлял. И я вступил в борьбу с системой на её важнейшем рубеже - духовном. Через несколько дней на первое свидание пришли Нинка и Галка (Нина нашла Хлопонину. Галка во многом помогла, через папу гэбиста, организовать разрешение на свидания). Они поддержали меня морально и посоветовали упорно косить под шизу, иначе серьёзного срока в лагерях не миновать.

Конечно, я был подготовлен получше некоторых бедолаг,

пытавшихся придуриваться народным интуитивным методом. Таких в Серпах раскусывали на раз. Я же, несостоявшийся юрист, перечитал, впереди паровоза, как все наши студенты, не раз и не два учебники "Судебной медицины" и "Судебной психиатрии", а уж "Судебную статистику" даже сдал самому автору, великолепному лектору, убежденному ломброзианцу Сергею Сергеевичу Остроумову. Поэтому я знал основные симптомы и моторику шизофрении, паранойи, психозов. Я выбрал шизофрению, так как советская психиатрия подробно разработала идеологию этой болезни и использовала её для предания гражданской смерти неугодных режиму сограждан. Естественно, тогда я не знал истинных масштабов психиатрической меры пресечения, но пребывание в Серпах дало огромный наблюдательный материал.

Несколько дней хватило, чтобы никак себя не проявляя, разобраться в порядках уважаемого научно-исследовательского учреждения. Прежде всего бросилась в глаза полная информационная "свобода" - читай, что хочешь, проси из дому принести хоть Троцкого, не заберут. Веди любые записи и храни под подушкой или в тумбочке тетради, блокноты, рукописи, письма. Ори хоть "Хайль Гитлер!", хоть что-нибудь пооригинальнее, никто не одёрнет, не пригрозит сроком за антисоветизм. Я понял, что эта "свобода" - форма изучения пациента. Когда перед обедом обязательно (сугубо в интересах здоровья!) пациентов выводили в институтский садик с надёжным шестиметровым каменным забором на прогулку, все сочинения извлекались из-под матрасов и тщательно изучались лечащими врачами.

Я попросил своих девчат принести амбарную книгу, ручек и карандашей. Вскоре стал вести интенсивные записи, предполагая таким образом дать "врачам" интересный материал к размышлению. Я стал вспоминать и записал много своих стихотворений забайкальского периода, написал десяток новых, довольно шизоидных. Слово по слову, я так разошелся, что за неделю отгрохал фантастическую повесть "Препарат 23".

В ней раскручивался сюжет о том, как советские астронавты попали на неизвестную планету, совершив вынужденную посадку, там размножились в покинутом аборигенами подземном городе, а когда через 20 лет закончилось привезенное с собой продовольствие, встал вопрос, чем питаться, ибо ничего съедобного там не росло и не двигалось. Однако вокруг был тёплый, прямо-таки райский климат и отличное ласковое солнце-звезда, тоже, как и земное Солнце, желтый карлик.

Молодой ученый с подругой, преодолевая козни косного начальника экспедиции, синтезировали вещество, способное заменить кровь и обладавшее уникальной возможностью производить хлорофилл и с его помощью усваивать солнечную энергию. Люди быстро прошли процедуру замены крови на препарат 23 и зажили счастливо, питаюсь, как растения. Для этого им приходилось не менее 10 часов в сутки проводить нагими на изумительных пляжах, на берегу лазурного моря, и облучаясь, получать необходимую жизненную энергию, которую они тут же растрчивали в разврате и ничегонеделанье. Партийная организация забила тревогу. Предложили загорать отдельно, женщины - налево, мужчины - направо. Но оборзевший народ завозражал. Члены партии, которых было меньшинство, кроме того, стеснялись загорать на одном песке с беспартийными.

А тут ещё вышло так, что введение этого препарата окрашивало тело человека в салатный цвет, что привело к большим нравственным терзаниям значительной части новой популяции, некоторые стали мечтать о ремонте космического корабля и возвращении на Землю. Но проведенные исследования показали, что даже за короткий период растительной жизни, пищеварительный тракт полностью атрофируется и возврат к земному образу жизни невозможен. Астронавты решают послать на Землю радиogramму с последним "Прости!" и разбить ненужную радиоаппаратуру...

Даже название опуса "Препарат 23" таило много смутных ассоциаций. Нас пичкали с утра до вечера аминазином и резерпином, буйных успокаивали "горячими" уколами, так что и слово "препарат" и описание многих процедур навеяны обстановкой в серпентарии "Серпы". Цифра "23", мне думается, тоже появилась неслучайно. В самом деле, мне исполняется через пару недель 23 года, адрес НИСПИСа – Кропоткинский пер., 23...

Теперь расскажу немного о порядках в Серпах.

На первый взгляд, образцовое советское медицинское учреждение. Но вот есть процедура раз в неделю мыть пациентов, не способных правильно двигаться, или склонных к суициду. Один низенький, невзрачный, но ушлый грузин Гиви, лет 40-45, убедил врачей, что покончит с собой, но сидеть 15 лет за кошмарное убийство не будет. Поэтому в ванну его сопровождала няня или сестра. Так вот, раз в неделю между младшим медперсоналом вспыхивали ссоры за право мыть Гивика. А мы, не будь дураками, толпой стояли под дверью ванной, вслушиваясь в специфические интернациональные звуки, издаваемые мужчиной и женщиной, которым очень хорошо вдвоём.

Затем минут через надцать распатланная и раскрасневшаяся сестра выволакивала блаженно улыбающегося Гивика, деланно чертыхаясь:

- Ну что за работа дурацкая, мыть идиотов!..

Мы вовремя отскакивали перед выходом "труженицы", садились за стол в гостиной и долго обсуждали перипетии этого великолепного события. Иногда под вечер Гиви делился с товарищами по несчастью анализом профессиональных качеств младшего медперсонала. Он рассказывал так грязно, что порой его былинны не возбуждали, а навлекали тошноту.

За длинным столом непрерывно проводились шахматные баталии. Однако двух досок на всех нехватало и часто приходилось лишь наблюдать виртуозную игру пары евреев, крупных торговых работников, один из которых имел сифилис

мозга в последней стадии и поэтому совершенно не боялся подтверждения вменяемости и передачи дела в суд, он считал, что его дни сочтены и до зоны он уже не дотянет.

Другой, молодой парень, сотворивший что-то страшное, кажется поджог парткома с попутным убийством важного начальника, и почему-то ожидавший за это расстрела, на допросе впал в кому, и его привезли в Серпы скрюченного, как младенца, и без сознания. Однако советская медицина не оставила его своими заботами. Чудика принудительно кормили через зонд, пичкали химией и таки добились приведения в чувство. Но лишь затем, чтобы признать вменяемым и отправить по назначению за высшей мерой...

Я "подружился" с одним молодым, моих лет, вольнонаёмным санитаром Сашей Ивановым. Думаю, что он работал от ГБ, втираясь в доверие к пациентам. Его легенда была такая, что он студент-медик, подрабатывающий в Серпах на пропитание. Поскольку в НИСПИСе случайных людей не было, то и он наверняка выполнял какое-нибудь **комсомольское** задание. Я это понимал, но сделал вид, что поддался на его обаяние. Он выражал восторг от моих стихов и охотно брал их якобы для того, чтобы поместить в андерграундных журналах, расплодившихся, по его словам, в Москве после Фестиваля.

Меня несколько раз водили на показ студентам-психиатрам, проходившим в Серпах практику. Какая-то кандидат медицинских наук Зоя Федоровна то ли Серебрянская, то ли Серебряковская приводила меня в небольшой зальчик со сценой и просила рассказать студентам суть моего метода питания человечества через охлорофилленую кровь, как это описано мною в фантастической повести "Препарат 23". Я принял правила игры, понимая, что она творит на моих глазах большую науку, и выдал им красочное описание зеленых людей, как предлагаемую мною альтернативу перенаселению земного шара в пику людоеду

Мальтусу. Имел большой успех и массу дополнительных вопросов...

Однажды Нина передала письмо от мамы, в котором та описала свою жизнь. Мама, конечно, утешала меня и молилась за меня. Ещё она сообщила, что в марте умер так любимый мною дед Калистрат. Он прожил всего 78 лет и погиб от банального воспаления легких. Бабушку Фросю разбил инсульт, и она оказалась после похорон брошена всеми дедушкиными родичами, одна в нетопленной хате. Мама поехала и забрала её к себе в город...

И я почему-то очень расстроился. По вечерам подолгу вспоминал своё такое милое детство в хуторе Казачьем.

Топография хутора получилась за двести лет неспешной здешней жизни вольна и неприхотлива. Три порядка хат начинались от ставка, так называли селяне пруд, и разбрелись по обеим берегам бывшей речки Чавки.

Главный порядок, считая от колхозной конюшни, стоявшей на берегу ставка: Зоря, Крупка, Шаповал Иван, Балэнчиха (Калэнычка) и её дочка Тонька Новикова (моя бывшая нянька), затем мы, Евтушенки, дальше хата правления колхоза (в военные годы её заселяли беженцы Панасенки), переулок, ведущий через мосток на "тот берег", затем цыган Авдеенко Мусий Сулейманович (деда считал его из бердичевских, дразня Моисеем Соломоновичем), Новики, Мартыненко Трифон Трифонович и его "дижка" (необъятная, как бочка, супруга), Пэрсани и последние Кучеры в лощине с колодцем вкусной воды и хорошим садом.

"Тот берег". В первом порядке, считая от ставка: Коньки (первая хата – невестки деда Конька, затем двор самого Конька), ещё два незапомнившихся двора, затем Горовые, где-то неподалеку Тхоры (старый Тхир и его сыновья), потом переулок на мостик и проезд через бывшую речку Чавку на

главный порядок, дальше ещё какой-то двор, затем Бочковский Иван Иванович, последним гнезвился коваль Иван Штанько, который тоже имел двор в лощине с родниковым ключом и вырастил, как и последние Новики в главном порядке, завидный сад. И держал всякую всячину, включая диковинных у нас индюков.

Второй порядок "Того берега" состоял из новоселов, недавно поселившихся кацапов из-под Москвы, их мало ещё знали, а последняя хата, напротив Штанька, была вдового девяностолетнего деда Яшеня...

Не спится. В палате полумрак, через проём предусмотрительно снятой двери струится слабый жёлтый свет из "кают-компании". Закрываю глаза Включаю кинопроектор памяти.

Осень. Листопад. Последняя предвоенная осень. Который день занудный мелкий, но ещё тёплый дождичек. У меня какая-то простудная немочь и бабуся прописывает постельный режим. За окном светлички видны нарядные, в жёлтых и красных листьях, деревья в саду. Особенно хороши абрикосы и лиственные левитановские ковры под ними. Время к вечеру. Бабушка гремит вёдрами, собираясь за "доброй" водой в самый конец нашей улицы, к Кучерам. Я клянчу у неё принести мне что-нибудь из похода. Правда, какая она бабуля – ей минуло едва пятьдесят.

Проходит вечность. Бабуся возвращается, тяжело управляясь с коромыслом, увешанным двумя вёдрами с водой. Но мою просьбу она не забыла. У неё в руке букетик из листьев грецкого ореха и ещё какого-то диковинного дерева, растущего в саду у Кучеров. Ореховые листья волнующе пахнут. К ним она добавила несколько лимонно-жёлтых листков ясеня, что рос у нас на улице со стороны Балэнчихы-Калэнычки.

Цветы бабуся любила. У нас под окном светлички у хаты всегда росли два-три куста чайной розы. Летом они расцветали и обалденно пахли. Из её нежных лепестков "цветы чайной розы"

бабушка варила немного бесподобного варенья...

Летом бабуля, несмотря на протесты деда, втыкала то там, то тут, между помидор и огурцов, на переднем плане, то есть у летней плиты, несколько астр, майоров, чернобривцев...

Ещё сюжет. Конец зимы. Видимо, мартовская оттепель. Огромная копна сена напротив кухонного окна изрядно подалась. Мы с дедом топчемся у копны, и он дергает из её нутра пучки душистого сена специальным стальным прутком с зазубренным крючком на конце. Народный инструмент называется смычка. Конечно, это от украинского глагола "смыкать", что значит дёргать, но мой любимый антисоветский дед считает, что совсем не так, а в честь "смычки города и деревни". Я не понимаю ещё тонкостей высокой политики, но уже соображаю, что он изголяется над кем-то или над чем-то таким, над кем или над чем насмеяться не рекомендуется. Это нечто он любит называть в среднем роде единственного числа - "оно", по-украински "воно"... Да и он сам, когда смеется над собственным юмором, шутливо оглядывается...

Хотя с приходом немцев формально колхозы не были распущены, а лишь переименованы в государственные хозяйства, поля пришли в запустение, так как весной 42-го никто не довел план посева, а без указаний из района бывшие колхозники, по привычке, ничего делать не смели.

Повсюду обильные сорняки вымахали в человеческий рост. Основные заросли на плодородном чернозёме создала небывалая полынь со стеблем толщиной в руку, и мы с дедом, ввиду всемирно-исторической, как он говорил, нехватки топлива, часто выезжали с тачкой или санками в поля, где дед рубил топором такую полынь. Привозили возок этого чудесно пахнувшего богатства, и когда оно через пару дней высыхало на солнце, то горело в плите грохочущим пламенем.

Полынь, наломанная зимой, горела без сушки и считалась у бабушки полноценной заменой дров. В степи дрова были несбыточной мечтой хозяйки. Но всё-таки, настоящим жарким топливом считался собранный солнечным летом на коровьем тырле кизяк. Его жёлто-серые лепёхи горели жарко и долго...

А то вот интересный сюжет вспомнился. Весной 42-го какая-то бредшая мимо беженка, смазливая бабёнка лет 25-ти, назвалась учительницей, и староста взял её в местную начальную школу, которую велели открыть немцы. На квартиру она напросилась к Евтушенкам. Когда районный жандарм во время своих визитов проверял дела хутора, то, зайдя в конце сентября в школу, открытием которой похвастался староста, он увидел там эту учительницу, которая ему приглянулась. Конечно, в дальнейшем он зачастил в наш хуторок с проверками, и ей ничего другого не оставалось, кроме как делать вид, что ей по душе его общество. Несколько раз жандарм был зван ею на чай, в связи с чем заходил в нашу хату.

Как-то раз произошел один очень щекотливый эпизод. Жандарм приехал на красивой пролетке, называемой дрожки, запряженной двумя лошадьми с румяным мужиком "за рулем". Фриц велел бабусе позвать из школы учительницу, благо, школа была в минуте ходьбы, наискосок от нашей хаты, сразу за кузней. Сеятельница знаний прибежала, предусмотрительно отпустив десяток разновозрастных учеников по домам, позволила галантному врагу чмокнуть её в щёчку и поцеловать ручку, забрызганную настоящими немецкими ализариновыми чернилами, и принялась готовить на стол, а жандарм, ведомый дедом, пошел под клён мыть руки, а быть может, и ещё кой за чем.

Когда всё было готово, он зашёл, пригибаясь, в "гостиную", потирая руки от предстоящего удовольствия, так как увидел раскрасневшуюся в хлопотах учительницу.

Он сказал ей какой-то комплимент и собрался было сесть на единственный стул, который всегда выбирал (ещё были две замусоленные колхозными задницами табуретки), входя в светлицу (этот стул, вернее, пара стульев, подарок Георгия старикам в 1939 году во время отпуска после дружественного визита кораблей Черноморского флота в Константинополь, тогда же дядя Жора привёз нам два ящика невиданных в то время апельсинов, которыми я обжирался недели две), но он не усёк, что бабуся успела стул переставить. Неуклюжий двухметровый немец, основательно увешанный всевозможной амуницией, грёмя, грохнулся на пол...

Он тут же вскочил, невероятно покраснев от оскорбления, страшно ругаясь по-немецки, и выхватил из кобуры револьвер. Видно было, что он способен на всё.

Чего стоило учительнице, бабуся и деду доказать фрицу, что это нелепая случайность, а не злой умысел, Учительница знала сотню немецких слов, так как до войны во всех школах основательно преподавали немецкий, поскольку Сталин считал, что этот иностранный язык пригодится, да и вообще на Украине спокон веков немецкий язык уважали.

Однако расстроенный оккупант не стал в этот раз чаёвничать, а счёл необходимым для сохранения престижа сесть на дрожки и умотать в Софиевку. Мы облегченно вздохнули. Затем, успокоившись и вволю насмеявшись, воспрянувшие участники инцидента дружно сели за стол и основательно подкрепились вареной картошечкой с солёными помидорчиками бабушкиного несравненного бочкового засола. Разговорам об этом событии не было конца.

В эту сельскую школу, где одна учительница вела два десятка детей и сразу 1-й, 2-й, 3-й и 4-й классы, пошел отираться и я.

Как только приступили к занятиям, в конце сентября сверху поступило указание вывести учеников на сбор

лекарственных трав для немецких госпиталей. Видно, фрицы получили изрядную трёпку. Мы собирали желтый буркун (донник), сокирки (живокость), кровохлёбку, спорыш, ещё что-то... Сушили под навесом, потом всё это кто-то увозил в Софиевку.

Ещё в декабре писали как-то контрольную работу, какие-то прописи настоящими ализариновыми чернилами. Дело в том, что чернилами писала в своих образцовых тетрадках учителька, а мы строчили, высунув языки, свои крючки на газетных полях карандашами. Но по случаю высокого контроля (работы потом надо было сдать куда-то или в Запорожье или в Днепропетровск) из района привезли несколько финских тетрадок и каждому ученику выдали по два двойных листа – вдруг получится испортить. И я до сих пор помню волнующий прекрасный запах финской бумаги, ну что за запах!

Как-то следующим летом, а был уже 43-й, в неурочное время приехал какой-то немецкий офицер проверить постановку образования, так наша учительша привела меня, отперла школьное помещение, поставила меня у доски, и я битый час объяснял бестолковому немцу, сколько будет ножек у коровы и двух куриц вместе и сколько яблок останется у меня из десяти, если я три отдам учительнице... Инспектор похвалил меня, угостил шоколадкой и отметил приемлемый уровень преподавания для аборигенов.

Две длинные военные зимы я был особенно одинок, никакие детские контакты бдительными стариками не поощрялись. Да и вообще селяне жили очень настороженно и замкнуто.

Если было солнечно и безветренно, я обычно брал санки и до изнеможения катался с гигантского сугроба, под которым была погребена хата. Или же часто уходил огородом в балку Чавки и десятки раз съезжал по её склону в камышовую **стерню**, вмёрзшую в лёд речки. Однажды я распорол камышовым пеньком правую руку и прибежал домой в крови. Бабуля долго причитала,

бинтуя руку. Шрамик от камышины ношу всю жизнь.

Иной раз я уходил с санками далеко за околицу. Любопытство вело во внешний мир, я чувствовал себя великим исследователем, **папанинцем**. Как-то я забрел в бывший колхозный фруктовый сад и стал осматривать ветви в поисках сухих груш и яблок, чем занимался уже не первый раз. Некоторые яблоки и груши, высоко расположенные, оставались при уборке урожаем незамеченными, укрытые густой листвой и затем высыхали под продувными морозными ветрами. Да и какая в оккупацию была уборка, кто успел, тот и обчистил дерево. Найти такую заледелую сморщенную грушу или яблочко было настоящим праздником сладёны. Топчась вокруг одной из яблонь, я вдруг вздрогнул от боли – на моей левой ноге намертво захлопнул стальную пасть заячий капкан.

Часа три топтался я, как кот ученый, воя неукротимым воем и гремя цепью, которой капкан был прихвачен к стволу дерева, основательно замерз на крепком ветру, пока не **докумкался** вынуть из последнего кольца цепи защелку в виде буквы "Т", какие часто применяют для прикрепления вёдер на колодезях.

Так и пришел я домой, зарёванный, с капканом на валенке. Что было! Ведь уже снаряжалась поисковая экспедиция, так как основательно смерклось...

Как детские забавы, так и развлечения взрослых во время двухгодичной немецкой оккупации были очень скудными. Обыкновенно длинными зимними вечерами бабоньки собирались по очереди друг у дружки на посиделки.

Особенно часто собирались у моей гостеприимной бабуси Петровны. Сходилось тёток пять-семь. Зажигали копилку из гильзы от небольшого снаряда, заправленную постным маслом (с керосином – туго, даже никак) усаживались на тёплой кухне у неостывшей плиты поудобнее, кто где. Каждая приносила с собой жареный подсолнух ("**насиння**", "семечки", "украинский

шоколад"), у каждой бабоньки при приготовлении этого деликатеса был свой фамильный, выверенный поколениями, рецепт. Одни, поджаривая семечки на сковородке, припудривали их солью, другие, напротив, томили подсолнух в печи, время от времени сбрызгивая противень водой, третьи строго следили за тем, чтобы жарить только тонкокорые сорта семечек, словом, в это дело непростое, а целая наука.

Когда все усаживались как бы в круг и каждая товарка начинала заниматься каким-либо рукодельем (то ли прядением, то ли шитьем ручной иглой, то ли вязаньем), все притом ещё начинали дружно и семечки щелкать. Особым шиком считалось кожуру не сплевывать, а спихивать языком на нижнюю губу. Шелуха на губе накапливалась, прилипая и образуя как бы бороду. Соревновались, у кого "борода", до того, как под собственной тяжестью оборвется, отрастет длиннее.

Во время этих посиделок говорилось многое, - происходил обмен, как мы бы сегодня сказали, разнообразными данными, то были некие устные народные журналы. В первом разделе такого устного бюллетеня важнейшее место, конечно, занимала тема войны и мира.

Обсуждались вести с фронтов, откатившихся далеко на восток. Подробно перечислялись города, оставленные нашими (с географией у тёток был напряг, поэтому поминутно, краснея за свою невежественность, переспрашивали, где, допустим, эта самая Мерефа и далеко ли от нашего хутора будет), негромко, почти шопотом, поругивали немцев, проклятого Гитлера, но и Сталину доставалось. Пробиравшиеся в сторону фронта красноармейцы из разгромленных частей, оставаясь у солдаток на ночлег до рассвета, рассказывали страшные истории. Как пришлось драпать под натиском сильно вооруженных немецких войск, а в морду дать фрицу оказалось, из-за чьего-то головопята, нечем. Одна винтовка на семерых, да и то всего с десятком патронов.

"А он, гад, прёт на танках, у каждого автомат и прочее..."

Не раз рассказывали о зверствах НКВД при нашем отступлении из Запорожья. Якобы заключенные из подвалов нового здания запорожского НКВД на Малом Базаре вывезены не были. Уходя, всех, кто там оставался в камерах, якобы облили бензином и сожгли. Говорили о предательстве некоторых наркомов и тэпэ.

Часто в эти беседы включался дед, или ещё и один-два мужика из ближних соседей заходили.

Во второй части устной полтинформации звучали страшные рассказы о всяких поверьях, небылицах, легендах. Бабушка Петровна была в этих трёпах заводила. Она часто рассказывала были-небыли, слышанные ещё в детстве, о том славном времени, когда её прадеды вольно жили в днепровских плавнях под Никоподем.

Про то, как отдельные смелые дядьки лунными ночами ходили искать клады на древние могилы, - в тех местах разбросано в степи (и до сего времени) множество старинных курганов. А то место - Чертомлык.

Как один раз такой искатель по ночным фосфорным огонькам определил, что облюбованный им курган содержит "что-то", как этот храбрый предок много дней по утрам раскапывал курган, отрыл на большой глубине в нем две погребальные пустоты. В одной из них останки нескольких коней, богатая сбруя, украшенная золотыми цацками, дорогое оружие, а в другой – несколько бочек с мёдом и вином и кости прислуги, убитой по случаю похорон хозяина. Самого главного, кому был насыпан курган, не нашли. Возможно, его могильное место давно кто-то раскопал и не осталось и следа.

На дне бочек сохранились остатки загустевшего, как патока, вина и окаменевший, усохший мёд. Селяне, кто смелее, попробовали того вина, разведя водой. Говорили, что много силы прибавилось у тех, кто тысячелетнего вина откушал...

В устье речки Каменки, там, где она впадает в Днепр, часто в давние времена после весеннего разлива находили бочонки с золотом. Это вымывало грузы с казацких чаек, потерпевших при прапрадедах (за царя Панька...) крушение в районе Никополя.

Ещё одна бабушкина легенда повествовала о том, как в стародавние времена после похода на Царьград (Стамбул, Константинополь) наш далёкий предок вольный козацюга в качестве сувенира привез красавицу-турчанку, женился на ней, уйдя на хутор (по-нашему, в отставку или на пенсию), поставил хату и стал землю пахать, а полонянка ему детей рожать...

Ещё вроде бы бабуля слышала от своей мамы, что когда умерла молодой одна из её бабушек, то несчастную, как водится, обрядили и положили в светлице на дубовый стол. Пригласили батюшку, соборовали и святой отец помазал покойнице губы церковным вином и мирром. Всю ночь горели свечи, а самая старая бабулька читала молитвы. Вдруг среди ночи громко треснула толстенная доска столешницы и покойница внезапно вздохнула и села на столе. Все чуть ума не лишились. Сбежались мужики в подштанниках, остолбенели. Но произошло чудо, и воскресшая из мёртвых прожила ещё сорок лет...

Сама моя бабушка выросла в маленьком хуторе Токовском на речке Каменке, что напротив большого села Шолохово. Их было три хозяина – Ужва Пэтро (Гужва), Дыба и Сирко, кто начали здесь хуторить. Пэтро Грыгоровыч Ужва и его супруженица Ирина Никитовна – мои прадедушка и прабабушка по маминей линии. Бабушка в 1909 году вышла замуж за Петра Марковича Швыдкого родом из села Софиевка Никопольского уезда, отец которого Марк Осипович торговал в селе Шолохово, что как раз напротив хутора через речку Каменку. Значит, Марк Осипович ещё один мой прадед по маминей линии... Когда Петр Маркович засватал мою бабушку, то ему, как тогда было принято, соврали, сказав что ей 16..., хотя по правде было все 22! У

бабушки шестеро братьев и сестёр. Мне известны имена только Ивана и Акулины.

Часто в сотый раз пересказывались были-небыли довоенные, то, как и что было при большевиках. Вот, например, бабушкин рассказ о том, как она в 1927-28-м годах куховарила на строительстве ДнепроГЭСа. Да не просто так, а для начальства. Более того, ей как-то поручили кормить американских спецов. Ну, так она исправно готовила им супы и борщи.

Для престижа страны хозяйственники привозили ей любые редкостные тогда продукты. Петухи и куры поступали прямо гигантские, в несколько кило. Бабушка, не скупясь, готовила в большущем котле первое блюдо, пекла пироги и ещё какую-то сдобу. Но когда она подавала на стол, то главным украшением стола по её хохляцкому разумению был отварной петух, целиком вытащенный из супового котла.

Но американцы оказались ужасными дикарями. Один из них подходил к блюду, хватал петуха и выкидывал его в открытое по случаю жаркого лета окно. За окном тотчас раздавался победный рык передовиков стройки - десятки вечно голодных бетонщиков, плотников и лиц других пролетарских профессий дежурили в американское обеденное время под волшебным окном в ожидании вылета отварной птицы и плотной стаей накидывались на добычу, раздирая её на куски ещё в полёте. Американцы с огромным интересом и удивлением наблюдали из окна за небывалым энтузиазмом строителей светлого будущего. Сами они, ввиду отсталости, употребляли один лишь пустой бульон...

...Расходились поздно, за полночь. Часто в насторожённой тишине хуторка, заброшенного в запорожской степи, над замершими в тревоге и страхе хатами сердитыми шмелями гудели на непостижимой простым разумом высоте фашистские бомбардировщики, спешившие на Восток добывать

наших. Кто мог знать тогда, в зиму с 1941-го на 1942-й, что уже в следующую зиму, с 42-го на 43-й, роли поменяются и в крошечной темноте зимних ночей загудят в сторону немцев, на Запад, бомбардировщики наши, родные, загудят мажорно и победно?..

Примерно в марте месяце мы с дедом затеяли намолоть кукурузной крупы для мамалыги. Это делалось на обыкновенной мясорубке. Деда крутил, а я кидал зерно в бункер. Туда же попал и мой указательный... К счастью, всё обошлось малой кровью. Ещё через месяц я влез правой рукой в кипящий ведёрный чайник, - хотел набрать кипятку в кружку для чая. Рука обварилась паром, бабушка больше месяца лечила меня, смазывая ожог гусиным жиром. Кожа сошла, на её месте выросла новая и даже не осталось рубцов и шрамов.

В мае бабушка отметила мой день рождения прекрасным тортом. Опять мы с дедом намолотили на мясорубке кукурузы, бабушка просеяла на крупном сите. Из кукурузной крупы-муки сделала тесто, разместила в глубокой чугунной сковороде. Жиров уже не было, так торт выпекли на рыбьем жире, оставшемся с довоенных времен. Украсили его вишневым вареньем. Превосходный вкус торта помню до сих пор.

Летом 42-го, когда жизнь немного успокоилась и мама нашла работу, она на несколько недель брала меня в город.

Как-то мы шли с ней по Геринг-штрассе, на которой снимали комнату, в сторону Большого Базара и подошли к красивому старинному зданию бывшего обкома ВКП(б), а тогда занятого каким-то важным немецким учреждением типа городской управы. Мы зашли в вестибюль, где стоял фрицевский автоматчик и на столиках лежала какая-то, как я теперь понимаю, агит-литература для аборигенов на украинском языке и, само собой, на немецком. Какой-то офицер галантно объяснил маме,

куда надо обратиться за необходимой ей справкой. Пока она ходила по кабинетам, офицер чего-то рассказывал на ломаном русском языке мне, туземному ребёнку, о фюрере и о том, как тот любит детей. Я с первородным страхом жался к стене и плакал. Но вскоре появилась мама с бумажкой и, пробормотав коварному оккупанту неизменное "Энтшульдиген зи битте!", форсированно вывела меня на улицу.

Пройдя примерно с квартал, мама устала меня тянуть, и я оглянулся. Около того красивого здания появилось двое фрицев с овчаркой, и один из них полез в карман, как мне показалось, за пистолетом. Он даже вроде прицелился в нашу с мамой сторону, и я взревел пароходным гудом, прощаясь с жизнью. Но мама успокоила меня, надёжно прижав к себе и объяснив, что пан офицер достал сигарету и закурил, а не прицелился в наши души. У меня отлегло от сердца...

Как-то вечером к нашим хозяйкам Гусаровым зашли попить чаю по-домашнему два совсем нестрашных оккупанта, и один из них, понукаемый воспоминаниями о своих киндерах, оставленных в фатерлянде, даже стал возиться со мной, пытаясь за один вечер выучить языку захватчиков. Он достал из планшетки толстую тетрадь в клеточку, разграфил пару страниц, заполнив их алфавитом, десятком повседневных слов и выражений и числительными до десяти.

Потом все смеялись и пили чай, причем фрицы поминутно хвалили "русские фрауен" и их невероятно домашний чай с сухариками, который, конечно, был "зер гут!"...

Несколько дней спустя мама повела меня в областной театр, который только что открылся стараниями городской управы. До войны в городе был неплохой драмтеатр.

Теперь в нём выступала труппа артистов из Львова, направлявшаяся в эвакуацию на Восток, но застрявшая в

Запорожье из-за быстрого ухода наших. Мама как-то уже после войны говорила, что это была какая-то ленинградская труппа, застрявшая в городе при отступлении, но у меня в памяти отчего-то сидит львовский вариант, вроде как это был тамошний театр имени Заньковецкой... И я оказался прав...

Давали музыкальную комедию. Помню бесшабашную песенку:

*"В парке Чаир распускаются розы,
В парке Чаир сотни тысяч цветов.
Мне снятся твои золотистые косы,
Снится мне небо, цветы и любовь..."*

Даже на галерке, где мы теснились в духоте, было хорошо слышно, но неважно видно...

В один из летних дней вечером появился папа, которого я до того никогда не видел, разве что в первые годы, но про то не помню. Мы уже готовились лечь спать, когда маму позвали во двор хозяева и она вернулась с красивым мужчиной в костюме и с пакетами еды. Смеясь и о чём-то переговариваясь с мамой, он выложил на стол пару палок сырокопченой колбасы, красную головку сыра, кулёк конфет и поставил большую зелёную бутылку, вероятно, вина.

Мама налила ему чаю, но уже не горячего, так как примус к тому времени был погашен, а поздно вечером хозяева не разрешали баловаться с огнём.

Долго поговорив о чём-то с мамой, человек встал, как бы собираясь уйти, но вопросительно глядя на маму. Она улыбнулась и спросила меня, сонно сидевшего за столом:

- Сенечка, это твой папа Стась. Он хочет остаться у нас на несколько дней. Оставим его?

- Нет, пусть уходит, - истошно завопил я.

- Вот видишь, Станислав, тебе будет трудно ему всё

объяснить, - подхватила мое неприятие мать.

Отец печально посмотрел на меня, психанул и засобирался.

Так я отверг собственного отца, о чём жалею всю свою бестолковую жизнь.

Мама потом рассказала бабушке и дедушке о визите папы. Оказывается, после отступления наших войск из Крыма, он покинул место высылки Бахчисарай и вернулся в родную Днепропетровщину. По старым связям устроился главным бухгалтером на Днепропетровский мясокомбинат и живёт, припеваючи.

Бабушка осудила мамино упрямство и сказала, что взрослые должны решать свои дела, не спрашивая сопливых советчиков.

– Возможно, – сказала она, – Станислав хотел всерьёз восстановить семью.

- Нет уж, - ответила мама, - видно, мне не светит женское счастье...

Проблемы женского счастья меня тогда, понятно, не интересовали. В августе мама решила отправить меня на хутор. Пошли на Большой Базар, нашли хуторского мужика, который приехал из хутора на базар подводой. Он узнал маму и она передала меня в хутор к бабушке с этим дядькой. Пока он продавал чего-то из привезённых мешков, я сидел в соломе и наблюдал за базарной суетой. Какой-то мужичок поднёс и предложил купить на самокрутки хорошие газеты, что очень ценилось на селе, так как курили самосад. Оказалось, что это гитлеровская "Фелькишер беобахтер". Кто-то сказал, что скоро снова будем "Правду" шмалить. Все, дико озираясь, нервно засмеялись. "Мой" дядька купил пару "беобахтеров"...

Приехали уже ночью. Дома радостно встречали бабуся и дед. На следующее утро мне поручили сбить масло. В глечик со сметаной вставлялось деревянное кольцо с прорезями, закрепленное на длинной ручке, пропущенной через деревянную

же крышку. Чем шустрее колотишь шумовкой по сметане, тем быстрее всплывёт комок сливочного масла...

Потом через денёк, опять же на радостях по случаю моего приезда, пошли к Конькам на ту сторону Чавки толочь пшено. У Коньков сохранилась ножная ступа, которую забыли изъять при раскулачивании (всё такое, считавшееся "орудиями производства", отбиралось), так к ним ходил раз в году весь хутор... Стоишь на специальной доске и качаешься туда-сюда... К одному концу доски приделан пест, а к другому – противовес. В ступу засыпается просо. Через час такого танца на доске, когда уже основательно вспотеешь, получается пшено. Шелуху потом отвеиваешь... Часть продукта отдаешь **куркулям** Конькам в уплату за ступу...

В конце августа 42-го по распоряжению районного оккупационного начальства в хутор приехал православный священник крестить детей. Во дворе хаты, примыкающей к дому Горовых, собрали хуторской народ с детьми. У колодца поставили **ваганы** (корыто) из оцинкованного железа, и поп стал читать молитвы и окроплять детей, а младенцев макал в воду. Был большой гвалт, но постепенно мероприятие исполнилось. Моими крёстными стали Яков Горовой, сын бабушкиной подруги бабы Лушки, и тётя Гашка из Дыхановки, дочь деда Калистрата от первого брака.

На радостях мой крёстный отец Яков повез меня кататься на раме **велика**. Он провёз крестника по обеим улицам хутора и объехал ставок по плотине. Пацаны очень мне завидовали, а я гордился таким событием...

Глубокой осенью резали свиней, делали сало и колбасы. Тогда же варили мыло. Дед кинул в лохань всякие обрезки после разделки поросенка. Ходоки-меняльщики из города тащили

каустик с заводов, голубые кристаллы едкого калия или натрия. Дед кинул в лохань и сколько надо этих кристаллов. Долго варил во дворе на печке. Отдельно по заказу бабушки сварил туалетного мыла, для чего в лохань бросил обрезь почище и добавил десяток яичных желтков и венечек мяты. Образовавшийся после варки корж мыла вывалили на мешковину, просушили и разрезали на брусочки. Получилось отличное хозяйственное мыло, а для бабуси и туалетное, жёлтенькое и с приятным запахом...

Пшеницу осенью обмолачивали конным катком (лошадь тащила по кругу, уминая и терзая брошенные на утопанный двор развязанные снопы, метровой длины и полметра в поперечнике гранитный цилиндр на оси. Вдоль цилиндра были выбиты канавки глубиной сантиметров двадцать, так что на поверхности цилиндра получились соответствующие рёбра, которыми колоски обмолачивались. После изгнания немцев колхоз не выделял лошадь, и мы с дедом обмолачивали пшеничку цепами... Я умел и многое другое, например, жать серпом...

Мужские зимние занятия - выделка упряжи, изготовление саней, заготовка дров восхищали меня, я крутился у мужиков под ногами, подавая то то, то другое. Было весело и ответственно...

Но и женские забавы - прядение, работа за ткацким станком, изготовление льняного полотна и ковровых дорожек на станке были милы и интересны...

К школе мама забрала меня в город. 1-го декабря 43-го, через полтора месяца после освобождения города, как заработали первые школы, пошёл снова в 1-й класс. Мои хождения в хуторскую школу при немцах не учли.

Помню ежеутренние бои с мамой в связи с необходимостью рано вставать. Мама обычно давала мне пару огромных бутербродов из белого хлеба, намазанного маслом в палец

толщиной и посыпанного толстым слоем сахарного песка. Есть это было просто невозможно. Придя школу, я первым делом отдавал голодным детям свои буржуйские бутерброды. А когда медлил с отдаванием, их у меня нахально отбирали. У моих вечно голодных одноклассников аппетит был завидный...

Сидел на задней парте. Любил рассматривать журнал "Америка", который приносили другие дети.

В глубине школьного сада прятался в абрикосовых деревьях служебный домик директора школы, построенный ещё до революции из тёмно-красного калёного кирпича, а рядом с ним простецкий деревянный павильон библиотеки. В библиотеку я скоро и проторил путь. Моей первой книжкой стали сказки Льва Толстого.

Тогда Америка оказывала СССР серьёзную продуктовую, и не только, помощь. Мама работала в ОРСе, эта организация расшифровывалась неплохо: **1) обеспечить раньше себя, 2) обеспечить родственников своих, 3) остальное раздай сослуживцам...** Поэтому однажды принесла домой в красивой картонной коробке продуктовую посылку из Америки. Их приходило на каждую организацию немного, так что практически все расходились по начальству.

Чего там только не было! Банка тушеной колбасы, банка сгущённого кофе, печенье, плитка шоколада, пачка сигарет "Camel", миниспички, какие-то цукаты и, самое главное, пачечка жвачки... Что было ещё, убей – не помню. Самое удивительное, что в нашу коробку юморной американский упаковщик вложил удивительный журнал-каталог с рекламой каких-то станков и оборудования. Я залистал его до ветхости, хотя он был на прекрасной глянцевой бумаге. А как пахли его страницы! Это было окно в неведомый мир.

На улицах молодые женщины стали покуривать американские сигареты вместо патриотичного "Беломор-канала" и носить

облегающие юбки выше колен. Руководящие мужики говорили, что это нехорошо, но пылко смотрели им вслед...

По вечерам пацаны из соседних домов сбивались в стаи и бежали играть в войну в недалекие развалины сгоревших пятиэтажек.

Я очень любил лазить с соседскими ребятами по огромным трофейным бакам для производства пива, высотой с рост взрослого человека или даже больше, выгруженным недавно на территорию между двором Гусаровых и домом Нины Григорьевны на соседней улице Дзержинского. Там впоследствии действительно образовался пивзавод.

Залезть в такой бак, огромный как дом, было непросто. Ещё сложнее было выбраться через люк наружу, хорошо, что люки были невысоко от земли. Мы бегали, перескакивая с бака на бак, прятались друг от друга, бросали камни в баки, когда там сидел кто-нибудь из нас. Надо было иметь сильный характер, чтобы пересидеть в баке такой обстрел камнями, так как металл гудел как колокол.

И, конечно, ежедневный футбол на пыльной улице...

Тому ежедневному футбольному чемпионату отдельное спасибо за ненавязчивый вводный курс английского языка. Корнер, аут, гол, форвард, офф-сайд, пенальти, хав-бэк, рэфэри – все эти волшебные слова впечатались в мозги навсегда!

1946-й. Живем по ул. Розы Люксембург, 84, снимаем комнату у сестёр Гусаровых. Весной по улице мощные ручьи, запуск корабликов, беготня по лужам.

На углу улицы у соседнего дома, где живет страшный человек "зубной рвач", пацаны постарше играют "в маялку". Это кусочек мохнатой овчины с пришитой тяжестью, например, фрицевской пуговицей от "ихней" шинели, или кусочком свинца. Эту маялку надо как можно выше и дольше подкидывать внутренней стороной ступни. Игра "на вылет". Делаются ставки. Играют охотно также "в железку". Круглой железкой или

пятаком кидают в кирпичную стенку, стараясь, чтобы твоя железка отскочила подальше от стены. "огда ты победил и взял кон.

Летом море цветов, всепроникающий запах фиалок. Новые забавы. Толстой проволокой с концом, загнутым в виде латинской буквы "V", катаем по улице любые круги и кольца из металла. Поддетые и поддалкиваемые этим проволочным приспособлением, круги увлекательно катятся по улице.

Месяца два провел на хуторе у дедушки и бабушки. По целым дням лажу по огороду, в меру сил занимаюсь прополкой, ем вишни прямо с ветки. Через день хожу в балочку к ставку, набираю букет разных пахучих цветов и травы, а дома раскидываю по полу в светелке. Приятно пахнет, а с иконы в правом углу, украшенной вышитым бабусей рушником с петухами и мудрыми изречениями, строго смотрит Николай-угодник, очень похожий на всесоюзного старосту Михаила Ивановича Калинина...

*Моя разведка давно заметила на соседском огороде (после войны усадьбу, занятую раньше правлением, отдали переселенцам Панасенкам) в зарослях картошки мереживо арбузных лиан. Замечен и небольшой тёмнозеленый **кавунчик**, благостно нежившийся на солнцепеке. С неделю меня одолевали сомнения, но потом сластолюбие победило совесть и я решился украсть кавунчик. Несколько дней я ползком, считая что незаметен, подползал к кавунчику, но сорвать не решался. Наконец, наступил день позора и я его утащил в заросли нашей кукурузы и разбил. Он оказался едва розовым, но, как всё в детстве, необычайно вкусным. Сосед, конечно, по рву, пропаханному мною в мягкой земле при многократных подползаниях, понял, кто тот зловредный хомячок, но по вековой крестьянской мудрости и доброте никогда не попрекнул. Хотя у него росли две дочки и они тоже ожидали тот кавунчик... Прошло более полувека, но мне до сих пор стыдно при*

воспоминании об этом злодеянии... Возможно, это чувство стыда и удержало меня во взрослой жизни от разных страшных и позорных дел...

Зимой 47-го пацаны постарше носились по улицам на коньках. В моде были "дутьиши". Когда по улице Карла Либкнехта проезжала редкая грузовая машина, ватага пацанов с длинными проволочными крючьями гроздьё цеплялась за задний борт и уносилась на буксире вдаль. Правда, обычно через минуту шофер притормаживал и кидался на пацанов с искренними матюками, отчего они разбегались. Как только у какого-нибудь "благополучного" ребенка заводились новые коньки, их тут же "сдрючивали" буйные "дикие" подростки. Мне поэтому мама коньки так и не купила, возможно, сохранив от мордобоя уличной шпаны.

Сосед Витька Коптин (сын начальника Сталинского райотдела милиции) был большой хулиган и держал в страхе всю улицу. Но ему всё сходило с рук благодаря отцу. Все говорили, что он подонок, но накладно связываться...

Первые послевоенные выборы. Нина Григорьевна, мамин заместитель в бухгалтерии ОРСа судоремзавода, сказала, что "они хотят заменить одних идиотов на других". Я спросил вечером маму, что означают слова Н.Г. Мама очень испугалась, узнав, что я подслушал и запомнил их разговор, и суровым голосом потребовала, чтобы я выкинул эти слова из головы и никому их не говорил.

Вообще, мама была строгая и многое запрещала говорить, хотя не запрещала думать. Однажды я играл с пацанами в футбол, бегали, орали, а затем пацаны постарше присели на развалинах завода Войкова покурить. Прошла молодая женщина, назовем её Таня, наша соседка из следующего двора. Она была красивая и в американской короткой юбке. Кто-то сказал, что она проститутка. Пацаны заржали. Я ещё не знал этого слова и

подумал, что про тетю Таню, надо же, всегда говорят хорошее. Придя домой, я радостно крикнул маме с порога, что тётя Таня проститутка. Мама без всякой подготовки врезала мне по уху и сказала, что это слово грязное, оно позорит ту женщину, про которую его говорят, и чтобы я его никогда не смел произносить. Ещё она сказала, что тётя Таня порядочный человек, а на неё наговаривают мужики-пьяницы...

Одна молодая женщина, чтобы просторно жить в тесной квартире, убила свою мать, связав её и залив ей в рот чайник кипятку. Город возмущенно гудел об упавших после войны нравах...

На мой день рождения мама собрала всё общество ОРСа, человек двенадцать. Мне надали подарки. Начальник ОРСа Михаил Александрович Чудиновский подарил настоящий морской бинокль. Кто-то принёс чёрную бархатную трофейную жилеточку, мама купила новые ботинки и рубашку. Тётя Поля испекла настоящий "наполеон". Стол был завален конфетами и шоколадом. Разумеется, взрослые пили всякие напитки, но я в них тогда не разбирался и потому не запомнил. Однако в итоге мероприятия так объелся шоколадом, что потом лет десять не мог в рот взять ни шоколада, ни шоколадных конфет...

В конце июля мы переехали на новую съёмную квартиру в одном из переулков около любимой мамой улицы Кошевой на Слободке. Сняли времянку из двух комнаток и кухоньки в частном домовладении. Дело в том, что мама решила завести корову, для чего бабушка оставила ей от Астры тёлочку, а у Гусаровых не было подходящего сарая, да и они вообще не желали нюхать вонь от такого крупного животного. Так что в прошлом году мы съехали от Гусаровых. Почти два месяца мы прожили сначала у тети Поли на Московской, а затем в частном доме у трампарка, у Красной Воды. Но хозяйева этого ухоженного особнячка ни о какой корове и слышать не хотели. Мама, наконец, нашла подходящее жильё

Поменялась и школа. Я стал ходить в школу (не помню номера, кажется, 18-я), находившуюся в одном из подъездов пятиэтажного дома железнодорожников около станции Запорожье-Второе (бывшая "Екатеринка"), она располагалась недалеко от 87-й железнодорожной школы за "Дробиками" (Домом культуры имени Дробязко). Мне приходилось вышагивать порядочно. Занятия велись в три смены, мой пятый класс занимался в первую смену с семи утра, так что зимой идти в полной темноте было страшновато. По пути встречалось несколько сгоревших разбомбленных частных домов, где по рассказам взрослых прятались бандиты, нападавшие на прохожих.

Поскольку чернила в неоттапливаемых классах в морозные дни замерзали в чернильницах, то часто домашним заданием было принести доску от чьего-нибудь забора. Так что, идя ранним утром в школу, я часто задерживался у разбитых домов и возился, отрывая от остатков забора доску. В классе был топор, принесённый каким-то сознательным родителем, и учительница, с помощью ребят покрепче, рубила принесённые домашние задания, и вскоре тепло от буржуйки согревало не только чернила, но и пальцы учеников...

Конечно, нам на ранние занятия было грех жаловаться. К осени из армии хлынул демобилизованный народ и подался на заработавшие к тому времени гиганты нашей металлургии "Запорожсталь", "Днепроспецсталь" и десятки других заводов, снова уверенно коптивших небо над городом. Вокруг разбомбленного в пух и прах Запорожья за лето возникло кольцо рабочих посёлков, состоявших из землянок, привычно вырытых фронтовиками для себя и своих самых лучших в мире истосковавшихся по мужьям жён.

В три утра начинали гудеть заводы, созывая рабочих на утреннюю смену, начинавшуюся в шесть. Захватив тощие

тормозки, работяги, жившие за 10-12 километров от своих заводов, выходили в путь. Затем заводы гудели в четыре часа, после чего каждые полчаса. За первое опоздание виновный лишался премии и каких-то льгот, за второе можно было запросто схлопотать срок и возродить социалистическую индустрию уже где-нибудь в Заполярье или на Колыме...

Как-то нас с мамой пригласила в гости её сослуживица Нина Григорьевна, очень интеллигентная женщина с не по-советски широкими взглядами на жизнь. У неё была лет пятнадцати дочка Ира, контуженный муж-моряк Сергей, недавно вернувшийся с войны, и пожилой отец. У семьи был огромный по тем временам частный дом с большим участком земли, каким-то чудом не разоренный советской властью, хотя отец Н. Г. и прожил всю жизнь беспартийным, как я теперь понимаю, из каких-то принципиальных соображений. Возможно, не хотел мараться...

У них рос прекрасный сад, с розами и виноградом, земля их кормила и они любили в ней возиться.

И у этой семьи была ещё гигантская библиотека. Когда мы первый раз пришли к ним в гости, то я несколько часов, пока взрослые распивали чай, в каком-то забытом зачарованно копался в книжных богатствах.

Потом я ещё два года не вылезал из их дома, то есть из их библиотеки, которая во многом сформировала меня и наставила. У них были, кроме собраний сочинений десятков классиков и модных тогда писателей и поэтов (кто слышал сегодня о Джеке Алтаузене?), ещё и многолетние, за 1928-1940-й годы подшивки таких журналов, как "Мир приключений", "Вокруг света", "Всемирный следопыт", "Всемирный турист", "Техника – молодежи", "30 дней", "Знание – сила", "Земля и фабрика", не говоря уже о "Мурзилке"... Моей библией стал "Робинзон Крузо". Между прочим, в одном из номеров "Всемирного туриста" (кажется, за 1928-й год) я,

затаив дыхание, прочитал об Александре Селькирке, прототипе Робинзона, многие годы действительно проведенном в одиночестве на одном из островов у берегов Чили и сумевшем выжить.

Запойное чтение Жюль Верна, Уэлса, Конан-Дойля, Зуева-Ордынца, Алексея Толстого, записок великих путешественников Ливингстона, Стэнли, Амундсена, Пржевальского и им подобных быстро сделали из меня романтического, самодостаточного мальчика, мечтающего то о жизни на необитаемом острове, но непременно с весёлой красивой девочкой, такой, как наша розовощекая соседка Таська в хуторе Казачьем, то о длительных, полных опасностей и испытаний путешествиях в Африку и Антарктиду, или, ещё лучше, о странствиях по другим планетам, а может быть, и звездным системам...

Вскоре Нина Григорьевна родила (в свои за сорок!) дочурку Оленьку. Я свидетель, что все её подружки были счастливы не меньше её самой....

Мне нравилось, как они жили в своем прекрасном доме, и мечталось иметь такой же, набитый вареньями-соленьями, основательностью, уверенностью и достатком...

В августе и на нашей улице наступил праздник. Вернулся из армии дядя Саша, младший сын деда Калистрата Гордеевича. Он пороку так и не понюхал, просидев всю войну в Закавказье, на иранской границе, в Нахичевани, где из стратегических соображений Сталин держал войска на случай удара немцев через Иран.

Неделю Саша гостил у нас на Слободке. Помню, как в первый же его свободный вечер мы с ним пошли на Малый Базар за пивом. Он набрал его трехлитровую бутылку, и весь вечер это пиво никак не могло кончиться, так как мама почти не пила, она всё расспрашивала его о службе, о войне, о разных счастливых случаях, надеясь, наверное, на чудо, которое может вернуть ей

Геоργия...

Потом Сашка уехал на хутор погулять со стариками. Как-то приехала бабушка и пожаловалась маме, что Сашка стал бесстыжим, ходит по хутору в маминой кофте. У мамы была неплохая трикотажной вязки пестро-коричневая шерстяная кофта с костяными пуговицами, Сашка её выпросил. Так он, охальник, одевал её, несмотря на то, что застёжка в женскую сторону, закатывал рукава и так гулял по хуторской улице. Встречные бабы крестились, пеля на него от удивления глаза.

Примерно в октябре я некстати заболел скарлатиной. Поскольку мама как раз делала в нашей времянке большой ремонт, то на месячишко мы разместились у тети Поли. Оттуда меня врачи принудительно забрали в инфекционную железнодорожную больницу на станции Запорожье-Второе, где я пролежал более месяца. Первую десятидневку меня держали в изоляторе и не пускали маму. Было и страшно и тоскливо. Потом притерпелся и даже стал засматриваться на девочек нашего отделения. Одна из них потом ещё долго снилась... Много читал, мама плакала через оконное стекло, передавала мне кефир и конфеты...

Когда я вышел на волю, то уже попал сразу в отремонтированную времянку, где у меня появилась даже своя небольшая комнатка. Я купил в книжном огромные физические карты полушарий, повесил их на стене своей "каюты" и мечтал о дальних странствиях.

Вскоре мама завела со мной серьёзный разговор. К ней стал свататься главный инженер нашего судоремзавода видный мужчина с кровожадной морской фамилией Акулов. Таким способом мама решила узнать моё мнение. Конечно, я бурно запротестовал. Я сказал, что нам и вдвоем хорошо, зачем нам ещё неизвестно какой мужик. Мама грустно согласилась со мной. Тогда после войны с женихами было не густо, а маме было уже

37 и надо было не привередничать. Тем не менее, она учла моё неприятие этого предложения и отказала Акулову.

Я как-то недавно прикинул ситуацию и ужаснулся. В 41-м году СССР вступил в войну, имея приблизительно 150 миллионов населения. Примем мужскую часть за 75 миллионов. Если принять для удобства расчета среднюю продолжительность жизни за 75 лет (реально была ниже), то на каждый год рождения (возраст) придется по 1-му миллиону мужчин. Сталин брал на фронт с 18-ти лет до 45-ти, то есть в 41-м призывались возрасты с 1923-го по 1896-й годы рождения, затем в ходе войны призывались ещё 1924-й, 25-й, 26-й и 27-й годы. Всего призвано 32 возраста, то есть 32 миллиона человек. Конечно, небольшая часть мужчин осталась в тылу, оценим их условно в 2 миллиона. Так что через горнило войны прошло 30 миллионов. Как раз эти возрасты и были мужьями и женихами и перед войной и после войны. Но война истребила их большую часть. По самым осторожным оценкам, принятым ныне, после разоблачения культа личности Сталина, война унесла жизни 22-27 миллионов советских людей. Из них не менее 20 миллионов – мужчины. Так что с войны вернулось не более 10 миллионов мужиков, причем не менее 5-ти миллионов искалеченных до такой степени, что уже не могли быть мужьями.

И вот итог. Пять миллионов фронтовиков плюс два миллиона тыловиков давали семь миллионов мужчин на 32 миллиона женщин соответствующих им возрастов. То есть практически один к пяти. И в этой ситуации я помешал маме выйти замуж! Повторилась история 42-го года, когда я не разрешил отцу остаться для важного разговора с мамой. Если бы мама читала Фрейда, она знала бы мою позицию, не спрашивая меня. Теперь-то я знаю, что говорить в подобных случаях. Никогда не спрашивайте у детей совета, как вам устроить свою взрослую жизнь. Стройте и проживайте её сами. И потерпите. Оценку детей узнаете не сразу, а в конце жизни. А

может быть, и не успеете узнать. Но если ваши действия были здоровыми и рациональными, то не сомневайтесь, что дети вас не осудят, они будут гордиться вами...

В январе 48-го мама получила свою первую за двадцать лет работы комнату в коммунальной квартире водников в районе Большого Базара по ул. Анголенко, д. 7, кв. 8, 2-й этаж В связи с невозможностью дальнейшего содержания продает короу (кажется, за 2,5 тыс. руб.). Комната хорошая, большая, почти 14 квадратных метров. Дом замечательный, кирпичный, двухэтажный, бывшая аптека Рихтера (ещё сохранилась надпись по фасаду). Потолки непривычно высокие, более трёх метров...

*Начинаю в свободное от учёбы время исследовать окрестности. Неподдалёку, там, где трамвай сворачивает на мост (бывший Шёнвизский) через Московку и грохочет дальше в сторону Южного вокзала, есть интересная аптека. Там часто вижу фронтовиков на костылях, без ног, а то и без руки. Стучат костылями в витражи, требуют суку-заведующую, суют ей под нос рецепты с круглыми печатями, требуют внеочередной выдачи ампул с морфием. Им, ставшим наркоманами в госпиталях, **положено** два-три (?) раза в месяц по рецепту получить дозу. Им не хватает, а заведующая ведёт учет рецептов и не выдает раньше обозначенного срока.*

- Мы за вас кровь проливали, а вы, крысы тыловые, блядовали... Какие ещё там сроки выдумываешь, шалава...

В конце февраля (в воздухе обалденно пахнет весной) забредаю, сбежав с уроков, на Южный вокзал, и там на меня обрушиваются вороньи крики паровозов, их щекокащие в носу дымы и клубы горячего пара. Плотная непроталкиваемость смердящего вокзального люда, карта Советского Союза с сеткой железных дорог на высокой стене действуют, как

наркотик.

Не в силах сопротивляться, бегу домой, краду из платяного шкафа 1700 рублей, оставшиеся из вырученных за проданную недавно корову, одеваюсь потеплее, собираю давно приготовленный для путешествий рюкзачок, не забываю сунуть в него и недавно купленный "Справочник по туризму" и несусь снова на вокзал, чтобы через час умчаться первым же проходящим поездом в Москве...

Через сутки я уже внимательно изучаю Площадь Трёх Вокзалов, безбожно, часами катаюсь на метро и гуляю в центре столицы у стен древнего Кремля. С непривычки тяжела первая ночь на Курском вокзале. Она проходит практически без сна. Мало того, что непрерывно ходят по рядам эмпээсовских скамеек милицейские патрули и проверяют документы, так ещё в три часа ночи всех выгоняют на улицу по случаю уборки залов, а запускают в четыре часа по билетам. На следующий опять до измора шляюсь по Москве, истерзанные ноги гудят, без сил добираюсь до гостепреимного Белорусского вокзала. Вновь проблема ночи. Я решаю ее относительно просто, – бегом к кассе и где-то в час ночи беру билет до Орши. Хотел, конечно, до Бреста, а там через Европу в Африку-Австралию, но туда нельзя, там граница и нужен какой-то вызов. А до Орши, – пожалуйста!

*Через полчаса уютно устраиваюсь в общем вагоне на третьей полке, там тепло и никто не претендует спихнуть застенчивого мальчика. Неумытый и простенько одетый, я не вызываю никаких подозрений насчет того, что у меня во внутреннем кармане пиджачка **значена** огромная сумма денег. А тогда за рваный рубль могли без сожаления оторвать голову...*

Через сутки или двое, не помню, вечером подъезжаем к Орше. За полчаса до выгрузки наблюдаю сказочный закат солнца в золотые вековые сосны... В моей жизни будет мало таких

волшебных мновений.

Вокзал в Орше маленький и холодный. Неподалеку памятник Константину Заслонову. Ядрёная, с морозцем, ночь. Настроение пробивается в Африку через негостеприимную Европу улетучивается с приближением полночи. Сажу на казенной скамье и думаю о новых маршрутах. Если взять билет сразу до Владивостока, то можно попробовать устроиться юнгой на торговый корабль и сплавиться в тропики морским путем. Новая Каледония, Суматра и Борнео, Австралия и Новая Зеландия, чем плохо?..

Однако тётка в кассе портит настроение. До Владивостока билеты только по вызовам, после Иркутска – погранзона... Прощай, Австралия?.. Беру вынужденно билет до Новосибирска с пересадкой в Москве, рассчитывая дальше чего-нибудь придумать. Слава Богу, есть какой-то поезд на Москву и опять через минут сорок я уже храплю на третьей полке и несусь к столице нашей Родины.

Ночь-день-ночь и вот уже дымное небо Москвы и гомон Белорусского вокзала. День шляюсь по Красной площади и по улице Горького, а к ночи перебираюсь на Казанский вокзал, где долгие часы парюсь в жаркой, смердючей, проматюженной очереди в кассы, чтобы прокомпостировать билет на ближайший сибирский поезд до Новосибирска. К счастью, таковой находится, и к середине ночи я вновь прочно заселяю третью полку в общем вагоне и чувствую себя Ермаком, собравшимся покорить Сибирь...

Больше недели мчусь сквозь заснеженные леса и болота на восток. Казань, Свердловск, Омск... За вагонным окном бесконечные березняки, ельники, сосняки. На станциях бабы выносят к вагонам домашние пироги, вареную картоху, солёные огурцы и грибы. Жить можно, и я упиваюсь неограниченной свободой...

Наконец, выгружаюсь в Новосибирске. В нём я осваиваю

огромный вокзал, в котором ночью на казённых скамьях. Не обременённый поклажей, днём брожу по городу, прохожу пешком с десятков километров по Красному проспекту и соседним с ним улицам, забредаю на огромный толкучий рынок. Купил часы карманные на цепочке, чтобы как-то определяться с временем. Ещё на рынке купил толстый песенник, в котором сотни старинных и тогдашних новейших песен.

Через несколько дней меня вычисляет цыганская стая, базирующаяся на вокзале. Их человек сорок. Куда-то срочно едут. Слово по слову, и я вливаюсь в спаянный коллектив генетических романтиков. Главное, они не усекли, что у меня за пазухой такая огромная сумма денег. Я здорово исхудал за истёкший месяц и сердобольные цыганки стали меня потихоньку подкармливать. С ними я прокантовался ещё пару недель. Но затем, отдохнув и освоившись с нехитрым вокзальным бытом, я решил все-таки пробираться дальше на восток. Конечно, я мог шутя взять билет до Иркутска, но, говорят, там при выходе из вагона требуют документы и вызов в погранзону, которая начинается сразу за Иркутском и через Тихий океан, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Атлантику, Лондон, Берлин и Варшаву простирается до самой Орши, где я уже побывал...

Пока я крутился у касс, изучая расписание, меня зацепил какой-то вокзальный жучок и вызвал-таки на откровение. Я признался ему, что не знаю, как взять билет до Владика, не имея вызова. Он убедил меня, что у него знакомая кассирша, которая "по благу" даст билет без вызова. Делов-то всего на пятьдесят рублей... Хорошо, что он не загнул рублей двести, я бы и их, вероятно, выложил. Мы вышли из вокзала и для конспирации зашли в какую-то подворотню. К счастью, я по пути незаметно вытащил из своего тайника пятидесятирублевку и смял её в кармане пальтишка, как самую кровную и последнюю. Прохиндей взял банкноту и велел мне

подождать минут десять, пока он слетает на вокзал и решит дело с кассиршей... Понятно, что я протоптался битых полтора-два часа, пока с горечью осознал, что меня элементарно кинул профессионал.

Я так разозлился, что решил изменить маршрут и достичь Борнео или Австралии через Кавказ. Сказано – сделано! Я вернулся на вокзал и через несколько часов стояния в очереди стал обладателем билета до Дзауджикау, как тогда назывался Владикавказ (он же Орджоникидзе), столица Северной Осетии. Простившись с милыми цыганами, я вскоре загрузился в поезд, который повёз меня вспять на Москву... Дело в том, что до Тбилиси, Баку или до Еревана билета я взять не мог по той же причине, так как везде требовались вызовы в погранзоны. Но что стоит перевалить Кавказский хребет опытному путешественнику, что ему вообще границы?..

В мае я оказался опять в Москве, столице нашей Родины... Побродил пару дней, измучился вконец без сна на строгих московских вокзалах, плюнул и закомпостировал билет до намеченного в планах Дзауджикау. Сел в поезд и укатил на юг с Курского вокзала. Через три дня я вышел утром уже на Кавказе.

Вид Казбека вдали и за ним мощного горного хребта меня, степняка, потряс. Я походил по городу, закупил всё для экспедиции. Рюкзак, спички, котелок, фляжку, крупы, хлеб, тушёнка, сгущёнка, чай, носки и тэдэ и тэпэ...

В самую жару, в полдень, я взял курс на Казбек, полагая, что за пару недель перевалю хребет и хитро перейду границу где-нибудь в Нахичевани. Дядя Саша в прошлом году говорил, что там запросто ходят азербайджанцы в Иран к родне и обратно без всяких пропусков и хлопот. Я собирался попросить азербайджанцев взять меня с собой. Благо я был очень загорелый, грязный и от природы смуглый (турецкая кровь!), так что никто бы не засомневался, что я ихний...

Часов пять я упорно удалялся от города, а Казбек все не

становился ближе. Однако всё же высота местности неуклонно росла. Склоны заросли цветущим вишенником, в траве журчали ручейки, просто рай. Наконец, я вкрай устал и решил устроить привал на ночлег. Набрал сушняку, развёл костёр. Но даже чаю вскипятить я не успел, как дымок моего костра усекли лесники и вскоре послышался за кустами лай овчарок.

Вот и местные усатые абреки. Установив, что я ни бельмеса не волоку по-осетински, они на простецком русском объяснили мне, что шляться в горах без разрешения ещё нельзя, хотя и не погранзона, но порядок строгий и меня отведут в милицию.

Пришлось мне ещё часа три (вниз оказалось идти быстрее) пилить с ними в город, где меня сдали в горотдел МВД. Стали расспрашивать, что да как. Спасибо, не устроили шмон, а то бы плакали мои денежки. Пришлось выкручиваться, плести легенду, что просто пошел в горы пожить два-три дня. Потому что приехал в гости к маминной подруге, а не сумел найти улицу... Легенда у меня была железная, потому что в Дзауджикау из Запорожья год назад уехала мамина хорошая знакомая, и они переписывались. Естественно, что я знал адрес, фамилию и имя-отчество. Подтвердить в адресном столе правдивость моих слов было делом пяти минут. Так я из подозреваемого превратился в несчастного пацана, которому надо помочь. А это уже совсем другой статус, я – свой...

Меня поручили какому-то старшине, дядьке с усами, он и отвел меня уже в полной темноте и полусонного по указанному адресу. Мамина знакомая чуть не упала в обморок, так как из маминого письма знала, что я исчез без следа. Поблагодарив милиционера, она затащила меня в квартиру и объяснила всё мужу, военному, которого перевели служить в эти места. Мне быстренько приготовили ванну, я наскоро помылся, накормили, и я вырубился в чистой постели на шикарном мягком диване. Как ни верти, но это вам не третья полка в общем вагоне.

С утра следующего дня тётя дала маме телеграмму, а затем посадила меня в поезд и взяла билет до Запорожья. Я из конспирации не сказал ей, что у меня есть ещё много денег. Недолго думая, я согласился со всеми тётиными житейскими аргументами и отменил достижение Австралии и Новой Зеландии, а также Суматры, Борнео и Новой Каледонии до лучших времен...

Через три дня, всего с одной пересадкой в Харькове, я часа в два ночи прибыл на вокзал Запорожье-Второе. Трамваи уже не ходили, и я пошел пешком домой на улицу Анголенко. Где-то на середине пути, уже в центре, на улице Карла Либкнехта, меня заловил военный патруль. Правда, я имел отличное алиби, - билет до Запорожья и точное знание своей улицы и дома, до которых было рукой подать. Служивые меня, смеясь, отпустили...

Мама открыла сразу, казалось, она не спала, а ждала меня, прислушиваясь к каждому шороху. Сколько было слёз, ругани и опять слёз. Потом она меня два дня купала чуть ли не в кипятке, отмывая весь мой "африканский" лэп (многослойную извинительную грязь бывалого путешественника)...

А поскольку я привёз обратно большую часть утащенных денег, то был полностью прощён. Да если бы и не привез... Мама договорилась в школе, что меня перетащат в шестой класс при условии, что я чего-то там досдам в августе... Досдал.

В конце года начал собирать свою библиотеку. Из полутора десятков приобретенных тогда книжек помнятся всего две - "Комнатное цветоводство" Г. Е. Киселева ("Московский рабочий", 1948) и "Шесть дней в лесах" А. Н. Формозова (Издательство Московского общества испытателей природы, 1948) да и то лишь потому, что "Цветоводство" очень бережёт и ценит мама, а "Шесть дней в лесах" до сих пор могу перечитывать как новинку... Хотя эти две книжки, возможно, приобретены в начале 1949-го...

Шестой класс худо-бедно удалось закончить без приключений и в июне надо было ехать на хутор отдыхать и помогать старикам. Однако я ещё с месяц проболтался в душном городе. Скука и ничегонеделанье убивали всякую живую мысль, немного спасало только чтение. Между прочим, с 1945-го я завсегдаитель читального зала городской библиотеки, что первые послевоенные годы располагалась напротив ликеро-водочного завода по улице Московской близ площади Свободы, а в начале пятидесятых переехала в Соцгород.

С тоски собачьей покатился я по проторённой дорожке, прихватил из дому без спросу триста рублей и умчал в Москву. Меня уже не манили тропики, мне хотелось побродить по Москве. Добрался я до столицы освоенным в прошлом году путем и, выйдя утром с Курского вокзала, окунулся в столичную круговерть. Однако уже с наступлением первой ночи мой энтузиазм поубавился. На вокзалах стало ещё строже и, выгнав людей в три часа ночи под предлогом влажной уборки, обратно запускали только по проездным документам. Так я оказался в три часа ночи на улице, не сумев проникнуть в тёплое чрево вокзала.

Благо ночи стояли претёплые. Я медленно пошёл к центру по улице Чернышевского и Хмельницкого. Пройдя площадь Дзержинского, я по Лубянке достиг Бульварного кольца. Пройдя пару бульваров, я увидел в начале одного из них гигантскую клумбу, густо заросшую высокими красными цветами. Усталость подсказала мне беспроигрышный ход. Я залез в клумбу, постелил на теплую землю несколько газет, а под голову свой рюкзачок великого путешественника и уснул сном праведника, несмотря на то, что уже было довольно светло. С бульвара я был невидим для прохожих, которых, правда, в четыре утра ещё надо поискать. Вскочил часов в шесть, как ошпаренный, из-за непредвиденного стихийного бедствия.

Дворник пришел поливать цветы и первым делом направил свой мощный шланг на мою гостеприимную клумбу. Я жутко испугался и рванул вдоль бульвара. Дворник выронил шланг и побежал в противоположную сторону, яростно свистя в штатный свисток.

Надо ли говорить, что уже вечером того памятного дня, проклиная негостеприимство столицы нашей родины, я уехал первым же поездом домой и уже через сутки, повинясь перед мамой и отдав ей остатки денег, направился сам, без конвоя, на хутор для прохождения дальнейшего отдыха.

Потом, посещая Москву, я всегда вспоминаю этот волнующий эпизод из серии познания мира, но так и не могу вспомнить, на каком бульваре это было. Всё-таки, кажется, что клумба располагалась на Трубной площади в устье Петровского бульвара, ведущего от Трубы в сторону улицы Петровки.

Осенью я пошел в 7-й класс и опять в новую школу. Внизу улицы Анголенко, напротив нашего дома, в здании бывшей синагоги находилась неполная средняя школа, правильнее сказать семилетка, № 8. К счастью, школа смешанная, можно увидеть вблизи настоящих девочек, что для моего проснувшегося либидо стало существенным.

Здание двухэтажное, из красного кирпича, с двумя башнями типа крепостных по обеим сторонам главного входа, очень средневековое на вид, мощное. Вроде бы в нём до революции была еврейская синагога. Один класс посадили слева от входа в маленьком помещении, странной геометрической формы. Его потолок сделан в виде крышки гроба. Говорят, там отпевали покойников.

Слава богу, наш 7-й "А" расположили справа от входа в обычной прямоугольной комнате. Есть ещё и 7-й "Б". Через год наши восьмые классы переведут в какую-нибудь другую школу.

Почему я обрадовался наличию девчонок? Дело в том, что в

послевоенные годы строго соблюдался принцип отдельного обучения. Лучшей женской школой считалась 5-я, а лучшей мужской – 11-я. Но с 1949/50-го учебного года система почему-то ослабла и ряд школ разрешили смешанное обучение.

В нашем классе из двадцати восьми учеников было больше половины девочек. Я сел в левом ряду от окна и в первый же день обратил внимание на очень привлекательную девочку в светло-зелёном платье, она сидела справа от меня в среднем ряду и выглядела просто прелестно.

Уже к концу первого дня я узнал, что её зовут Валюша Серёгина, и был необъяснимо счастлив в тот день...

Седьмой класс успешно закончен. Желание нравиться девочке Вале благотворно сказалось на успеваемости. Я впервые отучился на пятёрки и четвёрки. Не было в седьмом классе и прогулов, так расстраивавших маму в прошлые годы. Странно, но бежал в школу, как на свидание. Теперь я понимаю, что это и были первые свидания.

В конце учебного года нескольких пацанов и девочек из нашего и параллельного классов приняли в комсомол. Что это такое, ещё предстояло разобраться. Одно было ясно из немногословных ремарок взрослых, - комсомол это нечто, чего нельзя обойти и проигнорировать, не испортив себе жизнь.

В знак поощрения и чтобы меня не тянуло на путешествия, мама взяла мне и себе путевки в дом отдыха речников в Цюрупинске под Херсоном.

Вот это лето так лето! А два дня пароходного круиза до Херсона!.. А три недели праздничного ничегонеделанья в доме отдыха... А ежедневные походы в дельту Днепра на рыбную ловлю и купанье... Тем не менее, в конце пребывания в доме отдыха уже сильно потянуло домой.

В середине августа я наведалься в школу и оказалось, что нас ждёт масса новостей. Два восьмые класса переводят в 23-ю

школу, что на улице Михеловича, около нового (хотя и в дореволюционном здании) городского почтамта. Всё это я живо обсудил с Валюшей, которую встретил в школе.

На обратном пути из школы, захлебываясь от нетерпения и перебивая друг друга, рассказывали друг другу о летних радостях. Она про свой последний пионерлагерь, а я про дом отдыха. Оба очень обрадовались встрече.

Я провел её до дома и узнал, что она живет недалеко от меня на 1-й Московской на первом этаже то ли двухэтажного то ли трехэтажного старорежимного **ЖАКТовского** дома с массой веранд, мансард, балконов, надстроек и навесов. Всё это парижское великолепие было прочно оплетено тропическими зарослями дикого винограда.

А потом оказалось, что на следующий день мы ещё раз случайно встретились у школы в связи с переводом в 23-ю. Потом вместе пошли смотреть новую школу, она располагалась совсем недалеко от наших домов, от моего - полтора квартала, от валиной 1-й Московской - два.

В сентябре началась уже серьёзная учеба, мы стали старшеклассники. С Валюшей у нас разбушевалась любовь, и мы минуты не могли прожить друг без друга – вместе в школу, вместе из школы. По вечерам долгие прогулки "при луне" до глубокой ночи. Однако в то время у подростков было очень много крепких "табу" и поэтому нравственность ещё долго могла спать спокойно, – это были прогулки невинных ангелочков.

Естественное для молодых желание быть первым подстегивалось тем, что жизнь молодого идадьго проходила на глазах у принцессы. А тут ещё закипела в школе общественная жизнь. Практически все в наших двух восьмых классах **повступали** в комсомол. Меня избрали секретарём комитета ЛКСМУ школы.

При выборах комитета на общем комсомольском собрании

школы произошёл важный в нравственном отношении эпизод. Когда в пионерской комнате собралась счётная комиссия подсчитать голоса, зачем-то позвали и меня, так как партбюро школы "наметило" меня в секретари. Оказалось, что проходит в комитет одна девица, которую я недолюбливал. Я сказал об этом пионервожатой, возглавлявшую счётную комиссию. Она ответила, что вопрос **решаемый**.

- А кого ты хочешь? – спросила безразлично. Я ответил, назвав приятную девочку из параллельного класса. Вожатая взяла пачку запасных бюллетеней, и, проставив соответствующие галочки, заменила ими столько же бюллетеней, поданных за неприемлемую девицу. Через пять минут счётная комиссия вышла в актовый зал и вожатая со сцены уверенно, под дружные аплодисменты комсомольцев, зачитала протокол голосования. Моя протеже вошла в состав комитета!.. При распределении обязанностей я всучил ей должность замсекретаря... Валюше Серёгиной досталась должность редактора стенгазеты, так как она хорошо рисовала, а моя общественная работа без Валюши рядом была бы, вероятно, не столь результативной.

Урок коммунистической "нравственности" показал вседозволенность в кругу посвящённых хоть в небольшую власть. Хотя, если честно, сколько лет прошло, а до сих пор противно...

Не могу без волнения вспоминать свою первую любовь. Вот забавный момент. В первые дни сентября, когда мы с Валеёй только налаживали отношения, мы тянулись друг к другу, но вели себя скромно, даже без поцелуев. Однажды я пригласил её к себе домой по какому-то там учебному поводу. Скажем, взять книжку.

Мы сели на диван, и я стал перед ней выпендриваться. Стали листать книги, а ведь их у меня к тому времени насобирались

целая этажерка. Да и малый я вроде был крутой – комсорг школы, член горкома комсомола. Так я и стал её поражать своими продвинутиями в сверхпрограммных знаниях. Взял с этажерки тяжеленный 1-й том "КАПИТАЛА" Маркса (я зачем-то в начале учебного года купил трёхтомник) и стал чего-то там зачитывать из третьей главы. Валюша слушала-слушала марксову ахинею, а затем вырвала из моих рук книжищу и, закинув её за спинку дивана и едва не сбросив при этом с полочки семерых мраморных слоников, крепко меня поцеловала.

Вот так великий Маркс был в мгновение элементарно побежден девочкой из 8-го "А". Мы с добрый час самозабвенно целовались. Потом, зная, что скоро с работы придет моя мама, убежали в Дубовку, где наша обычная целомудренная прогулка превратилась в ураган бурной, но контролируемой страсти...

Но не вечно же ждать, когда я соображу, что и как. И Валюша взяла власть в свои руки. Тут уж вмешалась матушка-природа, и мне стало не до марксистской демагогии. Так и началось. То у неё, то у меня. Но, говорю же, без крайностей...

Тем не менее я серьезно увлёкся коммунизмом. Поверил в будущий рай. Надо только круглосуточно, как Павка Корчагин, работать и терпеливо ждать. Читал запоем Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Познавал их казуистические построения так же страстно и нетерпеливо, как познавал на вечерних встречах тело милой Валюшки. Маркс сулил рай далеко в светлом будущем, а с Валюшкой раем казался не только каждый вечер, но и, конечно, каждая минута в школе.

В октябре меня делегировали на городскую комсомольскую конференцию. Конференция прошла со всей возможной красной обрядностью в новом Дворце Культуры Строителей на 13-м поселке. Весь партийный антураж старшие товарищи преподнесли молодой смене во всём блеске. Оркестр на ступеньках ДК. Регистрация в вестибюле. Красные мандаты –

как у старших товарищей на их съездах и конференциях. Хорошо выглаженный кумач на столе президиума. Скромный графин с водой в середине стола. Стакан воды на обресе трибуны с гербом СССР. Ленин в виде массивного гипсового бюста в левом парадном углу зала, а на багряном занавесе сцены, над столом президиума огромный цветной портрет товарища Сталина и ещё выше – приветственный лозунг в адрес молодых строителей коммунизма. Свежие областные газеты в изголовье каждого кресла. Весёлые, молодые, счастливые лица делегатов. Невиданные многими буфеты в холлах. Ну, прямо – съезд ВКП(б)!

После отчётного доклада первого секретаря горкома комсомола я зажигательно выступил в прениях "от имени и по поручению" учащейся молодежи Запорожья. "Самородка" заметили в президиуме, и меня избрали в состав городского комитета ЛКСМУ. Началась карьера будущего вождя всего прогрессивного человечества...

Во втором полугодии 50/51-го учебного года мой комсомольский взлёт успешно продолжился. Я стал знаменит в масштабе города. Часто ездил с зажигательными выступлениями по строительным объектам, был на каком-то запылённом заводике. Особенно запомнилась поездка 23-го февраля на станцию Мокрая к **летунам** стоявшего там истребительного полка. Я выступил, как обычно, с обличением происков империалистов, в защиту молодой Китайской Народной республики, против засевших на Тайване чанкайшистов, сорвал овацию...

После хорошо заседали с лётчиками по случаю мужского праздника, взрослые, включая нашу пионервожатую, которой было уже 19 лет, выпивали водочку, а я, как малолетка, попробовал портвейна и очень захмелел. Потом так получилось, что через неделю в школу с ответным визитом прибыл самодеятельный оркестр лётчиков в составе аккордеониста,

гитариста и певца, которым оказался молодой капитан. Уходя из школы, капитан вызвался провести пионервожатую. Через месяц мы узнали, что наша вожатая расписалась с этим самым капитаном. Ей завидовали учительницы, особенно химичка по прозвищу "Бледная спирохета", которые называли счастливцу "шлюшкой"...

Восьмой класс я закончил неплохо, всего две или три четверки. Сказалось облагораживающее влияние моей самой лучшей в мире девчонки.

Лето я провел на хуторе и очень скучал по Валюше, по городу, по книжкам. Я чувствовал себя Лениным в Шушенском. Мне писали на хутор не только Валюша и Ёня. Получил тёплые письма и от Раи Рудзевич, и от Софы Габрилович, и от Вали Деннис. Хотя у меня с ними никаких тесных отношений не было, просто проявлялся некий подростковый исследовательский интерес друг к другу.

Пришло и первое полугодие девятого класса. Серьёзная учебная нагрузка, масса общественных обязанностей...

Определились друзья и неприятели. Главный друг – Лёня Пинкер, мой зам по комсомольскому комитету. Дома его мама называла сына Ёней. В конце концов, я уяснил, что на самом деле он не Леонид Владимирович, как написано в паспорте, а Авель Вульфович... Значит, Лёня или Ёня от Авелюни, Авелёни... Правда, дружба наша от такой мелочи не потускнела. Не потускнела она и от того, что папа Ёни, председатель меховой артели, недавно получил восемь лет за левый пошив меховых шапок.

Другой, не менее значимый друг, Виктор Петров, председатель учкома, так сказать, профсоюзный босс школы, спортсмен, обаятельный и надёжный.

В те дни, когда валина мама не пускала её погулять, я выходил побродить по "броду" или "бродвею", по главной улице Карла Либкнехта, вечером с Ёней Пинкером. Мы, как и сотни

других молодых горожан, вышагивали десятки раз от Анголенко до площади Свободы и обратно. За два-три часа непрерывного трёпа несколько раз обсуждались мировые проблемы...

Часто с нами происходили нелепые случаи. Как-то осенью чёрт понёс меня организовать группу пострелять из мелкашки. Взяли у завуча винтовку, несколько пачек патронов и пошли человек пять (кто, уже не помню, знаю твёрдо только, что была и Валюша) в выемку вдоль железной дороги, что за 11-й школой напротив Калантыровки. На краю выемки со стороны города располагался военный госпиталь. Поставили мишени, ложимся по очереди и всласть постреливаем. Вдруг крик, даже вой и чуть выше одной из мишеней орущий солдатик со спущенными штанами. Оказалось, что их привезли в госпиталь на какое-то обследование, так пока то да сё, его припёрло и он вскочил в выемку облегчиться. Надо же, пулька пробила солдатскую сбрюю и вонзилась в живот. Набежали вояки, чуть нас не побили, забрали мелкашку. Дело приняло скверный оборот и получило огласку. Солдата госпитализировали в тот самый госпиталь, у которого он какал, прооперировали и мы несколько раз его проведывали. Получился скандал, который долго не могли погасить. Завуча сняли с работы, в выдаче патронов и мелкашек навели железный порядок. Солдатика вскоре комиссовали, чему он был искренне рад...

Незадолго до этого случая я зачем-то занялся организацией военного обучения одноклассников. Видимо, было какое-то полоумное задание райкома комсомола. Я два раза ходил после уроков, во второй половине дня, по домам своих ребят с трехлинейкой Мосина с примкнутым штыком, и мы по часу разбирали и собирали винтовку, чтобы потом красиво сдать какой-то зачёт. Если, скажем, у Жоры Андрийченко приём был восторженный и его отец, бывший военный, активно нас поддержал и сам с интересом включился в дурацкую игру, то

когда я, пугая мирное население тихой еврейской улочки за Большим Базаром, прошагал с винтовкой наперевес (на ней же не написано было, что она просверлена и для убийства непригодна!) тесным двориком и постучал в дверь квартиры Наташи Тарасюк, мама Наташки, открыв дверь, едва не упала в обморок. Затем она приготовила чай и долго отпаивала молодого милитариста, убеждая меня, что её дочке знание творения Мосина в жизни не пригодится. Всё же пару раз разобрать и собрать ружье у нас с Натой получилось... В конце концов, мне осточертело ходить по городу с ружьём и я бросил это мероприятие, не доведя дело до требуемого зачёта.

Новый 1952-й год встретили на школьном вечере. Веселились мы, старшеклассники, а нас уже стало много. К нашим прежним "старым бойцам" из двух девятых классов присоединились три восьмых класса. Много новых лиц. Сколько интересных девочек подросло за прошлое лето. Скажем, Витя Петров начал встречаться с красивой девочкой Сталиной Чёрноокой. Первому он сказал об этом мне. Через пару месяцев она доросла в результате их крепкой дружбы до поста председателя Совета пионерской дружины, а, значит, её общественная карьера теперь предрешена. А какая замечательная певица наша Надя Куделина!

В классе чётко определились разные группы интересов. Удивительно, однако нас с Ёней Пинкером считали "монахами" за сектантско-идеологическую комсомольскую замкнутость, поскольку я хранил верность одной девочке и не ходил ни в какие компашки, где царила большая свобода нравов, а Ёня вообще не имел в тот период девочки, весь был погружен в учёбу и в чисто еврейскую проблему предстоящей интеграции в советскую систему, что ему в дальнейшем, судя по полуголодной службе в Звенигороде и последующей нелёгкой "гражданской" жизни, давалось непросто...

Другим полюсом была группа прозападных эстетов-анархистов, исповедовавших свободу отношений и радостей жизни. Туда входили Сашка Грызидуля, Борис Колпаков, Анатолий Трепанский, Валюша Деннис, Лариса Киприян, новый одноклассник Иван Феофанин, кто-то ещё из девчонок. Их стихией были вечеринки с джазом, винцом, всякие хохмы. Золотой середины придерживались умные еврейские девочки Софа Габрилович (дочка управляющего Запорожским горбанком), Рая Рудзевич (племянница известного кинорежиссёра Сергея Рутсевича), Соня Эссоян, Роза Эйнгорн, Леночка Вайсберг и ряд других, себе на уме...

В июне мы успешно закончили девятый класс и разошлись на последние школьные каникулы.

Я, как всегда, провёл часть лета на хуторе, занимаясь сельским хозяйством у дедушки Калистрата Гордеевича. Писала мне одна Валечка, но этого было достаточно. Но что значат письма, даже если их писать через день? Даже десяток писем не заменят один настоящий поцелуй. Поэтому при первой же возможности я помчался в город к любимой Валюше.

Удивительно, что за два года любовной дружбы мы исследовали друг на друге каждый атом, всякий раз испытывая высший восторг, но не решились нарушить главное табу. Тогда были строжайше запрещены аборты, родители выгоняли согрешивших детей из дому, их исключали из школ, общественное мнение растирало смельчаков в пыль. Поэтому мы не смогли перешагнуть через последнее "нельзя", хотя при каждой встрече были на грани срыва в бездну... Конечно, в принципе, можно всё, чем мы занимались, с помощью "Большой медицинской энциклопедии" разложить по полочкам и назвать научно. Но тогда мы ничего такого не знали, нас вела природа, а природе ярлыки не нужны. Поэтому я умолчу о подробностях, а читатель может всё живо представить в меру своего

воображения и собственного пионерско-комсомольского опыта...

Собирались ли мы пожениться? Да, мы не раз говорили об этом. Однако мы не решили ничего конкретного, так как понимали, что сначала – высшее образование, а потом – ЗАГС.

Когда-нибудь буду вспоминать об этом, вероятно, с улыбкой. Но мы были тогда счастливы друг с другом, и в памяти школьная любовь осталась прекрасным мигом (всего три года!) восхищения друг другом...

Осенью начался последний этап гонки за медалями - десятый, выпускной класс... Сразу определились основные претенденты на медали: Рудзевич, Габрилович, Деннис, Серба, ещё пара человек из параллельного десятого "Б"...

Сокамерник по "люксу", забыл имя, научил меня несколькими грузинскими словами, что мне, как бывшему грузину Танинадзе, было интересно. К познанному мною в годы комсомольской зубрёжки биографии товарища Сталина слову "брдзола" (борьба), коим тот назвал якобы издававшуюся им в подземной Авлабарской типографии революционную газету, я добавил "гамарджоба" (здравствуй!) и ответ "кагимарджос". Ещё запомнилось крепкое мужское выражение "шэни тави ми кхглей ахар" (твоя голова, что мой брендспойт), отрицание "ара", заменяющее 50 процентов словарного запаса грузинского интеллигента средней руки и ещё десяток слов, не оставшихся в памяти.

С девчонками, Ниной и Галкой, дважды в неделю проводывавшим меня, я обдумывал и возможность побега из этого оазиса советской науки о нетипичных строителях коммунизма, которым, в отличие от миллионов, послушно марширующих стройными ликующими рядами, уже всё стало ясно. В принципе, учитывая довольно либеральный порядок при свиданиях, когда охрана зачастую выходила на несколько минут (думаю, осознанно, чтобы пациенты могли получить что-нибудь новенькое с воли, что затем будет всё равно найдено врачами под матрасами и поможет

разоблачению притвор-симулянтов), то можно было пролезть под столом, где почему-то не было никак перегородено, переодеться и попытаться выйти в потоке выходящих родственников, так как, со слов моих ангелиц-хранительниц, на выходе паспорта не требовали. Конечно, могли забить тревогу посетители, но шанс был высок, так как взаимопонимание родственников было железобетонным, всех объединяла ненависть к советской власти, терзающей их родных.

Но, по зрелому размышлению, решили не искушать судьбу, так как потом всё равно деваться будет некуда, до Америки не добежать.

Вчера исчез подполковник Илья из соседнего “люкса”. Милый седовласый барского покроя пятидесятилетний бедолага, застреливший командира погранотряда где-то на северах, кажись, на Чукотке. Не поделили женщину, а там это жуткий дефицит. Фемина работала прачкой в хозблоке по вольному найму и на горе окружавших её защитников родины и мужа-моториста дизель-электростанции уродилась хорошенькой. Была из местных, но русской, из какого-то Анадыря.

Подполковника долго тасовали по всяким органам дознания и удержания, пока через примерно полгода не оказался мужик в Серпах. Ну и заскучал на экспертизе без родных и близких. Кто-то из персонала сжалился и принёс офицеру старенькую обшарпанную, исцарапанную, измордованную поколениями пацанов гитару. Дядя Илья с утра до вечера, в промежутках между процедурами, насиловал истерзанный инструмент, исторгая простые аккорды и напевая старинные романсы. Особенно он любил напевать “Окрасился месяц багрянцем...”, да так душевно, что мне прямо плакать хотелось. Ну в самом деле, кто не всплакнёт, как услышит?

*“Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.*

*В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам...*

Каждый раз, когда я слышал полупение, полурыдание дяди Ильи, вспоминал этот романс в исполнении Лидии Руслановой. Её пластинка с этой вещью есть у нас дома – у мамы. Мы часто её ставим в патефон, особенно если кто в гостях или на какой праздник. Так что я как бы пропитан и мелодией, и глубоким чувством минорного трепета. Глупость сказал? Миль пардон! Но ведь как скажешь иначе, вы только послушайте:

*“Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе?”*

Правда, страдающий неизлечимой патологической любовью подполковник часто пел последнюю строчку, искажая первоисточник, более приземлённо:

*Ты помнишь, растпитель коварный,
Как я отдавалась тебе?..*

Дядя Илья не прошёл “по конкурсу” на придурка и отправился в военный трибунал. На следующее утро гитара исчезла, а в том “люксе” на койке подполковника поселился молчаливый, как все новички, торговый работник из Узбекистана, а “старослужащий” шахтёр Федя из Лисичанска, пользователь второго койко-места, из-за бурного выяснения отношений с врачами попал под серию горячих уколов и усиленный персональный надзор санитаров.

В первых числах июня тактика врачей в отношении меня переменялась. Отменили аминазин и внимание к моей персоне ослабело. Чувствовалось, что меня изучили достаточно, и готовится заключение комиссии. Действительно, через пару дней разрешили внеочередной банный день и подстригли, что было

хорошо известным местным аборигенам знаком приближающейся выписки. На следующий день с утра состоялась медицинская комиссия, на которой меня кратко опросили по специальной схеме и отвели обратно в отделение. После обеда опять повели в какой-то кабинет, и там мужчина в белом халате объявил мне, уже морально созревшему для военного трибунала, что я признан жутко больным шизофреником и посему меня комиссуют из армии и направят на долечивание домой в Запорожье.

Обратно меня ввели, а я шёл на ватных ногах и не верил ещё в такую удачу. Но Родина никогда не врёт и не врала, даже когда приговаривала к расстрелу сотнями тысяч. Через пару дней военные власти прислали в Серпы документы по моему комиссованию, и вот мне вернули авоську с моими гражданскими хламидами, пакет с х/б, любезно предоставленный ещё гаупт-вахтой, и выдали на дорогу сухой паёк из консервов, буханки хлеба и десятка кусочков сахара. Оказалось, что меня не выпускают, как я с Ниной полагал, а **этапируют** в Запорожскую психбольницу.

Но если я комиссован, то, стало быть, уволен со службы и свободен. Этапировать меня принудительно, чтобы затем содержать в психбольнице, попахивает принудлением, санкцию на которое может дать только суд, о котором никто и не заикается. Получается, что психиатрия применяется в карательных целях, то есть чистой воды произвол, как в былые времена у кормчего и корифея...

Дебелый дядька-санитар, располагая папкой с моими медкартами и справками, а также билетами, был откомандирован отвезти меня и сдать под расписку. Поехали банально. Пешком дошли до метро "Кропоткинская" и, не отвлекаясь, на Курский вокзал почти к отходу поезда. Нина и Галка не провожали, так как мне не дали им позвонить. Ехали в народном плацкартном вагоне, пили чай, говорили "про жизнь". Санитар попался неплохой, добрый, но своё дело знал и у туалета сторожил. Хотя, казалось

бы, какой смысл был у меня пытаться бежать, коли комиссовали и везут домой?

На следующий день приехали в Запорожье. И здесь организация дела, как везде у большевиков, оказалась на высоте. Нас встречала "скорая помощь" из запорожской психбольницы, и через полчаса санитар уже сдал меня в приёмный покой закрытого спецотделения этой больницы.

По дороге я прикидывал разные варианты того, как дальше поступят со мной и допускал даже многолетнее спецлечение в зловеще известной Днепропетровской психоломке, а то и в Казанской мозготряске.

Мне выделили халат, тапочки и место в коридоре, так как это вам не Москва, здесь перегрузка площадей, дикая жара и офонаревшие от этой жары медработники. Многие сестры, и пациенты это знали и поминутно с наслаждением наблюдали, ходили в халатах без исподнего, что, конечно, повышало тонус в мужском отделении значительно. Все разговоры мужиков вертелись только на тему, у какой сестры задница помясистой и какого цвета заросли у той или иной сестрички в заветном месте.

На следующий день я написал открытку маме, а уже через день они обе, мама и Нина, как-то всё разузнав, пришли со слезами ко мне на первое свидание, хотя открытка ещё была в пути. Поплавав и порадовавшись, что удалось избежать трибунала, мои ушли. С утра следующего дня меня повели на трудотерапию, которая заключалась в склеивании каких-то картонных коробочек, возможно, для лекарств. Я клеил и крепко, хотя и без слов, матерился.

Нина прибегала каждый день. Мы с ней по часу трепались в больничном прогулочном садике, надёжно огороженном частоколом с колючей проволокой. Она переехала в Запорожье всерьёз и уже прописалась у мамы, как моя законная жена. Они с

мамой по-настоящему увиделись впервые. Но кажется, всё образуется.

Через пару недель система сдалась первой. Держать под замком и кормить спокойного, не буйного шизоида показалось системе накладно. Опять состоялась медкомиссия, которая присвоила мне третью группу инвалидности и выбросила на волю. Так закончилась моя эпопея с советской армией. Закончилась навсегда, ибо военкомат снял меня с воинского учета, выдав вместо военного билета "белый", где все это и было сказано. Правда, написано было стыдливо, что комиссован я по болезни с формулировкой "группа I-я статья 4-я расписания болезней Минобороны СССР".

Пенсию мне положили в 135 рублей. Стипендия в МГУ была где-то 230 рэ. И то не стоит забывать, что пенсию обещали давать только до устройства на работу. А работу рекомендовали почему-то не связанную с движущимися механизмами, так что ни шофёром, ни машинистом паровоза, ни, само собой, пилотом я стать уже не имел права. Конечно, при сохранении за мной незыблемого конституционного права на труд, но, так сказать, в его абстрактном, чистом смысле...

Дома мама пару дней проплакала, поведав нам с Ниной события последнего года. Конечно, Родина меня искренне искала. И в Запорожье перевернули всех моих школьных соучеников и учителей, и в хутор Казачий наведывались, и даже раскопали мою родню под Никополем в посёлке Токовском, о чём я и сам толком не знал, да и мама десятки лет, как не поддерживала с ними отношения. Приезжала оттуда взволнованная мамина тётка по бабушке Фросе, а моя двоюродная бабуса Акилина Петровна Писаренко, в девичестве Гужва (моя баба Фрося в девичестве тоже Гужва, или, иначе, Ужва). Мне стыдно было показываться на улицах родного города, боясь встретить знакомых. Но постепенно душевная рана стала затягиваться.

Однако семейная жизнь в комнатке площадью 14 квадратных метров, с большой угольной печью посередине, в составе мамы, парализованной бабуси и молодой жены с мужем оказалась далекой от идеала. Приходилось нам с жёнушкой по вечерам брать одеяло и идти гулять подальше, на берег Днепра, благо вечера стояли божественно тёплые.

Пожив так пару недель, мы с Ниной устали и надумали поехать к ней в Казань показать её тётке и немного погостить. Сказано – сделано. Кое-как наскребли денег, взяли билеты на поезд до Казани через Москву, позвонили тёте, что нагрянем, и двинулись в путешествие.

В Москве нас пригрела Галка Хлопонина и мы, пользуясь правом пассажиров остановиться в пути следования на любой станции пересадки на срок до десяти дней, этим чудесным правом охотно воспользовались. В столице как раз был фурор – выставка в музее им. Пушкина картин Дрезденской картинной галереи, прихваченной победителями в Германии в качестве трофея. Выставку объявили с 7-го августа по 7 сентября, так что пол-Москвы толпилось каждый день в огромных очередях в надежде пробиться на просмотр. Мы попали после двух дней толкотни на 10-е августа и вышли из музея счастливыми и уважающими самих себя. Вечером закомпостировали билеты для продолжения поездки, основательно погревшись в такой же огромной очереди у касс Казанского вокзала, и продолжили путь на восток – в Казань...

Встретила нас Нина родня на главном и единственном казанском вокзале, как порядочных. На такси повезли домой. Жили Комлевы в центре старой Казани, недалеко от площади Ленина. Улица так и называлась – улица Комлева. Нина по отцу Ильнуровская, по маме – Комлева. Нинины родители умерли рано, кажется, оба от чахотки, так что девочку воспитала тётя, причем воспитала неплохо, Нина закончила школу с золотой медалью. Тётя оказалась уже в годах, далеко за сорок, а её муж,

генерал Комлев, выглядел жутко строгим стариком и был её лет на двадцать старше. Улица названа в честь свёкра Нининой тети, одного из первых красных генералов, который отличился чем-то в годы революции.

Квартиру Комлевы имели необъятную по советским меркам – шестикомнатную. Я впервые в жизни увидел шикарный кабинет генерала. В доме соблюдались старинные обычаи, например, в пять часов все сходились или съезжались на обед, который проходил за длинным столом с выставлением уймы всяких дорогуших столовых приборов и состоял из нескольких блюд. Впервые я увидел живьём и домработницу.

Нас приняли очень тепло, хотя и без сюсюканья и панибратства. Конечно, я почувствовал, что тётя оценивает выбор Нины отрицательно. Да и в самом деле, я приношу Нине одно горе. Хорошо ещё, Нина не рассказала им о моей одиссее, а то бы случился скандал.

Пару дней мы гуляли по Казани. Нина показала мне все свои любимые места. Однажды, пожертвовав обедом, мы поехали с ней речным трамвайчиком прогуляться вниз по Волге. Мимо проплывали невиданные мною красивейшие места – Верхний Услон, Сорочьи Горы, Верхние Морквашаи. В Нижних Морквашах мы сошли на берег и часа два пляжились на берегу, благо прекрасный чистый песок начинался прямо у причала. Народу не было ни души, что нас очень устраивало. Вода была необычайно тёплой и ласковой. Отдохнули от души! Возвращались вечером, последним рейсом. Трамвайчик разгребал воду, как фантастический кит, Казань приближалась мириадами ночных огней, напоминая рой огненных пчел...

Тётя работала крупным деятелем медицины, но ради Нинкиного приезда взяла недельный отпуск, и последние дни перед отъездом мы прожили на богатой генеральской даче, место этого поселка я не запомнил. Участок оказался большим, в 25 соток, на нём чудесный двухэтажный деревянный дом и при нём

взрослый ухоженный сад. Опять-таки по целым дням ели-пили, помню горы всевозможных пирогов, наливков-настоек, и, конечно, клубнику со сливками, как верх буржуазного разложения...

Нина бесконечное количество раз пересказывала дотошной тетё, как мы жили в Москве, как собираемся жить в Запорожье. То, что мы побросали учёбу, огорчило тетю до крайности. Она даже плакала, требуя от Нины восстановиться на мехмат МГУ. Конечно, мы не рассказали ей всех наших скитаний в последние два года, по нашей легенде получалось, что мы только что решили бросить МГУ, так что, в общем, если захотим, то можно подумать и о восстановлении... Тётя, не веря ни слову из нашего вранья, находилась все эти дни в трансе.

Возвращались в Запорожье загоревшими, поправившимися на несколько кило, что радовало меня, но огорчало Нину из чисто бабских соображений...

Приехав из Казани, занялись устройством на работу. Нина с ходу нашла место бухгалтера в городском ДОСААФе, а со мной пришлось всем повозиться, так как с моим белым билетом я неизменно вводил кадровиков в кому. Но, в конце концов, всё устроилось, и меня взяли учетчиком в артель "Пищевик", где работала главным бухгалтером ещё довоенная приятельница мамы Ольга Тимофеевна. Она меня и устроила под свое крыло. Там же мне открыли и первую трудкнижку. Председатель артели Гундич махнул на протекцию О Тэ рукой, мол, чёт с тобой, Ольга, как-нибудь усядемся...

Оклад Нины составляет 870 рублей в месяц, у меня – 630, плюс пенсия – 135, итого 1635 рэ. Прямо скажем, негусто для самостоятельной семейной жизни...

Не знаю подробно, как там всё заведено в Нинином ДОСААФе, но в моей артели – полный бардак. Производимые в ней печенье и карамель безбожно разворовываются, но в бухгалтерском учете, благодаря стараниям О Тэ, **полный ажур**. Приходится заниматься дурацким делом - ходить с карандашом и амбарной книгой по

цехам и записывать выработку кондизделий прямо на рабочих местах, там везде стоят весы и контролеры ОТК принимают готовую продукцию на проверку по весу. По их записям, которые я заносу в амбарную учетную книгу, бухгалтерия списывает в затраты сахар, муку и прочие **ингредиенты** наших изделий. Однако до склада доходит едва 80 процентов произведенного. Остальное растаскивается и **съедается**. Дело в том, что в цехах негласно разрешено есть, сколько влезет, так что работницы натурально объедаются да и за пазуху, идя со смены, не стесняются запихивать пачки печенья или мешочки с сахаром и сухим молоком. Особенно хорошо девчонкам из кондитерского цеха на улице Артёма, недалеко от нашего дома и по соседству с домом, где живут Ёнины родители. Там делают шоколадные конфеты и поэтому девушки, практикующие шоколадную диету, выглядят румяными, как пастушки со старинных картин.

Год закончился. Если бы мы были в Москве, то собралась бы теплая компания, а здесь мы ещё не обросли друзьями, так что посидели в нашей тесной комнатёнке вчетвером, распили бутылку "Сов. Шампанского", брют, самое сухое, крымское. Мама сделала жаркое из свинины, вареники с творожком, салат из кислой капусты с луком. Нина испекла простой торт в виде подражания "Пражскому".

Каким он будет, следующий, 1959-й? Послушали по трансляции звон курантов и дежурно-тёплые слова Никиты Сергеевича. Телевизора у нас ещё нет, так что московские новогодние празднества посмотреть не пришлось. Ничего, завтра прочтём в "Известиях". Ведь мы, при всей нашей бедности, выписали на следующий год много чего. Кроме "Известий", ещё и местное "Червонэ Запорижжя", "Работницу", "Здоровье" и "Литературную газету". Dum spiro – spero!..

=====

Книга вторая

Часть 3 –я

Хочешь жить - умей вертеться

Первые два месяца года прошли скучно и бледно. Денег не хватало, одеться толком невозможно, поэтому Сенька работу в артели “Пищевик” бросил. К такому решению был и внешний повод. Никита Сергеевич, как настоящий реформатор, решил пойти даже дальше, чем покойный Иосиф Виссарионович. Он взялся ликвидировать в корне производственную кооперацию в лице **промартелей** и перевести их в категорию госпредприятий. То есть, какую-никакую коллективную собственность в форме артелей экспроприировать и объявить государственной, а членов артелей, этих последних "вольных" тружеников, перевести, не спрашивая их согласия, в наёмные рабочие, лишив имущественных паёв и мелких, символических благ, с ними связанных.

Семёна эти идеи Никиты ни с того, ни с сего возмутили, он, **малахольный**, не хотел видеть очередного облагодетельствования артельщиков. То есть он был тогда стихийным противником закручивания государственных гаек в любых формах. И зачем только ему это было надо – плевать против ветра? И хотя сам ещё сознательным кооператором не успел стать, однако остаточные элементы свободы в артелях уже за полгода оценил. И вдруг такие реформы... Ну и Сеньке просто противно стало.

А тут ещё в связи с переменной формы собственности в “Харчевике” началась тотальная проверка деятельности, в том числе и кадровой работы. Понятно, что наткнулись бы и на белый билет Сербы...

Поэтому он не стал ждать оргвыводов, а уволился как бы в знак протеста, просто передав свое заявление председателю Гундичу через Ольгу Тимофеевну. Та ходила к начальству, и уже вечером Сенька без всяких проблем получил новенькую трудовую книжку и ещё каких-то 600 рублей под расчёт.

Сенька вышел из душной артельной конторы на свежий воздух. Вечерело. Он медленно пошёл по Шёнвизскому мосту, тупо глядя в мерзкие, наполненные сотнями использованных презервативов, стопроцентно сточные воды Московки. Однако, речка есть речка, она и такая, отравленная, успокаивает. А вдалеке коричнево-жёлтая осенняя громада Дубовой Рощи как бы советовала попусту не трепать нервы.

Нина не ругала, промолчала и мама. Решили сообща искать Сеньке подходящую работу. Прошло несколько бестолковых дней. Мама на работе непрерывно звонила разным своим знакомым и бывшим сослуживцам. Все обещали, но ничего конкретного не предлагали. Историю Сеньки, казалось, знал весь город. И смелости у маминых знакомцев, понятно, не хватало. Сам Сенька старался лишний раз на главном **броде** не показываться. Боялся встретить одноклассников, учителей или просто давних, со школьных времён, знакомых. А уж с Валюшей на улице столкнуться – было страшно и подумать! Ведь если весь город знает, что у него поехала крыша, то о чём может быть разговор при встрече?..

Вдруг случилось нечто фантастическое, просто невозможное! У Сеньки нашёлся отец. Станислав Серба прислал из Австралии очередное письмо своему дяде Евгению в Никополь и попросил разыскать маму и Сенькино высочество. Неведомый Сеньке двоюродный дед Евгений Степанович тотчас дал команду своей дочери Ольге съездить в Запорожье и поискать на Слободке жену и сына своего любимого племянника Григория, теперь обитавшего в Австралии. Приложил довоенный адрес - улица Кошечья, 17.

Ольга Евгеньевна всё выполнила пунктуально, но неожиданную родню там не нашла. Оставила письмо домохозяевам Мозулевским. Те, хотя Семён с мамой и сменили за это время не одну съёмную квартиру, сумели найти следы пропавших на улице Розы Люксембург, 84, а уже сестры Гусаровы нашли Сенькину маму и передали ей то самое историческое письмо из Австралии в Никополь, где Станислав Серба вторично просит разыскать бывшую жену и намекает на то, что там у него есть ещё и сын...

Письмо Анне Николаевне передали по цепочке, из рук в руки, добрые люди в середине сентября. Сенька с мамой тотчас ответили. Видно, папа тоже ответил сразу же по получении письма с родины, так как уже 28 декабря, как дорогой новогодний подарок, Семён с мамой и Ниной перечитывали письмо от настоящего отца.

*“С.С.С.Р. УССР, Днепропетровская область, гор. Никополь,
ул. Калинина, 157, Евгению Степановичу Сербе.*

21 октября. Добрый день, дорогие родные!

*Поздравляю с праздником очередной славной годовщины
Великой октябрьской революции!*

*Желаю много счастья, благополучия и долгих, долгих лет
жизни.*

*Ваше письмо, за которое очень и очень благодарный,
получил ещё в начале октября, но как-то не мог сразу
ответить.*

*Очень прискорбно, что Вам не удалось ничего узнать по
моему вопросу. Всё дело в том, что там у меня ведь был и сын.*

*Но ничего не поделаешь, живем по-прежнему. Я хотя уже
около двух лет не работаю, но на шее ещё ни у кого не сидел, а
дальше будет видно, хотя кое-какие резервы имеются.*

*Вы спрашиваете, как или где я живу. Мотаюсь, что
называется, и иногда зарабатываю больше, чем на работе, а
иногда прорабатываю, но это не постоянно. Живу в своём*

домике почти в центре города. Домик небольшой, но хороший, кирпичный. Три комнаты сдаю квартирантам, а Валерка живет то у меня, то у Любы, да я и сам там часто бываю. Зять имеет мясной магазин, два автомобиля. Валерка недавно устроился на работу по продаже автомобилей. Имеет свою автомашину и больше ничего, ибо у него, как у парубка, своей полочки не хватает, еще иногда приходится и "подсоблять».

В общем, материально живем неплохо, но очень и очень тоскуем по Родине, по родной стороне. Цену Родины можно узнать, только потеряв её.

Сейчас у нас весна уже при конце, скоро настанет лето, а оно иногда бывает очень жаркое. Иначе новостей особых нет, а международные новости и мы и Вы знаем из печати, радио и т. д.

Прошу, пишите почаще и побольше. Шлите фотокарточки, мы в долгу не останемся.

Привет всем. С. Серба

SENDER'S NAME END ADDRESS:

Mr. S. Serba, 23, Sidney st, Melbourne, Australia”

Так Сенька обрёл отца. Сразу же сел и настроил ответ. А вскоре и из Австралии пришло первое письмо ему лично. Вот этот исторический **letter**.

“8 декабря.

Дорогой Сеня!

Приятная неожиданность, что принесла так много радости, надежды и волнения. Действительно, сюрприз, спасибо за внимание.

Твоё письмо получил, на которое почти сейчас же отвечаю.

По капризам судьбы очутился далеко, далеко за пределами Родины. Пришлось многое пережить - и ужасы войны и лишения перемещённого.

Сейчас уже, слава Богу, многое прошло, как прошла почти вся жизнь.

Живу, конечно, ничего, но тоска по Родине сводит на нет относительное материальное благополучие.

Подробнее опишу в последующих письмах, а сейчас пока ограничусь несколькими просьбами. Первое, прошу передать привет Нине, маме и бабушке. Особо попроси от меня маму, если сможет, пусть мне напишет немедленно, а также пусть прибавит к своему "миллиону» забот ещё одну и вышлет фото. Также желательно иметь фото с твоей подруги жизни Нины.

Срочно сообщи такой адрес, по которому бы я смог Вам выслать через Швецию или Англию посылку (тебе, Нине и маме отрезки на костюмы - напиши, какой желательный цвет). Вышлю в январе 1960-го. Посылка идет примерно три месяца. Сообщи размеры и цвет обуви для всех. Также напиши, что еще мог бы для Вас выслать. Я, конечно, знаю, что Вы не нуждаетесь, но я с удовольствием выслал бы просто на память. Это не представит мне особых затруднений, а посылать можно, в этом я имею соответствующий опыт, уже посылал родным на Донбасс и т. д.

Целую крепко, Папа.

Прилагаю фото – май 1957-го, - но особых изменений нет и сейчас.”

Получается, Сенька правильно поступил тогда в 1947-м году, когда помешал маме выйти замуж за Акулова. Он как бы чувствовал, что у неё ещё не всё закончено со Станиславом Сербой. А его побег из дома в 1948? Ведь он тогда стремился всего лишь добраться до... Австралии! А именно в то время отец готовился отчаливать в Мельбурн!..

И не описать, какие сложные чувства навалились на мужика. Но одно несомненно. Если в детстве и в юности Сенька всегда подпевал маме и порицал своего отца, как бросившего, с её слов,

семью и так далее, то, едва прочитав первое письмецо, он сразу же простил Станислава Сербу за все прошлые проступки и ошибки, вынес за скобки мамины с ним пререкания, понял, что у него есть теперь второй дорогой человек на свете – отец...

И хотя письмо попало к ним чисто случайно, однако бабушка Фрося утверждает, что не обошлось без божьего вмешательства.

Вот так начался и резво побежал ещё один бестолковый год. Как мы уже знаем, в феврале Сенька бросил работу в "Пищевике" и стал искать более денежную. Как назло, с друзьями был напряг, и основательно обсудить все "за» и "против" было, по большому счёту, не с кем. Тут ещё оказалось, что психбольница проводит периодические проведывания своих выписанных на свободу пациентов на предмет установления степени их социальной реабилитации. Пришли и к Сербе на дом. Правда, не застали. Может быть, и к лучшему.

Спасибо, соседи объяснили, что ничего плохого о Сеньке сказать не могут, а молодой человек не работает, не берут, дескать, **суматика** нигде. По оставленной медработником записке Сенька явился в психушку и предстал перед дежурным врачом. Она сообщила, что они его потеряли, что ему надо ежегодно проходить переосвидетельствование и назначила на середину марта.

Перед Семёном встало несколько проблемок. Если он хочет подтвердить третью группу инвалидности и получать пенсию, то должен к моменту перекомиссии не работать, а заодно не иметь в паспорте отметок о работе за предыдущий период. Иначе получается, что в прошлом году получал пенсию незаконно.

Семён решил все вопросы одним махом, "потеряв" паспорт. Подав в милицию заявление, уже через пару недель соискатель пенсии имел на руках новенький серпастый и молоткастый... С чем и пошел на комиссию. Ему шутя подтвердили третью группу,

хотя и отметили большой прогресс в смысле нормальной семейной жизни и отсутствия за истекший период каких-либо эксцессов. Посетовали, что хорошо бы найти хоть какую-нибудь работу.

Вскоре Семён с помощью мамы устроился экспедитором "куда пошлют" в ОПС "Запорожстали", который возглавлял старинный мамин сослуживец Миша Руткевич. Местом работы стала универсальная база ОПСа. Там Сенька проработал всего месяца три. Работа была непёльная, хотя и за копейки, каких-то 850 рублишек.

Но когда из министерства чёрной металлургии Украины приехали ревизоры для плановой ревизии деятельности ОПСа, то старшего товароведа, химичившего с пересортицей и уценкой дорогих шерстяных тканей, взяли под арест, как и его дружба **зава** промтоварным магазином. В результате ревизии под суд пошли не только два завмага и старший товаровед базы, где кантовался Семён, но и кадровая работа в ОПСе получила достойное освещение в акте проверки. Наткнулись и на Семёна, – разве можно такого допускать до материальных ценностей?.. И – опять без работы.

Чтобы как-то развеяться, Сенька с мамой поехали в гости к папиной родне в Никополь. Познакомились с Евгением Степановичем, получается, Сенькиным двоюродным дедом, с его дочерью Ольгой, с её мужем, с детьми. Их очень тепло приняли.

Вернувшись после гостевания, пару самых тёплых месяцев Семён провалялся на днепровских пляжах. Там, на песочке, познакомился с Женькой Якименком, лучшим, как тот сам считает, тещом Есенина в СССР. Ну, может быть, лучшим после Яхонтова... Его брат, одноглазый пират по прозвищу Нельсон (глаз потерял в драке), работает бандитом и **богует** едва ли не над всем Запорожьем. Женька же, как и Сенька, ленив, самолюбив и

ненасытно влюбчив. Вокруг их одеяла (обычно под кустом вербы у кромки воды) всегда толпятся красивые мокрые девчонки и, раскрыв рты, слушают развратного, классово-чуждого, полузапрещённого Есенина в Женькином исполнении.

Семён не удержался и рассказал Женьке красивую историю о том, как нашёлся отец. Женька выслушал, посоветовал попроситься к отцу в гости и там остаться, чтобы как следует помучиться в капиталистическом аду. Признаться, Сенька и сам мечтал об этом. Затем эстет Женька присвоил ему прозвище **Сынкап** (сын капиталиста), которое через день уже было на устах у всех их знакомых по пляжу и по городу, включая Володьку Захарова.

Но однажды, сбегав с Ниной по-быстрому в “Комсомолец” на 18.30 и посмотрев в третий раз “Летят журавли”, узнали от мамы, что приходил гость.

– *Кто?* – встрепенулся Сенька, всегда последние годы ожидавший от жизни только нехороших сюрпризов.

– *Да не волнуйся,* – улыбнулась мама, – *Ёня приходил, Пинкер... Сказал, что завтра заглянет утречком, часов в десять...*

У Сеньки отлегло от сердца. Ёня это человек. С ним можно обо всём, и он поймёт.

Нина обрадовалась тому, что придёт Пинкер – после встречи в Москве она осталась о нём высокого мнения и надеялась, что приход друга подействует на мечущегося по жизни Сеньку благотворно.

Утром, хотя было воскресенье и никому никуда спешить не приходилось, Семён и Нина вскочили пораньше. Но оказались не единственными жаворонками.

Вечная проблема коммуналок – утренняя спешка. Ни тебе вольготно умыться-побриться, ни по-человечески посидеть в туалете. Всё бегом-бегом, под тоскливыми взглядами таких же

претендентов на маленькие утренние радости. Наконец, толстая соседка тётя Надя, основательно вымученная долгим, крайне разрегулированным процессом дефекации, выплыла, зардевшись, на керогазовую площадку и принялась настраивать свой агрегат. Сенька тотчас вскочил в кабинку, закрывшись на крючок.

Довоенный, а может быть, ещё старорежимный дубовый стульчак не успел разбазарить тепло тётянадиных окороков и принялся одаривать своей нежностью костлявый Сенькин зад. За пару минут вынужденного безделья можно было пробежать передовицу вчерашней “Правды”, которую взял с собой Сенька для важной надобности. А прочитав, кратко складывая, порвать газету на 16 прямоугольников и, отобрав один, остальные старательно запихнуть в ржавый жестяной ящик на левой стенке, имевшийся там для этой благой цели.

То, что несколько мгновений мялось в руке Сеньки, оказалось той самой передовой на тему повышения урожайности кукурузы. Кому что.

Справившись с проблемой, Сенька бросил святотатственно обгаженную передовицу “Правды” в мусорное ведёрко, забрызганное побелкой ещё к 1-му Мая, дёрнул свисавшую на безнадёжно ржавой цепочке фаянсовую ручку древнего унитаза, отозвавшегося рыком взбесившейся Ниагары, встал, удовлетворённо крякнул, и потянул вверх штаны, как всегда, с первой попытки не попадая крючком в петельку над ширинкой. Не меньшей проблемой было по утрам и мытьё-бритьё...

Пока Нина гладила свежую рубашку, а маман возилась с тестом для пирожков с яйцом и зелёным луком, Сенька сбегал на Большой Базар в керосинную лавку и притащил в двухлитровом бидончике керосину для керогаза.

Бабушку Фросю по случаю гостя в доме вырядили в белую ситцевую кофту с мелкими лиловыми цветиками и, усадив на её фирменное отхожее ведро, подготовили к благородному глубокомысленному молчанию.

В общем коридоре у каждой двери коммуналки на табуретке гнездилися керогаз – чудо послевоенного прогресса, заменившее классический примус. Прелестная вещь. Почти не коптит, почти не шипит и экономия керосина почти ощутимая. Но когда по утрам и вечерам на каждом чуде что-нибудь булькает или шкварчит, то в коридоре и не продохнуть, и не пройти.

Ёня, однако, человек опытный, протиснулся в узкий лаз между разгорячёнными агрегатами и добралась таки до нужной двери. С последних классов у них с Сенькой была шутиха, – приходя в гости, стучать азбукой Морзе первую букву своей фамилии. Если у Сербы “эс” набивалось просто как три точки – три коротких стука, то “пэ” у Пинкера надо было изображать терпеливее – точка два тире точка. Именно этот стук и забарабанил про двери.

– *Входи!* – Крикнул Сеня и поднялся с дивана навстречу другу.

Загорелый, возмужавший Ёня улыбался и излучал основательность и надёжность.

– *Сенька, друг, сто лет тебя не видел!*

Они обрадованно обнялись. Нину гость чмокнул в щёчку. С мамой поздоровался, бабушке Фросе кивнул... Торжественно преподнёс, показав всем, коробку шоколадных конфет “Космос”, а Нина пристроила её на столе.

Столик, конечно, маленький, но четверых должен приглубить. Ну, понятно, что мама, опутанная капиталистическими пережитками, твёрдо отказалась пить **портвейн белый № 33** из ядовито-зелёной бутылки, больше подходящей под **коктейль Молотова**. И вообще, посидев минутку, принялась хлопотать над столом.

– *Ну что, ребята, как живёте?* – Спросил, улыбаясь, Ёня. – *Помните нашу встречу в Москве? А пруды в парке Горького? Ха-ха!..*

– *А как же!..* – Хором ответили Сенька и Нина. – *Замечательное было времечко...*

– *А ты как поживаешь?.. Где и что поделываешь?* – Отбил мяч

Сенька.

– Я после армии немного пожил с родителями. Добил пединститут. Распределился в Мелитополь. Вот теперь там укореняюсь.

– А почему год за годом не заглядывал?

– Знаешь, что-то держало. Даже не поддаётся объяснению. Наверное, нужно было дать тебе время восстановить психологическое равновесие с окружающей средой... Не хотел травмировать тебя своими расспросами...

– Ты прав, как всегда. В 58-м я бы сгорел от стыда и не знал бы, что тебе сказать...

– Ладно, мальчики, проехали. Вернёмся в сегодняшний день, – переменяла тему Нина.

– Так-так. Пожалуй, подробности расскажу как-нибудь при случае... Впечатлений хватит на увесистый роман. Но это нескоро, когда-нибудь на старости лет...Ну давайте выпьем за Мелитополь и за твои педагогические перспективы! – Предложил Сеня, наливая портвейн в отодвинутые было уже гранёные рюмашечки.

- Может, хватит? – Усмехнулся Ёня, но обижать хозяев не стал и рюмку поднял. Выпили и поклевали прямо из сковороды яшницу с остатками одесской колбасы, чудом сохранившейся со вчерашнего ужина.

Надвигался чай с пирожками. Анна Николаевна печь их умела не хуже, чем бабушка Фрося. Вот они, поджаристые, ароматные, волнительной горкой в синей эмалированной миске. Разломаешь такой горяченький, а из разлома дух ну прямо сногшибательный.

К чаю мама достала заветную поллитровую баночку прошлогоднего акациевого мёда. И сразу в воздухе расплылся характерный акациевый аромат: очень тонкий, нежный, живой, изысканный, разлетающийся, как дуновение ветерка. Такой сильный, что даже благородный дух пирожков уступил пришельцу. А уж стоило пригубить чайную ложечку с мёдом, как

обволакивающе-ласковый акациевый вкус, усиливающийся после проглатывания, не мог не восхитить сладкоежек. То есть пробуешь тонкую и нежную субстанцию, проглатываешь, а во рту всё нарастает мощный сладкий восторг.

Удивительный мёд – не засахаривается и не теряет прозрачность на протяжении года, а то и двух лет.

Мама по случаю прихода старинного Сенькиного друга вынула из хитрой шкатулки и положила перед ним единственную посеребрённую чайную ложечку ещё тех, то ли царских, то ли нэповских времён, так что получился маленький праздник дегустации. Причём, акациевый мёд своеобразен и при тесте “с ложкой”, – несмотря на жидкую консистенцию, при вращении ложки мёд не стекает, а прилипает к ней. Ёня принял жертву, принесённую Анной Николаевной, и высоко оценил медок. Сеньке и Нине достались обыкновенные мельхиоровые ложечки, но и из них мёд восхищал.

Пока невоспитанно сёрбали чай (не отсюда ли фамилия – Серба?), Сенька в смятении ожидал развязки разговора, когда надо будет как-то объяснить другу свой жизненный тупик.

Но надо, надо начинать неприятную исповедь. Нина поняла проблему и пришла на помощь. Беззаботно улыбаясь, спросила Ёню:

– А как Сенькин побег из армии у вас тут народы восприняли? Небось, проклинают, как врага народа. Или теперь ещё навечно и в психа записали?..

– Ё-моё! Кому какое дело! Хотя тогда, по-горячему, думаю, весь город, в смысле все наши по школе, ну и учителя, конечно, гудели долго. Тем более, что и ко многим из них приходили ходоки из части и из органов... Я сам ведь тогда ещё дослуживал, всё узнал только через год, после демпеля...

Потом ещё разок, когда узнали о приговоре института Сербского, поохали и поохали...

– Значит, меня все списали в расход. Короче, шизик, идиот,

суматик! Ты не представляешь, Ёня, как я первый год после возвращения боялся лишней раз выйти на улицу. А вдруг встречу кого из наших. Что скажу? Иду по Артёма в аптеку мимо окон твоих родителей, а зайти ну не могу и всё – опять, что скажу? Что услышу в ответ?..

– Зря ты, Сень, никто из наших тебя не осуждает, представь. А тем более мои. Так сложилась жизнь. Хотя наша классная Елена Степановна, так та, по правде, очень сокрушалась, ведь считала тебя подающим большие надежды. Но и она, мне кажется, тебя не упрекнёт...

– Вот и я говорю Сеньке, не дрейфь, постепенно пыль уляжется. Надо в финансовый восстановиться, добиться высшее, а то так трудно будет устроиться в жизни... – Наливая свежего чайку, пропела Нина.

– Да... – Задумался Ёня, понимая, что хорошо бы сменить пластинку с такой болезненной темой. – А ты помнишь, Сень, нашу школу, наших вредных училок, **дирёшу** Неприступенка?..

Семен благодарно помнил школу, её радости и горести.

– Ну как же! Как же! Вот заходит в класс тощая, бледная, с печальными глазами вечно голодного чела химичка “Бледная спирохета”. Сразу берёт быка за рога:

“Здравствуйте, а теперь садитесь! Отвечать будет вызванный. Пинкер, к доске с дневником...”

Ёня расхохотался:

– Нина, не верь ему, это “Бледная спирохета” так Сеньку любила дрессировать. Вот я лично больше всего боялся страшенькую, в большущих “буржуйских” очках англичанку “Миледи”. Особенно, когда она, вечно опаздывая, ураганно влетала в класс:

“Гуд монинг, чилдрэн! Ху из он дьютти тудэй? Мисс Эйнгорн? Вэл! Ху из эбсэнт? Мисс Рагозина? Вэл! Мисс Чуроватенко, гоу ту зэ блэкбод!..”

А милейшая и добрейшая русичка Евгения Анатольевна? А

классная мама Лена?..

– Да... – Согласился Сенька. – Но встретиться с ними я, честно, не готов. Буквально боюсь...

– Да не зацикливайся ты на Серпах этих. Без двух ног живут. А у тебя такая милая жена, что вы вдвоём любые горы свернёте и одолеете... Я вот, глядя на вас, тоже, наверное, начну личную жизнь организовывать. Тем более, горОНО вроде квартиру к концу года обещает...

– Вот и хорошо... – Зарделась Нина. – Не забудь нас на новоселье пригласить!..

– Договорились!..

Выпив ещё по стакану чая с тортом, решили пройтись по свежему воздуху.

Ёня попрощался с Анной Николаевной. Не забыл и бабушке Фросе доброе слово на прощанье сказать. Вспомнил, каким отменным борщом та потчевала его с Сенькой в хуторе Казачьем, когда после девятого класса он гостил там пару деньков...

На улице Артёма ярко светило солнце. Было по-майски тепло и безветрено. Акации уже отцветали и их медово-дурманящий запах расслаблял и успокаивал. Ребята поднялись по Анголенко, намереваясь прошвырнуться по **Броду**. Но не утерпели и по трамвайной линии свернули налево, к обшарпанным стенам своей родной 23-й школы. Трёхэтажка воскресно молчала и это хорошо – никто из педагогов не встретится и не полезет с расспросами...

Перейдя сквер Пионеров, медленно пошли по Карла Либкнехта в сторону площади Свободы. Перед облдрамтеатром Сенька остановился и прервал Ёню, рассказывавшего о состоянии материально-технического обеспечения школ в Мелитополе, и широко открыл правой рукой панораму от гостиницы “Театральная” в сторону Гастронома № 1, больше известного как “Люкс”.

– Вот здесь в 1956-м, кажется в июле, я провожал шахиню Сорейю с каким-то там шахом Реза Пехлеви...

Нина и Ёня дружно грохнули.

– Ну и как? Она тебя не забыла? Шлёт открытки? –
Ущипнула Сенькин локоть Нина.

– Ну как же, сохнет и плачет. Но я же теперь человек
женатый – и не подумаю нервы напрягать... Ха-ха!..

Нину всё-таки доломала бессмысленность их с Семёном семейной жизни, и она решила продолжить образование. У неё же действительно превосходные математические способности, и было жаль их хоронить. То есть решилась на развод.

Однажды, гуляя вечером по Броду, Нина предложила Сеньке посидеть на скамеечке в сквере Пионеров. Они свернули в сквер и как раз у входа со стороны проспекта нашлась свободная скамья, с которой только что тяжело поднялись две громоздкие, как осенние перекормленные куры, пенсионерки.

– Сень, – ласково прижалась Нина щекой к Сенькиной щеке, – я у тебя большая неблагодарная дрянь, но, кажется, не могу с собой справиться...

В её глазах стояли слёзы.

– Что случилось, радость моя? – Испугался Семён, обнимая любимую жёнушку.

– Я... надумала... поняла, что нам не быть вместе... Я плохая жена... Тебе нужны дети, а я всё не могу забеременеть... И мне нужны... Когда в 57-м тётя меня уговорила сбросить, надо было не соглашаться... А теперь в консультации сказали, что тот аборт привёл к бесплодию...

– Милая, что ты такое городишь? Лучше тебя на свете нет. А дети – не вопрос. Решим с жильём, из детдома возьмём. Усыновим. Ну что ты, зая?.. Выбрось всё такое из головы!..

– Нет, Сенька, родной мой! Я уже решила... Прости меня, если можешь. Я пять лет пыталась уговорить себя. Пыталась стать для тебя главным человеком. Приехала в Запорожье... Я не изменяла тебе... Хотела родить детей... Ты же всё

понимаешь... Устала я... Больше – не могу!..

– Что не так, Нинуля? Мы же самое трудное одолели, и я, благодаря тебе, не спился, не деградировал. Как-нибудь пробиваться буду. Быть может, на литературном фронте удастся продвинуться, там партийность иногда отступает перед способностями...

– Сень, но ты стань на моё место. Золотая медалистка, с неплохими математическими способностями, и – у разбитого корыта, как какая-нибудь дурочка... Что мне, до самой пенсии бухгалтером ДОСААФа горбиться?..

– Но, Нина, Лобачевский, всё же, мужчина...

– Не будь таким ретроградом. А Софья Ковалевская?.. Я чувствую, что во мне пропадает математическое призвание. А вдруг мне суждено создать новое направление? А я уже и так пять лет потеряла...

На проспекте зажглись фонари. Легковых машин прибавилось, как прибавилось и фланирующей по Броду галдящей молодёжи. Легковушки непрерывно истошно сигналили, потому что чуваки и чувихи нахально перебежали улицу, буквально выпархивая из-под фар медленно и величественно плывущих машин.

– Значит, я тебе жизнь испортил? – Вздохнул Сенька. – Конечно, если бы я не порвал с Системой, то вполне мог бы стать её не худшим звеном. Прокурором, например, или судьёй... Но для этого надо было бы всю жизнь пресмыкаться и лизоблюдствовать. Укреплять государство, построенное на насилии и лжи. Так что я не жалею о своём выборе. Правда, не знаю, как будет завтра, как нам жить.

Я тоже мечтал о детях. Но это в идеале. Главное – семья. А двое – это и есть самое крепкое в мире, если верят друг в друга и вместе идут по жизни...

Знаешь, я в детстве, в классе пятом, мечтал об уединённой простой жизни. Как говорится, вдали от шума городского. Воображал, что я на острове, с красивой девочкой, такой, как

тогда жила по соседству. У нас дом, сад, огород, всякая живность. И прямо у порога – голубой океан... Я тогда даже из дому сбежал. Помнишь, я тебе рассказывал? Я убежал в поисках такого острова. А может быть, меня влекло к отцу, когда он как раз собирался в Австралию и думал обо мне и маме... Но из всех этих мечтаний пока лишь ты да я. Но дом ещё не поздно построить, хотя теперь принято жить на этажах...

– Ах, Сенька, золотце моё! Отпусти меня, не могу я больше, удавлюсь...

Сенька обнял её и постыдно заплакал...

– Ну что ты, милый, я буду тебе писать... Не плачь, я в самом деле люблю тебя, ты же знаешь... Но я должна попробовать пробиться наверх... Мною командует что-то такое, с чем я не могу поспорить, оно меня ведёт...

Нина быстро уволилась и поехала в Ленинград, где запросто (золотая медалистка) поступила на третий курс матмеха университета с досдачей нескольких экзаменов и курсовых, о чем поведала Сеньке в коротком грустном письме. О разводе она не заикалась, помня о том, что у неё в паспорте брачного штампа не было изначально, поэтому ЛГУ пополнился хорошенькой, умненькой и незамужней Ниной Сербой.

Недавно Сенька получил тёплое письмо от отца. Судя по его привету Нине, тот ещё не осознаёт, что у сына с ней всё разрушилось. Он пишет, что очень устает на двух работах - в фирме по продаже ювелирных изделий из опала и в новом ночном кафе BIRDLAND - Late Hour Club (87 FITZROY street St. Kilda, phone 94-5078). Он даже прислал Семёну и Нине членские карточки этого клуба - Members of BIRDLAND PAS's. У Сеньки № 357 от 12.9.61. Нинину – № 358 – Сенька послал ей письмом - возможно, ей это будет в холодном Ленинграде приятной тёплой весточкой из Австралии, куда он с ней так мечтали съездить.

Этот клуб-кафе отец открыл на паях с кем-то ещё, возможно, с Валерием, Сенькиным сводным братом.

Ещё в том письме Сеньку глубоко поразили строки о двоюродном деде из Никополя:

...получил от мамы два письма, из которых узнал печальную весть о смерти родного дяди Евгения Степановича. И хотя его смерть не является неожиданностью, а закономерным явлением природы, однако очень жаль старика, был, как говорят, безобидным старичком. Интеллигентность, вежливость и веселость, это были его характерные черты в то время, когда я знал его. Его смерть также принесла мне какую-то особенную тревогу, ибо в людях, носящих фамилию Сербя, я остался самым старшим человеком, а отсюда первейшим кандидатом в неизвестный и неведомый мир. Очень большое тебе отцовское спасибо, что ты своим присутствием на его похоронах почтил его память, это будет считаться моим представительством. Пусть пером ему будет Родная Земля!

Да, Сенька ездил на похороны двоюродного деда и приняли его в Никополе прямо-таки замечательно. Оказалось, что у него много интересных двоюродных сестёр и братьев. Привыкшего к одиночеству, Сеньку очень тронуло внимание родни.

Письмо пробудило Сенькину совесть, и он решил, не откладывая, съездить в Лозовую, где жили отцовы сёстры, и познакомиться, наконец, с тётками. Их было вроде три, а уж сколько народу окажется в их семьях, ещё предстоит узнать.

Добираться было просто, поезд Одесса – Лозовая ходил ежедневно через Запорожье-Второе. Вечером в пятницу Сенька погрузился в прокуренный мрачный вагон и покатил в гости к папиной родне.

Ехал для экономии в “общем” вагоне. Хотя народу было немного и вторая полка досталась Сеньке без боя, настроение почему-то было тревожным. Зачем поехал? Кто тебя просил? Что

скажешь незнакомым людям?..

Городок, как всё на Харьковщине и в Донбассе, оказался серым, одноэтажным, неухоженным. Как всегда, Сеня попёрся без предупреждения и без приглашения. Почти в середине дня, по адресу на конверте (сохранились два письма от дочери тёти Прасковьи учительницы Ольги Павловны), Сенька явился на тихую окраинную улочку к огороженному невысоким – в пояс – и окрашенным в голубой цвет штакетником маленькому домику в сбросившем листву вишнёво-яблоневом саду. Под деревьями лежал золотой осенний ковёр. Кусты ещё упрямо доцветающих хризантем и флоксов напрашивались на комплимент.

– Здрасьте, я Семён Серба, я вам писал. Я из Запорожья.

– Боже мой, Сенечка! А я Оля, твоя двоюродная сестричка, – Всплеснула руками Ольга Павловна, обнимая Сеньку в проёме калитки. *– Как хорошо, что ты приехал, братик дорогой! Пошли в дом! Хорошо, что сегодня вовремя пришла из школы. А то, если бы педсовет не отменили, как бы мы тебя встретили... Ой, мамочки, да ты же весь измученный и голодный!..*

В доме было идеально чисто, на круглом столе в комнате лежала давно не виданная Сенькой бежевая скатерть ручной вязки и стоял коричневый глиняный кувшин, по-нашему **глэчик**, в котором вместо молока красовался букет карминных и белых флоксов.

– Вот познакомься, – повела рукой Оля, – это моя боевая бригада. Муж – Анатолий, доченька Любаня и сынок Серёжа. Ребята, Сенечка мой брат, он сын дяди Станислава, того, что в Австралии...

Коренастый, невысокий Анатолий назвал себя и крепко пожал руку, маленькая глазастая девочка лет шести стеснительно пряталась за папу.

– Ну, иди ко мне, познакомимся, – предложил Сенька. – Как тебя зовут?..

– Я – Любонька, а тебя, я знаю, зовут Сенечка... –

Улыбнулась Любаня, застеснялась и опять спряталась за отца. Такая робкая былинка, два любопытных глаза да ножки – **ниточки сороковой номер...**

Детсадовец Серёжа оказался смелее и даже по-мужски пожал руку дяде Семёну.

Ну, как водится, с дороги обычно приземляются за стол. Время оказалось удачное, семья ещё не обедала и **чавунчик** свежего борща, сваренного на простой угольной печке, своим ароматом буквально сбивал с ног... В тёмном дубовом, ещё довоенном буфете нашлась и бутылка “Московской”...

На второе случились прямо-таки выставочные голубцы, ну как на картинке в книге “О вкусной и здоровой пище”. Затем за чаем с разными вареньями подробно говорили о том, кто кому какой родней приходится, где кто теперь живёт, за кого замуж вышли, на ком женились, кто помер... Конечно, много досталось и Станиславу Сербе, потому что его послевоенная одиссея в Австралию виделась каким-то сказочным событием, вроде жизни и приключений Робинзона Крузо...

Так и проговорили почти до ужина. Оказалось, что хотя у отца и три сестры, но в данный момент в Лозовой можно повидаться лишь с одной, бабой Просей, другая живёт в Житомире, а третья тётя в прошлом году умерла. С учётом того, что Сенька запланировал возвращаться домой завтра, решили вечером проведать бабушку Прасковью.

Прасковья Степановна обрадовалась гостям и, несмотря на свои семьдесят **с гаком**, проворно забегала, сооружая чай. Сенькина сестра Оля, хоть и готовилась вскоре встретить своё сорокалетие, прытко оттеснила мамку и быстренько всё организовала. Тем более, что торт и конфеты гости принесли с собой.

Рассказам и расспросам не было конца. Любаня, счастливая тем, что её, в отличие от Серёжки, взяли на такое важное и красочное мероприятие, не слезила с колен дяди Семёна и

пыталась на каждую его реплику взрослым вставить какую-нибудь свою смешинку или радостное восклицание.

Опять смотрели фотографии и письма отца, привезённые Сенькой.

– *Вылитый Стасик!* – Расплакалась баба Прося, и Оля кинулась отпаивать её валерьянкой. Отойдя немного от волнения, тётя Параска вспоминала годы своего, сестёр и брата Стасика детства, а затем и молодости, проведённой на замечательной речке Ворскле в хуторе близ Сокилки на Полтавщине, безмятежное предреволюционное девичество, затем раскулачивание и страшный голод тридцать третьего года.

Визит закончился поздно.

Утром Оля напоила братика настоящим парным молочком (не поленилась раненько сбежать к соседке, у которой обычно брала домашнее молоко) и повела Семёна погулять по городку, показала школу, где учителствует, Дворец культуры, кинотеатр и даже летнюю танцплощадку.

После скромного, без рюмок и тостов, обеда, Сенька засобирался на вокзал к одесскому поезду.

– *Как же ты сам? Я проведу тебя!* – Сказала Оля, накидывая на плечи вязаную кофту, потому что день выдался пасмурный и прохладный.

Анатолий рано утром ушёл на работу и прощаться осталось только с милыми племянниками – Серёжкой и Любаней. Сергей важно, копируя отца, подал ладонь и пожал Семёну руку, подражая взрослым. Любаня встала было на цыпочки, чтобы поцеловаться с Семёном, но не достала, и он подхватил её, поднял на нужную высоту и крепко, по-настоящему поцеловал.

– *Вот уж кому-то невеста растёт, так невеста, завидую!* – Улыбнулся Сенька, опуская племяшку на землю.

– *Вот и не кому-то, дудки им всем!* – Насупилась Любаня. – *Я только за тебя выйду, Сенечка!*

Мама Оля и Семён расхохотались.

– Ну и зачем ты ему нужна, такая бестолочь! – Шутя выдала доце подзатыльник Ольга.

– Да я и женат уже, – рассмеялся Сенька. – Хотя разве что лет через десять, если разведусь к тому времени... Ну да всё, мне пора, дети, приезжайте в гости!..

Оля взяла Семёна под-руку, и они пошли на вокзал. Дети, стоя у калитки, долго махали им вслед. “И когда только у меня такие вот прелестные детишки появятся и вырастут так, чтобы можно было не только пелёнки менять, а в кино, например, сходить или гостям показать?”.. – Подумалось Семёну.

В вагоне Сенька улёгся наверху, как и обычно. Переполненный впечатлениями, долго не мог уснуть. Если в гости ехал в растрёпанных чувствах, то возвращался в довольно приподнятом настроении. Как же, теперь у него столько интересной родни. И это всё благодаря тому, что папа нашёлся!..

То была действительно невообразимая, невозможная ночь. Вернее, то, что произошло сентябрьским вечером, не могло произойти нигде, никогда и ни с кем. Но произошло.

В десятом часу Сёма вышел из кафе неизвестно-затёртого номера системы **Общепита** у Дворца Строителей и направился в соседний небольшой парк Пушкина. Русоволосый инженер с коксохимического завода, с которым Семён познакомился в очереди за “Никопольским”, по-товарищески помахал ему из-за столика и поделился с друзьями, что дружно повернули весёлые морды вслед Сербе:

– *Неплохой чувак, танкист...*

На поляне у танцплощадки толпилось до черта пацанов, более или менее прилично одетых девчонок и даже стайка хилых вызывающе дистрофичных пенсионеров. Вся **кагала** крутилась в непредсказуемом броуновском движении, создавая тот пёстрый цыганский табор, о котором говорят, что он – море людское.

Уже стемнело. В пыльных аллеях небольшими группками

кучковалась молодежь. У входа на танцевальную веранду хулиганье устроило толкучку, чтобы в суете прорваться без билетов. Сенька подошел поближе к ограде очага культуры, где уже во всю гремел духовой оркестр и потный народ жался к скамьям, не желая выгарцовывать обязательную в начале таких мероприятий польку. Ждали танго и фокстроты.

Билетов на танцы в кассе, как водится, уже не осталось, и поэтому Семён под сумасшедший грохот духового оркестра, вдруг всё-таки решившегося **сбэцать** заморский фокс, начал проталкиваться ко входу, собираясь, как иногда фартило, шутя, прошмыгнуть мимо контролёров, или хотя бы посмотреть сквозь стальные прутья ограждения на сказочных девчонок, толпящихся по краям танцплощадки, немилосердно политых одеколонами, **намазюканных** помадами, закованных в ожерельца, цепочки, браслеты, колечки.

Серёжки и клипсы из меди, алюминия, дерева и просто из стекла блестели и переливались на девочках как восточные драгоценности. Оркестранты с подъёмом дули в трубы, колотили в барабаны, отбивали ритм ногами.

Но вот в круг выпорхнули две девчонки и пошли делать польку по-фокстротному, с выкрутасами и прочими буржуазными вихляниями. Одна была в длинном тёмносинем шёлковом платье, ладно облегавшем фигурку, а другая в короткой юбке и белой довольно смело прозрачной кофточке. У обеих приятные современные короткие стрижки. Народ упёрся возбуждёнными взглядами в смелых затравщиц, не зная, одобрять или освистывать.

Вдруг какая-то упитанная тётка, возможно, культорганизатор мероприятия, выползла в круг и стала орать на девиц, упрекая их в неэтичном поведении. Девчонки окинули её презрительными взглядами и продолжали вытанцовывать. Дама приблизилась и рванула одну из них за руку. Поскольку она имела в активе добрый центнер, то шутя выволокла девчонку к выходу. За ней побежала и

подруга. Бдительная работница культуры вытолкала хулиганок за контроль на пятачок асфальта перед танцплощадкой, продолжая костерить последними словами и гоня взащей.

Масса народу, в основном подвыпивших пацанов, усекла забаву и стала свистеть и гоготать. Тётка поняла реакцию публики как одобрение и ещё пуще стала гнать свои жертвы.

Она распалилась и стала срывать с девчонок одежду.

– *Где ваши русские косы, сучки?* – Орала дама.

Поправляя растрёпанные причёски, девочки решили скрыться в народе. Огрызаясь, они промелькнули мимо Семёна, стремясь раствориться в темноте аллеи.

Когда мужская часть зрителей увидела, что вот-вот девчонки останутся в чём мать родила, в них вспыхнул инстинкт, и они побежали тяжёлой толпой, имея ввиду догнать, растерзать и разорвать на части.

Вот этот самый шум и привлёк внимание Семёна.

– *У-лю-лю!* – Донеслось с танцплощадки, где как раз закончился танец и утих грохот оркестра.

– *Бей стилия!* – Аппетитно выкрикнул кто-то, и уже не один-два, а десятки людей рванули из-за ограждения на волю, сбивая с ног контролёрш. Не охваченная культурным мероприятием толпа зевак заволновалась, вертя вопросительно головами, спрашивая друг у друга, где стилияги, кого бить.

Две девчонки, одна в синем платье, другая в белых одёжках, сначала вроде бы исчезли в толпе. Но вот Семён увидел их у живой зеленой изгороди в начале аллеи. Что вдруг произошло с людьми?

Сенька всегда ненавидел толпу. Тем более озверевшую толпу. Он осознал, чем всё может кончиться, и мгновенно сориентировавшись, подбежал к жертвам, оттолкнул посильнее ближайшего чувака, изумленно остановившегося на миг, схватил за руку одну из девчонок, пытавшуюся прикрыться остатками прекрасного синего платья, и взглядом кивнул её подруге. Они

всё поняли без слов и побежали за Сенькой, слыша за собой тяжёлый слоновий топот десятков сопущих мужиков, спинами видели их раскрасневшиеся от одышки лица, одухотворённые звериной целью догнать и использовать, как адреналин прикажет.

Но вот кто-то подставил подножку, кто-то дёрнул Сеньку за руку, отбрасывая в сторону, и толпа вновь поглотила свои жертвы.

Человеческое море гудело отборным матом, клокотало праведным советским гневом, пенилось очистительно-дезинфекционной злобой. Пока Сёма добрался, расталкивая плотные ряды гуляющих, девчонке в белом уже никто не стал бы завидовать.

Небритый тридцатилетний верзила запустил волосатую пятерню в причёску девушки и методично тыкал её лицом в урну, наполненную мусором и плевками, приправляя свои воспитательные действия первосортными **матюгами**. Остальные лупили её, кто куда попадёт. Семён увидел мелькнувшее лицо девчонки, загаженное плевками, пылью, окурками, прицепившимися к щекам.

– *Что же вы творите?! Фашисты!* – Отчаянно, почти плача, выкрикнул Семён. – *Опомнитесь, сволочи!..*

Но никто его не услышал, ибо не пожелал услышать.

Наконец, ему удалось оказаться рядом с жертвой мордобоя. Он разглядел жуткие синяки под глазами и зарёванные глаза, которые она инстинктивно закрыла от безысходного первобытного ужаса. Стояла, не обороняясь, и дрожала, прощаясь с жизнью. Семён схватил её за руку, изловчился и рубанул верзилу носком туфля в божий дар, после чего, воспользовавшись возникшей суетой, потянул белое платье сквозь кусты зеленой изгороди в ночную темноту знакомого парка.

Девчонка бежала за ним, непрерывно спотыкаясь и падая. И он поднимал её снова и снова, встряхивал, волок дальше, натываясь на кусты сирени.

Позади редела обезумевшая толпа. Гром десятков голосов,

слившийся в грозное гудение, в страшное единоголосное сопение стада, возбуждённого малахольным бугаём и мчащегося, осатанев, не повинуюсь пастуху, не разбирая дороги...

Вскоре их догнали и, не обращая на Семёна никакого внимания, словно его и не было в наличии, словно он не колошматил направо и налево, словно и не орал, срывая голос, набросились на белую блузочку, сорвали лёгкую ткань, повалили свою добычу на траву, тяжело сопя, содрали трусики и столпились, отпихивая друг друга, над ещё не загаженными белыми грудками, над ещё не осквернёнными девичьими бёдрами.

Она дрожала в ожидании последней мерзкой минуты, и всё же нашлась в ней упругая отчаянная сила, которая вырвала её из цепких потных рук, но, поднявшись на ноги, нужно было бежать хоть куда, а лучше на свет божий... Ибо всё ещё было против неё, и даже звёзды не осветили ей путь, и даже сирень немилосердно хлестала её по заплёванному лицу, по закрытым от ужаса и стыда глазам, – словно ей мало ещё досталось полученных мучений...

Наконец, Семён, пробивая дорогу сквозь кусты и куртины высоких цветов, вытащил её на аллею, и они остановились у парковой скамьи, зная, что погоня вот-вот настигнет их, но сил продолжать жуткий кросс уже не оставалось.

– *Ты только не беги! Не беги, а то они убьют, если будем убежать*, – просил Семён. Девчонка молчала. Молчало опозоренное розовое тело.

– *Всё будет хорошо, вот-вот милиция нам поможет. Только не беги, когда они нас укут...*

Через мгновение их нашли, а ещё через секунду у скамьи снова кипело море человеческое, но при свете фонарей никто не отваживался её насиловать и убивать, только мерзко хохотали, разглядывая её наготу.

Семён снял пиджак и накинул ей на вздрагивающие плечи. Блондинистый мужик забрался на скамью и начал усовещать толпу, прямо-таки упрашивая нахальных переростков.

– Ребята! Разве же так воспитывают? Будто вы не комсомольцы... разве так прививают здоровый советский вкус, что же вы творите, ироды? – Обращался наивный человек. – Ведь это преступление! Это – дикость!..

Семён узнал инженера, с которым познакомился в очереди за пивом. В тот же миг инженера-оратора дёрнули за штаны, он пошатнулся и упал в толпу, хватаясь за потные смердючие шеи, напрямиком на чью-то финку, тихо ойкнув, чем отвлек внимание хулиганов, бросившихся врассыпную от его бездыханного тела.

Серба схватил девчонку за руку, и они снова куда-то побежали. И снова несколько мужиков неслись за ними по пятам.

Пошли густые кусты, за которыми уже и рукой подать до забора, парк только считался парком, а фактически небольшой, метров двести на двести, садик. Сенька знал в нём каждый прут забора. У забора, вытирая окровавленное лицо подолом изорванного синего платья, каким-то чудом оказалась вторая жертва воспитательной погони.

Позади, в десятке метров кто-то кричал:

- Бей стилияг, спасай Россию!

– Сюда! – Скомандовал Семён, оттягивая отполированный годами мальчишечьего лазания прут.

– Лезьте же! – Приказывал и умолял Семён, но они лишь бессильно прислонились к копьям ограды.

Наконец, трое преследуемых протиснулись в открывшийся лаз, и вот уже Сенька поставил прут на место. Дальше забежать за корпус Дворца Строителей, а затем растаять в кустах, ведущих к трамвайной остановке, было делом несложной техники. Гул преследования стих.

Кое-как успокоившись, стали втроём собирать лохмотья одежды, чтобы как-то прикрыть тела юных нигилисток. Сенька снял рубашку и девчонка, лишившаяся платья, приняла приемлемый вид. Кофточку на её подруге, к счастью, удалось скрепить какими-то шпильками, вынутыми из причесок.

За оградой текла тёмная ночная улица, и на ней, как океанский лайнер, светился сотней фонарей и окон Дворец Строителей. Через проезжую часть улицы бежали два милиционера и стайка дружинников. Прямо им на руки передал Семён тело потерявшей сознание девчонки и в то же мгновение получил солидный удар в бок от другого стража порядка. К счастью, о нём в суматохе тотчас забыли, а то бы не избежать привода и разборки.

Когда он пришёл в себя, вокруг уже никого не было, зато весь парк наполнился милицейскими свистками. Семён посчитал за лучшее выйти к освещённому входу в очаг культуры и смешаться с возбуждёнными гражданами.

На площади перед Дворцом шумела толпа. Несколько милицейских машин и одна “Скорая” толпились у колоннады главного входа. По парадным ступеням пронесли в санитарную машину блондинистого инженера, и вот уже за поворотом улицы победно взвыла сирена “Скорой” и исчез красный крест её и прожектор.

Толпа бесилась и неумолимо требовала выдать ей на расправу стилияг, праведно возмущённая, бросала камни в окна Дворца. Далеко за полночь разошлись последние комсомольцы, милиция забрала до утра на охлаждение наиболее откровенных хулиганов, и Сёма побрёл домой. Но ещё несколько часов бесцельно шагал по тёмным ночным улицам Запорожья и с тяжёлой, невыспавшейся головой отправился утром на работу.

В цехе никому не решился рассказать о ночных событиях, настолько диким всё казалось. До вчерашнего дня Сенька наивно полагал, что борьба со стилиягами отгремела года три-четыре тому назад, до фестиваля. Оказывается, нельзя судить о всём Эсэсэсэр по Москве. На берегах Днепра, выходит, страсти кипят те ещё. Был порыв поделиться хоть с кем-нибудь, но, к счастью, никого подходящего для исповеди не нашёл.

А через пару дней Сёма не выдержал и после смены поехал

трамваем напрямиком в Дворец Строителей. Там он легко разыскал комнату с табличкой “Штаб народной дружины” и решительно толкнул дверь.

За столом, покрытым неременной красной застилкой и заваленному пожелтевшими политическими брошюрами и газетами, сидело четверо мужчин, вернее, парней.

Один из них, бледный и худющий словно цыган, с аскетичным лицом, вопросительно взглянул на Семёна. Этого цыганоида Сеня узнал, – то был Кирпичёв, они учились когда-то вместе в шестом классе. Как звали “Кирпича”, Семён не помнил.

Сидящие нахально уставились на пришельца, и ему надо было что-нибудь сказать.

– *Я, собственно, имею отношение к тем девчатам, которых вчера чуть не убили,* – громко, почти крича, сказал Семён, а вышло тихо, словно прошептал.

– *Я же говорил, Дима,* – обратился к “Кирпичу” увалень с носом картохой, – *что сегодня за этими стилиягами-сцыкухами ещё не один гость пожалует...*

– *Мне знакомо твоё лицо, парень,* – внимательно присматриваясь, громко размышлял, стараясь правильно говорить по-русски, Кирпичёв, – *не заметили ли тебя этим летом наши патрули? Приводы имеешь?..*

– *Нет, не задерживали,* – разочаровал “Кирпича” Семён, раздражаясь, – *просто мы с тобой когда-то вместе учились в третьей школе...*

– *А, вспомнил! Серба, кажись? Как же, как же. Давненько дело было,* – засмеялся Кирпичёв. – *Ты как-то предложил на лысине глуховатого географа тихонечко написать химическим карандашом “Антарктида”. Ну и наохотались мы тогда... Знаете, товарищи, у нас географ был – доходяга, так он во время опроса учащихся порой засыпал...*

– *Ладно, как-нибудь в другой раз про школьные дела доскажешь. Не забудь вспомнить, что тебя “Кирпичом” дразнили,*

– прервал его Семён. – *Я хочу узнать адрес девчонки, той, что русая. Она мне ключ от квартиры сунула вчера, когда за ней гнались...*

И для подтверждения своей импровизации позвенел ключами в кармане брюк.

– *Ну, тогда глянь там адресок в журнале задержаний,* – лениво разрешил блондин в очках, он угадывался тут главным, Кирпичёву.

Тот встал, привычно и уверенно подошёл к исцарапанному предыдущими поколениями бюрократов сейфику, отпер его и вытащил из железного нутра, где в полумраке блеснул “ТТ” и громоздились кипы каких-то неопрятно сваленных документов, толстую амбарную книгу, в коей тщательно велись записи виновников различных “ЧеПэ”.

– *Валяй, записывай! А какая из них русая? Запиши обеих...* – открыв книгу, показал нужную строчку Кирпичёв, и Серб нацарапал на клочке “Индустриального Запорожья” оба адреса.

– *Будьте здоровы, хлопцы-молодцы,* – выдавил из себя в дверях Семён...

Одна из девчонок жила неподалёку за новым универмагом “Украина”. Потратив менее получаса, Семён разыскал нужный дом и нерешительно позвонил. Женщина средних лет тихо ахнула от испуга и едва не потеряла сознание, увидя страшно загорелого, плохо отмывшегося от бокситной пыли Семёна. Оказалось, что это мама Сони. Так что вскоре уже Соня, её мама и Сенька дружелюбно пили чай с домашней выпечкой и наперебой делились перипетиями недавней битвы.

– *Не надо было шляться по ночам,* – выговаривала мама дочке, – *а теперь чего уж, не реви...*

Девчонка лежала на кушетке, укрываясь пёстрым шерстяным пледом.

С той ужасной памятной ночи пошёл третий день. Почти

зажили ссадины, поблекли синяки, но сердце переполняла обида.

– *Разве то люди гнались за вами? Банда хулиганов, бандитов,*
– успокаивала её мать.

Но посмел же плюгавый лейтенант в отделении милиции, на её требование возбудить уголовное дело, уверенно сказать:

– *О каком-таком “деле” может идти речь? Не преувеличивайте, мамаша. Это же вас народ учил... Вконец обнаглели, стилиаги проклятые!..*

“Народ учил!” После этой учёбы подруга Сони Ирина едва не очутилась в больнице, а Соня хотя и отделалась синяками и царапинами, но до сих пор не может оправиться от испуга и надругательства...

Странный спаситель попил чайку и деликатно ушёл, сославшись на какие-то дела... И даже телефона не оставил. Значит, нет у него дома телефона, молодой ещё...

Соня зачем-то, наверное, от нечего делать, начала было перебирать в памяти сегодняшний ещё один диванный день... Где же этот дурацкий выключатель?.. Мама, спокойной ночи!..

...Солнце нежно коснулось тёплым розовым языком стены соседнего дома, стоящего впритык, грязный красный кирпич старорежимной кладки ожил, согретый доброй коровьей лаской далёких протуберанцев. Ожили и окна.

На балконе пятого этажа зашевелился спальный мешок и из него вылез, потягиваясь, взлохмаченный дядька лет сорока, сердито зевнул, и, зябко поёживаясь, исчез в проёме двери. Через пару минут он появился, левой рукой придерживая трусы, сползавшие с позорно круглого животика, а правой поливая из алюминиевого чайника по-утреннему бодрые петунии в балконном ящике. Их сильный возбуждающий запах лился через открытую балконную дверь в комнату Сони. У них с мамой в этой просторной коммуналке была большая двадцатиметровая светлая комната.

За стенкой справа, у Лушки Ложкиной, протарахтел будильник. Соня слышала, как под Лушкой скрипнула кровать, как она сотрясла пол босыми ногами, представила, как Лушка ласточкой замерла на минуту, одевая халат и стоптанные-перетоптанные босоножки. Потом соседка звякнула дверным крючком, споткнулась, ругнув себя: *"Ну-у, чёрт!"*, прогарцевала в туалет, щёлкнув выключателем.

За стенкой слева захрипел репродуктор, тарелка ещё довоенных лет, затем раздались смешные позывные украинского радио – музыкальная фраза **"... рэвэ та стогнэ Днипр широкий..."**, после чего диктор заученно сказал по-хохлацки:

- Доброго ранку, товариши! Сьогодні п'ятниця д'ясятого чэрвня тысяча дэв'яцот шист'дэсят першого року. Тривалисть дня шистнадцять годин... хры-хры-хры... хвылын. А зараз слухайтэ пэрэдачу з Москвы.

После чего послышался перезвон курантов Спасской башни.

- *Вставай, рохля!* - Шумнул на свою жену Полину Моисей Давидович, однорукый преподаватель математики в пединституте. Что-то стеклянно-металлическое упало у них со стола, похоже как стакан с чайной ложечкой, и недовольный голос Полины прошипел по-гусиному: *"Ну, до чего же наповоротливый, боже ж ты мой, а ещё научный работник! Собирай цас же!"*. По наступившей тишине понятно было, что чета Белгородских прислушивается к коридорным шумам, затем работник вуза громко засопел, собирая стекляшки с пола. Когда за Лушкой сыто заурчал унитаз и она перешла умываться в ванную, Полина рванула в туалет, чтобы опередить ещё одних соседей, молодожёнов Цибиковых, в комнате которых пока прослушивалась неэтичная тишина.

"Как же хорошо дома! Никогда больше моей ноги не будет на танцплощадке," – подумала Соня, подтянув одеяло к подбородку и укладываясь на диване поудобнее. Напротив дивана стояла неприбранная кровать, мать затемно ушла на работу, такова уж **специфика** труда кондуктора троллейбуса, надо рано вставать, а

когда выпадает вторая смена, то поздно ложиться.

На следующий день Семён по-горячему написал в "Комсомольскую правду", **изложил** всё как было, приглашая корреспондента приехать и восстановить справедливость. Через месяц он получил ответ, что его письмо направлено в Запорожский горком комсомола для проверки. Оттуда к нему домой через неделю пришёл молодой **чувак**, который популярно разъяснил Сеньке необходимость на данном этапе строительства социализма усиления борьбы с тлетворным влиянием буржуазных нравов и их упадочнической культуры...

Тогда действительно шла нешуточная борьба с движением **стиляг**, которые зачем-то преклонялись перед западным образом жизни. Комсомольские дружины по охране общественного порядка дежурили в парках, на улицах городов. Было модным среди пацанов носить узкие брюки "дудочки" и длинные волосы, таких ловили активисты и насильно стригли и распарывали штанины. Так сознательная советская молодёжь показывала свое неприятие буржуазной псевдокультуры. У комсы вошло в моду носить брюки-клёш по-флотски, с широченными штанинами, до сорока сантиметров. Чтобы придать клёшам уверенный полёт, их подшивали по кромке штанин половинками металлических "молний", что утяжеляло и выпрямляло хронически неглаженные брюки активистов и надёжно скрывало нечищенные пролетарские ботинки.

У морально разложившихся девушек преобладали короткие юбки, но были и длинные "вечерние" платья, пошитые, конечно, из дешёвых, доступных тканей. Стрижки у девчонок были, в основном, короткие, с укладкой или начёсами. Всё это вызывало злобу дружинников и желание расправиться со стилягами. Власть молчаливо поощряла такую "классовую борьбу". В помощь активистам было и вдалбливание "Морального кодекса строителя коммунизма", и введение в повседневную практику избиваний

неправильной молодёжи резиновыми дубинками. Доставалось, правда, и нам, обыкновенным деклассированным пьяницам...

А осенью, после разлада с Ниной, ни с того, ни с сего, Семён начал много писать. Стихи, рассказы. Непонятно как, но проторил дорожку в Областное литературное объединение, регулярно бывал на его заседаниях.

Председатель Литобъединения Василь Лисовык, интереснейший усатый козацого. Ему далеко за шестьдесят. Правда, его итоговую книгу стихов "Рілля" ("Пахота" – укр.) Семён не читал, но представлял, о чём там может идти речь. Из активных участников наиболее колоритными показались Володымыр Вуйтэнко, Олэкса Кожух, Пэтро Пэро, Иван Чортотмыкський (приводим имена и фамилии пишущих на "ридний мови" в их украинском самопроизношении), Владимир Захарьев, Иван Шампуров, Святослав Фунтукович, ещё какой-то самобытный писатель из работников общепита, накропавший толстенный роман "Ресторан".

С Вуйтэнком у Семёна сложились неплохие отношения. Вечно пьяненький Володя несколько лет пишет повесть "Хлопці-молодці", но конца не видно. Как человек богемы, висит на шее у вконец затурканной жены, преподающей математику в пединституте. Опять же дети. Вечная нужда и вечный, неистребимый, как тараканы, оптимизм. Друзья называют его уважительно "мэтром".

С Захарьевым Сенька дружит. Володя приехал в Запорожье недавно, после развода с женой, из какого-то Шебекина. Написал роман "Зелёная шляпа" о гэбистах. Наивно думал, что критика культа личности Сталина даёт ему право "сорвать маски" с "рыцарей плаща и кинжала". На днях у него провели обыск, изъяли рукопись романа, как антисоветский. Самое смешное, что пришло трое именно в зелёных велюровых шляпах. Начали Володыку таскать.

В декабре наследники Бери и Семёна. Начали издалека. Зачем переписывается с отцом? Всё-таки, не наш человек, пренебрёг Родиной. Если будут проблемы, как ответить на тот или иной хитрый вопрос отца, приходите посоветоваться.

Сенька не по-советски ответил, что как-нибудь сам разберётся, о чём говорить с отцом.

Или вот, возьмите, Захарьев. Умный человек, а клеветает на органы. В исторический момент, когда всем надо ещё теснее сплотиться вокруг коммунистической партии, написал хрен знает что. Хорошо бы вам выступить в Литобъединении с открытой товарищеской критикой этой низкопробной околотературной поделки.

Семён сказал, что "Зеленой шляпы" не читал, попросил дать почитать, чтобы определить свою гражданскую позицию... Товарищи долго смеялись. Напоследок спросили, что означает текст телеграммы, полученной Сенькой пару месяцев тому назад. Серба вдруг всё вспомнил и в свою очередь долго смеялся, чем весьма озадачил дзержинцев.

А дело было вот в чём. Как-то осенью пришла глупая телеграмма из **Оссоры** (с Камчатки) от Галки Хлопониной, которую после окончания в прошлом году финансового института распределили главбухом на тамошний рыбозавод. Некий вопль отчаяния. Смысл прозрачный, - вытащи меня как-нибудь отсюда. Из её редких писем Сенька уже знал обстановочку, в которую она вляпалась. Там такая дыра, край света. Рыбозавод, застава и Тихий океан. Вырваться никак нельзя. В редкий самолетик попасть можно только по личному распоряжению директора рыбозавода, который там и Бог и Сатана в одном лице.

И Семён начал было искать ей жениха. Рассказал друзьям-товарищам. Люди начали предлагать добровольца для фиктивного брака.

Женька Якименко привел какого-то сосунка лет 19-ти. Кажется, Эдик, сын генерала. **Сынген?** Ну и что, а я – Сынкап!.. Сразу не

понравились глаза претендента. Они бегали туда-сюда, как у вора. Потом исчезла с этажерки Галкина телеграмма. Потом исчез и Эдик. И вот теперь в **гэбэ** Сеньку просят раскрыть смысл Галкиной шифровки. Он понял, что Оссора, видимо, очень хитрый городок на Камчатке, а простой советский рыбозаводик в нём, как сплошь и рядом было тогда заведено, кроме консервов наверняка производит что-нибудь для подлодок или решает иные военные задачи. Сенькино неинтересное объяснение попросили зафиксировать на бумаге. Ну и чёрт с вами!

Больше его не вызывали. Но через несколько дней после беседы с чекистами Сенька стал замечать за собой слежку. Какой-то полуинтеллигентного вида товарищ в выгоревшей и мятой шляпе взял в привычку утром садиться ему на хвост прямо у дома и пасти до пяти-шести вечера. Сенька – в трамвай, он – следом. Сенька в магазин, - у соседнего прилавка непременно торчит мятая шляпа. Прошло с неделю и Семён придумал контрмеры. Когда выходил из дому и через какое-то время чувствовал спиной жжение недружелюбных оловянных глаз, то спокойно оборачивался и молча шел к филёру. Надо было видеть, какие увёртки тот предпринимал, чтобы сойти за случайного прохожего. Семён подходил к нему близко и шел за ним следом, повторяя все его рыскания по улице. Так Сенька потратил на него три дня. Бериевец ведь не мог оторваться от Сеньки и убежать, иначе сорвал бы задание. Но и терпеть наглое открытое преследование с Сенькиной стороны ему стало невмоготу. Как-то, удаляясь от Семёна торопливыми шажками, он вдруг резко обернулся и чуть ли не плача продекламировал:

- Что вы преследуете мою личность?!

И тогда Сенька впервые с ним заговорил. Основательно обматерив, назвал его бездарностью и посоветовал пойти в дворники. Сказал, что если ещё раз увидит, примет эффективные меры... Соглядатай ушел почти бегом. Больше Сенька его в жизни действительно не видел. Других следопытов вроде тоже не

присылали.

Пэтро Пэро был туповатым поэтом, но упорно несколько раз подавал заявление в партию и, наконец, вступил двумя ногами туда, куда так страстно стремился. Расчёт оказался верным. Его стали активно печатать, и вскоре он стал первым в Запорожье членом Союза писателей Украины.

Иван Шампуров приехал недавно с Юга, кажется, из Ставрополя, и в своих поэзиях круглосуточно воспевал сталеваров. Но русский язык, но беспартийность, но непокладистый характер обусловили его бесперспективность в запорожских краях. В конце концов, он уехал восвояси...

Святослав Фунтукович имеет прекрасное врожденное чувство языка, пишет смело и размашисто, но независимый норв не позволит ему стать известным поэтом. Увы, Семён запомнил всего одну строфу из стихотворения Святослава, нечаянно попавшего в "Комсомолку":

*"Да здравствует восставшая трава!
И наших душ весенняя бессоница!
Я вижу, как, в ладони поплевав,
Апрель раскопегаривает солнце..."*

Иван Чортотмыкський запомнился глупым случаем во время обсуждения его украинских стихов. На каждом заседании кого-нибудь обсуждали. Разбирали по косточкам. Было очень полезно и забавно. Так вот Иван, никогда, как и все запорожские литераторы, в Испании не бывавший, тем не менее написал страстное стихотворение в защиту лидера тамошней компартии, кажись, **Жюльена Ляо**. Он написал нечто высокопарное вроде *"товарищ, пикеньо, наш друг, не сдавайся..."*. Где Иван услышал словцо *"пикеньо"*, осталось невыясненным. Но кто-то из досужих критиков вспомнил, что *"пикеньо"*, означающее по-испански "коротышка", это народная кличка фашистского диктатора Испании

Франко... Долго смеялись, а опростоволосившийся поэт всё сокрушался, как ему теперь вернуть стихи, разосланные уже в десяток газет.

Ещё там несколько раз появился, а затем исчез почти мальчик Александр Удалевич. У Семёна в личном архиве остался листочек с написанными рукой Удалевича строчками, которые он написал Сеньке для личного альбома. Альбом не состоялся, а листочек закатывал с Сенькой по жизни:

*"Ты не думай, что я – пессимист.
Это только устал я немного.
Вот послушаю вздохи земли
И опять соберусь и – в дорогу!
Голова пусть не падает вниз
От различных заманчивых логик,
Знай, дружище, что я – оптимист
И люблю бесконечно дороги..."*

Два раза обсуждали и Сенькины стихи. Последний раз он принёс полсотни русских стихов, хотя в то время уже начал писать и на родном языке. Много переводил на украинский любимого им Евтушенко. Сенькины стихи поразили Лисовыка. Он сказал, что у Семёна практически готова первая весомая поэтическая книжка. Коллеги доброжелательно приняли опыты Сербы, и он после первого обсуждения неожиданно стал признанным поэтом областного масштаба... Но сам он твёрдо знал, что никогда не увидит своих сборников на прилавках книжных магазинов.

Однажды Захарьев познакомил Семёна с приехавшим к нему в гости московским поэтом Олегом Богодановым. Семён был уязвлён барством и высокомерием столичного светила, который, по его словам, написал роман в стихах ничуть не хуже Пушкинского "Онегина", но сволочи главреды не дают ему хода из-за отсутствия у них вкуса и такта...

А вот уже и пора подводить итоги истекающего адреналином года. Главное событие – вынос тела Сталина из мавзолея. Как обычно, тяжело встали трудящиеся с перепою приветливым осенним утром, гля, а в каждом сквере перемены. За одну ночь испарились бесчисленные гипсовые Иосифы Виссарионычи, стоящие, сидящие, одинокие и в обнимку с **ВИЛОМ**.

Хрущёв все-таки решился на крупную подвижку в умах. Правда, ни один член партии не протестовал, не рвал и не метал оружие пролетариата в окна ЦК КПСС... Что уж говорить о косных беспартийных галушках...

Попутно прошло переименование улиц и площадей. У нас в Соцгороде проспект Сталина в ту памятную ночь стал проспектом Metallургов, улица Михеловича (бывшая Трамвайная, а ещё раньше – Екатеринославская) ещё раз превратилась в улицу Горького (первый раз – в 1928-м), а главная улица Карла Либкнехта, недолго побывшая улицей Ленина, стала гордым Коммунистическим проспектом... Жалеть об очередных переименованиях никто не жалел, дело привычное, разве что многоходовка *Александровская – Розы Люксембург – Герингштрассе – Розы Люксембург – Дзержинского* удостоилась сочувственного разговора Сеньки с мамой.

– *Причём здесь Феликс Эдмундович?* – Неожиданно удивилась вечно аполитичная мама.

– *А он, наверное, мечтал в Запорожье свою контору перенести,* – предположил Сенька.

Но тут закипел чайник, и жизнь перевела обмен мнениями на другие, более оптимистические темы.

В феврале, как уже вошло в традицию, Сенька потерял паспорт и продлил незаконное получение пенсии. Дело это хлопотное. Поскольку места работы, отмечаемые в паспорте, должны соответствовать записям в трудкнижке, надо менять и трудкнижку. У Семёна завелся приятель, Сашка Гаманец, потихоньку

"восстанавливающий" любые трудкнижки. Обозначенный на трудкнижке год издания её Гознаком должен быть не позже первой записи в ней. Иначе - завал. Сашка имеет целую коллекцию бланков трудкнижек и, видимо, печатей, так что за скромную плату (10-15 **новых рэ**) он подбирает бланк нужного года издания, сочиняет любые должности на любых предприятиях страны согласно желанию заказчика, ставит соответствующие печати и, - гуляй, Федя!..

Пока Сашка подбирал бланк и **делал** трудкнижку, успели придти весна и слетать в космос Юрий Гагарин...

Лето Семён опять провел на пляжах. Там познакомился с одной забавной девицей лет двадцати Инессой. Было интересно копаться в её странном самодостаточном мирке. Она возлежала на песочке всегда сама по себе, не подключаясь ни к каким компаниям, не отвечая на заигрывания мужиков. Семён любит разгадывать ребусы человеческих душ, и они познакомились. Оказалось, что она искательница приключений. Романтик-одиночка. Уже через неделю лоботрясы нашли общий язык, погрузились в поезд "Москва-Бердянск" и отправились отдыхать дикарями. С этой Инессой у Семёна сложились только деловые отношения, так как она была не в его мужском вкусе. Но ему импонировал её взвешенный авантюризм, холодный ум, готовность на любые опасные и нелепые приключения. То есть сугубо товарищеские отношения по схеме, отработанной Сенькой с Галкой Хлопониной.

В Бердянске бродяги проболтались настоящими дикарями несколько дней. Сенька нашел себе для души милую выпускницу средней школы Люду из Харькова, которая, не планируя поступать в институты, предпочла свободный полет на **юга**. Мама, конечно, навязала ей для контроля младшую сестренку лет десяти, но изобретательной старшей сестре такой контроль не мешал.

Решили поставить палатки рядом и отдыхать вместе. Инессу Сенька представил, как сестру. Правда, Инесса подолгу гуляла одна, возможно, попутно зарабатывая себе на жизнь, так как у неё водились немалые деньги. Правда, и у Сеньки кое-что ещё оставалось от окончательного расчета.

Бердянск быстро надоел, и Сенька предложил всей компанией прокатиться в Цюрупинск, о котором у него остались приятные воспоминания. Наверное, он подсознательно хотел повторить тот невероятный кайф, который имел в этом городке в 1953-м году. Компания вернулась душным, пыльным поездом в Запорожье, а через пару часов уже плыли в комфортабельном двухпалубном пароходе на Херсон. Добравшись до Цюрупинска, отлично провели там с неделю. Сенькины самые смелые ожидания осуществились. Казалось, он вернулся в молодость.

Затем прохиндеи снялись с якоря и уехали поездами на Харьков. Перед Харьковом Люда помрачнела и сказала Семёну, что не знает, что и делать, если вдруг окажется, что подзалетела. Он утешал её, как мог. На вокзале Люда с сестричкой тепло распрощались с Инессой и Сенькой и поехали трамваем домой, а он с Инессой следующим поездом подались в Москву, где и болтались ещё с неделю. Никаких приключений, поскольку карманы были пусты, столица им не организовала, поэтому через несколько дней они тихо, без фанфар вернулись в Запорожье. Начало славного путешествия Бердянск – Цюрупинск – Харьков – Москва – Запорожье описано Сенькой в рассказе "Погибель по-бердянски".

Снова пошли беспечные дни бессмысленного лежания на пляже. Круг тот же - Женька Якименко, Инесса, Володька Захарьев, иногда Сашка Гаманец.

К тому времени завершилась денежная реформа по формуле 1:10. Правда, в частности получилось странно. Скажем, пучок редиски как стоил 40 копеек, так и нынче продается за те же 40

коп. Коробок спичек стоил 5 копеек. Теперь 1 копейка, или в два раза дороже. Таких мелочей немало. Газвода без сиропа была 5 копеек, стала 1 коп. и тэпэ.

Надо было как-то доставать деньги на "выпить и закусить". Семён приспособился подторговывать так называемым "сухим спиртом" (**нембутал** или этаминал натрия). Покупал в аптеках этот самый нембутал (благо, он тогда продавался без рецепта) и предлагал пляжным алкашам по дешевке – рупь за пару таблеток. Такая цена устраивала покупателей, так как переезд на другой берег и обратно обходился в два рубля, да еще часа два терять, да на бутылку надо сообразить 2-87... А так запил водой и балдеешь, балдеешь, балдеешь... Некоторые от необычности впадали в такой транс, что страшно было смотреть – лежали на берегу, наполовину в воде. Ну, труп трупом. Семён вначале даже боялся, как бы чего... С одной упаковки в 10 таблеток он имел пять рэ. Их закупка обходилась в 16 копеек. **Загнав** пару упаковок, Сенька имел почти десять рублей дохода, то есть на три бутылки "Столичной".

Летом же кто-то познакомил Сеньку с Мариком Перцовым, молодым веселым еврейчиком, директором Дома культуры потребкооперации. Марик Перцов – крупный организатор социалистической культуры. Семён зачастил от скуки в его маленький ДК на углу улиц Розы Люксембург и Тургенева. Пару раз побывал у Марика дома. Маленький, даже кукольный, Марик имел обильный чёрный волосяной покров, густую шевелюру, чёрноглазое хитрющее личико почему-то взрослого усатого мышонка. По-еврейски круглосуточно веселый хохмач, искренне верящий в свое элитарное, неповторимое, гениальное предназначение на культурной ниве. Однако, с учётом того, что еврей, беспартийный, антисоветчик и тэпэ, то его вклад в мировую культуру ограничивался окультуриванием потребкооперации, причем, за 85 рэ в месяц – 850 по-старому.

У Марика правой рукой был Бэра Авербах, он же по совместительству великий комик и охаиватель всего светлого и дорогого для советского человека. Невыразительно рыжий, неряшливо брызжащий слюной при травлении анекдотов, с телячьими глазами счастливого идиота и запущенными гнилыми зубами он производил на свежего человека отталкивающее впечатление. Но потом, через пару дней, его можно было терпеть, как некую дебильную неизбежность.

Но надо было ещё и кушать, а для этого иметь хоть какой гонорар. Самое простое, как сказал Марик, создать агитбригаду и колесить по сёлам, облапошивая колхозников, сиречь, неся культуру в массы тружеников хлеба и навоза. Идея Сеньке понравилась, и он познакомил Марика с Сашкой Гаманцом, великим ковровым атлетом из ДК "Энергетик» в Соцгороде, и вот она, агитбригада. Всемирно-известные акробаты Александр Гаманец и его десятилетняя дочь Пава, гениальный комик Бэра Авербах, лауреатка 2-го конкурса молодых дарований при ДК потребкооперации сисястая певица Фрида Фишер (предмет безответных вздыханий Марика), известная в известных кругах чтица Ахматовой 75-летняя мать Гаманца Мария, кажется, Ивановна (на сцене – Мария Херсонская), антрепренёр, кассир, рекламщик и контролёр Семён Серба, а также периодически девочки из ДК потребкооперации на отдельные танцевальные номера. Иногда с ними выступала некая гуттаперчевая девочка, немисливо выворачивавшая свое прозрачное минтайное тельце.

Днем Сенька садился в автобус и катил, допустим, в Пологи или Гуляй-Поле, а чаще в крупное село, так как в райцентрах могли вычислить и сдать милиции. Там он договаривался с заведующим местного клуба или **ДэКа**, развешивал самодельные афиши, продавал у местного базара или около магазина **Сельпо** билеты, стопки которых "доставал" Марик. Возвращался в город, организовывал машину, собирал и вез "труппу" на гастроль.

Отгрохав пару часов по-цыгански шумного “концерта”, быстро сворачивали лавочку, шли на трассу, ловили машину в сторону Запорожья и как можно быстрее мчались домой, опасаясь преследования местных сторожей социалистической культуры.

Бывали случаи, когда за ними гнались работники райотделов культуры, а ведь тогда за левые концерты с неучтенными билетами давали сроки.

Однажды Марик пообещал хорошо встряхнуть творческий коллектив, показав жизнь с изнанки, и у него это получилось. Он куда-то позвонил, получил согласие, и народ в лице Сеньки и Бэры, с Мариком во главе, захватив пару бутылок водки, отправились на улицу Дзержинского, недалеко от тюрьмы, в гости к слепому директору городского (или областного?) общества слепых. Хозяин оказался тучным сорокалетним бедолагой со страшными пустыми глазницами и лицом, густо и безнадежно растатуированным сотнями маковых зернышек пороха, въевшегося в кожу при близком разрыве снаряда. Мужик потерял на фронте не только оба глаза и получил на всю жизнь обезображенное лицо, но и до сих пор переживал последствия сильнейшей контузии. Тем не менее он сумел сохранить силу воли и устроился в послевоенной Европе, возглавив то ли городское, то ли областное общество слепых. Получил неплохую двухкомнатную квартиру в бывшем частном одноэтажном доме (фактически, пол-дома) и жил припеваючи. Конечно, “припеваючи» надо бы взять в кавычки. Бедолага имел неплохую зарплату и военную пенсию, но не имел постоянной бабы. Несмотря на страшный дефицит мужиков, ни одна **хивря** не хотела жить с ним постоянно. Выручали шлюхи, которых приводили такие надежные друзья, как Марик.

И в этот раз Марик позвонил уже от слепого, и через полчаса, не успели гости дорогие оприходовать первую бутылку, в дверь постучала довольно потрепанная шалава лет за 25, которую Марик

представил как великую драматическую актрису всех времен и народов, игравшую в драмколлективе при его скворешнике кооперативной культуры. На радостях хозяин послал помощника за дополнительным питием и закусью, а гости настроились на серьёзное заседание.

Хозяин, сгорая от нетерпения, уволок актрису за руку в спальню и пытался, не откладывая, сыграть с ней любовную мизансцену, но та была настроена на легкий хапок без разврата и поспешила порыться в кошельке хозяина, покуда он путался в подтяжках и штанах. Однако слепой-то слепой, но другие его органы чувств обострены и он усёк непотребство нахалки. Каким-то образом схватив её покрепче, а он был зверски силён, страдалец отобрал у неё ещё не опустошённый бумажник, сам вынул из него десятку и кинул ей, страшно матерясь. Потом он вытолкнул стерву из спальни и приказал убираться, не дожидаясь его дальнейших действий. Дева не растерялась, схватила червонец и, застегивая на ходу бюстгальтер, рванула в прихожую к зеркалу, быстро оделась, поспешно намазюкалась и ненавязчиво слиняла, громко хлопнув дверью.

- Кого ты мне привёл, Марик? – рычал разгневанным львом председатель уважаемого общества. – Опять, как всегда, хитрожопая манда!

Гости дружно грохнули богатырским хохотом. Тут подоспел помощник с бутылками и снедью, щедро оплаченными слепцом. Ветеран не долго сокрушался, а стал крепко пить и сыпать милыми фронтowymi шутками типа *“Убьем немца, - перекурим!”*... Вскоре он стал отказываться от стакана, солидно хрипя *“Сатис!”*. Приятели допили и доели, а затем незаметно удалились, оставив бездыханного хозяина на диване под присмотром его штатного помощника, полуслепого и глухого мужичка, тоже бывшего фронтовика.

В разгар летней жары Марик, Бэра и Сенька поехали с

ночёмкой на остров Хортицу. Чертовски захотелось романтики. Набрали еды и выпить, получились две тяжеленные сумки. Да ещё скатки из одеял и палатка. Знакомый Марика перевез их на остров, где они разбили лагерь на обрыве над **Старым Днепром**. Так называется древнее русло Днепра, по которому из-за его узости и множества скал нет судоходства.

Стояла дивная гоголевская ночь. Совершенно круглая луна позволяла читать, но было не до того. Комара почти не наблюдалось, и друзьям было очень хорошо барахтаться в бесконечном глупом трёпе.

За полночь в зарослях кустарника в нескольких сотнях метров от импровизированного бивуака усилились пьяные крики. Поскольку романтики выпили не более трех бутылок "Спотыкача", то, как трезвых людей, шум их обеспокоил, и они поёрлись, продираясь через неприветливый кустарник, на жизнерадостные молодые голоса. Вскоре показалась большая поляна, посреди которой горел большой костер и под вульгарную заграничную псевдомузыку голяком плясало человек двадцать наглых пацанов и бесстыжих девок.

Друзьям хватило ума и осторожности не выдать себя несвоевременными нравочениями этим бестиям. Между тем шабаш набирал обороты, и деятели культуры замерли, онемев от развратных прыжков перерожденцев. Возможно, им бы надоело наблюдать вакханалию из-за укрытия, и они нарвались бы на крупные неприятности. Но судьба (лучше сказать, Судьба!) пощадила их носы и загривки. Кто-то крепко схватил любопытствующих сзади за руки и быстро, не говоря ни слова, выволок на довольно укатанную полевую дорогу. Оказалось, что их профессионально скрутили три милиционера в новенькой форме. От них пахло шашлыком и пивом, так что оказалось ненужным приводить стражам нравственности и порядка какие-либо аргументы о непристойности поведения юных поклонников гнусного джаза и прочих пороков.

Стражи коротко и доходчиво объяснили любопытно-бдительным гражданам, что не надо беспокоиться, всё контролируется органами и будет обеспечено. Они пояснили, что гуляют детишки первых лиц обкома и горкома партии и не надо их беспокоить. А ещё лучше, если вы забудете увиденное, как страшный сон.

Интеллигенты вернулись к своей палатке и выпили по сто грамм за чистоту нравов нашего народа-победителя. Единогласно пришли к выводу, что в полнолуние людей часто преследуют химеры. Марик решил на неделе пригласить в ДК кооперации путного лектора с лекцией о суевериях и мракобесии, как родимых пятнах капитализма в сознании людей. Пусть, прослушав бесплатную лекцию, ветхие старушки, постоянные посетительницы ДК, укрепят свои твёрдокаменные принципы на случай, если им в полнолуние привидится нечто химерическое... Марк пригласит на эту лекцию также и Семёна с Бэрой... Спасибо! Последний тост был "за пятна!", за них, родимых!

... В сентябре мама уговорила безработного Сеньку пойти работать в её ОПС судоремзавода на лесной складик подменить завскладом, ушедшего в отпуск. Он, окончательно одурев от безделья, согласился, поскольку лето закончилось и действительно надоело болтаться без определенного смысла. Недавно Хрущёв разрешил городским предприятиям натуральный обмен с колхозами. Мамин ОПСик тоже быстро в этом набил руку. Пробивное начальство достало в таёжных краях десятка два вагонов леса-кругляка, свалило эти бревна на огороженной территории, так и получился лесной складик. Колхозники приезжали за брёвнами, поскольку все пытались или отремонтировать или даже построить себе жилые дома. В обмен они привозили мясо, которое шло в орсовскую столовку для приготовления обедов рабочим судоремзавода. Так вот, завскладом, хитрый мужичок, уходя, за пять минут посвятил

Сеньку в тонкости технологии делания денег из ничего. Его можно понять. Если бы Семён перестал мерять бревна так, как делал он, то после отпуска ему бы было делать нечего, а возможно и дошло бы, куда нежелательно, чтобы доходило...

Уже на следующий день новый завскладом обслужил трёх колхозничков, приехавших на роспусках (каркас брички, состоящий из двух колесных пар и длиннущего соединительного бруса между ними, чтобы возить бревна). Каждый из них имел с Семёном интересный разговор о том, как прикупить бревнышко "леваком", за наличный расчёт. Сенька для приличия минуты две упирался, а затем шёл навстречу просьбам трудящихся вил и грабель. Три официальных бревна он измерял не по средней арифметической суммы диаметров комля и вершины, а только по комлю. Объем, который мужики должны будут сдать в свою контору по накладной, будет завышен примерно на треть. Так из трех бревен рождалось и четвертое, неучтенное, за которое они выкладывали рублей по тридцать. В общем, почти никакого риска.

За день получалось до ста рублей навару, что при месячной зарплате в восемьдесят рэ было очень даже недурно.

По писательским делам Сенька давно знал одну старую машинистку. Тётя Клава была инвалид второй группы, без ног. Очень хорошо печатала. Ей носила на перепечатку свои стихи и романы практически вся запорожская литературная братия. Носил и Семён. Но летом уважаемая матрона умерла. У неё осталось две дочери, девочки лет шестнадцати-восемнадцати, Ирка и, кажется, Ольга. Ирка одно время симпатизировала Семёну и бесплатно перестукивала его стихи, что было до устройства Сеньки завскладом тоже немаловажно.

Когда поэт стал зашибать большую легкую деньгу, то, естественно, стал шиковать и пускать пыль в глаза сестричкам. В конце недели их квартирка в старом задрипанном **ЖАКТовском** домике на углу Красногвардейской и Карла Либкнехта (тогда уже,

наверное, улице Ленина), наискосок против Пединститута, загружалась питием и снедью. Албанский коньячок "Роза" Сенька привозил на такси упакованным в фирменные картонные коробки по двенадцать флаконов.

К сестричкам-машинисткам на халяву стекалось человек восемь-десять. Кто такие, Сенька не всегда представлял. Просто компанейские ребята с хорошим аппетитом и лужёными глотками. На следующее утро просыпаться было нелегко. Правда, превосходный коньяк с тончайшим запахом розы помогал сохранять нравы, так как после опустошения очередной коробки разврат уже не шёл на ум. Все валялись с ног до утра.

В этой компашке Сенькино любопытство вызвала одна розовощекая девица по прозвищу Пунька. Она явно имела сдвиг по фазе, причем **девиация** Пуньки явно из редчайших. Она жила через три или четыре дома выше по Красногвардейской в сторону городской тюрьмы. Её пятиэтажный дом располагался как раз напротив солидного здания областного КГБ, бывшего при царях городской думой, а при немцах – городской управой.

Если бы не шизоидный блеск глаз, Пуньку можно было бы считать красивой девушкой. Ещё она бросалась в глаза отменным телесным здоровьем, прекрасной фигуркой и крутой грудью, что, в общем-то, редкость в наше время анемичных диванных девиц. Из Пуньки же здоровье брызгало и фонтанировало.

Так вот, по вечерам и по утрам Пунька, жившая с родителями в хорошей трехкомнатной квартире и поэтому имевшая отдельную комнату, завела обычай ходить голой по своей комнате при полном свете люстры и незанавешенных окнах. Она часто со вкусом рассказывала, как дружно выключаются светильники в кабинетах мрачного здания напротив её дома, когда она выставляется по вечерам. По утрам тоже, считает она, работоспособность чекистов значительно снижается.

Через несколько месяцев такой практики Пуньку вызвал в ГБ большой начальник. Он потребовал от неё прекратить

непристойное поведение, которое отвлекает специалистов уважаемого учреждения от основной работы. Пунька рассмеялась ему в лицо.

- Я у себя дома, а подсматривать нехорошо. Тем более, все они завели бинокли... А у вас сильный бинокль? – Спросила она серенького мужчинку.

Он инстинктивно заёрзал на жёстком служебном стуле под неизменным портретом железного Феликса в фуражке неведомой армии, строго посмотрел на неё через большие очки в пластмассово-черепаховой оправе, смутился и почему-то бессловесно по-детски отрицательно покачал головой, хотя в углу его большого кабинета и виднелась подзорная труба на треноге.

- Понимаешь, детка, тлетворное влияние, так сказать... Тебе, видишь ли, надо задуматься о своем поведении, должен я подчеркнуть...

Начальник пригрозил поставить в известность родителей и райком комсомола, но Пунька на сделку с убеждениями не пошла. Так она и бродит по своей комнате, свежая, недоступная и для тех, кто не знает её близко, очень соблазнительная. Хотя мы-то, её друзья, хорошо знаем, что девятиклассница Пунька ещё не видела в своей жизни голого мужчину и, возможно, **покудова** этим счастлива...

Незаметно наступил ноябрь. По несколько дней висели над душой холодные обложные дожди. После возвращения из отпуска настоящего завскладом Сенька перешел экспедитором в распоряжение Гольдмана, заведующего магазином хозяйственных товаров на Большом Базаре. Через несколько дней он послал новичка в Мелитополь на мебельную фабрику привезти шкафы платяные, которые на базаре шли "на ура", их расхватывали в день привоза. Сенька оформил доверенность, вызвонил в автохозяйстве **зил** с прицепом и на следующий день рано утром выехал выполнять ответственное задание. Короче, только к концу рабочего дня

удалось стать под погрузку. Грузчики, уже подозрительно неустойчивые при ходьбе, норовили не выполнять свои обязанности. Семён взял у одного тележку с вильчатым захватом и стал сам вывозить смердящие свежим лаком изделия на рампу к машине.

Загружал трехсекционные шкафы двух видов. С зеркалом и без оного. Первые стоили где-то 275 рэ, а вторые примерно на сто рэ дешевле. В голове сразу сформировалась наивная схема обогащения. Сенька удачно прихватил с одного из рабочих столов несколько готовых ярлыков на шкафы с зеркалом, сорвал с трёх простых шкафов ещё не присохшие ярлыки с ГОСТом и низкой ценой и приклеил ярлыки с дорогой ценой.

Поздно вечером автопоезд прибыл в магазин, где, спасибо Гольдману, дежурили два грузчика, которые быстро разгрузили шкафы и занесли их в торговый зал.

Утром Сенька минут за двадцать до открытия пришел в магазин и всё честно рассказал Гольдману, надеясь, что тот похвалит за изящный вариант спокойного обогащения. Завмаг, однако, очень расстроился и тотчас стал исправлять на шкафах поддельные ярлыки, вписывая правильную цену. Потом он отвел Семёна в сторонку и сказал отеческим тоном (он очень уважал Сенькину маму), что так делать нельзя, за это бывает тюрьма. И что если Сенька сильно нуждается в деньгах, то может у него попросить в долг, а потом когда-нибудь отдать. Он вручил Сеньке триста рублей, как раз ту сумму, на которую молодой **махер** планировал провести афёру. Сгорая от стыда, Серба зачем-то взял эти деньги, дав себе внутреннюю клятву вернуть их не позже, чем через год...

Параллельно с официальной работой в мамином ОРСе, Сенька искал способы подзаработать, потому что так обносился, что стало неприлично ходить на заседания литобъединения. В том году Никита Хрущев предложил повысить уровень бытовых услуг в городах и селах. И в Запорожье быстро организовалась фирма

"Заря", которая эти самые услуги и оказывала. Семён туда поехал и разузнал, что можно от их имени заниматься натиркой паркетных полов или, например, уборкой квартир в качестве приработка, без оформления на работу. Так он стал добровольцем-полотёром. Сначала с месяц честно брал у диспетчеров "Зари" наряды на натирку, а затем постепенно образовалась собственная клиентура, у которой он шабашил по вечерам без всяких нарядов прямо себе в карман. Труд нелёгкий, но 20—25 рэ за вечер получалось. Так что жить, если даже таких вечеров за месяц набегало всего 10-12, можно было.

Как-то натирал у одних зажиточных верных ленинцев, так тяжёлый дубовый буфет пришлось раза три перетаскивать с угла в угол, пока привередливую хозяйку устроил блеск паркета, не натиравшегося с довоенных времен. Правда, и грязи за этим буфетом за десятки лет набралось препорядочно...

Попадались и ещё более солидные люди. Однажды умаялся, обрабатывая четырехкомнатную квартиру в Соцгороде. Он никогда ещё не видел таких больших квартир. Её площадь, по рассказу домработницы, составляет 86 квадратов! В ней жил главный инженер одного из запорожских металлургических заводов, герой Соцтруда, и тэдэ и тэпэ. С ним проживали жена и дочь. Огромные комнаты были набиты красивой старинной мебелью, коврами и картинами. Пришлось очень крепко поработать...

Семёну нравилось натирать полы в ресторанах. Там порядок такой. В ноль часов работа с последними клиентами прекращается и парадную дверь запирают на засов. Быстро, минут за тридцать, персонал убирает со столов объедки, посуду и скатерти, затем оттаскивает пустые столы в первый попавшийся угол. В противоположном углу сдвигается три-четыре стола, куда выставляется не сожранная клиентами закуска, сваленная в большие банкетные блюда (получается некое хлевное ассорти), и из всех недопитых бутылок сливается воедино, в одну ёмкость, например, в десятилитровую эмалированную кастрюлю, водка,

коньяк, выдохшееся мочеподобное шампанское и креплёное вино разных марок. За стол садятся официанты, повара и средний командный состав в лице **завзалом**, барменов, швейцаров и каких-то бандюг, вечно тусующихся при каждом таком объекте социалистического общепита. Старший повар на первый раз поварешкой наливает в фужеры образовавшейся сизой чачи, и уставший за день ресторанный народ поднимает первый тост за хороший трудовой день, принесший приличные чаевые. Дальше все подходят к кастрюле самостоятельно и наливают спиртное по потребности, сообразуясь со своими способностями устоять на ногах. Кто чавкает холодной половинкой котлеты, кто пальцами засовывает в рот пригоршню салата, смешанного с вермишелью.

Там же идет делёжка наvara, заработанного за день. Годами освящено, что твёрдо установленная часть отдается заведующему залом. Утром он отдаст большую часть директору кабака, директор – отстегнёт директору треста столовых и ресторанов, тот – в управление торговли, руководитель управления отсчитает наверх в горисполком, а дальше ручейки поборов с ресторанов, таксопарков и прочих значных мест сольются и зафонтанируют в Киеве и Москве мощными денежными потоками, которые сделают большие дела в карманах партбоссов и министров... Но это уже не Сенькиного ума дело.

Удивительно, как следующим утром в десять вся братия чётко и бодро собирается в кабаке для новых трудовых свершений...

Пока товарищи полуночничают за сдвинутыми столами, Сенька натирает полы в свободном пространстве зала, а к часам трём, когда в конец упившуюся общепитовскую публику развозят по домам знакомые таксисты, переходит в ту часть, где только что пировали труженики профессии "чего изволите?"

В фирме "Заря" Семён познакомился и с Ванькой Петренком, который тоже подрабатывал натиркой полов. Стал от скуки заходить к Ваньке поболтать. Тот жил в **пээрзэвских** домах на

улице Ленина недалеко от "Дробиков" (Дом культуры паровозоремонтного завода имени какого-то Дробязко) в районе Малого Базара. У него сестра Танька, а к ней иногда забегает Манька. **Таньки-Ванькина** мать Катька работает, когда есть настроение, кондуктором в трампарке. Катька и Фроська, мать Маньки, живут в соседнем подъезде, но на разных этажах.

Так вот эта самая Мария как-то пришла, когда Сенька сидел у Ваньки и попил с устатку водочку да под селедочку. Маня зашла, нервно засмеялась и спросила, не помешает ли. Мужики решили, что не помешает. Пить было что, а телевизора у несостоятельного Ванька не было, поэтому диктор не мешал. Мария взяла гитару с понтом чего-нибудь сбачать. Но только побренчала чёрт-те что.

Пили тогда крепко, так что на следующее утро Семён проснулся в соседнем подъезде на Манькином диване с весьма тяжёлой головой. На столе дымилась огромная кастрюля борща с жирной курицей, предусмотрительно сваренного будущей тещей. Куриные конечности аппетитно высовывались из шестилитровой алюминиевой ёмкости. Пока опохмелялись, познакомились. Семён соврал, что здорово опаздывает на работу, и трудно пошёл домой досыпать. Мане пообещал как-нибудь зайти.

Через неделю чёрт его дёрнул опять припереться к Ваньке Петренке. Танька решила поспособствовать развитию событий и сбегала за Маней. Снова посидели капитально. Оказалось, что у молодой женщины трудная судьба.

Она два года назад попёрлась на целину. Вышла там замуж за какого-то прибалта, одарившего её фамилией Драксис. Год назад в марте муж Марии Виктор поехал трактором в соседний совхоз, а это более полста кэмэ по степи. Внезапно задуло, весеннее солнце спряталось и зима вернулась. Начался снежный буран. Механизатора занесло и сбilo с дороги. Через три дня всё снова растаяло, и трактор с замерзшим Виктором нашли.

Потом он ещё с месяц лежал запертым в клубе "до выяснения",

пока по погоде не приехал следователь и не поставил точку над і. Маня каждый день ходила к клубу и смотрела на мужа через стекло.

После похорон она не выдержала трагических событий и вернулась в Запорожье к матери, предоставив более стойким комсомольцам продолжать освоение целинных земель.

Рассказ Марии расположил к ней Сеньку. Он же вообще человек добрый и доверчивый. Злоключения Мани он истолковал, как тяжелое жизненное испытание, которое остепеняет человека, его перенесшего. Ему стало её жаль, и он начал с ней встречаться.

Хотя де-юре Семён всё ещё находился в браке с Ниной, но переписка угасла и практически все связи оборвались. Казалось, что ничто не мешает Сеньке приволокнуться за Манечкой. Они несколько раз встретились, но потом выяснилось, что днями она уезжает в Днепропетровск, где учится на курсах стенографии. Короче, подошло время, и Сенька провёл её на автобус, отходивший от горсовета в Соцгороде на Днепропетровск. Договорились, что Семён приедет к ней на Старый Новый год.

Как и договорились с Маней, накануне Старого Нового года Сенька припёрся к ней в Днепропетровск. Конечно, к тому времени, ввиду решимости заняться личной жизнью, он бросил работу в ОРСе судоремзавода.

Маня снимала с подругами по курсам комнату на четверых в частном доме в районе Института инженеров железнодорожного транспорта (ДИИТ). Двухэтажный домик со стенами, отлитыми из шлака, ещё не был закончен, но хозяева сдавали комнаты студенткам, чтобы как-то заработать на стройматериалы.

Вечером все вместе сели ужинать, и Сенька понял, что есть в Днепропетровске девушки поинтереснее Мани, но джентльмен всегда раб им же выдуманных приличий, и он решил по сторонам глазами не стрелять, а уделять внимание только Марии. После

весёлой встречи Нового года погасили свет, и он, на правах ухажора, без всяких церемоний расположился с Маней на одной очень тесной кровати. Хотя, правду сказать, ночью было в комнатке довольно светло от уличного фонаря, и трём другим девушкам оставалось только притворяться, что они ничего не видят и не слышат. Среди ночи Семён встал по звонку и увидел, что все три девицы спят в очень смелом неглиже и с отброшенными одеялами. Был ли это смутный неосознанный сигнал ему подумать над возможным выбором, кто его знает, но такая мысль в голову кавалера приходила. Тем не менее, он остался джентльменом в нехудшем значении этого слова.

Так уж получилось, что, укрепившись в мысли продолжить отношения с Маней, Семён съездил домой и ошарашил маму сообщением о том, что по некоторым соображениям пару месяцев поживёт в Днепропетровске, где, возможно, найдётся приличная работа. Хотя и мама и Сенька твёрдо знали, что никакая мало-мальски уважаемая работа ему не светит. Мама вновь потерянно покачала головой, но ничего не сказала. Вообще она была чрезвычайно тактичным человеком, что шло Сеньке во вред, так как скажи она иной раз суровую правду, и он бы многих **загибов**, вероятно, избежал...

Сообразив через месяц, что Мария беременна, Сенька решил, как говорят в народе, сойтись с ней и попробовать организовать семейную жизнь на началах гражданского брака. В том же доме, где она с подругами снимала угол, они сняли отдельную комнату и начали совместную жизнь. Семён, правда, поставил ей шутовское условие родить только девочку. Если родится мальчик, то он будет свободен от продолжения с ней отношений.

По его пацифистским понятиям мальчик – великая проблема родителям. То с войны его жди, то с тюрьмы... Другое дело – девочка. Если что и не сложится, то с прибылью вернётся, в подоле принесет... Куда? Домой... Правильно! Вместе всё и

переживем...

В Днепропетровске ещё весной Семён начал посещать местное областное литобъединение, которое оказалось более мощным и квалифицированным, чем запорожское. Его приняли хорошо. Осенью посвятили целое занятие разбору Сенькиных стихов. Общее мнение было поставить рукопись в план на следующий год, то есть издать поэтический сборник. Сенька обрадовался, начал усиленно работать. Областная "Зоря" напечатала несколько его стихотворений. (Только через год Серба узнал, что его сборник был зачем-то направлен на отзыв в Запорожское литобъединение и попал на глаза Пэтру Пэру... Поскольку запорожские литераторы своего издательства тогда не имели, а поминутно просили своих "старших" днепропетровских товарищей, уже давно имевших и издательство, и отделение Союза писателей Украины, пусть погреться, то негативный отзыв сотоварища по литературному ремеслу партийца Пэтра Сеньку не удивил)...

Для Семёна октябрьское заседание литобъединения оказалось последним, так как через неделю они с Маней поехали в Запорожье, поскольку приближалось время рождения ребенка. Сенькина мама встретила их по-доброму.

Итак, главное событие прошедшего года – рождение дочки Натальи. Это произошло 8 ноября. Когда держишь на руках своего первого ребенка, понимаешь, что это одно из главных дел твоей жизни. Поскольку Мария выполнила вздорное Сенькино условие (родить только девочку, иначе разбегаемся), то ему пришлось продолжить эксперимент с их гражданским браком.

Наступило так знакомое всем советским папам и мамам идиотское время непрерывного поиска пеленок, прикорма, сосок, ползунков, ночного горшка и тэпэ.

Два других важнейших дела жизни, постройка дома и разведение сада, в условиях победившего всех нас социализма,

увы, практически неосуществимы...

Имя Семён выбрал сам. Просто по каким-то подспудным необъяснимым соображениям оно ему всегда нравилось. И нравится до сих пор. Мама Анна Николаевна одобрила Сенькин выбор имени. Маня тоже не возражала.

В конце года прошел очень громкий судебный процесс, в котором фигурировал очень уважаемый Сенькой и мамой Гольдман. Оказалось, что Абрам Моисеевич вступил в преступный сговор с главным инженером Днепропетровского лакокрасочного завода, и они стали гнать через магазин Гольдмана краску с большой примесью песка. А на Большом Базаре машину любой краски распродавали за полчаса. Её буквально сметали, так как дефицит на стройматериалы был жуткий.

Через недельку следующим рейсом Гольдман возвращал главинжу предыдущие накладные, которые менялись на другие, с заниженным количеством. Например, вместо восьми тонн (машина с прицепом) накладные переоформлялись на пять тонн (машина без прицепа). Вырученные деньги партнеры делили. Так они работали несколько лет. Семён улыбнулся, вспомнив, как Гольдман тактично отговорил его заработать на шкафах. Он тогда, выходит, уберёг Сеньку от затягивания воровством...

Поймался Гольдман элементарно. На полпути между Днепропетровском и Запорожьем есть забегаловка, кафешко, называемое шоферюгами "У тёщи». Гольдман любил там попить чайку. И не обратил внимания на то, что хотя в автохозяйстве ему часто дают разные машины, но шофёр всё время один и тот же.

А разгадка была в том, что когда Гольдман уходил в кафешко попить чайку и поесть вареничков со сметанкой, то шофёр всегда отказывался, оставаясь в машине. Там он вынимал из папки Гольдмана фальшивые накладные и перефотографировал их. Через четверть часа они продолжали путь, болтая о том, о сём.

Так продолжалось более года. Благодаря аккуратной работе шофёра – Павлика Морозова, преступники были изобличены. Главинж получил вышку, а Гольдман пятнадцать лет. Сенькина мама искренне плакала, когда его посадили.

Папа часто писал длинные, умные письма. Видно было, что ему в далёкой Австралии очень непросто, да и тоска по Родине животина кусочная.

В маленькой комнатке коммуналки четверым надо было очень исхитряться, чтобы просто разместиться на ночь, не говоря уже о нормальной жизни.

Семён стал крепко попивать, часто домой буквально приползал. А почему? Да просто работа попалась такая провокационная. Неправедные деньжата сами прыгали в карман.

Уже несколько месяцев Семён продолжал работать на гормолзаводе экспедитором. Работа непыльная, с приключениями. Экспедиторы-грузчики для ночного развоза молока по магазинам города всегда были в дефиците, и устроиться на такую работу даже с приговором Серпов было нетрудно...

Работали через день по 12 часов. Официально с 8 вечера до 8 утра. Постоянный шофёр Коля заезжал обычно перед сменой за Сенькой и Андрюхой – старшим экспедитором. И добравшись до гормолзавода, машина становилась к рампе в очередь под погрузку. Если не удавалось приехать пораньше, до начала смены, то обычно загрузка затягивалась часа на два-три, а то и до нуля часов.

На бортовой “ГАЗ-53” загружали по 35-38 фляг (бидонов) молока, 7-8 фляг сметаны и ящиков 10-15 кефира и ряженки в бутылках. Один из экипажа, обычно Сенька, как младший по званию, трясся наверху, чертыхаясь на негостеприимных алюминиевых флягах-бидонах. Там, конечно, приходилось как-то устраиваться, чтобы задница не оказалась в синяках.

Набрасывали несколько листов картона, пару старых фуфаек-телогреек, зимой помогал дебелиый вохровский полушубок. Благодаря тому, что борта машины были наращены досками, то ни выпасть из кузова, ни растерять “диван” не получилось бы.

Затем уверенно выезжали за заводской шлагбаум и растворялись в темноте ночи. Закреплённые за экипажем 7-8 магазинчиков на окраине можно было объехать и обслужить вообще-то часа за три. Но жизнь диктовала иные обычаи.

Так в чём состояла **хохма**? Подъехав к одному из закреплённых магазинов, бойцы молочного фронта оставляли согласно заявке под ответственность сторожа пять-семь фляг молока, флягу сметаны и два-три ящика ряжанки-кефира, а в обмен забирали оставленные девочками молочного отдела пустые фляги и уматывали в ночной мрак. Попетляв для уверенности, что нет никакого “хвоста”, в переулках окраинных посёлков, машина подъезжала к какой-нибудь укромной водоразборной колонке, благо их до черта располагалось на пересечениях малоосвещённых крепко спящих улочек. Быстро, как в шпионском фильме, набирали в пустые фляги воды, оставив зачем-то одну пустой, и отъезжали на несколько километров за город, тихонько съезжая с дороги в подходящую лесопосадку. Для порядка обходили местность в радиусе метров сто, убеждаясь, что под деревьями нет легковушек с разомлевшими любовными парочками, случайные свидетели кому нужны?

И когда всё складывалось благополучно, начиналось самое главное в ночной **операции**. Трио взбиралось в кузов. Андрей доставал из кучи тряпок в своей рабочей корзине мерную литровую алюминиевую ёмкость на длинной алюминиевой же ручке и самострочную холщёвую торбу с чистыми тряпками из ветхих простыней. В той же торбе Андрюха возил и товарные бирки на сметану и молоко, **хапнутые**, сколько ухватила рука, пока он заговаривал зубы девочке из ОТК гормолзавода. На бирках из непромокаемой клеёнчатой ткани уже стояли лиловые штампы

ОТК и висели свинцовые пломбочки на прочных льняных нитках.

Теперь начиналось само действие. В пустой бидон из любого полного отбиралось шесть литров молока, а на его место вливалось шесть литров замечательной водопроводной воды. Затем отбиралось шесть литров из следующего полного и так далее. В результате первого этапа получалось 5-6 фляг молока как бы из ничего.

Аналогично из 5-6 бидонов стандартной 30-процентной сметаны получался один бидон “левой”. Правда, сметану разводили не водой, а молоком.

– *Сенька, внимательно вешай бирки, не перепутай сметану с молоком!* – Тихонько инструктировал коллегу Андрей, рационально расставляя бидоны в кузове.

– *Всё! Абгемахт! Заводи!* – Негромко командовал он Кольке, забираясь, наконец, в тепло кабины. Сенька плотнее запахивал полушубок, устраиваясь на бидонах. Теперь экипаж может приступить к основной работе – развозу молочных продуктов.

Идёт рутинная – подъезжают к магазинчику, сгружают по заявке несколько бидонов молока, один-два сметаны и сколько надо ящиков фасованной продукции. В условленное место или сторожу оставляется накладная на товар. “Левую” сметану и молочко оставляют у одного-двух магазинов, где работают дружественные девочки, имеющие свою долю с ночного гешефта.

Утром, в семь, после того, как “свои” девочки появились на работе, машина молочников снова тормознула у нужного магазина и в укромной подсобке произошёл расчёт за “левый” товар. Там же отоварили бутылку водяры и колбасно-сырную закуску.

– *Андрюха! Сколько сегодня?* – Лениво спрашивает Сенька.

– *Неплохо! Как вчера – 96 рэ.*

– *Тогда погнали за город, а то уже восьмой час...*

Коля гнал пустой грузовик на приличных скоростях, так что вскоре машина уже осторожно съезжала с шоссе в гостепримную

лесополосу.

Пока Коля возился под замком зажигания, подсоединяя к спидометру самодельную “крутилку” на батарейках, включал её и под комариное жужжание **приспособухи для подкрутки спидометра** нарезал колбаску и сыр, готовя “завтрак”, Андрей вынул несколько грязных купюр, в основном десяток, пятёрок и трёшек, и начал делить добычу.

– *Так, хлопцы, слушай доклад верховного главнокомандующего. 96 минус 11 на закуску. Теперь выдаю премию. Мне и Коле по тридцатнику, Сеньке, как молодому бойцу, 25. Возражений не будет? Добрэ!*

Сенька сунул мятые банковские и кредитные билеты в нагрудный карман пиджака. Надо же! 25!

При месячном заработке в 120-130 рублей, иметь по 25 в день... Ого-го! Помножим на 22 рабочих дня. Не хватает воображения представить. А уж водила Колька, так просто Ротшильд – подкрутка километража на спидометре давала возможность списать намного больше бензина, загнав который нужным людям Николай получал ну очень серьёзные **башли!**..

Понятно, что завтрак на траве в лесопосадке после нелёгкой колготной ночи приводил к тому, что Андрей и Сенька, оприходовав бутылку тёплой водяры, соответственно теряли спортивную форму, и их часто развозило в косую линейку.

Днями “Индустриальное Запорожье” напечатало заметку в рубрике “Родимые пятна”. Там описывалось, как в одном из гастрономов в центре города бдительная старушка раскрыла крупное хищение социалистической собственности. Написано было примерно следующее.

Придя утром в промаг и честно отстояв очередь, бабулька привычно подала продавщице полулитровую баночку и попросила отвесить, сколько поместится, сметанки.

Румянощёкая девуля налила половником сметаны из открытого

бидона и поставила баночку на весы.

– *Четыреста пятьдесят! Оставить?*

– *Оставь, доченька!..* – Согласилась покупательница и добавила. – *И бутылочку кефира, как всегда!*

Продавщица мило улыбнулась, взяла из стопки нарезанной бумаги верхний листочек и накрыла им стеклянную баночку со сметаной. Из добрых побуждений, от пыли...

Рассчитавшись, бабушка сложила покупки в сумку и пошла в хлебный отдел...

Дома, готовя завтрак, гражданка сняла бумажку с баночки и обнаружила, что на оборотной стороне бумажки что-то написано от руки химическим карандашом. Оказалось, что это записка с интригующим содержанием: *“Лушка, сметану не колоти, я уже переколотила! Эля.”*

Возмущённая старушка позвонила в ОБХСС, там всё поняли, и вскоре приехал работник за удивительной запиской. Полстакана недоеденной сметаны пришлось бабушке пожертвовать на экспертизу.

Так благодаря бдительности пенсионерки удалось раскрыть крупное преступление по хищению народного добра...

Слава богу, пострадал не Сенькин экипаж, а менее удачливые коллеги из другой смены...

Однажды в марте Сенька, совершенно отравленный и больной, болтался утром после ночной смены по Южному вокзалу, где его высмотрели какие-то **жуки**. Они отвели Сеньку, невменяемого, в плавни в сторону спортбазы "Волна" и, хорошенько **отметеляв**, бросили под откос шоссе. Ближе к обеду он прочухался от холода и с удивлением обнаружил, что валяется в грязи без сапог, без рабочей фуфайки и без меховой поддевки от отцовской куртки, которую поддевал в холодное время при развозке молока. Ничего не было жалко, а вот поддевка, подарок отца... Как он ещё при этом серьезно не простудился! Но выводов, отлежавшись, не

сделал...

Через неделю его в такой же ситуации, косого в дребодан, припахали на том же Южном вокзале мильтоны (наверное, проспал свой Малый Базар и трамвай довёз его до последней остановки, где он, вытолканный на поворотном круге из вагона, добрёл до вокзала и неприлично улегся отдыхать на привокзальной скамье) и так здорово отметеляли резиновыми дубинками, что он, едва малость оклемался, с трудом сумел добраться домой. Точнее сказать, не добрался, а приполз домой поздним утром. Тёща открыла дверь, впустила. Затолкала в ванную помыться и вдруг как заорёт. Все вскочили - жена, дети. Глянули на Сенькину спину, а она вся в кровавых полосах... Менты отделали ночного передовика производства на совесть, "под зебру". Потом тёща не один день отмачивала и смазывала мазью Вишневого синяки на спине... В УССР тогда резиновые дубинки только ввели в порядке наведения порядка из-за возросшего хулиганства.

Сенька разозлился на свою несчастную бессмысленную жизнь, снова потерял паспорт и очень натурально описал в заявлении в милицию, как его по пьяни ограбили. Для правдоподобия, он через неделю анонимно выслал в милицию свой паспорт, хорошенько растоптанный им же грязными ботинками. Семёну паспорт, естественно, тут же заменили.

Сенька задумался. Жизнь становилась бессмысленной и опасной. Пора было останавливаться, иначе распад личности был гарантирован. Он понял, что надо прервать шальной деньговорот, это грязное, хотя вроде бы и мелко-пакостное молокодоение. Галка Хлопонина как бы почувствовала его состояние и прислала очередное мудрое письмо.

Сенька очень ценил её эпистолярное искусство и не выбрасывал такие письма, считая, что когда-нибудь они многое

расскажут исследователю нынешней эпохи.

“Здравствуй, Сенька!

Несмотря ни на что я очень обрадовалась твоему письму. Потому что воспоминания детства и юности нам всего дороже. А я никогда не забуду, а иногда (в последнее время я была свободна - то в больнице, то в санатории) всё вспоминаю и рассказываю подругам, какой ты был хороший и как я тебя любила.

Ты спрашиваешь, как я отношусь к хищениям в торговле, и надо ли стыдиться мелких “проделок” в этой сфере. В торговле (с точки зрения обывателя) все воруют, большинство воруют по закону - или корыстно не нарушая законы, или криво исполняя законы. А некоторые оказываются осужденными по закону. Но тот, кто не ворует никак, тот не может прижиться в торговле. И если ты не хочешь воровать, то нечего тебе там делать.

А я стала заниматься социологией. Сейчас я второй год учусь на социологическом факультете в Академии общ(ественных) наук при ЦК КПСС вечером. Весной закончу и хочу поискать другую работу, подороже. А то у меня долгов уже на 450 руб. Кто бы мне их с неба уронил!

А насчёт политики вот что я тебе напишу. Скупое. Я не верю в почту. Да, всё так, как ты и воспринимаешь. К вопросам власти, чисто власти, власти как таковой, как возможности расхлёстывать людей, я равнодушна. Политика – это вечное убийство. Без лжи никакая политика невозможна. Ложь меня не возмущает, не терзает, как например, платья на людях. Самое красивое платье уродливее самого обыкновенного человеческого тела. Но без платья нам холодно. И мы лжём, с большим энтузиазмом, надо сказать, по моде лжём. Теперь всё дороже становится информация, а остальные ценности блекнут помаленьку.

Мы живем с Володей дружно, на 12 метрах, свекровь отселили в хорошую комнату 13 метров с балконом в генеральском доме. У нас двое малышей 4 года и 2,5 года. Мальчик и девочка. Зарабатываем мы вместе 220 рублей. Володя, невзирая на то, что отец, пошел учиться в 7-й класс. Ребятишки на пятидневке. В воскресенье катаемся на санках. Игрушки, подарки, стирки.

Если увидимся, то скажу, что тут шепчут на ушко про политику. Я не изменилась в душе, такая же беспечная, нежная и влюбчивая, как и в девчонках. Очень непрактичная и дома, и на работе. По-настоящему ценю одну только радость, обыкновенную естественную человеческую радость и отдаю все свои ... (неразборчиво), и способности, и время – наше жизненное пространство – этой радости и всему что с ней связано, из чего она рождается, чем живет.

Муж немного меня не понимает в этом смысле, он не поэт. Он из арбатских хулиганов, отсидел 5 лет, очень нежный. Как могу, приспособливаю его к себе. Сейчас он открывает для себя радость познания, радость детства, радость свежего воздуха. Я хочу третьего, а он не хочет, и только подчиняется моим слезам. Если в августе со мной что-нибудь случится, то ничего. Государство воспитает.

С Риткой мы друзья. У неё проблема, никак не может произвести младенца. Брак у неё христианский по духу: исступлённая чистота и исступлённое мученичество. Квартира холодная и чистая как церковь. Ничто не нарушает, не вызывает улыбки. Мне очень хочется, чтобы она наконец понесла, и превратилась бы её квартирка в наш веселый телятник. Я раздобыла даже ей техническое руководство Р. Нойберта. Авантюры обожаю. Я вдруг стала издателем. Подробности можно только рассказывать. Мне очень жалко, что она не поёт, но она пожертвовала музыку своему Константину. Он талант – конструктор на работе, но не дома.

Она его не понимает, потому что не любит. Но она не может, не в силах любить кого-нибудь. Зато живет на 450 р. в месяц.

Ещё у меня две подружки не замужем, с комнатами, без родных. Не желаешь? Хороши обе, к тому же и добрые, и чистые. Какие у тебя прожекты? Или на остров Врангеля поедешь? Что ты хочешь? Брось ты политику. Это сплошной бандитизм. Обратись к людям, может, найдешь и увидишь хороших людей.

А я влюбилась! Хотя, быть может, и перед смертью. Но это тайна (любовь!). Правда, не в первый раз. Но всё равно дух захватывает, хорошо, и без всяких нарушений правил уличного движения. Просто сердце с сердцем разговаривает, а поступков никаких.

Нашла тоже выход, скажешь. А помнишь у Блока Адскую песню? Это о браке. Я тоже против собственности на женщину, а собственность на сердце и вообще невозможна, по крайней мере, она исключает любовь. Сердцу для любви нужна хотя бы иллюзия ощущения свободы. А в браке сейчас женщина – личное имущество мужчины. Мне не нравится. Но я люблю и очень люблю и этого Володьку. В нём есть что любить. Как же я люблю их одновременно? Это поймет поэт. Собственник, даже самый порядочный и деликатный, это не поймет.

Сенька, мне не хватает тебя в качестве друга. Я считаю нас близкими, и без тебя мне некому исповедываться. А ты? Я очень горячо к тебе относилась всегда, а ты вечно убивал меня своей холодностью. Неужели ты не чувствуешь, что мы с тобой и только с тобой – два рыбака и ловим в море житейском одну и ту же рыбку. Большую и маленькую.

Ну да ладно. Пиши. Все твои письма мне нужны и дороги. Права качать сейчас скучно. Советую травку зеленую или пушистый снежок, кефирчик (без всяких градусов) и беспечную улыбку. А потом и жизнь кончится. Останутся цветы после нас.

Галя.”

Сенька перечитал Галкино письмо не один раз. Какой-то процесс запустился в его голове. Вспоминались университетские годы, перспективы, мечты, разговоры... И, разозлившись на самого себя, неотвратно превращающегося в животное, он поехал в Соцгород, в городскую библиотеку, сел на любимое раньше, ещё в школьные годы, место у окна в третьем ряду столов и долго, не один час, писал ответ... Вышел из читального зала и медленно пошёл к конечной остановке трамвая уже почти в полной темноте.

"Милая Галка!

Спешу ответить на твое чудесное письмецо, оно меня несколько приободрило. Узнаю стиль друга.

1) Ты немного неправильно меня истолковала. Я никогда не стремился в отношениях с тобой хотя бы одним словом дать тебе какую-либо надежду как женщине. Ты совершенно права в том, что я отношусь к тебе, как к парню, и ценю лишь твой мозг, т. е. физически ты мне, увы, неинтересна. Но сложились у нас только такие приятельские отношения и я не планирую их переводить в желательное для тебя русло. Это - откровенность на откровенность, как и должно быть между друзьями. Если тебя это не устраивает после семи лет товарищества, то прости-прощай!.. Да и любовь по последним сексологическим данным имеет две стороны, эротическую и платоническую. Очевидно, что мы с тобой поклоняемся разным идолам. Где-то, кажись, в "Литературке" я недавно вычитал, что мы ещё слабо готовим нашу молодёжь к постельной стороне любви, отсюда и некоторые неурядицы в семьях и т. п. Особенно это касается девушек. Парни более реалистичны. А многие девицы очень щепетильны насчет постели. Чем не тема для социологического исследования? Конкретно, как безграмотность в сексуальном отношении и холодность женщин приводят к развалу семей, к снижению рождаемости, к нехватке, таким образом, рабочей силы и тэпэ, вплоть до

ослабления "нашего движения вперед"... Отсюда танцуй, сделай вывод об аполитичности таких женщин, с которых не мешает "строго спросить"...

2) Насчет цветочков тоже ты перевернула. Я их безумно люблю, но уверен, что затратив на них уйму времени и внимания, в старости не получу ничего взамен. А как хотелось бы, когда подойдет час умереть, чтобы цветочки искренне всплакнули над тобой!

3) У тебя диалектическая логика, чего я не принимаю. Ты укоряешь за отсутствие якобы любви к детям и в то же время, как мы оба прекрасно понимаем, предлагаешь столько вариантов их бросить ради Москвы.

Итак, ответь мне без выкрутасов, что лучше, Москва или дети? Кроме того, я бы предпочел второй вариант, вот только тётка Манька мешает. А вообще, это практически невыполнимо, даже если бы я согласился с твоими сказочками. Стало быть, и время на обсуждение таких вариантов тратить не надо.

4) Куда я уеду и что буду делать, выяснится через месячишко, т. к. я никогда заранее не намечаю плана действий. Сейчас я должен быть здесь, так как надо закончить много всяких малоприятных дел...

5) Высылаю фото. Это лето ещё 1960-го. На нём твой друг – безработный.

6) Толку с того, что у нас может оказаться общее мировоззрение. Надо надеяться, что у нас обоих оно – "научное". Но ты философствуешь на досуге, а я от собственного бессилия чувствую неполноту жизни. Скорее всего я прагматист. Я считаю, что человечество бесперспективно. И вот в каком смысле. Мы живём, зная, что каждый смертен индивидуально. Но утешает мысль, что останутся дети, а из них ещё дети и тэпэ. Далее. Есть вера в бессмертие человечества как совокупности, как носителя разумного духа.

Дескать, пусть даже солнце погаснет, пусть любые несчастья грянут, но человек расселится по Галактике, спасая и расселяя свою сущность...

Так что, с одной стороны, дёргаться особенно вроде бы не стоит, а с другой стороны, если не упираться, так как же добиться расцвета науки и личности, чтобы вырваться на просторы космоса?..

Наверное, можно быть ВСЯКИМ. Таким образом, двигать цивилизацию будет не конкретный многогрешный человек, а некая тенденция в лице человечества в целом...

Ладно, хватит трепаться. Мне скоро на работу в ночную смену. Пиши.

Твой бестолковый ненормальный Сенька. "

Не прошло и пары недель, как, зайдя на главпочтамт, Сенька получил ответ Галки Хлопониной и нетерпеливо разорвал конверт.

"Сенька! Ты нахал!

Я, конечно, очень рада, хотя уже и перестала ждать твоего письма. Но ты – нахал!

Я никогда не мечтала спать с тобой в одной постели, хотя всю жизнь тебя люблю. Но ты этого слова не понимаешь, как и все жеребцы на этом свете. Меня всегда это оскорбляет, и так и будет до внуков и правнуков, и тогда эта старая карга будет любить и любить по-своему. А ты – дурак, и я тебя прощаю. Я тебя всегда прощала, потому что я – женщина, и любовь для меня – жизнь.

А что я в тебе люблю – это неизвестно. Ни тебе, ни даже мне. Но это несущественно.

Хорошо бы твои цветочки, когда подрастут и раскусят тебя, не поленились бы избить тебя, как следует, и оторвать тебе уши. За что? За твое отношение к женщине. Хотя бы плакатное. Ты представляешь, я и сейчас не верю, а может

быть, и никогда не поверю, что ты такой, каким притворяешься. Но почему ты боишься счастья? Чёрт тебя знает. Ты помнишь, как ты мне всегда улыбался? А я помню, я всегда помню тебя улыбающимся.

Ну, ладно. Всё это для тебя китайская грамота, и я даю слово больше никогда не повторяться.

Теперь о делах. Я – мирный и смирный обыватель, и чистого бланка трудовой у меня нет и негде взять. Социология – для заработка и для души. Упражнения на вольную тему в рамках данной системы. У тебя, что, есть другая? Другой системы не будет еще лет 200-ти в России. А в другой стране мне неинтересно. Я люблю и умру здесь.

Обещанная личная беседа – хорошо бы весной!

А и дурак же ты, если, как мне кажется, действительно совсем не любишь своих детей. Ты теряешь пол жизни. Я говорю не о времени, им отданном, а о любви. Времени мне тоже жалко.

Девочки мои – мои ровесницы, хотя и смотрят на закат, но обе по-старомодному "порядочные", т. е. любят порядок и общественное мнение. Некурящие. Одна живет одна в комнате, работает в проектной ин-те за 180. Другая живет в двух изолированных комнатах с тёткой вдвоем, работает в "Мосфильме" за 200, а с экспедициями почти круглый год я не знаю, сколько у неё выходит. По крайней мере, "случайно" ездит в экскурсии за 300 руб. в Среднюю Азию или в Карелию. Я таких денег, разумеется, и в глаза не видела. Денег я не люблю, и они меня тоже.

Ни в том, ни в другом варианте без "излишних обязательств" не обойтись. Обeim нужен ЗАГС и ребёнок, и то и другое обязательно. Без "дурацких предисловий" тоже не пройдёт. Если это для тебя невыполнимо, то говорить больше не стоит.

Есть ещё у меня на работе разведённая женщина. Молода и красива, с кулацким крепким характером, темпераментна, но строга. Живет в комнате с сыном 6-ти лет и матерью. "Ищет

мужа", но так, чтобы он её нашел.

Ещё есть одна женщина дальняя знакомая, у неё умер муж, пять человек детей, она моложе меня, работает няней в яслях. Живет в двух больших смежных комнатах. Её сестра работает со мной, держит её в руках, помогает. Та её слушается и во всем спрашивает разрешения. Анастасия, которая ею руководит, имеет строгую и жесткую до ханжества христианскую мораль.

Заинтересует ли это тебя? А вообще-то девочек в Москве полно.

Насчет почтовых ящиков. Я останусь лояльной. Если на конверте будет адрес какой-либо организации, то можешь рассчитывать, что я его передам, если хочешь, под расписку. Могу и справляться об ответе. Остальные нелояльные сношения – исключаются.

Безусловно, судьба жаждет борьбы, а мне-то всё кажется, ну почему-то кажется, что у нас с тобой одно мировоззрение. Вот-то будет анекдот, когда я наконец прозрею!

Да, ты хочешь прикончить какую-то парочку. Давай, кончай! Это я люблю! Жаль, что я почти не могу участвовать в твоей борьбе. Рамки лояльности и рамки порядочности – ты уж мне прости. Но откровенность – это открытость, т. е. приглашение войти. Ты должен это понять. Я хочу сделать всё, что смогу. Мне очень интересно всё, что ты найдешь у аборигенов. Но практика без теории иногда бывает слепа. Знаешь ли хорошо ты нашу систему и пути человека в ней? И кто тебя будет кормить в этих скитаниях? Мне интересно обсудить твой путь и твои занятия.

А ещё мне нужно какое-нибудь гнездо в лесу и с речкой на лето. Это с ребятами я мечтаю попасться.

Всецело мой С.! Приезжай! Я очень хочу тебя видеть. Смотреть и молчать. Этого удовольствия я не могу исчерпать. Галя.

(У нас можно переночевать с понедельника до пятницы)".

Не успев ответить, получил ещё одно письмецо от того же старого друга Галки Хлопониной:

“Здравствуй, Сенька!

Про любовь ты ничего не понимаешь. А точнее, понимаешь совсем не так, как я. У меня совсем другое деление. Но лучше не спорить, потому что её никто не понимает одинаково. Социологические (и практические) изыски в этих сферах, сферах воспроизводства человека, я проводила и, если пожелаешь, выдам тебе сотню-другую истин на эти темы. Но этот вопрос, к сожалению, отодвинут жизнью на второй план, и там ещё долгое время он будет оставаться.

А насчёт смены поколений мы смотрели кино (Ты ходишь в кино?). Там, так прямо и говорится, что всё наше тепло наши дети передают дальше, нашим внукам, а вспять – было бы противоестественно.

Дети наши уйдут, "наши" они очень условно. Из этого следует практический вывод: ответ можно найти только на своем (временном) уровне, и рассчитывать можно только на него. Пришли фото своих невест, а я тебе пришлю свои сокровища.

Логика моя не более диалектична, чем все мероприятия твоей жизни. (Сказать по правде, для своего личного пользования, я знаю очень мало реальных рамок жизни.) Я считаю, сколько человек способен в себя вместить, столько пусть и вмещает. Только жизнь – священна, а собственность – мрак.

Твоё "Москва или дети" – это не твоё и не из твоей оперы. Я просто очень хочу тебя видеть, а остальное уплывает из моего сознания. Но ведь есть же ещё море выходов, а если их нет – то ты их выдумашь.

Какие у тебя там проблемы, и как тебе не надоело? Я бы на твоём месте давно бы уже сбежала из этого города и приехала бы на родину в отпуск. Но жить всё время в таком спёртом воздухе нельзя. Ты теряешь время и жизнь. На фото ты старый и злой.

Но фото мне уже не поможет. В моём сознании ты прочно запечатлен в образе юного божества с бездонными, как пропасть, глазами и золотистым сверкающим телом.

Жаль, я не могу быть безработной, а то можно было бы иногда взглянуть на жизнь сверху вниз. Но на это лето я проектирую выезд на дачу с детсадом под Москвой, в Загорске.

Буду там ночной няней или ещё чем-нибудь. Для этого буду ловчить административный отпуск на работе. Как получится, ещё не знаю.

Мировоззрение у нас с тобой, конечно, разное. А что же не разное? Ведь что-то не разное? Ощущение жизни, чувство жизни, чувство живого. Я не знаю, но чувствую, что ты свой, или наш, как это назвать. Обречённость наша меня не огорчает. Почему?

В далеком масштабе я вижу принципиальные видовые изменения, дающие возможность (а по-твоему невозможные) перехода за нынешние рамки системы. Изменение тех черт, которые составляют наши современные границы. Я верю в силу мысли, потому что она нематериальна, т. е. в сути своей уже отлична от нас. С появлением мысли растаяла в бесконечности граница между материальным и идеальным. Ты знаешь, где кончается материальное и начинается идеальное? Этого никто не знает.

Но так же возможны и другие, принципиальные и немислимые сейчас изменения человеческого вида. Но это всё далеко от нас во времени. А сейчас нам дан короткий отрезок времени, и смысл жизни или задачу жизни я нахожу в том, чтобы пропустить через эту единицу времени как можно больше энергии, в моем

понимании – жизни, ощущений, движения жизни, радости, тепла и радости.

Ты говоришь "красивый обман" – как это плоско.

А меня волнуют эти чары неисполненной любви, несбывшейся мечты, светлой печали, мне они чувствуются самыми реальными из человеческих радостей. Почему они так властны над поэтами? За них я люблю и переписку Шоу, и Грина, и Пушкина, и Шиллера, и Верхарна. Мои любимые слова: неистомный, испуленно. Все поэты поэтичны лишь мечтой, грёзами. Но почему? Может это чувства будущего вида? Ведь самое сильное "несбывшееся" рождается не во сне, не в элегическом (попросту пассивном) созерцании, а в самой жестокой брани жизни, в круговерти, в трагедии. Когда жизнь кипит в избытке и переливается через край, превращаясь в смерть, тогда рождается поэзия. Поэтому я против обреченной безнадежности. Я не люблю "трезвых" пессимистов. Они уступают себя смерти без борьбы, без жизни. Они никогда не высекут в своей судьбе той искры, что рождается, когда жизнь и смерть сталкиваются лбами и исчезают, превращаясь в свет, в поэзию, ещё в что-то, чему нет названия. Но оно есть. Это третье состояние мне близко, оно живёт во мне, оно меня волнует больше всего. Нет, это не хождение по краю пропасти, и даже не само падение. Это что-то третье, оно не существует во времени (может быть, в нашем настоящем понимании), а высекается в столкновении. Оно реально и неизвестно. Оно властно зовёт человека, зов бездны, зов белого безмолвия, зов края света или "что там дальше?", за краем света.

Это жизнь и, на мой взгляд, это вершина нашей жизни, это будущее нашего вида. Но это не твоя верхняя клетка. Там принципиально другое измерение. Другие закономерности, и они будут нашими.

Мы будем скитаться по вселенной, но не так примитивно,

как мы сейчас это представляем, и как это происходит на Земле: экипаж, пассажиры, везущие с собой свою среду и прочее. Все будет в принципе не так.

А твоя платоническая любовь, которую ты мне приписываешь, меня всё-таки оскорбляет. Это такая грязь и ханжество, что мне хочется плевать и лягаться, как верблюду.

Ах, все это глупости!

Лучше приезжай, и я буду на тебя смотреть, и ты будешь меня дразнить, а остальное ерунда.

Мимо Москвы, я думаю, ты не проедешь, а при случае, может в Загорск завернешь.

Галя."

А послезавтра пришла небольшая дописка от Галки:

"Сенька!

Если ты не откликнешься, я напишу тебе интересную вещь. Мне очень хочется, чтобы ты очутился в Москве, а не за решёткой. Оторвись от этого дурацкого Запорожья, ничего там не жалея. Раз они не понимают тебя, зачем они тебе нужны? Завоеешь мир и придешь поцеловать свою родину родную.

Доченька не пострадает, по крайней мере не больше, чем сейчас она страдает от твоих неурядиц.

Откликайся! Хотя бы открыткой, чтобы я знала, что ты можешь получить моё письмо.

Жаль, я не знаю насколько прочно ты там застрял. Поговорить бы.

Галя."

И тут же следом, через день, развёрнутое письмо от Галины, приведём его без сокращений:

“Сенька! Здравствуй!

А нельзя ли как-нибудь свернуть эти твои "дела"? Нельзя ли договориться с этими добрыми дядями? Чтобы больше никогда их не видеть. Тебе надо любой ценой выбраться оттуда совсем, и начать всё сначала. Тут мне Алка обмолвилась в дружеской беседе, что регистрация брака ей необязательна. И она могла бы постоять за себя перед тёткой, с которой она живет. У Алки своя комната, но хозяйство её ведет тётка. Соседи все за Алку. Этому гнезду нужен позарез ребенок. Он ослепил бы их как ясное солнышко. А ты... Наверное всё-таки это не тот вариант. Сенька, если бы у меня была квартира, то ты бы скорей всего жил у меня.

Ты задыхаешься там вдали от интеллектуальной жизни и социальных движений. Москва – это столица интеллигенции, и ты должен быть тут. Без общих знаний об обществе (они обновляются, иногда полярно, каждые 5 лет) в провинции ты бесплодно растратишь себя. "Кипенье в действии пустом" сведёт тебя с ума. Нет пищи ни для ума, ни для сердца.

Хорошо ещё, твоё счастье, что упрямый кукурузник не даст тебе выехать. Там ты встретишь просто другую систему противоречий и никаких возможностей, кроме как продать себя в качестве пушечного или пластикового мяса. Здесь нет для тебя доброго небесного дяди, и там нету тоже для тебя лично ни одного благодетеля.

Роман тебе надо бросить. Тема устарела, морально. Объяснения будут в разговорах. Власть на местах и будет такой, пока она объективно подходит для производства. Вообще не связывайся с Западом, они ничем не лучше китайцев.

Потаскушка тебе, как ты знаешь по опыту, помочь не может. Недостаток ты испытываешь совсем в другой пище.

Самоубийство это некрасиво. Это ты поднимаешь руки и говоришь: "Я сдаюсь." Это по-азиатски, по-японски.

Дай себе зарок убиваться только в Москве. Обязательно попробуй этот последний шанс. Ты можешь работать ревизором? Дефицит, и берут часто без разбора. Ах, если бы ты был маленьким! Я бы тебя взяла на ручки, укачала и уложила спать. Ведь всё в самом себе! Этот лозунг как-то выдвинул один старый-старый дед, когда мы гуляли в прошлом году в апрельском Останкине. Мы там были с Риткой. Она без конца повторяет глубокомысленность, но не помогает.

Ты устал от бесплодной борьбы за деньги и за власть. Это надо выбросить на помойку. Когда их поучаешь, они грызут нас, как волки, изнутри, и человек сходит с ума или становится скотиной, что одно и то же.

И на Север погоди. Север - это тоже провинция, хотя и специфическая. Все хорошее там сосредоточено в рабочей скотине, которая двигает всё дело, в нижнем слое населения, там где пьянки, топоры и карты. Интеллигенция там (то бишь, дипломированные специалисты) – неинтеллигентна. Она не мыслит. Это просто дипломированные обыватели. Гниды. Тем гаже, что они образованные.

Слушай, Сень! То, что я в тебе люблю, всё-таки, в тебе есть. Тебе нужно сейчас очень много узнать, переварить, по-другому ты взглянешь на наше общество и увидишь другие пути борьбы, поумнее, потоньше, позффективнее. А иметь политического единомышленника – это очень много. Это – всё! На Севере ты не найдешь информированного круга людей. У меня здесь, правда, не ахти какое общество, но будет лучше, я вижу дорогу. И Москва есть Москва, здесь достаточно народу и кроме меня. Социальная борьба – это всё-таки то, что занимает меня больше всего, но у меня нет полноценного единомышленника.

Итак, Сень, твоя задача – выскочить из этого стакана затхлой воды. Как можно скорее. Твоя борьба с местными боссами не имеет смысла, поскольку она не агитационна. Ведь о

ней знаешь лишь ты один. Умнее было бы заключить Брестский мир, если это возможно с фактической точки зрения.

Торопись! Торопись!

Галя.

Пиши побольше и почаще, если есть время. Все пиши. Для меня нет запретных тем. Я люблю твои письма.”

Конечно, больше молчать, откладывая ответ “на потом”, уже становилось неприличным. Пришлось Сеньке пару выходных попотеть над солидным ответом. Сработало! Через недельку-другую получил ответ от Галины (с семейным фото) на своё более подробное письмо:

”Здравствуй, Сенька!

Посылаю тебе свое семейство. Полюбуйся. Не сердись на меня за то, что может быть я хвастаюсь. Ведь хвастаться мне нечем, дела мои не блестят, всё неустроено, долги растут и я наивно прячу сердце в радости любви и ласки. Но к сожалению – это не щит и не меч. А жаловаться тоже нельзя.

Так вот. Напишу тебе про Аллу. Алла – маленькая, чистенькая, очень добрая и очень лёгкая женщина. У неё лёгкий же общительный и живой характер. Любит смеяться, делать подарки, рассказывать хорошие истории, абсолютно беззлобна – это в ней основное. Заумь тоже не для неё. Она работает на Мосфильме по звукозаписи. Часто ездит в киноэкспедиции, а в Москве работает в неопределенное время суток, в зависимости от съёмок. Она любит рассуждения об искусстве, но ясности нет, и мы с ней ещё ни разу ни на чём не сошлись. Живёт с тёткой в двух комнатах. Комнаты расписаны на них порознь. Им бы обменяться на отдельную двухкомнатную квартиру, но некому заняться и похлопотать. Если уйдет тётка в другой мир, то одну из комнат они потеряют. Им надо, чтобы комнаты

стали (при обмене) смежные, тогда можно объединить лицевой счёт пока ещё есть тётя. Тётя эта ей не родная. Две сестры-еврейки (старые девы) удочерили девочку Аллу – тоже еврейское дитя репрессированных в 37 году.

Здесь она и выросла. Та сестра, что была записана матерью, умерла несколько месяцев назад от рака груди. Комнаты были записаны на них отдельно. Алла осталась в комнате матери, а тётка в своей, хотя хозяйство у них всю жизнь было общее, готовила и убирала всегда Эсфирь – нынешняя тётка. Родная мать Аллы жива. Алла навещала её в Казахстане, но не почувствовала в ней родню. У неё новая семья и взрослый сын. Ближе всех Алле всю жизнь была тетя Эсфирь. Это её самый родной человек и обрадовать, уважить тётку – это установить мир и благоденствие в семье. Угодить ей трудно.

Теперь о прописке. Как известно, прописка в Москве ограничена. Если брак записан, можно получить сначала временную, потом постоянную прописку. Если поступить в очное учебное заведение, как ты знаешь по своей истории, можно получить временную прописку.

Можно поискать и найти дефицитную работу с правом прописки. Например, ревизором в министерство или рабочим-специалистом. По трудоустройству есть здесь районные конторы, можно по ним побегать. Возможно, у них есть требования на рабсилу с пропиской. Вообще в Москве ежегодно увеличивается лимит на прописку, выдаваемый Моссоветом различным ведомствам и предприятиям, где не хватает работников. Надо знать, где. Вообще-то я не помню как следует своего письма и боюсь, что тебя не поняла. Конечно, лучше поговорить. Если поедешь в Москву на 2-3 дня, то выбирай так, чтобы это были понедельник и вторник. Приезжай для конструктивных разговоров и переговоров.

Галя.

Р. С. А если ты собираешься устраиваться вместе с женой, то удачнее, мне кажется, легче найти в Москве место сначала ей, где-нибудь в сфере обслуживания с пропиской в общежитии (там сейчас кое-где так берут). Детей пока оставить у матери, и в течение года как-то пристроиться.

Ну, приезжай, здесь кое-что разузнаешь. Например, усыновляешь вьетнамское дитя и если у тебя нет жилой площади, то тебе её дадут и немного приплатят еще.

Очень многого я не знаю, а ты знаешь. Можно пойти к платному юристу и спросить совета в полулегальной форме."

В конце мая он выбил отпуск и путёвку в турпоездку по маршруту Псков – Новгород – Пушкинские Горы – Ленинград. Всё это на двенадцать дней спецпоездами. Поездка оказалась чудной. Не подвела погода, а места – дивные. Величествен Псков с Кремлем. Фантастична поездка в действующий (а ведь Советской власти уже крепко за сорок!) Свято-Печерский мужской монастырь.

Экскурсовод рассказала душещипательную легенду о первом послевоенном настоятеле этого монастыря, вдохнувшем в него новую жизнь. Какой-то пскович, полковник, командир дивизии, в конце войны в ходе тяжелого боя попал в тяжелую переделку. Дивизия полегла практически полностью. Сам комдив оказался тяжело ранен и упал без сил в болоте, где разыгралась сия драма. Темнело. Он понял, что всё кончено и никто уже не придёт на помощь. Болото утюжили "Тигры", перемалывая наших раненых. В эти минуты полковник взглянул на небо и помолился Богу. Он вспомнил и прошептал "Отче наш", которому его выучила в детстве бабушка. И ещё он дал себе зарок, что если Бог услышит его и поможет выжить, то он свою дальнейшую жизнь посвятит Богу.

Бог услышал молитву комдива-большевика. Какой-то недобитый солдатик, проползая осокой в сторону своих, услышав стоны, перевязал и потащил товарища комдива за собой. У него

хватило сил и хитрости добраться до переднего края, свалив бездыханное тело командира в наш окоп.

Когда полковник очухался в госпитале и комиссовался в гражданку инвалидом, его пригласили в райком и предложили серьезную партийную работу. Он, к удивлению большевиков, отказался, пояснив, что вернулся к вере в Бога, намерен сдать партбилет и пойти в монастырь.

Тварищи посоветовались. Как раз стоял вопрос о наведении порядка в Свято-Печерском монастыре, который недавно освободила Красная Армия. Дело в том, что до войны эти края были уже за границей и монастырь считался очагом антисоветской активности польской и немецкой спецслужб. Теперь его надо было брать в ежовые рукавицы.

Так что райкомовцы очень обрадовались и решили использовать полковника для пользы дела, направив его в монастырь настоятелем. Тогда это делалось просто. Вызывали, куда следует, церковное начальство и говорили, кого кем назначить. А партбилет ему оставили. Ты, мол, человек партийной закалки, так и будешь там линию партии гнуть.

Теперь настоятель монастыря человек уважаемый и в церковной среде, и в миру.

Второй пункт Сенькиной поездки – Великий Новгород. Он плохо запомнил его достопримечательности. Засел в памяти лишь прекрасный памятник Тысячелетию России. Затем двое суток туристы провели в древнем монастыре на берегу Ладоги. Так прошла половина маршрута.

В Пушкинские Горы – родные места великого поэта прибыли автобусами 5-го июня, накануне очередного дня рождения Александра Сергеевича... На следующий прошел скромный праздник на открытом воздухе, прямо на берегу Сороти, вечером, при огромном стечении местного народа и московских маститых поэтов.

На следующий день с утра Семён гулял по парку, воображая, где здесь Саша ловил юных дев, где сидел на скамейке с няней, где купался в пруду или кропал стихи.

После обеда поплёлся с экскурсией сначала в Тригорское, а затем в Михайловское. Там познакомился с милой девицей, розовощекой пышкой из Мелитополя. Вскоре они уже топали вместе. Как-то так вышло, что парочка отстала от экскурсии и пошла домой сама. Вскоре стемнело, и экскурсанты находили полевою дорожку чисто интуитивно. Вокруг громадились черные леса, которых вроде не было днем, когда их сюда подвозили автобусом.

Спасибо, через часок сзади над лесом выплыла огромная луна, поскольку было полнолуние. Она превосходно осветила ребятам дорожку. Вскоре они устали и, быстро уговорив друг друга, залезли поспать в копну душистого сена. Конечно, Сенька хотел большего, но девчонка оказалась упрямой и кусючей. Однако она разрешила крепко её обнять, и так противоестественно непорочно они и уснули, оплетая друг друга сонными руками. Проснулись часов в десять, продрвав глаза, побежали на турбазу в Пушгорах, где выпросили в уже закрывшейся столовой свои завтраки. Разошлись, не оглядываясь, понимая, что недостаточно интересны друг другу.

Семён бесцельно побрел по двору турбазы. Навстречу ему попала молодая симпатичная учительница с двумя десятками старшеклассников, беспомощно озирающаяся вокруг. Естественно, джентльмен оказался на расстоянии протянутой руки. Разговорились. Она из Ленинграда, привезла семи и восьмиклассников на трое суток в палаточный поход. Но не знает, где здесь можно купить поесть. Сенька показал ей столовую и провел до места. Подождал, пока она договорилась с кухней купить отварного мяса и хлеба. Остальные припасы у них были в рюкзаках.

Ещё выяснилось, что у них нет карты окрестностей, и они не

умеют ставить палатки. Семён, как опытный путешественник, вызвался помочь. Всё равно его группа до вечера будет на экскурсиях, то что одному болтаться по турбазе?

Он посоветовал им пойти в сторону от Пушгор вдоль Сороти километров на пять и разбить лагерь. Учительница, назовём её условно Элей, не находила подходящих слов благодарности. Вышли с Сенькой во главе красочной шумной толпой. Короче говоря, Сенька вернулся в свою группу через два дня, понимая, что его уже ищут, зато эти замечательные двое суток шёл обложной, монотонный, развратный, тёплый дождь...

Кроме того, Сенькина бессмысленная “семейная жизнь” фактическим браком с бестолковой Марией и гнусной дремучей тётцей теперь, когда он оказался в окружении красивых и уверенных в себе девушек из торговли, начала видеться в ином свете. Он не растерялся и с ходу закрутил уже серьёзный роман с одной милой Тamarой, завотделом крупного гастронома на остановке “Победа”. Ей 24, всё при ней, включая большую уверенность в себе, материальные возможности и страстное желание покончить с вольным торговым образом жизни и пойти в корень. Её не смущает то, что у Семёна ребёнок и какие ни есть, но обязательства перед Маней. Тома чем-то напоминает Ниночку модели 1956-го года.

И где она теперь, Сенькина студенческая жёнушка, всё ещё в своём холодном Ленинграде? Между прочим, Нина до сих пор с Сенькой не разведена, у него в паспорте она забита законной женой. Ситуация...

Истёкший год поражал своей нелепостью и бессмысленностью. Было так. Сначала Сенькина маман в январе месяце прошлого года каким-то чудом получила в районе Дубовой рощи, буквально на территории пристани на берегу Днепра в домах судоремзавода, долгожданную двухкомнатную квартиру. Это за её почти

сорокалетнюю безупречную работу на запорожских водников при всех режимах. Сенька, конечно, тут же припёрся туда с дитём и Маней. Мама приняла её стоически, прописала, но через пару месяцев стало ясно, что молодая жена не просто неряха, а патологическая засранка. Горы невытой посуды, завалы нестиранных пелёнок и белья, занудные ежевечерние сцены и разборки из ничего. А. Н. терпела-терпела, а затем стала всё это регулярно показывать Семёну, “обращать внимание”, так что ему непрерывно было стыдно за то чудище, с которым он заставил маму на старости лет разделить так трудно доставшийся кров.

Закономерно, что в августе Сенька разругался с Марией, и она гордо удалилась в сторону Малого Базара, утащив в пику ему и Наточку.

Он не долго горевал, так как вопрос созрел, и в сентябре предложил своей одногруппнице Тамаре переехать к нему. Та не колебалась и через неделю-другую появилась пред Анной Николаевной с двумя огромными кофрами и массой всяких пакетов и узлов поменьше. Семён познакомил Тамару с мамой и с удивлением через пару часов уяснил, что эта кандидатура оказалась мечтой мамы, и женщины сразу нашли много общих тем и интересов.

На радостях распили бутылку шампанского, и поздно вечером пришло время честно лечь спать. В отличие от прежней малосемейки по улице Анголенко, дом 7, квартира 8, где Сенька сгорал от стыда перед мамой, бабушкой Фросей и столичной женой Ниной на 14 квадратных метрах, новая мамина квартира казалась дворцом Шехерезады. В одной комнате (спальне) великодушно заперлась А. Н. с бабусей, а большая была предоставлена молодым. Признаться, Тамара сделала постель так и такую, на каких Сенька никогда не **лёживал** в жизни. Дорогие накрахмаленные простыни и аромат неслыханных духов дурманили и манили. После ванны они с Тамарой кинулись в

объятья друг друга, поскольку до этого никаких постельных утех между ними ещё толком и не было. И получилась распрекрасная ночь.

Однако на следующий день Семён посмотрел на всё более трезвыми глазами и задумался о том, как будет выкручиваться из ситуации. И постепенно за неделю-две его вначале бешеные чувства к Тамаре стали меркнуть и остывать. Возможно, Мария побежала ко всяким бабкам и те напустили туману и сглазу. Но так или иначе, интерес к Тамаре пропал напрочь, и Сенька даже ушёл из дому и стал жить у давнего знакомого, Сашки Гаманца.

Они, хочешь не хочешь, виделись с Тамарой на лекциях, Сенька очень переживал, видя её проплаканные глаза, не раз его встречала в вестибюле мама и пыталась образумить, но пересилить себя он не мог. Не перевесило и сообщение о том, что Тамара беременна. Мама даже предъявила сыну ультиматум - её Тамара устраивает, она её пропишет и порекомендует ей родить. Может быть, когда-нибудь Сенька опомнится, дурь пройдет и всё устроится.

За две недели до Нового Года он всё-таки поддался на уговоры, вернулся, Тамара и мама обстирали его, привели в порядок, откормили и стали готовиться к празднику.

31-го вечером сели за стол, выпили и налили по второй.

Вдруг раздался звонок и все посмотрели друг на друга. Мама заговорщицки прошептала, как шептала всю жизнь, чтобы Сенька и Тамара молчали и не открывали. Через минуту на площадке поднялся скандальный визг и захлопали двери соседей, зацыкавших на кого-то. Всё стало понятно. Сенька вздохнул, оделся и пошел к выходу, говоря маме и Тамаре, что сейчас разрядит обстановку и вернётся.

На лестничной площадке оказалась орущая Мария с **укушанным** дитём на руках. Когда Семён вышел на площадку, она стала орать высунувшимся из всех дверей соседям, что её

выгнали с дитём и ему, то есть, Семёну нету сраму. Народ усталился на негодяя во все глаза. Затем Маня стала нервно дергать Наточку за шарфик и ребенок заорал благим матом. Семён схватил талантливую мать под руку и быстро повёл вниз по лестнице, стараясь увести на улицу. В конце концов, это ему удалось.

На воздухе Сенька пытался дотащить скандалистку до трамвайной остановки и посадить в трамвай, ходивший туда-сюда от пристани до площади Свободы. Но, как назло, последний трамвай уже ушёл до следующего, Нового года. Пришлось взять дитё и тащить полтора кмэ до этого самого майдана Воли. Затем взяли такси и поехали на Малый Базар в тёщину малосемейку. Там пришлось присесть и выпить рюмку, которая оказалась коварной - утром Семён проснулся в обществе любимой гражданской жены Манечки и не менее дорогой старой ведьмы Хроськи.

Так он оказался снова на их цепи, и вот уже пять дней думает, сможет ли снова вырваться на свободу. Перед мамой и Тamarой предельно стыдно, но вроде бы интересы ребёнка диктуют необходимость принять всё как есть. Хотя отцовство проснётся в нём нескоро, хорошо если к сорока годам, да и проснётся ли вообще, учитывая казацко-бродяжную породу пращуров.

24 февраля. Вчера время провели более чем весело. Вышло так, что в прошлое воскресенье Семён потащился на толкучку и там встретил старого знакомого Наума Храца по кликухе Хряц, которого знал по городу уже лет пять.

Уже забылось, когда и кто их познакомил, но Сенька отлично помнил, как однажды в 61-м шел **по Ленина** в сторону старого почтамта на углу улицы Грязнова, и вдруг около, прямо у ноги, тормознуло такси, и его позвал сияющий улыбкой Ньюма. Зачем Сенька был ему нужен, осталось невыясненным. Скорее всего, чтобы покрасоваться перед водителем. **Хряц** спросил, знает ли Сенька, что с сегодняшнего дня ходят новые деньги?

Семён сказал, что знает, но ещё новых не видел. Ньюма гордо вынул пачку красивых рублей, сноровисто и с любовью отодрал банковскую бандероль и подарил Сеньке хрустящий рубль. Он тогда зачем-то подвёз Семёна до своего дома (третий дом от угла улицы Грязнова по улице Михеловича, официально - Горького), пригласил Сеньку в свои апартаменты, состоящие из трёх комнат большого одноэтажного старинного дома, где Наум проживал с мамой, старой носатой еврейкой хищного вида, из настоящих серпоклювых, подозрительно Семёна осмотревшую. В тот первый раз Наум Михалыч угостил Сеньку хорошим коньяком и расспросил о житье-бытье. Встреча окончилась ничем, возможно, Семён не вызвал у Ньюмы утилитарного интереса.

Разве что Ньюмина мама всё-таки сумела встрять в их разговор и похвастаться тем, как на заре советской власти “встречалась” с тем самым Теодором Михеловичем, именем коего названа была в 22-м году улица, где проживают они с Ньюмой. Сенька с удивлением узнал, что этот самый Михелович в 1918-м возглавил Александровский Совет рабочих и прочих депутатов, а заместителем ему от Гуляй-Польской Федерации анархистов достался Нестор Махно – анархисту выпало исполнять “грязную” должность председателя “военно-революционной комиссии”...

*- Тодик был такой галантный, целые охапки сирени наламывал мне в Городском саду... Но твой будущий папа, Ньюмочка, был хоть и не такой галантный, но зато такой умный. Он от этих задрипанных **большевичков** держался за версту, потому что врач, а не какая-нибудь шантрапа пролетарская...*

*Мы и тогда жили в этом особняке, но у нас было не три комнатки, как теперь, а весь дом – четырнадцать комнат! Этот домик твой дедушка Эфраим построил на свои кровные, потому что он портняжил, как бог... Я ведь из знаменитой портновской династии Шнайдеров! Так **шоб** ты знал – у Эфраима Шнайдера весь Александровск **обшивался!**..*

А с Мойшей Михеловичем дедушка учился в Первой гимназии... Они были отличники!.. Тодику жизнь перепартачил Йоганн Леппик, ненормальный психопат, дрэк из эстонцев, в политику заманил, жизнь испоганил...

Даже Ньюма сидел, развесив уши. Такого от мамы Хили он не слыхивал сроду!..

Теперь же, по прошествии трёх лет, Семён увидел Ньюму в обществе красивой девушки Жанны, и он снова сам затронул Сеньку. Толпа крутила их и тискала, но им удалось перекинуться десятком фраз. Итогом стало приглашение Сеньки с подругой на празднование Дня Советской Армии. Семён не смог отказаться, так как приглашение к Хрящу равняется примерно приглашению на праздничный концерт в **Дом Союзов**.

Маня сначала поломалась немного, но затем вычислила, что там может быть интересно, и согласилась. Она одела своё лучшее зелёное платье, а Сенька тоже получил к празднику свежую рубашку и новый галстук и выглядел изрядным попугаем.

Пришли к Ньюме к пяти часам, но оказалось, что уже практически все в сборе. Все - это сам хозяин с восемнадцатилетней подругой Жанной, друг его давний Бэра Извеков лет сорока с немолодой, лет тридцати пяти, любовницей Наташкой по кличке Цыбулька, какая-то потрёпанная шалава Верка, по кличке Кислица, весьма затёртого возраста, пара юных евреев, видимо, племянница Наума, жирная-прежирная, по-кустодиевски румяная Фая тоже лет восемнадцати, но уже с густыми усами на верхней губе и оволосёнными щеками, настоящими пейсами, и её партнер, сокурник по алюминиевому техникуму, тощий, но весёлый Мусик.

Стол был накрыт в самой большой комнате, назовём её гостиной. Всюду, на полу и стенах, хорошие шерстяные ковры, широкая софа, прекрасный ореховый сервант и в углу новый цветной телевизор "Рубин", а также магнитофон и проигрыватель.

Просторный овальный стол был уставлен прекрасными блюдами, включая русский холодец и еврейский форшмак. Разнообразные салаты, икра, на питье коньячок, водочка и “Черный доктор”.

На телевизоре светился чудный стеклянный попугай, оригинальный ночник - подарок Нюме к празднику от Жанны.

Не долго думая, никого больше не ожидая, окунулись в хорошо подготовленную пьянку. Нюма регулярно поворачивался к проигрывателю и сам лично ставил самые дорогие для него подпольные, на рентгеновских пленках, **пласты** Петра Лещенки - “Журавли”, “Марусечка”, “Татьяна”...

Первую рюмку выпили за Нюмину маму с ветхозаветным еврейским именем Рахиль, которая всех поблагодарила и тактично удалилась, чтобы до конца торжества уже не мозолить глаза передовой советской молодёжи.

В перекурах танцевали и бесились от настоящего веселья. Фая настойчиво пыталась танцевать непременно с Сенькой и, в случае удачи, дико прижималась, но Семёну от неё было тошно, и он как-то открутился, вручив её по принадлежности Мусику.

После чаевничанья, то есть сладкого стола, убрали посуду и унесли шикарную плюшевую скатерть. Верхний свет убрали, светился только пёстрый попугай и небольшая настольная лампа бросала круг света на центр стола. Начали играть в карты **на американку**, значит, на желание. По объявленным Нюмой правилам проигравший снимает одну вещь из своей одежды, а если одежда кончилась, то выполняется любое желание победителя вплоть до... Если снимать какую-либо вещь проигравший не хочет, то он может заменить наказание оприходованием штрафной рюмки.

В результате часа игры все присутствующие оказались раздеты до трусов, и был объявлен перерыв на танцы. К Семёну опять пыталась пришвартоваться Фая, тряся перед самым его носом своими теперь уже обнаженными после американки увесистыми, как килограммовые пшеничные батоны, грудями, и он с трудом

уклонился от её приглашения сбацать что-нибудь зажигательное. Сенькина Манечка, Жанна и Наум втроём чего-то вытанцовывали, тесно прижавшись друг к другу. Белые сиськи Мани и Жанны то и дело выхватывал боковой свет из открытой в коридор двери.

Наконец, Верка Кислица и Файка с Мусиком отвалили, так как им что-то пришлось не по сердцу. Скорее всего, Верку Ньюма приглашал как подменную шалаву на случай, если кто из мужиков придёт один. А молодые евреи поссорились и ушли, нахохлившись. Правда, их ухода уже никто, кроме Семёна не заметил. Бэра утащил свою сисястую Цыбульку в соседнюю комнату, и вскоре к общественности стали доноситься её повизгивания и ритмичный скрип старого дивана. Затем Сенька проиграл трусы и, стесняясь, заменил снятие этой последней детали опрокидыванием очередной рюмки. Видимо, это было уже сверх всяких пределов, так как дальше он уже ничего не помнил, поскольку вырубился до утра.

Утром он проснулся в соседней комнате, где оказался на раскладушке, застеленной старым ватным одеялом, а напротив, обнявшись, храпели обнаженные Борька с Наташкой. Дико раскалывалась от боли голова. Семён с трудом отодрал её (голову) от подушки и побрёл в залу. Там на обширной софе сплелись в молодецком сне Ньюма с Манечкой и Жанной. Конечно, обе сладкоежки были без трусов. На бедре Наума покоился его огромный труженик, который даже в состоянии покоя представлял нечто среднее между хоботом слонёнка и медным пожарным брандспойтом.

Первым побуждением было дать Маньке по морде. Но она телепатически всё почувствовала, проснулась, быстро прикрылась ладошкой и тут же перешла в наступление:

- Напился! Бросил меня здесь, а дитё некормленное дома!.. Мы с Жанной еле уgomонили Наума Михайловича. Жанна, скажи!..

Сенька живо представил, как они вдвоём трудились всю ночь,

угомоня Ньюму, и рассмеялся. Вид прекрасных грудиц Жанны перевесил аргументы слепой ревности, и Семён призвал народ как-то опохмелиться, что ли...

09-е марта. Конечно, после замечательного вечера у Наума 23-го февраля сам Бог велел собраться там же 8-го Марта. Вчера Сенька с Маней экзотично отпраздновали Женский день с Ньюмой и его "кругом"...

Опять-таки, под монотонное покрапывание весеннего дождичка, Серба и его подруга пробрались по грязи от угла улицы Грязнова до дома Ньюмы. Улица Михеловича, иначе Трамвайная, ныне, в порядке хрущевских перемен, переименована в улицу Горького, правда, новое название пока ещё прививается с трудом.

Народ собрался, кроме эмигрировавшей в другую компашку пары молодых да ранних, Фаи с Мусиком, тот же - те же действующие лица. Правда, Бэра был без Наташки-Цыбульки. Добавилась же лишь одна очень рафинированная, густо окольцованная золотыми кольцами с излучавшими дорогое сияние камнями, очень томная молодая женщина Валентина по прозвищу Княгиня. Наум шепнул Семёну, что это самая дорогая, номенклатурная проститутка города, обслуживающая тварищей из бюро обкома партии. Но она же и верная подруга его измученного сердца, добавил он.

- *Хочешь похарить такую?* - Предложил Ньюма. - *Веди в спальню и располагайтесь минут на десять-пятнадцать, пока за стол не сели... Я уже дал ей команду насчёт тебя...*

Сенька ошарашенно уставился в него. Никогда никто не предлагал ему переспать с проституткой, да к тому же ещё и с номенклатурной. Да ещё, когда в соседней комнате законная постоянная сожительница, почти жена. Да и вдруг платить немалый гонорар, то из каких шишей.

Наум всё это прочитал на Сенькином лице и пришел на помощь.

- Я понимаю твои колебания. Но не бойся, платить Княгине ничего не надо, по моим указаниям она делает для моих друзей всё бесплатно...

Но, внутренне кляня себя за бедность, нерешительность и вообще чего-то стесняясь, Сенька упрямо мотал головой.

- Ладно, у меня быстро заматереешь, - подвел итоги Наум и махнул рукой, подзывая Бориса. Что-то ему шепнув, он также моргнул Княгине, томно полулежавшей на диване. Она кивнула и поплыла за Бэрой в спальню. Действительно, они вернулись минут через десять, раскрасневшиеся, как напраказавшие дети. Теперь Сенька уже внутренне позавидовал удовлетворенно ухмылявшемуся Борису.

За богато уставленный стол сели в 16.00. Тосты не отличались оригинальностью, так как по такому случаю у нас в Эсэсэсэре принято пить за женщин, женщин и ещё много раз, сколько позволит здоровье и запасы спиртного, за них же, прелестных и не очень мерзавок.

Уровень отношений, сложившийся у Семёна с Марией после рецидива их гражданского брака, позволял, казалось, не особенно заботиться о коммунистической морали во время увлекательных эротических вечеров у Наума. Сеньке даже показалось, что свобода нравов на посиделках у Ваньки Петренка, где он на свою голову познакомился с Манечкой в ноябрьские праздники три года тому, допускала ещё больший уровень простоты и первобытности нравов.

В общем, провели время так, что сейчас, вечером 9-го, страшно болит голова и хочется обблевать всё прогрессивное человечество вкупе с его авангардом.

Опять обжирались и упивались. Раздевались под “американку” и под “бутылочку”, совокуплялись по очереди со своими партнёрами в соседней комнате. Лишь свального греха пока ещё в тот раз не было, но он вполне мог бы и состояться, не хватило какой-то малости или смелости. Светящийся попугай на

телевизоре честно светил, не уставая, перегревшаяся радиоло одаривала нежными эмигрантскими мелодиями с туберкулезных плёнок и пластинок.

Поздно ночью, часа в три, Сенька с Маней побрели домой на свой Малый Базар пешком по заплёванному, но всё ещё празднично освещённому Коммунистическому проспекту, возникшему давеча из улицы Ленина, - она же бывшая Карла Либкнехта, она же в оккупацию Гитлер-штрассе, она же до Октябрьского Переворота - Соборная.

Дома в пол уха выслушали бурчание тоже **в дребодан** пьяной мамашки Фроси, заглянули в кроватку спящей Наточки и бухнулись почти не раздеваясь, на свой горбатый диван, вырубившись до утра.

Пришла, наконец, посылочка от отца на мамино имя, отправленная еще 19 января через *MURRAY'S H. F. Stores, 646 George Street, Sydney, Australia.*

В раскуроченной таможенной и её консультантами из ГБ коробке находилось в соответствии с описью:

чулки	- 2 пары,
носки	- 2 пары,
костюм х/б	- 1 шт.,
костюм мужск.	- 1 шт.,
вязанки (кофты) шерст.	- 2 шт.,
ткань х/б	- 3 1/2 ярдов,
медальон н/цепочке	- 2 шт.,
запонки	- пара.

– Папочка, дорогой, – мысленно восхитился Сенька, – спасибо тебе великое за такое внимание к нам, советским бичам...

14 апреля. Теперь визиты к Нюме стали традиционными. Позавчера, в третью годовщину со дня исторического полета Юры

Гагарина, был день рождения Наума Михайловича, ему счастливо исполнилось пятьдесят. Юбилей. Для настоящего еврея - всемирно-историческое событие. Он и выложился, соответственно, приёмом на высоком запорожском уровне.

День удался солнечный, безветренный, развратно цвели сады, и у дома Наума Михайловича благоухали вишни в цвету.

К 17.00 собралась на улице Михеловича в известном, кому надо, доме вся весёлая компания. Полностью повторился, закрепившись, состав, гулявший с Ньюмой 8-го марта. Правда, в Ньюмином доме появилась новинка – шестнадцатилетняя девочка Зина из Читы (!), формально сбежавшая из дома, а на самом деле рванувшая от насильника-бурята, который по-соседски и якобы постоянно насиловал с 13-ти лет, против чего родители вроде не возражали, потому что бурят не скупился на хмельные застолья. Когда же он стал её перепродавать, она вроде сбежала и добралась до Запорожья. Ньюма **закадрил** её, проезжая на своем знаменитом горбатом “Запорожце” вдоль местного **Бродвея** по проспекту.

Сенька с Маней, как самые нищие, пришли с букетом из пяти роз, купленных утром на Малом Базаре. На их постыдное покаяние Наум ответил, что они сами подарок, особенно Мария Александровна.

Бэра подарил большого плюшевого медвежонка, сказал, что это образ Ньюмы - сильного и доброго. Жанка тут же захихикала, дескать, теперь будет спать между двумя настоящими мужчинами - Ньюмой и медвежонком. На это присутствовавшая на приёме гостей мама Ньюмы почтенная Рахиль Соломоновна укоризненно поджала синие старческие губы и зло сверкнула глазами за многодиоптрийными очками. **Цыбулька** по-простому преподнесла виновнику торжества бутылку армянского коньяка 5-летней выдержки с каким-то хитрым аборигенским названием.

Княгиня подарила юбиляру немецкие трофейные золотые часы, сказала, что настоящие швейцарские, но никто не понял

мелких надписей на нерусском языке. Кроме того, она подарила Жанке золотые серёжки, маленькие, в мочку уха, с изображением весов, ибо Жанна по гороскопу - Весы.

Когда сели за стол, автор выдающегося произведения по имени Наум Михайлович его седовласая мама внесла огромный торт личного изготовления, и его водрузили в центре стола, потеснив букеты и многоэтажную хрустальную конфетницу - подарок Жанны.

Первый тост был за родителей Ньюмы, что, ввиду отсутствия присутствия когда-либо у Ньюмы отца, свелось к благодарению Мамы Хили.

Пригубив рюмку с коньяком, старушка тактично удалилась в свою комнату, что она всегда делала в таких случаях, зная, что современная развратная молодежь будет непотребно резвиться, а сие благочестивой еврейке поощрять своим присутствием невозможно.

Через час разгулялись масштабно. Когда Сенька танцевал-гарцевал с голой Жанкой, ему было очень трудно не притянуть её по-настоящему, он старался, стыдясь своего состояния, отстраниться от неё. Она, видимо, поняла его затруднения и начала шептать на ухо, крепко прижимаясь грудями, что-то про его подругу жизни. Сенька напряг пьяный мозг и вдруг понял, что Жанна рассказывает ему под большим секретом, как пару дней назад Манечка пришла к ним в гости, но не с Семёном, а с каким-то Юрой, таксистом, который оказался знакомым Бэры. С Ньюмой она до того переговорила по телефону и он, поскольку любил всякие эротические ситуации, с энтузиазмом позвал их на рюмку коньяку, а затем разрешил отдохнуть в соседней комнате. Потом же вышло так, что Юра толком не справился с заданием, гостя озабоченно выглянула из спальни, Ньюма всё понял и позвал, её, голую и потную, на главную софу, где быстро и довел дело до бурного результата.

Жанна прошептала, что задумала с Сенькой отомстить

легкомысленному Ньюме и наставить ему рога. Пришлось Сеньке сделать вид, что выпил лишнего, так как Жанна ему не нравилась по своей конструкции (он не любил рубенсовских женщин), и он забрался в кресло, прикрывшись полотенцем. Народ бурно танцевал-гарцевал.

Несколько дней спустя Семён понял, что хитрый Ньюма, возможно, специально надоумил Жанну отдаться ему, чтобы затем устроить вечер свального греха. Но Хрящ усёк, что Сенька не поддался на Жанкино искушение. Тогда он подошел к Зинке, которая одиноко вытанцовывала в уголке, смело трясая своим немалым для её возраста добром, и властно сдернул с неё трусики. Затем он подвел её к Семёну и тронул его за плечо, дескать, нечего прохлаждаться, когда девушки одиноко танцуют без партнеров.

Сенька давно плотоядно поглядывал на прелестную Зиночку, и уговаривать его было не надо. Он схватил её в охапку и потащил в полутёмный угол. Она оказалась легко возбудимой, по-восточному горячей, и через минуту они упали на какую-то кушетку, стоявшую в том углу и укрытую сложенным вдвое ватным одеялом.

Но только они сделали десяток сумасшедших движений, как провокатор Ньюма включил полный свет и сказал, обращаясь к Мане:

- МарьСанна! Я горжусь Семёном! Это тебе не Юрий какой-то замусоленный... Да. Гагарину далеко... – поправился он, поняв, что ляпнул лишнего. А может быть, это был тонкий еврейский юмор.

Естественно, Сенька с Зинкой вскочили, как ошпаренные. Ей, конечно, ничего, прикрылась ладошкой, а он стал вертеться в поисках трусов под всеобщий хохот. Всё же его убедили оставить сие бесполезное занятие, так как все находились в равных условиях, и общество решило выпить ещё для большего сплочения.

5 мая. Вчера арестовали Наума. К Сеньке приехал Бэра и вызвал на улицу поговорить втайне от домашних. Оказывается, несколько дней тому назад дура Зинка пошла гулять на “брод”. Мимо проезжали ребята из УГРО и поняли птичку по походке. Затянули в машину, повезли в РОВД. Там её за пару минут раскрутили, она всё и расскажи. Где остановилась, что творится у Наума Михайловича по вечерам.

За Ньюмой давно охотились, у них была информация, что он крупный **махер** по запчастям на “Запорожец”. В общем, так оно и было, но доказать что-либо хмыри из РОВД не могли и искали хоть какой компромат, чтобы его повязать и начать трясти...

30 июня. Об аресте Ньюмы говорит весь город. Самое смешное, что ему шьют статью “содержание притонов разврата», которую, говорит следователь Федоренко, лет тридцать в Запорожье никому не вменяли. Более того, партия дала команду осветить тему для широких масс. Одна из областных газет (кажется, **“Червонэ Запорижжя»**, или это был **завсегда** возбуждённый борьбой с аморалкой комсомольский орган **“Комсомолэць Запорижжя”**, точно и не вспомнить) срочно опубликовала красочную статью **“Нична папуга”** (“Ночной попугай”), в которой подробно описывались оргии у Ньюмы.

Через неделю после ареста Ньюмы у него был проведен тщательный обыск. Конечно, никаких запчастей или иного криминала не нашли, он такое дома не хранил, зато изъяли знаменитый ньюмин “Запорожец” и его записную книжку с сотнями адресов клиентов, покупавших ворованные запчасти. Сейчас прошло почти два месяца, по большинству иногородних и местных адресов и телефонов уже произведена проверка и, удивительное дело, ни одного Павлика Морозова не нашлось! Вот почему пришлось для оправдания ареста придумывать **“содержание притонов разврата”**.

Ньюму держат в старой запорожской тюрьме на

Красногвардейской (у стадиона им. "Комсомольской правды"), Жанна дважды ходила на свидание и кое-какие просьбы Ньюмы передала компашке. В частности, Ньюма узнал, что следователь Федоренко раскатывает по городу на изъятой у него машине, и просил Бориса Извекова и Сеньку что-нибудь предпринять.

Посоветовавшись с Жанной и Бэррой, решили машину у Федоренко забрать принудительно, так как он её без акта изъял и пользуется, как своей.

Так вот, неделю назад Ньюмины приятели объявили Федоренке войну. Разузнали, что он живет в районе нового почтамта, стали следить. Действительно, по вечерам он приезжал домой на "ихнем" "Запорожце", и до утра машина обычно стояла под окнами.

Убедившись в этом, как-то тёплым летним вечером приехали втроём троллейбусом к дому Федоренки. Вскоре стемнело. Вот подъехал и следователь. Жанна предусмотрительно захватила запасные ключи от машины. Подождав с полчаса, решили машину угонять, вроде бы Федоренко уже ехать куда не собирается. Небрежно подошли к "горбатенькому». Борис отпер дверь, сел в машину, легко завелся, кивнул остальным. Сенька с Жанкой быстро загрузились с правой двери, и Боря ударил по газам. Минут за пятнадцать добрались до улицы Михеловича, тормознули чуть дальше от двора Ньюмы, погасили все огни, включая габариты.

Заглушив движок, пошли проверить обстановку в дворе. Друзья заранее решили спрятать машину у Ньюминого дома в его сарае, где уже прошел обыск и вторично вряд ли догадаются искать. Днем загодя запаслись ключом от сарая и подготовили место, разобрались с дровами и наметили кое-какую рухлядь для укрытия машины.

Коммунальный двор, в котором было три одноэтажных дома дореволюционной застройки и несколько сараев, был населен плотно. Дом, в котором Ньюминой маме теперь принадлежало всего три комнаты, находился в глубине двора и поэтому незаметно вкатить машину и затолкать её в сарай в полной темноте

оказалось делом нелёгким. К счастью, никто не попался им на пути. Было уже одиннадцать вечера, к тому же большинство жильцов этого милого дворика закаленные любовью к советской власти аиды, и поэтому, если кто и выглянул из окна, то не подал виду, заметив необычные манипуляции с Ньюминой любимой цацкой.

Надо было видеть, как угонщики втроем катили “горбатого” и размещали его в сарае, наощупь обкладывая поленьями и старыми одеялами! Удивительно, однако, всё - получилось!

С Маней в конце мая произошла крупная ссора. Она сказала Сеньке, что беременна, а он посоветовал ей сходить на аборт. Не имея ни жилья, ни приличной работы, плодить нищету не было, по его тогдашним представлениям, никакого резону. Она психанула и побежала к соседям куда-то звонить. Потом оделась и рванула на Коммунистический проспект, ничего не объясняя. Семён нехотя поплёлся за ней, влекомый в основном вялым любопытством и необходимостью сходить в киоск “Союзпечать», что на остановке трамвая “Малый Базар», купить газетку.

От нечего делать, он спросил её, идя сзади, не на свидание ли молодая беременная женщина спешит... Она одарила Сеньку ненавистным взглядом и перешла почти на бег. Он плюнул на её заумь и прилично отстал. Смотрит, она рулит к такси, стоящему у соседней с ихней пятиэтажки. Подошла и стала чего-то бурно объяснять шоферу в основном на языке мимики и жеста. Сенька разобрал только имя – “Юра!».

Конечно, пещерные инстинкты победили, он подошёл и врезал даме по шее. Юра с трудом вылез из-за баранки и пошел в его сторону, чтобы объясниться, но ни монтировки, ни отвёртки в его руках Сенька не усёк, значит, можно врезать и ему. Семён разок замахнулся, но шофёр был ниже и правильно расшифровал выражение Сенькиных глаз. Быстро втиснувшись со своим пузом за баранку, Юрий счел за лучшее врубить полный газ. Сенька же,

выразив своё понимание момента ресурсами краткого курса русского фольклорного языка, пошёл-таки за газетой...

Через несколько дней в очередной дискуссии про жизнь сожительница намекнула, что будущий ребенок, возможно, от Юры... Сенька любезно заметил, что это так же возможно, как и то, что дитя будет походить на Ньюму или ещё на кого. В итоге на аборт она твёрдо не идёт, и Сенька согласился, что это её личное дело. Трепать нервы по этому поводу, - дать ей повод серьезно осложнить свою жизнь. Конечно, надо бы по-хорошему разбежаться, но интересы Наточки требуют потерпеть в надежде, что всё как-нибудь образуется...

31 июля. Прошел ещё месяц, а суда над Ньюмой всё нет и нет. Жанна честно ходит к Ньюме в тюрьму на свидания, носит приличные передачи. Он там устроился прекрасно, его признали **жюльманы**, как кадрового уголовника, тянувшего не один срок. Сложилась неплохая отношения и с продажным заместителем начальника тюрьмы, неким Зинченко (фамилия, возможно, не совсем такая, но что-то похожее). Дошло до того, что два раза Ньюму в “воронке” возили отдыхать на городской пляж, правда, на его малолюдную, “дикую” часть, куда приезжала Жанна и где они с Ньюмой имели возможность получасового “интима” в кустах. Охрана в это время жрала **водяру** и культурно загорала.

Ньюму упрятали в тюрьму на период следствия как из-за ремонта следственного изолятора, так и чтобы поугадать. Никто же не предполагал, что там у Ньюмы найдутся кореша и обстановка полной поддержки. Конечно, ему пришлось пойти на серьезные расходы.

Потом произошло событие, очень Сеньку развеселившее. Ньюма передал через Жанну, что приглашает Семёна и Бориса в гости в **тюрягу!** И чтобы захватили хорошей выпивки, жратвы и бабу для **блатного**, который **богует** в нашей тюрьме. Конечно, Жанна всё послушно приготовила, получилось две большие сумки.

Когда в условленное утро приятели встретились у ворот тюрьмы, то увидели и Верку Кислицу, размалеванную и расфуфыренную. В руках у неё была небольшая кожаная хозяйственная сумка... Жанна нашла минутку, чтобы шепнуть Сеньке, что Верка, ха-ха, идя на мероприятие, всегда носит в этой сумке чистое полотенце, вазелин и презервативы...

Их встретил сам капитан Зинченко. Громыхали стальные двери, с жутким скрежетом отпирались хитрые замки и засовы, козыряла охрана, не спрашивая пропусков и не проверяя тяжелых сумок дорогих гостей. Когда шли по тюремному двору, им попала команда эзков, сколачивавших овощные ящики. Они заготовали, увидев ухоженные ляжки Жанны и Верки, но тяжёлый взгляд Зинченки убедил их умолкнуть и отвернуться от весёлой процессии.

Стол накрыли в “конторе” замначальника тюрьмы. Небольшое помещение примерно шесть на четыре, сверху над тяжёлым мрачным столом зарешечённое окошко, портрет железного Феликса. Стол нерушимо, как союз рабочих и крестьян, **присобачен** болтами к полу, так же и два стула – для начальника и приглашенного эзка. У боковых стен по огромному кованому сундуку, тоже нерушимые. Хозяин кабинета с гордостью пояснил, что этим сундукам лет по сто пятьдесят!

В порядке экскурсии пошли проведать Ньюму в его камеру, небольшая, но чистая и сухая, на двоих вполне прилично. Ньюма поцеловал Жанну и все вместе пошли в камеру к Витяну (имя, извините, условное), где он пребывал один в гордом одиночестве, так как тянул восемь лет за жуткое убийство и ему ещё надо было набраться терпения лет на шесть. У Витяна тоже был приготовлен стол, на нём пока были только яблоки и абрикосы. Жанна по-хозяйски переместила пакет с яблоками и алюминиевую миску с абрикосами на шконку и застелила стол принесенной скатёрткой. Потом они с Веркой Кислицей вытащили из одной сумки принесённые припасы, и стол принял цивилизованный вид. Затем

лишние в этом вертепе радости пожелали Витяну и Верке приятного кайфа и вернулись в “контору” Зинченки.

Откуда-то появились табуретки, а сундуки оказались застланными казёнными шерстяными одеялами. Стол тоже вскоре приобрел основательный вид и экзотическое заседание началось!..

К полудню тема исчерпала себя и Семён с Бэрой засобирались домой, оставив Жанну ещё на часок с Ньюмой для известно чего.

Зинченко вывел гостей на свободу и тепло попрощался, приглашал заходить... Ну уж!.. Спасибо!..

31 августа. Наконец, состоялся суд. Ньюме закатали четыре года, хотя Федоренко взял серьёзную взятку и обещал ограничиться годом. Ньюму этапировали в Винницу и определили в горячий цех клепать какие-то отливки. Жанна приуныла, подозревая, что через четыре года такого ударного труда Ньюма потеряет уникальную мужскую силу.

В порядке дружбы Сенька подготовил для Ньюмы жалобу (на последнем свидании перед отправкой его в Винницу Жанна сумела дать Ньюме подписать бумагу) в Киев в республиканскую прокуратуру, прося вмешаться в порядке надзора, так как следствие необоснованно пристегнуло позорную статью, ведь притоносодержательство совсем не доказано, оно построено на единственной реплике Зинки из Читы, которую вынудили признаться, что она отдавалась Ньюме в присутствии Жанны и что в доме Ньюмы была при ней однажды пьянка с раздеванием... При этом Федоренко вынудил Храща дать крупную взятку, а Зинченко тоже не безвозмездно возил его на пляжи и устраивал пьянки в тюрьме...

Но прокуратура приехала и установила, что жалоба не соответствует действительности, а Серба и Извеков бредят. Это при том, что их с Борисом даже возили в тюрьму показать, как идти в кабинет Зинченка. Особенно поразило проверявших, что

свидетели не только нарисовали проверяльщикам правдивый план “гостевого” маршрута по тюрьме, но и обрисовали, как стоят и как выглядят старинные сундуки в кабинете Зинченка, чего нельзя было бы знать, не побывав в этом кабинете. Но всё же “факты не подтвердились”...

В середине октября соратники сбросили со всех постов товарища Хрущёва, великого ниспровергателя Сталина, верного ленинца и по совместительству – волонтариста и кукурузника.

Осталось тайной, почему заговорщики не расстреляли дорогого Никиту Сергеевича, нарушив тем хороший обычай сталинской эпохи. Да и молниеносная расправа с Берией была ещё у всех в памяти.

Инсургенты очень хотели закопать Никиту живьём или обезглавить, но Брежнев прекратил базар и велел отправить поверженного борова на почётную пенсию с предоставлением госдачи и прочих номенклатурных благ. Он хорошо помнил октябрь 41-го в Запорожье и его с Никитой позорное пленение.

Им повезло тогда, остававшиеся на свободе люди легендарного секретаря запорожского горкома Комарова вытащили бедолаг из лагеря военнопленных и помогли перейти фронт, догнать свои войска и, как ни в чём не бывало, продолжить службу на высоких воинских должностях.

Сталин так и не узнал о их позорном приключении и продолжил двигать их вверх.

Так что друзья оказались до конца жизни связаны мерзкой тайной. Пришлось, правда, изрядно повозиться, чтобы все, кто знал об этом постыдном эпизоде, сгнули в круговерти войны без следа...

Вот почему, к удивлению соратников, Брежнев сохранил другану Никите жизнь.

Теперь черёд быть верными ленинцами настал для Брежнева, Подгорного и Косыгина.

Но уже через неделю в Запорожье загулял первый анекдот о Леониде Ильиче.

Наши славные чекисты получили сигнал, что одна из ведущих актрис облдрамтеатра начала сорить деньгами, грубит главному режиссёру, часто берёт отпуска за свой счёт и нежится в Ялте и Мисхоре.

*Бабу вызвали, потрясли. “Откуда **башли**, кто твой фраер? Говори, а то испортим настроение!”*

Прима скривила губки и отвечает сквозь зубы: “Ничего не скажу, потому что и сама не знаю. Он мне звонит и говорит, куда придти. А там меня забирает машина и везёт на свидание... Или я сама, бывает, если соскучусь, звоню...”

“Вот и хорошо! Тогда выкладывай, сучка, как его зовут и телефон, мы его сегодня брать будем!”

“Телефон вот такой, а мужика зовут Лёка. Только не говорите ему, что я его телефон сказала...”

Чекисты тотчас к телефону и ну крутить диск.

“Алё, это Лёка? Собирайся, мы щас приедем тебя, гада, забирать, нам всё известно!..”

На том конце провода мужик прокашлялся и говорит басом:

“Что за бесцеремонность? Для кого – Лёка, а для вас – Леонид Ильич! Семичастного ко мне! Где только он таких придурков набрал?..”

24 декабря. Вчера Сенька с мамой получили письмо от отца. Как всегда, сердечные новогодние поздравления. Жалобы на здоровье. Интересно, что в письмо он вложил визитку нового ночного клуба “TIKI VILLAGE». (87 Fitzroy Street, St. Kilda, Melbourne’s First Polynesian Night Club, 2 SHOWS NIGHTLY, 9 p.m. till 4 a.m.).

В конверт была вложена также прекрасная крупная фотка танцуплек в этом клубе. Судя по тому, что адрес тот же, что и три года назад у клуба СТРАНА ПТИЦ, то это они свой прежний клуб

переделали на более экзотическое предприятие.

Скрытое беспокойство по поводу Сенькиной нескладной жизни, очевидно, проистекает из информации мамы.

Письмо маме. Сеньке она его только дала прочесть, Мане не дала даже посмотреть, а вот визитка аборигенского клуба досталась Семёну. К сожалению, добрый десяток писем папы за этот год, как и за прошлый и позапрошлый, не сохранились. А может быть, они где-то далеко запрятаны у мамы. Сенька хотел бы их как-нибудь выпросить в свой “архив”, хотя он и не уверен в сохранности архива в будущем.

Следом пришла чудесная новогодняя австралийская открытка с кенгуру. И, конечно, трогательная надпись:

“28 ноября.

Дорогая Анна!

Желаю тебе в Новом и последующие годы здоровья, успехов и много-премного счастья.

Целую крепко, Станислав.“

31 декабря. Непутевый, но бурный прошедший год оставил в памяти Семёна смешанные чувства. Конечно, Сенькины погружения в оргии у Ньюмы, не прервись они арестом, могли бы, вероятно, закончиться конфликтом с законом. Но, будучи изгоем, Сенька не сделал ничего такого, чего не практикует “золотая молодежь”, дети партийных вождей областного масштаба. С волками жить, - по-волчьи выть!

В итоге в середине декабря Жанна родила очаровательную девочку, а Маня мается на сносях.

Тёща обменяла свою комнатку в пятиэтажке на более светлую комнату в доме по проспекту Ленина, 91, прямо над кинотеатром “**Зирка**”. Дом с высокими потолками, а подъезд примечателен тем, что в нём живет Лёня Жаботинский, наш знаменитый чемпион...

Правда, соседи, как и следовало ожидать, опять попались сволочи, некие Савенки. Глава семьи работает машинистом тепловоза на станции Запорожье-2, а сыновья оба проблемные – то сидят, то бузят.

Вечером скромно выпили, закусили холодцом, пельменями и неизменным “оливьём”...

Так что в Новом 1965-м году под руководством нового Генсека Леонида Ильича есть шанс надеяться на новую дозу нового советского счастья...

А ведь осенью старики пророчили холодную зиму, и так оно и вышло: отгуляла красно-желтая метель в перелесках, плавнях и лесополосах, и уже в конце ноября на черные земли Приднепровья посыпалась первая пороша, что после целой череды бесснежных зим показалось удивительным и приятным. Неимоверная осенняя грязь на селе загустела, оставив до марта отпечатки человеческих следов, оттиски копыт и беспощадные к земле тракторные колеи.

В городе приход настоящей зимы обрадовал не только ребятишек, но и дядей и тётей, которым основательно надоело видеть каждый зимний сезон промозглую дождливую погоду, кутаться в сырые, неуютные плащи и делать повседневную работу расслабленно, без хоть какого-нибудь удовольствия. В декабре **стал** Днепр, и рыбакам пришло новое раздолье.

В конце декабря Семён Серба шёл тихим снежным вечером со своим начальником, директором Зелёноярского гастрономторга Запорожья Михаилом Петровичем Бочковским, мирно беседуя на важную для обоих тему. Часов в девять вечера, выйдя после лекций в Торговом институте, где они оба молотили третий курс вечернего отделения в одной группе товароведного факультета, и перейдя **Трамвайную**, начальник и подчинённый направились по Коммунистическому проспекту в сторону областного театра, где располагался, так сказать, жизненный центр города, вернее, его **Старой части**, с магазинами, гостиницей и рестораном при ней.

Отмахав по-мужски **в охотку** пару километров и миновав скверно почищенную от снега площадь Свободы, они, не глядя на афишу драмтеатра, тормознулись на углу проспекта и улицы Чекистов, затем не сговариваясь, свернули с ярко освещённого **Брода** вправо по Чекистов к ресторану “Театральный”, чтобы продолжить переговоры на более высоком уровне под нестройное гремяхание оркестра и под аккомпанемент вилок и ножей.

Как во всяком провинциальном кабаке, здесь по вечерам стоял плотный гул пьяных голосов, ревел-стонал, создавая иллюзию забугорного загула, развратный саксофон, нескладно танцевали-топтались между столиков кто помоложе, две девицы прожигали комсомольскую юность с какими-то командированными, свободные от спектакля актёры расположенного по соседству театра читали вслух несвязные отрывки из никому не известных монологов, официанты носились как угорелые, торопясь доставить потребителям лучшие блюда своего заведения – дымящиеся шницели, люля-кебабы, отбивные и беф-строгановы.

На занимавшем всю стену панно была изображена девичья головка анфас с прядью волос, закрывавшей правую половину лица так, что оставался только один левый глаз, глядевший на посетителей синим немигающим взором, ибо внутри его светилась синяя стоваттная лампочка. За эту мозаичную девушку с зажигавшимся по вечерам глазом местные остряки прозвали ресторан более интимно – *“Дунька-вырви-глаз”*.

Серба и Бочковский, войдя в ресторан, превратились из обыкновенных, ничем не примечательных граждан в смиренных клиентов общепита и скромно присели за угловым столиком, подальше от оркестра, по соседству с огненными блондинками, порочно **смалившими** сигареты в обществе мощных мужиков, судя по разговору, командированных ленинградских инженеров. Вскоре, спросив разрешения у солидного Бочковского и натурально не заметив Семёна, на свободные два места сели степенный мужчина со своей, судя по возрасту, женой. Бочковский

подозвал официанта, общего любимца запорожцев Кузю, рыжего ухватистого товарища, способного угодить самому чёрту, и заказал бутылку коньяку и чего-нибудь на кузин выбор.

– *Вас понял, перехожу на приём*, – понимающе подмигнул им Кузя, вроде бы как знатокам и завсегдатаям, и стал долго и мучительно выяснять отношения с парой новичков, поминутно мило оглядываясь к Сербе и Бочковскому, как бы говоря глазами, – *“Вот видите, какие беспотковые попадают, а ведь тоже и обслужи их, и подай...”*. Через недолгую минуту Кузя принёс бутылку **“Одессы”**, распечатал прилюдно и, вытерев выдавшей виды салфеткой, осторожно поставил среди тарелок и пепельниц. Протёр фужеры приятной конической формы и неудобные для питья рюмочки-невыливайки и разложил вилки и ножи. Затем он принёс хлеб и минеральную воду, в маленьких розеточках поставил заливной судачок, выглядевший, надо сказать, отменно, потому что украшен сердечками из морковки, зелёным лучком и розовым, на **бураковом** квасе, хреном.

Мужчине с женой Кузя доверительно сообщил, что заказанные ими полтавские котлеты жарятся и будут готовы самое большее через полчаса. Женщина, не заметив издёвки, согласно кивнула, а мужчина тоскливо уставился в сторону Сербы и Бочковского, уже решительно приступивших к прерванному было организационными хлопотами разговору.

Смысл их беседы сводился к тому, что Бочковский, как начальник, настойчиво предлагал, а Серба, гонористый подчинённый, колебался **принять** магазин, который днями собирались запустить в новом жилом районе – Зелёном Яру, где ещё в конце ноября заселили более десятка шестизэтажек, а с открытием продуктового магазина задержались из-за строителей, не провернувшихся во-время с отделкой помещения.

До этого разговора Семён Серба с год проработал завмагом в отдалённом районе города, так называемом посёлке **“Подстанция ДД”**, вывел свой **продовольственный** в передовые и не хотел

рисковать учебой в торговом и затевать перемену работы, тем более вступать в хлопотное и незнакомое дело открытия нового магазина.

Работать в торговле Серба стал случайно. После комиссования и получения “белого билета”, не имея никакой специальности, он не мог найти никакой, хотя бы сносной работы. Как только в кадрах он показывал свой **ББ**, кадровики со страху едва под стол не залезали.

Приговор **Серпов** имел магические свойства повергать в страх и ужас. Спасибо маминной довоенной подруге Ольге Тимофеевне, которая как-то, будучи главным бухгалтером артели “Пищевик”, уговорила своего начальника принять Сеньку учётчиком. Однако через три месяца, после очередной проверки кадровой работы в артели, Семён получил новенькую трудовую книжку, штамп в паспорт об увольнении по собственному, (а куда денешься, не подводить же Ольгу Тимофеевну скандалом), и в утешение – шестьсот рэ в окончательный расчёт.

С тех пор прошло около пяти лет, и Сенька сменил, наверное, десяток никудышных работ, но так и не вернулся в ряды нормальных советских строителей светлого будущего. Наконец, в прошлом году, опять-таки благодаря тому, что один, ещё довоенный знакомец мамы работал начальником отдела перевозок крупного автохозяйства, получилось залезть туда диспетчером. Но сколько нервов! Чего стоило, к примеру, обмануть отдел кадров и отвлечь от проверки военного билета. Дама в ОК, которая пробивала дыроколом документы и скрепляла их в папочке цвета свежего коровьего блина, лениво просмотрела новенький паспорт и новенькую трудовую, которую, по случаю Сенькиного заплыва в институт, оперативно изготовил приятель, акробат из ДэКа Жданова Сашка Гаманец.

Через пару месяцев Сенька сподобился подрасти до старшего диспетчера, заменив тётку, отвалившую на пенсию. Работая на

автоперевозках, поступил на вечернее отделение Торгового института, да ещё и сразу на второй курс. Зачли частично учёбу в Москве, в Финансовом.

Работа старшим диспетчером в ГАП-1 (государственном автопредприятии) под руководством старинного маминого сослуживца старого большевика Дыбенко, якобы брата того самого малахольного Дыбенка из 1918-го, налаживается, Семён осмотрелся, коллектив его принял хорошо, а коллектива всего – восемь человек. Работа через день по двенадцать часов. Годится!

Там и познакомился с Бочковским, которого, вместе с десятками других руководителей-практиков, горком партии прямо-таки обязал получить **корочки** в специально открытом для партхозактива Торговом институте. По правде говоря, это был не самостоятельный институт, а филиал Донецкого института советской торговли... Но начальство попёрло в него стройными рядами, не сдавая никаких экзаменов.

За это красных директоров и не взлюбил Семён, которому всё теперь давалось с огромным трудом и хитростями. Да и трудно было наладить приятельство, так как **номенклатура** давным-давно знала друг друга, как **партхозактив** на всяких пленумах и совещаниях, к тому же сблизились начальники и как студенты, ещё с первого курса. А Сенька подключился к ним со второго.

Перейдя **на третий**, любопытный Сенька уже основательно присмотрелся и к директорам, и к порядкам в торговле города, доставку в которую диспетчировал. Увы, прогресс в отношениях со старшими товарищами всё не наступал. Но однажды Семён приехал в контору Зеленоярского гастрономторга для выработки рациональных маршрутов кольцевой доставки товаров. Почему-то этим не своим делом заинтересовался сам директор. Семёна повели на ковер к “самому”.

Бочковский обрадовался соседу по парте, тепло пожал руку. В своем просторном кабинете он показался Сеньке человеком

непривычно деловым и толковым. Сразу же вызвал зама, главбуха и начальника торгового отдела, коим внушительно приказал немедля заняться маршрутизацией торговой сети торго с представителем автохозяйства, с Сербой.

После такого внушения работу, которая в других торгах занимала по две – три недели, **сбацили** за пару дней. Даже “Москвича”, прикрепленного к торгу для разъездов начальства, Бочковский пожертвовал на эти два дня, распорядившись возить Сеньку и замов-помов, куда скажут. Так Сенька и Бочковский сблизилась.

А ещё через месяц Серба и Бочковский разговорились на вольные темы, покуривая в коридоре института во время перерыва между лекциями. Михаил Петрович предложил Сербе переходить к нему в торг, дескать, всё равно надо до пятого курса переквалифицироваться, иначе зачем же тогда Торговый институт? Довод, нет слов, весомый и Сенька в принципе согласился, хотя смутно представлял себе и будущую работу, и то, как сумеет провести кадровиков торго со своим **белым билетом**. Однако, выполняя договоренность, через пару дней пришёл к Бочковскому на службу, и разговор о переходе Сеньки в торг возобновился. Бочковский опять вызвал для консультации главного бухгалтера и начальника отдела кадров. Решили было взять Сербу старшим товароведом, но выяснилось, что без высшего образования и без стажа работы в торговле зарплата будет составлять всего семьдесят рублей, что не устраивало Семёна, потому что он терял пятьдесят рублей. А кроме того, он остерегался взвалить на себя бремя старшего товароведа, не имея никакого опыта и боясь оскандалиться.

В то время в **советской торговле** было модно, в целях сокращения штатов, объединять мелкие магазины в “кусты”, где с несколькими магазинчиками управлялся один директор. Бочковскому идея понравилась, и тут же оперативно был образован куст № 3 из трёх магазинчиков в окраинном посёлке

моторостроительного завода.

Буквально на следующий день, согласовав перевод с начальством автохозяйства, Серба перешёл в Зелёноярский гастрономторг. А ещё через день он принял после переучёта товаро-материальные ценности магазина № 52, самого большого из трёх, став в нём как бы заведующим, а в остальных лишь директором-администратором.

На следующее утро после такого отчаянного начала Сенька приупал духом – столько всяких забот навалилось на него, а главное, то, что не знал даже, как составлять отчёты, в каком углу бланка их подписывать даже не знал.

По прошествии полугода выяснилось, что коллектив его не подвёл, а Семён стал одним из самых грамотных заведующих в торге.

Магазин № 52 вначале давал выручки 15–18 тысяч рублей в месяц, а через год оборот вырос до 60-70 тысяч. Что было для поселкового магазинчика очень даже неплохо. Но осталось для Сербы тайной, почему всё-таки взял его в торговлю Бочковский. То ли в доброту сыграл, то ли действительно увидел в нём способного человека, но, тем не менее, за всё время работы на новом поприще Семён чувствовал за собой неусыпное внимание и поддержку Бочковского.

Возможно, нравилось Бочковскому и то, как Серба ведёт себя в коллективе – без хвастовства, без грубости, даже упрекал его легонько: “Улыбаешься много, покрепче будь.” Чему-чему, а **крепости**, грубому окрику научиться у Бочковского было просто. Многие увольнялись, не вынеся издевательских замечаний на оперативках, его неприкрытой циничности наедине. Но к Сербе он снисходил особо, что не осталось незамеченным у тех, кто держит нос по ветру. И его стали вскоре если и не уважать, то побаиваться. Прошёл слух, что он с Бочковским за одной партией сидит, хотя за три года они так и не посидели рядом за одним столом в мерзком торговом институте ни разу.

Но круги по воде пошли, и Сербу хитромудрые люди считали чуть ли не правой рукой Бочковского. Склонный к шутке, Семён вел себя загадочно, ничего не отрицая, хотя сам Бочковского побаивался и, конечно, ничего с ним общего не имел. Однако некоторые даже обращались к Сербе, если надо было продвинуть через **Бочку** какое-нибудь дело. И удивительно, однако, факт, что когда с этим дохлым вопросом к Бочковскому заходил Семён, этот вопрос, накануне решительно отклонённый Бочковским, тут же им принимался. Все ничего не понимали, как и сам Серба, но, не вдаваясь в причины, он охотно брался за подобные дела, если сам считал их полезными для торга, и о нём, как пробивном и обладающим таинственным влиянием на Бочковского, заговорили не только рядовые сотрудники, но и главный бухгалтер торга, и начальник отдела кадров, которых Бочковский, как бывший моряк, не очень праздновал, и они тоже иной раз, бывало, обращались за содействием к Сербе. Председатель профкома Блинов, не сумев наладить отношений с Бочковским, возненавидел Семёна.

А Серба между тем старательно учился торговать, упорно штудировал непокорные вузовские учебники, особенно налегая на экономику и товароведение, и по всем правилам применял вычитанные принципы на практике. Голова его уже просила более тяжёлой работы, так как в небольшом магазине посёлка “Подстанция ДД” ему попросту стало нечего делать.

От скуки ли, по убеждению ли, скорее же всего по природной доброте Семён стал вникать в личную жизнь продавцов, меняя отношение их к жизни и работе. Такого внимания они не выдвали. И с удивлением однажды Клава и Тоня, Оля и Жанна обнаружили, что он таки заставил их учиться. Первые две поступили в Торговый институт, а другие две – в Торговый техникум. Потом они все четверо невероятно выдвинулись.

Приехал как-то Бочковский с начальником отдела кадров в конце дня и прямо к Сербе – отдавай Тоню и Олю, 10-й магазин стоит вторую неделю без заведующего. Пьяницу-завмага после

попадания в вырезатель без церемоний уволили и исключили из партии, а нового никак по-быстрому не найти. Усмехнулся Серб, польстило ему такое дело и отдал лучших на выдвижение, хотя и артачились они, выдвигаться не хотели. Потом, впрочем, благодарили. Месяц спустя Жанна и Клава тоже ушли заведовать магазинами. Любили Сербу в маленьком коллективе не только за упорство. Честный он человек, убеждались неоднократно, для советской торговли натуральная белая ворона. Не раз, сдавая в конце смены выручку, добавляли продавцы лишние пятёрки и десятки, проверяя Сербу – возьмёт или не возьмёт? И всегда он вызывал слабых в арифметике и, под незаметные улыбочки остальных, предлагал переписать рапортчику о выручке с учётом обнаруженной “ошибки” на большую сумму. Он догадывался, что его проверяют, но вида не показывал, а с удовольствием и сам играл в затеянную девчатами арифметическую игру. Его ещё сильнее уважали...

А теперь вот предложение принять новый магазин. С одной стороны, Семёну хотелось заняться более напряжённой деятельностью, с другой – все солидней становилась учебная нагрузка в институте. Сеньке очень хотелось закончить хотя бы этот дебильный вуз, с учётом того, что раз уж повезло пролезть с белым билетом, то надо продержаться до диплома, иначе – гражданская смерть по Чернышевскому.

Притом, не такое уж и безвыходное положение было у руководства торгова, чтобы упорно уламывать Семёна принять магазин в новом, Шевченковском микрорайоне. Человек пять завмагов оспаривали счастливый шанс поработать в магазине, где всё оборудование будет на ходу, где не надо будет ломать голову над проблемой покраски стен и асфальтирования подъездных площадок, над тем, где взять горячую воду мыть бидоны из-под молока и где поставить мусорный ящик, чтобы не шумели санврачи. Да и не такой уж Семён специалист, чтобы доверить ему почётный пост открыть и возглавить торговлю в новом жилом

районе. Семён отдавал себе отчёт в том, что предлагают не столько почётный, сколько ещё и трудный пост.

А то, что положение торговых дел в Зелёном Яру беспокоит горисполком, доказывали многочисленные жалобы в центральные органы по поводу отсутствия и наличия, **недо- и пере-**. Обеспокоенный председатель горисполкома недвусмысленно внушил вчера Бочковскому, что как только строители передадут здание магазина под монтаж оборудования, с этой минуты вся ответственность за волокиту по разворачиванию торговли на Зелёном Яру будет ложиться на Бочковского.

Поэтому Михаил Петрович, дядя гордый и неприступный, и нарушил в данном случае своё правило не пить с подчинёнными и пошёл после лекций в “Театральный” с Сербой, которого серьёзно решил подговорить принять по-быстрому, без кобеляжа магазин в Зелёном Яру. Знал он, что это такое, первый продуктовый магазин в новом жилом районе. Было и у него в недалёком прошлом подобное, когда он ещё начинал работать в Левобережном гастрономторге начальником отдела кадров. Многие тогда пострадали из-за сходной ситуации – открыть и обеспечить. Потому что всегда новое дело непросто открывается и нелегко обеспечивается...

О Сербе у Бочковского не было твёрдого мнения, очень уж сложным представлялся ему Семён, однако по некоторым моментам оценка устоялась. Ситуация, когда Бочковский сплошь и рядом соглашался с Сербой, казалась и самому Михаилу Петровичу непонятной. Сколько раз Серба заходил в кабинет к Бочковскому и, присев, как девочка, на краешек стула, говорил в глаза начальнику такие вещи, за которые любого другого тот немедленно уволил бы и стёр в порошок.

Семён, казалось со стороны, не понимал простой приспособленческой аксиомы, что с руководством выгоднее дипломатически молчать, подхалимски ожидая, пока начальник **выдаст идею**, а затем лицемерно повосторгаться и кинуться со

всех ног исполнять. Серба же, напротив, не признавал никаких авторитетов и, что хуже всего, в своих суждениях всегда оказывался прав.

Однажды, на перемене в институте, он сказал Бочковскому о его любимце, директоре овощной базы торго Тихонове, что тот разложился, спился, погряз в махинациях с цитрусовыми и наверняка через несколько недель сядет, так что лучше, мол, снять его быстренько с работы, чтобы избежать скандала для торго.

Тогда Бочковский только улыбнулся, откуда бы Сербе знать хитроумные махинации Тихонова, однако был немало удивлён, когда дней через десять Тихонова посадили с громким шумом на весь город, в ходе которого Бочковскому не удалось избежать выговора на бюро обкома партии. Хорошо ещё, что **без занесения**. А так как Тихонов, выявилось, делился с Бочковским нетрудовыми доходами, то народ **гутарил**, что Михаилу Петровичу следовало бы не только простой выговор **влупить**, но и отпуск с переменной климата не повредил бы.

Мнение тружеников прилавка, само собой, сразу стало известным директору торго. Сопоставив все происшедшие неприятные события, Бочковский решил, что Серба знает больше, чем говорит. Это Михаила Петровича насторожило, и он начал прислушиваться к каждому Сенькиному слову, выискивая скрытый подтекст, тайный смысл, выполняя, иногда скрепя сердцем, нелицеприятные предложения Сербы. И считая себя мужиком неглупым, всегда такой смысл находил. Про себя он решил, – такой человек очень опасен и страшно жалел, что пригред его, соблазнившись грамотностью и ввиду нехватки толковых заведующих магазинами.

На самом деле Серба просто интуитивно догадался о махинациях Тихонова. И хотя с некоторых пор прикусил язык, но было уже поздно отгребать назад. А Бочковский решил избавиться от Семёна, при встречах, однако, разыгрывая из себя прежнего

доброжелателя. К тому же его планы уничтожения Сербы с каждым днём становились всё более изощрёнными и коварными.

Грозовые тучи были ещё за горизонтом, Серба ещё не чувствовал опасности, но у начальника он был уже на самой жирной заметке, на вдумчивом ежедневном контроле...

Ну да об этом как-нибудь при случае. Вернемся же в "Театральный".

Яростно расправляясь с половинкой недоваренного старого петуха, названного в меню, невзирая на пенсионный возраст, цыплёнком, Бочковский с сатанинским удовольствием продумывал возможные варианты расквитаться с сомнительным Сербой. Людей умнее себя Михаил Петрович не любил, точнее, ненавидел, ибо считал их потенциальными конкурентами на тернистом руководительском пути.

Какое-то время ему удавалось, в обход многочисленных постановлений и решений партийных и советских органов, держать у кормушки неоднократно судимого за хищения **социалистической собственности** Тихонова, отстаивал его как незаменимого, без кого, мол, район очень даже просто останется и без овощей, и без фруктов. Но вот Тихонов засел, и стало на душе у Михаила Петровича тоскливо и паскудно, поскольку жалкие полторы сотни оклада никак не устраивали Бочковского, стремившегося не отстать от более удачливых дружков, имевших и дачи, и "Волги", и (не проговоритесь при жёнах!) весёлых подруг-комсомолочек.

Семён и его шеф приканчивали уже и отбивные, когда подошёл Кузя и принёс таки безнадежно серые полтавские котлеты звереющей от голода чете, устало присел рядом с Михаилом Петровичем и Сенькой, придвинув свободное креслице от соседнего, заваленного объедками, стола. Начал по собственной инициативе **выступать**, разглагольствуя о невероятных охотничьих случаях, так как считал себя незаурядным охотником и

рыболовом. Серба за весь вечер выпил всего рюмку коньяка, но не потому, что вообще не пил, а просто уже с год, после перепоя на гормолзаводе, где не пить было просто преступно, организм принципиально **не принимал**. Бочковский же истолковал Сенькино воздержание как плохой знак: *“С чего бы это вроде нормальному мужику отказываться от крепко-выдержанного?”*

Кузя, напротив, от предложенной Михаилом Петровичем рюмки не отказался, смачно выдохнул воздух и вдруг сорвался с места и рванул, отзываясь на чьи-то отчаянные призывы рукой. Одна из рыжих девиц, решительно потрянув огненной гривой, встала из-за стола и, пьяно покачиваясь, пригласила Семёна на шейк. Он не стал ломаться и пару минут попрыгал с наглой девахой, вызывая ревность ленинградских специалистов. Оказалось, что **чувиха** знает Сербу в лицо, живёт на посёлке “Подстанция ДД” неподалёку от магазина № 52 и часто его там видит при деле. Сама она осенью окончила среднюю школу, семнадцать лет и ещё нигде не работает (*“Не спешу...”*). Часто проводит время в кабаке (*“О, скукотаища какая!..”*). Зовут Таня.

Сенька отвёл её на место, погрозив пальцем. Она кинематографично улыбнулась ему из-за стола.

– *Дура же, стерва,* – зло подумал Семён, – *истаскаешься за год!*

– *Знакомая?* – Поинтересовался Бочковский.

– *А то как же, Танька,* – сорвалась невинная ложь у Сербы.

– **Отличный товвар!** – Причмокнул Михаил Петрович, цинично, по-мужски помигнув Семёну. – *А я сразу просёк, что эта шлюшка – твоя, так сказать, шерами...*

– *Что за чушь мужик городит,* – подумалось Сеньке, но опровергать не стал, крепко был пьян шеф, еле слова выговаривал.

Дурацкая, по мнению Сербы, привычка Бочковского говорить в неподходящие жизненные мгновения русско-украинским жаргоном – суржиком, проявилась по пьяни в полной мере. Довольно громко

он стал наставлять Сербу:

– *А тэпэр дывысь! Ты пойдёшь в новый магазин и будешь там двигать упэрэд торговлю, и сразу хвала тебе и почёт!..*

После продолжительных прений стороны пришли к соглашению, что Серба завтра направится на Зелёный Яр и, посмотрев магазин, вечером сообщит Бочковскому, понятно лично, окончательное решение.

Кузя подсчитал. Нагуляли четырнадцать рублей, но Семён дал две десятки, так как пристально смотрели в его сторону ленинградские инженеры и не хотелось выглядеть в их глазах мелочным.

Выбравшись из ресторана, тоскливо оглянулся. Оказалось, что довольно косенький Бочковский уже прощально машет ему рукой. И тотчас Михаил Петрович стал солидно втискиваться в тесную для таких раскормленных граждан шустро подскочившую зеленоглазую “Волгу”. Сенька тоже примеривался, как нырнуть на заднее сиденье, но затем, что-то вспомнив, попросил шофера подождать и бегом вернулся в “Театральный”.

Подойдя к столику, где, блаженно потягивая шампанэ, кайфовала Танька с подругой, он взял её крепко за руку и, твёрдо глядя на подругу, негромко сказал:

– *Закругляемся, хуляйте за мной!*

Ни слова не говоря, девчонки встали и как нашкодившие дети, виновато оглядываясь на ничего не понимающих залётных инженеров, пошли за Сербой. Один из приезжих попытался было кинуться вслед, но друг ему вовремя положил руку на плечо:

– *Здесь провинция, старик, а в глубинке, милый, свои суровые законы, в сравнении с которыми законы джунглей – скучная политинформация...*

Выведя Татьяну с подругой на улицу, Сенька затолкал их в такси, не обращая внимания на бормотанье полуютключившегося Бочковского и глухое перешептывание девчат, втихомолку обсуждавших, что их ждёт дальше, Серба скомандовал шофёру

рулить через Жилмассив в посёлок “Подстанция ДД”.

У своего магазина попросил девиц выметаться, предложив им завтра с утра прийти к нему на работу и спросить заведующего. Неожиданно освобождённые, уже смирившиеся с перспективочкой побывать в милиции или в каком приключении похуже, они мигом исчезли в круглогодичной темноте поселка.

Выпавший за вечер снежок скрыл мусор, окурки и плевки на остановке автобуса, облагородил поселковую улицу. Щедро освещённый изнутри кирпичный куб магазинчика, оптимистически вздымавшийся в окружающем мраке окраины, показался таким родным, тёплым, необходимым. И Серба решил не соглашаться на новый магазин ни за что.

Затем он отвёз домой Бочковского, жившего после развода с женой на улице Гагарина у своей подруги Клавы.

Сам Серба выгузился на пристани у судоремзавода и на одном дыхании взбежал на второй этаж ещё нового, из силикатного кирпича, дома, куда он вернулся после того, как они с Маней разбежались в прошлом году. Сенька не спешил привязываться к очередной юбке.

Мама, как всегда, если он заявлялся выпившим, осуждающе покачала головой. Но никогда не расспрашивала, что и как. Семён обычно сам ей всё рассказывал. Сенька уснул, положив правую руку под голову, с убегающей в сон мыслью о проведённом вечере. И уже выключаясь, последним всплеском сознания мелькнуло, что Бочковский был в чём-то неискренним, но под натиском сна подозрение рассеялось, как дым.

Утром, перед уходом на работу (он, что удивительно, встал раньше мамы), когда попили чаю, вкратце поведал матери о предложении шефа и как зашли по такому случаю в ресторан. Умолчал лишь о девочках, – всё-таки боялся, что не поймёт мамуля его интереса к педагогике.

Против ожидания, мама его не отчитала. Спешила перед

уходом на работу покормить бабушку. Но переходить в новый магазин не посоветовала.

Семен умылся-побрился, попил чаю с молоком, сказал пару ничего не значащих дежурных слов бабушке Фросе, погладил рубашку. И всё это время думал, как, всё-таки, поступить.

И потому, что поднялся чуть свет, чего с ним давненько не случалось, так как магазин обычно открывала заместительница Галина Смирновская, добрался к месту работы к семи утра. Смирновская жила здесь же на поселке, буквально рядом с магазином, и поэтому тащиться на работу рано поутру обычно у Сербы не было никакой нужды, так как уже продолжительное время по молчаливому соглашению с Галиной Серба с утра обычно заезжал на бакалейную базу своего торгова, или на овощную, или на винный склад, или на базу **Укрмясорыбторга**, или на выходную базу **Укроптбакалеи**. Ещё его с утра можно было встретить на одном из трёх, снабжавших магазин, хлебозаводов, на пивзаводе или на ликеро-водочном. Иногда день начинался с посещения конторы торгова.

Тогда же, 25 декабря, он, проигнорировав начинавшуюся пургу, к половине восьмого уже стоял у запертого магазина, здороваясь с подходившими встать в очередь за молоком и мясом жительницами. Его знали в лицо все покупатели. Он же то и дело взглядывал вдоль улицы, высматривая своих продавщиц, переживая, что они могут опоздать. Вскоре первой явилась Галина Смирновская, полная, лет тридцати пяти белокурая женщина. Звеня внушительной связкой ключей, открыла сени, и сразу взвыл ревун сигнализации, - так устроено было, ведь магазин сторожа не имел, а охранялся через пост сигнализации вневедомственной охраной.

Кто-то из появившихся продавцов побежал быстренько по торговому залу к пульту, и через мгновение гуденье стихло. Кто-то из нетерпеливых покупателей уже тащил по крыльцу бидоны с молоком, привезённые ночью кольцевым централизованным

завозом и призанесённые снежком. Из-под навеса рабочая Дарья Даниловна начала с добровольцами затаскивать в зал корзины с молоком, ряженкой, кефиром, йогуртом и сливками. Добро это тоже было привезено ночью машинами того самого автохозяйства, где раньше работал Серба, по составленным ещё им маршрутам. Каждый раз, видя привезённое ночью молоко, он радостно потирал руки, чувствуя себя по-хорошему причастным к тому нелёгкому ночному труду, в слякоть и метель, в итоге которого вы приходите утром к открытию магазина, а вам, - нате! -, свеженькое молочко, или тугая, так что ложка торчком стоит, сметанка (если никто из борцов за качество руку не приложил), или приятно-кисленький творог, из которого жена вечером заделает, если не сачковатая, такие вареники, что при одной мысли слюнки текут. Или сладкие сырки на палочках, глазированные шоколадом, мечта пионеров и пенсионеров.

До работы в автохозяйстве, он и сам года полтора развозил по ночам молоко в магазины города, работая экспедитором гормолзавода, и поэтому знал почти всех заведующих магазинами, шоферов и экспедиторов города по именам, со многими, встречаясь, здоровался тепло, по-дружески. И когда во двор магазина въехал загружаться огромный автофургон, Серба сам вышел во двор, пожал руку водителю Коляну, с которым как-то работал в одном экипаже экспедитором, потрепал по продубленному ветром, одетому поверх телогрейки громоздкому брезентовому плащу Андрея, экспедитора, когда-то, несколько лет назад, учившего на этой машине Сербу тонкостям кольцевого завоза товаров по розничной сети и до сих пор бессменно **шпарившего** на ночной доставке молока.

Пригласив хлопцев в свой тесный кабинетик и подписав накладную по ночному завозу, угостил ребят чаем, которым всегда без спросу угощал всех своих зимой. Обжигая пальцы и губы, молочники жадно глотали горячий чай, но всё-таки Андрей не выдержал и многозначительно заметил, что погода требует более

крепких градусов. Однако Сербу, хотя он и не дурак был выпить, не так просто было заставить сделать что-либо во вред работе, которую он очень ценил, и им пришлось уехать, увозя свою жажду недалеко, до следующего магазина.

Отоварив очередь, вошёл погреться мясник Федя, трудившийся на мясном фронте в незавидном неотопливаемом сарайчике во дворе. **Хакая** на руки, он присел на опрокинутый ящик, так как мебели в кабинете не хватало, да и кабинет был, по существу, просто закутком на складе, где за штабелями мешков с сахаром, мукой и крупами стоял расшатанный письменный стол, пока без телефона, и два хилых стула. Фёдор начал **стучать** о том, кто что делал вчера после ухода Сербы в институт.

- *Машка чуть не дала Фроське в глаз, Эсэс!* – сообщил он в своей обычной гротескной манере, обращаясь к Сербе по инициалам, что, в общем-то, Сенькой не поощрялось из-за непатриотичных созвучий. – *Видите ли, прошлась на счет Витеньки.*

У продавщицы Маши парень, все знали, не отличался постоянством.

- *Лягушата вечером опять, как на буран, с парнями толклись, ты бы их припугнул малость, Эсэс! Доведут их шуры-муры до испорченной фигуры, а мы потом обсуждай да выручай!*

"*Как бы ты их до этого, часом, не довел, козёл!*", - благодушно подумал Семен.

Три девочки-семнадцатки Валя, Наташа и Соня были гордостью и слабостью Сербы. В августе он взял их на работу помощницами продавцов, так как отдел кадров торго никак не соглашался оформить их хотя бы младшими продавцами из-за несовершеннолетия, взял сразу после школы. После окончания десяти классов комиссия по трудоустройству при райисполкоме разнарядила их в Зеленоярский горпищеторг, но никто из заведующих магазинами не хотел их брать. Зелены больно, семнадцати ещё даже нет, а значит, бери без договора о

материальной ответственности, отвечай, значит, своей головой, если утащат тысячу-вторую. Серба увидел их в отделе кадров и без обиняков, с присущей ему бесцеремонностью, спросил у Ивана Никитича:

- Чего они у тебя пороги обивают?

Тот рассказал, в чем дело, а через минуту Серба уже подписывал девочкам заявления в свой магазин. Рад был начальник отдела кадров, что избавился от обузы, но рад был и Серба, выйдя таким образом одним махом из затруднений ввиду нехватки продавцов, а на счет работы, так он не опасался, помнил ещё, как сам начинал.

И действительно, широкое политехническое образование нынешних школят давало себя знать, два раза ничего показывать не приходилось, и уже через несколько дней девчонки заработали во всю самостоятельно, вначале в хлебном и штучном, затем в отделах посложнее. Удалось и пару лодырей и растратчиц удалить. Когда людей не хватало, приходилось волей-неволей закрывать глаза на их нерадивость, ведь заменить было некем, хоть сам становись за весы.

Отношения с девочками с самого начала складывались совершенно своеобразно. Договора-то с ними о материальной ответственности торг действительно заключить не мог, поэтому вся ответственность за сохранность ими денег лежала на завмаге. Могло, конечно, случиться что угодно, они могли крупно передать сдачу, так как магазин работал без касс, могли не уберечь деньги, отлучаясь в туалет, могли, наконец, просто взять любую сумму, и дело с концом, ничего не докажешь, Кряхти, Серба, но – плати. **Остаток** товаров в отделе они, разумеется, вначале **вывести** никак не могли. И бесполезно было требовать от них ведения записей по подотчёту, ни черта такого они вначале не умели, в лучшем случае старательно переписывая то, что велел им для практики переписывать Серба. На **счётах** считали еле-еле, политехническое не предусматривало познание **абак**, как

главного инструмента подсчётов в советской торговле. Но постепенно, день за днем, их старание переходило в умение.

Сдавая выручку, они первое время вываливали из карманов фартуков на пятьсот-шестьсот рублей смятых грязных ассигнаций, даже не догадываясь, какую сумму составляет та груда на столе у Семёна Станиславовича. Он сам, не гнушаясь пересчитывать их деньги, записывал сумму, для порядка давал им расписываться в тетради, хотя отлично знал, что никакой юридической силы их закорючки не имеют.

Одно он им внушил с первого дня, - деньги должны быть сданы в банк как можно быстрее и полностью, это и не деньги даже, а куча грязных замусоленных бумажек, после пересчитывания которых надо хорошенько вымыть руки. И он не ошибся. За четыре месяца работы лягушат, как их стали с первого дня называть взрослые продавцы, ни у одной не было недостачи ни на рубль. Он их тоже не подводил, так как оказался он бесчестным человеком, мог бы инсценировать любую недостачу и родители лягушат наверняка бы заплатили. И девчонки работали на совесть.

Правда, мороки было с ними до чёртиков, выкидывали поначалу шулки ой-ой-ой! Но главная беда заключалась в их возрасте. Парней по вечерам набивалось в их отделы уйма. Всё же постепенно работа наладилась, пацанам, которые добились их внимания и более или менее постоянно приходили после работы встречать своих подружек, Серба разрешал находиться в торговом зале, остальных беспощадно изгонял, а его на поселке боялись, так как знали, что случай чего, он не поленился съездить в райотдел милиции и вызвать патрульный мотоцикл для остепенения, а иногда и отрезвления увлекшихся дон-жуанов.

В начале года Семён обнаружил, что отчаянно влюблен. Прекрасной Дульсинеей стала продавщица Соня, одна из тех трёх, что пришли в магазин осенью после десятого класса.

Сонечка быстро освоила премудрости продавца и вскоре

начала самостоятельно работать в бакалейном отделе. В небольших магазинчиках завмаг он и завскладом, и грузчик, и кассир, и вышибала. В таких точках, расположенных на окраинах, коллектив обычно женский и завмаг ещё, если он мужчина, в придачу и главный мужчина. Соня была небольшого роста, с густыми русыми волосами, заплетёнными то в тяжёлую косу, то в увесистый конский хвост или просто в школьные хвостики с бантиками. Глаза карие, весёлые. Губы пухлые, сочные, лицо простое, милое, в веснушках. Стройная, миниатюрная.

Соня встречается с бывшим одноклассником Володькой, но это не стало препятствием к её бурному роману с Сенькой. Прямо-таки, бес попутал... Они использовали каждую возможность хотя бы мгновение побыть вместе. Целовались в подсобках, на складе, в каморке завмага с громким названием "кабинет"... Других возможностей, конечно, не было. Девочка жила неподалёку на поселке "ДД" в частном домике, её отца Анатолия Семён знал в лицо, как постоянного покупателя.

Сенькин верный друг Бэра Извеков стал его поверенным и честно делал всё, чтобы помочь в тонком деле любви. Март выдался очень тёплым, и Борис на своем таксомоторе в первый же погожий день вывез Сеньку с Сонькой на свидание в плавни на берег Днепра за Южным поселком. Набрали выпить и закусить и **слиняли** часа в два дня под предлогом перерыва. Конечно, после небольшого обеда Бэра великодушно пошел побродить по берегу, а Семён с Соней накинулись друг на друга, как голодные звери. Неудобства любви в машине ими не отмечены. Через часок Семён позвал Бориса, лениво кидавшего в воду камешки метрах в ста...

В апреле получился первый скандал. Семён расхрабрился и повёл как-то Сонечку днём в мамину квартиру, рассчитывая, что мама придёт на обед к двум часам, а то и не придёт вовсе, так как часто обедала с приятельницами на рабочем месте в своей бухгалтерии. Пришли чокнутые любовники часов в одиннадцать,

уйдя из магазина под предлогом, что уезжают на базу заказывать товар. Семён несколько минут поговорил с парализованной бабусей, располагавшейся в спальне, а потом под каким-то предлогом нагло закрыл дверь в её комнату.

Расстелили диван и, не мешкая, окунулись в океан африканских страстей. Незаметно пролетело пару часов. Когда в дверях заскрипел мамин ключ, Сенька понял, что это полный завал. Хорошо ещё, что на двери звякнула цепочка. Он подошел и сказал маме, что не может открыть дверь, поскольку не один... Хорошо бы при этом сквозь землю провалиться, но дом был новый, да и третий этаж не приспособлен для проваливания сквозь него бесстыжих сыновей... Мама грохнула дверь и, обиженная вусмерть, ушла.

Семён с Соней быстро оделись и выбежали из подъезда. Вскоре они вскочили в трамвайчик маршрута № 5, бегавший туда - сюда два километра по улице Глиссерной от Пристани до площади Свободы. Когда грешники выстрелились из вагона на площади Свободы, вдалеке Сенька заметил маму, которая не могла не проследить, с кем это он связался... Сын по негласным правилам семейной игры сделал вид, что её не заметил. Никогда затем они с мамой на эту тему не говорили, но он уверен, что она в тот раз тяжело переживала за него...

Хотя, конечно, её главной мечтой было, чтобы Семён разошёлся с Маней. Само собой, мама никому не рассказала о его интрижке. Ему казалось, что никто в магазине так и не догадался о его подвигах Геракла...

Летом его проблемы с Сонькой облегчились. Они просто уезжали разными автобусами до Южного вокзала и приходили к условленному месту на пустынном берегу Днепра, непроходимо заросшему ивняком, и там растворялись в буйных джунглях. Им-то и надо было всего ничего - небольшая отмель с чистым песочком, окруженная зарослями, и пару часов солнечной погоды...

В то же время Соня активно гуляла с Володькой, возможно,

обучая его всему, что познавала во время бурных свиданий с Семёном. Однажды она разыгралась с Володькой днём в своем доме, полагая что предки придут только вечером. Великовозрастные дети разделись догола и занимались приятным делом, когда под окнами мелькнула голова Сонькиного отца, который почему-то, работая механиком автоколонны, ушёл в тот день с работы пораньше. Володька мгновенно сообразил, что **завал**, и инстинктивно спрятался классическим способом - в платяной шкафу. Сонечка накинула халатик. Вошедший отец мгновенно сообразил что к чему, увидя на спинке стула Володькины штаны.

- *Вылезай, козёл паршивый!* – Заорал, захлебываясь адреналином, отец.

Молодой козёл, красный, как рак, и вовсе не паршивый, стыдливо закрывая ладошками божий дар, с позором вылез из шкафа...

На следующий день Сонька пришла на работу в слезах и при первой же возможности пошушукалась с Семёном, всё рассказав о **завале**.

Отец не стал даже слушать её версию о том, что у неё с Вовкой ещё ничего не было, что просто так, игра... На семейном совете родители решили сводить девицу к гинекологу, и если подтвердится худшее, то сдать Вовчика в милицию за изнасилование, или пусть бегут с Сонькой в ЗАГС...

Семён срочно встретился с Бэрой, и тот, как всегда, вызвался помочь. Сенька рассказал о договоренности с Бэрой Соне, и она немного повеселела.

План заключался в следующем. Софья напомнила матери, что уже совершеннолетняя, ведь ей недавно стукнуло восемнадцать, и вести её за рога к гинекологу, как поганую козу, просто неприлично. Что люди скажут? Она пообещала матери и отцу, что поедет в 1-ю поликлинику и запишется на приём к хорошему специалисту, а родители придут ко времени приёма и сами переговорят с

врачом, узнав всё то, что они хотят узнать. Она девочка порядочная и не позволит какому-то Володьке овладеть ею до законной свадьбы... Родители согласились с доводами Сонечки.

Через пару дней в условленное время родители Сони приехали к нужному подъезду поликлиники. Сели на скамеечку у входа и стали ждать Соньку, которая уехала на приём часом раньше. Вот нашкодившая дочь выходит из подъезда и говорит родителям, что врач их ждёт, чтобы объяснить, что он её уже смотрел и всё в порядке. Родители заходят в подъезд и начинают подниматься за Сонькой на второй этаж. В это время по лестнице торопливо спускается в ослепительно белом халате солидный доктор с кожаным саквояжиком. Соня хватает его за рукав и говорит:

- Доктор, вот мои родители, поговорите с ними, вы же обещали...

Врач смотрит на часы и отвечает, что уже опаздывает на совещание в облздравотдел и уделить время предкам, увы, не может...

- Так как там наши дела? – Загораживая проход, хитро спрашивает бдительный Сонькин папаша.

- Дела на сегодняшний день прекрасны, – притормаживает на мгновение доктор и, снисходя до банальности, великодушно хлопает папахена-паникёра по плечу, *- ваша дочь не только скромница, но и человек больших нравственных качеств. Вы можете гордиться, что воспитали такую дочь. Но имейте в виду, товар – скоропортящийся...*

И врач, широко улыбаясь, побежал вниз, на ходу снимая халат и запихивая его в саквояж.

Рванувшие за ним родители с порога поликлиники увидели, как доктор торопливо подошел к стоявшей в отдалении серой 21-й "Волге", сел в неё и стремительно, как заправский шофер, умчал в ихний дурацкий облздравотдел.

- Сонька, прости меня, старого дурака, - повинился папаша, а мать прожгла его уничтожающе-гневым взглядом. И все трое

умиротворённо дружной семейкой пошли на трамвайную остановку.

Надо ли говорить, что роль мудрого доктора блестяще сыграл Бэра, народный артист академического театра абсурдных миниатюр...

А вскоре сладкие Сенькины отношения с Сонечкой угасли сами собой. Другие дела и авантюры увлекли перспективного работника советской торговли.

Перегорело и у Сони. Её родители не хотели дальше рисковать и, придя к взаимопониманию с родителями Вовки, форсировали свадьбу, успешно хотя и несколько поспешно сыгранную в конце июля...

Так, в ежедневной суете и колготне и Октябрьские подоспели, и Новый год незаметно нагрязнул. Опять предпраздничная торговля, Деда-Морозы, Снегурочки... Наконец, весной выдалась относительно свободная полоса, и Семён отпросился у Бочковского на недельку съездить в Ленинград. Он давно решил оформить развод с Ниной, от которой около пяти лет не было никаких известий.

Тем более, что Наточке и Ксенюшке рано или поздно идти в школу, а в графе отец будет прочерк. Нехорошо. Сеньку настойчиво склоняют к оформлению отцовства, а стало быть, и к браку. И он, в конце концов, поддался.

А тут как раз выдали квартальную премию, что вкуче с зарплатой за март составило весомую сумму. И – была не была! – в конце апреля Семён подался в Ленинград разыскивать Нину, чтобы развестись.

Поезд лениво постукивал на стыках, подваливая к Харькову. Был час ночи, но Сербе не спалось. За пять часов езды в купе перезнакомились. Пухленькая москвичка Тоня возвращалась домой из командировки. Хмурый дядька Егор Иванович ехал

проводить из Москвы сына на целину. Спортивного вида Николай ничего о себе не объяснил, просто для знакомства поставил на столик бутылку крепчайшего, как оказалось, самогона. А Серба сказал только, что едет в Ленинград.

В Синельникове Серба и Егор Иванович сбежали в станционный буфет и возвратились с двумя бутылками дрянного портвейна и дюжиной пива. Началась обыкновенная вагонная складчина. Тоня вытащила недоваренную общепитовскую курицу, купленную в вокзале в последнюю минуту перед отходом поезда, и булку. Егор Иванович извлёк из объемистой синей **кожимитовой** сумки целую гору домашней снеди, из которой особенно настойчиво напоминала о себе мощным запахом домашняя колбаса, выблискивало толстенное, в два **вершка**, сало. Серба положил на столик литровую банку с варениками (походные, с картошечкой), сиротский десяток яиц и складной ножичек.

Через некоторое время на столике стало гораздо просторнее, особенно после того, как Тоня вынесла в тамбур объемистый пакет с объедками. Путешественники перешли к поезвному чаю и анекдотам. Заболтались так, что и час ночи не ощущался поздним временем, тем более, что до Москвы было еще не близко: прибытие по расписанию на следующий день в одиннадцать часов утра.

Проводники уже давно выключили верхний свет, и в загородке купе стоял густой мрак, поскольку мерцала лишь лампочка в коридоре, да и то в полнакала. Егор Иванович оказался тупым, но упрямым мужиком. Он непрестанно пытался всучить слушателям свои рассказы о том, как не умеют жить молодые, как, будь его воля, он бы поучил всяких там стилияг и тунеядцев, для чего их надо остричь и вывезти в холодные края. Лодыри завсегда жить мешали. **Ни робыты, ни пыты нэспособнякы.**

Николай старался, пользуясь темнотой, поладить Тоню, она досадливо отбивалась, но сопротивление лишь распалило его спортивную натуру. О том же, если разобраться, мечтал и Серба,

но не решался своим паскудством испортить то неплохое впечатление, которое, чувствовалось, он произвел на Тоню.

- *Уйди же, скотина!* – Негромко ругнулась Тоня, на что Николай пьяно икнул и ушел в тамбур перекурить, махнув рукой в смысле: *"Черт с тобой, глупая баба!"*.

Она устало подумала, что неплохо бы согрешить с Сенькой, таким славным попутчиком, поскольку обожала брюнетов. Он это почувствовал и несмело положил ей руку на плечо.

- *Тоня, а муж не боится вас отпустить по командировкам?* – Спросил предельно глупо. Но она не отвела его руки, что он истолковал, как хороший знак. Ей же было приятно и не хотелось даже думать о семейном долге. Поездной быт не налагал на пассажиров никаких обязательств ни перед обществом, ни перед коммунистической моралью, кроме обязательности взаимного согласия в любых начинаниях.

"Хорошо бы ты догадался меня поцеловать, Сенечка...", - подумала она, и её мысль Серба угадал интуитивно, прямо-таки телепатически. Рука его горячей змеей поползла по тонуному телу, жадно изучая его и наполняя восторгом каждую кровинку молодой женщины. Вроде невзначай он наткнулся пальцами на мягкую грудь, не встретив отпора, уверился в согласии и крепко стиснул Тоню в объятии.

"Наконец-то, глупый!" - молча улыбнулась она, отвечая ему жадно и опытно.

- *Только и спеху, что в потёмках шебуршить*, - проворчал с верхней полки Егор Иванович, о котором они попросту забыли. Вернувшийся Николай быстро оценил положение и, нервно дергая сырые, до невозможности застиранные простыни, устроил с горем пополам постель и улёгся на своей законной нижней полке, ещё долго сверля парочку злыми глазами. Но по неписанным законам поездного кодекса ни Серба, ни Тоня не обратили на его недовольство никакого внимания, надолго забывшись друг возле друга. Нацеловались, как молодые. Но и только. До большого

греха не дошло из-за соглядатая. Лишь когда поезд остановил свой бег у перрона Курска и по вагону затопали разящие смердючим потом сапоги курян, когда прошлась по ногам мокрым венником заспанная проводница, с ленивой завистью осмотрев охальников завистливым оком, и когда она, наконец, ушла, гремя пустыми бутылками, собранными со стола, как плата за их бесстыдство, лишь тогда Серба уложил Тоню поспать и нехотя прыгнул к себе на верхнюю полку. Но ещё долго он не мог сомкнуть глаз.

Утром все встали, как ни в чем не бывало. Проводница разнесла ароматный эмпээсовский чай, Егор Иванович поглощал остатки вчерашнего пиршества, по-хлевному чавкая и отрыгивая, Николай ушел играть в шахматы в соседнее купе, а Тоня, оказавшаяся на поверку потертой двадцатипятилетней синтетической блондинкой, но всё ещё довольно хорошенькой, несмотря на усталость после бессонной, хотя и безгрешной ночи, прозаически, по-бабски жаловалась Сербе на мужа, который ей безбожно изменяет, и на глупую неинтеллектуальную, бесперспективную работу.

"Сама ты тоже не дура оскомину сбить", - неодобрительно подумал Серба.

Себя, однако, за флирт он несколько не осуждал. Резон был по-мужски прост: если никто не узнает, значит, и сожалеть не стоит. Однако и он не удержался от соблазна поисповедываться и рассказал Тоне, зачем едет в Ленинград. Но досказать свои проблемы он не успел, так как диктор поездного радио объявил, что поезд прибывает в столицу нашей Родины - Москву.

Уже в суматохе сборов Серба записал телефон Тони, так, про всякий случай, зная, что, пожалуй, никогда им не воспользуется.

- Имей ввиду, что это телефон служебный, лучше, если спросить Антонину Петровну.

- Тонечка, я непременно зайду, когда буду возвращаться обратно, - пообещал Серба, пробираясь вслед за Тоней по

коридору вагона.

Её встречал муж, по-столичному тщательно одетый малый с пышной русой шевелюрой, без шапки, несмотря на холодную погоду, весёлый, истосковавшийся. Он подхватил чемоданчик, увлекая Тоню в туннель перехода. Через минуту Серба заметил их у касс метро. Тоня украдкой улыбнулась ему и махнула рукой. Шедший неподалёку с тяжеленным чемоданищем Николай саркастически ухмыльнулся.

С Курского вокзала Серба, не теряя времени, направился на Комсомольскую площадь. Билет до Ленинграда, на удивление, закомпостировать не составило никакого труда, однако лишь на вечерний на послезавтра, и вскоре Семён уже окунулся в знакомый волшебный воздух и суету Москвы. Звонить знакомым ему не хотелось, и чтобы убить время до вечера, Семен решил просто побродить по улицам. Вечерний поезд он выбрал с умыслом выспаться ночью, так как не знал ещё, как получится устроиться в Ленинграде.

Доехал на метро до "Дзержинской" и с удовольствием прошелся по проспекту Карла Маркса, который помнил ещё, как Охотный Ряд, погулял по Красной площади, перекусил в новом кафе на улице Горького.

Как раз получился второй день Пасхи. Сенька решил попытаться попасть на праздничную службу. Ему не надо, как партийцам и комсомольцам, блюсти идейную чистоту и обходить церкви десятой улицей. Напротив, неодобряемое властью посещение храмов как бы добавляло ему всякий раз самоуважения, хотя в Бога Семён, понятное дело, не верил.

Но, как ни парадоксально, считал себя верующим. Только верил он в другие, более прозаические, приземлённые понятия. Проскочив на метро до "Бауманской", Сенька пробился-таки в Елоховский собор на службу где-то часа в четыре дня, но не рассчитал место, выперся на середину зала и его затёрли в центре

храма до утра.

В таких ситуациях главное выдержать, чтобы не упасть. Рядом с Сенькой так же страдают две девушки. Как оказалось, одна из них, Света, работает в **Театре кукол** где-то неподалёку, а другая, Вика, её подруга. Познакомились.

Во время службы молодой попик, проходя в двух шагах от них, кидал красноречивые взгляды. Часа в четыре утра, когда немного отхлынул народ, Сенька кивнул попику, дескать, **хилляй** на выход. Трудно продирались на свежий воздух. У служебного входа в храм попросили женщину в чёрном позвать молодого попика, который плёлся последним во время церемоний. Мрачная фемина ушла, осуждающе покачав головой, но не подвела и возвратилась с молодым христомзаступником Василием. Слуга божий улыбается и протягивает руку для знакомства. Он всё понимает и на всё согласен, он современный человек...

Через минуту сын божий Василий, тотчас переименованный Сенькой в Бэзила, возвращается в цивильном платье, и единомышленники скорым шагом (писать хочется невыносимо!) идут-бегут через улицу в комнатку в большой коммуналке, где живет Света. Сначала все, кроме Василия, **мотают** в туалет, а затем начинается основательный загул по схеме 2x2...

Сенька с Бэзилом-Василием вырвались из этой гостеприимной комнатки через три дня, обнявшись и лениво рассуждая о Боге и о тайнах мироздания... У каждого в нагрудном кармане гнездилась бумажка с телефонами не связанных буржуазными предрассудками комсомолок Светы и Вики.

Ещё через час Семён устало повалился на диван в мягком вагоне "Красной стрелы". Отказать себе проехаться в Питер по-барски Сенька не мог даже с оглядкой на куцый бюджет в кармане. Один раз живём!

В купе оказались Семён и почти хорошенькая женщина, ленинградка из какого-то НИИ. Формально познакомившись, он

смежил глаза, извинившись, что укладывается спать. Полагая, что он спит, ленинградка, почему-то не выключив потолочный плафон, совершенно до нага разделась и, разок легко повернувшись перед зеркалом, легла, укрыв своё бледное тело одной простыней, так как было по-банному жарко.

Семёну совершенная нагота попутчицы как бы приснилась. Несколько часов он беспокойно спал, мучаясь тяжелым, похабным сном, а затем в четвертом часу вышел в туалет. Ленинградка из НИИ спала ангельским сном, прикрывшись помятой простыней. Возвратившись из похода, Семен увидел смятенно, что простыня сползла с женщины, и в тусклом свете ночника её белое северное тело смотрелось продолжением сна.

"Нельзя!" – Твердо приказал он сам себе. Поднял простыню и прикрыл, стараясь не смотреть, женщину. Она потянулась во сне и как бы не понимая, что творит, протянула к нему руки. Упругие груди позвали.

До утра он овладел ею дважды, а потом они уснули, но уже на одном диване, так и не обменявшись за ночь ни единым словом.

Когда поезд замер, наконец, у перрона Московского вокзала, Серба, стоя в тамбуре в очереди выходящих из вагона, услышал, как его спутница сказала тихонько проводнице:

- Всю ночь не спала и даже не раздевалась. В купе со мной ехал мужчина, и я так боялась. Мало ли что!

- Ну и напрасно, голубушка, - ответила проводница, по-женски участливо посмотрев на ленинградку, - пришла бы ко мне, я бы тебе в другом купе место определила, была возможность... Мыслимое ли дело – ночь не спать. А теперь мешки вон под глазами!..

Серба услышал этот диалог и слегка отстранился от ленинградки.

- Здравствуй, Тонечка! – натурально обрадовавшись, крикнул кто-то. Флотский офицер, красивый, как Аполлон, форменный мареман, по-хозяйски обнял спутницу Сербы, оттеснив его

мощным плечом. Невесело улыбнувшись сам себе, Серба направился в гостиницу "Октябрьская", где к своему удивлению быстро попал в номер на двоих, оформил документы, принял душ, переделся, а затем поехал на Васильевский остров в университет вычислить там свою законную жену.

Разыскав ЛГУ, а в нём матмех, Сенька просительно расспрашивает народы. Потратил полдня. Нигде не нашёл Нины. Наконец, выходя из буфета на матмехе, где она должна была бы быть, он вдруг увидел до боли знакомую хрупкую фигурку. Вон же, в начале лестничного марша со второго этажа, на широкой площадке стоит, протирая очки, его законная жена Ниноля.

– *Нина, я здесь!* – Орёт Семён.

Нина вздрогнула, медленно тронула ножку и заскользила по ступенькам. Но, царственно сбегая с шикарной лестницы, она, как всегда, не смотрела под ноги, и едва не упала, но успела схватить заскользившие было по носу очки.

Радость и слезы.

- *Нина!*

- *Сенька?!*

Уведя его в уголок поукромнее, одела очки и стала внимательно осматривать, нервно затягиваясь сигаретой. Мимо проносились студенты, попадались и её коллеги. Они подозрительно оглядывали Сербу, дескать, с кем это **их** Нина балагурит.

- *Ну, и как я выгляжу?* – Кокетливо спросила Нина. Они не виделись почти шесть лет, а Сербе показалось, что не было этих, в сущности, длинных и бестолковых лет. А Нина действительно выглядела свежо и даже эффектно в чудной тёплой юбке и сапожках.

Почему она задала именно этот женский вопрос, Серба уяснил вечером, после того, как они вдоволь наговорились, сидя в зале гостиничного ресторана, а затем, захватив пару бутылок мадеры, у него в номере. Другого жильца, соседа по номеру, не было в

наличии и не могло быть в принципе, потому что Сенька оплатил двухместный номер, но заселился один, поскольку приехал к жене-студентке, которая, как ленинградка, получить место в местной гостинице не имеет права, хотя пребывать в гостях у мужа право вроде бы имеет... Дежурная по этажу просекла гостью. Но поскольку в его паспорте есть штамп о браке и ещё в наличии свидетельство о браке, гостиничные шавки шипят, но разрешают им быть вместе до утра. Супруги пьют невыносимо много портвейна, как в добрые старые времена в МГУ, и плачут над своей подлой судьбой, в которой, увы, ничего нельзя изменить.

Ему было интересно узнать, что она делала семь лет, и Нина рассказала всё подробно. Заканчивает таки матмех. Хотя и бросала на два года, и едва не перевелась за заочный. Надо было работать, зарабатывать на пропитание. Будет кем-то вроде вычислителя в секретных военных частях. Очень **актуально**. Перспектива поехать в Бийск, в военный институт. Весной защита. Нет, не диссертации, пока диплома. Хорошо, что и Сенька заканчивает торговый. Посмотрела, как прежде, но не позвала. Пили, как лошади. Стыдно и горько. Жена, законная, а подумать не могли!

В половине третьего позвонила куда-то. Чтобы Мишка не волновался. Скоро, мол, приеду, не глупи, деловой разговор и только. Все глупо. Рассказала, что Мишке – двадцать два. Кандидат наук. Ужасно **перспективен**. Кто же это говорил о перспективе и когда? Ах, да! Тоня в поезде: "... работа бесперспективная."

Мишка хороший. Сошлись на почве математики. Увлеченность, как у семнадцатки-абитуриентки. Большая наука. Сделала пару аборт. Начихать, что подумают. Вспомнили МГУ. Зиму в Снегирях. Как ночной морозный ветер насиловал сосны вдоль шоссе. Мне скоро двадцать девять, а тебе тридцать – жуть, надвигается старость... Везде вокруг – жулье. Не говори так!.. Дай спички! За твоё и моё!.. До завтра, Сенька! Ниночка, родная!..

На утро пропечатался сосед по номеру. Его, оказывается, всё же подселила администратор в 22 часа, потому что командированный из Москвы стал скандалить, тыкать в морду каким-то удостоверением. Опять-таки, можно за сутки оплату одного койко-места дорогущего номера не проводить по ведомости...

Сосед, доставая из своего портфеля бритвенные причандалы, тотчас поделился наболевшим:

- Хороша **чува!** Я заглянул было, но не стал мешать. Спал у соседней. Добряки. Сообразили, что к чему. Гуманисты! Ну, и как, **накатался, жулик?**

Серба не помнил, как Нина ушла. Последнее, что отметилось в памяти, - он, вдребезги пьяный от вина и от горя, потянул её на диван. Но Нина оказалась сильнее и, чмокнув его в щёку, сгинула.

- *Это моя жена*, - грозно сказал он соседу.

Тот пожал плечами. Подал ему со стола записку. "*В десять у касс Аэрофлота на Невском. Нина.*"

Времени в обрез. Наскоро приведя себя в относительный порядок, даже спехом выкупавшись, смывая вчерашнее, Серба побежал на троллейбус.

Нину увидел издали, через улицу. Приятное сиреневое пальтишко, вчерашние чёрные сапожки, сумочка и перчатки тоже чёрные, чёрный же платок. Но хороша, как шесть лет назад, как девочка из вашего детства, хороша.

А платок не модерный, дрянь. Оказалось, а ведь забыл, платок – подарок свекрови, его матери, когда ещё жили у неё. Нина его сберегла, потому что другого просто не было ничего памятного, чтобы беречь...

- *Привет!* – Улыбнулась Нина, стерильно чмокнув Сеньку в щёку. - *Давай скорее, шевелись, успеем на этот*, – сказала Нина, таща его за рукав к подвалившему к остановке троллейбусу.

...И вот эта улица, вот этот дом. Супруги заходят в суд,

разыскивают канцелярию и подают заявление о разводе. Всё сложилось так удачно, что через полчаса они уже оказываются на приёме у судьи. Судья, умудренная жизнью женщина, назначает слушание через месяц. Нина и Сенька в один голос просят её учесть, что он издалёка и т. д. и т. п. **Фемида** вняла их горячим просьбам, проявила понимание, полистала какие-то бумаги, сделав в некоторых, вероятно, важные отметки, и назначила дело в виде исключения на завтра на 10 утра.

Получается, что весь оставшийся день можно провести вместе. И они пошли гулять по Питеру. Нина показала Сеньке всё то, что сама уже успела здесь полюбить. Конечно, много времени потратили на Эрмитаж и Русский музей. Пообедав в какой-то столовке в одном из переулков, остаток дня просто бродили. Сенька в Ленинграде второй раз, но первый раз то была бездушная экскурсия, а чтоб вот так, с любимой женщиной... С любимой женщиной?..

На запущенном до крайности Невском Сенька обратил внимание на халтурно-косметический ремонт некоторых домов. На неброских щитах адрес и телефоны подрядчика – треста «Ленфасадремонт». Вот уж нечастая ныне правда - всё, чем занимается последние годы советская власть – сплошной, непрерывный, бестолковый и безуспешный «Фасадремонт»...

Вечером Сенька с Ниной опять бросили якорь в гостиничном номере... Семён доплатил за сутки. Сосед проявил галантность и слинял куда-то в гости к местной даме сердца до утра. Уходя, шуточно погрозил им пальчиком. *“Всех благ, ребята! Я появлюсь только в 10 утра... Счастливые!”*

И вот суд.

- *Утерjali ли вы чувство любви друг к другу?* - Спрашивает у Сеньки и Нины судья.

- *Нет!..* – Отвечают они, плача и держась за руки.

- Так что же вы расходитесь, помиритесь и живите, - удивляется судья.

- Так надо, - говорят разводящиеся супруги.

Судья тяжко вздыхает, проникается неким пониманием и разводит их...

Оформив в канцелярии, где тоже входят в положение, решение и расписавшись за свидетельство о разводе, разведённые прыгнули в троллейбус и подались на вокзал решать проблему обратного билета. Понятно, что на неделю вперёд никаких мест на нормальные пассажирские поезда уже не было. Пришлось брать за последние гроши билет на роскошную ночную "Красную стрелу".

Оба чертовски устали. Нервы. Двухдневная пробежка по музеям и проспектам. Две ненормальные заумные ночи. Всякие непутёвые мысли в бестолковых головах.

Вернулись на Невский. Зарулили в кафе "Норд", недавно патриотически переименованное в "Север", где заказали на скромный прощальный ужин по карбонату с овощами, просто безымянный сыр, нарезанный просвечивающимися ломтиками, и неизменный красный портвейн. Официант предложил "Крымский". Поиздевался над нашими страдальцами.

- Уважаемые молодые люди! Я бы посоветовал даме херес. Всё-таки, портвейн – не женская забава...

- А мы не для забавы, а для аппетита, – ответил Сенька.

В "Норде" курят. Нина шмалит сигарету за сигаретой. Пачка "Лайки" тает на глазах. Ребята молча сидят и пьют. Пьют и плачут. Народ удивлённо посматривает в их сторону.

Вечером Нина усаживает Сеньку в "Красную Стрелу", и вот он, прощальный поцелуй!..

- Нина, Ниночка, солнышко моё, я счастлив, что ты была в моей жизни. Нет, что ты **есть** в моей жизни!.. Какой же я дурак! Ничего в жизни не смог добиться, без толку задурил тебе голову...

- И я, Сеня, и я счастлива, что ты у меня **есть и будешь**...

прости!..

Расставание, как теплоход, неотвратно отваливающий от пирса. Отданы концы, сантиметр за сантиметром увеличивается просвет между бортом и причальной стенкой, но ещё можно, сжав нервы в пружину, разогнаться посильнее и прыгнуть, повиснув на такелаже, если борт невысок.

А вот не прыгаешь, загипнотизированный оцепенением расставания. Не отменяешь мерзкую неизбежность, с чем, отвергая и кусая губы до боли и крови, уже внутренне смирился – на то она и неизбежна!..

По пути домой, вынужденно тормознув в Москве для пересадки на поезд в крымском направлении, Сенька снова на сутки оказался в столице.

Естественно, сдав чемодан в камеру хранения и сбежав в жуткий вокзальный туалет, перекусив парой холодных буфетных котлет и проглотив стакан желудёвого, но зато горячего кофе, гость столицы перебрался на Курский вокзал. Попотев часа три в билетной очереди на Курском и закомпостировав билет до Запорожья, Сенька рванул, размахивая коричневым портфелем, в метро, возвращаясь на “Комсомольскую-кольцевую”, откуда перешёл на Сокольническую линию, чтобы побыстрее добраться до улицы Горького. Ну, а там уже давно освоенные места. Гуляй хоть целый день – не соскучишься!

Дойдя до площади Маяковского, не утерпел, позвонил Галке Хлопониной.

- Бог ты мой, Сенька! Откуда ты звонишь? – Как встарь, горячо и преданно защebetала Галина. – На Маяковке? Я сейчас приеду, дай мне пять-десять минут, не убегай! У выхода из метро!

И действительно, минут через десять она явилась, упаренная, растрепанная, как всегда. Расцеловались чопорно и независимо, в

щёчку. Пошли, занимаясь привычным трёпом, куда глаза глядят. Глаза глядели в прошлое и поэтому привели их на Бауманскую, в Елоховский собор. Старый знакомый принял по-домашнему тепло.

В далёком 1955-м после комсомольского собрания Сенькиной группы второго курса, крепко поспорив, весь состав группы пошел в Елоховку выяснять секреты влияния церковников. Робко и неуклюже полтора десятка парней и девчат вошли в тишину и благообразность громадного собора. Поразились великолепию росписей и утвари. Ходили, стараясь громко не дышать, как ходят по Третьяковке, сняв кепки и молча. Думалось, почему государство не купит эти картины и иконы, несомненно, огромной художественной силы, для музеев. Узнали от благообразных старушек, что полотна не продаются. Удивились, что композиция пришествия Христа донельзя напоминает парадные картины о Сталине.

В правом приделе заметили крупную икону – Божья Мать с младенцем, церковный стандарт. Просто топтались, **планомерно** осматривая помещение, у богатой, вычурной церковной утвари. Две никчёмные старушки, слегка тесня одна другую, целовали оклад иконы. Несколько свечей бросали слабый жёлтый сноп света на лицо Богоматери старинного письма. Мария смотрела куда-то влево, сквозь пустое и суетное. На руках – младенец как младенец. Но взгляд Марии приковал внимание распалённых собранием комсомольцев сразу же. Знакомый взгляд. Комсомольцы силились вспомнить, чей. Взгляд не отпускал. В нем безысходная, беззлобная печаль. Печаль и всё. И ни слезы, ни стоны – только взгляд.

Комса потом додумалась, очнулась. Сикстинская мадонна смотрела так же, но Мадонна тихо улыбалась, а здесь – всё Печаль. У комсы тогда не убавилось атеизма, но, возможно, прибавилось человечности...

У Сеньки подкатил к горлу комок. Не один год пробежал. А каждый раз, бывая в Москве, пусть даже проездом на полдня, он

теперь непременно выкраивал время зайти сюда и постоять у Марии несколько горько-блаженных минут. Остальное, считал он, - музей и мишура. А взгляд Богоматери – обжигал.

Серба оглянулся. Галка плакала, хотя её и не было тогда. Но у неё своя любовь к Елоховке, ещё от покойной бабушки, ещё со школьных лет, и она часто бывает в соборе.

Но ведь когда неделю назад Сенька затесался сюда на пасхальную службу, то предал атмосферу своего многолетнего тихого почтения перед Печалью. Он **скурвился** и по уши окунулся в паскудство с Бэзиллом-Василием и парой столичных **прошмандовок**. Сказать Галке о своем падении неделю назад? Срамота! Нет! На такое сегодня ещё сил нет...

- Галь! Я здесь часто бываю... И хорошо, что это и твоё главное место... Хочешь, я тебе расскажу, для чего ездил в Питер?..

И он стал торопливо исповедываться верному товарищу.

- Я так и думала... – Горестно вздохнула Галина.

- Как ты думала?..

- Ну, просто, я теперь знаю, что ты не переберёшься в Москву, ты останешься хорошим отцом своим дочкам. Я тебя не отвозила для Москвы... Не одолела притяжения провинции... Ты – странник. И твоя судьба странствовать только по своим картам...

Выйдя из собора, попрощались. Время подгоняло обоих. Галка спешила к мужу объяснять, где задержалась, а Сербе неплохо было бы тоже поторопиться, так как поезд на Крым отправится через сорок пять минут.

- Пиши, - сказала Галка. Но не настойчиво, так, для проформы. Они переписывались лениво, одно письмо иной раз за год-полтора. Хотя бывало, что и зачатят.

- Пока, - сжав худенькую руку верного друга, ответил Серба,

подсаживая её в троллейбус...

Вернувшись домой в Запорожье, Семён уже через неделю поспешил поделиться с Галкой новостями.

“Галка, привет! Припекло. Решил поделиться своими непреходящими проблемами. Ну рассуди сама.

*2-го сентября мы с Марией Александровной Драксис регистрируем наш фактический брак (свидетельство о браке мой подарок М. А. ко дню рождения, всё-таки её 30 лет – круглая дата) и я удочеряю своих милых дочурок – Наточку и Ксенюшку. В свидетелях опять знакомые лица – лицо кавказской национальности Венера и **лепший** друг Борька Извеков.*

*Однако моя надежда на то, что с оформлением брака Маня изменится в лучшую сторону, не оправдалась. Ещё весной она подружилась с этой **смурной** Венерой. Меня, правда, для равновесия пытались подружить с венериным мужем, тоже горцем, Бобом, но мне он определенно противен, и я с трудом делаю вид, что совместные посиделки мне интересны.*

Между прочим, эти сыны гор, при всем моём уважительном отношении к нацменам, ведут себя в Запорожье очень разнuzданно. Венера ходит налево, Боб – направо. На другой день спокойно обмениваются впечатлениями...

Венера помыкает Бобом, но он, улыбаясь, делает всё по-своему. Однако когда приезжали в прошлом году родители Боба, так Венерка даже в комнату боялась заходить. Она и свекровь только заходили в зал заносить блюда, а сидеть за столом мужчины их и не думали приглашать...

Наши друзья учились в Запорожье, да так и остались. Здесь же устроился и старший брат Боба Вагиф. Он работает старшим военпредом на трансформаторном заводе, живет богато.

Свадьбу играть они ездили на Кавказ. Они же, смеясь,

рассказывают, как обманули гостей и родителей. Свадьба была на родине Боба в горах. А там к природным достоинствам невесты строгие требования. Надо выйти к пирующим гостям и показать окровавленную простыню, иначе могут невестинной родне и морды набить...

*Так вот, Венера и Боб оказались перед серьёзной проблемой. Но всё получилось великолепно. Боб во время пира **зачнил** в карман пиджака вилку. А когда их отвели в парадную горницу и оставили наедине, то через часок жених тихонько выбрался в загон, примыкавший в сакле. Там он долго тыкал вилкой первую попавшуюся овцу, пока не пошла кровь. Замарать простыню овечьей кровью затем уже не составило никакого труда. Проблемно было пьяному Бобу в принципе устоять в хлеву на ногах, не уснуть в обнимку с животными, но это уже издержки жанра. За всё надо платить. Он и заплатил синяком на лбу, которым хорошенько вмазался в притолоку хлева. Под утро к молодожёнам вошла мамаша Боба и забрала злополучную простыню для показа всё ещё пирующим гостям. Радости аборигенов не было предела. Пир разгорелся с новой силой...*

Познакомившись с Маней, Венера стала её таскать на свои приключения. Ей очень помогало, что в паре с ней работает блондинистая хохлушка. На Манькином фоне мрачно-чёрная, волосатая, как горилла, Венерка, тоже проходила за первый сорт... Теперь я знаю, что они часто ездили на Правый берег в гости к Вагифу, который первый оценил Венеркино приобретение.

Днями вернулся из командировки. Ездил в Крым в знаменитый винколхоз имени Ленина (Ильич и в винах, стало быть, разбирался) закупать виноградные вина. Набрал вагон очень приличных вин и отправил по железной дороге в адрес Зелёноярского гастрономторга, с тем, чтобы по прибытии вагона взять с базы торгова побольше ходовых вин к очередным праздникам .

Вернувшись, узнал от соседки по коммуналке сплетницы Вальки Савенко интересные новости. Оказывается, как только я со двора, тёща ушла «отдохнуть от скандалов» пожить недельку-другую у своей подруги Катьки-с-Малого-Базара, забрав с собой Натю. Моя любезная Манечка осталась одна, чтобы тоже отдохнуть от меня и мамашки. Она несколько раз приводила к себе двоих **черномордых**, похожих на турок, с которыми оставалась до утра, устраивая оргии... При этом она каким-то образом усыпляла Ксенюшку, так что ребенок всю ночь вёл себя тихо и не мешал маме полноценно отдохнуть. Пару раз в оргиях участвовала и Венерка.

Всё это Савенчиха выложила мне на кухне, таясь и от Марии, и от вернувшейся к моему приезду мамашки, которых люто ненавидела.

Я намотал информацию на ус. Вначале было психанул, но, к счастью, никого моих дома не было, а когда они появились, я уже всё продумал и решил сделать вид, что ничего не знаю. Всё равно доказать это я бы не смог, а сам оказался в роли ревнивого рогатого козла. Я понял, что нужно жить проще, не полагаясь на порядочность близких, которая всегда в дефиците. Нужно жить для себя. Конечно, мне бы встать и уйти, но я не тот человек, который может хладнокровно бросить своих двоих детей... Впрочем, я уже расставался с Марией. И не раз. Так что если будет ради кого, то заберу детей и – на свободу...

Твои предложения о переезде в Москву, как видишь, вновь жутко актуальны, но пока что нереальны. Увы!..

Твой бестолковый друг Сенька.”

...К обеду стали прибывать машины с товарами для предпраздничной торговли, и Серба, одев фуфайку, стал помогать разгружать что куда. Хотя по двору лисьим шагом восьмерила позёмка, Серба расстегнул воротник рубашки и снял шарф, ящики таскать - не за столом сидеть!

Не успели выгрузить машину пива, как подъехал "Газон" с водочными изделиями, затем привезли сто ящиков ходового вина, потом машина бакалеи – всего понемногу, затем колбасы, позже ещё раз молоко, другие забрали тару, третьи привезли пустые ящики под приём бутылок. Не успела эта машина отъехать, как во дворе взвыл мотор и новый экспедитор закричал истошно, чтобы перекричать шум автобуса, надрывавшегося на развороте у магазина:

*- Эй, кто тут живой, селедочку принимайте поскорее, мне еще пять точек успеть бы **отovarить**...*

Из суеты дня Сербу извлекла Галина, крикнув ему, что заведующего просят выйти в зал. Сбросив фуфайку и накиннув пальтецо, не вдевая руки в рукава, Напустив на лицо серьезное **административное** выражение, как того требовала традиция разговора с раздражённым каким-нибудь недостатком советской торговли покупателем, поскольку покупатель всегда прав, а продавец всегда – лев, завмаг прошёл через прилавки, откинув деревянную дверцу в зал. Однако он неправильно понял предстоящий разговор, так как оказалось, что его ждут девочки, которых он вчера насильно вытащил из ресторана и о чём, собственно, уже и забыть успел.

Кивком поздоровавшись, он припомнил вчерашнее событие и улыбнулся:

- Не ожидал, честно говоря, что вы придёте. Но раз уж вы не соврали, а это прямо-таки достижение, пойдёмте сейчас со мною, так как я собрался посмотреть одно место. По дороге поговорим.

Не ожидая их согласия, он предупредил Галину, тоже вышедшую в зал и бесстыдно подслушивавшую, о чём он говорит, о том, что вряд ли до закрытия вернется.

- Пусть внимательно принимают товар, чтобы не наломать дров в предновогодней суматохе!..

По-ленински выбросив руку вперёд и тем показав Татьяне и её

подруге Нине направление движения, Серба вышел с ними на улицу и, впрыгнув, запихнув гостей, в подваливший как раз автобус, поехал с ними на новостройку Зеленоярского жилого района.

В автобусе они, однако, ни о чём не говорили, потому что было очень много народу, все ехали с работы, и кроме того, после вчерашнего, девушки чувствовали себя неловко. Они были типичные лягушата, как прозвал сначала мясник, а затем постепенно и весь горпищеторг девчонок из магазина № 52.

На окраинной улице дорогу занесло снежными застругами, и пока бульдозер зачищал её от сугробов, автобусы до последней остановки не доходили, пришлось километра полтора идти пешком. Взяв девчат под руки, Серба зашагал, когда улочка оборвалась, полем, и на открытом месте приходилось уворачиваться от ветра, резко хлеставшего по лицу.

Он был в летних туфлях, и поэтому сразу же в них набилось снегу. Девчонкам досталось меньше, они прыгали в сапожках, но и Татьяне пришлось один раз остановиться и вытряхивать колюще-обжигающие комья снега. При этом она с непринужденностью взрослой женщины держалась за поданную Семёном руку, смело взглядывая ему в глаза, от чего он смутился.

"Интрижки мне только сейчас не хватает!" – горько подумал Серба, однако внимание девушки польстило ему.

Вскоре они оказались в середине огромной стройплощадки, где десятки, не менее полусотни, пятиэтажных домов стояли прямо в степи среди груд развороченной земли, не везде ещё прикрытой снегом, стояли, казалось, без всякого порядка, хаотично, насквозь продутые ледяным ветром, большинство не законченные даже вчерне. Над ними по-родительски заботливо маячили подъемные краны.

Строителей не было видно, казалось, стройка замерла, но осмотревшись, можно было заметить, как сквозь грубо заколоченные окна пробиваются дымки наскоро выведенных

жестяных труб, это отделочники сушили стены, **гнали план**, не останавливаясь перед погодой. То там, то тут пробегал рысью рабочий, с матерщиной отворачиваясь от ветра, таща какой-нибудь инструмент или рулон материалов, зачем-то непрерывно истошно ревели, пробиваясь к заданным объектам, самосвалы и панелевозы.

Несколько раз Серба спрашивал, где здесь строится магазин, и всякий раз ему никто из встречного строительного люда не мог ничего определенного ответить. Девчата уже упарились, откровенно устали, пришлось исходить площадку вдоль и поперек, по замёрзшим колдобинам неимоверно разрытой степи, выворачивая ноги, несколько раз заходя в подъезды готовых домов обогреться, пока, наконец, им не указали правильный ориентир и они не добрались до особняком стоявшего просторного одноэтажного здания, скрытого за громадами трёх неоконченных общежитий.

Пройдя через траншею по шатким мосткам, они облегченно нырнули в теплоту хорошо обогреваемого помещения, где стоял невообразимый шум.

В торговом зале господствовали отделочники. Маляры заканчивали вторичную окраску стен, электрики подвешивали в потолку арматуру дневного света, паркетчики начали с дальнего угла шлифовку литого мозаичного пола. Всюду громоздились строительные материалы, провода, шланги сварщиков, банки и ведра с красками, сновали рабочие и толкачи городских организаций, проверяющие и проверяемые. Чувствовалось, что объект пусковой и большой важности.

Приход Сербы с девчатами не привлек ничьего внимания, пока Семён не остановил обиженно продиравшегося через ящики с метлахской плиткой товарища ответственного вида. Оказалось, что Сеньке попался представитель строительного треста инженер Пукало Евгений Евгеньевич, главный толкач от строителей, а трое солидных мужчин в ворсистых серых шляпах и элегантных тёмных

драповых пальто суть председатель горисполкома Дворников и начальники УКСа и "Гражданстроя". Строители в лице прорабов и мастеров засуетились, создавая впечатление кипучей работы, а высокие гости тем временем вникали в каждую мелочь, стремясь представить себе оставшийся объем работ и возможную реальную дату сдачи объекта.

- *Кто представляет Зелёноярский гастрономторг?* – Внезапно спросил председатель горисполкома, и стоявший неподалеку, прислушиваясь к разговору, Серба приблизился и назвал себя. Дворников уверенно протянул привычным движением руку и пытливо, изображая отца города, чтобы сложилось уважительное мнение, взглянул на Семена. За ним подали руки начальники УКСа и "Гражданстроя". На стоявших в двух шагах девчат они даже не взглянули.

- *Передайте Бочковскому, чтобы начинал завозить оборудование. Строителям предложено организовать работу в магазине в три смены, кроме того, в субботу и воскресенье. Где-то к пятому января принимайте помещение под монтаж оборудования. И надо **въехать** побыстрее, а то много жалоб наверх,* - отрывисто пролаял Дворников, обращаясь к Сербе. Затем он с сопровождающими товарищами попрощался с толкачом Пукалом и торгашом Сербой и стремительно уехал.

- *Ну, вот видите,* - подытожил Пукало, - *мы скоро закрулимся. Дано **добро** бросить на вашу лавочку всех отделочников, даже с первого общежития бригаду снимаем. Так что наверняка к новому году сдадим вам **с игопочки**. А вы кто будете, просто от торга или будущий завмаг?*

- *Возможно, будущий... Не знаю ещё,* - сознался Серба, – *раздумываю, стоит ли.*

- *Вы ещё раздумываете!* – вмешалась Татьяна. – *Я бы в таком магазине век работать согласна, всё, как на картинке!*

Серба и толкач усмехнулись. Они знали, сколько ещё предстоит сделать, чтобы магазин действительно стал, **как на**

картинке. Ахая ежеминутно, девчата, как цыплята, ходили следом за Сербой и инженером, уважительно осматривали стационарные холодильные камеры, бытовые, складские помещения и разную технику, удивлялись, что в проекте не забыли предусмотреть горячий душ и комнату отдыха, восторгались стенами, выложенными плиткой, любовались всевозможными пультами и распределительными шкафами, лампами дневного света и зеркальными окнами во всю стену.

Парни-отделочники подтрунивали над Татьяной и Ниной, кидали вслед словцо "**торгаши**", но девчата не обижались.

На холодину выходить не хотелось, поэтому Серба и девочки с удовольствием потолклись ещё часок, мешая строителям и спотыкаясь на грудах материалов и инструмента. Выбравшись на улицу, окунулись в морозный воздух, ходко пошли, подпрыгивая, к автобусу. Слегка пуржило, но настроение оставалось приподнятым, по дороге смеялись и шутили.

- Неужели это был сам Дворников? – Удивлялись девчонки. – Такой ещё молодой и глаза красивые!

- Что кому! – Подумал Серба, который, кажется, решил на новый магазин.

Он не удивился сильно, когда, расставаясь с девчатами, услышал, что они просят его взять их на работу в магазин. Для себя он ещё утром надеялся склонить их к такому решению.

Договорились, что через денёк Татьяна и Нина разыщут его, и он направит их в отдел кадров. Пока что для прохождения медосмотра, а затем – **видно будет.**

Когда девушки вышли из автобуса, Семен поехал дальше, с намерением добраться до кафе и пообедать, так как натикало уже два часа дня. Стиснутый со всех сторон в переполненном салоне, он обдумывал возникшие ситуации – проблему магазина и прощальный татьянин взгляд.

Он был не мальчик, чтобы не понять, что обещал **такой** испытующий девичий взгляд. **Таких** он получал в жизни немало и

мог наперёд рассказать, что дальше может произойти. Сколько современных девчонок, сбитых с толку западными фильмами и расхожими пошлыми представлениями о женской свободе на той стороне земного шара, сбивались на легкие связи и на пьяное прожигание жизни.

В нём они могли искать не предмет любви и обожания, а источник легких доходов для кутежей, возможно полагая, что он, как считалось в народе присуще торговым работникам, обладал большими деньгами от незаконных махинаций и пошёл бы на все смертные ради **выступлений** с восемнадцатилетними.

Обдумав положение, Серба усмехнулся. Если допустить, что девчата вконец испорчены и взяли на вооружение именно такой вариант, то их номер не пройдёт, ибо характера ему не занимать и он надеется заставить их работать. Да и комбинатором он не был, легких денег не имел, а законная зарплата в торговле – с гулькин нос...

Однако и ханжой Серба не был и поэтому признался себе, что внимание симпатичной Татьяны ему польстило. Но с хладнокровием исследователя Семен решил дать событиям отстояться, а потом сделать выводы.

Он решил обрадовать Бочковского согласием на приёмку нового магазина, что и проделал в тот же вечер перед лекциями в Торговом институте. Михаил Петрович воспринял сообщение Сербы как нечто должное, дескать, мог бы и побыстрее согласиться, такая **перспективочка** нарасхват среди умных людей.

Никто не удивился в торге, что Сербе поручили оборудовать новый магазин в 1-м Зелёноярском микрорайоне, но каждый, конечно, объяснял его успех по-своему, хотя все были едины в том, что это, несомненно, успех. Многие ещё сильнее прониклись убеждением о тесной связи Сербы и Бочковского. Сам же Бочковский внутренне жалел, что отдал магазин такому пройдохе,

каким считал Семена.

Серба, разумеется, не знал, что накануне Бочковский имел разговор с Тихоновым, непостижимым образом вышедшим из заключения через полгода сидения в лагере неподалеку от Днепропетровска. Хотя приговор ему был – три года строгого режима. В том разговоре Тихонов намекнул на своё желание и даже право надеяться, что Бочковский вновь примет его на работу в торг, а поскольку место на овощной базе до весны освободить не удастся, то Тихонов соглашался временно поработать в новом магазине.

Однако Бочковский убедил Тихонова потерпеть некоторое время, так как Народный контроль и ОБХСС ещё не забыли фокусов Тихонова и сразу обратили бы пристальное внимание на возвращение расхитителя народного добра на стезю привычной преступной деятельности.

- *Что же ты, Миха, съешь в новый **ларёк** неизвестно откуда взявшегося **фраера**?* – По-товарищески предостерег Тихонов друга, имея ввиду, как год тому назад Серба подал знак Бочковскому о неблагоприятных делишках на продбазе, что тогда поразило Михаила Петровича, но уже почти забылось им.

- *Я допускаю, что он опасный **секач**, органам **сечёт**, сука,* - ответил Бочковский, - *хотя я и не пойму, Боря, как вышло, что Барабан нас не предупредил.*

Барабаном они прозвали **своего** начальника райотдела ОБХСС с редкой фамилией Буркаган, который, предавая интересы дела, продаваясь за подачки ворюг, всячески обелял и облегчал участь нужных людей, попавших в поле зрения **органов**.

- *А если он от областного управления подсажен?* – Отозвался Тихонов.

Они решили, что пока Тихонову лучше посидеть дома, походить на рыбалку, подождать, пока Серба сломит голову на новом магазине. А потом его и добить...

На следующий день Семён с утра положенные полтора часа пропрел на еженедельной общеторговой планёрке, а когда народ застучал стульями, разбегаясь по магазинам, ему пригласительно махнул Бочковский.

Зашли в кабинет Михаила Петровича.

– *Садись, – дружелюбно скомандовал директор торго. – Тут такое дело, Семён. Ты понимаешь, что такой современный новейший магазин в новом микрорайоне отдавать под командование беспартийному – нонсенс. Райком не поймёт. Да и народ в торге уже шушукается.*

У Сеньки встрепенулась всегда готовая к контр-атаке воля к жизни.

– *Ну и что, чем я не соответствую, так сказать? Лишь бы дело не завалил!..*

– *Так-то оно так, но, думаю, что тебе надо быстренько оформиться в партию. И тебе, и мне будет спокойнее... А пока, не обессудь, оформим тебя и. о.*

– *Но ведь и. о. вроде по КЗОТу до 6 месяцев только? –* Спросил Сенька.

– *Ну это так, на бумаге, в жизни и шесть лет пробудешь и. о., если с **членством** не решишь. При том, заметь, что как только найдётся подходящий толковый член, так нам его райком и порекомендует тотчас... Усёк? Так что вступай! А пока думать будешь, значит, и. о. Ну беги, работай!*

Выйдя от Бочковского и в сердцах крепко грохнув дверью торго, Семён побрёл по улице, обходя не убранные с осени кучи листьев, слегка присыпанные снежком. Ребус простой, неинтересный, но надо его решать. Если при поступлении в торг как-то получилось очередное везение с трудкнижками и белым билетом, то при приёме в партию проверка, очевидно, строже.

И что мы им напишем в анкетах? Что дезертировал из армии? Что пожизненно приговорён **Серпами** к самой низшей касте суматиков-неприкасаемых и обманым путём пролез на

руководящую работу в торг? Что отец был репрессирован, затем работал в оккупации на врага, а ныне скрывается в капстране от советского правосудия? Что мама осталась на оккупированной территории и тоже как бы сотрудничала с врагом, да ещё и на руководящей должности была? И этот прохиндей хочет вступить в ленинскую партию? Х-ха!..

Значит? Значит, что работа в торговле подходит к концу и надо своевременно сваливать, возможно, даже в другой город. В Москву? Галка ведь по-прежнему советует всё бросить и попробовать выплыть в столице всего прогрессивного человечества...

Но пока пусть жизнь идёт, как идёт. Надо запустить новый магазин, всякими обещалками оттянуть подачу заявления в члены, а там, через годик, институт закруглим, а когда диплом будет в кармане, дальше станет гораздо легче...

Приняв внутреннее решение о “генеральной линии” дальнейших действий, Семён, не сдавая старый магазин, полностью положившись на заместительницу Галину Смирновскую, всецело занялся новым. Каждый день с раннего утра он спешил в новый жилой район, добираясь автобусом, увешанным строителями, как новогодняя елка. Вникая в подробности, согласовывая каждую ерунду, на ходу по мелочи улучшая проект, будущий завмаг просил прорабов то установить краны на удобной высоте, то поставить не предусмотренные решётки на задние окна, то пошире выложить крыльцо, то изменить расположение запоров на дверях.

Много мороки получилось с дверьми в комнату отдыха, которые полностью не открывались, поскольку не на должном месте закрепили раковину для горячей воды, и с просушкой стен в складском помещении, - на них гроздьями конденсировались капли воды. Эти гигантские капли, несмотря на подключение больших электропечей для сушки, хоть убей, не испарялись.

Новый год прошел в невообразимой суете. Сербе пришлось дни и ночи накануне праздника, наряду с курированием нового магазина, завозить уйму товаров в старый магазин, а база торга работала нерасторопно, ассортиментик к новому году не обогатили, покупатели нервничали, некоторые со скандалом уезжали в центральные магазины, где, само собой, выбор был получше. На душе у Сербы кошки скребли. Но вот праздники миновали и оказалось, что несмотря на все невзгоды, за декабрь месяц магазинчик № 52 по-прежнему оказался на одном из первых мест в торге по выполнению плана товарооборота. К заведующему и продавцам вновь вернулось хорошее настроение, их тяжкий предновогодний труд не пропал даром. И хотя и были случаи **неудовлетворенного спроса**, однако для небольшого посёлка торговое обслуживание всё же оказалось неплохим.

Незаметно приблизилось пятое января, и строители настойчиво заговорили о том, чтобы торг подписал акт о приёмке помещения под монтаж оборудования. Как ни тянул Серба, чтобы выиграть время и спокойно подобрать на базе торга недостающие холодильные прилавки, всё же шестого января ему пришлось, в составе приемной комиссии, подписать акт.

Теперь уже Серба стал полновластным хозяином помещения, на ночь вешал свои замки, но в первую же ночь кто-то снял с потолка десяток ламп дневного света, и Серба начал ночевать в магазине, чтобы уберечь **объект**.

Понемногу помещения приобретали божеский вид, устранялись недоделки, докрашивалось, домонтировалось, доделывалось всё основное, в мелочи пока не вникали, надо было расчистить место для установки оборудования, на сей раз уже торгового.

Теперь чаще Сербе приходили на помощь. Ежедневно стал бывать в магазине в общем-то тяжеловатый на подъем старший инженер торга Бида. Не раз наезжал Бочковский и райкомовцы.

Наконец, восьмого января наступила торжественная минута. Грузовики с первыми холодильными прилавками, урча на подъеме,

перемалывая грунт со снегом, подобрались сквозь хаос стройплощадки к парадному входу и, тяжело присев на задние колеса, распахнули борта, показав широкой публике, толкавшей последние дни около магазина, тяжеленные ящики с ярко раскрашенными железяками. Правда, когда грузчики стали втаскивать их, выяснилось, что даже в распакованном виде прилавки не проходят в дверной проём. Конструктор не увязал стандарты, может быть, вообще не подумал, что рожденное им крупногабаритное оборудование будут таскать через дверь. Пришлось центральную стойку проёма вырезать автогеном, имея ввиду потом вечером вновь приваривать, грунтовать и красить.

Как бы то ни было, но десять единиц всяких охлаждаемых прилавков и холодильных шкафов до вечера удалось распаковать и втащить внутрь. Распаренные слесари и Серба, вытирая шапками пот, облегченно вздохнули. В горячке боя с железяками кое-что ещё и растащили на предназначенные места. Только поздно вечером удалось рабочим развязать узелки с бутербродами и разлить припасенные Сербой две бутылки водяры.

За окнами поскрипывал морозец, огромные зеркальные стекла причудливо расписало узорами, а внутри было уже тепло и уютно, несмотря на невероятный беспорядок из-за наспех втащенного оборудования и ещё не полностью вынесенного строительного мусора.

Выпить и закусить оказалось делом недолгим, а потом каждый заторопился домой, усталость брала своё. Назавтра нужно к восьми являться на установку и отлаживание прилавков, поэтому через полчаса слесари разбрелись по домам. Один старший инженер, сморенный ста граммами, уснул прямо на ящике с холодильным агрегатом, по-детски свернувшись калачиком, а Серба, увязав двери изнутри толстой проволокой, тоже устроился поудобнее около раскалённых батарей центрального отопления на каких-то мешках, тоже по-детски раскрыв рот и похрапывая.

Огромные витринные стекла, покрытые пушистым ковром изморози, то и дело озарялись снаружи сполохами электросварки, – на монтаже соседнего общежития трудилась ночная смена. Позвякивал по-трамвайному кран. Кто-то врубился в морозный воздух молодыми охальными вскриками. Поминая гулящую маму, требовали принять раствор.

Заворочался старший инженер. Ему снилась неудобная окопная жизнь 1944-го. Короткая тревожная дрема перед немецкой атакой в 5.40. Надсадный рёв панелевоза преобразился в нарастающий грохот танковых двигателей. Ни хрена не выйдет, гады! И в подтверждение своей логической посылки жёлторотый лейтенант Бида проворно и красиво размахнулся гранатой. Садануло перед глазами пламя и завертелся у бруствера крестатый "Тигр", подминая под себя правую гусеницу и дребезжа развороченным металлом крыла...

- Вставайте, сачкодавы, мать вашу! – Донеслось из тамбура, где схваченные проволокой двери уже скрежетали под напором злых, непохмелившихся слесарей.

Утро осветило матовым белым сиянием промороженные окна. Серба, зябко кутаясь в телогрейку, поспешил к дверям откручивать запор.

Часть 4 –я

В стену головой

В августе, после вынужденного увольнения из Зелёноярского гастрономторга, Сенька решил навсегда уйти из системы **советской торговли** и устроился дробильщиком на Запорожский абразивный комбинат, где и проработал почти до конца года (больше не выдержали легкие). Работа была – ад. Вспоминать противно. Но человек так запутанно устроен, что иногда не хочешь, а оно вспоминается.

Самое памятное – очередной спектакль лицедейства в борьбе за право на труд. Безвинное требование тётки в отделе кадров абразивного комбината после того, как Сенька подал ей заполненный бланк анкеты и заявление о приёме на работу, прозвучало смертным приговором:

– Паспорт, трудкнижку, военный билет, пожалуйста!

Подав, скромно потупив взор в ожидании развязки, паспорт и трудкнижку. Сверив записи и печати, перетасовав документы, бдительная тётка в негодовании вскидывает взор.

– А военный билет?..

– Да я уже не военнообязанный, с военкоматом дела не имею...

– Как это?

– Белый билет у меня...

– А-а-а! Предъявите!

Пришлось Семёну порыться в пиджачном кармане, медленно доставая бумажник, а из одного – “Свидетельство об освобождении от воинской обязанности”. Подав.

– И ты, сынок, уверен, что с этим приговором можешь на современном производстве пользу принести?

– ???

– У нас новейшее оборудование, нужны соображающие люди...

– И что же мне делать, под поезд кидаться?..

– Хорошо, попробую помочь паровозу избежать ремонта. Вот направление на медосмотр. По его результатам примем решение... Куда идти? А вон на стеночке вся справочная информация, адреса, чем проехать...

Любой медосмотр при приёме на работу мероприятие крайне формальное. “Откройте рот... Повернитесь... Присядьте...” Главное при этом – не пукнуть. А то провалишься сквозь линолеум от стыда.

Окулист доволен, если в наличии два глаза и заголовок “Правды” читаете. Хирург удовлетворён наличием двух ног, сгибаемых рук и отсутствием жалоб на жизнь. А вот невропатолог обязательно, дрянь, стукнет молотком по коленке и потребует руки протянуть и так держать без дрожи...

Семёна невропатолог воспринял хорошо. Да и приговаривал без усталости:

– *Хорошо... хорошо... хорошо... Реакции отличные!..*

Сел писать бумажку, но вдруг что-то у него в глубинах мозга замкнуло и включило громкую связь, он пробурчал заученно:

– *Военный билет, пжалста, молодой человек...*

– *У меня вот...* – Сенька протянул ему невзрачное “Свидетельство...”

– *А, вот что!.. Редкий гость... И что это тебя к движущимся механизмам потянуло? Низзя!.. Говорили ведь, наверное?..*

Сенька знал, что рано или поздно, нарвётся... Нарвался!

– *Да я там у них в подсобниках буду. Грабаркой туда-сюда... Бери больше – кидай дальше...*

– *Женат? Дети есть?..* – Спросил, подумав доктор.

– *Угу... Двое...* – Мотнул головой Сенька.

– *Ну, тогда вот что. Я даю тебе шанс и пишу, что годен только на специальности, не связанные с обслуживанием движущихся механизмов. А не то придётся тебе на Хортице коров пасти...*

Семён ухватил бумажки и рванул в отдел кадров. Там, к счастью, уже куда-то сгнула строгая тётка, а другая оказалась не такой шваброй-формалисткой и вошла в положение.

– *Не горюй, дорогой, у нас таких как ты, дебилов, не один десяток. Оформим тебя реверсивщиком, там ничего не крутится, а только заслонки открывать-закрывать и лопатой махать... А дальше уже от тебя будет зависеть. Если прогуливать не будешь и из вытрезвителя письма не посыпятся, то хоть до директора комбината расти, не жалко...*

– Ну, вот ещё, чёрт бы тебя побрал! Крутишься, всё одеяло стянула, – про себя ругнулся Петлюк и, по-хозяйски ухватившись, зло дёрнул пустой угол пододеяльника к себе.

– Спи, Питер, – чмокнула его спросонья Нора. Петра Прохоровича обдало горячим дыханием, и он, брезгливо морщась, отвернулся, бормоча напраслину:

– *Распёрло же тебя, свиноматку, хоть вторую кровать приставляй! Места совсем для меня не остаётся!..*

Пётр Прохорович воткнул было голову в подушку, но сон уже как рукой сняло. Петлюк протёр глаза, присматриваясь к часам на противоположной стене, и, окончательно просыпаясь, углядел сквозь серый полумрак, который лился из окон, что время – пол-шестого.

– *Подъём!* – Скомандовал он сам себе, заскрипел кроватью, сел, потягиваясь и сладко выгибаясь, потом встал, подтянул кальсоны, и, закатывая на ходу рукава исподней рубахи, тяжело протопал в кухню.

За стёклами **хукал** порывистый осенний ветер. Вот напасть! Ещё не рассвело, а ветрище едва не выкорчёвывает деревья и вот-вот разнесёт в дребезги окно. Но разве Петра Прохоровича испугает непогода, или, конкретно, какой-то там мокрый ветрюган?.. Он всматривался в ночной мрак, не включая света, тщательно рассматривал верхушку акации, а она бешено билась в окно, словно просилась погреться. Что такое Петлюк пытался высмотреть в трепещущих ветках, что хотел бы услышать в шорохе чёрно-зелёных узоров, которые грубо и непрестанно бросал на стёкла осенний ветер?..

Конечно, старикан не просто так уставился в окно, он, стоя, досыпал и от нечего делать вспоминал. Его взгляд умчался куда-то вдаль, в глубины времени, когда Пётр Прохорович был ещё молодым и зелёным, и ветер, такой же свежий октябрьский ветер бесцеремонно **шандарахнул** его на холодное осеннее стекло

жизни.

Молодой и гибкий, с богатым воображением, он с воодушевлением нырнул в круговерть борьбы с врагами рабочего класса. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ... Успехи, успехи, успехи... И как неожиданность, как чёрную неблагодарность, – бывает же такое, что ветер и гибкую ветку ломает, – воспринял Пётр Прохорович отставку в 1956-м году из органов госбезопасности. Почётную, правда, отставку, – с изрядной пенсией, с членством в партии и с полковничьими тремя звёздами на погонах парадного кителя. Хотя барскую четырёхкомнатную квартиру в центре пришлось сдать в обмен на трёхкомнатную в строящемся микрорайоне...

Пригласил его тогда Дрозденко, первый секретарь горкома партии, которого раньше Петлюк к себе, как **секретутку**, вызывал, и как-то по-новому заглянув посетителю в глаза, сказал почему-то радостно:

– Ну, идите же, Пётр Прохорович, на заслуженный отдых. Считаю, что вы, как член партии, правильно восприняли исторические решения 20-го съезда и понимаете нашу острую потребность в опытных руководящих кадрах, и потому не ограничьтесь готовкой ухи на Старом Днепре, а примете посильное участие в общественных делах нашего города и возглавите почту, например, или какую-нибудь школу...

В словах Дрозденка Петлюку послышалась как бы ирония, двойной смысл, и ещё то защекотало в носу, что сухопарый Дрозденко, который, были времена, как мальчик, сидел на краешке стула в кабинете Петлюка, теперь за год-два дослужился с должности второго секретаря райкома до должности первого секретаря горкома, и вот уже по-хозяйски поучает его, старого чекиста!..

– Шило тебе в зад! - Зло подумал Пётр Прохорович. – *Решения съезда... партийная обязанность... почта... Нашёл дурака, петух!..*

Но вслух сказал иначе: – Хотелось бы на более ответственную работу, товарищ Дрозденко, что там какая-то почта. Ведь я с пелёнок организатор, вы же знаете. Люблю масштаб, коллектив, рабочую массу. Само собой, не выдержу и дня с удилицем... Завод давайте, или хотя бы фабрику какую-нибудь...

Дрозденко снова загадочно засмеялся, потом придумал, что не может сам решить насчёт чего-нибудь более масштабного, чем почта, и предложил сходить на приём в обком.

Когда на следующий день Петлюк напросился к секретарю обкома по промышленности, интима не получилось, ибо там уже сидел Дрозденко, и оба негибавых ленинца, как показалось Петру Прохоровичу, насмешливо уставились на него.

Пётр Прохорович взглянул в раскрытое окно секретарского кабинета, из которого разворачивался чудесный вид на город и днепровские плёсы, засмотрелся на своё очкастое отражение в чисто вымытом стекле, и поймал себя на мысли, что оно, вероятно, напоминает секретарю обкома, человеку новому, которого он совершенно не знал, – одного известного в Стране Советов организатора. Такое же широкое мышинное лицо, мясистый нос и такие же хищные глаза за стёклами очков, организатора, что уже больше никогда не оскалится своей жадной нахальной усмешечкой, и никогда уже ничего не организует такого интересного, потому что нет уже больше на белом свете того организатора, – поймался в собственные сети и ловушки...

Но всё-таки Петлюку доверили более серьёзное, чем почта, ему доверили цех агломерации крупного нового абразивного завода, точнее говоря, целого комбината. Это назначение тоже не удовлетворило Петра Прохоровича, но он почти искренне поблагодарил секретарей за товарищескую заботу и вообще – партию, подумав про себя, что всё закончилось совсем неплохо на чёрный день, – начальник цеха!..

– Ещё не раз в ноги мне упадёте, остолопы!..

Вот так и всматривался Пётр Прохорович в окно тесноватой девятиметровой кухни, как неудержимо билась в стекло верхушка тёмно-зелёной, почти чёрной в ночи акации.

Кроме мельтешащего дерева с высоты второго этажа просматривалась часть улицы, а на улице, опять-таки, суетилась дворничиха, старательно скребя метлой по тротуару в трепещущем сиянии неоновых светильников. Она была, вероятно, в чёрном фартухе, а дедок-сторож, честно дремавший у дверей “Гастронома”, **кутался**, по утренней прохладе, в латанный-перелатанный грязно-жёлтый казённый тулуп. Рыжий дедов пёсик неутомимо мотался от дворничихи к сторожу и обратно.

– *Скукотища, однако, товарищи строители светлого будущего*, – цинично пробормотал Петлюк и, привычно набросив табачного цвета халат, принялся за осточертевшие за десятки взрослых лет утренние мужские обязанности. Чиркнул спичкой, а в следующее мгновение зажег газовую горелку. С наслаждением втянул ноздрями бодрящий сатанинский серный дух, что исходил от спички, аккуратно уложил недогарок в пепельничку, нёсшую постоянную службу у плиты. Налил, скупно открыв кран, в полулитровый эмалированный ковшик воды, остро смердящей хлором, и поставил на огонь.

Ругнулся, что послала судьба такую квартиру, где даже воды горячей не бывает когда надо, а особенно по утрам...

Снял с полочки бритвенный прибор и, вставив новое лезвие, собрал станочек. Плеснул в никелированный стаканчик кипятка из ковшика, погасил горелку и, усевшись поудобнее на стуле, выдавил на помазок червячок мыльного крема. Он не любил бриться, как все люди, в ванной, там нужно было утомительно стоять, что почему-то унижало. А за кухонным столом – одно удовольствие...

Его угнетала необходимость каждодневно бриться, но с другой стороны, считая себя человеком, бесспорно, культурным, он

признавал пользу бритья, – оно прочищало поры, а ещё с чистым лицом улучшалось настроение. Впрочем, бородбреям он свою шею не доверял.

Вошла заспанная Нора. Хотя ей и было уже много за тридцать, однако непрерывные оздоровительные манипуляции с кожей делали своё дело, она осталась сочной, приятной женщиной, как сказал однажды какой-то сотрудник мужа, но какой именно, понятно, всем знать не обязательно! Сочной, хотя и чрезмерно упитанной, как говорится, хорошо откормленной.

Нора стала за спиной Питера, как она обычно называла Петра Прохоровича, расчёсывая чудесные каштановые волосы красным пластмассовым гребнем.

Халат её разошёлся, когда она поднесла руки к голове, и Пётр Прохорович углядел в зеркале привычное розовое тело развращённой беззаботной жизнью домохозяйки, которая всё ещё мечтала вернуться на сцену облдрамтеатра.

– *Закройся, бесстыжая,* – спокойно заметил Питер так, как он обычно ронял свои воспитательные замечания по утрам. И Нора, как получалось последние годы, не услышала его бормотания. Не пожелала услышать.

– *Что, боишься порезаться?* – Как всегда, пошутила она, хотя Питер был уже не в том возрасте, чтобы порезаться.

Дальше они всё делали молча. Нора гремела посудой, заваривая кофе. Загрузила подносик двумя чашками, бутербродницей, кофейником, кувшинчиком с молоком и вазочкой с дорогущими шоколадными конфетами, унесла его в большую комнату, пардон, в **залу**, безжалостно хлопнув по дороге дверцей холодильника.

Пётр Прохорович вышел к столу уже одетым, но пока без пиджака. Он помолодел после прохладного душа, которым привык баловаться уже сколько лет. Легкомысленно укладывал вихры на темени. Нисколечко не лысый, он в свои шестьдесят оказался полностью седым. Влажные алюминиевые волосы благородно

поблёскивали. Любить прохладный душ Пётр Прохорович научился не в результате чтения медицинских брошюр, а всё из-за того, что работа раньше была в органах адская, и единственным спасением для молодого следователя был прохладный благодатный дождик в ванной. Постоишь вот так минут десять и наполняешься изнутри тугой надёжной силой, словно пружина под кожей напряглась. Знала, что и на работе он такой же...

– *Нет у меня нервов,* – хвастался сослуживцам Петлюк, – *думаю, моток стальной проволоки внутри. Учитесь жить!..*

Он допил кофе и уничтожил пару бутербродов, – один с маслом, красной икрой и долькой крутого яичка сверху, второй – с отварным куриным филе.

С наслаждением и завистью вспомнил, как пышно завтракал лорд в позавчерашнем английском кинофильме, какая у них там восхитительная посуда, какой изумительный умный сеттер важно восседал в кресле рядом с лордом, и как тому псу слуга подавал на господской дорожке посуде что-то очень-очень вкусное...

– *А нам вот и овчарку, милого Джека, пришлось продать,* – недовольно морщась, пробормотал Петлюк.

Действительно, когда они с Норой после его отставки вместо сданной шикарной ведомственной квартиры в приличном месте получили нынешний трёхкомнатный угол у чёрта на куличках на новой улице, бывшие соседи, – а у тех тогда, как вроде специально, чтобы **выгавкать** расширение жилплощади, малыш родился, – упростили-таки продать им Джека, у которого и был всего один недостаток, – он невыносимо громко лаял с утра до вечера.

– *Ну какая это служебная овчарка?!* – Иронизировал потом сосед...

И ещё вспомнилась Петру Прохоровичу какая-то белиберда из детских впечатлений, как раз в столыпинские года, – как мать

поставила на стол **чугунчик** с отварной картошечкой и миску с солёными огурчиками, а есть хотелось так, что в дёснах чесалось, но отец **держали** Петьку за ухо, поучая:

– *Не лезь вперёд отца, вурдалак, старших и младших пропускай. Гля, вон, Даша картофелиной обожглась, так возьми и помоги ребенку очистить **бульбу**, а ещё хорошо бы и огурчик нарезать сестричке...*

Чистить картошку кому бы там ни было не хотелось, хоть убей. Петька очистил было парочку, но как только присолил, так не выдержал и к своему рту понёс...

– *Я тебе что сказал, стервец?* – **Вызверились** отец. – *Вот гляди, мать, какого ты кулака выродила!..*

Кулак! То была самая крепкая ругань отца.

– *Идеалист!* – Подумал теперь про отца Пётр Прохорович. А тогда, более полувека тому назад, парнишке было как-то не по себе. Правда, отец **не вернулись** с империалистической, и больше никто Петруху не остепенял.

Пётр Прохорович старательно вытер губы полотенцем и полез спичкой в реденькие, но пока ещё свои зубы.

– *В Москве уже “Правду” разносят, а в этом гниднике сидишь по утрам без свежей газеты, не знаешь, куда себя девать...*

Петлюк включил радиоприемник, но так как ещё не было семи часов и ни по одной станции не передавали последних известий, он начал обшаривать коротковолновый диапазон. Благо, трофейный **“Телефункен”** шутя гулял с **13-ти метров**. С минуту Пётр Прохорович безучастно, ни хрена не понимая, послушал стремительную скороговорку лондонского диктора, не разобрав, кроме покашливания, ни слова, потом настроился на его соседа, западного немца. Вероятно, работала радиостанция Гамбурга. Почему-то именно Гамбург засел в непростой голове Петлюка со времён школьных уроков по географии. Язык недавних врагов Пётр Прохорович в какой-то, очень и очень далёкой от

совершенства мере, знал, и, кое-что понимая, кое о чём догадываясь, уразумел, что сентябрь – последний месяц, когда хозяйки имеют возможность украшать семейный стол свежими овощами. Так спешите, чёрт побери, закупить их побольше и пользуйтесь для этого услугами бюро доставки на дом...

Провернув верньер немного вправо, Петлюк наткнулся на невыносимый гул **глушилок** и, попрыгав вокруг да около гула, подстроился к “Голосу Америки”.

“... затем помощник президента подчеркнул, что у русских нет никаких шансов опередить Соединённые Штаты в колонизации Луны. Пропагандистские запуски спутников и единичные запуски человека истощили ресурсы Советов, в то время как американские специалисты смотрят вперёд и концентрируют усилия на высадке человека на Луне, основного события программы “Аполлон”. Как ориентировочную дату отправки человека на Луну помощник президента назвал 1968-й год.

Только американская высокорациональная техника, которая развилась в образцовой стране свободного мира, способна не ради пропаганды, а в целях бескорыстного научного подвига запустить человека в космос...”

– Нора, ты слышала? “Бескорыстный научный подвиг... свободный мир... наука...” Знаем мы ваше бескорыстие и свободу. Только отвернись, нож под ребро мигом сунете!

Хотя знаешь, за что я ценю американскую систему? За внимание к человеку. Никто не задаёт глупых вопросов, какими средствами пользоваться, чтобы стать президентом. И я бы у них стал, поверь, человеком!..

– Знаю. Уже слышала не раз, – ответила Нора, – уверена, что у них ты стал бы самое малое шефом ФБР.

– Фу, дура, я же коммунист, большевик, – сыто ухмыльнулся Пётр Прохорович.

– Ты, что ли, – коммунист? Ты и слова этого не понимал

никогда, Берия приднепровский...

– Но-но-но-о-о, девка, не заговаривайся! – Цикнул Питер, протирая носовым платком очки. – Что ты о великих людях знаешь? Ну, не удалось Лаврентию, так с кем не бывает? А могло бы и получиться, если б не предательство. Не попал бы я тогда в вонючий аглоцех...

Нора вспомнила свои первые денёчки с Питером. Тогда он однажды поразил её своей безграничной самоуверенностью.

– Я могу всё, чего пожелаю. Все меня боятся. И это хорошо. Но только ты меня не бойся. Ведь ты мне нравишься.

Норе, тогда ещё обыкновенной Нюрке, было страшно, когда она встретила с его взглядом, с пустыми и жестокими глазами.

– Я тебя боюсь, ты, кажется жестокий человек, – всё-таки осмелилась ответить молодая жена.

– Это хорошо, что боишься, ибо когда боятся, тогда слушаются, подчиняются. Я же хочу, чтобы и ты мне подчинялась, запомни, только мне. Слышишь?..

И почему тогда она не прислушалась к своему разуму, а обрадовалась законному браку с таким важным мужиком?..

Он поднялся, подошёл к старорежимному буфету чёрного дерева, в нише которого, впереди ряда голубых чашек, едва различимо квадратилась рамка с фотографией весёлой девочки лет семи, первоклашки-октябряшки, закричал бешено:

– Снова пыль с неё не стёрла? У-у-у!.. Змеюка подколодная... Когда уже подлое жало вырву?!

Нора лениво приблизилась и, нисколько не боясь мужа, отобрала у него портрет и протёрла полой халата.

– Вчера только протирала, не вой! В квартире вообще много пыли, не успеваю, видишь, какая стройка через дорогу... Так зачем же вопить, горло драть? И потом, если разобраться, дочь твоя чихать на тебя хотела, отцом не считает...

– А из-за кого, как не из-за тебя, доярка-голодранка? Только выжидать мастерица, жрать и на абортах скребстись. Тоже

мне – красавица писаная, а ребёнка родить неспособна, –
послышалось уже за дверьми, которые цокнули язычком замка.

– Топай уже, не каркай, нужно мне от тебя дитя, разбежался!

– Вздохнула Нора, однако не утерпела и выглянула в окно.

Внизу Петлюк уверенно, сердито вышагивал по сизому свежeweымытому асфальту. Народа с каждой минутой прибавлялось, и тeк этот рабочий люд попутно Петру Прохоровичу, к трамвайной остановке. Давно миновали времена, когда за ним присылали персональную “Волгу”, и заместитель начальника областного управления госбезопасности, молодецки поглядывая на прохожих, молнией пролетал через центр города на службу...

Неповоротливый, в несуразном длинном габардиновом макинтоше, пошитом ещё тогда, когда гонялись за ценой, за добротностью, а не за модным силуетом, в захватанной зелёной шляпе, носатый Петлюк **впёрся** в жёлто-красный вагончик, закупорив широким задом двери. Впрочем, никого его **корма** не остановила. На Петра Прохоровича нажали как следует, и за ним втиснулось ещё десятка полтора девчат и парней. Хлопцы какие-то сонные, неумытые, некоторые даже круто пахли, однако весьма языкастые и охотно пользовались случаем, чтобы по-быстрому полапать девчонок.

Вот одна из них, доведённая до отчаяния, резко выпрямилась и так хлестанула по морде усатого типа, что он, к великой радости народа, сорвался с подножки вагона, где было пристроился на одной ноге, и загремел на дорогу. Впрочем, не упал, а устоял на ногах, пробежался и, опаздывая на работу, показал вслед негостеприимному вагону немалый кулак.

– Ну, ты и врезала фокус! – Восторгался кто-то за спиной Петлюка, девчонки **гροхотали**, поздравляя подругу с победой, ещё какой-то басок сокрушался:

– Вот времена настали! Нельзя уже, едри ваше племя, и за сиську подержаться!..

*– Жениться нужно, лоботрясы голодные, тогда и **держитесь***

до полного коммунизма!.. А то как в ЗАГС, то вы в кусты, а втихую за пазухой шебуршить – храбрецы. Вот вам!..

Обрастая народом, проехали пяток остановок, когда, как часто случается по утрам, вагон здорово тряхнуло, под полом заскрежетало железо и набитых тесно, как вареники в миске, людей так бросило вперёд и спрессовало, что заднюю площадку словно подмело, а разбитые стёкла со звоном посыпались на рельсы и на брусчатку улицы.

В вагоне делать было больше нечего, и Петлюк вместе со всеми выскочил на улицу. Вокруг кипела, волнуясь, добрая сотня, если не две, людей. Все обдумывали, чем бы добраться до завода, ибо часы показывали сорок пять минут восьмого.

Троллейбусом тоже не добраться, потому как трамвайный вагон, словно нарочно, сошёл с рельсов как раз на перекрёстке и забаррикадировал, таким образом, ещё и Коммунистический проспект. Поэтому и троллейбусы, которые шли Коммунистическим к Южной проходной завода, тоже остановились.

И что оставалось делать? Аварийная техничка трамвайщиков уже примчалась, но слесарям необходимо хотя бы полчаса, чтобы поднять вагон домкратами, угнать его в депо и возобновить движение транспорта.

Некоторые поплелись пешком, но большинство топталось, обмозговывая ситуацию. Но вот в толпе возникло какое-то организованное движение, и Петлюк увидел, что люди засуетились, перестраиваясь, и уже не бестолково, а прочным поясом обступили вагон.

– *Слу-ша-а-ай!* – Гаркнул молодой голос. – *Раз, два-а, у-ух! Ещё! Раз, два, у-ух!*

Вагон незаметно для взгляда поднялся и аккуратно встал на рельсы.

– *По машинам, мужики!* – Скомандовал тот же весёлый уверенный голос, но все уже и так приступом брали трамвайные вагоны, собравшиеся в немалую очередь за аварийным

товарищем. Неисправный трамвай робко тронул с места. Лобовое стекло в нём уже заменяла дрожащая фанерка с лапидарной надписью – “В депо”.

Радостно затренькали звонки, мужчины обменивались впечатлениями, какой-то субъект с золотыми челюстями развивал теорию исключительности командирского голоса:

– Но если бы я предложил поднимать вагон, ничего бы не вышло. А он призвал, и все – впряглись...

Собственник командирского голоса очутился рядом с Петлюком. И Пётр Прохорович смог хорошо рассмотреть парня. Чернявый. Весёлый. С загорелым лицом, на котором спокойно расположились большие карие глаза. Пётр Прохорович тоже был кареоким, и его взгляда, тоже спокойного, но острого, никто долго не выдерживал, все отводили глаза. А этот сам уставился на Петлюка так внимательно, хотя и воспитанно, словно изучал в микроскоп редкостное насекомое. Петлюк даже ощутил, **что** тот самозванный “командир” сейчас изучает. Вот его взгляд оценил мышиную челюсть Петра Прохоровича, его мясистый, сизоватый от коньяка нос, левое ухо, из которого выглядывал неопрятный пучок вылинявших за последние четверть века волос, очки в тяжёлой роговой оправе, отметил благородство алюминиевой седины, и рассмотрев мохнатые – когда-то стриг по молодости – брови, заглянул в глаза.

Их взгляды встретились, и Пётр Прохорович понял, что он уже переживал такое неприятное мгновение полной незащищённости, но не сейчас, а когда-то очень и очень давно. Стоишь, как голый на базаре, ладошки на причиндалах... Но когда же это было? Когда именно?.. Память, увы, пробуксовывает...

Петлюку стало не по себе, он вспотел от ощущения неведомого жара. Моток стальной проволоки, заменяющий ему нервы, **рассталился**, вернее сказать, **отпустился** от этого жара и утратил пружинистость. Пётр Прохорович вынужденно отвёл взгляд. Трясаясь в трамвае, он вспомнил, что уже видел парня

раньше. Он – рабочий его цеха. Вроде как в смене Цовика реверсивщиком работает. Ну, конечно, у Цовика, где же ещё увидишь всяких комиков-гомиков, уже без сомнений констатировал Пётр Прохорович, когда молодчага обратился несомненно в его, Петлюка, адрес:

– Здрасьте! А теперь не опоздаем?..

Петлюк молча улыбнулся. Потом, вышагивая по территории завода, Пётр Прохорович вновь оказался рядом с Семёном и не удержался от нотаций:

– Молодец ты, ну в самом деле, молодчина... Вот это по-комсомольски. Так и действуй в жизни. Главное в ней – суметь организовать людей. Тогда сумеешь всё, что угодно...

– Например?.. – Не совсем воспитанно спросил Семёна.

– Например?.. Например... Ну, например, достичь желаемых высот. Помнишь? “И только тот достигнет её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам...” Вообще же, ещё раз говорю, ты – молодец, – сладкоречиво закрутился Пётр Прохорович. – Я скажу Цовику, чтобы перевёл тебя в дробилку. Хлопец ты толковый, и я мыслю, в дробилке из тебя выйдет стопроцентный мужик. Ха-ха! Почитай пособий, инструкций всяких, У Крохмалья не стыдись спрашивать, что к чему, и в конце месяца мы тебе третий разряд дадим. Солидно зарабатывать, очевидно, не откажешься, а с **третьим** в дробилке пятьсот-шестьсот будешь определённо иметь...

– Да уж, понятно, не откажусь...

– Ну вот и договорились. Напишешь заявление через Цовика, так и так, прошу экзаменовывать на тарифно-квалификационной комиссии. Я поддержу, а это – всё! – Доброжелательно пообещал Петлюк, отпирая двери своего кабинета, а Семён потопал ещё выше, на шестой этаж, у раздевалку, где голый Вова Глюев, зябко поводя плечами в весьма прохладном воздухе и пришивая ответственную пуговицу к рабочим штанам, подтвердил, что,

действительно, если уж Петлюк пообещал, то тогда, вероятно, всё так и будет!

– Но он тебе поднимет разряд, а десяти мужикам премию срежет! Учись понимать руководство, Сёма, пригодится в жизни!..

– Кажись, я его и так уже понимаю. Или почти понял. Не человек – агитброшюра. При том, брошюра занудная, компиляторская...

– Не матерись, – засмеялся Глюев.

Они прогарцевали своими тяжеленными ботинками мимо дверей Петлюка, торопясь на пятиминутку...

Когда Серба ещё колебался – оформляться или нет в цех агломерации, последнюю гирю на весы выбора бросил Константин.

– Врать не буду, тяжеловато там. Комфорта в обрез, а работы, – лишь бы крыша не поехала на следующий день!

А если уж Костя подчеркнул, что работа тяжеловата, можно смело считать, что нормальному человеку там не выдержать. Всё же, чтобы не показаться трусом, Семён, хотя и не очень уверенно, согласился.

– Работы мало, где нас нет. Пойду в аглоцех, попробую. Правда, Игорь намекал, что не очень интеллектуально там, ну да ладно... Хотя хотелось бы головой посообразать...

*– Не верь **стиляге**, он тебе слегка преувеличил. Там не ад, а всего лишь его филиал. “Не очень интеллектуально”! Разве такой, как ты, сможет грабаркой шуровать? Нет профессий интеллектуальных. Это – глупость. Есть интеллектуалы. Есть просто люди, у которых мозги чешутся, только и всего. И если ты именно такой – бегом в тот цех, обхохочешься...*

Однако в первые дни работы Семён едва не ступался, затих, не понимая логики общения всех этих бесчисленных механизмов и приспособлений, везде чудились ему беспорядок, бестолковщина, диссонанс.

Со временем ощутил себя необходимым. Не только машинам, но и бригаде. Он, наконец, ощутил себя рулевым процесса, уловил последовательность технологической нитки, познакомился с дробильщиками и повеселел, – работа явно клеилась.

Ему даже нравилось мотаться в клубах рыжей пыли, в сатанинском грохоте транспортёров и обеспечивать выполнение одного-единственного приказа, одной просьбы, одного заклинания цехового диспетчера:

– Давай, братва, давай, давай! Дава-а-ай!..

И Семён вместе со всеми дробильщиками – а их восемь **рыл** – давал...

Ненасытно зияют стальные провалы бункеров. Тяжёлый поток дроблёного боксита глухо проваливается в многометровую глубину. Облако коричневой пыли вибрирует от визга транспортёрных катков, придавленных перегруженной транспортёрной лентой. Дымно и горячо исходит паром на встречной ленте другого транспортёра груз **возврата** агломератной мелочи, которую возвращают на перепекание, ибо сортом не вышла...

Едва моргают где-то под самой крышей пятисотсвечовые лампы, похожие на оранжевые задымленные солнца огненного военного времени, и чуть-чуть освещают поле боя – вздрагивающий от неутомимой работы мощных электромоторов второй этаж хмурой бетонной коробки дробильного отделения.

В этом, адском на взгляд Игоря, месте и хозяйничает Семён Серба. Сквозь завесу угарной пыли ему почти невозможно рассмотреть, все ли транспортёрные ленты движутся. Бывает, что и останавливается какая-нибудь, а особенно часто такое – с лентой дроблёного боксита.

А если уж неприятность случилась, тогда – не лови ворон, Сёма! И он проворно, как молодой телёнок, срывается с перевёрнутого вверх дном ржавого ведра, на котором передохнул пару минут, подбегает к пульту 56-го транспортёра и торопливо

нажимает большую красную кнопку “Стоп!” И лента 56-го неспешно останавливается. Потом Семён на несколько минут включает её нажатием чёрной кнопки “Запуск”, чтобы согнать с ленты горячий, пышащий паром, кое-где даже раскалённо тлеющий возврат, ибо иначе этот идольский груз прожжёт, а то и сожжёт дорогущую и очень **дефицитную** резиновую ленту.

Словно обворованная базарная баба, взвизгивает телефон, да на кой чёрт этот телефон! И Семён уже не бросается к трубке, как в первые дни здешнего героического труда. Уже привык, знает наперёд, что это любопытный, (а любопытство, – как сказал об этом диспетчере когда-то Краминов, – здоровая черта здорового человека), не в меру любопытный диспетчер желает узнать лично от Семёна, в чём именно дело, подробностями, так сказать, интересуется. Ну и пусть помучается! Семён в курсе, что и где остановилось. И даже, почему остановилось.

Семён берёт лопату и спускается по тускло освещённой наклонной галерее, между двумя транспортёрами, вниз, в собственно дробилку, где ребята уже вскарабкались на круто нисходящую восьмую ленту и звонкими **грабарками** сбрасывают боксит прямо на пол галереи.

Сёма забирается к ним и тоже берётся за дело.

– *Почему тормознулись?* – Без заинтересованности спрашивает он через плечо у Ивана Крохмалю, бригадира дробильщиков, хотя этот же бессмысленный вопрос несколько минут до того ему самому задавал всезнающий диспетчер, и Семён наперёд знает ответ дядьки Ивана. Но тот, вместо привычного на производстве солёного матерка, спокойно и основательно объясняет отказ техники:

– *Выбило тепловую защиту на восьмой, чёрт бы её подрал...*

– Словно между прочим, не разгибаясь, **бухтит** Иван и сердито наваливается на держак лопаты.

Неподалёку от машущих лопатами мужиков, у выхода из галереи электрик Николай что-то соображает в

распределительном шкафу, возвращает в исходное положение какие-то рычажки. Дробильщики, хмурые, потные, отчаянно вспоминают всех нехороших женщин!

Потому что, во-первых, скидывай весь боксит с ленты, так как не тянет мотор. Потом, уже после того, как Николай наладит тепловую защиту, нужно будет снова забросать эти две-три тонны на транспортёр. В-третьих, потеря времени, штука коварная и опасная, так можно и сменное задание выдачи агломерата профукать. А в-четвертых, – где уверенность, что сегодня восьмая не покажет свой норв ещё раз?

Сколько долбили начальству, что пятисильный мотор на восьмой тянет сверх своих возможностей, что потери от простоев больно бьют по плану, но Петлюк и его помощники молчат. А дело ведь пустяковое – установить семи- или десятисильный электромотор. И можно замену произвести быстро во время ремонтной смены. Но попробуй предложи подобное Петлюку хотя бы и на той же пятиминутке. Рассвирепеет:

– Не способны как положено работать, не беритесь! Я вас, лодыри и алкоголики, научу свободу любить! Не будет вам в сентябре никакой премии...

Однако и своего обещания Пётр Прохорович **не забыли**.

... Не прошло и недели, как Петлюк, проверяя как-то работу дробильщиков, бросил острый взгляд и в сторону реверсивщика Сербы. Пётр Прохорович как раз распекал Цовика за неважную дисциплину в бригаде (снова старого Лукаса забирали позавчера в вырезвитель). Сам он уже который день размышлял над тем, где и когда видел такой взгляд и такие глаза, как у своего не в меру самостоятельного работника Сербы.

– Обрати внимание на Сербу, Цовик, как бы не свихнулся ларень, – посоветовал он мастеру, который ни фига не понял, но на всякий случай хмыкнул:

– Ну, да, ну, да, конечно!..

...Тем временем, так или иначе, зачистка ленты состоялась, боксит сброшен на пол и пора запускать всю машинерию. Люди выбираются из галереи в дробилку. Николай одобрительно кивает головой, дескать, на линии – порядок, и если нет других проблем, то давайте запрос на запуск... Что весьма неудобная процедура. Надо нажать специальную кнопку на панели управления дробилкой, тогда только диспетчер, приняв сигнал запроса, сам включит главный электродвигатель. А теперь вперёд, за орденами!..

После долгой пугающей сирены, напоминающей ревун утренней вечно опаздывающей электрички, дробилка, грохоты, транспортёрные ленты и прочие хитрющие механизмы единогласно приходят во всеобщее движение, щедро стряхивая с себя рыжую пыль и взрывая покой ремонтных минут неимоверным грохотом металла. И вот уже Володя Евстафьев нажимает клавишу подачи, и стальной питатель, – тоже транспортёр, – тяжело, словно гусеница танка, поворачиваясь, сбрасывает в приёмный бункер первые глыбы бокситной руды. К лягу металла присоединяется особенное, басистое гуденье бокситного камня, натыкающегося на бешено вращающиеся одиннадцатикилограммовые – из лучшей стали – молотки дробилки. По восьмой, которая тотчас тяжело и плотно припала к опорным каткам, понёсся на грохоты рыжий поток дроблёного боксита.

Наладив работу механизмов, ребята, большей частью крепкие мужики, как вот, например, Крохмаль или старина Лукас, выходят друженько на площадку у цеха, включив, понятное дело, автоматическую подачу боксита, но и поглядывая, всё же, изредка на уровень боксита на восьмой сквозь пылицу, а ею коричнево дышат настезь распахнутые двойные двери-ворота. Запылённые, оливково-серые – только глаза и зубы непрестанно рассекают загримированные лица – мужчины закуривают, глубоко

закашливаясь, сплёвывая жёлто-серую пыль и тихо переговариваясь.

Заводской двор залит молочным светом луны и холодным свечением люминесцентных пальчиковых ламп. Изредка где-то на верхотуре проплывает облачко, и тогда на нём на мгновение затлеет отблеск световых потоков, выбивающихся из окон соседнего электроплавильного цеха, где вкалывает Костя.

Сёмин цех, цех агломерации, нависает из-за спины двумя огромными, тёмными, с квадратами жёлтых окон, бетонно-кирпичными сооружениями. Фантастически пересекаются галереи, в которых транспортёры, не переводя дыхания, тянут шихту, возврат и руду, соединяя дробильное отделение с отделением спекания. Между двумя этими бетонными параллелепипедами отделений ввинчивается в небо, обозначенный в темноте гирляндой красных фонарей, массивный цилиндр кирпичной дымовой трубы. Днём работники, проживающие в посёлке неподалёку от завода, по цвету дыма узнают, какой агломерат спекает предыдущая смена, или бокситный, из которого потом вырабатывают электрокорунд, или опытный, железорудный, – для мартенов.

По ночам заводской двор – симфония таинственных контуров, фрагмент другой планеты, место, где на каждом шагу так и жди внезапного чуда. Впрочем, из темноты доносится обыкновеннейший хихикающий голосишко:

– ... И вот вылезают они из ракеты, радуются, что первыми достигли и такое прочее... Луна, всё-таки... Ну, там насаждения какие-то вокруг, на колхозные кукурузные поля смахивают, чудно как-то. Когда вдруг, хи-хи, из зарослей возникает огромный такой, в дурацком скафандре и спрашивает наших: – “Ну что вы там, маму б вашу зря не вспомнить, с комбайном волокитите, так и уборочная страда пройдёт!.. Не видите, что кукурузу уже, чтоб вам повылазило, время собирать...” Хи-хи-хи! Вот выдают уголёк, гады!..

Голос Володи Евстафьева. Мастер поболтать Вова. Великий спец.

Смеясь, дробильщики сходятся в оранжевый конус света под фонарем, висящим над проёмом двери.

– *Осточертела до невозможности такая работа, – бурчит старина Лукас, – увольюсь и – баста! На кой мне такая дёрготня? Что я, тысячу вашу в другом месте не словлю? Глотай пылицу, с грабаркой туда-сюда, а тут ещё на восьмой завалы разгребай!.. Ну, нет! Баста! Амба! На почтовый ящик пойду, там, говорят, человека больше ценят...*

– *Писать надо, старик, в ЦэКа писать, – отзывается посерьёзневший Евстафьев, – и что вентиляции, по сути, нет, и что необходимую численность рабочих не обеспечивают, и как премии режут. Я б про все петлюковские чудеса пропечатал...*

– *И про то, что ни окон, ни дверей в цехе, – дополняет электрик Николай, – и, вообще, давайте я, наверно, к завтраму принесу набросок письма, или как? Понравится – подпишете.*

– *А по-моему, только не в ЦэКа, – вмешивается Семён, – сколько людей из-за какого-то Петлюка от дел отрывать. Если и писать. То лучше в газету, в “Правду”, к примеру. Неплохо было бы. Она, говорят, на чины не реагирует.*

Мужики задумываются, в основном соглашаются: – *Неси, была не была, Коля, свои наброски, послушаем, посоображаем...*

Выбрасывая в темноту окурки, двигают к механизмам, потому как почему-то позвал бригадир, Крохмаль.

Семён по галерее взлетает вверх, к своему реверсивному транспортёру, который уже доверху засыпал бокситом один бункер, и к нелюбимой 56-й. Он замечает, что бункеры возврата почти опорожнились и даёт запрос на запуск 56-й. После минутной сирены 56-я важно трогается, её ведущий барабан браво перематывает почти полукилометровую ленту. Проходит минуты две, пока первые куски возврата, выстреливая клубы пара и пыли, проваливаются в чрево бункера. Порядок!

Сквозь отверстие в полу, широкое, словно дверь, и огороженное металлическими поручнями, – в него во время ремонтных смен **майнают** демонтированный хлам, металлолом и инструмент, – сквозь это отверстие Сёма пытается рассмотреть циферблат электрочасов, висящих внизу, в дозировке. Вроде, как 22.35. Отлично! Ну что же, попить водички и можно начинать загодя прибирать рабочее место, ведь пересменка – в полночь.

Независимой самостоятельной походочкой он спускается звонкими ступеньками стального трапа в дозировку, усмехается Наде, веселой, запылённой, как чертёнок, дозировщице. Интересно, как она выглядит в платье, а не в комбинезоне? И хороши ли ножки? Жаль, если раскоряки. А лицом – хорошенькая. Он и она заходят на завод через разные проходные, и Сёма, увы, ещё ни разу не видел Надю при параде.

Но теперь, когда он познакомился с Ириной, все девчата потеряли в глазах Семёна немало привлекательности. И глазки уже не такие прозрачные, и улыбочки искусственные, и взгляды примитивные, и походка некрасивая, хотя как ходит Ирина он ещё толком и не видел, разве что разок на пляже, и, понятно, только помнил в жутких подробностях ту невозможную ночь, когда бежал с ней тёмным ночным парком, а за ними с первобытным рёвом катилась толпа хулиганов. Страшная, унижительная ночь.

Семён поправляет пояс, словно завидел офицера, и шагает напрямиком к сифону с газированной водой, ослабляет кран и маленькими глотками – от холода зубы сводит! – пьёт холодную газировку.

– *Айда к нам, Сёма, поболтаем*, – приглашает его Оксана. Она взрослее Надежды и Семёна, но на работе комбинезоны уравнивают всех, так что Сёма признаёт допустимым быть с ней на "ты".

Он слушает молча, его мысли далеко, с Иринкой. Девчачий трёп неинтересен, больше сплетни, малосольные анекдоты, то да сё. Так себе трепотня, можно было бы и не встравать. И Семён

через минуту-другую встает, изображая, что наговорился до отвала.

Оксана что-то бормочет неинтересное о том, как их подругу обидел какой-то тип. Обещал жениться, а **опосля** связался с хозяйкой, где подруга и этот самый её **кент** квартировали, и бросил Людку, даже уломал её сделать подпольный аборт. Дело закончилось трагично. Бабища, которая “обрабатывала” Людмилу, перестаралась с пенициллином, и в результате Людка сейчас лежит в больнице в тяжёлом состоянии. Отравление пенициллином.

Такого Семён не слышал сроду, но чужое горе поначалу не очень-то взяло его за душу, но когда он вспомнил, как когда-то в парке Пушкина спасал девчонок-стиляг от погони озверевшей толпы, ему стало стыдно за свою чёрствость.

– *Люди, если их возглавляют горлопаны, могут терять рассудок*, – сказал тогда, в ответ на тысячу пессимистических Семёных вопросов, Костя.

А тут какой-то банальный донжуан, неудачное увлечение... Ну и что же в этом такого? Смотреть под ноги надо! И он вспомнил свою сложную студенческую любовь к Нине.

– *Не пройдёшься завтра с нами проведать Людку?* – Попросила Надежда. Семёна подумал-подумал и из проклятой вежливости согласился.

– *Ну, беги уже, а то не успеешь на рабочем месте прибраться*, – выпроваживает Семёна Оксана, и он, натягивая непослушные рукавицы и вздыхая по Ирине, громыхает металлическими ступеньками на **верхотуру**.

Вот так наверное, поднимался в “Восток-1” Гагарин...

– *Даю гарантию, что человек полетит через три-четыре года*, – уверенно сказала Нина ещё в 1958-м, когда Сенька только-только вернулся из своих жутких странствий.

Семён спросил тогда, чем она руководствуется в своих предположениях, ведь ещё ни разу человечество не преодолело

земного притяжения.

– *На интуиции*, – как всегда с загадочной усмешечкой ответила Нина. И, представьте, мистика заключалась в том, что интуиция никогда Нину не подводила...

Громяхающие ступеньки быстро заканчиваются, и снова вокруг Сеньки стальная арматура, переплетения коммуникаций, химерные, но бесспорно земные ленты транспортёров.

Киевское время одиннадцать часов, точнее, двадцать три ноль-ноль. А ещё нужно успеть за шестьдесят минут подчистить грабаркой возврат, просыпавшийся у бункера 56-го, именно там, где лента, обежав ведущий барабан, черкает по неподвижному неисправному ролику и обшкрёбывается этим роликом от остатков возврата.

Семён сбрасывает спецовку – непонятого землистого цвета брезентовую куртку (до чего же неуютная роба!) – и начинает расчищать завал. Родной совковой лопатой нагружает осыпь возврата в тачку, тачку катит к бункеру и переворачивает её над отверстием, продолбанным для этой церемонии в полу. Набросал – отвози! **Смайнал** – кати в припрыжку под погрузку! Тачек с двадцать за час. И когда Семёна окликают сменщик, чистенький, опрятный, с **сидором** в руке и папироской в уголке рта, Сёма, наконец, позволяет себе распрямиться и бросить веник под 56-й.

Сообщает сменщику, что все ладненько, хотя, как всегда, никто не позаботился сменить ролик, из-за чего под 56-й немилосердно сыплет. Что бункеры почти полны, – и бокситные, и антрацитной пыли, и возврата. Что снова вкальвали у восьмой. Что завхоз дармоед Минченко опять не обеспечил мётлами, и вот каким **деркачём** пришлось такую большую **квадратуру** подметать.

Коричневые потёки пота размазывает грязным рукавом наброшенной на плечи спецовки. Всё. Рукавицы – прочь! Смену сдал! И Семён шустро, насколько позволяет усталое тело, топает в душевую. Он долго и тщательно полощется. Трёт спину Глюеву с агломашины, а Евстафьев брызгается водой, словно ребенок

малый, и, открыв форточку, показывает всем, – и крохмалю Ивану, и старому Лукасу, и электрику Николаю, и Гущину из спекательного отделения, всем, кто, хохоча и отдуваясь, прыгает под горячим дождиком:

– Во-о-на! Смотрите, какой, всё-таки, классный мост через Днепр отгрохали, теперь на рыбалку можно пешком ходить!..

Ночью, понятно, мост не виден. Но гирлянда фонарных огней, освещающих пролёты, отлично видна и выглядит празднично...

По правде, мост построили ещё лет десять тому, вернее, отчитались, красиво доложили наверх, но потом, как обычно, всё доделывали-переделывали, пока, наконец, не устранили недоработки и огрехи. Короче, теперь мост и звенит, и смотрится, и работает, как положено...

В девятом классе, когда на бумаге вроде открылся мост через Новый Днепр, Сенька так и не увидел его. Не было случая. И вот только в прошлом году подходящий случай представился. Сёма познакомился с новым мостом, когда перед увольнением с очередной дурацкой работы возвращался из последней командировки. Сначала под полом вагона прогремел мост через Старый Днепр. Потом, на пару минут, пока поезд пересекал остров Хортицу, грохот затих, а внезапно электричка вновь загремела словно над пропастью, и бетонные секции гигантского моста загудели, как камертоны, – торжественно и в то же время тревожно. А где-то внизу, под поездом, ярко, так что больно было смотреть, поигрывал под солнцем Днепр.

Сенька Серба тогда удивлённо засмотрелся в окно, провожая взглядом леса-плавни Рябого острова, игрушечные с такой высоты рыбацкие лодочки, их немало качалось у подножия моста, пароход, важнецки топающий из Херсона, да серых крикливых чаек, которых пригоршнями бросало летнее солнце, а они падали и падали понарошку куда-то вниз, к самой воде, чтобы снова, поцеловав её и схватив при удачном пикировании рыбёшку,

взлететь вверх.

В те торжественные секунды Сёма очутил, что волнуется, скользнул взглядом вправо и увидел родной ухоженный город. Сколько мог видеть глаз – дома, дома и дома. Вдали белела, перекусывая Днепр, прочная челюсть плотины ГЭС.

И над всем этим богатством блестело в высоте солнце – жёлтое, как мелитопольская дыня, июньское солнце.

Мост закончился, электричка пробежала ещё с километр и привычно прилипла к перрону. Бестолковый командированный Серба подхватил спортивную сумку и, ощупывая карман, где лежали документы и жалкие остатки суточных, спрыгнул на горячий мягкий асфальт.

– *Ну, здравстуй!* – Вслух обратился он к городу после трёхнедельного отсутствия.

– *Здравстуй!* – Ответила удивлённо симпатичная блондиночка, и, удивлённо поведя плечами, побежала кому-то навстречу.

Семен пошёл сквозь шум, поцелуи, узлы, чемоданы и жару в акациевый рай, возвращаясь к своей безалаберной жизни...

– *Мощный мостяка?* – Переспросил Володька Евстафьев, весь в мыльной пене, как Дед-Мороз.

– *Классный,* – согласился Сёма, подумав, что мост, возможно, привёл его к новому взгляду на жизнь...

– *Цовик, что вы безобразничаете в ночную смену? Или мне опять приезжать под утро вас контролировать? Вот, все посмотрите, что напёк Цовик, полюбуйтесь!* – И Петлюк взял с подоконника, где лежали пепельно-чёрные куски агломерата, один, отличавшийся по цвету от соседних образцов, обломок. Казалось, он был присыпан толчёным красным кирпичом. Производственники заулыбались.

– *И такого мусора вы навалили целый думпкар. Скажите*

спасибо, Кулаков проглядел, не вернул обратно. Брак, настоящий брак. А всё потому, что лезете и лезете за длинным рублем, не считаясь с интересами общества.

- Прогавили, виноват, - сознался Цовик, посчитав за лучшее повиниться.

- То-то, смотри мне! На будущее еще раз учудишь, шкуру спущу. И всем запомнить, агломашину гнать, - ни-ни!

Зазыкин счастливо ухмылялся: "Неопытная птичка этот Цовик. Почему агломерат красный? Гнали, чтобы побольше испечь, агломашину на повышенной скорости. Шихта не успела пропечься, и необуглившийся боксит предательски закрашивает продукцию. Но цвет – пустяк. Качество страдает, потому что агломерат не спекся, сохранил пылевидную структуру, и, загруженный потом в соседнем цехе в электропечь, не откристаллизуется в качественный корунд. Но какое нам дело до электроплавильщиков? И никто не догадается, как поступаю я. Навалю думпкар браку, а потом приторможу агломашину и сверху посыплю его отличным кондиционным агломератом. А уж если подали вагон Кулакову на склад и он прохлопал и опрокинул думпкар, все, извините, я ничего не знаю, может, то и не мой, не моей смены, чем докажете?".

*- А вы, товарищ Сорока, - обратился Петлюк к главинжу, - покрепче присматривайте за нашими **шустриками**.*

- Слежу днем и ночью, Петр Тихонович, но ведь я не технолог, в конце концов, чтобы принимать агломерат по качеству, есть же контролер ОТК.

- Ну, не ершитесь. - Успокоил главинжа Петлюк. - Вы же понимаете, дело какое... Что за спрос с девчонки, лишь вчера выпорхнувшей из техникума? Хотя, согласен, чувство ответственности надо прививать пораньше. Мы в такие годы не стеснялись полками командовать... Однако нам всем надо по-хозяйски за качеством следить, искоренять рвачество. А то ведь представьте себе картину, Цовик член партии, Зазыкин, не

улыбайся, тоже член. Заслуженные люди цеха и завода, а занимаются очковетирательством. Позор таким партийцам, товарищи! А если вдуматься политически, так здесь и саботажем попахивает. Как сказал во вчерашнем выступлении Никита Сергеевич, кому многое дано, с того многое и спросится. – Петлюк оглянулся на большой портрет за своей спиной, как бы испрашивая подтверждения своим словам. Все дружно взглянули на стену.

- Пора, пожалуй, партсобрание созвать на тему качества продукции, - успел вставить Краминов.

- Ага, вот-вот! Давно бы уже, товарищ парторг, - лукаво усмехнулся, подбадривая Краминова, Петлюк, *- ну ладно, идите по местам и чтобы порядочек не хромал!*

Совещанцы, гремя стульями, устремились кто домой, кто по цеху. Зазыкин и Цовик задержались дольше других. Каждый пытался пересидеть другого, чтобы остаться наедине с Петлюком, но тому уже надоели бесконечные хлопоты неудачного утра, и он погнал их:

- Идите, чего нахохлились? Особенно тебя, Зазыкин, приглашаю, сходи, проверь, как запустились твои орлята, не гонят ли машину, как у Цовика.

Зазыкин вышколенно встал, но внутри у него закипела злость:

"Цовика пригреваешь? Ну погоди! Прокатят тебя на вороних-гнедых, а двуличный Цовик смеяться будет. Недаром поговаривают, что Кулаков умышленно делает вид, что не замечает бракованного агломерата, а в действительности он разгружает брак отдельно, отвел в складе специальный угол. И куча рыжего сырого боксита уже едва не подпирает потолок склада.

- Накоплю побольше, - говорит Кулаков, *- а потом позвоню в обком, приезжайте, полюбуйтесь успехами передовика Петра Прохоровича.*

И скостит гада. Кулаков дядька знающий, недаром до

Петлюка аглоцех возглавлял, строил его, и понятно, что ему горько смотреть, как чудо автоматизации в хлеб превращается. Ну погоди! "

И Зазыкин притворил дверь.

- Ну что скажешь, Соломон Ильич? – Взглянул Петлюк на Цовика, кокетливо потупившегося у порога.

*- Новость нехорошая, Петр Прохорович. Рабочие, слышал я, письмо на вас в "Правду" **накалякали**.*

- Анонимка? – Уточнил, внутренне напрягаясь, как если бы горнист сыграл тревогу, Петлюк.

- Где там, десятка два подписалось. В основном, из моей смены...

- Куда же ты, анархист, смотрел? Не понимаешь, что ли, чем это и тебе пахнет? Безобразие! Кто организовал? О чем писали?

- Ничего я не знаю, они мне не говорят, тайком и подписи собирали. И будто бы и Крохмаль, и Гуцин подмахнули... Как бы чего не вышло, коммунисты же они.

- Да-да, хорошо, что ты, Цовик, рассказал, но я думаю, ничего в письме противоестественного нет. И тебе ахать по всем углам не рекомендую. Они имеют полное право писать, куда им заблагорассудится, а если у нас все в порядке, так никто, никакая проверка не страшны. А наш цех, как говорится, не в отстающих, показатели – соседям на зависть. Но можешь передать твоим бузотерам одно – надо добросовестно работать, а как, в каких условиях, не их дело. Есть начальник цеха, вы, мастера, ИТР, партийная организация. Мы о производстве болеем, заботимся и, если что не так, дело житейское и вопрос решается в рабочем порядке. Кто не понимает, может писать и убираться вон. Вон! – Гаркнул Петлюк так свирепо, что Цовик поспешил подняться, приняв возглас в свой адрес.

Пётр Прохорович остановил его знаком, затем просто и

по-товарищески протянул руку:

- Попробуйся узнать, что и как, а то, ненароком, застанет нас кляуза врасплох.

Цовик пообещал сделать все возможное, чтобы выяснить, чем дышат рабочие смены, но осторожно, очень осторожно.

После его ухода Петлюк позвонил председателю завкома Лупиносу:

- Не посчитай за труд, Миша, зайди ко мне. Не можешь? Ну, тогда не беспокойся, я сейчас приду сам, – и, положив трубку, направился в угол кабинета к никелированной вешалке, где, как галка на суку опиленного на ленинский субботник тополя, приспособилась тёмносиняя фетровая шляпа, а на нижнем крюке висел серый габардиновый макинтош китайского производства.

Осеннее солнце собралось с силами и крепко пригрело прозрачную голубую атмосферу, стены производственных корпусов, переброшенные на изрядной высоте из корпуса в корпус галереи. На заводском дворе было чисто и радостно. Ровно и сильно дышал эксгаустер, пропуская через стальные легкие турбин раскаленный воздух, прососанный через пирог из шихты, и гнал его в небо по веселой кирпичной трубе. Переплетения галерей и здания отделений днем выглядели не так внушительно и, главное, оказывались грязными, запыленными. Но запыленность их производила впечатление не запущенности, а скорее простительной художественной неряшливости, подумалось Петлюку. В шестиэтажном кирпичном корпусе и смежных зданиях билось, стучало, гудело металлическое нутро аглоцеха, перегоняя по венам транспортеров потоки шихты, возврата и дробленого боксита.

У спекательного отделения, где дымился паром и чадом проём выдачи, толкался маневровый паровозик. Передвинув цепочку вагонов на какой-нибудь метр, он устало замирал. Тогда ребята, те, что мотались на выдаче, включали транспортер, хобот которого свисал над очередным думпкаром, и дымящиеся, ещё

лилово-красные глыбы агломерата срывались вниз с барабана, сотрясая вагон. В думпкаре глыбы быстро остывали, темнея, и когда куча достигала бортов, всю цепочку вагонов проталкивали ещё на метр. И опять всё начиналось в прежнем порядке, рядом с предыдущим конусом агломерата на полу думпкара вырастал, дымясь и меняясь в цвете, следующий конус.

- Уже три думпкара набили, - с удовлетворением сосчитал Петлюк.

- Сто восемьдесят тонн готово, а ещё нет и часу дня! Изумительно! Ну и погнал сегодня с перепугу Зазыкин, может тонн триста шестьдесят отгрозить и далеко против других вырваться вперед. Но ничего, завтра мы ему всучим ремонт на полсмены, а задание сохраним полностью. Он и осядет до 105-106 процентов. Держать их в кулаке, только тогда можно спать спокойно. Письмо! Я вам покажу письма строчить, запомните до гроба, писатели! Узнать бы, кто закоперщик, я бы его, говнюка, без премии до нового года промарыжил...

Металлоломно дребезжа на стыках рельсов, позванивая на перекрестках, трамвай несся с Жилмассива, что напротив завода "Двадцать девять", по окраине прогретого утренним июньским солнцем Запорожья. Вот уже и мостик через железнодорожные пути станции Запорожье-Второе. Круто повернув перед Большим Базаром, вагон выбросил полсотни работяг ночной смены, решивших не ехать до площади Свободы, а пройти через рынок и вниз по улице Анголенко до проспекта Ленина на людное место у кинотеатра "Комсомолец".

Вышел и Семён. Устало позёвывая, не спеша пошёл, войдя в базар, овощными рядами. Любил Сенька Большой Базар с детства. Не раз мать приводила его сюда по воскресеньям.

За столом, уставленным чего душа желает, хорохорился изрядно подвыпивший Лупинос. Нора сидела слева от него и

усердно раз за разом подливала ему в рюмку коньяку.

- *Благодарю, довольно... Хозяйшкa, Нора, не лей понапрасну, я – готов!*

- *Пей, Лупинос, и чувствуй себя как на войне*, - добродушно трепал его по плечу Петр Прохорович. Нора, хохотнув, налила и себе.

- *В России испокон веков пьют*, - рассуждал Петлюк, - *классическая страна пьянства, казнокрадства и бюрократии.*

- *Петенька, к чему эти экскурсии в царское прошлое?* – толкнула его локтем Нора.

- *Не толкайся, женщина! Мы кровью завоевали наше право слова, мы, марксисты-ленинцы, не боимся инсинуаций политиканствующих мещан, мы... да что тебе объяснять! Миша!* – Петлюк подсел поближе к Лупиносу. - *Миша, я пригласил тебя посоветоваться насчет фактов саботажа у меня в цехе. Помоги, посоветуй!*

- *Что, артист продолжает свой монолог*, – догадался Лупинос. – *Серба или как там его?*

- *Вот-вот, сопливый философ вздумал меня учить! Как я непростительно ошибся, Миша. Повысил ему разряд. Перевел дробильщиком. Теперь он имеет в месяц тысячу двести - тысячу триста и подымает кипешь, дурень. Нельзя доверять никому! Учён же, вот досада, а дал такого маху!*

- *Понизь ему разряд, обрубь премию, и он, как миленький, хвост подожмет.*

- *Не могу. Уже не могу. Теперь цех сразу поймет, из-за чего я на него давлю. Нет, в свете новых сведений, которыми я обладаю, такие меры уже неразумны. Нас, старых чекистов, не проведешь!*

- *Что же это за сведения, Петр?*

- *Письмецо работяги намарали в "Правду", а о чем, неизвестно.*

- *Письмо? Непохоже на тебя обращать внимание на грязные*

анонимки.

- *Напротив. Письмо подписало человек двадцать, причем два коммуниста искусились.*

- *А о чем пишут, может быть, по мелочам?*

- *Если бы! Не знаю, милый, не знаю. В том-то и заковыка, что пока неизвестно содержание.*

Лупинос, обеспокоенный откровением Петлюка, несколько протрезвел.

- *Но чего же он, дурак, хочет?*

- *Ничего не хочет. Повидимому, воображает себя бескорыстным. Типичный кукурузник, думает одним махом в коммунизм вскочить. А нас, что же, на свалку? Может, правда, Леонид Ильич поправит ситуацию.*

*Проблема поколений, видите ли! В наше время никаких таких проблем не было. Вызывали, куда следует, и быстро вправляли мозги морозцем. Думаю, что **Генеральному** рано или поздно придётся-таки за порядок браться, а то как бы не развалить то, что мы мозолями выстроили. Надо, надо учить их, как работать, как место своё помнить. Правильно я говорю, Михаил?*

- *Ты прав, как всегда, Петр, но...*

- *Никаких "но"! Мы обязаны так проучить дезорганизатора Сербу, - и Петр с ударением повторил, - **дезорганизатора, са-бо-таж-ни-ка сраного** так должны проучить, чтобы другим неповадно было.*

Нора принесла разгоряченным деятелям чаю:

- *И что ты, Питер, на комсомольцев своих взъелся? Пусть помитингуют, тебе жалко, что ли? А если правы, признай!*

- *Молчи, артистка! – Саркастически захохотал Петлюк. – С мысли не сбивай!.. И вот, верь не верь, Миша, чувствую, что весь цех заразился бациллой критиканства и ниспровергательства. Даже тупое животное Евстафьев, чьей формулой было "Нам, татарам, один хрен!", и тот перестал со*

мною здороваться! Вообрази только, я подхожу, снимаю шляпу:

- Здорово, гвардейцы! А гвардейцы, как бараны, глазают и... молчат! В таких условиях я и заколебался, тащить Сербу на товарищеский суд или нет. Усугубить положение можно...

- Тащи, чего там, - безразлично сказал Лупинос.

- Прекрасно, я так и думал, что ты согласишься меня поддержать. Приходи завтра в четыре, соберем заседание товарищеского суда, скажешь там зажигательных пару слов. Не сомневайся, получишь словесно в зубы. Что он будет огрызаться, я уверен. Потом вызови Сербу на завком за грубость на суде. Ну, а дальше проверни решение завкома уволить хама, добро?

- Не приду я на ваш суд, занят завтра, - с неохотой ответил Лупинос, - зампреда пришлю, Денисюка... До него постепенно доходила мерзость дела, в которое его затягивал Петлюк, и на душе становилось всё более грязно и тоскливо. Хотелось уйти, убежать, уехать. Повинуясь внезапному прозрению, Лупинос начал рубить без стеснения:

- Извини, конечно, но не нужен мне твой дурацкий Серба и его письмо. Сам разделявайся!

Лупиносу стало страшно, что он попадёт в немилость **инстанций** и ещё могут снять с непыльной должности профбосса, возвратит в цех, на рабочее место, чего он опасался больше всего. С таким трудом пробившись в руководство, он не хотел, не имел права рисковать. Хорошо Петлюку, у него связи и в органах, и в обкоме, а тут приходится плыть самостоятельно. И выручить может лишь диалектически понятая пронирливость и собачье обоняние господствующего ветра.

- Как, ты отказываешься мне помочь, мне, который тебя пропихнул в завком? Так тебя понимать?

*- Зачем крайности, Петр Прохорович? Я солидарен с тобой и прочее! Но **официально** поддерживать воздержусь.*

- Официально! – Передразнил Петлюк. - Бздишь, мелкая твоя душа! Грешить гресишь, такой же, как и все вокруг, а сыграть со мной на пару забздел?! Не ожидал! Не распускайся, хлюпик! Наша возьмет!

- Пойми меня правильно, Петр Прохорович! Я уважаю тебя, понимаю, но, сам посуди, дети у меня, детишки. И теперь, когда я один гляжу за ними, мне спотыкаться нельзя! А вдруг не осилим твоих сутяг? Чёрт его знает, как повернется дело. Ведь если двадцать подписей, а из них две членов партии, я думаю, надо быть начеку.

Знаешь, какая сейчас постановка вопроса у нового Генерального? "Пишут рабочие, прислушайся. И не просто прислушайся, а перестраивайся!". Да. И скажу тебе по секрету, Кулаков готовится преподнести тебе сюрприз.

- Что же ты раньше молчал? Ну и что готовит кулацкое говно?

- Слышал я, брак твой отдельно ссыпает, и порядочно уже набрал, больше тысячи тонн...

- Ах, мать честная, обезумели вы все, что ли? Ополчились! Ну ладно! Не дрейфь, Лупинос! Не очень я в тебе нуждаюсь. Не пойми так, что я тебе оговорить Сербу предлагал! Не было между нами данного разговора, и ты ко мне не приезжал. Понял? Но запомни, приятель, перекипят страсти, стоять тебе снова рядовым на левом фланге, о чём я позабочусь. Я тебя возвысил, я тебе и под зад не постесняюсь дать. Двигай лучше в цех, нечего чаи распивать!

Грубо толкнув стул, Петлюк встал, потянулся и направился в переднюю, где зашуршал плащом. Через минуту он уже громко хлопнул дверью. "Куда же ты без шляпы?" – Хотела крикнуть ему вдогонку Нора, однако раздумала.

Коньяк подействовал на неё основательно и, несмотря на то, что слегка поташнивало, настроение установилось самое бесшабашное, хотелось петь, смеяться просто так, без причины,

без разрешения хамовитого мужа.

- *Выпьём ещё?* – Полуспросила, полуприказала она и, не дожидаясь кивка со стороны Лупиноса, наполнила рюмки. Предзавкома, которого одолевали сомнения, правильно ли он поступил, отмежевавшись от Петлюка, тоже тянуло напиться вдрызг, так, чтобы скрыться в пьяном мареве от осточертевших проблем и забот, чтобы избежать необходимости утрясать, согласовывать, продвигать, поучать, подхалимничать, командовать и покоряться. Хотелось мещанского уюта с фикусом, ласки обыкновенной заботливой бабы и, если уж и говорить по правде, то и грешка с соседкой хотелось. Раз уж такая неразбериха на заводе заварилась, то не лучше ли уйти в свою раковину, держаться подальше от всяких там соревнований, совещаний, заседаний, угрызений совести и ущемлений самолюбия? Хотелось побыть просто зверем в лесу.

- *Ах, Нора, грызет он душу твою, точно хорёк... Я так сочувствую тебе и, поверь, помог бы тебе, если бы моя помощь означала для тебя что-либо существенное и необходимое.*

- *Михаил, что вы, я так рада вашему вниманию. Один вы бываете у нас последнее время и один вы видите, как я страдаю. Вот уже девять лет, как я бросила сцену, перспективу и сажу, как дура, взаперти.*

- *Ужасно, Нора. Пошлите его ко всем чертям, вы же очаровательная женщина, вы ещё прогремите, найдёте счастье.*

- *Мишенька, милый! Я выбилась из сил, не могу никак угодить ему, что делать?* – Вырвалось у неё, и она вдруг, вполне натурально заплакав, припала к Лупиносу.

- *Милый, вытяни меня отсюда. Не могу дольше, умру!*

Потрясённый Лупинос отчетливо услышал удары собственного сердца. Оно бесцеремонно толкало его в дышало тугими струями крови и нахально требовало: *"Вспомни, ты же мужчина и хотел побыть зверем. Ну же!"*.

Лупинос обхватил плечи Нору, приподнял заплаканную головку и вцепился в её голодно вздрагивающие губы синеватыми и жёсткими своими. Почувствовав, что у него в руках бьется, тоже волнуясь, в нерешительности и ожидании, женщина, поднял её тяжёлую, тёплую и мягкую тушу и понёс, не разбирая дороги, задирая ногами ковер, опрокидывая стулья, тычась то в стол, то в сервант, пока не **надыбал** дверной проём, протиснувшись в который, восхищенно сопя, втащил замершую Нору в спальню.

... Потом они, обнявшись, неодетые, стояли бесстрашно у окна, любясь вечерним городом, совершенно не думая о том, что в любой момент может вернуться Петлюк и откроет дверь своим ключом. Из широкого окна открывался вид на стройку жилого массива, длинные многоэтажные корпуса недостроенных панельных домов напоминали многозначные цифры в примерах на сложение столбиком. Кто-то начертал их по синему листу неба у нижней кромки. На заднем плане пышно дымили трубы металлургического комбината.

Подъёмные краны стройки казались изящными математическими знаками радикалов. Незаметные издалёка крановщицы, несомненно в красных косыночках передовичек, круглосуточно извлекали из цифр новостроек квадратные корни. Народ трудился, густо исписывая синий лист неба у горизонта, народ старательно решал задачу, заданную ещё покойным Учителем. Миллионы ответов на миллионы вопросов в виде уложенных в стены домов кирпичей почти восемь лет устраивали педагогический совет во главе с Никитой Сергеевичем. А теперь, после разоблачения Кукурузника и осуждения его **волюнтаризма**, трудовые свершения народа под руководством верного ленинца товарища Брежнева станут ещё эпохальнее.

Нора, в отличие от заработавшихся руководящих мужиков, не задумывалась о судьбах человечества, но приятный индустриальный пейзаж городских новостроек тронул и её подобрешее сердце. Лицо её одухотворенно запылало:

- Миша, надо жить иначе. Я поняла, что нужно пойти работать. Я ещё буду играть! Я ведь актриса, Мишенька, и я так хочу играть, работать над ролью, страдать и кипеть, слышать как вздыхает преображенный тобой партнер.

Лупинос, тоже преображенный прелестной женщиной, слушал, как зачарованный.

- Идем, Миша! Я теперь не смогу здесь оставаться, идем! Я бросаю его, к чёрту! – Нора метнулась к шкафу, широко распахнула взвизгнувшие дверцы и горячливо накинулась на платья, сдёргивала их с плечиков, комкала, заталкивала в чемодан, освещая дрожащими бликами тревожной радости не только своё внезапное решение, но и сумрачные лабиринты мыслей профсоюзного активиста.

- "Во как повернулось!" – тяжело думал он, ещё не веря в реальность содеянного с начальничьей женой и тем более намечающегося, не веря в то, что Нора идет к нему, забытому богом и женщинами отцу двух детей, бросая при этом такого уважаемого в городе партийца.

- Какой там он коммунист! – Прочитав его мысли, убежденно заявила Нора. – Озверевший одиночка, отбившийся от стада, требующий к тому же, чтобы ему и душу отдавали, сластоеду недолеченному...

- Какую душу? – Не понял Лупинос.

- Арбуз едим когда, он себе постоянно **душу** забирает, - злопамятно усмехнулась Нора.

- Ну, если только в этом дело, - облегченно рассмеялся Михаил, - тогда пошли!

Он взял Нору за горячую руку, ласково и осторожно, как маленькую девочку, и повел её к выходу. Правую руку ему оттягивал её несуразно большой чемодан.

Уже на улице, голосуя в надежде поймать проносящиеся мимо такси и обдумывая, что он скажет старшей дочери, Лупинос высказал то, чего так ждала Нора:

- Не бойся, когда мы вытрезвимся, я не передумаю!

В нём с каждой секундой крепло **мнение**, что всё сделано правильно. Имеет же человек право на крутой поворот, в конце концов.

- На вокзал? – Притормозив, гаркнул таксист. Не дождавшись ответа, он неуклюже вылез отпереть багажник.

- Домой! – Вместе выдохнули пассажиры. – *Проспект Металлургов, дом семь.*

- Бывший Сталинский, что ли?

- Угу... - ответил Михаил, крепко обнимая на заднем сидении Нору.

Ветреный август колобродит по унылому Студенческому пляжу, переносит с места на место песок, невидимым рейсфедером заштриховывает синее, отразившее бездну высокого неба, зеркало бухты, треплет выцветший за лето красно-голубой украинский флаг на мачте важно углубляющей бухту ржавой землечерпалки, на горячем песке шустро замечает следы человека. Ненастные дни отпугнули последних любителей поплавать, так что бухта выглядит пустынной, если не считать с десятков самых преданных Днепру подростков и многодетную семью, расположившуюся под вербой.

Однако напротив землечерпалки у небольшого гранитного обломка пестреют ситцевое платье, книжка, потрепанные босоножки и сумка. Это - Иринкино добро. Наконец, она наплавалась и медленно выходит из воды, вытирая голубые глазищи загорелыми ладошками. С пшеничных прядей, выбивающихся из-под синей резиновой шапочки, капает блестящими каплями. Прыгая по горячему песку на цыпочках и балансируя руками, словно идёт по канату, Ирина легко несёт тугое девичье тело навстречу ветерку. Опустившись на песок и устроившись поудобней, она раскрывает недочитанную книжонку. Полудённая тишина время от времени надламывается дьявольским скрежетом ковшей землечерпалки да криком вдруг

метнувшейся зигзагом чайки. Приднепровье прощается с летом. Ирина прощается с Днепром. А чайка прощается с Ириной.

Но вот по откосу обрывистого берега на пляж сбегает ещё один смуглый, как август, абориген. Он шустро раздевается у самой воды и неуклюже бросается в синее зеркало реки, разбив его у берега на тысячи опаловых брызг. Пару раз окунувшись, как всякий не умеющий хорошо плавать, он не бросился на глубину показывать класс кролем, а вскоре, отфыркиваясь, как мокрый кот, и распугивая шумных детишек, выбрался обратно на берег и взялся за полотенце, брошенное им у воды. Так или иначе, чудак замечает Ирину и направляется к ней, выгнув по-индюшачьи загорелую интеллигентскую грудь.

- *Хотя бы не пьяный...* - просительно думает Ирина и мельком, незаметно оглядывается. Это её не успокаивает, так как на пляже, кроме многодетной семьи, нет солидных людей, на чью защиту можно положиться.

Парень, хотя, скорее, мужик под тридцать, подходит и нерешительно останавливается в двух шагах от Ирины. Всё же, подумав, он притормаживает заговорить.

- *Слышь, я не помешаю, если присяду около тебя? Скучно одному!* - Полуразборчиво заявляет он о себе.

Ирина нейтрально кивает головой, отмечая про себя, что мальчик ничего, симпатный. *"Сейчас спросит, что я читаю"*, - предполагает она, разглядывая новоявленного соседа сквозь тёмные очки. Незаметным движением она застегивает лифчик, аккуратно вправляя два загорелых полушария в чашечки. Так и есть! Он выдал из себя то, что и ожидалось: - *Стоит ли читать всякую дрянь?*

"Дрянь?" - едва не выругалась Ирина.

- *Почему дрянь, разве "Манон Леско" чепуха? Классика, всё-таки!* - Отзывается Ирина, уже готовая к яростному спору о литературных пристрастиях. Не из тех ли этот субчик, которые даже газет не читают, и в то же время воображают себя знатоками

жизни.

Он, восхищенно посмеиваясь, смотрит на её беспорядочно торчащие влажные патлы, вишнёвые губы, на крутые упругие бёдра, готовые в любой момент вскинуть тело на ноги и унести недосыгаемо далеко. Но нужно поставить на своё место самоуверенную девчонку. Он оценивающе смотрит на неё сверху и поучающим тоном, каким иногда старшие братья говорят с мелкотой, отчеканивает:

– Во-первых, “Манон Леско”, а не “Леско”, а во-вторых, если тратишь время, почитывая классиков без разбору, не хватит и десяти жизней. Не лучше ли выбрать самое ценное?

Ирина почувствовала, что бессильна спорить с этим детиной, хотя рассмотрев его внимательнее, склонилась к выводу, что знакомство интересное.

– Так что же, по-вашему, лучше?

Он ответил, помедлив и перейдя без всяких там разрешений на “ты”:

– Я могу тебе сказать откровенно? Лучше ездить и плавать, влюбляться и танцевать, лучше, короче, все делать своими руками, а не восторгаться тем, как кто-то когда-то любил жизнь. Я не отмечаю литературу. Я только за то, чтобы не забывать самим своей жизнью писать книги...

Ирина продолжает его рассматривать. Кажется, он лет на пять-семь старше её. Смуглый. Кареглазый. И болтает без умолку. Ирина терпеливо выслушивает целую теорию рациональной жизни. И чем больше она его разглядывает, тем больше её охватывает ощущение, будто бы знакомы они уже настоящую вечность и его самоуправное “ты” – свидетельство давней дружбы.

Он хороший рассказчик, и вскоре Ирина узнает много чего о нелепой Сенькиной жизни. Повествуя о своих мытарствах, Сенька не спешит, но успевает в нескольких словах передать чёрт знает сколько увлекательных вещей, умело скрывая правду и красиво подавая брехню. Он якобы изъездил Забайкалье от Читы до

станции Даурия, жил немного в городишке Борзя, трудился на Южном горно-обогатительном комбинате в Кривом Рогу, учился в МГУ, а вот теперь вернулся на родину в Запорожье. Работает на заводе, но на каком – не говорит. Может быть, на почтовом ящике, их у нас – тьма. Ирина знает один военный завод, скрывающийся под номером **29**. На нём вот уже с десятков лет после разрыва с Ирининым отцом работает мама Надежда Павловна.

– *Живут же люди!* – Деланно-сокрушенно удивляется Ирина, слегка сожалея о том, что в свои двадцать три не видела и сотой доли того, о чём треплет Сенька.

Ну, родилась. Ну, это как бы первое вроде событие. Потом послевоенное детство опять же в Запорожье. Потом десять лет школы в родном украинском городе, а ещё потом Машиностроительный. И вот он окончен, диплом на этажерке, а в сентябре уже на работу. На первую в жизни работу на местном заводе резино-технических изделий. Потому что отказалась ехать по распределению к чёрту на кулички в Красноярск на комбайновый...

Ну, ещё ездила в Киев на смотр самодеятельности. Балерина не получилась. Ходили как-то туристическим походом вдоль Днепра до Херсона.

Влюблялась? Два раза. Слава богу, пронесло. Дурь проходила быстро и без последствий.

И – всё? И – всё...

Но вот у Сеньки – другое дело. Десятки городов ему знакомы не понаслышке, живал и на белом, и на сером, и на чёрном хлебушке... И она уже жалеет его, романтического неудачника. Однако что это, Сенька так увлёкся, что можно поверить, будто даже невзгоды ему милы. Оказывается, нескладухи разнообразят существование. А чего стоит прелесть перемены городов и работ, сладкая горечь множества разлук.

Значит, любил?! Любил. Из-за неё, очкарички с мехмата, и из

университета вылетел. Закрепляли как-то после стипендии любовь вином и танцами, а комендант общаги, ханжа и доносчик, перелицевал безобидную вечеринку в пьяную оргию.

- Разврата не потерплю!.. - Заорал комендант. И добился таки "показательного дела".

Ну, конечно, вскоре Сенька и Нина поженились. Пробный студенческий брак.

А вот когда Сенька вернулся из армии, многое переменялось.

Нина приехала в Запорожье, но жизнь на 14-ти квадратах с мамой и парализованной бабушкой в придачу не сложилась, и молодая жена умотала в Ленинград. Сейчас доучивается на матмехе ЛГУ. Сенька недавно ездил разводиться. Развёлся... Пока в свободном полёте...

Правда, о том, что уже наплодил двоих девчонок и, вернувшись из Ленинграда, их удочерил, скромно умолчал. Как умолчал и о том, что после удочерения малышек жизнь вновь пошла наперекосяк и опять он с Марией в контрах и живёт у мамы...

- И что же ты, живешь один как волк? - Жалеет-подкалывает его Ирина. Но он безмятежен и весел. Ложь льётся привычно, легко и почти красиво:

- Знакомлюсь вот с такими, как ты, хорошенькими кисами. Пишу стихи. Пропадаю летом в каждую свободную минуту на Днепре - работаю ведь через два дня на третий. Извожу цеховое начальство. Короче, если бы ещё нашёлся партнер поиграть в гольф, то чувствовал бы себя, как американский президент.

Но нечто более глубокое угадывается за его независимой улыбкой, и Ирине хочется уловить, разгадать это нечто.

- Особенно люблю за девушками ухаживать, но, знаешь, всё не везёт. Вот с тобой, правда, легко, и будь я на пару недель моложе, весело бы с тобой проводил время...

Ирина краснеет, но, собравшись с силёнками, говорит как опытная женщина:

– Или если б я была старуха, как ты, да? Признайся!

Сенька опрокидывается на спину и лежит у Иринкиных ног, глядя в синюю бездну над головой.

– Мне хочется покормить тебя, – придумывает Ирина. – Ты, наверное, не захватил ничего, да? На, возьми вот помидоры, а ещё бутерброд с сыром. Нравится?..

Сенька залюбовался изяществом протянутой девичьей руки и очарованием нежной улыбки. Хороша! Без булды!..

Незаметно подкрадывается вечер. Солнце почти село за хортицкие вербы на противоположном берегу Днепра и жара спала. Сенька сегодня на выходном, идти ему на работу послезавтра в ночь, и он рад побыть с Ириной. Но ведь никто не знал заранее, что они встретятся, и Ирине, хотя ей тоже не хочется уходить, приходится разочаровать Сеньку.

– Мне уже пора, – поднимаясь, коротко объяснилась она.

– Ну вот, ещё одна встреча и ещё одно расставание, – мрачно заметил Сенька, – не правда ли, моя теория невероятно точна, хоть сегодня в научный журнал?

– А врешь ведь ты всё, – развеселилась Ирина, – не так уж трудно доказать, что ты глупости городишь.

И добавила как нечто само собой разумеющееся: *– Я завтра к тётке в Никополь еду и буду гостить у них до первого сентября. Отказаться неловко, я ей давно обещала проведать, а потом начну работать, когда ещё появится свободное время. Ну, а после первого давай увидимся. Хочешь?..*

Сенька посчитал в уме выходные и рабочие дни.

– Первого числа я с восьмью работаю и можем увидеться только вечером. Например, на площади Свободы, у обелиска, часов так в десять. Это будет вторник.

– Какой же ты хитрющий, Сенька, – засмеялась уже одевшаяся тем временем Ирина. – Мама меня не пустит после десяти, я же ещё незамужний ребенок. Так что, если хочешь,

то я в восемь приду...

Сенька тоже стал проворно одеваться, чтобы проводить Ирину хотя бы до троллейбуса.

Ирина терпеливо стояла около Сеньки, и радостное лицо её тепло освещало заходящее за Хортицу солнце. Тени от них простирались далеко, почти до дальних кустов, а со стороны реки, с мостика землечерпалки, кто-то насмешливо кричал в мегафон:

– Эй, вы, на берегу! Мать вашу! Чмокаться в зоне расчистки запрещено!

Но это была натуральная провокация, и она только рассмешила ребят, ведь до землечерпалки было не менее ста метров, и весь пляж по целым дням спокойно плавал и нырял на виду у бравых моряков-дворников...

Под вечер погода начала ломаться. Потяжелевшие облака придавили город к земле, посыпался мелкий дождичек, можно сказать, даже не дождь, а так себе, **мжичка**, затем разыгрался холодный, уже вполне осенний ветерок, и сумерки сгустились раньше обычного, отчего Сербе пришлось довольно долго разыскивать особнячок на Садовой, старательно восстанавливая в памяти отрывочные приметы. Сторожевые собаки со всего квартала сплочённо провожали его вдоль улицы, отслеживая каждый его шаг и зверски гремя цепями. Поколебавшись у калитки, вполне похожей на ту, за которой исчезла вчера Ирина, он беспечно отвернул закрутку, помня, что боевого пса в Иринином дворе вчера вроде бы не было слышно. Пройдя по дорожке, вымощенной красным кирпичом и обсаженной бледными в потоках света из трёх низко поставленных окон астрами и отводя те из них, что били его по ногам, он, шагнув в темноту неосвещённого крылечка, увитого **царапучим** и мокрым от довольно промозглого ветра хмелем, постучал.

- *Кто там?* - Спросил хрипловатый женский голос. Голос удовлетворился заверением, что за дверью свои, и звякнул

крючком.

- Мне кажется, я не ошибся. Здесь живёт Ирина? Не могу ли я...

- Можете, отчего же... - ответила низенькая женщина с проседью на висках, *- Иришка! Накинь халат, к тебе!..*

- Сеня! Я - мигом! - Донеслось из соседней комнаты, дверь куда была приоткрыта. Серба внимательно посмотрел на женщину, догадываясь, что перед ним мать Ирины. Хозяйка улыбнулась Сербе доверчиво и тепло. Получилось у него ощущение, что знает он Надежду Павловну давным-давно. Надежда Павловна взяла озябшего Сеньку за руку, велела снять туфли и пиджак и накинула на плечи ему тяжёлую мужскую шерстяную кофту и подала войлочные шлёпанцы.

- Так быстрее согреешься, чудо!.. И чтоб больше не бегал без плаща, понял?..

- Понял! - Улыбнулся Серба, слегка, но приятно ошарашенный её материнской бесцеремонностью. Но эта откровенная забота, несомненно, согревала. Немного освоившись, Сенька определил, что в доме тепло и уютно.

Серба встал с диванчика, услышав, что бежит Ирина.

- Привет, Сень! Я, между прочим, чувствовала, что ты должен заявиться... Неужели, думаю, не запомнил, где я живу.

Она взяла его по-детсадовски за мизинец и повела в комнаты, придерживая рукой полу бордового фланелевого халатика.

- Падай вот сюда, в кресло, пока я займусь чаем. Ты какое варенье любишь?

- А ты?

- Я - малинку. Мама, он любит малинку! Слышишь?

- Да я, как он только вошёл, сразу поняла, что он равнодушен к медвежьей ягоде, - ответила Надежда Павловна, а Ирина покраснела, как пятиклассница перед новым учителем географии.

- У нас мещанские привычки, ты не удивляйся. Вот покажем

*тебе альбомы для начала, да?! - Спросила Надежда Павловна у разомлевшего в тепле гостеприимного дома Сербы и сняла с этажерки тяжёлый фолиант. Семён развернул обтянутую тёмно-вишнёвым бархатом обложку и застыл от удивления - с первой же страницы на него строго смотрел Пётр Прохорович Петлюк в форме, с погонами майора. Хотя он и выглядел на фото лет на **надцать** моложе, не трудно было узнать его по пренебрежительно выставленной вперёд губе, холодному безразличному взгляду и длинному, расплюсченному на кончике, любопытному носу.*

- Мамин бывший беспутный муж! - Объяснила Ирина, расставляя на скатерти зелёные чашки и белые блюдца, вазочку с малиновым, печенье, ещё зачем-то сахарницу и какие-то посудинки.

- Да я ведь у него в цехе работаю... Невероятно даже!

- Мама! Сеня под командой твоего унтера. Вот так новость!

Чайник в руке Надежды Павловны звякнул о подставку, плеснув на скатерть. Мама подумала-подумала, как бы переменить пластинку, но, решив, что от возникшей темы уйти трудно, решила приоткрыть Сербе немного семейных секретов, собираясь изложить их благопристойно.

*- Бросил он нас в сорок девятом, еле отстояла от Ирины эту **карточку**, единственное, что сейчас напоминает о нём. Не признаёт Петра за отца, и все тут! На ком он потом подженился, не знаю. Квартиру ему **контора** устроила мигом, а домик остался нам, он честно его переписал. Разошёлся мирно, даже по партийной линии выговора избежал...*

Ирина тем временем разлила чай по чашкам, и Серба подтянул стул к столу.

- Да, не получился у нас отец, - вздохнула Ирина, - но, отчасти, и хорошо, что сбежал он. С ним невозможно было жить. Вечно попойки в доме. За мамой с пистолетом гонялся. Я так боялась. А унять его даже товарищи остерегались.

Серба посмотрел на неё другими глазами:

- Но ты же Карпова?

- Так что же? Карпова - мамина девичья фамилия. Да и когда они расписались с мамой в сорок пятом, мне уже два годика было. А удочерить меня он так и не собрался... да и отчество у меня - Ивановна...

- А-а!.. - только и смог промывать Семён.

- Ну, детки, стоит ли винить стариков, у них своя логика. Расскажи лучше, Сеня, как же он цехом руководит, с рабочими общается?..

- Я недавно там, - пожалел её Серба, - трудно судить о человеке фактически с первого взгляда, но что деловой мужчина - бесспорно. Железный дядя.

- Пожалуй, железа в нём избыток, - с нескрываемым отвращением проговорила Ирина, - всё, не хочу больше о железных, давайте лучше просто так, полегче... Чем ты занимался сегодня?

- По рыбу ездили. У Евстафьева моторка, так мы впятером головастики пугали!

- Впятером?

- Ну да. Ещё Глюев с Клавой и Евстафьева Тамара... Представьте, вчера мне один человек признался, что он в прошлом убийца, а душа у него, никогда бы не подумал, поярче, чем у иных праведников. Не пойму только, неужели не мог не убить? Существовало ли для него другое решение?

- Не надо, Сеня, мне страшно. Просто тошно, когда я вот так же унтеровы труды представляю, у меня всегда мороз по коже пробегает.

- Не волнуйся, Ира, зачем ты его так, отца, пусть и не родного, но ведь он собирался тебя удочерить и шесть лет кормил и воспитывал. Мы бы не выжили в сорок седьмом, если б не его пайки... А то жуткое время, слава богу, миновало, ошибки партией исправлены, люди реабилитированы... Всё, я бы

сказала, счастливо кончилось...

- Но твой сбежавший муж, мама, и все те, кто перегибал палку, согласишься, как они могут ходить и улыбаться, не мучаясь, не стыдясь смотреть народу в глаза? Нам, молодым, как они смеют продолжать сказки рассказывать?..

- Я убеждена, - ответила грустно Надежда Павловна, - что им тоже бывает горько, как и тому человеку, который поделился с тобой душевной болью...

- Подумаешь, горько. Только и всего, - не успокаивалась Ирина, - а тот мужик, по крайней мере, тундру осваивал, комаров кровью кормил...

- Ну, хватит, Ириша, за столом такие вещи не говорят. К тебе же молодой человек в гости пришёл, зачем ему скучная политика. Я считаю, что все, кто заслуживал, наказаны. Давайте прекратим неуместную дискуссию, ведь мы не в суде заседаем, а чай пьём, - резко стрельнула глазами Надежда Павловна. Иринка, покоряясь, не выдержала, чтобы не оставить за собой последнее слово:

- Вот, Сеня, как нас воспитывают!..

Гремя чашками, Ирина проплыла на кухню, а Надежда Павловна всё разубеждала Сербу:

- Не обращай на её заскоки внимания, у ребёнка ещё детское понимание жизни!

*Серба промолчал. Вошла Ирина, не разыскивая станцию, щёлкнула клавишей радиоприёмника, и, когда недра его как следует прогрелись, в комнату полились чистые струи скрипок, а потом грянул оркестр и заглушил Ирину, так что Семён не понял ни слова из того, что она пыталась объяснить. Она **вырубила** громкость и, усаживаясь в креслице рядом со стулом, где сидел Серба, заговорила, подняв к нему глаза:*

- Прокофьев! Я его больше всего праздную, особенно "Классическую", хотя её и считают подражательной. Ты послушай внимательно и полюбишь на всю жизнь.

Мощный рывок оркестра - и снова волны скрипичного плача пролились откуда-то издалека, наполняя Сербу необъяснимым умиротворением и успокоением.

- Ну, что ты скажешь? - Нетерпеливо допрашивала Ирина, - Мне так важно, что ты думаешь, как воспринимаешь... Ты - рабочий, ты можешь сравнить это с ритмами физических напряжений. Или их не существует для тебя? Нет?..

Она выспрашивала у него то, что и его сейчас занимало, забираясь в самые тайники, закоулки настроения, хотела узнать его **всего**.

Серба наивно воспринимал симфонику. Бетховен устрасал его мирами неизвестных существ, хорами неотвратимых сил, смятением личности перед торжеством стихии. Иное дело - Прокофьев. Тоже – глыба, тоже – на тысячу лет. Истинно наше, человеческое, ласковое и неудержимое, неодолимое как прилив, как ветер, властно разгоняющий облака, как необъятная ширь неисходимых равнин и могучих рек. Сенька трепетал от подвластности музыке, когда всё сладкозвучие, исторгаемое оркестром, аккорд за аккордом, умирало, мучаясь, и возрождалось, торжествуя.

Не различая отдельные голоса инструментов, Серба воспринимал музыку не изощрённым ухом искусствоведа, скептически качающего головой: *"Бравурно, весьма бравурно, старый Ойстрах сыграл бы мягче!"*, а незасорённым Гималаями мнений жадным ухом любителя.

А она лилась и лилась, то всепрощающая, то беспощадная, грустная, волшебная. Лилась из далёкой Москвы, пронзив, наполнив собою холодные пространства стратосферы, соскользнув с тонконогой антенны сюда, в тесноватую комнату, залитую тёплым оранжевым светом, чтобы высказать нечто важное, чего она не могла не высказать, а выговорившись, отзвеневав последним аккордом, устало умолкла.

- Ах, Сеня, до чего же я размечталась! Гляди, мама вышла, а

мы и не заметили. Скажи, тебя убило то, что я как бы дочь Пришибеева? - Виновато подняла она лицо и поглядела Семёну в глаза.

“Я научу вас работать, лодыри! Алкоголики, воры, туды вас перетуды! Всех премии в сентябре лишу!” - вспомнилось Сергею. Но какое, в сущности, отношение имеет милая девчонка Ирина к Петру Прохоровичу Петлюку, негодяю по призванию? Никакого! Поэтому Сергей отогнал привидение в образе человека **проволочно-стальной воли** и мёртвой хватки и поднялся, понимая, что засиделся в гостях. Иринка тоже встала и прижалась к нему.

- Милая Иринка! Я секрет тебе открою: если б ты теперь исчезла из моей жизни, я чувствовал бы себя несчастнее того человека, который вчера тебе исповедался. - И, крепко обняв её податливые ласковые плечи, крепко, умеючи, поцеловал. Большого он себе в её доме не разрешил. Вскинув голову, чтобы отбросить со лба светлые пряди, Ирина пошла проводить его с влажными от поцелуев губами.

- Я буду ждать тебя завтра! - Послышалось ему сквозь шум ветра, когда, заперши калитку, оглянулся. Иринка стояла в жёлтом прямоугольнике открытых дверей и вслушивалась в утихающие шаги. Он ещё увидел, как девчонка взмахнула рукой.

В конце сентября ненастные погоды сменились жаркими, тихими днями. Горожане повеселели, девушки запорхали по улицам в легких шерстяных кофтах, а большинство мужчин опять вырядилось в мрачные пиджаки.

Евстафьев снова вознамерился сколотить компанию по рыбе, но, идя под четверг на выходной, Сенька решительно отказался. Дело в том, что теперь он реже встречался с Ириной из-за того, что она поступила на работу, и смены их и выходные не совпадали. Поэтому Сенька дорожил каждым подходящим выходным днем, когда мог, безмятежно покуривая, встретить Ирину у проходной

завода резино-технических изделий и по-человечески провести вечер. Им ещё повезло в том отношении, что Ирина пока что работала постоянно в первую смену.

И когда наступил четверг, Сенька никак не мог дожидаться трёх часов, чтобы отправиться встречать Иринку. Он повалился на диване, перечитав “Известия” за несколько дней, попробовал пописать стихи, но слова не давались, выскальзывали из головы, и Сенька, исчеркав лист дефицитной бумаги, отбросил поэзию и решил почитать купленную накануне охотничью повесть раннего Хемингуэя “Зелёные холмы Африки”. Он отыскал на этажерке англо-русский словарь под редакцией профессора Мюллера, такой увесистый, что им запросто можно было бы провалить голову льву, и принялся переводить вторую главу, где описывалась неудачная охота на носорогов. Сенька, прилично владевший английским, читал, почти не заглядывая в дедушку Мюллера.

Он испытывал наслаждение, следя за перипетиями преследования, и так увлёкся, что позабыл о времени...

“Мы направились по следам двух болотных антилоп. Они отбежали в деревья и остановились от нас в шестидесяти ярдах. Тонконогий, изящный бык оглянулся, и я выстрелил. Он подпрыгнул и упал.

Но когда мы приблизились к нему, распластавшемуся неподвижно, сердце его ещё сильно билось, хотя, судя по внешним признакам, он был мёртв...”

Сенька отложил “Зеленые холмы”, пробуждённый от охотничьей страсти “Последними известиями”. Областное радио сообщало о трудовых победах доменщиков и сталеваров, а в конце выпуска новостей сказали также и о том, как прекрасно работает аглоцех абразивного завода, из месяца в месяц перевыполняя плановые задания. Как сообщил корреспонденту по телефону начальник цеха Петлюк, агломератчики решили перевыполнить и сентябрьское задание не менее чем на 15 процентов и выдать сверх плана 800 тонн бокситного агломерата.

– *Чудеса!* – Удивился Сенька. Никто никаких обязательств не брал, восемьсот тонн сверх месячного плана могла дать одна Сенькина смена и вообще радиозаметка эта прозвучала для него анекдотически.

Он живо представил себе Петлюка, беседующего с корреспондентом радио:

– *Да, да-а! Трудимся... перевыполняем... охвачены энтузиазмом... во главе коллектива парторганизация и передовики...*

Сенька вздохнул. И что это действительно приключилось с коллективным письмом, если из “Правды” до сих пор нет ответа? Хотя, скорее всего, “Правда” при Брежневе поведёт себя как и “Комсомольская правда” в прошлые годы при Хрущёве – отфутболит в райком или **горсовпроф...**

Семёну вспомнилось, как вчера ребята в дробилке окружили забежавшего случайно Вову Глюева. Куда письмо девал, трепач? Но Глюев невозмутимо повернулся, сходил в раздевалку и принёс им неказистую квитанцию, где ясно можно было прочитать, что заказное письмо в Москву принято полтора месяца тому назад.

– *А ты не послал, ненароком, пустой конверт?* – Продолжал приставать Евстафьев, – *Бывает!..*

– *Ну, что я, совсем балда?!* – Вяло оборонялся Глюев, и ребята решили, что редакция загружена-перегружена, и ответ должен придти со дня на день.

– *Но сходи-ка, всё-таки, завтра, Семён, на почту, выясни, что и как!* – Посоветовал Крохмаль.

Теперь Сенька вспомнил о поручении и, наскоро пообедав вчерашним борщём, направился на Главпочтамт, штамп которого был оттиснут на обороте квитанции.

Выяснив у дежурного по жалобам, что письмо, тем более заказное, нигде затеряться не могло и дальше Советского Союза отправлено не будет, что оно отмечено в книге регистрации заказных отправлений, Сенька по совету дежурного всё же для

успокоения совести оформил розыск телеграфом, надеясь, что уже завтра из редакции ему придёт телеграмма, объясняющая, когда письмо прибыло в “Правду”. Облегченно вздохнув, он вывалился из шумного, заполненного пыльной сухостью операционного почтового зала, не ремонтируемого с царских времен, в свежий воздух улицы Михеловича, ныне – Горького.

Время уже было подходящее, и Семён вскочил в ядовито-красный вагон трамвая и поехал к заводу резинотехники. У проходной получилось подождать, и Сенька, прогуливаясь под желтыми осыпающимися клёнами, автоматически в который раз перечитывал объявления, наклепанные там и сям по ограждавшей завод грязной кирпичной стене.

В большинстве своем это были старые, исхлестанные дождём афиши цирка, рекламные плакаты давно прошедших фильмов и маленькие лоскутки из ученических в клетку и в косую линию тетрадей о том, что Иван Иванович продает полдома ввиду выезда, а Степан Степанович с удовольствием купит полдома, но только если при нём погреб и место под гараж.

Но вот в проходной завертелся турникет и, складывая пропуска, из него стали **выпуливаться** гогочущие девчата.

Они радостно, как застоявшиеся лошадки, летели мимо прислонившегося к клёну Сеньки, и он, почти физически ощущая их радость движения, позавидовал им.

Девчонки, среди которых встречались и совсем как школьницы, галдели, толкали, завидев Сеньку, друг дружку кулачком под бочок – смотри, мол, какой **чувачок** выряженный под деревом скушает. Хихикали, стреляли в него глазками, ухмылялись, издеваясь, или демонстративно отворачивались, – короче, проносились мимо Сеньки равнодушные к чьему-то из их подруг успеху и пытались вслух, не стесняясь, угадать, кого он встречает.

Правда, поодаль, не решаясь подойти ближе, маячило ещё человек пять встречающих, но как только девчата повалили из

проходной, их сразу же порасхватывали.

И ошарашенный, оглушённый девчачьей трескотней, двусмысленными шуточками и откровенно призывными взглядами, Сенька не заметил, как к нему приблизилась, отделившись от потока девчатины, Иринка и её соседка, снимавшая у Иркиной мамы полдомика, Света.

– *Здравствуй, добрый рыцарь!* – Улыбнулась Ирина, положив руку ему на плечо. Сенька, обняв Иринку и благовоспитанно чмокнув в щечку, прохладно кивнул и Свете.

В красной кофточке и песочного цвета пышной юбке Ирина производила сильное впечатление. Света, напротив, хотя и одела сегодня неплохое коричневое шерстяное платье, казалась исхудавшей, горбилась и то и дело промокала платочком заплаканные покрасневшие веки.

Они теперь уже втроём пошли домой пешком, и Ирина, как и Сенька, раздумывавшая, как бы отделаться от Светы, понимающе поглядывала на него.

– *Ой, до чего же я несчастная, дурочка, что же мне теперь делать?* – Тараторила Света, нет-нет и пускаясь в плач. Ирина механически утешала её, в то же время заговорщически стискивая Сенькину руку.

Оказалось, что Светин Славочка, ненаглядный и бесподобный, вытворил с друзьями нехорошую штуку – снял ночью с “Москвича”, стоявшего во дворе нового дома на Садовой, **скаты** и пытался их загнать на толкучке. Его, конечно, вычислили мильтоны, и, провалявшись в милиции ночь на трёх казённых стульях, кишевших к тому же клопами, он на утро подробно во всём сознался.

Научного руководителя этой коммерческой операции Мишку Писаренка тоже без труда разоблачили. И расстроенный Славочкиными показаниями, он признался, что действительно уговорил Станислава Швыдкого и Виктора Галенка размонтировать “Москвича” в надежде загнать резину и достойно отпраздновать

окончание работы над поэмой о покорителях целины.

– *Задрипанцы!* – Якобы сказал Свете молодой симпатичный следователь, вызвав её в качестве свидетельницы, хотя в ту неудачную ночь она целомудренно спала на протёртом диване.

Глубоко тронутый рассказом Светы о малышке Танечке и принимая во внимание чистосердечное раскаяние Станислава Швыдкого, следователь распорядился отпустить юного родителя-добытчика к ребенку.

Но сегодня он опять вызвал Свету повесткой, и Света шла теперь и рыдала, причитая как баба на похоронах.

– *Ой, что же они сделают с моим Славочкой, останется Танечка сироткой маленькой... ой, что мне делать, как жить?..*

– *Никто твоего лоботряса судить не будет,* – заверил Сенька. – *Лишь бы работал. Но Писаренка могут трахнуть по шее. Почти уверен. Между прочим, Мишку я отлично знаю,* – признался Сенька.

– *Хотя бы твои слова сбылись,* – медленно затихает Света. – *Вот смотрю на вас, такие вы ласковые между собой, с тобой, Иринка, Сеня глаз не сводит, не то, что мой Славик... Убежит с дружками гулять, а я сижу с Леночкой целый вечер...*

– *Ты же говорила, мой Славочка – лучше всех!* – смеется Ирина.

– *Ну, куда Славика до Сени. Сеня такой взрослый, самостоятельный, умный, а Славка ребенок ещё.*

Ирина покачала головой:

– *Хитрющая ты, Света, умеешь комплименты сочинять...*

– *А что, неправда разве? Чем больше смотрю на вас, тем больше удивляюсь, вы же по-настоящему любите, а жениться не женитесь, с чего бы это?*

Ирина вопросительно смотрит на Сеньку. Тот обдумывает, что ей сказать в ответ. Его такой прямой допрос застал врасплох. Но он не тушует:

– *Мы просто не успели ещё тебе сказать, что мы решили*

пожениться...

Ирина покраснела и низко наклонила голову. Сенька почувствовал, что предугадал события и понял, что близится развязка их такого нечаянного знакомства.

Остаток пути Ирина и Сенька шли молча, не глядя друг на друга. Они как бы не понимали, не слышали, не разбирали, что рядом с ними безумолку, ликующе болтала Света, строящая разные предположения на счёт того, где и каким образом она советует им отгулять свадьбу, хотя и они сами полностью предалились мыслям о предстоящем.

Когда Ирина, пропустив всех в калитку, отперла дверь переднего входа в дом и Света, помахав им рукой, рванула по дорожке в сад, тотчас задребезжав ключом в двери съёмной половины дома, ребята облегчённо вздохнули. Надежды Павловны дома не было, видно, где-то задерживалась, так что они получили время обдумать свои дела и подготовиться к надвигающимся событиям. Иринка всё выясняла обстановку в душе Семёна:

– Ну, что ты теперь скажешь, Сенечка?

– Что мы действительно тянем резину. Пойдем хоть сегодня ко мне, зачем откладывать жить вместе? Моя Анна Николаевна – расчудесная женщина...

– Смешной ты, Сеньк, я ведь ни разу ещё не была у вас, как это я просто так явлюсь, как чувиха неотёсанная?..

– Ну и что ж, это ерунда! В век освоения космоса нет времени придерживаться допотопной бюрократической последовательности действий. У нас будет, думаю, иначе – сначала мы сами обо всём договоримся, а потом вы познакомитесь...

– Ну, хорошо, Сенечка, тогда пусть будет по-твоему, давай завтра подадим заявление или как там заведено?

– Ты хочешь официально?.. – Вдруг охрипшим голосом спросил Сенька. Он вдруг испуганно осознал, что приятное приключение и привычный ни к чему не обязывающий трép в этот миг

закончились. Или всё останется пресным безрезультатным знакомством или надо решаться на разговор на чистоту.

– Ну да, а как про-другому?..

– Знаешь, я обманывал тебя. Я не свободен. Да и вообще я псих патентованный, ненормальный, суматик. Но я... люблю тебя, не сомневайся. Я не знаю, что мне делать. И зачем я только тебе мозги пудрил?..

– А знаешь что, расскажи мне о себе всё. Самое плохое и гадкое. Я хочу знать о тебе всё... Красивое о себе ты уже мне сто раз рассказывал...

– У меня две дочки растут, Наточка и Ксюша, но я с их мамой не живу уже полгода... Так вышло.

– И её Маня зовут, да?..

– Откуда ты знаешь?!!

– В нашем городе все про всех всё знают...

– Ну тогда объявляй приговор. Я как чувствовал, что будет **дупель-пусто...**

– А ты с той дамой в законном браке?

– Много лет был в гражданском... Но недавно, когда удочерял малых, расписался на свою голову...

– А в паспорте что?..

– В паспорте теперь “зарегистрирован брак с гражданкой”, а ещё штамп о разводе. Я тебе рассказывал о Нине. Как на третьем курсе женился по любви. Но всё, что по любви, обычно разваливается. А теперь я ещё и Серпами меченый... Не буду повторяться...

Ирина задумалась, опустив глаза куда-то под стол и теребя краешек скатерти.

– Знаешь что. Конечно, я дура. И поэтому, кажется, я останусь с тобой. Иначе ты пропадёшь, а такому умнику, как ты, пропадать нельзя...

– Нет уж, туда мне и дорога! Жизнь не удалась, и надо это признать!..

– Да ты же ещё и не жил вовсе, чудо-юдо!.. Опомнись!.. Да и кто сейчас в ЗАГС очередь занимает? Поживём-увидим...

– Солнышко! – Прошептал Сенька, медленно приближаясь, а она пятилась, пятилась от него, потому что ей стало легко и весело, пока не уперлась ногами в диван, и тут уже, понятно, большие дети бросились бороться.

Ирина быстро устала и, сдавшись, лежала пластом на диване, по-кошачьи нежась. Сенька склонился над ней, поцеловал сначала глаза, потом впился в губы голодным засосом, потом добрался до шеи.

– Ой, щекотно, Сенечка, не могу! – Завизжала Иринка, кокетливо уворачиваясь.

– Не своди с ума, женщина! – Тяжело дыша, прошептал, Сенька, косясь на смело распахнувшийся халат. Ирина сделала вид, что обиделась, и тотчас надулась:

– Не смей так называть меня, а то перестану с тобой разговаривать!

– Перестанешь разговаривать? Замечательно! Придётся объясняться по-турецки.

И Сенька снова начал бешено целовать Иринку. Она не сопротивлялась, забываясь в поцелуях. Набаловавшись, искусав губы, они сели, запыхавшись, рядышком, как птицы. Потом Ирина встала и подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы и, держа шпильки в зубах, повернулась к Сеньке, не то шутя, не то на полном серьезе хныча:

– Что делать, теперь весь город приглашать надо!..

– Не волнуйся, – успокоил её Сенька, – *мы организационные дела поручим старушкам нашим, пусть возьмётся. А вот и одна из них,* – засмеялся он, вздрогнув от звонка, и на правах друга Ирины бросился открывать.

Он угадал – пришла Надежда Павловна, основательно нагруженная авоськами с продуктами.

– *Мамочка, поздравь нас!* – Подлетела к ней сияющая Ирина. – *Мы решили пожениться!.. Но у него в паспорте штамп...*

Надежда Павловна вздрогнула, внимательно посмотрела сначала на радостную, готовую броситься ей на шею дочь, потом на смущенного Сеньку, потом на них обоих, когда Сенька обнял Ирину за плечи, и улыбнулась, так и застыв посреди комнаты со своими авоськами.

– *Вы же и полтора месяца ещё не встречаетесь... К тому же у Сеньки дети малые...*

– *Что ты, мамочка, мы уже знакомы целый век, не омрачай наше будущее мещанскими подозрениями... Дети, если их ему отдадут, нам не помешают! Это же Сенечкины дети... Значит, и как мои будут...*

– *Ну, если целый век, тогда я беру свои слова обратно. Люби её, Сеня. Единственную радость тебе отдаю, заботься о ней.*

Ирина и Семён окружили Надежду Павловну, отбирая сетки с покупками, целуя и успокаивая вконец расстроенную женщину.

– *Чего же плачешь, радуйся!* – Прижалась к ней Ирина, а мать, вытирая слёзы, сказала: – *И вина, как на зло, ни капли нет в доме!*

– *Так я сейчас сбегая, – докумкался Сенька.*

– *И я с тобой. Это ты классно придумал. Прямо сейчас и устроим праздник. Зачем нам дурацкий ЗАГС?* – И Ирина формально, как брата, чмокнула Сеньку в щеку, утаскивая его к двери, чтобы смотаться в “Продмаг”, который был неподалёку. По-идиотски смеясь и размахивая, как дети малые, пустыми авоськами, они помчались **отовариваться**.

Под конец смены, создав в бункере необходимый запас мелкой фракции, бокситную дробилку остановили. Проворно, не теряя ни минуты, ребята бросились заменять молотки. Евстафьев пристроился у раскрытого люка, ведшего в чрево дробилки, там, где была приклепана жестяная пластинка с паспортом – “Молотковая дробилка СМ-19А. Выпуск 1957 г.”.

Сенька вышибал тяжёлым ломом стальные валики, а Евстафьев подхватывал руками в потрепанных брезентовых рукавицах тяжеленные молотки. Именно потрепанные до мягкости только и годились, чтобы точно и сильно хватать молотки, негнущиеся новые рукавицы никак не подходили для этого ответственного дела. С другой стороны кожуха Иван Крохмаль помогал вытаскивать показывающиеся в специальном отверстии валики.

Работа требовала прицельности ударов ломом от Сеньки и шустрых движений руками от Евстафьева. Володя вынимал источившиеся от ударов по кускам боксита молотки и привычно бросал через плечо на пол.

На место негодных вешали новые, увесистые, которые подавал Сенька. На каждом валике болталось по восемь молотков, а всего валиков было шесть. Они пронзали собою по краю девять стальных дисков, посаженных на мощный вал. Когда вал начинал вращать закрепленные на нем диски со скоростью в тысячу оборотов в минуту, молотки, похожие на серьги, отклоняли центробежной силой свои **била** и что есть силы колотили билами по потоку кусков боксита, сыпавшегося из приёмного бункерка.

Старик Лукас ковырялся ломом в стальных решётках, через которые при работе просеивалась бокситная мелочь. То, что он делал, называлось подтянуть решётки. Рыжая пыль, во всю гулявшая по дробильному отделению с начала смены, во время замены молотков улеглась. В распахнутые двери даже решительно заглянуло какое-то далекое солнце. Ребятам нравилось заменять молотки.

Шепелявому Лукасу надоело одному ковыряться в недрах дробилки и молчать, так он не выдержал и затронул Евстафьева:

– Слышь, Вовка! Ты ловко с молотками, конечно, управляешься. Ну-ка, потешь публику художественным словом! Небось, нахохмил чего с утра!

Евстафьев бесовски ухмыльнулся и Сенька увидел, что ему и

самому не терпится потрепаться.

– Да есть небольшая наработка... В трамвае утром как на работу ехал. Прижали меня к спинке сидения так, что чуть баньки на лоб не повылазили. Ну, а я сам тогда ни за что, ни про что деваху одну почти что придушил... Совсем уже глазки закатила девка, когда я глянул вбок и ахнул – сидит это, значит, и в окошко увлечённо так поглядывает артиллерист один, капитан...

– Ты молотки сьмай, болтало! – Прикрикнул на него Иван Крохмаль.

– Ага, ага, тяни, Ваня, я уже взялся за свой край. Ну, слушайте, дальше что было. Посмотрел-посмотрел я на капитана, сообразил, что он в военкомат на службу дует, а потом как шугонул его: “Капитан! Встать!”, так он как пружина взвился. А я...

Сенька не выдержал и заржал, представив как выглядел посрамленный капитан.

– Ну, а ты? – Беззвучно хихикал дед Лукас.

– Ну, а я говорю тогда вежливенько так: “Спасибо, товарищ капитан, что вы девушке место уступили. Садись, Марьяна, не гордись...”. Капитан, зараза, краснее рака стал и молча на выход подёрся...

Тут уже и Крохмаль затрясся в неприличных конвульсиях, а Евстафьев подкидывал жарку: – Ну, чего лыбитесь, что ж здесь такого?..

– Это вы так молотки меняете? – Кашлянул незаметно возникший Цовик. – Хиханьками да хаханьками план не вытянем.

– Так мы уже сделали твой долбаный план, Соломон Ильич, – успокоил его Крохмаль, – можно ещё поддобрить, если что...

– Не надо, до конца смены хватит с гаком. Лучше под транспортёрами тщательно поубирайте, – кисло осклабился Цовик, выковыривая табачинку из зубов нездоровым, жёлтым языком.

– А... досадно, однако... – неопределенно высказался Евстафьев и, сообразив по вопросительному лицу мастера, что тот ни фига не понял, добавил: – *Вот, старались, потели, меняли молотки, как вы распорядились, а теперь они и не нужны. Ими Зызыкин верные полсмены боксит как семечки щёлкать будет...*

– *Как ты неправ, – отозвался Сенька. – Что мы ему новые молотки передаем, совсем не жалко, эгоизм и так разъедает каждую смену. Другое дело, чтобы и Петриченко, и Зызыкин, и Фридкин тоже по смене передавали дробилку первым сортом, так сказать, с подтянутыми решётками и заменёнными молотками...*

– *Хорошо, хорошо, Серба, – оборвал Сеньку Цовик и, завладев общим вниманием, подозвал их всех и пустился в долгие и непонятные вначале рассуждения о чести цеха, о том, что перед Октябрьскими праздниками надо не только исправно трудиться, но и по общественной линии внести свою лепту...*

– *Не темни, Соломон Ильич, – перебил его Крохмаль, куда гнешь, объясни...*

– *Сегодня, товарищи, нашему цеху доверено дежурить по городу, так что я считаю, мы единодушно вступим в дружину, и как один, явимся к девятнадцати часам в штаб.*

– *Так то дружинников касается, – неудержимо понесло Евстафьева, – а я свободная личность, к чему мне по улицам шляться, дома делов невпроворот.*

– *Нет, – налегал Цовик, – явиться обязаны все. Вот я список составил для верности, вы порасписывайтесь, что предупреждены.*

– *Вы же взрослый человек, – принялся укорять Цовика Сенька, – и вдруг такую ересь надумали. Хорошую, добровольную идею в добровольно-принудительную перелицевали. Так никто на дежурство не выйдет, не говоря уже о том, что подписывать ваше сочинение не захотят.*

– *Это почему же?*

– Да так, скучно вы агитируете, безалаберно. Но чтобы вы не сказали утром, что Серба дезорганизовал мероприятие, выйду, пожалуй, на дежурство, хотя убежден, что в дружину должны приходить по охотке, осознав её важность, а не так, как на субботник-воскресник... Кстати, Вова, тебе тоже не мешает вечером проветриться. Я зайду за тобой, ладно?

– Я нарушать правила социалистического общежития приду, – отмахнулся Евстафьев, – тяпну поллитра и появлюсь вас песням учить. А то вам и ловить некого будет...

Сенька тоже не ожидал, что вечер придется провести без Иринки, но раз уж пообещал, то отступить поздно.

Но всё оказалось проще, чем он ожидал – Ирина, всегда работавшая с утра, уже ждала его, азартно обсуждая с будущей свекровью Анной Николаевной в деталях свадебный стол, поскольку до намеченного на октябрьские праздники пиршества оставались считанные дни.

Они как раз увлеченно спорили, нужно ли добавлять в салат “Оливье” яблоки, когда вошел Сенька.

– Ну, разумеется, яблоки не помешают, – включился он в разговор, устало усаживаясь на диван.

Возвращаясь со смены, он обычно пару часов проводит на диване, кашляя и чертыхаясь, поминутно сплёвывая нездоровую жёлто-коричневую слюну, спутницу каждого абразивщика, пока не отступит обычная послесменная усталость и молодость не возьмёт своё. Но в этот раз всё перепуталось.

– А мы билеты в кино взяли, – похвалилась Ирина. – Втроём пойдём, собирайся!

– Эх, но я пойти не могу! На семь дежурство в дружине, а посему дайте поесть рабочему классу!..

Женщины скисли и надулись. Семён извинительно развел руками, ища сочувствия, но они сделали вид, что заняты изучением тяжелой “сталинской” поваренной книги.

Самостоятельно разобравшись с кастрюлями на газовой плите, и выловив из свежеприготовленного рассольника курью ножку, Сенька обглодал её впопыхах, запил вишнёвым компотом и убежал, тоже чувствуя себя в дурацком положении, потому что выходило, что вроде он затеял этот фокус специально, и, главное, не предупредил...

А тут ещё овчар Евстафьева *Курнос* загавкал на всю улицу и так метался и бесился, что Сенька не решился войти в калитку скромного домика Володи. Но в конце концов Курнос пробудил неуёмным лаем придремавшего хозяина, и, немного поломавшись для порядка, Евстафьев оделся и пошёл с Сенькой к ярко освещенному Дому Культуры завода, где в тесной комнатухе завхоза расположился штаб дружины абразивщиков и уже давно собрались самые **сознательные**. В коридоре, ведшем на галёрку, бестолково топталось человек двадцать, в том числе Гущин, Крохмаль, электрик Николай Глюев, и сам Цовик, стыдливо оглядывавшийся, как шестиклассник, нечаянно забежавший к первоклашкам, и неудовлетворенно повторявший: – *Не густо, товарищи, скорее, редковато...*

Его, Цовика, удивило, что на лацканах пиджаков Глюева и Лукаса красовались значки дружинников. Он понял, что некоторые, упираясь подписывать бумажки, на самом деле разыгрывали комедию, так как давно уже были хозяевами в дружине. А он и не знал!

Пока что в штабе не было ещё никаких задержанных. Дежурство ещё не разгорелось.

– *Подожди*, – пообещал Сеньке незнакомый парнишка, – *к ночи, как улей, комнатуха загудит...*

Командир дружины раздал красные нарукавные повязки, проинструктировал новичков, кто, как, где и на каком участке проспекта должен патрулировать, и дружинники парами через бурлящее молодежь фойе начали выбираться на улицу.

Сенька вызвался идти с Евстафьевым, который неугомонно бурчал что-то вроде “Зачем мне эта канитель?..” и тому подобное. По небольшому местному **Бродвею** от аптеки на углу Тургенева до ресторана “Театральный” фланировали воркующие парочки, бесшабашные компании пестро одетых **чуваков** и превосходных **чувих**.

– *Бей стилияг, спасай Россию!* – Проходя мимо патруля, подкусил какой-то веселый тип. Народ за последние четыре-пять лет совершенно не изменился. Или он не изменился и за 49 лет советской власти?..

– *Взять, что ли, гада?..* – Предложил Евстафьев, но гад ухмыльнулся и, больше ничем не нарушая порядок **социалистического общежития**, нырнул на всякий случай в толчею. Некоторые прохожие, завидев повязки на рукавах Сеньки и Евстафьева, подчеркнуто брезгливо отворачивались, не решаясь чистосердечно выmaterить, некоторые вроде бы одобрительно подмаргивали, а один старичок, подпирая скрюченной спиной стену аптеки, что-то прошамкал невразумительное. Но по тому, как важно поднял он обкуренный большой палец, нельзя было не сообразить, что он прошептал поддерживающе: – *Правильно, на большой затеяли... Порядок, он – дело общее...*

Вполне освоив Бродвей, по которому ещё вчера они прошвыривались безучастными рядовыми гражданами, ребята решили было зайти в “Кулинарию” выпить кофейку или минералки.

Однако народ у аптеки беспокойно зашевелился, и из быстро распухавшей толпы затреньчал свисток. А ведь за аптекой начиналась **зона** Гущина и Глюева.

Услышав свисток, Сенька и Евстафьев, стыдясь побежать, быстро пошли к месту возможного происшествия.

– *Напрасно спешим,* – хныкал Вовка, – *там Глюев уже без нас десятка два шпаны успел скрутить. Ты же знаешь, мой тёзка – здоровый лоб, здоровее не придумаеть...*

Сенька вспомнил как исповедывался ему Глюев на рыбалке и

ничего не ответил Евстафьеву.

– *Дорогу ассенизаторам!* – Брезгливо приветствовал их какой-то **смурной**, до крайности плюгавый соплячок из числа тех, что воображают себя продрогшими фиалками на смердюче унавоженной грядке жизни. Евстафьев сжал кулаки и двинулся на смурного со словами:

– *В лоб тебя, придурка, хряснуть или просто по морде?..*

Сенька удержал его руку. Нигилист ретировался, едва слышно изрыгая забористые матюки. Народ немного раздался, и патрульные увидели Гущина и Глюева, склонившихся над **нарушителем**. Ребята пытались поднять с земли яростно отбивавшегося гражданина в коричневом, теперь основательно перепачканном пылью демисезонном полупальто.

– *Нате вот шарфик на вашего алкоголика!* – Протянула полосатый шарф высокая глазастая и приятно грудастая девушка, тронув Сеньку за рукав.

– *Ну, почему же моего?* – Хотел было откреститься Сенька, но шарф показался ему невероятно знакомым. Пригнувшись и заглянув в лицо вдребезги пьяного буйана, он с отвращением узнал в нём соседа по дому Игоря.

– *Ну довольно с ним цацкаться,* – объявил Гущин, – *останавливайте любой грузовик, отправим в вытрезвитель.*

– *Я человек,* – хорохорился, размазывая слезы, Игорь, – *и ничто, запомните, ничто человеческое мне не чуждо! Вот! Или, если желаете, по-латыни: Homo sum et nihil humanum... Впрочем, вы все – сволочи, сброд. И не вам бухтеть по-латыни...*

– Он крепко загнул по-русски.

– *Бейте!* – Вдруг он переменялся в лице, наливаясь тяжёлой яростью.

– *Бей! Вот ты, грузин,* – оклабился Игорь в сторону Сеньки. – *Бей! Тебя же учили бить, что же ты, ска-ти-и-на, сачка давишь?!*

Сеньке хотелось одного – чтобы Игорь его не узнал, так было

почему-то стыдно.

Выручил Евстафьев, удачно тормознувший “Газон”, наполовину загруженный светлыми даже в темноте головками капусты, темными конусами свёкл и невзрачно-серыми мешками с картофелем.

– *Куда-а путь держим?* – Строго спросил молоденького шофёра дружинник **при исполнении** Вова Евстафьев.

– *Да вот в ресторан овощи везу. В “Театральный”...* – Беспрекословно ответил шоферюга и предусмотрительно потянул из бардачка пучок бумажек.

– *Вот путевочка, а вот накладная на товар! Вы лучше кого другого возьмите, а то ещё капусту потопчет товарищ тот, что пьяный,* – намекнул шофёр.

– *Во-первых, если “товарищ тот, что пьяный”, шевельнет языком, я его буряком по морде почешу,* – бешено вращая глазами заверил Евстафьев, – *а во-вторых, кабак подождёт. Вкидывайте клиента, ну, взяли!*

И обмякшего Игоря вбросили вчетвером в кузов, куда следом примостился Глюев, а Гущин сел в кабину показать дорогу.

– *Чего там!* – Смутился водила, – *где вытрезилровка, что ли, не знаю?..*

– *Ну, тогда газуй!* – Разрешающе махнул рукой Евстафьев, перехвативший вопросительный взгляд шофера, принявшего Вову за начальника в данном происшествии. Машина тронулась, и Евстафьев с Сенькой пошли опять по Бродвею, а Вова опять начал придуриваться и хандрить:

– *Ну за что мне такое наказание, пьянь всякую подбирать? Пошли бы сейчас ко мне, раздавили бы поллитра, а уж огурчики у меня, во-о! А?* – Лукаво поглядел он на Сеньку.

– *Брось бузить!* – Отмахнулся расстроенный Сенька. Его потрясло падение Игоря, короче, ему было не до шуток.

– *Ну что ты взъелся?* – Беззлобно огрызнулся Евстафьев. – *Ну кто тебя заставляет?.. Удивительно прямо-таки!.. А тебе*

кого, милашка? – Куда-то в сторону обратился Вова.

Сенька обернулся, чтобы предотвратить какую-нибудь нетактичность, сотворить которую Евстафьеву – раз плюнуть...

Он увидел улыбающуюся Ирину, и у него тотчас отлегло от сердца.

– *Мне вот этого!* – Смеясь, ответила она Евстафьеву, беря Сеньку под руку. – *Глаз с него не свожу, а он хоть бы посмотрел разок... Ишь ты!*

– *Ну и ну!* – Развел руками пораженный Евстафьев. – *Вот это хохма! Расскажу завтра в цехе – не поверят!..*

– *Вот, знакомься – моя жена! А он – мой товарищ по смене.*

– *Ну, я уже давно и подробно знаю вас, Володя, заочно. Мне Сенечка много рассказывал и о вас, и вообще о бригаде...*

– *Да?* – Удивился Евстафьев. – *А вот нам о вас он ничегошеньки не поведал. Скромно промолчал. То есть умолчал...*

– *Неужели не говорил?* - Подхватил его шутку Сенька. – *Ну, если так, тогда мы исправим ошибку сейчас же. Мы, то есть Ирина и я, приглашаем тебя на свадьбу и попробуй забыть!..*

Иринка довольно заулыбалась и, крепко взяв ребят под руки, повела их по залитому огнями проспекту.

Утро выдалось тихое. От легкого морозца заиндевели крыши домов и сухие травы так и не скошенных осенью газонов, а на погасших клумбах, сопротивляясь наступающей зиме и намереваясь дожить до октябрьских **мероприятий**, догорали кумачовые канны.

Кумач всю пылал уже и на стенах зданий. Его огненные крылья метались и над асфальтом, протянувшись в нескольких местах поперёк проспекта, и на куполе старинного особняка, занятого обкомом коммунистической партии, и на вершине тонкой мачты над городским отделением Госбанка и между восьмью массивными колоннами **облдрамтеатра** имени всемирно

известного театрала Николая Щорса.

На тротуарах муравейники из тысяч служащих областных учреждений – контор, правлений, трестов, бюро, баз, магазинов (несть им числа!), ибо в девятом часу рабочий уже нагнулся над станком, а из автобусов, троллейбусов и трамваев выпархивают, вываливаются или выпрыгивают неисчислимые служащие. Тут и солидные руководящие товарищи с портфелями и без портфелей, с отдышкой или ещё молодцеватые, **номенклатура** и **общественники**. Скачут и размалёванные, как кинозвёзды, секретарши и машинистки, бредут, уставясь в асфальт, затурканные уборщицы, тяжело передвигают варикозные ноги серенькие, как незаполненные телеграфные бланки, вахтёры и швейцары.

И только Сенька и Ирина, которым выпало идти на работу во вторую смену, с четырёх, решили в этот поздний утренний час помочь своим старушкам закупить продукты к свадьбе, намеченной на седьмое ноября. Они спокойно плыли в галдящем потоке упорно стремящейся послужить народу интеллигенции. Сенькины карманы топорчились от напиханных в них **авосек**.

Продуктовые магазины уже бойко торговали в предпраздничном режиме. И откуда только товары взялись? Ещё на прошлой неделе найти хоть какой колбаски или свежего мяса в торговой сети было проблемой. Полки гастрономов и продмагов часто поражали стерильной чистотой...

Ну, не будем о грустном. Первым делом Сенька и Ирина зашли в “Люкс”, что на углу Коммунистического и улицы Чекистов. “Люксом” гастроном называли с конца прошлого века, когда его построил на веки веков забытый купчик. В ту пору улицы Чекистов, как и самих чекистов, ещё и в помине не было, она была Троицкой, а проспект Коммунистический именовался улицей Соборной. Хотя побывал проспект и Гитлер-штрассе, и улицей Карла Либкнехта, и улицей Ленина... Теперь магазин имел порядковый номер 1 и слыл передовым в областном управлении

торговли.

Между прочим, Троицкая стала улицей Чекистов не сразу. В 1918-м, в угаре победы над едва не ставшей независимой Украиной, Троицкую скалозубые красногвардейцы переименовали в улицу Троцкого. Правда, через десять лет пришлось ещё раз менять таблички на улицу Чекистов...

А память подбросила и давнее, довоенное воспоминание. 1939-й, Сеньке - 4. Мама Анна, Сенька и мамин ухажёр дядя Жора, статный военмор-чёрноморец, приехавший на недельную побывку, в тёплый летний денёк, гуляя по Карла Либкнехта, заходят, естественно, в "Люкс".

Само собой, в таком приятном воспоминании стоит покопаться подробнее.

...Приезд дяди Жоры в отпуск после дружеского визита кораблей Черноморского флота в Турцию - огромное событие для хутора Казачьего и всей Сенькиной семьи. Ему лично дядя Жора привез целый ящик невиданных хуторянами и даже горожанами апельсинов. Бабуся долго выдавала их Сеньке по одному.

Дядя сын подарил комплект флотского белья и старый долго хвастался белой полотняной исподней рубахой и кальсонами с длинными завязочками на штанинах. Сашке и дяде Дмитру досталось по тельняшке, бабушка получила турецкую шаль, а мама отрез шёлка на платье. Она потом быстро сшила из этого крепдешина прелестное платье, там на тёплом коричневом фоне жёлтые кленовые листья. К счастью, остались и фотографии мамы в этом платье.

Дядя Жора, как краснофлотец, навел в правлении колхоза шороху. Уже через день после его визита в правление им во двор привезли две арбы хорошей соломы, а ещё через день два мужика залезли на крышу хаты и надёжно укрыли соломой места протёков. Ещё дядя сходил в "комору» (колхозный амбар) и

получил два мешка пшеницы в счет своего заработка на трудодни ещё до призыва во флот. На зависть всему попадавшемуся на пути люду он шутя нёс под каждой рукой по шестипудовому мешку пшеницы, а это примерно по 100 килограммов.

Перед приездом дяди Жоры деда внеочередно побрился топором (обычно он брился этим инструментом дважды в году – на Риздео (Рождество), на Пасху (получалось, что и на 1-е Мая, и на 7-е Ноября). Сенька тоже принимал участие в подготовке топора, – он старательно крутил рукоятку тяжёлой колхозной точилки, стоявшей у кузни, пока деда острил лезвие. Дед носил козлиную бородку и был похож своей неухоженностью на всесоюзного старосту товарища Калинина. Раз в месяц бабушка подстригала его седые патлы большими портновскими ножницами. Свои дни рождения старики не отмечали. Похоже, они годов не замечали.

“Так вот, уж и не помню, – подумалось Сеньке, – когда мы с мамой и дядей Жорой гуляли по знойной улице Карла Либкнехта в Запорожье, в начале его отпуска или перед отъездом.”

Вспоминалось только, как зашли в кондитерский отдел магазина “Люкс» около областного театра, и он стал кланчить пирожные. Мама смеялась и пыталась отговорить дядю Жору купить ему шесть (!) эклеров. Но краснофлотец настоял, и Сеньке предстояло есть все. Он съел штуки три. Остальные ему, сжалившись и счастливо хохоча, помогли взрослые. При этом дружно пили превосходный бутылочный лимонад. Потом мама часто угощала Сеньку в том месте пирожными под лимонад, дюшес или сельтерскую...

Ещё гуляки сфотографировались на память, и эти прелестные фотографии – Сенька с мамой и ещё они втроем – излучают своё тепло до сих пор...

Действительно, зайдя внутрь “Люкса”, Сенька и Ирина

увидели, что невиданных с майских праздников товаров завезли к **октябрьским** уйму, но и покупателей набежало уже немало. Все они безалаберно толкались, бросались от прилавка к прилавку, из отдела в отдел, от одной кассы к другой... Всего какая-нибудь сотня возбуждённых гастрономическими запахами людей создавала впечатление пехотной дивизии, бестолково поднявшейся в атаку.

Рубежи, которые должны были взять вооруженные пачками денег и десятками **авосек** наступающие, слабо обороняли охмелевшие от противоречивых просьб и требований мордатые продавцы и невыспавшиеся после вечерних **обжимонов** молоденькие продавщицы..

– *Не беритесь нарезать сыр, если не умеете,* – внушал девочке в белом халатике и такой же белоснежной косыночке грузный пенсионер. И девочка вытирала пот с лобика тыльной стороной ручки и принималась отрезать от другого куска.

Развязные парни, видимо, студенты, лезли без очереди, и у них был свой резон - они брали одно вино, без никаких закусок. Нахалы заинтересованно оглядели Ирину, прищелкивая языками. Сенька с гордостью расправил плечи: *“Что, хороша? То-то!..”*

Не задержалось и приглашение к знакомству:

– *Валяй с нами, чува, оттянемся на славу!*

Ирина улыбнулась, прижимаясь к Сеньке, и отрицательно покачала головой:

– *Опоздали, мальчики, я уже приглашена!*

Убедившись, что она не одна и номер не проходит, парни тотчас забыли о ней и принялись толковать с продавщицей, никак не соглашающейся отпустить их вне очереди.

Ирине и Сеньке надо было купить много всяких мелочей, и они для начала осмотрели витрины, определиться, что, где и в каком отделе лежит.

Вот колбасы – более десятка сортов, и варёные, и копченые, ливерные и кровяные, жирные и так себе, опять же хлебцы... А вот

копчёности – от простого приперчёного шпига до увесистых тамбовских окороков. Рядом, в соседнем прилавке громоздились головы и брусы сыров – и швейцарский, и голландский, и советский, и костромской, и степной, целые утёсы из всевозможных аппетитных жёлтых, оранжевых или тёмно-красных произведений сырной промышленности Советского Союза!

Рядом сквозь стекло холодильного прилавка сияли, как поляна майских одуванчиков, огромные двадцатикилограммовые кубы сливочного масла, груды маргариновых брикетов, горы баночек с майонезом, хреном, горчицей...

Всё это великолепиие, если идти дальше по торговому залу, переходило в бесконечные штабеля консервных банок с рыбными и мясными консервами. Здесь можно было, старательно читая этикетки, стать незаурядным знатоком подводной фауны, таким, например, как известный гидробиолог и океанолог профессор Вениамин Богоров, дай бог ему здоровья!

Язь, щука, налим, сом, ставрида, скумбрия, кефаль, пелагида, парусник, сайра, не говоря уже о пленительных жестянках со шпротами и сардинами, и не принимая во внимание простецкие банки сельди, салаки, трески, бычков и камбалы. И всё это в томате или в масле, бланшированное струёй горячего пара или обжаренное, в стеклянной таре или закатанное в металл.

Затрапезные, еле держащиеся на ногах старушки десятками банок хапали для своих вечно голодных внуков-сталеваров говяжью тушонку, мясной и печёночный паштет, почки в томатном соусе, бычки в томате и по-муравьиному тащили, задыхаясь от натуги, к домашним конурам на пятых этажах без лифта.

В отделе напитков Сенька и Ирина тоже поначалу растерялись и беспокойно переводили взгляды с одной батареи бутылок на соседнюю. Коньяки выдержанные и крепковыдержанные, марочные и рядовые, ром как кубинский, так и советский, разнообразное шампанское и его братья – славные виноградные вина – мускаты и мадеры, хересы и кагоры, портвейны и

рислинги, всё, чего душа желает, а душа иногда желает и вишнёвки, и сливянки, короче, сладких наливок, а порой – настоек, а то и ликёру, предпочтительнее, шартрезу или “Бенедиктина”, а по пятницам – бывает, что и просто водки.

Но опять-таки, даже в последнем случае трудно добиться единодушия покупателей и поэтому **торгаши** завезли давеча и “Московскую”, и “Столичную”, и “Охотничью”, и “Кубанскую”, и “Сибирскую”, и “56°”, и “Украинскую”, и “Горилку з пэрцэм”...

Подальше, в углу, в кондитерском отделе в прилавках и в открытой, не поощряемой Санэпидстанцией выкладке, высились горы тортов, пирожных и всяческой хитроумной выпечки. Сенька и Ирина быстро набрали столько всякой всячины, что у обоих руки оказались загруженными, а у Сеньки к тому же и все карманы пиджака и пальто набиты тяжёлыми бутылками.

– *Придётся ещё несколько раз приходиться!* – Сокрушенно сказала Ирина, выходя за Сенькой на улицу, но лицо её выражало такую безмятежную радость, что прохожие завистливо покачивали головами.

– *Да! Надо завтра всё докупить, а то через день-два полки вновь опустеют... И тогда до Нового года будем с картошки на макароны перебиваться... Хотя наши финансовые возможности не позволят нам особо резвиться. Но ведь меньше двух десятков гостей просто быть не может, придётся брать совета у мамулёк...*

Сенька перевёл Ирину через улицу, и они вновь вышли на Коммунистический, где им то и дело попадались взъехавшие на тротуар механические лестницы и машины техпомощи с телескопическими мачтами, на верхних площадках которых, как птицы, цепко ухватившись за стальные поручни, возились монтажники, подвешивая гирлянды разноцветных лампочек и различной иллюминации и укрепляя на стенах домов огромные портреты руководителей партии и правительства.

Предпраздничное оживление всё разгоралось и разгоралось, и Ирина и Сенька, отправляясь всякий раз в экспедицию по магазинам, отмечали всё новые и новые украшения на проспекте. К двум часам дня на площадь Свободы привезли огромный алюминиевого цвета макет ракеты и установили его с помощью мощного крана.

Повсюду портреты Гагарина, Терешковой, Титова, Николаева, Леонова, товарищей Брежнева, Подгорного, Косыгина, прочих членов Политбюро. Море алых флагов. Транспаранты с бодрящими надписями типа “Миру – мир!”, “Победа коммунизма во всём мире неизбежна!”, “Слава КПСС!”...

– *Скоро уже полетим!* – Уверил Ирину Сенька. – *Вот увидишь, вслед за Юрой и Валею на орбиту полетят целые команды!.. А там и до Марса рукой подать...*

Ирина счастливо прижмурила свои голубые глазищи:

– *Я уже давно, с тех пор, как встретила с тобой, ощущаю, что куда-то лечу. Странное и приятное чувство, словно с каждой минутой надо ожидать крутого поворота, а я, не сбавляя стремительной скорости, лечу, лечу, лечу... Что это?*

– *Наверное, ты влюблена, девочка,* – схитрил Сенька, – *но придумать не могу, в кого...*

– *Ни за что не догадаешься, в Светкиного Славочку,* – расхохоталась Ирина, – *косенький, очкастенький, миленький мальчик. И уже – папа...*

Сенька внимательно посмотрел на неё и понял, до чего ж она стремится стать взрослой.

– *“Милая Иринка! Как я тебя люблю.”* – Подумалось ему. – *“Если бы мне завтра лететь на далекую планету, я бы назвал твоим именем космический корабль, я бы бережно пронёс твоё сладкое имя через холодное пространство, я бы вырубил его стометровыми буквами на скалах Марса, я бы, в конце концов, переименовал Венеру, чтобы увековечить тебя...”*

– *Какой же ты славный, Сеня!* – Вслух как бы ответила ему

Ирина.

Время приближалось к трём, когда **молодые**, подкрепившись у Надежды Павловны вкусным картофельным супом с фрикадельками, разъехались на работу.

Не без труда, по-всякому исхитряясь и таки забравшись в трамвай, Сенька сразу наткнулся взглядом на Цовика и Евстафьева и стал пробираться к ним.

– *Значит, воевал-воевал против отца родного,* – имея ввиду Петлюка, горько сказал Евстафьев, – *а теперь и породнился с мусором поганым...*

Как сообразил Сенька, вездесущий Евстафьев успел разузнать где-то, что Ирина – дочь Петлюка.

– *Не вали всё в одну кучу, не обижай!* – Только и выдавил из себя Сенька. – *И не подумай тестю намекнуть, что я на Ирине женюсь!..*

– *Так преподобный Пётр Прохорович и не знает и не ведаёт, что у него, старого чекиста, дочь из-под носа молодая непроверенная смена увела?! Врёшь, не верю!* – Засомневался Евстафьев.

– *Мне да не веришь? Эх, ты!* – Укорил его Сенька. – *Ну, что это ты, старик, а?..* – И протянул Евстафьеву из-за спины разделявшего их здоровенного мужика дружески раскрытую ладонь.

Володя улыбнулся и крепко пожал её: – *Мировая деваха, действуй!..*

Работяга, которому Сенька едва не черкнул локтём по носу, возмущенно засопел и тихо беззлобно ругнулся: – *Ну, вы, бля, даёте, тесно же!..*

У проходной народ сыпанул из трамвая, как картошка из лопнувшего мешка. К Сеньке и Евстафьеву присоединились Цовик, дед Лукас, дармоед Минченко, тащивший толстенный рулон праздничных плакатов, и другие рабочие смены. Отдельными

группками шла братва из электрокорундового цеха, из цеха абразивных изделий и других цехов и служб.

Завод одевался в праздничное убранство. На перилах пешеходной эстакады рабочие-оформители прикрепляли огромный щит, на полотне которого художник нарисовал молодого человека, широко раскинувшего узловатые руки пожизненного труженика, как бы пытающегося обнять всех проходящих мимо, всю планету воедино и сказать им всем слово добра. За спиной образцового работающего юноши вставало лихорадочно-розовое солнце. Лучи солнца получились непропорционально толстыми, как буксирные канаты, а парень вышел не бронзовым, а лилового цвета и этим напоминал дробильщика после восьми часов напряженного **вкалывания** в облаке бокситной пыли. Но данные промахи вызывали только благожелательные улыбки сменщиков.

– *Зверски на тебя похож парняга!* – Хлопнул Сеньку по плечу Евстафьев. – *Смотри, вон и глаза карие!..*

– *Он похож на всех нас,* – уточнил Сенька. – *И на тебя тоже, и на Соломона Ильича, и на нас с тобой. Он – символ несгибаемости человека перед злом.*

– *Как это – символ?* – Не **раскумекал** Евстафьев, а Цовик заинтригованно повёл ухом.

– *А так. Он – тот. Какими мы, конкретные люди, никогда не будем. Но какими должны бы быть...*

Цовик и Евстафьев терпеливо выслушали, не особенно разобравшись, но, уловив Сенькину торжественную интонацию, Цовик решил, как мастер смены, тоже изречь какую-нибудь приличествующую моменту мысль. Оглядев заводской двор с красными флажками у портретов передовиков на тополёвых аллеях, утопающее в кумаче приземистое двухэтажное здание заводоуправления, он остановил взгляд на высоченной дымовой трубе аглоцеха. И там, на верхней площадке, на высоте более семидесяти метров полоскалось багряное знамя.

– *Во куда вознесли!* – Восторженно, как мальчишка, выкрикнул, кивнув на багряные струи шелка, Цовик. Его румяные полные щёки ещё больше раскраснелись, и он замолк, прислушиваясь к тому, как Сенька оценит его порыв, какое впечатление он произвёл.

– *Погодите, Соломон Ильич, не уходите на пенсию. Мы ещё с вами этот флажище на Сириусе установим,* – усмехнулся Сенька.

– *Гора, что ли, в Индии, этот Сириус? Это где Эверест?* – Уточнил далёкий от астрономии Цовик.

– *Да, да!* – Механически кивнул Сенька, отвлекшись от разговора, ибо занял внимание другим. Он увидел, как из вечно распахнутых дверей спекательного отделения выбежал замурзанный Глюев с довольно ещё белым конвертом в руке. Там, у курительных скамеек его тотчас окружили работяги.

– *Письмо из “Правды”!* – Врубаясь в ситуацию, гаркнул Сенька и обрадованно ткнул Евстафьева в бок. – *Письмо, Вова... Видишь, Глюев читает. А ты говорил, пропало...*

И они побежали, проскочив под носом у паровозика, тащившего три думпкара с дымящимся агломератом.

Из окна своего кабинета на пятом этаже аглоцеха на оживлённую кучку ребят беспокойно посматривал Пётр Прохорович Петлюк, думая о несправедливости судьбы, об интригах сопляков, о том, что на это раз, видимо, придётся не спрашивать, а отвечать.

Кристалльно-прозрачная ночь гуляла по заводскому двору, наслаждаясь грохотом, вырывавшимся из огнедышащих цехов. Паровозик, светливый и слабосильный, перетаскивал **думпкары** с готовым агломератом, чёрные конусы которого, высившиеся по пять-шесть в стальных кузовах вагонов, нет-нет да и осыпались, оплывали от толчков, обнажая неостывшую ещё багровую лавоподобную массу. Паровозик ершился, преисполненный решимости враз потянуть цепочку вагонов, буксовал, сердито

пыхтел, как барбос над горячим супом, и жарко выдыхал из нескладной допотопной трубы неисчислимую тьму искр, проворно взлетающих в небо, чтобы обернуться там хоть на мгновение подобием звёзд.

Но как Сенька ни торопился на работу, всё же, подходя к цеху, он на минуту остановился, радостно вдыхая неповторимо чадный воздух завода и жадно оглядываясь. И лишь наткнувшись глазами на запылённый циферблат висевших над входом в спекательное отделение электрочасов, с внутренним сожалением оторвался от ночных красот и, размахивая завернутым в “Индустриальное Запорожье” обедом, одним махом взбежал на шестой этаж в раздевалку, где пришлось в темпе переодеваться, чтобы выскочить на лестничную площадку третьего этажа именно в тот миг, когда вот-вот из двери с поблёкшей надписью *“посторонним не входить!”* должен появиться мастер смены Цовик. Сейчас же дверь была приоткрыта и у неё толпились товарищи Семёна.

Мимо свежих работяг устало топали в душевую, лениво матюкаясь, ребята смены мастера Зазыкина. Сам Зазыкин, необычно грозный и злой, стремительно ввалился в открытую дверь и, не подавая руки ни подоспевшему Цовику, ни диспетчеру, запыхтел, привычно загибая многоэтажные матюки:

– Видал, Соломон Ильич, до чего это хрен моржовый Локшенко довытворялся? Похуже твоего Евстафьева вскоре будет, мудачок. 56-ю ленту спалил, подлюга!

Сменщики уже знали, что вместо нормальной работы придётся нудно ремонтироваться, но бесило другое – Зазыкин, между прочим, отгрохал свои 320 тонн агломерата и за полчаса до пересменки сотворил аварию. А им теперь – стоять. Причем, чёрт его знает, сколько придётся простоять. Хорошо, если простой растянется на всю смену. Если же под конец рабочего дня 56-ю склепают и цех запустится, они проиграют, ведь сменное задание в 275 тонн бокситного агломерата останется в силе и, понятно, будет невыполнено.

– *Что не весел, Зазыкин, не здороваешься с тружениками?* – Подкусил чужого мастера усевшийся прямо на цементном полу Евстафьев. – *Залупился, что ленту пожёг, передовик?!*

– *Молчи, хулиган! Попал бы ты ко мне в смену, я бы тебя нацелил на подвиг трудовой, научил бы лопату держать!..*

– *Слыхали?* – Торжествовал Евстафьев, общеизвестный тем, что, несмотря на свою дурацкую, в общем-то, манеру всех задирать, работал безотказно и неумолимо, как вол, и выкидывал за смену своей лопатой из-под транспортёров дробилки тонн пять-восемь пыли, так что сменщику обычно первые пару часов нечего было и делать, кроме как анекдоты травить. Чистюля в работе был Евстафьев, чистоплюй, можно сказать. Ас лопаты и кайла, как его ласково дразнил старый Лукас.

– *Поняли?* – Смеялся **на все тридцать два** Евстафьев, без стеснения тыча пальцем в сторону Зазыкина, – *Он меня хочет вкалывать поучить! Знакомые слова. У дорогого Петра Прохоровича **наблатыкался**, жополиз. Иди, иди, и не оглядывайся!* – Провожал он Зазыкина под всеобщий хохот. Даже Цовик, когда Зазыкин спустился этажом пониже, так, что его стало не видеть, захихикал с рабочими. Так, на всякий случай, чтобы не терять отношений.

Убедившись, что Зазыкин надёжно удалился, Цовик приступил к постановке производственной задачи. Объяснив обстановку, сложившуюся в результате поломки транспортёра, он тоскливо закурил “Беломор”. Его тут же поддержали Иван Крохмаль, затянувшийся вонючим “Памиром” и дед Лукас, скатавший фронтную сигарку из лично выращиваемого крепчайшего самосада, смрад от которого разносился, вероятно, по всему заводскому двору... Работать после вчерашней дегустации у соседа зверски не хотелось. А уж ночные погрёбки Бэлочки и вовсе вспоминать было противно и стыдно. Но что поделывать бедному еврею в стране расцветающего социализма? Домой ведь не уйдёшь, цех – не контора какая-нибудь и даже не ларёк, где

шустро торгует газировкой его свояченица тётя Хая!

– Ну а теперь, дорогие, – сказал он, состроив серьёзную мину, хотя все отлично знали, что Соломон Ильич добродушный и безобидный и для работяг, и для начальства нейтрал. – *Теперь айда на 56-ю, поможем слесарям стягивать транспортёрную ленту!..*

Там, на галерее возврата, было чем заняться. В тесном, но почти двухсотметровом коридоре галереи висел непроходимый чад, к тому же стояла нестерпимая жара. Под ногами хрустели кучи ещё не остывшего **возврата**. Тлеющие куски резиновой транспортёрной ленты валялись там же, а в клубах пара, как дьяволы, металась **слесаря**.

– *Давай, ребятки, взяли, ну-у!* – Вопил один из них, пытаясь объединить рывки товарищей.

Безвозвратно сгорело метров семьдесят ленты. Когда транспортёр пробуксовал, надорвался от непомерной тяжести взваленного на ленту раскалённого возврата, полотно от перегрева вспыхнуло и, прогорев, разорвалось. Хлысты полотна скатились по роликам в разные стороны от места разрыва. Нужно обрезать негодные лохмотья на краях хлыстов, прикрепить к одному из них недостающий кусок новой ленты, стянуть воедино оба конца и надёжно соединить в бесконечно вращающееся кольцо.

Кольца того – более трёхсот метров при метровой ширине, так что стягивать хлысты даже восьми человекам тяжело, а главное, не развернуться в тесной галерее, да и не продыхнуть к тому же. Раз за разом рывками включают тягловой электродвигатель, но он практически не тянет пустую ленту, без нагрузки ведущий барабан проскальзывает под ней.

Когда Цовик с подчинёнными появился в галерее, слесари уже приклепали нужный кусок, и оставалось стянуть и скрепить хлысты.

– *Беритесь друг от друга метра за два и давайте вместе рывками стягивать проклятую,* – включился в руководство

ремонтным процессом Цовик, – *друженько, дружнее, ребятки, раз! Ра-аз!*

– *До чего муторное занятие*, – подумал Серба и оглянулся на ухватившегося за резину позади него Крохмалья. Тот, услышав очередную команду мастера, напрягся всеми мускулами замурзанного лица, потом присаливал рывок забористыми словесными конструкциями.

– *Мать моя женщина!* – В сердцах махнул рукой и Цовик, после перенапряжения держась рукой за сердце, которое у него действительно пошаливало.

Наконец, хлысты транспортёрной ленты сошлись, и слесари, прихватив их временно зажимами, чтобы, не дай бог, вновь не разбежались, приступили к регулировке натяжения и склёпыванию. Дробильщики посмеивались над слесарями, тяжело дыша и нервно покуривая. Они то и дело высовывались в разбитые окна галереи вдохнуть **свежака**.

– *При чём тут Локшенко, что лента сгорела?* – Рассуждал вслух Серба. – *По себе знаю – увлечёшься реверсивкой, колдуешь над ней, чтобы бункера не завалило, а в это время 56-я возьми и тормознись тихонечко. И тлеет себе. Пока диспетчер дозвонится, пока возврат сбросим! А шуточная ли вещь со ста пятидесяти метров в этом аду раскалённый возврат лопатами скинуть?*

– *Тебе что, больше всех надо?!* – Вставил по-стариковски дальновидный Лукас.

– *Точняк, Сеньк, Локшенко тут не причём. Двое должно там работать, и тогда не было б такой муры*, – уточнил Крохмаль, – *а теперь ещё, смотришь, к суду Локшенку притянут, высчитывать ущерб начнут, а цена ленте не малая – 180 рубликов метр!*

– *А я поспорить могу*, – вдруг засмеялся Серба, – *могу биться хоть на коньяк, что замнёт Петлюк данный случай, спишут ленту на износ, и всё тут. Потому что ему невыгодно до суда*

доводить такое.

Подошедший Цовик приказал дробильщикам сходить за лопатами. Мол, слесари сейчас сдадут 56-ю и надо будет подобрать с пола галереи просыпавшийся возврат и нагрузить на движущуюся ленту. Её для того на время включают, – пусть несёт подборку в бункер!

Когда ребята возвратились с лопатами, 56-я уже монотонно текла по роликам, умиротворённо шурша. Дело закипело, руки привычно вскидывали лопаты и точными бросками отправляли подобранный с пола возврат на ленту. Часа через два галерею очистили и стали расходиться по штатным рабочим местам.

– *Будем запускаться!* – Решил Цовик, что значило включить и задействовать всю технологическую нитку взаимодействующих механизмов. Но прежде чем начать спекание, надо надробить хотя бы пару бункеров боксита, создать **задел**, иначе спекание пойдёт рывками из-за неравномерной подачи шихты, что скажется на качестве агломерата. Зазыкин, дрянь, оставил бункера пустыми, хотя мог бы за время простоя надробить немало.

Серба протянулся вслед за дробильщиками. Вначале им было по пути, потом ребята во главе с Иваном Крохмалём скрылись в наклонной галерее, ведшей в дробильное отделение, и вскоре там у них загрохотало, забарабанило, одновременно мощным рывком рванулись вперёд ленты транспортёров и вот уже с самой последней – с реверсивки – тяжело плюхнулся в развёрстый бункер жёлтый поток бокситной пыли. Наладив подачу и оставив посматривать у пульта дробилки одного Лукаса, ребята собрались в “резиденции” Сеньки, где было не то чтобы уютнее, а как-то теснее, укромнее, что располагало к **балагурству**.

Семен изредка поглядывал на реверсивку, – не пора ли отводить тележку к следующему бункеру, не перекашивается ли лента, и вновь присоединялся к хлопцам, рассевшимся у оконечного барабана злополучной 56-й и, не обращая внимания на шум, травившим разные истории. Там и разыскал их электрик

Николай.

– Вот, набросал я письмо, как договаривались. Послушайте! –

И начал, чеканя фразы, читать написанное аккуратным убористым почерком хорошиста на двойном тетрадном листке в косую линейку. Он довольно подробно описал беспорядки, но Серба настоял, всё же, чтобы добавили, что нехватка рабочей силы в цехе создаётся Петлюком умышленно, ради премий, – при таком положении за счёт экономии фонда зарплаты похвально падает себестоимость агломерата и повышается производительность труда. Но по сути фокусы эти – явное очковтирательство.

Сенькино добавление приняли как само собой разумеющееся и принялись расписываться. Всего собрали двенадцать подписей, вроде бы немало. Но Глюев забрал письмо у Николая, уверив, что в других сменах тоже есть желающие присоединиться, что он увидит их в пересменку, подпишет, а уже потом отошлёт депешу в Москву.

Сенька спустился по гулкой стальной, похожей на корабельный трап, лестнице в дозировку, напился холоднющей, обжигающей горло водички из кустарного сварного сатуратора, сработанного заводскими умельцами, сильно завернул кран, чтобы не улетучивалась углекислота, и, крепко толкнув противно скрипнувшую массивную дверь, вышел на ночной воздух.

Как и должно быть в четыре утра, небо ещё усыпали звёзды, но на востоке оно уже незаметно преобразалось. Ещё полчаса и оно из тёмно-синего превратится в белёсое, светлое, утреннее. *“Тысячи лет, сколько помнят люди, день загорается на востоке!”* – Пришла в голову Сеньке оригинальная мысль.

– На востоке! – Торжественно отвечала ему тишина, и было в этом что-то глубоко древнее, всколыхнувшее самые сокровенные Сенькины чувства и заставившее его забыть гнусности Петлюка, мелкую злобу его подхалимов, тревожную неуверенность в глазах Евстафьева и насмешливую недоверчивость деда Лукаса.

Казалось, простое слово это – “восток” вобрало в себя самое дорогое для Сеньки, оно пришло к нему как синоним России, родины, света и правды.

Он зачарованно поглядел туда, где над тёмными конусами рудного склада высились тонконогие мачты высоковольтной линии, туда, где по его представлению был восток, и где вскоре покажется розовое солнце.

Звёзды с любопытством заглядывали в запylённые окна аглоцеха, крупные и сочные, как сливы. Хотелось притронуться и, если не сорвать несколько, то хотя бы качнуть упругую, сверкающую росистыми плодами ветку какого-нибудь созвездия

– *Как там Иринка?* – с нежностью подумал Семён, и ему нестерпимо захотелось увидеть Иринкино смеющееся лицо и целовать, целовать, целовать...

Интим Сенькиного уединения с самим собой грубо разрушил пронзительный рёв сирены, означавший предупреждение всем, что агломашина, дробилка и транспортёры цеха заблокированы на совместную работу и надо выбираться из-под любых готовых двинуться механизмов, так как ещё миг и вся сложная техника двух огромных отделений и трёх галерей одновременно придёт в неумолимое мощное многочасовое движение.

Прохладный арбузно-сладкий ночной воздух взбудрил лёгкие и поднял настроение. И хотя прошло всего две-три минуты, Сенька основательно восстановил силы. Но запускающееся оборудование на производ не бросишь. Так что Семён вприпрыжку понёсся в цех.

– *Запустились!* – Облегчённо подумалось Сеньке, хотя и сознавал он, что за оставшееся до пересменки время не спечь и ста тонн. Но жажда высококлассного красивого мужского труда была так сильна, что количество продукции уже не имело никакого самостоятельного значения. Человек создал невероятно сложный комплекс механизмов, подчинённых ему с диспетчерского пункта, и он имеет, чёрт возьми, право почувствовать радость слаженной

работы всего этого, пусть и несовершенного ансамбля. Что из того, что с транспортёра осыпается боксит, который долго и тяжко выкидывать лопатами обратно на ленту? Что из того, что из галереи возврата, где надсадно визжит 56-я, мутной банной струёй вырывается пар, а из дробилки наплывает по другой галерее встречное облако бокситной пыли? Если есть в человеке гордость за самого себя, преодолим и этот рукотворный ад, только не сразу даётся победа. И нелегко.

– *Интересный тип, наш Петлюк*, – подумалось Сербе о начальнике цеха. И действительно, в Петре Прохоровиче многое оставалось неясным. Но Сенька шкурой чувствовал, что в душе Петлюк – чванный пройдоха, но доказать это предположение даже самому себе Семён ещё не мог.

– *Я – старый чекист!* – К месту и не к месту заявлял о себе Петлюк. – Мы, солдаты партии, знаем, куда идти!

Сербе противно было слушать подобные сентенции, которые он всегда понимал так, как будто бы он, Серба, или Евстафьев шли вспять генеральной линии рабочего класса и вообще против всего **прогрессивного человечества**. Чуть какая-то. Но Сенька знал и другое – вытурили Петлюка в 1956-м из органов госбезопасности и заслуги его как чекиста, по всему выходит, смехотворны. Но поскольку Пётр Прохорович корчил из себя марксиста покрепче самого Карла Маркса, подступиться к нему и упрекнуть в чём-либо было невозможно, даже опасно. Как же, в самом деле, передовой цех, фантастически низкая себестоимость продукции, невероятный рост производительности труда – чья же это заслуга, как не уважаемого Петра Прохоровича? А ускорение хода агломашины? А опытно-промышленное освоение мартеновского агломерата, эта революция в металлургии? Но если бы Сербе дали доступ в бухгалтерию цеха, он взялся бы победить Петлюка.

Встречался уже Семёну на жизненном пути такой вот отец родной. Работал Серба тогда в тресте “Днепро-мартенремонт”, и

там тоже были **агроматные** успехи за счёт нехватки рабочих. Правда, показуха кончилась там быстро – нагрянула комиссия из Совконтроля, и, как дважды два, выяснилось, сколько денежек **освоило** таким способом руководство треста, сколько “мёртвых душ” получало по ведомостям. С тех пор насторожённо относился ко всякой громкой парадной фразе Серба, присматривался внимательнее к источникам успехов и, разбираясь в бухгалтерии, видел зачастую то, что не замечал, к примеру, Евстафьев.

Проходя по дозировке, Сенька увидел Надю и Машу, сидящих на тарельчатых питателях, которые они обслуживали, и что-то оживлённо обсуждающих.

– *Сенька, поедешь завтра с нами в больницу Людку проведать?* – Бойко крикнула ему Надежда и перекричала таки надсадный грохот агрегатов и механизмов. Но Серба, уже твёрдо собравшийся съездить после смены в трампарк, как бы извиняясь, развёл руками и прокричал в ответ, что идёт завтра к трамвайщикам выяснить кое-что насчёт Эдькиной сожительницы и, громко бухая по трапу кирзовыми ботинками из породы спецобуви, поднялся к себе наверх, к реверсивке, где пока что в одиночку крутился потным чёртом Евстафьев.

– *Носит же тебя по часу воду хлестать,* – деланно строго накинулся тот на Сербу, – *вертись тут за него, присматривай, вроде свое работы нету!* – Но пробормотал замечание скорее для порядка, а не для обиды.

– *Сохраняй нервишки, Вова,* – улыбнулся Сенька, – *вечерком в кафешко сходим...*

Евстафьев ухмыльнулся: – *Вот это дело козацкое – пей да гуляй! Это мы можем, ого-го!* – И он пустился вприсядку гопаком, поднимая спецбутсами рыль и покрякивая радостно и бессмысленно: – *Эх-ма! Колыма! В сердце белая зима!*

Серба знал, что Евстафьев тоже из **отмотавших срок**. Однако, как ни был любопытен, расспрашивать не решился... А сам

Володька на эти темы был неподъёмный.

За грязными окнами наконец разгорелся рассвет, лампы под потолком поблекли, а на душе у Сеньки стало чисто и спокойно. Здравствуй, день!

– Ну, что, Сеньк, зададим сейчас прочуханку Петлюку? – Крикнул в ухо реверсивщику повеселевший под отчаянно горячим душем Вова Глюев.

Сенька молча, не торопясь, промокнул тело застиранным вафельным полотенцем, натужно высморкался коричневой соплей, гулко проклацал деревяшками шлёпанцев по бетонному полу и, подойдя к тумбочке, с досадой забросил в неё мочалку и полотенце. Осмотрел себя в зеркале. Тело бронзово-красного оттенка от въевшейся в него бокситной пыли. Сколько мы глотанули её сегодня? А вчера? А за месяц?..

Он начал рыться в одежде. Куда-то трусы запропастились! Да вот же они...

– Сейчас, Вова, подожди малость. Две минуты, и я буду в полной боевой, – бросил он Глюеву, уже завязывавшему шнурки.

Серба лишь приблизительно представлял, что произойдёт вскоре. Это будет подобно авиационной катастрофе, которую Сенька полгода назад видел под станцией Мокрой, где упал “Ил-14”, прорыв траншею метров так на двести в весеннем чавкающем чернозёме по колхозной зяблевой вспашке...

Мельком взглянул на часы, на его “Ракете” без двадцати пять, на Вовиной “Балтике” – без четверти, а согласно вылинявшему под частыми дождями и беспощадным солнцем объявлению, уже сколько дней болтающемуся на входной двери цокольного этажа, “*цеховое, отчетно-выборное, профсоюзное, собрание аглоцеха, состоится 25 августа, в красном уголке, цеха в 17.00*”.

Дальше в объявлении внушалось, что явка всех рабочих, свободных от работы, строго обязательна. Сочинял его цеховой специалист по рекламе дармодеев Минченко.

Правда, несчастное сказуемое Сенька исправил синими чернилами, а вот запятые так и остались, отковыривая слово от слова. Ну да дьявол с ними!

Вслед за Вовой Глюевым Серба вышел на третий этаж в красный уголок, приютившийся в жаркой низкой комнате, по соседству с агломашиной. Горячее дыхание пропекаемого агломерата доносилось и сюда, а через открытую дверь можно было зайти в спекательное отделение, пройти мимо оранжевого, движущегося на широченной ленте, раскалённого “пирога”. Равномерно перемешанная на шестом этаже в смесительном барабане, шихтовая смесь, составленная из пылевидных, раздробленных на-нет боксита, антрацита и возврата, через дозатор насыпается на колосники транспортёрной ленты. Мощный эксгаустер просасывает воздух сквозь слой шихты, создавая тягу, а поданный сверху из форсунок газ поджигается и уже горящим пламенем просасывается через всю толщу медленно движущейся на ленте массы. Антрацит, входящий в состав “теста”, обугливается, и “пирог” спекается, а дойдя до места, где лента загибается вниз, обламывается огненными кусками в приёмный бункер, а уже оттуда, просеяв через контрольные колосники мелочь, называемую **возвратом**, подаётся другим транспортёром в думпкары, которые запыхавшийся паровозик оттаскивает на товарный двор. Такая вот нехитрая **технология**.

В этом царстве грохочущего пламени и шипящих газовых форсунок суетился сменщик Глюева, агломератчик высокого “спортивного” класса Гуцин. Когда в спекательное заглянули Глюев и Серба, Гуцин, уставившийся было до того в циферблат автомата, ведающего подачей газа, и одновременно что-то вопивший изо всех сил в телефон, махнул им свободной рукой, дескать, подождите, антихристы, пока договорю.

- Эх, жаль, самому не придётся поглазеть на президиум! – Сверкнув неправдоподобно белыми зубами поперёк замызганного лица, прокричал Гуцин, когда Сенька с Глюевым подошли

поближе. – *Но ничего не попишешь, разве его, кабана ненасытного, накормишь? Не бросишь ведь!* – Махнул Гущин в сторону арбузно-алого прямоугольника агломерата.

– *Не беспокойся, батя, постараемся и сами всё выложить,* – заверил его Глюев и потащил Сеньку в **красный уголок**.

Народу там уже набилось порядочно, и жара висела неимоверная. Маленький тщедушный вентилятор подхалимски обвевал стол ещё не родившегося президиума, на котором ухмыляющийся вечно счастливый Минченко оправлял кумачовую скатёртку, а Маша, та что из дозировки, подталкивала его нетерпеливо локтём, – поторапливайся, мол. Она, как младенца, держала в руках графин с водой и гранёный стакан, готовясь водрузить их на столе. Через графин она, балуясь, глядела в зал, и лица **собранцев**, преломляясь сквозь воду, смешно расплывались.

Чуток в стороне, в тени несуразного, вечно не политого и одобренного окурками фикуса сидел с папкой, в которой уютно дремал отчёт о проделанной работе, **неосвобождённый** предметкома Цовик.

Все, а всех набралось человек сорок, нещадно курили, лишь горстка женщин сидела в первом ряду и утирала потные лица платочками. О предстоящем собрании никто не говорил, как обычно, что оно нарушило ему неотложное дело, хотя, если подумать, каждый мог бы, как не раз и не два бывало, улигнуть от скучных дебатов.

Бригадир дробильщиков Крохмаль из-за собрания опоздал на рабочий поезд до Синельникова. Серба и Глюев не прочь бы на Днепр смотаться – до темна можно ещё как наплаваться и напляжиться! У Нади вечером свидание с долговязым сержантом, а ещё до этого обязательно погладить юбку, для чего достать в общежитии утюг, а до утюга невредно бы девочке и в столовую забежать. Вообще, собравшиеся в красном уголке – убеждённые

враги нудных заседалок.

Таков уж аглоцех, вернее, коллектив славного горячего цеха, одним словом, тяжёлый коллективчик. И оно понятно. Многие сюда поустраивались после отсидки в высоких широтах, другие пришли за неимением никакой порядочной специальности от некуда деться, третьи – не подозревая, куда идут.

Так что хотя Сенька всего третий месяц в цехе, а уже вроде бы как старожил, – братва здесь особенно не задерживается.

Однако Серба попал в аглоцех по самостоятельной причине, – как он обычно объяснял, из любопытства. Много читал о чудесах автоматизации на заводах тяжёлой промышленности, и вот потянуло, как котика на сметанку. Правда, были у него и другие причины, личного плана, о которых он скромно умалчивал.

– *Давай, начинай!* – Запускает петуха дробильщик Евстафьев, тёзка Глюева, тоже Вовка. – *Хватит шланги продувать!..*

Из первого ряда, там, где женщины, так сказать, из “правительственной ложи”, строго обернулись на него наши руководящие **товарищи**, – Пётр Прохорович Петлюк, как начальник цеха, и гость собрания – зампредзавкома Денисюк. Там же толкуют о чём-то розовый от волнения Цовик и цеховой парторг Краминов, сухопарый и по-военному подтянутый.

То ли от нашего глухого ропота, то ли по указанию начальства, однако, в конце-концов, Соломон Цовик грузно проходит за стол, осторожно неся тоненькую папочку с отчётом и, зачем-то заглянув в неё, объявляет собрание открытым.

– *Ну, что сказать, товарищи?! Всего у нас на отчётный момент 67 членов профсоюза, присутствует 45, собрание правомочное...*

Против продолжения **работы** никто не высказался, но всё же голоснули для проформы. Потом оратор принялся бодро сыпать цифрами – процентами перевыполнения и роста, сравнениями с прошлым и позапрошлым периодами. Чувствовался опытный, математически крепко подкованный инженер, рыцарь

логарифмической линейки, но, судя по остановкам и тому, как он тяжко, словно чугунные болванки, ворочал глыбы слов “экспериментирование” и “интенсификация”, оказался далеко не Цицерон.

*– Товарищи! Под руководством цеховой парторганизации цехком вёл повседневную работу по сплочению коллектива и повышению производительности труда. За отчётный период поступило на работу в цех 106 человек, уволилось 123, в настоящее время в четырёх производственных сменах трудятся 87 человек вместо 128 по штатному расписанию, так что постепенно мы теряем людей, не удалось справиться с нехваткой **рабочей силы** и текучкой, наоборот...*

В то же время, товарищи, местком распределил среди лучших рабочих восемь путёвок в санатории, 22 – в дома отдыха и 81 – пионерлагеря. Из них 77,7 % по сниженной стоимости, а 11,1 % – бесплатных полностью за счёт профсоюза...

Смена мастера тов. Зыкина вступила в борьбу за почётное звание “Смены коммунистического труда”... В цехе более 98 процентов рабочих и служащих охвачено социалистическим соревнованием и ударничеством.

Одновременно с этим, цех ежемесячно перевыполняет производственные задания на уровне 104-112 процентов и занимает второе место в соревновании по заводу...

Производительность труда рабочих цеха выросла за 7 месяцев против запланированного роста на 4,5 процента и до конца года ожидается рост уже на 27,3 процента...

Собираемость профсоюзных взносов постоянно на уровне 100 процентов.

Я думаю, товарищи, что учитывая к тому же ещё и вылазки за город, культпоходы в драмтеатр имени Щорса и регулярные дежурства рабочих и служащих в составе патрульной дружины, надо сделать вывод, что цехком проделал некоторую работу, – скромничая, закончил свой доклад Цовик.

Председательствующий на собрании **член профсоюза** парторг Краминов объявил прения.

– Ну кто, товарищи, желает заметить что-либо по докладу?

– Пригласил он, безнадежно улыбаясь. – *Первому – без регламента!*

Твёрдо знал он по немалому предыдущему опыту, что теперь-то и начинается самое тяжкое в любом рабочем собрании, – поднять людей на разговор. Но и знал также Краминов, как, в сущности, невелика польза от большинства этих, внешне работоспособных собраний. Разойдутся по домам люди, а через месячишко, смотришь, запылились в папке нового предцехкома дельные и острые замечания рабочих.

– Ну, кто же, всё-таки, на почин?!

– Я, разрешите, я скажу... – Поднялся из рядов Серба.

С первого ряда на него, ободряя, отечески посмотрел Петлюк и с гордым видом наклонился к предзавкома Лупиносу. Что он говорил, нетрудно было понять по выражению лица, – вот, мол, какие орлы у меня в цехе. Полюбуйся! Таких упрашивать не надо...

Орёл достал захватанную записную книжечку и, поглядывая на страничку с цифрами, забасил чётко и внятно, так что все от удовольствия заёрзали на скрипучих колченогих стульях.

– Не буду о самом докладе, товарищи, который очень сухо отобразил цеховое житьё-бытьё, да и не в культпоходах и не в путёвках оно. А касательно работы смен и совсем зарпортовался уважаемый Соломон Ильич.

Хочу сказать, что второе место по заводу и все мировые показатели – натуральная липа, подделка для отвода глаз от реального положения дел.

– Что за чушь вы несёте, Серба, – спохватившись, вдруг привстал со своего места Петлюк, начиная распознавать истинный характер выступления парня.

– Давай-давай, Сенька! – Кричали с места. – *Не зажимайте*

мужику рот, начальники!..

Обрывая молодым баском суету, Семён продолжал:

– Так вот, значит, что получается. Рост производительности на 27,3 процента получился за счёт систематических наших переработок, за счёт нехватки рабочих.

Например, я кручусь, как ролик в подшипнике, и обслуживаю и реверсивку, и 56-й, и 57-й транспортёры возврата, потому что возвратчик уже месяц, как уволился, а поставить другого некого. И вот потому, что 87 человек вкалывают за 128, и получается бешеный рост производительности труда.

А разве так надо? Надо автоматизировать цех не на бумаге, а на деле, и этим сократить необходимость в рабочих, а не уповать на то, что люди смогут обслуживать механизмы вдвое меньшей численностью...

Зальчик вытянул шею и молча слушал. И только когда Краминов, тоже молча, показал пальцем на часы, предупреждая, что истёк регламент, Семён вопросительно посмотрел на людей, Евстафьев, как бы от имени всех, а молчанием своим все подтвердили его полномочия, выразился просто и ясно: – *Чего там, поливай! Балакай, сколько надо!..*

– Так я недолго, ребята! Хочу только ещё сказать, что постоянная нехватка людей здорово экономит по цеху фонд зарплаты, а значит, резко против плана снижает себестоимость агломерата, за что премии и грамоты руководству...

– Правильно кроешь, сынок! – Послышался с порога голос Гущина, который не вытерпел неведения и на минутку заглянул в зальчик.

– Идите к агломашине, Гущин! – Зло оборвал его Петлюк, но в поднявшемся гаме слова его не дошли до адресата. Тем временем Серба под крики и аплодисменты соскочил с подмостков.

Конечно, выступивший вслед Петлюк не стал даже опровергать

дробильщика, он намекнул только, что лучше бы тому не начинать свой труд в заслуженном цехе с демагогии. Потом он рассказал, каких похвал добьётся коллектив, если освоит производство новой продукции – железорудного агломерата.

– Вы только представьте себе, вы дробите железную руду, добавляете флюсы, спекаете в агломерат и прямёхенько, минуя доменную печь, загружаете этот агломерат в мартен и выплавляете сталь! Это же революция в металлургии! Так давайте работать, ребята, а не болтать безответственно и безграмотно!

Но собрание, знавшее умение Петлюка сказануть учёную речь красиво и убедительно, на сей раз не попало на хозяйскую удочку. Уж больно сильно и прицельно стеганул Сенька по сердцам старых агломератчиков и дробильщиков.

– Не то вы объяснили, Пётр Прохорович, что мы хотели послушать, хотя и железорудным агломератом люди наши интересуются, – прокашлялся бригадир дробильщиков Крохмаль. Высокий, широкогрудый, справедливый Иван имел таки непростое уважение со стороны работяг.

– Здорово до вас дробил брехню Сербя. Раздолбил на мелкую фракцию. Я и не догадывался, что все наши показатели – брехня, зато теперь понимаю, что к чему. Действительно, об этом не только побалакать надо, но ещё и в парткоме поднять кое-кого на просвет. Или возьмите, братцы, вентиляцию.

Я как-то разговорился с Емельянычем. Оказывается, тридцать тысяч рублей не освоены в прошлом году цехом на вентиляцию, на улучшение условий труда. В этом году вообще ни одной вытяжки не поставлено, ни одно окно в галереях и в дробилке поворотной фрамугой не оборудовано. А мы задыхаемся в пылюке, иногда наощупь передвигаемся по дробилке, как в тумане, и не видать подавальщику, сколько боксита несёт 8-я лента, значит, не знает он, увеличить или

уменьшить подачу. А потом, когда застопорится дробилка, за те 30 – 40 минут, что мы лопатами разгружаем ленту, теряем 30 – 40 тонн **мелкой фракции**. У нас ведь как в цехе заведено, – большого запаса дроблёного боксита не держим, работаем на подхвате. Бывает, мы застопоримся, а из-за нас останавливается спекание...

– Ну, будет, будет, Крохмаль, – попытался успокоить хозяйственного бригадира Петлюк, – разберёмся, выясним, – гипнотизировал он мужика, но бушующее пламя только вскидывается от воды, и разошедшиеся люди наговорились лишь к полночи.

– А ты – артист! Играешь Павку Корчагина?.. – Подкусил Сербу в проходной зампредзавкома Денисюк, когда расходились по домам, торопясь на последний трамвай. Обиженный его **безголосостью** на собрании, Сенька огрызнулся, невзирая на чин: – Не “ты”, а “вы”, между прочим... И кто из нас кого играет, ещё не ясно!..

Наконец, наступил вторник, и последний час работы показался Сербе длинным и, главное, бессмысленным.

– Гробимся тут, а кому оно надо? – Пожаловался он пробегавшему мимо Евстафьеву. Тот охотно тормознулся, опёрся на свою знаменитую лопату и по привычке подтравил:

– Что, заработался, правдоискатель? – Увидев же солидную кучу пыли, которую Сербе ещё предстояло перевезти тачкой в бункер, Вовка, не дожидаясь приглашения, взял лопату наперевес, играючи набросал полную тачку и, ловко лавируя между металлическими конструкциями, отвёз её и вывернул в специальное отверстие бункера.

– Ты вот что! – Продолжил он свою мысль, опрокидывая седьмую тачку. – На выходной идём, или как? На выходной! Так приходи завтра на лодочный причал часа в три, поедем по рыбу

на Старый Днепр, если погода удастся. А то уже пора **сезон** закрывать.

О том, что у Володи Евстафьева есть моторка, Серба не знал и, конечно, обрадовался.

– Ты серьёзно, Вова? А кто ещё будет? – Допытывался он у Евстафьева.

– Кто да кто? Какая тебе разница! Ну, Глюев с **жинкой**, мы с Тамаркой, а ты – не знаю с кем. Короче, приходи, как договорились, но смотри, чтоб калым не забыл, – крикнул он, выразительно щёлкнув пальцами по горлу.

– *Годится!* – Ответил Серба уже исчезавшему в облаке рыжей пыли Евстафьеву, и, собравшись с силами, рванул с места тяжёлую тачку.

Об интересном разговоре Сенька вспомнил вечером, торопясь на площадь, где назначил свидание Ирине. Он намеревался пригласить её на завтра на уху. Любил Сенька утереть носы парням помоложе и оделся со вкусом.

Строгий тёмный костюм сидел безукоризненно, так как и должен сидеть на двадцативосьмилетнем мужчине, ещё не утратившем спортивной подтянутости. Белую поплиновую сорочку, разумеется, предельно свежую, из-под утюга, украшал его лучший песочного цвета галстук. По его полю скакали коричневые кенгуру. Подарок отца. Очень модный, узенький, “змейка” – галстук исторгал слюни зависти у многих. Нейлоновые носки подобраны в тон галстуку. Правда, старенькие, когда-то чёрные туфли немного портили парадную картину, но Сенька так старательно их нашвабрил, что блестели, как новые. Жёсткие чёрные с синевой волосы лишь накануне поправил знакомый парикмахер, от них исходил сногшибательный запах “Красной Москвы”. Глаза смеялись.

Выскользнув из трамвая, Сенька заботливо взглянул на зверски начищенные туфли, излучавшие полярное сияние – не наступил ли кто в трамвайной толчее. И так вообще осмотрелся, всё ли в

порядке. Небрежно чиркнув спичкой, затаился “Краснопресненской”, – тогда только входили в употребление сигареты с фильтром, – и направился к гранитной игле обелиска, где у основания белела мраморная плита с надписью в память павших в революционные дни местных борцов с неподходящим для них царизмом. На часы он не смотрел, уверен был, что явился во-время.

Не увидав Ирины, он стал готовить себя к тому, что она не придёт.

– Дурак бестолковый, поверил сопливой девчонке!.. Ничего у нас не получится! Надежда Павловна, видать, посоветовалась с подругами и запретила Ирине и думать о мужике с двумя детьми...

Внутренне он досадовал, даже злился, так как его, с одной стороны, почему-то непреодолимо тянуло к Иринке, а с другой, – не в его обычаях, чтобы любовное приключение не удавалось. Правда, он даже не пытался, против обыкновения, познакомиться с кем-нибудь ещё за последние месяц-два, что само по себе настораживало Сербу, так как он привык вести себя с бабьём расхлябанно, считая себя **удачником**, никому из юбочниц не верил, и, по собственной самооценке, превращался постепенно в заурядного шалопаю. Однако его неудовлетворённость ситуацией с Иринкой говорила за то, что он ещё не был испорчен вконец и что крепкая любовь ему ещё предстоит.

Но всё-таки она пришла!

– Извини, Сенечка! – Театрально-пышно начала она, как школьница на последней репетиции драмкружка, но он так обиженно посмотрел на неё, что она сразу же переменяла тон и перешла на более естественный.

– Извини, Сень, мама мне кое-что крахмалила... А ей куда спешить, бежать-то мне, не ей!..

– А я тебе разрешаю опаздывать! – Вдруг великодушно отозвался Сенька. – *Так даже интереснее. Ждешь и умные мысли*

приходят...

– А я знаю, какие! – Радуюсь, засмеялась Ирина. – Не придёт, так и ладно. Все они такие! Но я взяла и пришла. Вот! Мы же договорились вместе жизнь прожить. Или ты передумал?..

Она повернулась на каблуках так резко, что Серба увидел, как стройные загорелые ноги снежно захлестнул подол крахмаленной нижней юбки, то, над чем трудилась Ирина мама. Он внимательно посмотрел на девчонку, – уж очень соблазнительно смеялась Ирина, – и с удовольствием **констатировал**, что одета она хотя и скромно, но с ней не стыдно будет показаться на главной улице, где гуляки центрального **Брода** на просвет знали друг друга и где сплетни всякого рода возникали, как огненные бомбы в жерле вулкана, и могли испепелить Помпею любой неосторожной души в момент.

Серба и Ирина медленно шли по ночной улице шумного южного города в пестрой толпе догуливающих лето, в голубых сполохах неоновых реклам и в мягком шуршании “Волг” и “Москвичей”. Семён рассказывал Ирине о прошедшем шесть лет тому назад в Москве фестивале молодёжи и студентов так, как будто он закончился вчера, а Сенька всего полчаса, как сошёл с трапа самолёта, переполненный впечатлениями.

Оказалось, что одна из подруг Ирины тоже была на фестивале, и разговор стал двусторонним.

– Если ты не против, давай заглянем хоть сюда! – И Серба потащил Ирину прямо в огненно-жаркую дверь ресторана “Театральный”.

– Что ты! – Вскинулась Ирина. – Я же никогда ещё не бывала в таких местах. Нет, я не пойду! Ты что, все знакомства начинаешь отсюда? – Вызывающе спросила она, и ему показалось, что он обидел девчонку глупым предложением и что Ирина теперь, сейчас же уйдёт от него, что представлялось ему ужасным несчастьем. Испугавшись такой перспективы, он так просяще посмотрел на неё, что Ирина, заглянув в Сенькины глаза,

сказала заговорщически:

– Ну что ты, Сенечка, не вздумай обидеться! Я же так просто болтнула про всех. И если ты хочешь, то и пойдём сюда!

– И она кивнула на страшную дверь. – *Да мне и самой, честно говоря, любопытно!..*

Надо ли опровергать, что Серба за свою долгую бурную жизнь бывал в ресторанах не так уж и часто. Не то чтобы не любил в них развлечься или строил из себя трезвенника, а просто всегда в конкретный момент не густо было с деньгами, которых уйма уходила на одеться и обуться соответственно времени. Но виду он не подал.

Швейцар в зелёном с жёлтыми, под золото, кантами мундире провёл их в зал, где почти все столики оказались заняты. Сеньке удалось отыскать глазами свободный стол у окна, и они направились туда.

Казалось, все мужики в зале, а **гудели** в основном они, любимые, нагло уставились на Ирину, и Сеньке захотелось крикнуть, перекрывая оркестр, неграмотно, но приятно наявивший “Маригуану”: – *Чего уставились, жлобы?..*

Наконец, подошёл официант в неопрятной **засмальцованной** поварской куртке, артистично-небрежно смахнул на пол со скатерти крошки и объедки от предыдущего пиршества и **принял заказ**. Серба попросил по салатику, чахохбили, бутылку муската и сладости на усмотрение начальства. Официант приторно-любезно уточнил насчёт сладостей у Ирины, но она, затрудняясь, сказала, что будет есть любые.

На удивление быстро на столе появился яркий, как лето, салат из помидор, две порции пышущего жаром и жиром чахохбили из цыплят в красном, как перец, и в действительности состоявшем в основном из жгучего перца соусе. Мясную композицию завершали, как последняя находка общепитско-поварской изобретательности, ломтики лимона.

На коробке конфет красовались мрачные чёрно-коричневые

шахты, перехваченные голубой ленточкой графика с цифрами предстоящего роста добычи угля за **семилетку** в 1959-1965 годах. Никакой связи с кондитерской промышленностью рисунок на конфетной коробке не представлял, но конфеты, как потом оказалось, оказались классными.

Мускат тоже как для господ – приличный “**Прасковейский**”.

Ирина при виде такой обильной снеди ужаснулась и всплеснула руками:

– *Сенечка, неужели мы съедим эти штуки?*

– *А почему бы и нет?* – Не согласился Серба, наливая в рюмки муската.

– *Скажи тост, Иринка,* – попросил он. И она, неожиданно даже для самой себя, сказала:

– *Давай за то, чтобы ты больше не приводил меня сюда!*

Ирина с трудом одолела рюмку, хотя вино ей понравилось. Серба сидел ужасно гордый, с независимым видом поглядывая на соседние столики, и настолько осмелел от вина, которое он упорно продолжал пить один, что пригласил Ирину танцевать. Соседи давно уже наперебой приглашали её, но она отказывала, не желая обидеть Сенечку, безмятежно улыбаясь и уничтожая конфеты.

Дело шло к закрытию заведения культуры и разврата, официанты, нагло позёвывая, уныло убрали с опустевших столиков грязную посуду, оркестранты запаковали инструменты в чехлы и направились к буфетной стойке распить на дорожку по рюмке. Ирина опомнилась и прошептала:

– *Давай мы теперь убежать будем. Сенечка, ведь если я приду после двенадцати, то мама отпускать меня больше по вечерам не будет! После того случая в парке у неё совсем с нервами плохо...*

Без двадцати двенадцать они быстро расплатились и выбежали на улицу. Там уже, оказалось, успел пройти дождь, и чистенький влажный асфальт отражал огни зданий. Поддерживая Ирину, Серба забрался с ней в автобус, первый подвернувшийся, и

они понеслись по ночным улицам. В ресторане вино ненадолго развеселило и расслабило Сербу, а в автобусе настроение стало падать.

“Действительно, – пришло ему в голову, – зачем я потащил Иринку в этот непристойный каба́к, где все на неё так похабно глазели?!”

Потом ему вспомнилось недавнее посещение Людмилы, заточённой в убогом больничном изоляторе. Он не мог до сих пор отойти от её нелепой болезни, от бессилия врачей, от predeterminedности жуткой судьбы, не мог полностью выбросить **данный случай** из головы.

– *Мне кажется, что ты грустишь, отчего?* – Притронулась Иринка к его растревоженной душе нежными губами сочувствия.

– *Да-да, конечно,* – откликнулся Серба и начал медленно, то и дело останавливаясь, чтобы вспомнить детали, рассказывать ей историю с Людой.

– *Как же так,* – завозмущалась Ирина, – *на другие планеты собираемся лететь, а человека спасти не в силах. До чего же слабы мы, люди!..*

– *Да, ты права, пока что слабы, и человек не всё может, но зато он всё хочет мочь, а это уже, согласись, немало для начала. И что меня особо, Иринка, сбilo с толку, так то что мерзавец тот из типографии даже ни разу в больнице не появился, а ведь ему звонили! Ну, попадись ты мне!..* – Закипал Серба.

– *А я бы таких вешала!* – Простодушно-кровожадно заметила Ирина.

Вскоре они выбрались из автобуса и за пару минут дошли до Садовой, к небольшому домику из красного кирпича, стоявшему в глубине яблоневого сада на окраине Чаривного посёлка.

Сенька крепко обнял Иринку, а она в ответ прямо приклеилась губами к его губам. Но вдруг скрипнула калитка и Иринка пружинно вырвалась из Сенькиных объятий и рванула к

дому, потому что поняла – мама не спит и выходит на улицу загонять гуляку в дом.

Насчёт намеченной с Глюевым рыбалки ему так и не пришлось на ум переговорить с Иринкой...

Лодка тупо уткнулась в песок, и первым с неё соскочил распатланный, возбуждённый Евстафьев, по-своему приглашая высаживаться:

– *Вылазьте, чертяки полосатые,* – завопил он на всю округу, – *а не то – назад отвезу!*

И окрик его действительно был необходим, потому что от долгого сидения у Клавы Глюихи **позатекали** ноги, сам Вовка Глюев тоже волновался перед празднеством, причёсывая пятернёй свой совершенно лысый череп, а Серба заглушил “Стрелу” и, блаженно разгибая и невероятно хитро свивая руки, **выламывался** на корме. Жена Евстафьева Тамара стеснительно натягивала на заголённые белые коленки трепещущий от ветерка подол и мечтала выйти из лодки последней.

Наконец, разгрузились, и оказалось, что добра навалено на берегу порядочно. Мужики призвали Клаву и Тамару разобраться в барахле и подготовиться варить первым делом уху, так как по обещаниям мужей выходило, что вскоре они станут обладателями богатого улова. Послушать их, так у самого берега, там, где потрясает чёрными узловатыми мослами сучьев коряга, стоят в тихой заводи, согнанные умными сторожевыми щуками, в ожидании рыбаков несметные полчища судака, окуньков, карпов карповичей, и, на худой конец, жирых пузатых карасей.

– *Но караси костистые, твари, я их буду обратно выкидывать,* – пообещал Евстафьев. Тёзка его Глюев притащил тем временем из лодки удочки, подсечки, детское, с красными яблоками по борту, ведёрко с червями, баночку из-под чая, где, если открыть, радовала знающего человека коллекция крючочков, блесен, грузил и грузилок, поплавок, мармушек, просто пробок и

моточков капроновых лесок, и ещё и ещё множество всякой всячины. Прижав к тому же под мышкой правой руки болотные сапоги, он уволок драгоценные премудрости для мужских забав в направлении коряги.

Так получилось, что была задумка сплавить порыбачить на Старый Днепр, а по ходу пьесы Евстафьев переиграл и направил лодку к Хортице, к строящемуся железнодорожному мосту. А в этом месте особо не нарыбачишь...

Удручённый вчерашней забывчивостью, Серба тем временем лазил под прибрежными кустами, собирая сухие хворостинки, жухлую траву, сучки и прочий **хмыз**.

– *Дохлое дело*, – заметил на всякий случай, стоя за спинами Глюева и Евстафьева, нигилист Сенька после того, как умело разложенный им костёр взметнулся ввысь, потрескивая на влажном песке. Клава чистила картошку, Тамара с ведром ушла вдоль берега в поисках особо чистой воды. Рыболовы суетились, бегая поминутно к коряге, чтобы проверить удочки. Однако они уже натаскали с десятков не очень видных краснопёрок, попутно рассказывая друг другу невероятные истории.

– *Туман садится, рыба спать уйдёт*, – смиренно отметил Евстафьев, прикуривая сигарету от окурка Сербы. – *Ты говоришь, дохлое дело, а почему? Вот если б ты сам умел таскать, тогда б я поспорил с тобой, а так ведь что, непонимающий ты в окуне человек, Сенька...*

– *Как раз и не угадал, Вова, смыслю кое-что. И если уж на то пошло, расскажу тебе случай один, хочешь – верь, хочешь – нет, был со мной в прошлом году на Рябом острове. Тоже вот так, или в сентябре, или в начале октября...*

Рыболовы настожились, прислушиваясь. Расположившийся неподалёку старикашка тоже обернулся на громкое начало.

– *Так вот, поехал я с одним соседом своим, Фёдором Иванычем, что в театре Щорса на вешалке работает. Сидим вот так, как вы, и дёргаем, сидим и дёргаем. Ведро мелкоты до*

обеда надёргали, а стоящего ничего не попадается. Подзаправиться уже собрались было, когда у меня как следует потянуло. А я на камне сидел. Начал я осторожно **выводить** зверя. Вижу уже, что пудовая щука на **гаке**, руки трясутся, боюсь за удилище, а за леску – спокойный, чехословацкая, двухпудовую гирю вытерпит.

Материл я, материл **хозяйку**, – не идёт на мелкую воду, хоть плачь. Когда, наконец, удумала, стервоза, то, шасть, и прямо на меня, то есть, на камень, на котором я пританцовывал с удилищем в обнимку, бросается.

– На тебя прямо? – Разинул рот Глюев, забыв про собственное удилище.

– Да тяни ж ты! – Толкнул его слегка Серба. – Не видишь, верховодка глотанула!

– Ну её, мелочь. Ты рассказывай, – отмахнулся Глюев, а Евстафьев захохотал.

– Ну, бросилась она ко мне, а я туда же, ей на помощь нагнулся! И в этот самый момент у меня из кармана пиджака бумажник сделал **оверкиль** и – фьюить! – в воду...

– Да ну! – Задрожали рыболовы.

– Вот вам и “Да ну!”. Хватанула щука портмоне и будь здоров, не кашляй! А там паспорт, пропуск на работу, восемьсот рублей отпускных... Ну, думаю, вот так ты съездил в Ялту, Семён Станиславович.

– Везёт же людям, – неведомо кому позавидовал Евстафьев.

– Ну, так дальше слушайте! Прихожу я послезавтра в милицию, пишу объяснение об утере паспорта. Капитан внимательно так, почти душевно отнёсся, терпеливо выслушал и говорит: “Бросьте, Серба, попусту трепаться, скажите лучше честно, что от брачного штампа избавиться таким путём мечтаете. Но мы за этим, будьте уверены, следим – во-о! И в новом паспорте всё как было нарисуем. Так-то парень...”

Напрасно я объяснял ему, что ничего противозаконного не

замышляю и всё такое прочее. Глупо, конечно, что они там все лопухи-лопухами, не верят рыболову ни на грош. Не принял капитан у меня объяснение, иди, говорит, подумай, а через недельку заглянешь, не забудь, говорит, у тёщи сотенку на штраф прихватить...

Ушёл я расстроенный. Когда стучатся вечером, открываю – Фёдор Иванович. Не входит, я, говорит, в пижаме, и манит меня на площадку пальчиком. Зайди, мол, Сеня, ты ко мне на пару секунд. Захожу. Заводит на кухню свою хваленую семиметровую. На столе у них там щука лежит, ну, ей-богу, как ленинское бревно. Разделанная, понятно, честь-честью. А рядом бумажник мой, наполовину переваренный. Не поверил я, разворачиваю. Действительно, всё как есть. Деньги, паспорт, пропуск – в целости.

– Ай-яй-яй! – Присвистнул Глюев. – Ловко режешь правду-матку!

– А я Семёну верю, – сознался Евстафьев, – железный случай!

- Так вперёд, возьми на вооружение! - Посоветовал Глюев. - Ну, а с милицией что же?

- С милицией было так. Захожу потом к капитану, рассказываю. Он посмеялся от души, а потом и говорит, что, мол, ну и заливецик ты, Серб, экстра-люкс! Но хорошо, что вовремя осознал, глупостей не наделал! А я стою, голову повесил, и думаю про себя, что не стоит тебя, капитан, разубеждать, будь по-твоему... Щуку же неделю ели всем подъездом.

Клава незаметно унесла от заболтавшихся друзей ведёрко с рыбой, и вскоре аромат душистой похлёбки дошёл и до их сознания.

- Рота, встать! Смирно! - Гаркнул Евстафьев. - Левое плечо вперёд, на камбуз шагом марш!..

И робинзоны без проволочек уселись вокруг ароматного котла. С некоторых пор Серб терпеть не мог даже вида водочных

этикеток. Но и он хлебнул полстакана, как за плечо кинул. Клавуля пила наравне с мужем и вначале она не понравилась Сербе, показалась распущенной и неинтересной в разговоре, так как, по его убеждению, женщина создана для пенных вин, а не для грубой сивухи, но потом он, пьянея, согласился, что, пожалуй, иногда не стоит манерничать.

Вспомнив Иринку, ужаснулся, представив, как она, содрогаясь и корчась от отвращения, глотала бы обжигающую мерзость. Нет, она не пила бы, решил он, но мысли о Ирине, о нескладном финале вчерашней встречи не покидали его, и наплыло грустное и непонятное состояние, в котором захотелось побыть одному, и он, резко вскочив, медленно побрёл к берегу, глубоко проваливаясь в сухой тёплый песок.

За Днепром открывался расплывчатый, мягкий вид на город, на бетонные громады щедро чадящих заводских корпусов, на стремительные просеки проспектов. Как будто Семён хотел рассмотреть в зелёных лентах прибрежных парков Ирину, сидящую на скамейке под пышной акацией. Или её же, сбегаящую по широкой лестнице главного спуска к Днепру, или отчаянно бросающуюся за мячом на волейбольной площадке. А то ещё он представлял её себе студенткой, хотя, если честно, пока что ничего о ней толком не знал.

Сеньку пробудило прикосновение руки Вовки Глюева. Попыхивая сигаретой, тот тоже смотрел на утопавший в солнце город. Караван облаков подходил величаво к оранжевому, уже осеннему солнцу. И вот на минуту одно из них закрыло диск, чтобы мимоходом натереть его до блеска.

- Здорово! - Отозвался Глюев. - Так вот яблоко выкручивается красным бочком на ветке, а подует ветер, и спрячется оно в листьях. И стоишь, как дурак, ждёшь, пока ветка не отклонится, не покажет его тебе опять в листве облаков...

“Солнце - яблоко в листве облаков?.. Ну и ну!” - Изумился про себя Серба, а вслух сказал с мягкой укоризной:

- Почему же , как дурак? Счастлив тот, кто понимает красоту природы. В каждом из нас, видно, поэт сидит, но по скромности слушать предпочитает. Тебе облака листьями вообразились, Володя, а по-моему, они ленивых верблюдов напоминают. Вышагивают себе неотвратно и вечно, тащат дожди на своих горбах, наделяют ими земли по справедливости и если и заслоняют солнце когда, то затем только, чтобы тень охладила кого-нибудь на земле... Но у тебя лучше вышло!..

- Ну, ты, какую идею загнул, я и не подумал... Верблюды! А ведь действительно... Ишь ты! - мотнул головой Глюев. Друганы присели на огромный плоский валун.

- Расскажи мне, Вова, что-нибудь из своей биографии необычайное. Приключение, допустим, или тайну.

- Ничего у меня такого не было, а плохое не хочется вспоминать...

- Ну как же, хорошего разве хоть сколько-нибудь не было? Любовь, например, невероятной силы, или и любви ты не испытывал необычайной?

- Были бабы, да вспомнить нечего. Разве то любовь?

- Ну, раз хорошего не имел, просто значительное что, пусть подлость даже, но вспомни!

- Подлость? Подлость, Семён, для кого как! Что ты, например, можешь знать о ней, ты? Молчишь? Потому молчишь, что хоть и мотало тебя по свету, но мотало в лёгкое время и настоящей горечи ты ещё не нюхал... А я в сорок третьем умирал однажды, и жив потому только остался, что другого **порешил**. Думаешь, почему это Глюев хмурый и пысыый, двух слов не свяжет? Потому что по 136-й десятку тянул в Норильске.

- Неужели ты...

- Человека убил? Было! За ведро муки. За ведро! Вот и выходит, за другого живу. А думаешь легко не за себя жить, жить и знать, что чужие годы в тебе стучат, легко ли?..

Глюев и Серба одновременно оглянулись в сторону костра, от

которого понеслись развесёлые голоса Клавы, Тамары и Евстафьева: *"Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвэла..."*

Глюев поднялся и тяжело зашагал к лодке. Когда Сенька предложил народу сворачивать лавочку, потому как водку выжрали, а сома не поймали, все потянулись, кто в кусты до ветра, кто собирать барахло. Не прошло и полчаса, как в лодке уже суетились Клава и Тамара, укладывая как попало скомканные вещи и сумки. Естафьев выпил больше всех, но уверенно громоздился на корме, присаливая из коробочки с солью желтоватую на мелководье волну.

- *По машинам!, туристы-капиталисты!* - Заорал он, кривляясь и запуская мотор. - *Эй, кто там на носу, **отпихивайся!***

Серба, ввинчиваясь босыми ногами в мокрый прибрежный песок, вытолкнул плоскодонку на поглубже, и вскочил на борт, заторохтел цепью, укладывая её на носу. Всматриваясь в надвигающийся город, он твёрдо решил постараться сегодня всё же увидеть Ирину.

Ещё из города, собираясь на работу, Серба увидел, что из трубы аглоцеха валит красновато-лиловый дым - значит, смена Зазыкина перешла на спекание опытного мартеновского агломерата. Переодевшись и сбежав вниз на третий этаж к распахнутой двери диспетчерской, Семён услышал, как **выхвалялся** Зазыкин, передавая смену Цовику:

- *Девяносто две тонны отгрохали, Соломон Ильич, но зато и попотели порядком!*

Правда, по Заыкину нельзя было сказать, что он здорово попотел, но тяжело простучавшие бутсами, устало ухмыляющиеся, грязные, как идолы, ребята из его смены - живая реклама и подтверждение зазыкинской похвальбы.

- *Ну, что расселись? Панели кто после вас мыть будет? Сколько вам долбим, убеждаем, - не отирайте стены, вы же в рабочей робе!* - Послышался хозяйский голос поднимаемого к

себе на четвёртый этаж Петлюка.

- *С добрым утром, Пётр Прохорович!* - Кинулись к нему Зазыкин и Цовик, а он, кивнув им в ответ, сняв шляпу и потирая свежевывернутый подбородок упругой утренней ладонью, молча вполуха и вполоборота начал слушать донесение Зазыкина.

- *Ну, хорошо, пойдёте ко мне! Надо проанализировать работу ночной смены более детально!* - И, неприязненно смерив взглядом Сербу, с нескрываемой насмешечкой глядевшего на него, удалился в сопровождении мастеров и бригадиров. Обычной планёрки перед сменой не получилось, и ребята уже направились было на выход, расходиться по рабочим местам, как их окликнул сверху Краминов.

- *Наше почтение парторгу! Приветик!* - Отозвалось несколько человек.

- *Чего там новенького, Евсеич?!* - Задрав подбородок, крикнул ему Евстафьев.

- *Обождите минутку, дело есть!*

Лениво поругиваясь и щёлкая семечки, перед входом в цех собралось десятка три рабочих - чистеньких, только из-под душа, зазыкинцев, и переодевшихся в жёлто-бурые от бокситной пыли комбинезоны и куртки ребят смены Цовика. В дверях вскоре **нарисовалось** начальство во главе во главе с Петлюком. Тут были и Зазыкин, и Цовик, и цеховой дармоед Минченко, и, наконец, парторг Краминов с тощенькой папочкой в руке.

- *Без бумажки ты букашка, а с бумажкой - ого-го!* - Не утерпел Евстафьев.

- *Товарищи,* - начал Краминов, - *партком цеха поручил мне объявить вам решение специальной комиссии, образованной в своё время для расследования беспочвенных обвинений рабочего Сербы в адрес руководства, сделанных им, как известно, на отчётно-выборном профсоюзном собрании. Кое-какие мелочи и недостатки действительно подтвердились, вроде не вполне удовлетворительного состояния вентиляции, периодического*

нефункционирования душа в раздевалке шестого этажа и тому подобные мелочи. Руководство цеха знает об этом и включило необходимые работы в коллективный договор. Но основное, отмечает комиссия, обвинение руководства цеха в получении каких-то премий не подтвердилось, так как никто в текущем году премий ещё не получал, а премия в сумме четыре тысячи рублей, выделенная цеху за освоение мартеновского агломерата, ещё даже не распределялась. Так что демагогические обвинения Сербы не что иное, как преднамеренная клевета. Комиссия рекомендует поставить вопрос о неблагоприятном поведении его на товарищеском суде.

- А теперь - за работу! - Внушительно подытожил Петлюк и хотел было **сквозонуть** в дверь.

- Но почему же комиссия не заслушала Сербу и нас? - Громко спросил Глюев. - Нечестно это, не по правилам...

- И ты, Глюев, хвост поднимаешь, мать твою в три погибели!

- Рассвирепел, оборачиваясь, хозяин цеха. - Я вас научу работать, **сачкодавы!** Марш запускаться!

- Не больно загибай, Прохорович! - Степенно остановил его старик Лукас. - Хотя и хозяин ты, но никто правов не давал тебе матюкаться! Окстись, не туда гнёшь!..

- Вот видишь, Лукас, до чего распустились, да ещё как распустились! - Немедленно славировал Петлюк. - Если вы кроете где-нибудь в дробилке так, что хоть топор вешай, то это правильно, а если начальник для дела, для воспитания подчинённых высказался покрепче, так он не моги! Где же логика?

- Где логика, я не знаю, Прохорович, но тебя-то ни один работяга никогда не крыл ещё, разве что за глаза, а ты?

- Ну, ладно, ладно, за работу. Что-то мы слишком расфилософствовались.

И когда Серба взбежал на реверсивку, там уже всюю трезвонил телефон. В трубке послышался голос Маши:

- Ну, как вы там, готовы? Давайте запрос на запуск, спекатели уже **просились!** Я сегодня за диспетчера, заболел Фёдор. Слушайте меня, а то как бы как бы я здесь чего не перепутала...

- Не тушуйся, Маш, пробьёмся! - Успокоил её Сенька. - *Смотри только, если 56-я захлебнётся, сразу звони, а то мы все на бункерах стоим!*

И действительно, день выдался тяжёлый, и хотя сменное задание по железорудному агломерату всего 75 тонн вместо 275 тонн бокситного, но обеспечить их не так-то просто, потому что и без того неполная цеховая автоматизация в данном случае вообще отсутствует - блокировка и одновременный запуск всей технологической линии механизмов от диспетчера выключены, транспортёры переведены на ручное включение, и - смотри в оба!

Да и работа у дробильщиков изменилась. То они колдовали у дробилки, мучались с нетерпящей перегруза лентой, а теперь дробить не нужно - из склада, примыкающего к зданию дозировки, подаётся пылевидная железная руда и сразу, минуя дробилку, попадает на реверсивный транспортёр, загружающий питающие бункеры. Навалив бункера четыре руды, в пятый валят окалину, отход прокатного цеха после охлаждения водой раскалённого стального листа, - она тоже необходима для составления шихты.

То и дело, транспортёр, подающий руду, захлёбывается, не тянет, потому что очень тяжела высокопроцентная руда - 70 - 75 процентов железа. А остановка ленты с рудой - дело гораздо худшее, чем остановка ленты с бокситом, - большую тяжесть приходится сбрасывать людям при ликвидации простоя.

И ещё одна чепуха получается - руда налипает на стенки бункеров, не хочет сыпаться в воронку питателя, и мытарится над каждым из пяти бункеров человек, длинной стальной штангой сталкивая, сошкрёбывая руду, обваливая налипшие на стенки бункеров **капшуки**. Другие двое, Евстафьев и Лукас, неустанно расхаживая по дозировке между питающих тарелок, колотят по

внешней обшивке бункеров массивными кувалдами.

- **Збигај вниз, поможеш постукаць!** – Говорит Сербе бригадир Крохмаль, ворочая в чреве бункера длинным отрезком двухдюймовой водопроводной трубы. - *Вконец залипла, проклятуцая!*

- **На ось! Влупы по йому як слід,** - передает кувалду Сеньке старина Лукас, - *не под силу чтой-то вымахивать становится...*

- *А я вот вспоминаю, как годочка три тому цех выглядел. Работать бы по суткам и не уходить по домам... - Отозвался Евстафьев. - На бункерах, скажем, вибраторы висели. Залипнет, бывало, весной мокрый боксит, - дрр! и шишка обрывается в питатель. А как похозяйничал Петлюк, так кувалды появились, орудия творческого труда, значит... Или в реверсивке тоже, однако, как было, - везде кожухами закрыто, никакой тебе пыли, похаживай да кнопочки **нажимывай**. Наполнился бункерок, - не бойся, что по-уши завалит реверсивную тележку, ни-ни, автомат сам, собака, отведёт её и направит струю в пустую ёмкость.*

- *Почему же не прижилось новое?* - Не понял Сэрба.

- *Потому что построили цех умные, а командовать дураков поставили.* - Закашлялся Лукас. - *Но, между прочим, не наше, сынки, дело это, начальство судить...*

- *Наше!* - Вскинулся Сэрба, решив доказать дедугану его неправоту. - *Я понимаю тебя, папаша, всю жизнь ты только и делал, что вкалывал, воевал, детей сочинял и не было у тебя времени подумать над устройством жизни. Обижался временами, - маловато получил, премией обошли, то да сё, по мелочам как-то, а хозяином завода, жизни чувствовать себя не научился.*

А ведь ты и есть хозяин, а не Петлюк! Он для тебя, а не ты для него. Петлюк не протянет долго. И никакие речи божеские не спасут его от ответа за безобразия.

Вот ты боишься прошибить, отец, письмо в "Правду" не

подписал, а если мы правы окажемся, тоже ведь обрадуешься, а?

- Известное дело, обрадуюсь. Но вот скажи, друг Сеня, никак не понять мне вас, молодых, куда гнёте? Или с властью советской не согласны, или от чего другого так на Петра давите, слова доброго про него никогда не скажете. Как-никак, власть его прислала к нам, ей ли не видать, что за человек? А что тянет он малость за наш работницкий счёт, премийку, скажем, или благодарность в обкоме, так все теперь так, что ухватил, то и тащи. Петлюка уберут, другой лучше не будет...

- Вот-вот, сам и ответил за меня, - где ухватил, там и тащи. А мы - не загадка. Нам, батя, правда дороже жизни. Иначе смысла нет ни в словах высоких, ни в сделанном тобою и всеми нами, то есть, народом, ни в том, что сделать предстоит.

- Или мы не боролись? - вздохнул Лукас.

- Боролись, проливали, как же, не о том речь. Но где-то иные из тех, что наверху рулят, померкли душой, а у нас, народа, ослабло зрение и мы и не заметили, как пристроились к нашему народу прилипала, и тоже вышагивают, может, громче всех покрикивая: "Левой, левой!!!".

- Чтой-то завернул ты, Семён. Непонятно толкуешь.

- Тогда короче и проще, для ясельных. Не из таких, как Петлюк, должна состоять Советская власть. А то, что он говорит складно, не должно сбивать нас. Гнать его надо отсюда. К станку приспособить, деятеля, заставить что-нибудь конкретное и полезное точить или строгать...

- Давайте веселее **постукайте** третий! - Издалека крикнула Надя, заметив, что питатель из-под третьего бункера перестал подавать руду. Два молота одновременно **саданули** по стальной стенке ёмкости. Глухо осели в бункере капшuki, содрогнулась громада металлических конструкций дозировки, из питателя щедро потекла на ленту лиловая рудная масса. По тому, как тяжело прогибалось полотно ленты, как оно припадало плотно к роликам, можно было заключить, что на ленте почти чистое железо.

Евстафьев, отирая со лба пот, нагнулся к Сербе:

- Боюсь я, что Глюев скурвился и отнёс письмо начальнику, не верю что-то я последнее время Вовке. Где это видано, чтобы по три недели "Правда" не отвечала? Квитанцию бы с него спросить...

- Не запускай сплетню по цеху, Вова. Я верю Глюеву, даже если ты ему не веришь.

- Доверяя, - проверяй... Вчера я в "Известиях" одну хохму вычитал. Оказывается, в Москве, переводя транспорт на работу без кондукторов, сократили их шестьсот человек, зато сразу оформили контролёрами полторы тысячи. А зачем? Народ потому что сволочной, доверять нельзя...

- Действительно, зачем? Затем, что и там где-то свой Петлюк сидит и забыл он вторую половину твоей присказки - "проверяя, - доверяй!".

- Ага, прямо так оно по-твоему и делается повсюду...

- Но, Володька, здесь-то ты и врешь, брат. Сколько есть у нас отличных руководителей, человеческих и понимающих свой долг интеллигента. Сам посуди, дурак не мечтает о космосе, бюрократ, я думаю, не организует научный прорыв. самое большее, на что они способны, - довести подчинённого до осатанения, а на это ума не надо. Я где-то читал, что труд становится благом тогда, когда человек хоть и вкалывает, но чувствует музыку работы. Да-да! Именно музыку. Ты чувствовал когда-нибудь желание наработаться до крайней усталости?!

- А знаешь, чувствовал. Пацаном ещё я на танковом заводе на сборке слесарничал. Голодные были, с ног валились, и бабьё почти одно кругом, а из цеха нас насильно уводили. Поспишь, бывало, в инструменталке на ветоши, и опять, как ненормальный, разводной ключ ищешь. Но то же война была, а война, она тебе - ни хухры-мухры с агломератом. Иначе мы не могли.

- Вот видишь, вы не могли иначе! Пройдут годы, кто-то из нас сдаст, вероятно, выдохнувшись физически, или, надломившись душой, кого-нибудь **сдаст**. Такова диалектика, Вова, но сейчас мы можем иначе.

Евстафьев бросил через плечо окурок и яростно, вслед за Сербой, бросился с кувалдой на сталь бункера. Руда, зависшая на стенке многотонным огузком, чуток дрогнула от непрерывных ударов, это видать было на верхней площадке Крохмалю, поползла и, наконец, ухнула в дно бункера тяжёлым, почти беззвучным шлепком.

- Второй думпкар заканчиваем. Первый уже взвесили, сорок семь тонн, - похвалилась Крохмалю Маша, когда он позвонил ей, чтобы узнать, как идут дела на выдаче, справляются ли спекатели.

- Ну и проклятуций, гад, - чертыхнулся Крохмаль по адресу новой продукции, вытирая пот с переносицы.

- Валяй наверх, ребята, пора зачистку начинать! - Крикнул он через проём в полу вниз в дозировку.

- **Слухай**, начальник, звонил вроде кто? - Отозвался Евстафьев.

- Машка звонила, второй думпкар закончили. Около сто тонн обеспечено, - ответил Крохмаль, увидев в разбитое окно старенькую, выдавшую виды "Победу", подрулившую с заливчатским разворотом к воротам дробильного отделения.

Солнце светило слабо и беззаботно. Оно давно выполнило годовой план и теперь не особенно старалось. Сэрба, напротив, метеором пронесся по Садовой, нетерпеливо постучал. Ему не терпелось поскорее увидеть Иринку. Замок щёлкнул, но к нему вышла Надежда Павловна.

- Заходи, Сеня, я сейчас позову Иринку-Малинку.

Сэрба на сей раз уже по собственному порыву снял туфли и нырнул в шлепанцы. И послушно подался вслед за хозяйкой в гостиную.

- Ирина у квартирантки Светы с Ленкой возится. Чуть свет, сразу бежит туда. Присядь, не мучайся!

Надежда Павловна постучала ладонью в побеленную подголублённой известью стенку.

- А как это, разве у вас дом перегорожен капитально на две половины, что надо обежать? - Поинтересовался Сенька.

- Да нет, вон же дверь в ту половину, - показала Надежда Павловна в глубину комнаты, где действительно под плотной занавеской из аляповатого базарного ковра с лебедями угадывался дверной проём, *- мы просто для порядка закрыли дверь, чтобы не мешать друг другу. А Света ходит через задние сени...*

- Да, я уже знаю, что они у вас квартируют...

- Вон глянь, уже бежит, - и Надежда Павловна кивнула на окно, за которым мелькнула смеющаяся Ирина с ребёнком на руках.

- Привет труженикам! Вот, гляди, другому не принесла бы, а тебе покажу, настоящее сокровище! Ты даже не представляешь, до чего же наша Леночка любит мужчин, ужас просто! А ты любишь детей? Хотя что это я...На вот, поддержи Ленку, а я пока переоденусь. Мы ведь пойдём в кино, правда? Ты обещал...

- Ну да, я взял билеты в "Комсомолец" на восемь сорок...

- Чудесненько! Ещё три часа у нас в запасе.

Серба осторожно взял годовалую красавицу на руки и устроился на диване. В детстве не было у него ни братьев, ни сестёр, и ему не доводилось нянчить соседских карапузов. А свои двое сейчас как бы на другой планете. И забрал бы, да пока что некуда.

Он держал Ленку сильно и, наверное, излишне осторожно. Малышка с удовольствием осмотрела Семёна, подёрнула его за галстук, потом, очарованная блестящим колпачком авторучки, решительно ухватила за него и выдернула красивую штучковину из нагрудного кармана.

- Мам-ма! - Повернулась Леночка к подбежавшей Ирине и

расплылась в довольной улыбке.

- *Что, моя ласточка?! - Присела у Сенькиных колен Ирина. - Ограбила дядю и хвастаешься? Скажи, по крайней мере, спасибо... Ну, скажи дяде спасибо!*

Иринка подняла свои голубые глаза, внимательно посмотрела на Сербу.

- *Пасипо!* - Повторила Леночка, протягивая ручку Сеньке.

- *Умнющая девка!* - Восхитился тот. - *Где ты её нашла, такую? Так люблю детей!* - Внезапно вырвалось у Семёна вполне искренне, хотя до той минуты ему казалось, что он к детям, даже собственным, как минимум, безразличен, – беспомощным, глупым и вечно замаранным. Он даже сам удивился такому крутому и быстрому повороту своих убеждений и простодушно признался:

- *А я думал, что ненавижу чужих!..*

- *Замолчи, варвар,* - шутливо прикрикнула Ирина, - *нашёл, что рекламировать! Обувайся, проведёшь меня. Отнесём Леночку, чтобы Светка не волновалась. Или лучше я сама!..*

- *Нет уж, я с тобой пойду,* - сказал Серба, поднимаясь.

- *Пойдёшь? А вот теперь скажи, только честно, почему тебе хочется пойти?*

- *Не кокетничай, Ириша!* - Нравоучительно заметила Надежда Павловна.

- *С чего ты взяла, мама? Сень, так почему?..*

- *Если я скажу, что нравится ходить за тобой, ты начнёшь задаваться. Просто мне любопытно будет увидеть, кто Ленкины родители, ну, если проще, узнать ваших квартирантов.*

- *Ну ты и притвора,* - ответила Ирина, подхватывая Леночку на руки, – *но я тебя очень прошу, Сеня, не проговорись им нечаянно, что ты знаешь моего отца. Не надо, ладно?*

Серба моргнул ресницами в знак согласия.

В сенях Ирина потянулась губами к Семёну, но Надежда Павловна углядела их в неплотно прикрытую дверь:

- *Бесстыжая, грома на тебя нет, среди бела дня целоваться!*

- Мамочка, я вовсе и не думала целоваться, а хотела рассказать ему секрет про Светку, - **сморозила** Ирина.

- Вечера дожидаться не можете! И в кого ты только, Ирина, уродилась?!

- В тебя, в кого же ещё? Сама, небось, тоже в мои года целовалась... Да! Я же, Сень, хотела тебе немного про Светку рассказать. Зайдём на минутку обратно в комнату, послушай, чтобы знать, к кому идёшь... - И она поманила за собой Сеньку кивком головы.

- Чудные они, ей скоро двадцать, мы с ней в одной школе учились. А Славику восемнадцать только в декабре исполнится. И их ещё поэтому не расписывают. Ну, слушай. Познакомились они в позапрошлом году, причём скандал получился страшный. Отец Славика и в милицию бегал, и в суд, но потом примирился, снял им у нас одну комнату, и Светка со Славкой зажили весело.

Тяжело им приходилось, свекровь не разговаривала первое время, жили впроголодь, но потом Славка устроился на завод и надеется на лучшее. Живут ужасно и сейчас.

Братишки у Славки - хулиганьё отпетое. Один Сашка чего стоит - гроза всего нашего Чаривного посёлка. Последний год притихли, правда, немного. Одного в армию призвали, а Сашка радиолобительством увлёкся, а то каждый летний вечер у нас под окнами собирались оравы, пройти не пройдёшь...

Но и к Славику тоже полгорода ходит. И ночью пьют, дураки. Водка да селёдка - жизни серёдка!..

В стенку постучали.

- Пойдём, Света волнуется!

Они вышли и, пробираясь через угасающие флоксы, достигли расхлябанной двери, толкнули её и очутились, пройдя захламлённые сенцы, в неубранной кухоньке, где им забито кивнула старушка, внимательно осмотрев из-под выцветших серо-седых бровей Сербу, нёсшего Леночку. Шипяще гудел тугим фиолетовым пламенем стоявший на табуретке примус, на котором

нежилась выдавшая виды алюминиевая кастрюля, благоухавшая свежим борщом.

Из следующей комнаты доносилась резкая, хитро изломанная джазовая **музычка**. Из дверного проёма, занавешенного старым суконным мрачно-коричневым одеялом, выбежала, по-домашнему растрёпанная, но почему-то с ярко накрашенными губами, Светлана и повела их в **залу**.

Там к Сербе отнеслись так, словно знали его лет четыреста, и будто он всего на минутку выходил в сад прогулять Леночку.

- *Падай на кровать!* - предложил Сербе белобрысый косенький парень после того, как довольно сильно пожал Сеньке руку. Был Славка весьма крепко сбит, одет в розовую майку с перекрученными плечиками и в синие мешковатые лыжные штаны.

- *Иди ко мне, моя крошечка!* - Схватила дочку Света и принялась чем-то кормить её из стакана, орудуя в нём чайной ложечкой. У окна на табуретке визжал магнитофон "Яуза-5", а за прислонённым к стене столом сидело двое. Один высокий, но жидковатый в кости Виктор, якобы студент музучилища, а второй, - низенький, прямо крохотный, с чёрными усиками, смахивающий на еврея или армянина, но уже лет двадцати восьми, - Марк Матвеевич Перцов, поэт и вообще деятель культурного фронта.

Так это же Марик, давний, хотя и призабытый друг Сеньки. Ура! Они по-братски обнялись.

Среди толпившихся на столе безголовых пивных бутылок Марик отыскал запечатанную, шумно открыл и налил в стакан, протянув Сербе. В дальнем углу Света довольно внятно объясняла Славку, да так громко, чтобы все слышали, что Семён *"Иринин хахаль. Не обижайте его!"*

- *Весьма кстати вы пополнили наши ряды,* - обрадованно, как выпряженный из брички мерин, застонал Перцов, приглашая Семёна выпить. – *Сень! Это ж сколько мы не виделись? Год, два или три?.. Люди! По такому случаю к хренам танцы-манцы, расширьте кругозор, послушайте мои новые поэзии! Тихо!*

Он проворно вырубил **маг**, вытащил прозрачно-коричневую катушку со зверской какофонией и привычно заправил новую бобину.

- *Слушайте, сейчас начнутся стихи Марка!* - Честно предупредила компанию Света, и действительно, зажигательное **липси** вдруг оборвалось и преображённый электроникой до неузнаваемости голос автора вырвался из аппарата:

*Ливнем листьев ласковых
Лето пролилось,
Огненной краскою
Сад промок насквозь.
Словно лист,
Оплавленный
В яростной борьбе,
Презирая правила,
Я лечу к тебе...*

- *Недурно*, - похвалил Марка Матвеевича Серба. Он сам бескорыстно любил поэзию, увлекаясь, подобно многим вокруг него, Есениным и Евтушенком.

- *Ну, если недурно, так с меня причитается*, - расцвёл от удовольствия Марк Матвеевич и, роясь в бумажнике, извлёк оттуда и эффектно бросил на кровать сначала **новый червонец**, а затем ещё пятёру, выключая, ввиду явной неподготовленности слушателей к высокой поэзии, **маг**.

- *Слав, смотайся в "Гастроном". Закуска ни к чему, а хлеба прихвати. Продолжим кир, братцы!* - Роскошно картавя, объявил поэт.

Серба, ненастроенный пить, тем не менее, чтобы не показаться мелочным в глазах Иринки, вытащил и дал Славке четвертную. С другой стороны, он даже не представлял, как же можно обойтись пятнадцатью рублями, если за столом усядутся шесть человек. Виктор-музыкант тоже не выдержал и добавил трёшку. Кроме того,

Славик напихал в авоську пустых бутылок.

- *Сеня тоже интересуется литературой*, - не утерпела Ирина. Она сказала эти слова с неприкрытой гордостью, ожидая, что ответит Марк Матвеевич. Тот заметил её ожидание.

- *Между прочим, девочка, я знаком с Семёном не один год и знаю его как свои пять пальцев. Почему бы тебе, Семён, не приходить на заседания "Мартена"? Я сейчас руковожу этим известным литобъединением. У нас там ты бы оч-чень много почерпнул в смысле техники стихосложения, формы, идеи, наконец...*

- *Некогда, да и не пишу я, в общем-то, уже... Интерес мой, главным образом, читательский*, - увернулся Серб, чтобы не говорить Марку Матвеевичу неприятных вещей вроде того, что он уже далёк от школярских дебатов о том, что такое хорей или ямб, и что как-то он и сам руководил подобным любительским литературным объединением, хотя лично, считает, не написал ни одной стоящей строчки.

- *Челуха!* - Не понял его Марк Матвеевич, а Семёну так захотелось, как прежде, назвать Марка по-детсадовски Мариком, но никак не по имени-отчеству... - *Челуха! При желании культурный человек всегда сможет выкроить пару часов в неделю во имя искусства. А вы знаете, люди, сколько способных работяг приносят мне на рецензию свои опусы? Тьма! Поэты нынче расплодилось невероятно. Так придёшь?*

- *Нет, некогда*, - повторил Серб и для убедительности рассказал вкратце, как нелепо погибла Людмила.

- *Невозможно!* - заходил ходуном Марк Матвеевич. - *Скажи, как мне пробраться к вам в цех? Удастся ли оформить пропуск, как **корру** "Индустриалки"? По сути, поэмы, баллады и драмы валяются у тебя, Семён, под ногами. Такой материал пропадает! Шик! Боже, но кто тот пижон с гаремными привычками, скрывающийся под кличкой "Эдик"?*

- *Он работает в типографии*, - коротко ответил Серб, не

желая развивать тяжёлую тему, - Эдуард Мадоляну, наборщик. Здоровенный такой, белокурый.

- Ницшеанская белокурая бестия в приднепровском издании! - Воскликнул Марк Матвеевич, бравирюя эрудицией.

- Да нет, он просто козёл, бессердечный притом козёл, - продолжал Серба, - хотя все козлы бессердечны...

- А ведь я знаю этого Эдуарда, - снова перебил его Марк Матвеевич, - там у них в наборном цехе не так уж много белокурых половых гигантов. Встречал, как же. Действительно, он, кажись, из Молдавии. За что вот я не люблю наш город, так за провинциальную осведомлённость - "кто, где, кого...". Не успело загореться, как сразу же звонки - "Танькин Ванька в банке Маньку очень стильно зажимал..."

- Ну и хорошо, что на виду. Меньше безобразий творится. А как кто зароеется в свою нору, так сразу начинает **хохмы отмачивать**, - встряла в разговор Света, - или даже уголовные **выбрики** получают... У нас тоже на резино-техническом одна забеременела от слесаря, а он выдурил у неё аванс вроде костюм к свадьбе купить и на лесозаготовки под Архангельск умотал...

- И кто там на лесоповал смылся? - Переспросил, заходя в комнату, Славка и поставил на стол бутылку "Столичной", пару бутылок дешёвого рядового портвейна и сиротливую буханку хлеба.

- Это я про Виталика рассказываю, того, что к тебе в прошлом году ходил, - отозвалась Светка.

- А что, правильно мужик сделал, - как мужчина, умудрённый борьбой с бабым верховенством, отпарировал Славка.

- Ой, вы не верьте ему, - гордо засмеялась Света, - наш Славочка не такой! Он нас никогда не бросит, да, ласточка?

Ласточка направился на помощь к Виктору, сосредоточенно, однако, безрезультатно возившемуся с замолкшим магнитофоном, а Света поставила на стол приятно нарезанные малосольные

огурчики. Марк Матвеевич тем временем успел откупорить бутылки и уже брэнчал стаканами, изображая куранты. При всём том он философствовал:

– Сенека сказал, что жизнь - это пьянка. А вот я, Марк Матвеевич Перцов, говорю иначе. Пьянка - это жизнь. И попробуйте меня опровергнуть!..

Молчаливый Виктор отрегулировал, наконец, радиовнутренности магнитофона так, как ему хотелось, сменил бобину и понеслись, наполняя комнату, истеричные звуки музыки, записанной кое-как, без разбору...

Сербе стало тошно до темноты в глазах, но встать и уйти значило обидеть Ирину, поэтому он сначала прикинулся заболевшим, стал тереть виски, раза два тяжело вздохнул. Зачем-то тоскливо посмотрел на часы, свободно болтавшиеся на правой руке. Его состояние не осталось незамеченным Ириной. Она кинулась к нему и принялась расспрашивать, как он себя чувствует.

- Отвратительно, - ни капли не соврал, ответил ухажёр.

- Мы уходим! В конце концов, так можно и всю жизнь прокирять! - несмотря на настойчивые уговоры и обиду Марка Матвеевича и Светы, объявила Ирина, и вскоре они уже выпорхнули за калитку в прохладный полумрак улицы Садовой.

- Не дураки, однако, мы с тобой, - засмеялся Серба, объяснив свой манёвр Ирине, - ты не сердись?

- Ну что ты! Я сама сидела как на иголках, боялась как бы ты меня не изругал за дурацкий визит, - призналась Иринка.

- Почему дурацкий? Обыкновенные люди, как мы с тобой. Правда, крепковато на водочку нажимают, но так это же, согласишься, дело вкуса. Да и без нас они теперь не соскучатся. К тому же Марик мой давнишний приятель. Мы с ним немало в сфере культуры покуралесили...

- Сеня, как же, мы ведь про кино забыли! - Ахнула Ирина.

- Вот уж неправда. Кто забыл, а кто и нет, - усмехнулся

Сенька, взглянув на часы, - *если по-спортивному, так должны успеть...*

- *Ты у меня - чудо!* - Радостно вскрикнула Иринка, подпрыгивая и целуя Семёна. Он не дал себя долго уговаривать и ответил, приподняв её и кружа, как маленького ребёнка.

Вскоре в цехе стало известно, что в типографии назначили товарищеский суд над Мадоляну. Парторг Краминов остановил Сербу, когда тот уже помылся и собрался домой. Электрочасы, висевшие на кронштейне у входа в спекательное отделение, показывали без десяти пять.

- *Погодь, Серба, дело есть!*

Серба относился к сухопарому Краминову без особой симпатии, потому что парторг, как ему казалось, поддерживает Петлюка, и потому остановился с неохотой. Но Краминов почти дружелюбно положил ему руку на плечо и продолжил, как ни в чём не бывало, как бы не замечая неприязни рабочего:

- *Сейчас я в типографию еду. Судят того Мадоляну, так я хочу тебе предложить - поехали вместе! Ты, фактически, раскопал отношения Эдуарда с Людмилой, знаешь по этому делу больше нас всех и язычок у тебя хлёсткий. Я им пообещал, что от наших рабочих будет толковый выступающий. Надеюсь на тебя.*

- *И зачем только тебе понадобился мой язычок хлёсткий?* - Усмехнулся мысленно Серба. А вслух коротко бросил: - *Ладно, едем!*

Они пошли, обогнув здание спекательного отделения к дробилке, где стоял "ИЖ" Краминова.

- *Держись!* - Посоветовал, устраивая тощий зад, парторг, за ним прилепился и Сенька. Отзываясь на резкий **взрык** пускача, мотоцикл простуженно чихнул, взревел, и мужики понеслись по заводу, обгоняя идущих со смены.

- *В помощнички записался-а-а?* - Крикнул с боковой аллеи

Евстафьев.

Ничего не разобрав, Серба успел помахать ему рукой. Притормозив у ворот, чтобы показать охране пропуска, мотоциклисты в миг проскочили пригородом, вырвались на простор Жилмассива и понеслись в типографию. слегка опаздывая, поскольку начало суда намечено было на пять. Вот они промчались по Тёщину Языку - извилистому въезду на путепровод через железную дорогу, спустились по улице Чекистов и уже собирались, нетерпеливо поглядывая на красный глазок светофора, перемахнуть через проспект, когда "ИЖ" закашлялся и заглох. Краминов попытался оживить машину, раз за разом резко утапливая рычаг пускача, но безуспешно. Пришлось откатить мотоцикл к тротуару и заняться ремонтом. Краминов, видать, не особенно разбираясь в своём красавце, заинтересовался двигателем, Серба же совершенно не смыслил в мототехнике и безучастно стоял рядом, глаза на прохожих.

- *Вы же раньше слесарем работали, говорят*, - подковырнул Серба, но тотчас раскаялся, когда увидел потное, запачканное смазкой лицо Краминова, когда тот беспомощно взглянул на Семёна.

- *Слесарничал, конечно, факт, но по другому профилю, а тут с зажиганием что-то. Всё нет минуты в книжку, как след, заглянуть. А ты тоже не шурупаешь по мотоделу?*

- *Тоже!.. Ну что мы прогавили собрание, это точно, но вот катить его, гада, через весь город, - удовольствия мало...*

- *Сам, не беспокойся*, - с кротостью настоящего мотоциклиста ответил Краминов, - *пошли!*

Но Серба опередил его, так как стало стыдно за своё хамство. Не из жалости к Краминову, и не из подхалимских соображений, как поступил бы в подобном случае дармоед Минченко, а из интуитивного чутья, что Краминов "свой", работяга, что он ещё не успел закоستنеть в бюрократизме и поэтому достоин, чтобы к нему относились пока что на равных. Когда Краминов собрал и

уложил инструмент в брезентовую сумку, притороченную к заднему сидению, Семён тронул "ИЖ" с места.

- Всё-таки, двое - не то, что один, – скорее для самого себя, чем для Краминова, шедшего рядом, отрешённо сказал Серба, смущённый тем, что две распатланные девицы, попавшиеся им навстречу на тротуаре, осмеяли его.

- А что, Евсеевич, правду болтают, будто Петлюка жена бросила? Вроде к предзавкому ушла...

- Кто болтает, у того и спроси... А от кого слышал?..

- Да есть люди...

- Как тебе сказать, Серба... Море житейское - море бурное. Другой раз так поразбросает, - совсем друг друга из виду теряем...

- Но бывает, что и лбами сталкивает?

- Ещё как! Себя и руководство цеха имеешь ввиду?

Серба помедлил с ответом, потому что как раз намеревался свернуть к типографии, а поперечный поток транспорта шёл так плотно, что некуда было вклиниться, и, кроме того, сзади то и дело обходили их "Волги", поворачивающие тоже направо. Наконец, они юркнули за красным, как варёный рак, "Москвичом", и дальше катить мотоцикл взялся Краминов. Теперь промозглый осенний ветер бил прямо в лицо и идти стало несравненно труднее.

- Евсеевич! Интересно всё же устроены люди. Вот вы, например. Идём мы сейчас с вами, мирно беседуем, а завтра, глядишь, или, послезавтра вы при случае вернёте, что разлагатель Серба, дезорганизатор Серба, дескать, нежелательный для цеха бродильный элемент... Не пойму я, где, в чём ваша вера? Вы же коммунист и могли бы быть пообъективнее...

- Моя вера, дорогой, в дисциплине, - борясь с одышкой, вымучивал каждое слово Краминов, - затем и начальство, чтобы ему подчиняться, а ты целый бунт устроил... Рабочие, глядя на тебя, с Петлюком перестали здороваться. Разве это дело?!

- Но я ведь не против дисциплины, я против безобразий, которые, считаю, надо искоренять любыми способами. И то, что на мне свет клином сошёлся для вас, так только потому, что языкастый, беспокою ваши светлости, от лени и чада управленческого пробуждать пытаюсь...

- Нет, Серба, нет и нет! Что ты умный парень, я сразу заметил, но не туда глядишь. Во-первых, не надо на старших накидываться. Они этого не любят. Во-вторых, не всё сразу. И вентиляторы поставим, и душ на шестом этаже отремонтируем...

- Да не в душе дело, Евсеевич, дело - в душе!.. Я уже месяц бегаю и согласен ещё три голым мимо петлюковского кабинета с шестого на третий этаж скакать, но нельзя жить вполправды. Можно здорово поскользнуться. Вот вы скажите честно, как по теории должен говорить коммунист, что вы лично имеете от махинаций с фондом зарплаты?

- Не оскорбляй!

- И не подумай! Хочу знать правду, до последнего слова. Вы на этом тоже поджигаетесь или не разобрались, что и как?..

- Ну вот что, парень, я верю Петру Прохоровичу и буду поддерживать его, пока веру мою не опровергнут факты. Но думаю, что этому не бывать!..

- Вы участвовали в комиссии, которая **пришла** мне клевету, меня не вызвали даже, пусть, но сами-то вы за документы хоть брались или нет?

- Нет, зачем это? Что нет, то нет. Я в бумажках ихних **не кумэкаю**. Бухгалтерше поверили, что в ведомостях **ажур**.

- И напрасно, Евсеевич. Факты обычно прячутся в документах. Вы ж год назад ещё в слесарке за верстаком стояли, а теперь своему брату, рабочему, не верите...

Краминов молчал, с трудом толкая упрямый мотоцикл. Потом спросил, досадливо сплёвывая и тяжело налегая на "ИЖ"а, готовый от усталости бросить технику посреди улицы:

- Теперь ты мне скажи, Серба, но только тоже не брешу...

- Ну?!

- Письмо писали в "Правду"?

- А кто это спрашивает, вы или Петлюк?

- Ну и хитёр! И в привычках нет моих, запомни, такого, о чём ты подумал. Я партии служу, а не Петлюку. И если бы я знал, что ты прав, я, не колеблясь, поддержал бы твоё выступление. А так ты просто нарушаешь трудовую дисциплину.

- Дисциплину я принимаю осознанную. Мы же, рабочие, хозяева и завода, и этой самой дисциплины. Кстати, с каких пор критика относится к нарушениям трудовой дисциплины? Мудрите вы много, старики. Сами толкуете "вплоть до ЦэКа", а на деле...

- Не злословь! Вот я тоже в молодости такой скороспелый был, а потом переиначился, понасмотрелся, как надо, и, как говорится, не последний человек в цехе... Выдвинули меня из слесарей на руководящую работу, вот! А то, что недостатки есть, так их, Серба, когда не было? И языком их не выкорчуеть. Гайку другой раз затягиваешь, стараешься, а она возьми и перекосясь, а кто виноват? Слесарь! И ещё вспомни, - раньше, при царе, рабочий был никто, орудие производства, не более, инвентарь, так сказать. А теперь? Кстати, раньше не то что вентиляторов, - спецовок не заведено было выдавать, в своём барахлишке-пальтишке и токарили наши отцы-деды... Что ты на это скажешь?

- Раньше, Евсеич, в лаптях ходили, а теперь вы вон туфли чешские обули... Но то, что личного касается, вперёд шагает и вприпрыжку, а обществу воздать - клещами вытягивай!..

- Это что ж, ты в меня прицелился? - Вздохнул Краминов и ещё тяжелее припал к рулю. Серба пожалел его:

- Давайте я, не надрываюсь! - Семён подменил парторга и споро покатил мотоцикл по асфальту. Пройдя ещё немного, они увидели жёлтое приземистое здание областной типографии.

Когда Краминов и Серба докатили злосчастный мотоцикл до

типографии, причесали вихры и добрались до красного уголка, обнаружилось, что заседание товарищеского суда ещё не закончилось, хотя и **нацокало** уже почти семь вечера. Из двери как раз вывалилась толпа возмущённых женщин и вспотевших мужчин.

- **Оцэ жэрэбчик, николаы ще такога нэ чула!..**

- *Ничего, дали ему прокашляться, запомнит!..*

- *А я не верю в исправление вот таких... похотливых тварей,*

- тихонько, с оглядкой, сказала подруге белявенькая девчонка. Двое мужчин со смаком обсуждали пикантные подробности.

- Ну и **выступил** наш Эдик, - с оттенком зависти пробормотал один из них. Другой сладко хихикнул.

- *А, товарищ Краминов!* - Подкатился к парторгу добродушный розовощёкий толстячок, директор типографии. - *А я уже волновался. Позвонил, понимаете, к вам, и мне сказали, что ещё пяти не было, как выехали. Ума не мог приложить, что вас задержало...*

- *Дурацкий случай, мотоцикл забарахлил, ну не бросишь ведь посреди улицы. Так мы вдвоём,* - Краминов кивнул на Сербу, - *и катили его напеременку, будь он проклят!*

- *Ну ничего, ничего!* - Успокаивал их директор типографии. - *У нас всё прошло прекрасно, сверх ожидания! До двадцати человек записалось выступить, сроду такого не помню. Едва не побили Эдуарда нашего. Особенно женщины неистовствовали. Да вот и он, Эдик. Не скажу, что ему легко сейчас...*

Мимо них медленно прошёл высоченный, смахивающий на латыша, парень в тёмном, сильно поношенном костюме.

"*Белобрысый гигант...*" - вспомнил Серба. Удивительно метко подметил тогда Перцов!

- *Ну, я пойду,* - поспешно простился Семён, чувствуя всю фальшь их с Краминовым запоздалого прихода, и бросился вслед гиганту, обуреваемый желанием поближе рассмотреть это чудо селекции.

Но так и не догнав того на улице, медленно пошёл к трамвайной остановке.

В последние дни Пётр Прохорович плохо спал, несколько раз в ночь вставал, закуривал, включал приёмник и, настроившись на волну "Радио Монте-Карло", слушал бесконечные джазовые вариации. Лицо его, осенённое зеленоватым светом шкалы приёмника, отражаясь в прикроватном трюмо, пугало его своим потусторонним холодом.

Он тихо, как рыба, плавал по комнатам своей четырёхкомнатной квартиры, наполненным пульсирующими отблесками уличных фонарей и потому похожим на аквариумы, и ловил себя на том, что страшится прыгающих по стенам узоров от ветвей акации, дрожащих неустойчивых сплетений линий, безмолвных, ненастоящих, зыбких, как водоросли.

Время от времени ему попадался на глаза стол в гостиной, за которым он потчевал в прошлую пятницу изменника Лупиноса. Разорённый, с хаотично расставленной смердящей грязной посудой, с окурками, брошенными, где попадя... Стол так и стоял небрунанным с той минуты, как Нора **умотала** с председателем цехкома. Там же, утопая одним углом в салатнице, валялась телеграмма : *"Я ушла с Михаилом зпт не могу больше зпт не делай глупостей тчк Нора тчк"*

- Сволочи вы все! - Вслух подумал Петлюк. - Каждый за себя старается!

Он взглянул на сервант, где в темноте среди поблёскивающего хрусталя, виднелась **карточка** десятилетней Иринки. Чувство неопределённой боли и сожаления касалось иногда Петлюка. Но как человек решительный, враг сантиментов, он упрямо отгонял тоску по дочери и, если мысль о девочке опять возвращалась, науськивал на тоску яростную ненависть к первой жене Надежде и предательнице Норе.

Иногда в такие аквариумные ночи он ослабевал в борьбе с

самим собой, и тогда им овладевали воспоминания, подкрадывавшиеся тихонечко, как тени, из закоулков памяти, и ему становилось не то чтобы страшно, слова этого и заключённого в нём понятия он не понимал, а как-то не по себе. Так, однажды перед ним кандалным строем прошли годы, когда он, молодой **перспективный** следователь, всегда державший хвост по ветру, пошёл в гору - тридцать седьмой, тридцать восьмой, тридцать девятой... Особенно часто приходило на ум первое успешно раскрытое дело, после которого с ним стали считаться. Оно зримо, словно **завершилось** вчера, всплывало в памяти.

В то пасмурное сентябрьское утро далёкого тридцать седьмого года Петлюка вызвал начальник третьего отдела.

- Вот вам работка срочная, товарищ следователь. Постарайтесь быстро закругиться и сразу доложите об исполнении!

Начальник отдела вручил Петлюку мешочного цвета скоросшиватель, где была подшиты три сиротливые бумажки - анонимное письмо на паровозного машиниста Харченко, махрового диверсанта и врага народа. Это он, Харченко, вывел из строя две недели тому назад паровоз "ЩТ"-0369. В верхнем левом углу анонимки красовался фиолетовый регистрационный штамп и резолюция начальника отдела красными чернилами: "В расследование." Дата и подпись. Затем ордер на арест гражданина Харченко Н.А. и протокол ареста именно этого нехорошего советского гражданина.

Петлюк расписался в журнале и козырнул.

- Иди, работай! - Благословил его начальник отдела, и Пётр по-большевистски приступил к выполнению должностного задания. Он звонил и приказывал, категорически запрашивал и ультимативно предлагал...

Уже через час конвоир ввёл Харченка на первый допрос.

- Садись! - Радужно предложил Петлюк, протягивая ни

живому, ни мёртвому паровознику пачку смердючего "Волго-Дона". - Закуривай и не волнуйся. Мне надо посоветоваться с тобой кое о чём. Я тут одну **контру** хочу прищучить. Например, так... Допустим, нужно вывести из строя паровоз. Что контра может сделать?

- Да чего проще! - Отвечал повеселевший Харченко, понимая, что ему, собственно, ничего не грозит. - Ну, заклинил бы предохранительный клапан. Подшуровал бы, как следует, в топке и соскочил бы в чистом поле - полюбоваться в сторонке... Распёрло бы котёл на раз...

- Так. Хорошо. А "ЩТ" тоже можно таким способом **кокнуть**?

- Ну да! Какая ж разница. Любой паровоз.

- Ну, ты кури-закуривай! Теперь мне ещё вот что скажи, - продолжал следователь, что-то весело записывая, - ты в дизелях разбираешься?

- Угу! Есть немного...

- А как, дизель испортить можешь? Расскажи.

- **Справлять** трудно, **спортить** - пустяк! Спусти воду из рубашки охлаждения и погоняй с часок. Там ему и крышка. А для чего это всё? - Поинтересовался-таки Харченко Николай Александрович.

- Ой, как надо, товарищ Харченко! Знаешь сам, дела у нас важные! На вот, подпиши, что верно записано с твоих слов...

Харченко взял ручку, глубоко опустил её в медную чернильницу, отряхнул о борттик лишние чернила и крылышко давно утопшей мухи и, обстоятельно выводя нарядные ализариновые буквы, расписался.

- Хорошо пишешь, где науку-то изучал? - любопытствовал Петлюк, пододвигая скоросшиватель.

- Какая там наука, четыре года в ЦЭПэШа отходил...

- А! Понятно, - пробормотал Петлюк, подёргал уставшие от долгой писанины пальцы и, откинувшись на спинку стула, затаился "Волго-Доном".

- Вот видишь, гражданин Харченко, ты думал, что всё обойдётся, останется шито-крыто... Но нет, ЧеКа вас, подлецов, до одного переловит!..

- За что?! - Неслышно побелевшими губами пробормотал Харченко, наконец, сообразив, как его купил следователь.

- Молчать, предатель, - гаркнул на него вдруг ставший недоступно-грозным Петлюк и, нажав кнопку звонка, вызвал конвоира.

- Уведите эту контрреволюционную падаль! - Скомандовал он чётко и презрительно, аккуратно накалывая листки протокола допроса на проволочки скоросшивателя. Взглянул, набираясь сил и уверенности, на портрет Учителя в полный рост, с рукой, заложенной за обшлаг строгой шинели. Захватив **дело**, поспешил на доклад к начальнику.

- Молодец! - Пролистав бумаги, похвалил руководитель. - На вот, возьми! Ещё одно срочное дело. Враги народа не дремлют, и партия надеется, что мы, чекисты, оправдаем доверие партии и народа...

- Слушаюсь! - Отчеканил Петлюк. - Разрешите идти?

- А куда ты так спешишь, Петлюк?

- У меня жена должна вот-вот родить. В роддом, что на Артёма, надо бы забежать...

- Ну, тогда валяй! - Разрешил начальник отдела. - Желаю хлопца. Пусть ещё один чекист подрастает!..

Но получилось всё наперекосяк. Надя в тот же день родила, но мёртвого мальчишку. Да и сама еле выкарабкалась. Забрав её через недельку домой, Петлюк даже на работе отпросился на пару дней, ухаживая за женой, пока не приехала её мать из-под Апостолова, и вопрос ухода за больной Надеждой разрешился сам собой.

В один из этих неожиданно свободных дней Пётр не удержался и похвалился перед Наденькой успешным раскрытием дела паровозного диверсанта Харченко. Надежда ахнула, когда

*Пётр рассказал, как ему удалось перехитрить мужика. Когда же он добавил, что гад уже получил свои девять граммов, жена расплакалась, и с этого времени их безмятежной любви пришёл конец. Петлюк озлился на жену, и жизнь их, до того протекавшая без происшествий, вдруг запестрела скандалами, и так они **гыркались**, пока не началась война.*

*Когда с первых дней гитлеровского нападения в город на Днепре пришла большая суета, семья Петлюка, заработавшего за добросовестную работу свою первую **шпалу**, распалась естественным путём.*

– Иди, гнида, откуда пришла!.. Ты мне не пара, – выверился однажды Пётр и вытолкал Надежду на улицу. Поплакала Надя, да и подалась ночевать к подруге... А в субботу забрала вещички и переехала окончательно.

С тех пор Петлюк практически дома не бывал, даже ночевал в НКВД. Квартиру хорошенько запер, поменяв замок.

У энкаведистов чуток ниже Малого Базара, на Карла Либкнехта, с год перед войной было построено прекрасное четырёхэтажное здание Управления. Под ним были обширные подвалы, оборудованные как тюрьма. В эти подвалы весь июль свозили всяких подозрительных людей, пойманных на дорогах или в лесопосадках. Были и такие, кто бросил военную службу, а были и бандиты, очень оживившиеся перед приходом немцев. Но был и многочисленный профильный контингент – всякая антисоветская контрреволюционная шушера, поспешно отловленная в ходе эвакуации. Некоторых из них ещё до войны не по одному году пасли, надеясь выявить связи, явки и базы...

Патрули истребительных отрядов шастали в пригородных лесопосадках, на улицах, базарах, а то и в обычных городских дворах перед многоэтажными домами Соцгорода или Жилмассива, задерживая, а то и расстреливая на месте "распространителей панических слухов". Никто никаких

протоколов задержания или применения высшей меры не составлял. Оставленных в живых сдавали в Управление, а для списания патронов, израсходованных на расстрелы на месте, царапалась на клочке бумаги рапортчика.

Борцы с паникёрами сами, приходя домой после дежурств, рассказывали домашним страшные, панические вещи. Город переполняли жуткие слухи о неотвратимом приближении огромной фашистской армии, какого-то вермахта, который устроит всем, кто не эвакуировался, "конец света"... Больше всего в эти рассказы верили всякие начальники и командиры, кто по долгу службы не смог откатиться в тыл, а остался, как говорится, на боевом посту...

18-го августа жизнь в городе затихла в ожидании захватчиков и грохот боя доносился лишь с Хортицы, где мужественно отражали атаки немцев зенитчики 12-го зенитно-артиллерийского полка, да постреливали на Правом берегу близ плотины ДнепроГЭСа, где немцы всё настойчивее прощупывали оборону 157-го полка НКВД, охранявшего подступы к жемчужине советской энергетики.

Ранним августовским утром на трамвайных остановках среди рабочих, которые спешили на смену на заводы, пополз упорный слух вроде немцы уже не только в поселке Верхняя Хортица, но уже и на самом острове. Дескать, прорвались на Хортицу по мосту через Старый Днепр.

Кто "паникеров" слушал, кто не слушал, но, прибыв на работу, взялись по-заведённому варить чугуны и прокатывать стальные листы. Ближе к полудню со стороны острова Хортица была слышна частая канонада и шум боя. Над городом то и дело возникали немецкие самолёты, но бомбили не город, а подступы к плотине ДнепроГЭСа.

В середине дня на металлургических гигантах вдруг наступила внезапная и полная тишина, потому что

отключились генераторы Днепрогэса, энергообеспечение запорожской промплощадки и города прекратилось... В домах и мартенах намертво застывали металл и шлак, застопорились краны и погасло освещение в цехах. В кабинетах начальников и на столах диспетчеров умолкли телефоны.

Народ покрутился какое-то время в ожидании распоряжений и указаний, но никаких разъяснений не последовало, и люди потянулись вначале в раздевалки, а затем на трамвайные остановки. Понятно, что трамваи стояли обесточенными, и пролетариат направился по домам пешком... А до дома было самое малое – 10-12 километров...

Зенитчики 16-го особого зенитно-артиллерийского полка загодя, в начале августа выдвинули наблюдательные посты на расстояние нескольких километров от охраняемой ими плотины ДнепроГЭСа промплощадки. И исходя из главной задачи – охраны ДнепроГЭСа и металлургических предприятий – расставили батареи. Первая батарея обустроила свои позиции на северных подходах к плотине на правом берегу Днепра на площадке подъезда к бывшему Кичкасскому мосту. Вторая расположилась немного западнее здания ГЭС, в направлении села Верхняя Хортица. А третья – в центре острова Хортицы, контролируя также подходы к мосту через Новый Днепр. Четвёртая и пятая застолбили места на левом берегу Днепра, прикрывая металлургические заводы с севера. Шестая батарея охраняла на Хортице подходы к мосту Стрелецкого через Новый Днепр.

А в эти же часы энкавэдисты подожгли, а затем взорвали здание управления НКВД вместе с заключёнными. Петлюк был одним из отличившихся сотрудников при выполнении этого важного задания. По его инициативе для того, чтобы подследственные преступники не разбежались, их перед ликвидацией надёжно связали, облили бензином и хладнокровно

сожгли заживо в подвале. Затем подожгли и само здание, чтобы гарантированно уничтожить архив, который не успели вывезти в тыл...

Похвалил его тогда перед строем, измазанного сажей и очень уставшего, легендарный секретарь горкома партии Пётр Николаевич Комаров, лично наблюдавший за уничтожением здания, архива и преступного элемента и давшим на эту операцию **санкцию**...

Хорошо горело новенькое здание, щедро политое бензином на всех этажах. Огромный чёрный смерч дыма поднимался над Малым Базаром, а на высоте ветерок сносил его в сторону улицы Грязнова и Пристани. Но пожар пожаром, а в помещении Первого отдела и его архива было заложено ещё и несколько килограммов взрывчатки.

Первый секретарь, нервно прохаживаясь на безопасном расстоянии от полыхающего спецобъекта, наконец, убедился, что пожар сделал основную работу, и дал отмашку на подрыв. Рвануло эффектно и мощно. Вылетали недогоревшие оконные рамы, рушились перекрытия. Крыша осела и провалилась внутрь здания, увлекая за собой стены четвёртого и частично третьего этажей. Дело было сделано.

– Куда прикажете направить ликвидационную команду? – Спросил подчёркнуто на “вы” у Комарова Леонов, главный чекист города, руководивший успешно выполненным мероприятием.

“Куда, куда – в крематорий!” – Зло подумал Комаров, но взял себя в руки и сказал вполне спокойно: – Валентин Иванович! Ты меня удивляешь. У тебя сейчас главное – ДнепроГЭС. Там твой сводный полк, там необходим каждый штык и каждый наган.

Впрочем, если будет возможность, откомандируй пяток самых хладнокровных и ответственных в Особый отдел фронта. Ну, что я тебе лекции читаю. Немец на Хортице, с минуты на минуту будет в городе. Грузитесь в свои “буржуйские” экипажи и большими прыжками на Шестой

посёлок... Ни пуха, ни пера!..

Леонов подошел ко всё ещё томящимся в строю ликвидаторам.

– По машинам!

Строй тотчас распался и народ хаотично рванул через улицу к трём “ЗИС-5”, оборудованным для перевозки заключённых. На этот раз в кузовах **воронков** вместо антисоветского элемента скрючились отборные сотрудники органов, цвет Запорожского НКВД.

Сам Леонов молодцевато вскочил в кабину первой машины, и колонна тронулась в Соцгород.

Комаров внешне спокойно сел в горкомовскую **Эмку** и укатил в обком на совещание с неожиданно прибывшим ночью Главкомом Юго-Западного направления маршалом Советского Союза Будённым. В обкоме уже вторую неделю, после внезапного вызова Первого секретаря обкома Матюшина в Киев, командовал друг Комарова Андрей Павлович Кириленко, второй секретарь обкома. Солнце стояло по-летнему почти в зените, источая благодатный августовский зной. С Хортицы доносилась артиллерийская пальба. Немец мог появиться на улицах бесхозного города в любую минуту.

Народ по такому случаю устроил разнузданный грабеж магазинов и складов. Проезжая по Карла Либкнехта, Пётр Николаевич хотел было тормознуть у магазина “Хлеб – бакалея”, из дверей которого десятки людей, в основном крепких мужиков, невесть как открутившихся от мобилизации, тащили мешки с мукой, крупами, сахаром. Дебелые тётки пёрли коробки макарон и даже ящики с бутылками “Нарзана”. Хотел выйти и пальнуть из нагана в эту озверевшую толпу хотя бы для самоуспокоения. Но шофёр понял намерение шефа и отрицательно покачал головой, дескать, нельзя, растерзают на

раз...

– Будь человеком, тормозни на минуту! – приказал-попросил водителя. Тот, скрипя сердце, нажал на **гальма**.

Опустив стекло, Первый секретарь высунул волосатую руку и с наслаждением расстрелял обойму в kloкочущее человеческое непотребство. Никто даже не обернулся на выстрелы, лишь одно витринное стекло лопнуло легко, почти беззвучно, некрасиво опав у стены, и похабно, разбросав отвратительные варикозные ноги, осела у ступенек магазина красномордая тётка, рассыпав сумку то ли с сахаром-песком, то ли с манной крупой...

– Поехали! Сейчас **кугутня** недобитая **богует**. Выходит, зря мы их четверть века перевоспитывали. Только в шлейке ходить могут. Ничего, мы ещё вернёмся. Всем воздадим...

Алексей Кириленко, тридцатипятилетний голубоглазый здоровяк, подающий большие надежды в смысле партийного роста, уже второй секретарь Запорожского обкома, нервно докуривая “казбечину”, топтался у стола в овальном зале заседаний на втором этаже обкома партии. Во главе знакомого партийцам длинного, как взлётно-посадочная полоса аэродрома, стола вольготно расселся в неказистом казённом кресле Семён Михайлович Будённый.

Увидев нового человека, маршал радостно улыбнулся, отодвинув исчерканную цветными карандашами карту-километровку города и окрестностей. Пригоршня карандашей разбежалась по столу, часть их сумела спрыгнуть на пол...

– Ну что там, на свежем воздухе? – Нетерпеливо спросил Семён Михайлович, вынув из хорошо початой коробки “Казбека” папиросу и постукивая её мундштуком по поверхности стола, чтобы тщательно вытряхнуть табачную пыль.

– Да я и сам без всякой связи остался. – Негромко ответил

Комаров. – Слышно только, что на Хортице бой продолжается, возможно, наши зенитчики ещё ерепятся...

– Ну а ты тогда, секретарь, сам чем занимался полдня?

– Я это, товарищ маршал, управление НКВД и тюрьму ликвидировал...

– То есть, если я правильно понял, вместо того, чтобы защищать плотину и промплощадку, ты полк здоровых мужиков на подтирание говна завязал?

На помощь ошарашенно озирающемуся Комарову пришёл друг ситный Кириленко.

– Ну кто вам только такое сказал, Семён Михайлович? Сводный полк НКВД героически бьётся за удержание гидростанции, а в **спецоперации** было задействовано всего лишь... сколько, товарищ Комаров?

– Три десятка сотрудников. Все получили новые задания и приступили к выполнению... Сейчас во главе с Леоновым на пути в Соцгород...

– Ну вот, видите, Семён Михайлович, все основные силы на защите ДнепроГЭСа...

Будённый устало зевнул, отрешённо побарабанил по столу пальцами, подкрутил правый ус.

– Время течёт, как вода. Уже шестнадцать ноль-ноль. Убивает отсутствие связи. Что докладывают посыльные? – обратился маршал непонятно к кому.

– Разрешите мне, Семён Михайлович, – на правах хозяина кабинета встал, одёрнув гимнастёрку, Кириленко, – только что прибыл мотоциклист с острова Хортица. Доложил, что бой практически закончился. Обе батареи – шестая и третья – полегли полностью, с десятком бойцов третьей батареи вроде на двух лодках перебрались на правый берег в районе Верхней Хортицы и попробуют пробиться к своим у плотины... Немец обустроивает плацдарм на Хортице...

– А что с мостом через Новый Днепр?

– А-а...мост... Нет больше моста Стрелецкого... Всё-таки, сумели подорвать... Мотоциклист еле проехал на Левый берег, мост был битком забит гражданскими и ополченцами... Молодцы, кто взорвал! Красивый был мост, очень красивый... – отчётливо ответил Кириленко, зачем-то массируя себе виски загорелыми руками.

В этот момент за окнами глухо забухали неблизкие взрывы. Стёкла жалобно задребезжали, но уцелели благодаря дальности события.

– Что за обстрел? – Вскинул брови Будённый.

– Немец, гад, на Хортице уже, как дома, расселся. Оттуда и дубасит... – продолжил пояснять Кириленко.

На улице опять шарахнуло, на слух значительно ближе.

– Так это же где-то рядом с нами гансы землю роют. Товарищи руководители! Надо побыстрее закончить разбор обстановки и перебазироваться ближе к плотине. Надо не допустить захвата ДнепроГЭСа и перескока по нему противника на Левый берег.

Буфетчица по знаку Кириленко занесла поднос, нагруженный бутербродами и стаканами с чаем. Мужики без приглашения потянулись к стаканам и разобрали скромную снедь.

Опять за окнами пару раз напомнили о себе разрывы снарядов. Похоже, на улице Тургенева. Совсем рядом.

– Значит так... – Сказал, вытирая усы носовым платком, Будённый. – Ток в обед отключили? Отключили. За истёкшее время должны бы уже обеспечить подготовку турбин к выведению из строя... Кто там у нас на Правом берегу командует?

– Предгорисполкома товарищ Скрыбин и, судя по времени, уже добрался и руководитель сводного полка НКВД товарищ Леонов, он член бюро горкома партии. С ними связь через посыльных мотоциклистов. – подал голос Комаров...

– Ну да, трамваи ведь уже два часа как не ходят. – Жёстко улыбнулся в усы Семён Михайлович. – У меня в военсовете Направления тоже такой член имеется. Никита Сергеевич. Тот ещё член, моржовый, скажу я вам. Так и он больше недели ни слуху, ни духу. Живой ли? Хоть бы в плен не попал.

Настоящие корчагинцы, как Брежнев, Корниец или хотя бы тот же Хрущёв, не растерялись, они местные, степной хохляцкой породы. Им самое время семьи и родню в зшелоны загружать, барахло упаковывать. Поэтому не будем гадать, где икру мечут упомянутые выблядки... Найдутся, если живы и не дезертировали. И твои члены доедут когда-нибудь на Правый берег...

Чёрт те что у вас тут! Ни фронта, ни штаба, прямо гоголевская жуть за окном. Анархия!.. Я в **гражданскую** подобную нечисть лично **решал** за пять минут!.. Придётся доложить Верховному...

Ты лучше скажи, как будут выведены из строя агрегаты станции? – Вернулся в реальность и продолжил выяснение обстановки маршал. – Готовы ли к подрыву моста с Правого берега? Закончено ли минирование тела плотины?.. Вчера же все команды прошли...

– Вроде каким-то образом замкнут генераторы “на себя”, то есть всё там поперегорает **на-вухналь**... У меня по физике тройка была, сам это не совсем ясно представляю. Но главинжу Шацкому мы полностью доверяем. Надёжный, преданный делу партии большевик... Он мне ещё до обеда, когда решали по отключению энергоснабжения города и промплощадки, докладывал, что минирование плотины и моста закончено. Правда, кто даст команду включить рубильник? Ведь потом обратного хода уже не будет до полной победы над врагом. Дело исключительной государственной важности... – пояснил Андрей Кириленко.

За окнами, примерно на углу улиц Тургенева и Розы Люксембург, грохнули почти одновременно два артиллерийских разрыва. Стоявшие у стола Комаров и Кириленко инстинктивно присели.

– Ну вы и бздуны, едрёна мать! – засмеялся Семён Михайлович то ли насчёт того, что присели, то ли из-за их нерешительности по взрыву электростанции. – Я дам добро, пиши, Андрей!.. Ещё утром я от товарища Сталина окончательное благословение получил. Ставка в курсе... Пишите:

**Товарищу Шацкому Г. А.,
Командиру охранного полка НКВД**

Приказываю:

Первое. Вывести из строя генераторы – в 18.00.

Второе. Взорвать мост с правого берега на плотину – в 19.00.

Третье. Взорвать плотину – в 21.00.

Исполнение доложить лично в 22.00 в помещении горкома партии.

**Главком Юго-Западного направления
Маршал Советского Союза**

С. Будённый

Вот то-то и оно! Учитесь жить, хлопцы... Кириленко, печатай приказ в трёх экземплярах и пошли для уверенности двух мотоциклистов разными дорогами...

И будем заканчивать трали-вали, пока по башке не получили, где-то рядом колотят... Я уже не буду заезжать в штаб фронта, поеду прямо в Днепропетровск, там, полагаю, не легче. Танки сопровождения заправлены? Проскочим Левым берегом,

через Синельниково!

Напечатали? Давай подпишу! Вперёд!.. Так-растак, перетакивать не будем... Схожу руки вымою, а вы пока определяйтесь, на каком мы небе...

... В начале августа директор ДнепроГЭСа Касьянов и главный инженер Шацкий удостоились чести быть вызванными в обком партии. Немецкая лавина стремительно приближалась к Днепру, не встречая серьёзного сопротивления растерявшейся Красной Армии.

Находившийся в городе заместитель предсовнаркома СССР Первухин в присутствии второго секретаря обкома Кириленка оглушил новостью. Москва уже не предлагала ускорить демонтаж и эвакуацию турбин и ценного оборудования ГЭС, а поставила задачу подготовить взрыв плотины ДнепроГЭСа.

Причём, надо было устроить такой взрыв, чтобы помешать немцам использовать плотину для переброски войск, и в то же время так взорвать, чтобы после войны быстро восстановить гидроэлектростанцию. Посоветовавшись с вызванными на совещание работниками Наркомата электростанций и "Днепрэнерго", решили заложить взрывчатку в верхнюю потерну (туннель в теле плотины, соединяющий правый и левый берега). А чтобы взрывная волна пошла в нужном направлении и разрушила только несколько пролетов сливной части плотины, а вместе с ней – и мостовой переход, место закладки взрывчатки отделить с обеих сторон мешками с песком...

Ну и закрутилось.

Управление тыла по приказу начальника инженерных войск генерала Леонтия Котляра выделило и доставило автомобилями на эн-ский подмосковный аэродром 20 тонн тола. 12-го августа лётчики получили команду перебросить сверхважный и сверхсекретный груз в Запорожье.

Грузоподъёмность “ТБ-3” - 4000 кг. Авиаторы прикинули – это значит, восемьдесят мешков по 50 кило. Понадобится три рейса двумя самолётами. 13-го и 14-го вышло по-намеченному – слетали на Мокрянский фронт аэродром под Запорожьем без приключений, перевезли благополучно 16 тонн.

14 августа подполковника Бориса Эпова вызвал начальник инженерных войск Главного военно-инженерного управления генерал Леонтий Котляр и предложил подготовить расчёты о выводе из строя Днепровской ГЭС путем разрушения плотины, моста через аванкамеру и машинного зала. В конце разговора генерал приказал Эпову вылететь завтрашним утром специальным самолетом в Запорожье с приданными двумя младшими лейтенантами для подготовки и выполнения намеченных разрушений.

– Все необходимые указания начальнику инженерных войск Южного фронта полковнику Шифрину я уже передал, – заверил генерал Котляр. – И не забудьте, что сигналом на выполнение задания будет отход на левый берег 157-го охранного полка НКВД при подтверждении ситуации специально выделенным вам для связи с полком начальником отдела инженерного управления штаба Южного фронта подполковником Петровским...

15-го августа мало того, что один борт “ТБ-3” кто-то забрал, так ещё и трёх пассажиров пришлось брать. Поэтому заправились не по полной программе. На мешках с толом вольготно разлеглись в свободных позах подполковник Борис Эпов и два младших лейтенанта-взрывника.

– Слышь, товарищи пассажиры, – воспитанно кашлянул командир бомбардировщика, скосив глаз на три шпалы подполковника Эпова, подпиравшего спиной бухту бикфордова шнура, – у кого спички, зажигалки – сдать мне без пререканий. По прилёту – верну...

Пассажиры дружно заржали.

– Мы, командир, догадались, на каких перинах отдыхать будем. Не боись...

– Опять-таки, наверху прохладно будет, а гудеть добрых пять часов. Так вы брезентом укройтесь, когда замёрзнете. Стяните с мешков и – на себя... Поняли? Грузу ничего не будет, дождь не предвидится, а вы продрогнете ненароком... Пить захотите – вон ящик с “Нарзаном”...

К вечеру благополучно приземлились в Мокрой. “ТБ-3” уверенно подрулил к ангару. Московские гости дружно побежали за угол ангара облегчить души.

– Как мало надо для счастья, – засмеялся один из лейтенантов, – еле дотерпел. И выйти не выйдешь, и жмёт – прямо зубы чешутся...

Застегнув что надо, Эпов первым делом заглянул в ангар и убедился, что основная часть груза аккуратно **заштабелирована** в углу просторного помещения. Навстречу Эпову уже торопился приданный ему для связи с полком НКВД подполковник Петровский.

Оставив пилотов сдавать груз, командированные последовали за Петровским в командный пункт аэродрома, где их ждала легковая машина для поездки в штаб Южного фронта.

Утро 16-го началось с планёрки у главинжа ДнепроГЭСа Григория Шацкого. Обсуждали практические тонкости планируемого взрыва.

Народу набралось полный кабинет. Начальник инженерного управления Южного фронта полковник Шифрин, подполковник Эпов, сапёрный капитан, заместитель командира полка НКВД майор Косачёв, приданный Эпову для связи с полком НКВД подполковник Петровский, заместитель Шацкого Христенко и начальник охраны ДнепроГЭСа.

– Надо взорвать так, чтобы не допустить использование

немецкими войсками плотины для переброски сил и техники, и в то же время оставить возможность после войны быстро восстановить её. – подытожил обсуждение Шифрин. – И хотя практики подобных взрывов нет, как нет и времени на академические расчеты, тем более на какие-либо пробные или лабораторные исследования, но приказ ГКО надо выполнять. Будем считать, что выделенных 20 тонн тола хватит для аккуратного разрушения плотины... За работу, товарищи!..

Решили всем составом совещания сходить на место и определиться конкретнее.

Массивные металлические ворота открылись, и из двора за машинным залом группа экспертов попала в верхнюю **потерну** – туннель в бетонном теле плотины высотой три с половиной метра и шириной метров пять. Этот туннель расположен в середине плотины на глубине более тридцати метров ниже проезжей части и служит для наблюдения за поведением бетонной толщи плотины и для служебного сообщения между правым и левым берегом.

– Ну что, товарищи, затихли? Страшновато? – Улыбнулся Григорий Шацкий. – Вот на эту стену давит водная толща высотой в тридцать метров, так что давление на каждую точку здесь три атмосферы...

Бетонные стены потерны выглядели влажно, но вода в открытую нигде не струила. Против августовской дневной жары на улице в потерне чувствовался сырой подвальный холод. На потолке потерны на расстоянии в каждые полсотни шагов тускло светились электролампы. Под ногами шуршал песок и мелкие осколки бетона. Стены навечно сохранили следы деревянной опалубки.

– Первоклассный бетон, – похвастался Григорий Андреевич, любовно поглаживая прохладную стену туннеля, – ежесекундно через стыки сквозь всю плотину просачивается не больше

стакана воды!.. Представляете? Ведём постоянные замеры...

“Экскурсия” медленно шла в сторону левого берега. Через равные промежутки на стене выписаны суриком номера пролётов.

Борис Эпов мысленно восхищался невиданным качеством бетонной громады и размышлял, как это чудо инженерной мысли разрушить таким щадящим образом, чтобы в нужное время, когда победа повернётся к нам своим светлым ликом, как можно быстрее и легче восстановить ДнепроГЭС.

Тихо и осторожно, как по мавзолею на Красной площади, шли потерной палачи ДнепроГЭСа, которым предстояло вскоре привести в исполнение приговор ГКО. Медленно вёлся и непростой разговор.

– Ну вот, товарищи, нужная горизонтальная отметка, – продолжал Шацкий, – это конец монолитной части плотины. Дальше пойдут **быки**, несущие водопропускные затворы. Здесь наиболее слабое место и разрушения будут вполне щадящими...

– Ну вот и хорошо, – согласился Эпов, – давайте от этого **репера** отмерим метров 30-40. Да, от этого знака. Над нами 10-й бык, от него и наметим фронт укладки мешков с взрывчаткой. У нас 400 мешков. Пусть фронт закладки тола займёт 35-40 метров... С каждой стороны, с западной и восточной, закупорим песком. Мешков по сто с песком, думаю, будет достаточно, чтобы взрывная волна не разбежалась по потерне, а пошла на разрушение вверх и в стороны...

Молоденький капитан, с усиками под Чапаева, замначштаба 516-го отдельного инженерно-сапёрного батальона, приданного для обеспечения работ, спросил, как бы для перепроверки собственных сомнений: – А что, бывает, что и не хватает мощности для выполнения задания?

Борис Эпов рассмеялся: – Ещё как бывает. Помню в декабре 31-го взрывали храм Христа-Спасителя. Так с первого раза только окна повышибало и поповскую перхоть из закутков

выдуло. Пришлось ещё и ещё повторять закладки взрычатки, пока не управились...

– Товарищ капитан, сколько зисов сможете привлечь завтра с утра под перевозку тротила? – спросил Эпов представителя инженерно-сапёрного батальона. – Надо не меньше восьми “ЗИС-5”.

– Где их столько взять? Разве что у зенитчиков машин пять попробую с утра одолжить, у них всё равно снаряды на исходе, подвозить нечего...

– Отлично. Тогда за две ходки всё с Мокрой и заберёте. Теперь о разгрузке. Машины зайдут в потерну с левого берега, сапёры разгрузят мешки, но грузовики задом выехать обратно не смогут, здесь не развернуться. Поэтому будем разгружать плотненько у северной стены, а порожние зисы выедут вперёд через тот портал, где мы с вами зашли, вернутся на левый берег по плотине и опять в Мокрую за остатком взрычатки.

– Логично, – согласился Шацкий, – однако, предлагаю вернуться и чего-нибудь перекусить...

Живописная экскурсионная группа развернулась и, устало обмениваясь впечатлениями, направилась к выходу из потерны.

Утром 17-го Шацкий позвонил в штаб 516-го инженерно-сапёрного батальона и напомнил о выполнении срочного приказа из Москвы. Пока утрясали то да сё, прошло пол дня. Наконец, после обеда на площадку перед шлюзом прибыло пять тяжело гружёных зисов. Мешки с толом были кое-как укрыты обрывками грязных, давно списанных брезентов.

Григорий Шацкий и Борис Эпов с представителем инженерно-сапёрного батальона ждали на Левом берегу у въезда в верхнюю потерну. Неподдалёку у газона разлеглись, покуривая и балагурия в ожидании команд, человек двадцать сапёров, выделенных батальоном на обеспечение секретной операции.

Увидя, что с прибывших грузовиков пососкакивала

охреневшая от жары, жажды и дискомфорта в ширинках охрана, сразу устремившаяся к кустам сирени, сапёрный капитан махнул своим сапёрам, вскочившим с травы и оправлявшим ремни.

– Рота, строиться! В колонну по три становись! За мной – шагом марш!..

Сапёры, позёывая, построились и поплелись за капитаном к portalу потерны.

Сомлевший от жары часовой, охраняющий вход в потерну, вяло отошёл от портала, чтобы пропустить начальство, сапёров и машины.

– Заезжай за нами! Аккуратненько только! – скомандовал Шацкий и последовал с Эповым за сапёрным капитаном и группой сапёров в тёмный зев туннеля через разверстые ворота.

Вот так в 15.35 в портал верхней потерны осторожно проник первый зис. За ним медленно втянулись и остальные. Хорошо, что взрывники пошли впереди машин – за последним зисом висело такое облако выхлопа, что шофёру практически было нечем дышать, и он самозабвенно, пока никто не слышит, матерился, виртуозно поминая Интернационал, МОПР, КИМ, Лигу наций и всё прогрессивное человечество во главе с Политбюро...

Через час пустые зисы собрались на площадке перед входом в потерну на Правом берегу Днепра у здания ДнепроГЭСа. Сапёры отдыхали в тенёчке. Хотя солнце уже покатилося на запад и дело шло к вечеру, жара стояла не просто тридцатиградусная августовская, а поыхала как топка паровоза на участке подъёма. На небе – ни облачка. Чайки, обычно активно рыбачащие по целым дням, и то куда-то попрятались.

Шацкий, Эпов и сапёрный капитан подвели итоги первого этапа работы. Доставлено из Мокрой 15 тонн тола. Мешки

выгружены в намеченном месте потерны на фронте 30 метров. Доставить оставшиеся 5 тонн сегодня не представляется возможным.

– Значит, так... Завтра с утра доберём с Мокрой остаток и будем окончательно укладывать и замуровывать песком, – рассуждал некурящий Эпов. Шацкий достал из пачки “Беломорканала” последнюю папиросу и с наслаждением раскурил. Как всякий культурный советский человек, смяв пустую пачку “Беломора”, сунул её в карман, чтобы выбросить в подходящем месте.

– Сколько у нас есть времени на всё-про-всё? – спросил сапёрный капитан?

– Ты б же нам сам и сказал, сколько осталось... Вы же рядом со штабом фронта квартируете... – печально ответил Григорий Андреевич.

– **Щас** об этом кукарекать негоже, особисты не дремлют... Но, видать, с неделю точно есть...

– Ну тогда определённо успеем, – глубоко вздохнул Эпов. – Надо машины отпускать...

Сапёрный капитан позвал сержанта, старшего транспортной группы, и разрешил возвращаться в расположение зенитчиков. Объяснил, как выехать на плотину и вернуться на Левый берег.

– Я позвоню вашим насчёт завтра. Две машины хватит...

Дребезжащие бортами и болтами зисы легко укатили по назначению.

В ночь на 18-е с запада стало доноситься громыхание немецких танков и машин. Наблюдательные посты зенитчиков тотчас телефонировали в полк о грозных шумах. В штабе полка, правда, решили, что молодые, необстрелянные ребята паникуют.

Поэтому в четыре утра командир и комиссар полка лично

выехали **полупторкой** на место, чтобы подбодрить молодых бойцов. Однако поехали не на Правый берег через Хортицу, а Левым берегом в Синельниково. Там их и повязали да в трибунал...

А третья батарея осиротевшего полка ровно в пять утра приняла бой с немецкой танковой колонной, беспрепятственно заползавшей на Хортицу со стороны села Бабурка по брошенному без охраны мосту через Старый Днепр. Вокруг Бабурки в окопах располагались ополченцы, но при виде фрицев они побросали свои позиции и рванули изо всех сил к мосту. Противник не стал истреблять небритых мужиков в помятых пиджаках и грязных картузах, а спустил с брони десяток проводников, которые, улыбаясь и непонятно галдя, смешались с толпой, сигналив танкам.

После чего техника начала втягиваться на мост, терпеливо тесня и толпу эвакуирующихся пешим ходом криворожцев с узлами домашнего скарба и детьми, и обалдевших от вегетарианского поведения врага ополченцев, и стадо колхозных **симменталок**, угоняемых на восток невыспавшимися доярками и сдержанно матерящимся бригадиром, и невоспитанно гадящих на проезжую часть моста, фривольно задирая нечёсанные хвосты в репьях и **остюках**.

Зенитчики не верили своим глазам. В стекающей с моста ярмарочно-пёстрой толпе медленно, распахивая коров и ополченцев, продвигались настоящие вражеские танки!

В батарею к тому часу произошли большие диалектические перемены. Командир батареи Тюлькин, когда ночью загудели немецкие танки, тотчас доложил в полк об угрозе атаки. Командир полка относился к Тюлькину по-свойски, потому что они были из одного села и к тому же свояки. Так что он ему прямо сказал:

– Не будь **дурком**, хапай любой транспорт и рви когти в родное село. Немец придёт, не съест. Хуже, чем было, не

будет!.. Я лично такое решение для себя уже принял!..

Капитан Тюлькин вызвал младлея Захарченка и приказал исполнять обязанности командира батареи, пока он отвезёт в штаб полка на Левый берег секретные приборы наведения, чтобы, случай чего, не достались врагу.

Затем Тюлькин вскочил в полуторку и, бешено газуя, помчал на Левый берег. Там и угодил в руки патруля...

Захарченко не растерялся.

– К бою, прямой наводкой, по танкам, бронбойными...

У зенитчиков, вооружённых 76-миллиметровыми зенитными орудиями образца 1915 года, случайно оказалось четыре бронбойных снаряда. Вчера ещё лупили по **Юнкерсам** осколочными и не мыслили даже, что придётся останавливать танковую колонну.

Все четыре зенитки развернуты на прямую наводку.

- По фашистским гадам! Огонь!

Досталось трём фрицевским танкам. Из двух танкисты стали выпрыгивать, им помогали проводники. В третьем танке, подбитом двумя снарядами, рванул боезапас и он пылал так, что было не подойти. Его экипажу уже никто не смог бы помочь.

Столпотворение у моста сразу начало разбегаться. Немцы увели технику за дорожное полотно и сделали перерыв на завтрак и анализ ситуации.

В семь утра, подтянув пехоту и артиллерию, немец пошёл на подавление батареи. Третья батарея отбивалась осколочными, что очень не нравилось врагу. Но так или иначе танки, им шрапнель не принесла никакого вреда, нашли проходы в гранитных глыбах островного рельефа и раздавили батарею. Вот получает ранение в голову и умирает на глазах однополчан младший лейтенант Захарченко. Да будет ему запорожская земля пухом! Ряды батарейцев неумолимо тают. Из 105 человек

штата осталось с десяток.

Остервенев, немцы окружили и разгромили всё, что осталось после артобстрела.

Уцелевшие бойцы, ведомые лейтенантом Чумаковым, кое-как вырвались и предприняли попытку переправиться на Правый берег, чтобы пробиться к ДнепроГЭСу. Часы в машинном зале станции показывали 15.00...

С утра работа в верхней потерне продолжилась. В восемь утра в кабинете у главинжа Шацкого собралась вчерашняя компания – Эпов, два приданных лейтенанта, сапёрный капитан, заместитель командира полка НКВД майор Косачёв, приданный Эпову для связи с полком НКВД подполковник Петровский, заместитель Шацкого Христенко и начальник охраны ДнепроГЭСа, разглагольствовать получилось некогда. Шум боя на Хортице явственно доносился через открытое окно.

– Товарищ Косачёв, – обратился Шацкий к представителю полка НКВД, – обрисуйте обстановку на подступах к станции. У меня есть сведения, что немцы подошли к Верхней Хортице и устроили завтрак на траве на околице села.

– Да, товарищи, противник стремительно сужает полукольцо вокруг ДнепроГЭСа. Думаю, до вечера продержимся...

– Надо держаться хоть как, иначе мы не успеем выполнить приказ ГКО!.. Прошу всех следовать за мной в потерну!

– А как же остаток груза из Мокрой? – забеспокоился Эпов.

– Машины в Мокрую ушли ещё в шесть утра, через пару часов вернутся. Я для гарантии послал три зиса. Повезут двумя, но вдруг какая поломаётся, перегрузят на исправную...

У входа в потерну маялись сапёры. Рядом было аккуратно сложено десятка два совковых лопат, очевидно, по числу солдат. Сапёрный капитан по просьбе Эпова поднял красноармейцев, чтобы привезти сотню мешков песка или гравия. Два зиса

группа сапёров и сам сапёрный капитан умотали в поисках необходимого **балласта**.

Группа во главе с Шацким, но уже без сапёрного капитана и представителя полка НКВД, прошли в портал потерны и, достигнув намеченного репера, ещё раз подробно обсудили схему укладки мешков с толом и пошли на Левый берег встречать зисы из Мокрой.

Пока третья батарея зенитного полка при поддержке шестой батареи продолжала сдерживать штурмовой порыв противника на Хортице, ко входу в потерну на Левом берегу прибыли зисы с последними пятью тоннами взрывчатки с Мокрянского аэродрома.

– Так, товарищи водители, остороженько, как вчера, за нами ту-ту! – улыбнулся Эпов, устремляясь к порталу потерны.

Часовой при потерне отступил в сторону к кустам, пропуская начальство и две грязно-зелёные машины.

Мужская работа сапёров к тому же не только опасна, но и тяжкая, на износ. После разгрузки последних зисов из Мокрой, начали подходить и заезжать также с Левого берега зисы с песком. На двух бортах привезли более ста мешков всякого отсева – и песок, и мелкий гравий, и дроблёная ракушка...

И только когда ушла на Правый берег последняя машина, началась настоящая работа. Решили, что закупорку потерны песком сделаем в последнюю очередь, подавая грузовики с Левого берега задним ходом.

Прежде всего, плотно уложили мешки с песком, хотя оказалось вроде маловато, до потолка потерны заглушка из мешков немного не достала. И уже после песка начали по определённой Эповым схеме укладывать сброшенные с машин вдоль северной стенки мешки с толом и внутри штабеля между

мешками поместили два заряда, состоящие из связок по двадцать цилиндрических 75-граммовых толовых шашек с бикфордовыми шнурами. Две бухты шнура по пятьсот метров в каждой тоже привезли последними машинами из Мокрой. Сапёры, аккуратно разматывая бухты, увели шнуры на Левый берег к порталу потерны.

Когда основная работа была завершена, сапёры по команде сапёрного капитана присели под стенкой передохнуть. Правда, большинство сначала сходило метров за **надцать** в сторону Левого берега облегчить малую нужду. Соблюдать чистоту в потерне уже не требовалось, вскоре взрыв сметёт всё ураганом.

Наверху на Правом берегу уже вовсю кипел бой. Немецкие танки рвались на аванпост, намереваясь сходу по плотине переметнуться на Левый берег и закрепиться в Соцгороде.

Сапёрный капитан сходил в машинный зал узнать, что и как. Там под свист пролетающих мин уничтожали турбины. Ток на город прекратили подавать ещё в полдень. Оставили работать до последнего только малышку “Комсомолку” для освещения верхней и нижней потерн.

Только что подошли десять бойцов третьей батареи, выбравшихся с Хортицы рыбацкими лодками на Правый берег и прибрежными кустами пробравшихся к машинному залу. Их напоили, подкормили пирожками и пловом, оставшимися с обеда, раненых перевязали, и способных шевелить руками пристроили к делу. Легко раненые остались в машинном зале помогать крушить оборудование, а пятеро во главе с лейтенантом Чумаковым пошли с замом Шацкого в верхнюю потерну на помощь сапёрам и Эпову.

Когда почти была закончена укладка взрывчатки, прибыл представитель штаба фронта, который вручил командире охранного полка НКВД и главинжу Шацкому военного

командования на Днепрогэсе приказ главнокомандующего войсками Юго-западного направления маршала С. М. Буденного, уточнявшую сроки взрывов.

По плотине с Правого берега беспрерывно текла на Левый берег, **пехом** и на подводах, плотная галдящая масса беженцев, ополченцев, скота, полупорок с убегающими начальниками и их барахлом и домочадцами... Немцы уже основательно закрепились на Правом за аванпостом, подтягивая танки для прорыва по плотине и ведя плотный миномётный обстрел Левого берега – площадки сразу за мостом через шлюз и первых жилых домов улицы Ленина в Соцгороде.

К порталу потерны на Левом берегу попробовал подойти первый зис, гружёный мешками с песком. Съезд машины с городской магистрали на местную дорогу к потерне был замечен немцами, и тотчас последовал перенос миномётного огня на площадку у портала потерны. Один из разрывов лёг очень близко ко входу в потерну, образовав воронку, одолеть которую зис не смог и скособочился на бок, безнадежно просев задним мостом.

Сапёры, сопровождавшие зис, схватили по мешку и поволокли в туннель. Им навстречу бежали Эпов и остальные участники закладки взрывчатки, размахивая руками.

– **Майнайте** мешки, отставить переноску песка!.. – Скомандовал Эпов. – Уже некогда играть в песочек, надо ноги уносить, а то немец успеет нашу закладку нейтрализовать...

Сапёры побросали мешки и смешались с группой подрывников. Все молча повернули к Левому берегу. Шли быстрым шагом, почти бежали. Когда вышли в горячий, пахнущий днепровской волной воздух, облегчённо вздохнули. Один сапёр даже перекрестился, заслужив неодобрительный взгляд сапёрного капитана.

– Так, товарищи красноармейцы, всем вольно! Оправиться и

отдыхать поближе к воротам потерны. – Скомандовал капитан.
– Там не достанут мины... Старшим назначаю сержанта
Путанина. Отлучаюсь по делам...

В свою очередь, Эпов оставил приданных младших лейтенантов охранять выводы бикфордовых шнуров.

– В потерну никому не заходить! – строго-настроено предупредил Эпов.

Затем Эпов и сапёрный капитан спустились по вырубленной в скалах красивой, санаторного вида гранитной лестнице, ниспадавшей в живописных кустах жимолости метров на десять ко входу в нижнюю потерну. Эта инспекционная потерна, подобно верхней, тоже соединяла Левый берег с Правым, но не годилась для проезда транспорта, а только для прохода людей и размещения датчиков поведения плотины. Высота её всего два с половиной метра, а ширина достаточна лишь для того, чтобы свободно разминуться двум человекам...

Под тусклым светом лампочек Ильича в атмосфере благодатной прохлады специалисты поспешили на Правый берег к Шацкому в машинный зал... Оказалось, напрасно спешили. Им навстречу, тяжело дыша, уже бежали Шацкий, зам Шацкого Христенко, подполковник Петровский и майор Косачёв, тот, что представлял полк НКВД при подготовке взрыва.

– Товарищи, всем назад! Сейчас по этой потерне пойдут остатки полка НКВД. Всё кончено. Машинный зал разрушен, агрегаты горят, их замкнули “на себя”... “Комсомолку” вот-вот достанет пожар, и мы здесь окажемся без света...

– Что случилось? – закричали подрывники.

– Фашисты реутся к плотине... – Как для глухих, истерично закричал майор Косачёв. – Бойцы первого батальона бутылками с зажигательной смесью подожгли четыре танка на подступах к машинному залу, но немец прёт, уходим в Соцгород...

Со стороны Правого берега прослышался шум бежущих

людей.

– Бежим, а то затопчут! – крикнул Косачёв и первым рванул к Левому берегу. За ним, осознав опасность, побежали его растерявшиеся собеседники...

Как только группа спецов вырвалась на свежий воздух и, сморкаясь и матерясь, чуток отошла в сторонку от портала малой потерны, из неё вырвался плотный поток бойцов охранного полка. Бежали долго, потерна исторгала солдат минут сорок. Бежали по-разному, кто с винтовкой, кто с вещмешком, кто просто **оперезанный** скаткой шинели... От этого мужского половодья исходил горячий, тёрпкий, хлевный запах давно не мытых и забывших ласки и уход тел. Вырываясь из узкого, страшного для неосведомленного человека туннеля потерны, мужики, не останавливаясь на тесной площадке у портала, продолжали тяжёлый бег вверх по гранитным ступеням лестницы, вырубленной в скалах и ведущей их на свободу, на простор ещё нашего левого берега...

Мимо Эпова с коллегами протопало человек триста – всё, что осталось от полка. Так вышло, что с полтыщи бойцов, охранявшая ГЭС с юго-запада, в районе села Верхняя Хортица, не сумели соединиться с теми, кто охранял непосредственно машинный зал, высоковольтную подстанцию и аванпост. На месте боя остались погибшие и тяжелораненые – куда их через потерну? Последними выбежали командир полка и замполит.

Увидев Косачёва, командир полка притормозил и, придерживая своего заместителя за рукав гимнастёрки, сказал ему официально: – Товарищ майор, я должен выполнить приказ ГКО и подойду, когда освобожусь... Прошу собрать бойцов у первого дома. Пусть пока проведут учёт личного состава и решат с ночлегом... Накормить горячим, раненых сдать медслужбе...

Косачёв козырнул и ускоренным шагом удалился выполнять приказ.

Переведя дыхание и поправив портупею, комполка обратился к Шацкому, Петровскому и Эпову.

- Ну что, товарищи, последний парад наступает?! Всё готово? А то немчура вот-вот разберётся, где входы в потерны, и попробует их на зуб. Надо закругляться!..

- Всё по науке... – Ответил за всех Эпов. – Думаю, начинка сработает... Прошу к верхней потерне!..

Руководители, держась за стальной поручень, по одному следовали вверх за Эповым, взбираясь гранитной лестницей к большой потерне. Солнце, уже по-вечернему сильно осевшее к западу, напоследок жарко пропекало спины семерых усталых и, не будем лукавить, испуганных мужиков, спешащих выполнить приказ самого Иосифа Виссарионовича...

Тяжело дыша, как после кросса по ГТО, семёрка появилась у портала верхней потерны в 20 часов 28 минут.

Сапёрный капитан спросил у Эпова, нужны ли ещё сапёры.

- Да нет, коллега, – развёл руками Борис Александрович, – все свободны, отправляйтесь в расположение батальона!

*- Ну, тогда желаю успеха! – Устало улыбнулся сапёрный капитан, козырнув всем остающимся у потерны начальникам. Он торопливо построил своих отдохнувших в тенёчке бойцов, и они **зашаркали кирзятиной** в сторону первых домов Соцгорода.*

20 часов 40 минут. Солнце приготовилось сделать последний шаг к горизонту и напоминало крупный апельсин из подарочного набора. На небе по-прежнему, как и две последние недели, не было ни облачка, а в тёплом предвечернем воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения хотя бы робкого ветерка. Чайки делали последние круги над нижним бьефом, касаясь воды в поисках ужина. Над зданием машинного зала поднимались клубы сатанински-чёрного дыма, это догорали генераторы и аппаратура. Солнце приготовилось садиться за

горизонт как бы рядом с бесформенно растекающимися дымами пожарища.

Наконец, апельсиновое солнце коснулось горизонта, стало огромным и медленно сменило цвет на медный, отчего стало похоже на старинный бабушкин таз для варки вишневого варенья.

В районе шлюза и на взгорке перед Соцгородом продолжали ухать разрывы мин. Немец, расстроенный недоступностью аванпоста и невозможностью поэтому заскочить танками на плотину, никак не мог успокоиться и лупил, и лупил по Левому берегу с маниакальным упорством.

– Минуточку, Борис Александрович, я только посмотрю на неё последний раз! – Почти зарыдал Шацкий и направился к тому краю площадки, откуда была отлично видна вся панорама нижнего бьефа, плотины и станции.

Солнце нырнуло за горизонт. Над Днепром начало смеркаться. Небо на западе, там, куда кануло солнце, приобрело тревожный огненно-червонный цвет, похожий на цвет разливаемой стали... Вода внизу, за островами Дубовым и Тремя Стогами, перед Старым Днепром, стала холодного, безжалостно-синего цвета. Дымы над догорающим машинным залом расползлись неопрятными бурыми кляксами. Их противоестественная сепия открыто враждовала с природными красками летнего вечера.

В вечернем воздухе мельтешили тысячи ласточек, охотящихся за мириадами мошек, почувствовавших приближение ночной прохлады. В другое время непрерывное броуновское движение птиц вызвало бы долгое любование и восхищение, но не сегодня. Однако птицы не чувствовали тревоги и искренне радовались жизни. Даже разрывы мин за шлюзом не пугали их.

ДнепроГЭС в любое время суток прекрасна, а вот в такие сумеречные часы плотина особенно изящна, как драгоценное кольцо на нежной шее красавицы-реки.

– Вот она, наша ненаглядная, а мы её своими руками... - по-бабьи запричитал Григорий Андреевич. Подошедшие к нему Петровский, Эпов, командир полка и его давно не бритый замполит молча и крепко по очереди обнялись друг с другом и по-мужски пожалели пригорюнившегося Шацкого.

– Не будем мельтешить на виду у врага. Усекут и враз накроют миной, – предупредил командир полка. – Попрощались? Всё! Пошли дело делать!..

И они направились к младшим лейтенантам, изготовившимся у портала.

– Вопросы есть? – **Шморгая** носом, обратился Григорий Шацкий к тем, кто был правомочен благословить взрыв. Он небрежно достал из брючного кармашка ещё дедушкин золочёный хронометр **Breguet**, отщёлкнул крышечку и, слегка полюбовавшись на матовую поверхность циферблата и изящные стрелки, вздохнул и тихо, но отчётливо сказал: – На моих без трёх минут девять... Если вопросов нет, дайте команду на подрыв плотины!

– Вопросов нет, – ответили хором Петровский и командир полка. – Взрыв разрешаем!

– Так, товарищи младшие лейтенанты, возьмите в руки по бикфордову шнуру, будем, как говорится, приводить в исполнение... И ещё запомните, если ненароком сюда к порталу залетит мина, то кто останется жив, должен любой ценой поджечь шнуры!.. И будьте свидетелями, кто останется жив после войны, – сильным неразборчивым голосом подытожил Борис Эпов, – поджигаю!

Он открыл пятикопеешный коробок спичек калужской спичечной фабрики “Гигант” им. Ворошилова (ОСТ 282) с неряшливым изображением Рабочего и Колхозницы, вздымающих к небу сноп пшеницы на фоне красного знамени, и, вынув одну, чиркнул. С одной спички поджёг оба бикфордова шнура. Огоньки

споро побежали в туннель.

- Товарищи, подождите, срочный приказ! – От шоссе, размахивая бумагой, к ним сбегал по уклону травяного газона посыльный, как тотчас выяснилось, из расквартированного в начале улицы Ленина штаба Южного фронта от единственного оставшегося в городе “на хозяйстве” члена Военного Совета Южного фронта начальника политотдела фронта генерала Запорожца. Остальные руководители фронта уже который день, считалось, дневали и ночевали в войсках, а попросту, решали вопросы эвакуации и спасения своих близких из Киева, Днепропетровска и Запорожья.

В руках у гонца был приказ ДнепроГЭС не взрывать. Дескать, командование ждет с минуты на минуту подхода танков, чтобы бросить их в контратаку, переправив через плотину навстречу немецкому авангарду.

Хотя вся работа по подготовке взрыва производилась в великой тайне даже от командования Южного и Юго-Западного фронтов, но когда остатки охранного полка НКВД, измотанные и израненные, бросив тех, кто не мог идти, перешли на Левый берег по потерне и расположились цыганским лагерем буквально под окнами штаба Южного фронта, генерал Запорожец всё понял и решил действовать. Плотины – спасать, Запорожье – спасать! Человек скромный и некарьерный, он вдруг разбушевался. То ли фамилия проявила себя, то ли в панику впал, но послал гонца с приказом отсрочить взрыв.

Но у Шацкого, Эпова и командира полка НКВД приказ более высокого уровня. Да и как обрезать горящие бикфордовы шнуры? Удастся ли догнать огонь, побежавший по шнурам?.. Маловероятно.

И Эпов крикнул одно слово: – Поздно!..

– Уходите все как можно скорее вверх по откосу на шоссе, – продолжал он. – После взрыва вода хлынет по потерне и вырвется сюда, где мы стоим. Слижет к хренам. Бежим!

Все дружно бросились прочь от портала потерны.

В девять вечера с минутами, когда огонь по бикфордовым шнурам достиг запалов, грянул взрыв. Стоя уже на выезде с моста через шлюз, подрывники сначала почувствовали грозный толчок земной тверди под ногами, а затем увидели, как на сливной части плотины вдруг возник неуклонно надувающийся из эпицентра, где-то из потерны, пузырь мрачного неразборчивого цвета. Затем на миг небо над полукружьем плотины стало красно-кирпичным, как при сливе шлака из ковшей на полигоне шлаковых отходов “Запорожстали”.

Многометровые глыбы расколотого ударной волной бетона адским напором воды обрушились вниз, к подножию плотины, открывая путь более чем трём кубическим километрам воды Днепровского водохранилища, в просторечии озера Ленина. Сине-зелёный водяной “язык” высотой примерно 30 метров и шириной около полутора сотен метров на глазах изумлённых подрывников в миг перемахнул, не вздрогнув даже, через мелкие скалы и острова, не ощутив препятствий и заметно расширяясь, растекаясь по свободному пространству нижнего бьефа, за считанные мгновения воткнулся в безмятежные дотолы воды нижнего бьефа, разметав их по сторонам фантастическими фонтанами и водоворотами, продолжил бешеный бег и накрыл остров Хортицу, береговую часть Старого города и прибрежные сёла неистово и утробно гудящей водяной стихией...

И эта кошмарная волна понеслась, всё сметая, на юг, к Никополю, Каховке и Херсону, где как раз пытались перебраться на Левый берег Днепра полностью деморализованные и разгромленные части 2-го кавалерийского корпуса, 9-й и 18-й армий Южного фронта.

– Боже ж ты мой!.. – Не по-чекистски прошептал командир полка НКВД, поднеся руки к вискам. – Что же мы наделали? Почему такая брешь?..

Почему вместо расчетных 35 метров образовалась брешь шириной метров полтора, было понятно только Эпову и Шацкому. То, что не успели заглушить потерну после укладки тола со стороны Левого берега, направило ударную волну не только вверх, но и вдоль плотины к шлюзу. Поэтому и такой результат. Да и двадцать тонн – заведомо перебор, перестраховка, хватило бы и пяти...

Грохот водопада практически не давал говорить.

Даже фрицы на Правом берегу оцепенели от удивления, разглядывая запорожскую Ниагару, и прекратили артиллерийско-миномётный обстрел 6-го посёлка.

Пока Днепр продолжал вырываться на волю, рыча и множа жертвы, генерал Запорожец продолжал заводиться всё больше.

– Найдите кого-нибудь из особистов, мать вашу, пошлите арестовать этих диверсантов!

Дежурный по штабу фронта молчаливый майор, на вид отличник-десятиклассник, старательно выговорив “Слушаюсь!”, куда-то побежал и вскоре вернулся с нужным человеком.

– Лейтенант Петлюк, облуправление НКВД, по Вашему приказанию прибыл! Прикомандирован к Особому отделу. Слушаю Вас, товарищ генерал!

– Взрыв слышали? Считаю диверсией! Срочно разберитесь и арестуйте диверсантов!

Козырнув, Петлюк рванул к двери. И буквально в нескольких шагах от штаба наткнулся на группу, взорвавшую ДнепроГЭС.

– Кто здесь подрывники, кто уничтожил плотину? – Крикнул Петлюк, как можно более проницательно всматриваясь в хмурые лица негодяев.

– Ну, допустим, я, – вяло сказал Эпов. Шацкий понял, что могут быть неясности, а то и неприятности, тоже приблизился к разъяерившемуся лейтенанту. – Я руководитель подрыва, а что?..

– Следуйте со мной в штаб фронта, будете давать показания!

– Так мы туда и идём, не ясно разве? – Удивился Шацкий.

– Не разговаривать. Шире шаг!..

Когда, миновав скучающего часового, прошли в подъезд, где располагался штаб фронта, и предстали перед генералом Запорожцем, тот с задержанными даже разговаривать не стал, углубясь в какие-то, возможно, важные бумаги.

Петлюк вышел вперёд и доложил:

– Товарищ генерал, диверсанты по Вашему приказанию арестованы и доставлены!..

– Завтра же... перед строем... как собак!.. Лично!.. – закашлялся в гнев генерал.

Вскочивший со стула при виде задержанных начальник Особого отдела фронта истерично запричитал, топнув для убедительности ногой:

– Сдать оружие! – И лично забрал у подполковников наганы в кобурах. Затем приказал Петлюку отконвоировать их в фронтovou подследственную тюрьму...

Таким образом, генерал Запорожец, не зная, что делать с подполковниками-диверсантами, к тому же ввиду поступившего уже распоряжения о передислокации штаба вглубь обороны, удачно выбрался из деликатного положения...

Часа через два после взрыва к краю прорана решились подойти, ведомые первым замом наркома электростанций Жимериным, отцы города – руководители Днепроэнерго Гуменок и Тополянский, директор ДнепроГЭСа Касьянов, начальник Днепростроя Логинов, парторг ЦК на ДнепроГЭСе Кочетков, предгорисполкома Скрябин, шеф НКВД Леонов, 2-й секретарь обкома КП(б)У Кириленко, 1-й секретарь горкома партии Комаров. Генерал Запорожец почему-то не пошёл, сославшись на критичность обстановки.

Пока проверяльщики осторожно и молча, без единой папиросы и руководящего **матерка**, шли в вечерней темноте, боясь зажечь фонарики из-за возможного обстрела с Правого берега, над тяжело дышащими мужиками бесстрастно висело звёздное небо, украшенное узким С-образным серпом близкой к новолунию, ущербной Луны и поминутно перечеркиваемое пунктирами метеоров из привычного августовского звездопада Персеид — метеорного потока, ежегодно появляющегося со стороны созвездия Персея при прохождении Земли через хвост кометы Свифта-Туттля.

Днепровская вода с рёвом, от которого закладывало уши, яростно сотрясая уцелевшие секции плотины, устремлялась вниз, затопляя не только остров Хортицу, но и обрекая на гибель всё живое в низовьях Днепра. Невидимое облако мельчайших брызг, как осенний дождь, накрыло комиссию пеленой прохладной влаги. Настил моста над сохранившейся частью плотины тревожно вибрировал, и казалось, что разрушение ещё не закончилось и в любое мгновение неукротимый поток унесёт и остатки плотины, и шлюз, и беспечных начальников, решившихся подойти к **прорану**...

Уже ночью в обкоме партии вдруг появилось сообщение о том, что некоторые части нашей армии не успели переправиться на левый берег. Это были неприятные минуты: не поторопились ли со взрывом? Но затем кто-то сказал, что погибли одни немцы, и любопытные успокоились.

Однако когда к утру основной девятый вал прошёл, на вербах, вязах и дубах в днепровских плавнях от Запорожья до Херсона остались висеть в изуверских позах десятки тысяч красноармейцев, погибших или погибающих мучительной смертью. Многие были ещё живы и корчились под палящим солнцем, не в состоянии отцепиться от ветвей и доплыть до

спасительного берега – местами ширина Днепра теперь достигла трёх километров.

Немцы, появившись утром 19-го на незатопленных участках Правого берега, развлекались тем, что достреливали красноармейцев, висящих в пределах уверенного выстрела, тренируя навык прицельной стрельбы. Но и такая смерть была, вероятно, избавлением и благом, потому что тем, до кого было не дотянуться выстрелом весёлым гансам, кто завис ближе к Левому берегу, придется не один день усыхать под августовским солнцем от жажды и ран, умоляя всевышнего даровать хоть какую, но быструю смерть...

Едва очередному отряду немцев буквально на следующий день удалось захватить Хортицу, они согнали женскую часть населения расположенного на высоком Правом берегу села Бабурки и приказали убирать тела утонувших красноармейцев, разбросанные по полям и огородам, висевшие на деревьях в плавнях на юге острова. Понятно, что в первую очередь они заставили собрать и захоронить немецких солдат, вчера так играючи ворвавшихся на Хортицу и тоже большей частью погибших от неожиданной стихии.

В Старой части Запорожья, на расстоянии многих километров вниз по Днепру, от удара бешеной волны вылетели оконные рамы и развалились сараюшки.

Что творилось, описать спокойными словами невозможно. Это был водяной ад. В Дубовой роще, в плавнях острова Хортицы и Днепровских плавнях на десятки километров к Никополью и дальше вплоть до Каховки и Херсона находились наши воинские части, пытавшиеся днём 18-го августа переправиться на Левый берег.

Немецкие моторизованные корпуса оказались скованы боями за Николаев, Херсон, Кривой Рог и Никополь, и решить сразу две задачи — выйти к Днепру с захватом плацдармов вокруг павших к утру 18-го четырёх городов и окружить две армии,

отступающие от Николаева — им решить не удалось.

Части наших армий и 2-го кавалерийского корпуса хотя и остались без пополнения боезапаса, горючего, какого-либо снабжения и внятного руководства, всё же, бросая убитых, раненых и остатки техники, смогли оторваться от противника и, бросив рубежи по Южному Бугу и Ингульцу, откатиться к Днепру.

Ещё 17-го августа главком Юго-Западного направления маршал С. М. Будённый разрешил отвод войск Южного фронта на Левый берег Днепра с целью организации обороны на рубеже этой крупной реки. 2-й кавалерийский корпус должен был отходить в район Никополь — Нижний Рогачик. 18-я армия — на восточный берег Днепра с задачей занять оборону на участке Никополь — Нижний Рогачик — Каховка. Соответственно, 9-я армия — на участке Каховка — Херсон. Отход предписывалось прикрыть сильными арьергардами и действиями авиации.

От Никопля до Херсона ширина Днепра в среднем составляет около полутора километров. Понтонные средства войск в ходе отступления были потеряны на дорогах и в боях, в основном на Южном Буге при переправе отходящих частей 18-й армии. Сохранившиеся остатки понтонов можно было применить лишь для сооружения легких паромов. К счастью, баржи, буксиры и дебаркадеры Днепровского пароходства, всё, что могло использоваться для переправы, было мобилизовано.

Из всего этого условно плавающего хлама удалось слепить три паромные переправы.

Для 2-го кавалерийского корпуса — три парома на деревянных лодках у Нижнего Рогачика (лошадей пришлось переправлять вплавь), для 9-й кавалерийской дивизии — буксирный пароход с баржей у Большой Лепетихи; для соединений 18-й армии — паром на баржах и два парома на подручных средствах в районе Кочкаровки; для соединений 9-й армии — два парома в районе Западные Кайры, три парома на

баржах в районе Каховки и два парома у Тягинки...

Примитивные, потёмкинские переправы начали перевозить войска, а это десятки тысяч бойцов и многие тысячи лошадей, во второй половине дня 18-го и продолжали работать даже вечером. Хотя, если честно, работы им хватило бы на две недели!

И вдруг – несокрушимый поток из Запорожья. Вода верхнего бьефа, вырываясь через брешь шириной полторы сотни метров под давлением 25-30 атмосфер у основания потока, неслась со скоростью до ста километров в час, неся в своём первом “плевке” всевозможный мусор, ветви и стволы деревьев, лодки и стены разрушенных её напором домов, людей, лошадей, рогатый скот .

Не прошло и часа, как ревущий шквал накрыл укладывавшиеся спать сёла – Кушугум, Балабино, Каменское, Каменку-Днепровскую, Ушкалку, Малую и Большую Лепетиху на Левом берегу, хлестанул Разумовку, Беленькую, Тарасовку и окраинные улицы Николая – на Правобережье. И понёсся вниз, к Каховке, Цюрупинску и Херсону.

На всём протяжении низовьев Днепра на берегу и в плавнях копошились десятки тысяч красноармейцев и кавалерийских лошадей. Дьявольская волна вначале подхватила их и вознесла на свой многометровый гребень, а затем повертела, не раз перевернула, потерзала, поиграла и бросила, опустила, наколола на обломанные ветви деревьев и кустов речного побережья.

В одночасье погибло и всё, что плавало по Днепру и оказалось в нижнем течении реки. Пассажирские пароходы, буксиры, баржи, всякие примитивные паромы из барж и дебаркадеров, канонерки, мониторы и катера Днепровской флотилии были потоплены или выброшены на мелководье в плавнях. Говорили, например, что монитор “Волочаевка” был выброшен на Левый берег и на следующий день в таком положении, по пояс в песке, ещё вёл

огонь по врагу до полного израсходования боезапаса...

Кроме войск и селян, в плавнях погибли и десятки тысяч голов скота, согнанного к Днепру с Правобережной Украины для переправы в глубокий тыл. Невыносимый смрад от разлагавшихся останков скота и людей разгулялся весной и в начале лета 1942 года, и уцелевшим жителям плавней пришлось запустить огороды и на протяжении многих дней сжигать и закапывать скотину, по-скорому в братских ямах хоронить бойцов...

Вечером 19-го августа, чуток умывшись и побрившись, энкавэдисты сидели в буфете станции Запорожье-Второе, отмечая успешную ликвидацию своей “конторы” и благополучный исход патрульного выезда в Соцгород. Получилось очень даже мило. Всех энкавэдэшников, выживших на Правом берегу и героев ликвидации здания Управления, записали в штабе Южного фронта на усиление Особого отдела фронта и уже поставили на довольствие. Валентин Иванович Леонов всё устроил. Гигант мысли. Своих не забывает. Жизнь продолжается!..

ДнепроГЭС взорвана, тока нет и на обеденных столах старорежимно скупо светили керосиновые лампы-фонари путевых обходчиков. С Петлюком по пьяни разоткровенничался его коллега Евгений Стусь.

– Слышь, Пётр, как начали факелы в камеры кидать, то вою было от горячей нечисти, считай, до верхнего этажа... Прямо мороз под лопатки пробирал. Хорошо что нас толково проинструктировали насчёт того, что когда кинул факел, то дверь камеры прикрой. А то бы пламя могло другой раз вырваться в коридор и хрен его знает, чем бы и для нас самих дело обернулось. Небось, многие из нас обгорели бы. Ты какую подпаливал?..

– Третью, там дезертиров было набито штук двадцать. Хорошо занялись, одним сполохом... Мне их вытьё было, как

лай бешеных собак... Давай выпьем! Будь!..

– Твоё здоровье!.. А я – девятую. У меня те, кто отказывался скот угонять в тыл, несознательный колхозный элемент, а также паникёры – распространители слухов... Тоже завывали, как в Киевской опере... Да!.. Слышь? Рядом со мной Гузькин у восьмой камеры работал, там сидела мразь с “Днепропецстали”, те, что заводскую техдокументацию то ли не в тот эшелон засунули, то ли вообще по дороге на погрузку потеряли. Десяток отпетых вредителей в очках и шляпах. Так, представляешь, этот Гусёк камеру отпер, заглянул в неё с факелом, а потом вдруг выскочил оттуда, как ошпаренный, факел на пол бросил и плакать начал. Говорит мне, стуча зубами, что там своего отца узнал, дескать, с месяц как пропал из дому... Мол, никто не знал, куда...

– Ну и слизняки пошли! Совсем кадровая работа ослаблена... Ужас!.. И чем всё кончилось? Я когда третью подпалил, сразу на улицу выбежал, там должен был Комаров подъехать с проверкой...

– Ну ничего страшного. Я факел Гуська поднял и в дверь той камеры сунул. Всё путём! А Гузькин незаметно как-то на свежий воздух поднялся... Надо бы старшим товарищам доложить об этом негативном эпизоде, так они же после отъезда **Комарика** драпанули все, ты же знаешь...

– После войны доложишь, нам с тобой сейчас надо не зевануть последний “воронок” на 6-й посёлок... А то придётся пешком топтать. Давай завтра со штаба фронта начнём. Генерал Запорожец штаб в другое место передислоцирует... Отрешим с питанием и жильём. Назначаю на 8.00. Усёк?.. – закружил встречу Петлюк, по-дружески потрепав Стуся по грязному, смердючему загривку и прощально махнув рукой коллегам за соседними столиками...

Сидевший за одним из них Минченко вскочил было попрощаться с Петлюком, но увидя, что тот уже отвернулся и

устремился к двери, расстроено осел на стул и уставился в стакан. А ведь и он тоже старался во всю. Важную функцию по предварительному связыванию антисоветского элемента шпагатом перед уничтожением контры Минченко на пару с Федюниным выполнил всего за три часа! Но никто их не только не поблагодарил перед строем, а даже воспитательным матом не покрыл в сортире... Вот так, стараешься, стараешься, а тебя в упор не замечают...

Войну Пётр Прохорович провёл сначала в особистах, а затем в СМЕРШе, да так удачно, что заслужил и орден "Красной Звезды", и пяток боевых медалей. Вернулся после дембеля в родной город в 1947-м в звании капитана, и сразу в родное НКВД, теперь уже начальником отдела... Собирался и мог бы и повыше выдвинуться, но с болью в душе узнал, что осенью 44-го Петра Комарова, на поддержку которого рассчитывал, нагло, прямо в машине, застрелил какой-то недобитый бандюк, возможно, из бандеровцев. Впрочем, при чём здесь бандеровцы? Где Западэцизна, а где Запорожье... Причём, действовал палач очень даже профессионально.

Дело было так. Вечером того рокового слякотного осеннего дня 1944 года в единственном уцелевшем общественно-значимом здании старой части города – Доме культуры железнодорожников имени Дробязко, ласково называемом "Дробики", проходило торжественное заседание, посвященное октябрьским праздникам. Пафос мероприятия обеспечивало привычное советскому человеку спартанское убранство зрительного зала. На сцене неменный стол президиума, укрытый кумачевой материей, с графином и тарелкой с тремя гранёными стаканами. Народ окрестил посудный набор – "на троих". Слева фанерная трибуна с гербом. У трибуны известково-белый гипсовый бюст дедушки Ленина.

Над сценой на заднике из окрашенной в светло-голубой цвет мешковины присобачен портрет товарища Сталина с трубкой – копия известного портрета в исполнении местного художника. Над товарищем Сталиным – лозунги “Всё для фронта, всё для победы!” и “Да здравствует 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!”, ну, и знамя города в углу сцены.

Народу собралось немного – человек сорок, в основном руководители и секретари парткомов. По долгу службы секретарь горкома КП(б)У Комаров выступил там с приветственным словом.

Ну, он, понятно, освежил познания товарищей о текущем моменте, главным образом, о положении на фронтах. Война практически перешла на территорию врага. Полностью освобождены Украина, Белоруссия, Болгария, Прибалтика... Начался штурм Будапешта и других крупных центров Восточной Европы, то-есть идёт неотвратимый разгром саттелитов Гитлера. Под гениальным руководством Верховного главнокомандующего товарища Сталина война перешла в заключительную, победную фазу. В этих условиях нам надо всемерно усилить темпы восстановления народного хозяйства Запорожья, обеспечить поставку продукции фронту, все силы бросить на восстановление ДнепроГЭСа, гигантов металлургии, моторостроительного завода...

Не обошлось и без большевистской критики. Пётр Николаевич постучал костяшками пальцев по трибунке. Надо же такой позор, завод имени Войкова, который в 42-м успешно ремонтировал немецкие танки, сейчас никак не может освоить выпуск зимних печек для окопов!..

Начались прения. Директор паровозоремонтного завода бодро доложил о сверхплановом ремонте двух паровозов к праздничной дате...

Секретарь парткома “Запорожстали”, запинаясь, повествовал о ходе восстановительных работ и о запуске ремонтно-механического завода комбината...

Какой-то хрыч в очках кратко обрисовал ход подготовки к восстановлению ДнепроГЭСа. Народу надоело жить в тёмном городе, хотя очевидно, что придётся и вторую зиму сидеть при каганцах...

Ну и на закуску о простом, житейском, о том, что близко каждому патриоту родного города. Начальник горкоммунхоза, **зачуханный** и вечно невыспавшийся, словно с перепоею, заплетаясь в простых словах, доложил о ходе облагораживания Старой части города.

– Мы, выполняя указание горкома партии, приступили к устройству нового сквера Пионеров. Он расположится между гостиницей “Театральная” и улицей Анголенка, то есть Базарной, а также между улицами Карла Либкнехта и Михеловича.

Простите, действительно, не Михеловича, а давно уже Горького. Но там, как вы знаете, место загажено немецким военным кладбищем. Надо сначала вывезти всю фашистскую нечисть.

– Так вывозите на здоровье! Пару субботников организуем, не проблема, – прервал **балабола** Комаров.

– Трудно очень. Бульдозеров нет, машин нет. А мертвяков там не меньше тыщи. Выковыриваем вручную, вывозим на трёх цыганских подводах. Так и за год не справимся...

Комаров нахмурился.

– Всё! Хватит трепаться. Организуйтесь в две смены. Садись, горкоммунхоз!..

После безнадежной попытки спеть “Интернационал” и закрытия заседания в кабинетике заведующего Дробиками собрались на чашечку кофе основные главари партхозактива

города и, конечно, Комаров. Опрокинули и по чарке горилки с перцем. Закусили бутербродами с подкопчёным салом. Кое-кто не постеснялся и по тяжелой кисти винограда с блюда захватить. Не затягивая мероприятия, тепло, по-товарищески попрощались и стали разъезжаться-расходиться.

В коридоре по дороге на свежий воздух, к Комарову приблизился тот чубатый брюнет в форме капитана НКВД, который всё заседание околачивался в первом ряду кресел зрительного зала, напротив президиума, заседавшего за столом на сцене.

– Товарищ Комаров, разрешите обратиться! Капитан Кошкин! Выполняю особое задание по вашей охране...

– Слушаю, капитан. Что за дела? Есть причины для беспокойства?

– Так точно, товарищ Первый секретарь горкома! Оперативная обстановка неблагоприятная. Я поеду с Вами, проведу конкретно до дома.

– Мне в течение дня ничего не сообщали из вашего управления...

– Сразу, как Вы отбыли на заседание, мне дали задание с Вас глаз не спускать и сопровождать до самого дома...

– Ну тогда рули за мной!.. – устало согласился секретарь горкома.

Он пожал руки всем руководящим товарищам, кто сумел и успел до него дотянуться, и вышел с капитаном на свежий воздух.

Дождь стих, выглянула недельной полноты луна и заседанцев объяла та тихая осенняя умиротворённость, что так приятна усталому человеку.

Шурша сапогами по свежей песчано-гравийной смеси, щедро насыпанной на дорожки к торжественному заседанию, Пётр Николаевич тормознул у по-осеннему обшарпанного и грустного

куста декоративной маслины, привычно справился с ширинкой и оросил куст застоявшейся тёплой струёй.

Комаров не любил личную охрану и ездил по городу с одним шофёром. А когда, пописав, подобревший Комаров шагнул к пепельному красавцу **Opel Admiral**, доставшемся городу от бежавших в панике оккупационных властей, бравый энкавдист попросился к Первому в машину.

– Ты что же, без мотора, сынок? Хотя бы мотоцикл какой...

– Ни к чему, мешать будет.

– Ну **тады** грузись! – Пригласил Пётр Николаевич и уверенно втиснулся на переднее сиденье.

Капитан Кошкин, не мешкая, занял место сзади и машина, включив дальний свет, всхрипнула движком и поплыла парковой аллеей, свернув в конце её направо, на улицу Гоголя, потому что прямо по Коммунарской и налево по Гоголя было не проехать из-за ещё довоенных дождевых промоин. Повернув на углу налево по Запорожской до пересечения с улицей Карла Либкнехта, ещё раз свернули налево и уже по нормальной брусчатке главной улицы газонули было вниз в сторону площади Свободы.

Вот и Малый Базар. Справа, в зарослях кустарника и бурьянов, громадились три этажа развалин Управления НКВД.

– Не шустри! – Попросил водителя Комаров, затягиваясь “Казбечиной”. – Меня здесь в 41-м едва не засыпало, когда крыша и четвёртый этаж рухнули при пожаре... Всегда сердце щемит, когда мимо этих развалин еду...

– Ой, у меня тоже ещё как щемит, товарищ Комаров, – дружеским тоном поддержал с заднего сидения ностальгическое настроение Первого Кошкин.

В этот миг Комаров ощутил затылком ствол пистолета, и тотчас в салоне властно **жахнул** выстрел, слегка обрызгав секретарскими мозгами Кошкина и даже немного – водителя.

Шофёр резко сбросил газ и ошарено обернулся к Кошкину, собиравшемуся всадить пулю и в его только утром

подстриженную голову. Фронтальная реакция не подвела, правая рука водителя описала молниеносную дугу, а твёрдокаменное ребро ладони точно приземлилось на руку противника. Кошкин выстрелил, но уже куда придёт. Пришлось в правое бедро водилы.

Оре! мягко ткнулся в бордюр и заглох. Псевдокапитан выскочил из машины и большими прыжками в полной темноте побежал вниз по улице, размахивая **ТэТэ**. Вслед ему прогремело семь торопливых пистолетных выстрелов превозмогающего боль и слабость секретарского шофёра.

В районе белых особняков Кошкин неожиданно получил подножку, профессиональный удар ребром ладони по кадыку, выронил оружие и через мгновение уже бился в крепких объятиях военного патруля, спешившего вверх по Карла Либкнехта на звуки ночной стрельбы.

– Вот и хорошо, товаришок... Не дёргайся!.. Разберёмся... – Приговаривал один из патрульных, надёжно связывая заломленные руки Кошкина обрывками каких-то проводов...

Наряд патруля, вооружённого автоматами ППС-43, состоял из сержанта и двух рядовых.

– Кулешов, айда к машине! Да не бзди! Что не так – стреляй!

Кулешов, изготовив автомат, **вайловатой** рысью понёсся к легковушке на свет фар.

Вскоре он вернулся, тяжело дыша.

– Там раненый водитель и убитый большой начальник... Этот, видать, поработал, – кивнул он на задержанного.

– Ах ты, сука! – Пнул “Кошкина” сержант. – Да я бы тебя лично, если б не служба!.. Гадёныш... Ложись на землю, угомонись, гнида!..

– Раненый как? Сам обойдётся, покуда пришлём группу? – Обернулся сержант к Кулешову.

– Тяжелый он, товарищ сержант, без сознания, кровящи до хрена из **отсюда**! – Он похлопал себя по правому карману

шинельки. – Я его плотно усадил и посильнее прижал к сиденью, чтобы меньше сочилось...

Сержант помолчал, обдумывая ситуацию. Скрутив и раскрутив самокрутки из крепчайшей махры, ребята затаивались дымом, успокаивая нервы.

– Так, кончай перекур! Чем быстрее доставим диверсанта, тем скорее пошлют группу на помощь шофёру. Вперёд!

Они подняли безучастного “Кошкина” и почти волоком потащили в комендатуру, располагавшуюся через два квартала на углу Карла Либкнехта и Грязнова в четырёхэтажке **водников** напротив завода имени Войкова.

Город молча наваливался на патрульных слева и справа химерическими тенями ночного мрака. В уцелевших домах не светилось ни единого огонька. И ещё действовала на нервы тотальная гробовая тишина теперь уже тылового города.

Петлюку ещё рассказали, что было следствие, но проводили его представители Москвы, которые сразу же забрали “капитана НКВД” в столицу. Говорили, что ему якобы дали 25 лет. Но это были, понятно, только разговоры. Судили мерзавца закрытым судом пресловутой “тройки” по законам военного времени. А **вышка** тогда ещё была ой как в ходу...

Когда Пётр Прохорович “переварил” эту драматическую историю, то понял, кто был таинственный “капитан Кошкин”. Но он почему-то не доложил по службе и вообще ни одной живой душе ничего не рассказал.

Надежда, самостоятельно пережившая двухлетнюю оккупацию, оказалась с ребенком. Так получилось, что она родила в сорок втором девочку и назвала её Ириной. Тайна подлинного отцовства Иринки надёжно хранилась в сердце мамы Нади. Считалось, что это был наш раненый красноармеец, прятавшийся от немцев в Запорожье. Но в самом деле то был

стройный, воспитанный, ласковый немец из Баварии, обер-лейтенант Эрих, квартировавший у соседей.

Несмотря на такие обстоятельства и ничего не зная о бравом оккупанте, Пётр Прохорович, чёрт его дёрнул, опять сошёлся с Надей и даже обещал удочерить ребенка, да так и не собрался. Опять же, отчество у Ирины уже состоялось, она записана была в метрике, как Ивановна. Тайна её появления на свет заслуживает отдельного рассказа.

Но слеплённый заново союз Надежды с Петром Прохоровичем так и не упрочился. Дело окончилось тем, что в сорок девятом, упирая на то, что Надя так и не родила ему молодого чекиста, он бросил надоевшую семью и, организовав четырёхкомнатную квартиру, поселился в ней с хорошенькой актрисой Норой, бывшей отродясь дояркой Нюрой.

Надежда, исплоптавшая ещё в сорок четвертом девичью свою фамилию, и так воспитавшая дочку, что та признавать Петлюка ни отцом, ни квартирантом не желает, всё испортила.

- Гордая, как мать, - криво усмехнулся Петлюк, пытаясь тщательнее рассмотреть фотографию Ирины. Он даже подошёл к окну, бережно держа обеими руками рамку. Безмятежно весёлая семилетняя кроха с октябратской звёздочкой на школьном платьице глядела с карточки куда-то мимо названного отца.

- Гордись, гордись! Вырастишь, на коленях приползёшь... - Промырил Петлюк, пристроив портрет на подоконник. Он приблизился к столу, откупорил графинчик и, повернувшись к окну, налил водки в рюмку. Выпил. Нащупал вилкой и выловил из селёдочки ароматный салатно-жёлтый ломтик и с аппетитом закусил без хлеба. Тяжело опустился на диван. Задумался ни о чём. Через полчаса медленно, чиркая на ходу спичкой, направился к тумбочке с телефоном, чтобы проверить дела на заводе. Включил люстру, потому что из-за мрачной погоды за окном

толком так и не рассвело. Вызвал Цовика, чья смена заступила с шестнадцати часов.

- Ну, как трудитесь, Соломон Ильич?.

Цовик подобострастно доложил, что еле-еле набили пять думпкаров, а уже полсмены - тю-тю!.. Простаивали около часа из-за обрыва троса на грейферном кране. подававшем боксит в **приёмный бункер пластинчатого питателя дробилки...**

- Ох, Цовик, распустил ты своих мужиков! Что значит оборвать трос грейфера? Ведь совершенно новый трос позавчера ставили. Ты понюхай, Цовик, не пьяный ли твой Литвиненко?! А на утро не забудь докладную составить и акт оформить. Я с него сто процентов премии срежу, чтоб знал на будущее, как полный грейфер по бокситу волоком волочить... Раньше такие дела диверсией называли, и был порядок!.. - Он в сердцах кинул трубку на рычаг. Не попав на вилки, трубка свилилась с тумбочки, повиснув на шнуре, и из неё понеслись неприятные низкие настёрные гудки.

- Работнички! - Зло усмехнулся Петлюк. - Надо же, умудрился новёхонький трос порвать... А сними я с этого Литвиненки премию, опять запищат, дескать, обижает, прижимает, несправедлив... Истинно сказано, толпе нужен кнут. Хочешь кататься, погонять не забывай! И что их влечёт? О чём мечтают? Достать за десятку билет на стадион, где штатные идиоты из "Металлурга" вполне предсказуемо гоняют мяч по указке тренера? Раздавить поллитру на двоих и загрызть пригоршней семечек? И чтобы я, Петлюк, не трогал их премию, их гонор, их внутреннюю пустоту. Было, есть и будет одно. Хлеба и зрелищ! За это они и построят что угодно, и по дощечкам разнесут, дай волю...

Он снова приляг на диван и попытался детально отреставрировать, о чём вчера говорил с этим зарвавшимся глупым птенцом Сербой.

... Он вызвал Сеньку, когда тот, со слипшимися после ночной смены глазами, спускался мимо его кабинета. Увидев рабочего в приоткрытую дверь, Петлюк зазвал его к себе, повинуюсь какому-то внезапному желанию поговорить с ним.

- *Садись и рассказывай!* - Почти радушно пригласил он Сеньку, пододвигая стул. - *Как работается, нравится ли в дробилке?*

- *Работа как работа, пыли много, пользы - мало!..*

- *Оно, конечно, не в конторе сидеть. Я, если помнишь, говорил тебе, когда принимал, что крепко мозгу, чтоб не сбежать через месяц. И я, в общем, в тебе не ошибся. Ты - упрямый малый!..*

- *?! - Сенька удивлённо посмотрел на **старшего по званию.***

- *Мне, видишь ли, всё рассказали. И как ты клязу сочинял, и как подписывали в сменах. Напрасно только вы ко мне не пришли. За спиной моей сговариваетесь. Если в чём не хороши, прямо скажите. Мы, партийцы сталинского призыва, критики не боимся, не такое переносить приходилось...*

Сенька намеревался ляпнуть, что **напартачила** разведка Петлюку, что вовсе не он автор письма, хотя и подписал одним из первых, но последние слова старого волка вывели его из равновесия:

- *То-то и оно, что много перенесли. Пообвыкли, и теперь с вас, как с гуся вода!..*

- *Ну, зачем так грубо, Сербя? Я хочу тебя отечески предостеречь от непростительных ошибок. И ещё мечтаю из тебя бригадира дробильщиков вылепить. Крохмаль неграмотный дядька, а ты молодой и с образованием. Идёт, а?*

- *Зачем Крохмалья снимать, он толково бригаду ведёт. Если что, первый лопату хватает и в бой! Замена ни к чему. Я не пойду на его место.*

- *Ну, не горячись! Я так, к слову сказал, как вероятную перспективу применения твоих способностей...*

- *Спасибо за комплимент. Какие способности? **Рабсила** я,*

только и всего. Никуда выдвигаться не собираюсь, зачем эта купля-продажа?..

- Ты меня не понял, я намеревался дать выход твоей неорганизованной энергии, - заулыбался Петлюк.

*- Напротив, отлично понял. Но если уж говорить начистоту, то сегодняшняя **профилактическая** беседа мне противна. Да и глаз не разведу, всю ночь бились над восьмой лентой, чтоб она пропала! Шесть раз останавливалась. Вот ею я и рекомендовал бы вам заняться. Хорошо бы мотор более мощный установить...*

- Хам ты, Сербя, - закипел Петлюк, - к тому же, сцыкун хренов, сам себя топишь...

- Понял. Нечего больше сказать, товарищ Петлюк? Действительно хреново, когда нечего сказать... Пойду отсыпаться, - огрызнулся Сенька, невоспитанно вставая.

- Не тебя меня учить, молод больно, - растягивая слова и нагнув голову, словно готовясь боднуть, гнул своё начальник цеха, - саботаж задумал раздуть в цехе, работу срывать пытаешься?! Да я таких, как ты, знаешь куда посылал?..

- Знаю, теперь мы все это отлично знаем, - отпарировал Сенька, - смотрите, люди, старый чекист разошёлся, ха-ха!

*- Запомним! Авторитет органов подрываешь?! Ох, попался бы ты мне в огненные годы, я бы тебе этого так не спустил! Мы такую контру рядами **урывали**...*

- Плохо старались, халтурили, и мы ещё остались. И теперь мы вот таких как вы, уважаемый шкаф Пётр Прохорович, закоренелых бюрократов, забывших, что их народ, что их Советская власть в кресла работать, а не прохлаждаться усадили, будем выковыривать подряд и стараться будем ни одного на развод не оставить.

- Ха-ха! Это ты мне говоришь, большевику-ленинцу?! А кто тебе право дал, разве ты член партии?

*- При чём тут **ваша** организация?.. Мы все теперь знаем, что почём, и воздадим, не сомневайтесь, по заслугам, - громко,*

захлёбываясь злостью, выкрикнул Сенька и только теперь, уходя, заметил, что у раскрытой кем-то двери собрались рабочие.

- *Правильно, Сеня, у кое-кого следует авторучку забрать и лопатку совковую персональную вручить, так сказать, разомнись, товаришочек, маленечко,* - ввернул Евстафьев, но тут в кабинет ввалились мастера заступившей в смену бригады, начальники и полуначальники всех марок и неперемный участник планёрок дармоед Минченко. Инцидент был исчерпан.

... Вспомнив эту стычку, Петлюк заскрежетал зубами, налил себе ещё чуток водки и, потянувшись к приёмнику, выключил осточертевшее Монте-Карло, без устали грохотавшее барабанами, визжавшее саксофонами, брэнчавшее медными тарелками и в сущности такое же ничтожное, как и все те недоброжелатели, которые окружали Петра Прохоровича, они же работяги и неверные жены, как Сенька Серба, как изменник Лупинос, как подколотная змея Нора, как ухмыляющийся недоносок Евстафьев...

На следующий день, после утреннего посещения больницы, втиснувшись в набитый людьми, как селёдками, трамвай, Семён рулит на работу, уверенный, что, благодаря случаю, он теперь в любой момент имеет возможность узнать у администрации трампарка фамилии героев дивноярской пакости.

Если б не надо было спешить в **смену**, Сёма помчался бы туда немедленно. И мысли его вернулись к девчонке, увиденной утром в больнице, к Людмиле.

Когда они, то есть, Мария, Надюшка и Сёма, вошли в вестибюль, пожилая тётка в белом халате в ответ на вопрос, здесь ли лежит Людмила Н., молча отвела их к дежурной, по-украински **черговой** сестре.

“Кочерга”, как сразу прозвал её для внутреннего употребления Семён, ткнула глазами в журнал регистрации и, отыскав необходимую фамилию, пояснила, что больную перевели вчера в

изолятор, и что проведать её теперь можно лишь с разрешения главврача.

В то же время, понимая, что посетители истолкуют переселение Людочки в изолятор, как ухудшение её состояния, сестра “Кочерга” скрипящим монотонным голосом успокоила их, сказав, что всё ещё, возможно, образуется... К тому же главврач сейчас у себя в кабинете и, если они пожелают, то имеют случай зайти в нему за разрешением на свидание.

Сёма мигом взбежал на второй этаж и постучал в дверь с аккуратной табличкой по-русски – “Главврач”.

Доброжелательный женский голос пригласил войти, и из-за стола, заваленного справочниками, стетоскопами, какими-то никелированными посудинами и прочим медицинским хламом, на него глянула ясными очами врачаха со свежим, почти праздничным лицом.

Сёме показалось неудобным ломать ей отличное настроение расспросами о здоровье Людочки и просить разрешения на свидание, однако он переборол себя и рассказал, что его привело к ней.

– А вы кем ей доводиться? Муж? Если не родственник, так нечего и думать о свидании, потому что Людмила всё время на кислороде, и ей будет тяжело вас принять...

– Я корреспондент “Комсомолец Запорижя”, – вдруг экспромтом соврал Сёма, и, всё более утверждаясь в новой роли, вытянул и показал врачихе какое-то удостоверение в тёмно-вишнёвой корочке.

Врачиха тотчас стала озабоченной и осторожно спросила Семёна, о чём он собирается писать насчёт Людмилы Н.

– Я пришлю вам газету с очерком, – солидно пообещал Сёма, а врачиха тем временем поднялась и указала рукой на вешалку, где висело несколько настолько белых халатов, что на них было больно смотреть. Её чудесное утреннее настроение было испоганено визитом бравого газетчика. Она уже ни о чём не

расспрашивала, и даже когда Семён снял с вешалки **три** халата, ничего не сказала, лишь отметила этот факт острым взглядом – “*Не комиссия ли ненароком?*”

В вестибюле Семён, сбегавший по ступенькам проворнее врачихи, успел растолковать девчатам идею с корреспондентом. Они одобрительно кивнули и, натягивая халаты, почти побежали за Семёном и главврачихой вдоль цокольного этажа.

Изолятор представлял собой низенькую, тесноватую комнатку на две кровати, в которую сквозь оббитое марлей окно скупно просачивалось солнце.

На первой от дверей кровати, полулёжа, полусидя опиралась на пяток худых казённых подушек женщина с тёмно-коричневым старушечьим лицом.

Не в силах произнести хотя бы слово, она одними лишь ресницами одобряла тарактенье девчат. Сестра “Кочерга” принесла стулья, и все расселись у кровати. Главврачиха, извинившись, оставила их одних.

Семён осмотрел палату. В глубине изолятора стояла ещё одна кровать, но она гуляла аккуратно застеленной, словно кого-то ждала.

На тумбочке у Людмилиной кровати действительно лежала болотного цвета резиновая кислородная подушка. Там же поблёскивал стакан с наполовину выпитым кефиром и нетронутая булочка. Стройные ноги Надюшки нервно отбивали какой-то судорожный ритм.

Сёма услышал, как Мария шептала Людмиле о нём, дескать, новый парень у нас в цехе, добрая душа, на реверсивке вкальвает. Людмилины ресницы понимающе упали.

Легко было понять, что расспросить её не удастся. Такой разговор только растревил бы её душу воспоминаниями.

По ней было видно, как она страдает. Басистый хрип вырывался из её лёгких с каждым выдохом. Наконец, она прошептала, и тяжело было видеть, каких усилий ей это стоило: –

Спасибо, девочки!..

А на Семёна лишь посмотрела с благодарностью.

– Мне так тяжело здесь... страхи разные... боюсь... Сестра заглядывает редко, а я уже и ложечку не удержу... постучать в стакан... Наверное, я умру – они совсем не лечат меня... Один пирамидон... Разве это лекарство?.. Заберите меня... О, как же я боюсь!..

Её хриплый шопот прервался, веки закрылись, и только не то стон, не то плач вырывался из груди. Сестра, открыла вентиль и поднесла мундштук шланга, из которого с шипением вырывался кислород, ко рту больной.

В голове Семёна – полное смятение. Ведь если не дежурит сиделка, то это – безобразие. А почему, действительно, один пирамидон? Человек может умереть, и никто, никто, никто, кроме врачей, уже не в состоянии ей помочь, а они отмалчиваются. Нет уж! Он разберётся во всём...

В палату вошла главврач, заголила себе левую руку и молча указала на свои часики. Посетители оставили на тумбочке пакет с виноградом и отсчитали сестре “Кочерге” полтораста рублей, – дескать, купите, пожалуйста, нашей Людмиле всё, что будет надо. “Кочерга” зачем-то пересчитала деньги и согласно кивнула головой.

Когда снова вышли в вестибюль, главврачиха заглянула Семёну в глаза, оценивая, как корреспондент воспринял увиденное. Семён, в свою очередь, сообразил, что врачаха набивается на разговор и, молча согласившись, направился за ней на второй этаж в знакомый кабинет.

Ему не пришлось задавать вопросы. Когда он снял халат и сел в неприятозательное казённое креслице, обитое коричневым дерматином, врачаха привычно поправила причёску и уверенно начала говорить первой.

– Я уже поняла ваши впечатления, товарищ...?!...

– Серба, – подсказал Сёма.

– ... товарищ Серба. Мол, мерзавцы, забыли свой долг и тому подобное. Однако, я скажу вам всё, даже то, чего я, как врач, не должна говорить. Да-да! Не должна. Есть вещи, против которых мы бессильны. – Она зачем-то взяла со стола очки в изящной металлической оправе, протёрла их и осторожно устроила на носу.

– Волнуется, – подумал Семён, рассматривая лицо, с которого уже давно испарилась беззаботность. Он мог бы на многое возразить, но не стал её перебивать.

– Людмила Н. поступила к нам 12 июня, – продолжала главврач, как бы оправдываясь, – вот история её болезни. Если желаете, взгляните...

Она достала из застекленного шкафа немалый увесистый том и положила на стол перед Семёном.

– Сначала мы не догадывались, в чём дело, потому что при первичном опросе Люда сказала, что якобы простудилась под дождём. К сожалению, вначале симптомы совпадали с её объяснениями, и мы, не ожидая проблем, начали лечение, будучи уверенными, что лечим банальную пневмонию. Увы, через неделю картина болезни ухудшилась, и это вынудило нас строго поговорить с Людмилой и пересмотреть диагноз. Из-а её ложной стыдливости мы поздно узнали правду. У молодой женщины вспыхнул пенициллиновый сепсис, иначе говоря, кандидомикоз. А мы ещё усугубили его в первые дни, продолжая инъектировать антибиотиками. Вам, я вижу, непонятно? – Виновато улыбнулась она.

– Мы, врачи, как и медицинская наука в целом, пока ещё не совсем изучили данное явление. С некоторых пор грибки рода кандида, при безконтрольном употреблении, начали размножаться в ослабленных организмах пациентов. К сожалению, сейчас мы ещё не имеем никаких возможностей для борьбы с кандидомикозом, и пока что прогноз в большинстве случаев – летальный...

– *Смерть?* – Глухо переспросил Семён.

– *Ну, да!* – Устало подтвердила врачиха. – *Вот почему мы и не применяем ничего. Мы бессильны и просто ждём...*

– *“Просто ждём”,* – пробормотал Семён. – *Они просто ждут!..*

Неужели это правда, что врачи бессердечные существа, и так упрощённо относятся к человеческой жизни? Сёма вспомнил какой-то не то анекдот, не то случай с известным патолого-анатомом, который якобы аппетитно завтракал рядом со вскрытым им мертвецом. Даже рук не ополоснувши.

– *Притерпелись, привыкли,* – подумалось Сербе, – *а Людмиле осталась неравная борьба с глазу на глаз с напастью.*

Врачиха показала Сёме изрядную стопку книжек и журналов, громоздившихся на краю стола, и включила вентилятор с прозрачными пластмассовыми крылышками. Крылья слились в трепещущий диск, от которого потекла приятная прохлада.

– *Вот, посмотрите, периодика. Я просмотрела с коллегами всю возможную литературу. Но единственное, что на сегодня есть в арсенале медицины, так это – нистатин. Применяется до сих пор экспериментально. Завтра, возможно, он будет в каждой больнице, но сегодня нистатина ещё нет. Вы считаете, что мы спокойно спим ночами? Вот. Послали телеграмму в министерство, в Киев. А вот ответ. “Нистатина нет, обращайтесь в Москву”. В Москву... В Москву опаздываем, потому что Людмиле осталось немного. Вся надежда на молодость. Молодость не раз побеждала в ещё более безнадёжных случаях...*

Семён словно на сковороде жарился, пытаясь сообразить, что к чему.

– *А если её самолётом в Москву?* – В отчаянии предложил он.

– *Ну да, ну да, конечно... Вы, разумеется, правы, но она уже не перенесёт перелёта. Это абсолютно исключено.*

– *Так что же, вот так спокойно сидеть и смотреть, как угасает человек?* – Дёрнулся Сёма. В начале разговора он не

всему услышанному верил, считал, что врачаха умышленно искажает перспективу, но последние её высказывания убедили его в безнадежности ситуации. И если внешне врачи хладнокровные и даже жестокие, то не прячут ли они под маской безразличия омытое слезами страдание, страдание от того, что нет сил и возможностей одолеть костлявую жницу? Но почему же тогда даже сиделка не навевается к Людмиле? Или так нужно? Или уже и бабушке-санитарке больно и страшно у кровати обречённой молодой женщины? Ведь врачи ожидают её поражения в борьбе за жизнь с минуты на минуту...

– Я вам всё объяснила. Если вы действительно хотите сотворить похвальное дело, – продолжала насмешливо врачаха, – если вы действительно вознамерились поиграть в благородство, так разыщите тех, кто её действительно убил, кто насильно повёл её на криминальный, кто обманул её, в конце концов!.. И поймите, молодой человек, что душевная травма, обида и подлость убивают так же, как и пенициллин.

Семён попросил разрешения звонить главврачу, если будет нужно сделать уточнения, и на том распрощался.

Наденька и Маруся терпеливо ожидали его в вестибюле. Врачиха не поленилась спуститься вниз вместе с Семёй, и приказала дежурной сестре беспрепятственно разрешать свидания этим молодым людям в своё отсутствие. Та доброжелательно усмехнулась, складывая халаты девчат.

Тройка выбралась на свежий воздух, и тяжёлые дубовые двери отгородили от них маленький, но такой жестокий мир болезней. Девушки отыскивали нужное окно, однако сквозь двойную марлевою сетку ничего нельзя было рассмотреть. На крик никто не отозвался. А может быть и отозвался, но они не расслышали.

В палисадничке больницы, меж худосочных клёнов, когда-то в один из субботников медики посеяли астры, и теперь на простеньких цветниках доверчиво распустились белые, фиолетовые, розовые и лиловые цветы. Бесчисленные посетители

ближе к окнам вытоптали цветники, и некоторые астры оказались буквально раздавлены каблуками. Семён сорвал один, белый как снег цветок, и положил его на подоконник...

Трамвайчик, плотно набитый людьми, боязливо позванивает на поворотах, подпрыгивая на стыках рельсов. Сёму придавили к кондукторше, а девчат унесло на середину вагона.

Семёну стыдно. Он полез было в карман штанов за медяками и наткнулся на крутое кондукторшино бедро. Фу, ты, чёрт! Сёма торопливо заворачивает руку вверх и достаёт из верхнего кармана десятку.

Хотя, по правде, кондукторша не испытывает дискомфорта. Напротив. Семён мужским инстинктом понял, что она сама прикипела к нему.

Отгоняя непутёвые мысли и ещё возбуждённый посещением больницы, Сёма решаете поднять глаза и как можно более спокойно спросить у неё, не знает ли она кого-нибудь из **зелёноярских** кондукторов. Вот если бы оказалось, что она как раз соседка той Эдькиной шлёндры!

– *Не-а, из зелёноярских никого не ведаю, не знаю,* – усмехаясь, отвечает женщина, встряхивая рабочую сумку и выискивая на дне её медяки для сдачи. – *Правда, я сама на Зелёном Яру обитаю...*

Последние слова блондинки окончательно отцепляют Семёна от предательски близкого её живота.

– *Та мерзавка должна быть именно такой,* – размышляет Сёма и внимательно рассмаривает жирную шуйцу блондинки с дешёвым камешком “под рубин” на указательном и с катушкой билетов на подмизинном пальцах.

Интуитивно, кожей он ощущает приближение чего-то важного, как начало рейда во вражеский тыл, и ныряет в разговор, беззаботно бросая:

– *Ну, если вы с Зелёного, тогда передавайте приветик Эдику.*

Сёма дрожит, как рыбак над своей снастью, и как рывок огромной щуки воспринимает удивлённый возглас кондукторши:

– *Та шо ж вы придурювались? Я вспомнила – вы тот товарищ Эдика, о котором он мне вчера рассказывал. И почему вы вчера так и не появились? Я таких вкусных вареников наварила, самогоночки классной достала... Интересно, почём **щас** яблоки в Тирасполе?* – Внезапно переключилась она.

– *Яблоки? Да кто сколько запросит,* – наобум сказанул Семён, уже ощущая в ладони туго натянутую леску удачи.

Тем временем роскошная блондинка оценивающе рассматривала Семёна.

– *Так заходите сегодня, мой обещал до двух часов появиться. Если, конечно, не задержится в своей проклятой типографии. Тоже мне должность нашёл – наборщик! Стыдоба в трампарке рассказать – засмеют девчата...*

Сёма торопливо соглашается и, обещая непременно сегодня же зайти, протискивается к дверям.

Выбравшись из вагона на первой же остановке, он долго стоит на асфальтовой посадочной платформе, всматриваясь вслед жёлто-красному вагону и, удовлетворённо **хекнув**, старательно заносит в записную книжку его номер – 218...

Найти нужного человека на территории трамвайно-троллейбусного парка оказалось делом нелегким. Семён долго спотыкался на переплетающихся по незаасфальтированному двору стальных колёях, заросших **конотопом**, разыскивая кого-нибудь поответственнее. Уборщица направила его к завхозу, завхоз взглянул зачем-то на часы, затем на небо, вздохнул и глубокомысленно указал на ободранное, приземистое, с множеством дверей здание в глубине **территории**.

– *Вон тама служба наша, диспетчер то есть. А если в первую дверь шагнешь, то прямо к парторгу выйдешь, он у нас в зале для собраний заседает. Не нужен, говорит, кабинет мне*

отдельный.

Одолев в указанном направлении сотню шагов, Серба вошел в довольно мрачный, по-казенному обшарпанный коридор. На одной из дверей малохудожественная табличка "Касса" со стрелкой, явно предназначенной для взломщиков, около заветного окошечка на колченогих инвентарных скамьях грызли семечки языкастые девчата с брезентовыми сумками через плечо и уныло переругивались.

- Тормознись, молодой-симпатичный, мы тебе блондиночку подберем! – Донеслось ему вслед. Не поленился, обернулся:

- Такую, чтоб целовалась покрепче!

Девчата завизжали от восторга.

- А у нас всё первым сортом делается... - Подначивали шутихи.

Когда Серба вошел в светленький зальчик собраний, из-за стоявшего на сцене стола, покрытого заляпанным чернилами кумачом, поднялся невысокий, в мешковатом сером костюме человек лет под сорок, плотный, с уже поседевшими висками.

- Ну, за какой истиной пожаловал, цыганчук? – Фамильярно повстречал он гостя. Семена несколько покорило обращение, но в целом человек показался ему понятен.

- За какой? Узнать хочу, кто у вас в среду в 218-м вагоне кондуктором был с утра.

- Ну это можно, милый, только если приглянулась тебе она, так тогда не по моей части, спрашивай у диспетчера. Выйдешь от меня, пройдешь по коридору мимо кассы, а уже следующая дверь, там, где бачок с водой стоит, диспетчерская, вот...

"В таких случаях говорят проще, - вторая дверь налево", - снисходительно подумал Семен, но терпеливо выслушал тираду. Однако узнав из краткого, тоже не шибко отшлифованного повествования Сербы в чем дело, парторг задумался и, раскуривая казбечину, протянул коробку Семену.

- Не-а, спасибо, у меня сигареты, - отказался тот, вынимая

собственную пачку "Краснопресненских".

- *А ну дай-ка и я подгощусь, какие они. Попробую с фильтром,*
- напросился собеседник и, вытянув из пачки пару сигарет, засунул их в кармашек пиджака. Потом он снял с рычага трубку и позвонил. Кто-то невидимый оказался на месте и партийный дьяк строгенько приказал явиться в кабинет, да чтоб как штык был, да чтоб узнал по пути, кто в среду на 218-м с утра катался.

- *Теперь погода, милый наш корреспондент, чуток, мы зараз с тобой всё и узнаем.*

- *Да не корреспондент я вовсе,* - начал было закипать Семен, страсть не терпевший покровительственного тона.

Но в ту минуту, когда он уже собрался уходить, в помещение вошел человек иного склада. Не то, чтоб высокий или там лицом видный, нет, обыкновенный тридцатилетний здоровяк с копной рыжих волос, смахивающий на слесаря, с умными серыми глазами. Подойдя поближе, протянул твердую ладонь сначала гостю, затем хозяину, если так можно сказать, "кабинета". Представился как Залатенко.

"Рука железная, как у Крохмаля", - подумал Серба, душевно располагаясь к Залатенке.

- *Антонина Плашина обилечивала в то время на 218-м. Нахамила кому-нибудь?*

А узнав подробности, вспыхнул:

- *Если она окажется и ты, парень, не ошибся, сам её своими руками задушу!*

Серба ни капли не сомневался, что тот может такое сотворить. Очень уж неумолимым казался Залатенко и твердость была ему, признал Семен, к лицу.

Пока они горячо, с чисто мужской прямоотой, обсуждали проблему, придя к выводу, что во всех земных несчастьях виноваты бабы, в кассе, где кондукторы сдавали выручку, разыскали Плашину, и она как была в синем застиранном халате, с сумкой через плечо, ухмыляясь ступила на порог. Заметив Сербу,

вспомнила что-то и нахмурилась. Подошла тихо к кромке сцены и подняла лицо к мужикам, привычно разложивших локти на кумаче.

- *Здрасьте, уважаемые!* – Молвила тихо и, могло показаться, застенчиво.

- *Так рассказывай, Тонька, какой-такой Эдик и куда вы Людмилу **запраторили**?* – Откровенно недружелюбно накиннулся на нее Залатенко.

- *Перво-наперво, Антонина Ивановна буду, а потом, с чего бы это я вам, мужикам, про личное болтать стала. И не стыдно вам, а ещё мужчины! Только и делов, что про баб сплетни вынохиваете. И вы тоже, товарищ парторе! Муж мне Эдя, вот кто!*

- *Сволочь ты!* – Привстал за президиумным столом Залатенко и стукнул по бордовой скатерке так, что подпрыгнул стакан в блюдечке и качнулась вода в захватанном пальцами гранёном графине.

- *Не ярись, не ярись, Захар,* - успокаивал активиста парторг, поглаживая рукой по плечу, как успокаивают собаку, рычащую на нелюбимого соседа, дескать, при людях лай потише, а ночью хапнешь за штанину, похвалю. Хотя, справедливости ради говоря, у партийного работника у самого тяжело и многообещающе заходили желваки за щеками.

Серба смотрел на испуганную Антонину в упор. Убивай её сейчас Залатенко, не полез бы разнимать.

Понемногу на их громкий разговор без спросу сходилась народ, в основном бабье. Беленький парнишка, совсем ещё ребенок, с комсомольским значком на спецовке, некстати спросил у парторга, будет ли, как всегда в пересмену, пятиминутка с политинформацией.

- *Отстань, Гриша, не мешай!* – Отстранил его было тот, но подумав, звательно махнул рукой. – *Хотя... Зови, пожалуй, ко мне кассиров да кондукторов. Заодно и к слесарям сбегай!*

За пять минут зальчик наполнился галдящими женщинами,

которые враз почувствовали, что сообщат им нечто неординарное.

- *Да, товарищи,* - сказал парторг, - *что греха таить, есть ещё среди наших женщин такие, каких к мужчине я бы и на километр не подпустил!*

Скопище преимущественно женского народа загудело тревожно, как осенние мухи, шустро вертя головами по сторонам, уточняя друг у дружки всякие предположения. Парторг между тем изложил основную канву.

- *Тонька, Тонька, да как же ты, кобыла подлая, на такого молодого польстилась, семью разбила, человека в гроб вгоняешь!* – Раздался звонкий осуждающий голос с третьего ряда. И какая-то уже очень не молодая бабенка стала рассказывать всем, как Тонька обманом выдурила у неё год назад три тыщи рубликов и не отдала.

- *Толика мово, значит, упрятали за дебош, а она и подкатись. Прокурор, мол, знаком лично, выпустит Толика, но подсыпать надо хорошо. Я и дала, дура старая, три тыщи. Ну да подожди, выйдет скоро Толик, так он из тебя, стервы, пять выдавит!..*

- *Да-а, ну и дела раскоцегарил ты, ну и дела!* – Шепнул Семену Залатенко. Добавил зло: - *Вот сучка на мою голову!*

А Тонька стояла перед всеми хоть бы что:

- *Бросьте агитировать, бабоньки! С кем хочу, с тем и лежу, а то вы не такие!*

В ту минуту в дверь протиснулась девушка. Её не пропускали, потому как стояли плотно, словно в церкви, но почертыхавшись, запустили.

- *Серба здесь?* – Довольно громко спросила она, уже пробившись в первые ряды.

- *Я здесь!* – Обозвался Семен и, приподнимаясь над столом, увидел бледную Надю из дозировки.

- *Думала, что не найду тебя, Сеня. Люда умерла. Сегодня утром.*

- *Что ты сказала?! Она умерла?!* – Выдохнул для всех

непоправимое слово Серба.

Напрасно парторг призывал к порядку, взывая к совести. Женщины, с полуслова поняв Надю, накинулись на Антонину, хватая её за волосы, за юбку, куда попало пиная ногами. Общение с народом, с его **прекрасной** половиной, стало неуправляемым.

*- В каждом стаде свои бл*ди, но такой я еще не встречал! –* Надсадно кряхтел Залатенко, стаскивая баб с замордованной самосудом Плашиной, но нелегко было утихомирить их, успокоить.

Наконец, приехала синенькая машина с кокетливым красным кантиком по борту. Двое рослых мильтонов в помятой несвежей форме быстро и умело расчистили себе дорогу и, подхватив под руки, поволокли заголившуюся, растрепанную и кусающуюся Плашину куда следует.

Петр Прохорович узнал о смерти Людмилы от дармоеда Минченко.

*- Я уже позвонил в столярную, чтобы там **тару** побыстрей оформили и в гараж насчет грузовика, -* отрапортовал дармоед шефу.

*- Правильно, Минченко, так и действуй. Надо телеграмму в Тирасполь дать, разыщи адрес. Впрочем, всё равно теперь, успеют или не успеют приехать родичи. Вечером займёшься телеграммой. А ты **каменьюка**, Минченко!*

- Это вы о чем, Петр Прохорович?

- Ну, как у тебя повернулось лягнуть такое бездушное, - "звонил, тару заказал", а?.. В цехе, на людях хоть будь человечнее, а то ходить тебе битым когда-нибудь за чёрствость свою долбанную.

Когда-то, ещё до войны, работал Минченко под началом П. П. на разных мелких должностях в **органах**, как всякий тупица, больно переживал свои неудачи по службе и тайно завидовал взлёту Петлюка. Самый большой свой личный подвиг Минченко совершил, участвуя с П. П. в ликвидации врагов народа в подвале

облуправления НКВД в 1941-м и в уничтожении нового здания управления путём поджога...

После изгнания из **системы** в 1956-м году и выхода на неплохую пенсию он, ещё не старый конь, не смог найти себе места в гражданской упряжке и его, чуть было не свихнувшегося от водки и от баб шалопая, подобрал и трудоустроил к себе в цех опять-таки Петлюк. Минченко смертельно боялся Петлюка, так как считал, что "много знает", а за такое знание часто бывает **секир-башка**, но избавиться от непрошенной опеки шефа не решался. Все-таки оба – действующий резерв. Не имея гражданской специальности, пришлось подвизаться на ниве снабженческой, благо нива эта плодородная выкармливала любые сорняки. Поэтому невинное кокетливое замечание шефа повергло его едва ли не в ужас.

Петлюк действительно подумывал одно время избавиться от Минченко, справедливо полагая, что дурак опаснее врага, но удобный момент упустил, а теперь счёл за лучшее, чтобы многознающий дурак находился всегда на виду.

- Как понимать ваши слова, Пётр Прохорович? Не лишайте, прошу вас, премии за истёкший месяц, нечаянно я ведь оговорился, знаю, что чуткость сейчас к людишкам проявлять указание есть, исправлюсь.

- Хам и глупец. Не от меня битым ходить будешь, а от гегемона. Так вот болтонёшь завтра насчет тары при работагах, кто-нибудь и вправит ряску тебе, и, учти, правым его сочтут.

Ну, иди. Созови ко мне, как обычно, мастеров смен, главного инженера и прочих.

Минченко охотно удалился, а Пётр Прохорович задумался. Он старался взвесить, к каким последствиям приведет нелепая смерть работницы и не может ли это хотя бы косвенно пошатнуть его в седле.

Навещали её? Навещали! Бюллетени оплачивали? А как же!

Похороны за счет цехкома? За счет цехкома! И вообще, при чём тут начальник цеха, недосуг ему в голове всё держать. Да и ореол мученицы ей подружки создали. Кто она, в сущности? Потаскушка обыкновенная. Вступила в связь с неизвестным типом, не расписалась даже. Развратничала, по морде видно. Замечал её Петр Прохорович, когда в цех поступила, пухленькая такая мордаха, аппетитненькая, сам бы непрочь сладким побаловаться, если бы где за городом подстерег да чтобы не знала, что вместе работают.

Проститутка юная, одним словом, чего её жалеть. Четвертак цена. Все они сейчас такие в связи с ослаблением идеологической работы, стилиаги. Ну, нагуляла, так если разобраться, с кем не бывает, ничего особенного, и нет **оснований** драматизировать положение...

Он взял со стекла, которое покрывало стол, фотографию Людмилы, раздобытую где-то ведущим Минченко. Повертел. Красива, чертовка, была. Но дура. Зачем за сопляком увязалась? Нашла бы солидного человека, как я, например. Работала бы спокойно. Я бы тебе и разряд, и продвижение организовал, каталась бы, как вареник в сметане. Нужна квартира, - пожалуйста, просишься на аборт, - пожалуйста! Не у темной бабы, причём, а у лучшего врача. Дура, точно дура...

В кабинет тем временем начали сходить руководители цеха мастера Зазыкин, Цовик, Петриченко, Фридкин, парторг Краминов, главный инженер Сорока, энергетик Шур, дармод Минченко и ещё несколько **номенклатурных**, всего человек пятнадцать. Усаживались, закуривали в ожидании тронной речи Петлюка.

Он начал с того, что показал им фотографию.

- Так вот, дорогие, эта девушка, вернее молодая женщина, как вам известно, наша работница Людмила Назарчук. Вчера она умерла в шестой городской больнице от кандидомикоза. В нашем цеху, я думаю, не найдется человека, кто бы не

содрогнулся, узнав о нелепой смерти. Младая жизнь угасла.

Так иногда в апреле расцветут неосторожно раньше положенного абрикосы, а на утро, глядишь, заморозок! И опадает цвет, так и не оставив завязи. И нашу Людмилу, по моему мнению, убило равнодушие молодого эгоиста, с которым её столкнуло светлое девичье чувство. Кто же она, товарищи? Преданная советская девчонка, комсомолка, чья мягкость и женственность пригодны для подражания.

Вы только подумайте, умирая, она так и не назвала фамилии негодяя, пожалела его! Надо будет вам, товарищ Краминов, связаться с типографией и с трампарком с тем, чтобы вытащить мерзавцев на солнышко, воздать им по заслугам.

Что касается организации похорон, ею занимается по моему поручению товарищ Минченко. Надо также подключить комсорга цеха. Не нужно, думается, излишне **акцентировать** внимание цеховой молодежи на столь печальном событии. Конечно, кто окажется свободен от работы, может поучаствовать в процессии.

Ну и, понятно, всё, что нужно, сделаем своими силами, похороним по-советски. Памятник со звездой сварят цеховые сварщики, но это потом, в ремонтный день. Пока что пусть плотник фанерный обелиск спроворит. Фото увеличьте. Ковер, кузов застелить, из моего кабинета возьмите. Проследите, чтобы не украли. Ну, и выбить и проветрить опосля не забудьте, Минченко. Вот так. У кого вопросы?

- Я считаю, Петр Прохорович, - прокашлялся Краминов, - что нужно, с воспитательной, так сказать, целью послать в типографию и в трампарк актив комсомольцев для участия в соответствующих собраниях. Я уверен, мне удастся договориться на местах с руководителями, райком партии разрешает.

- Абсолютно верно, товарищ Краминов. Я лично позвоню Залатанному, начальнику службы движения у трамвайщиков, и

попрошу вам посодействовать. Мартышкин, директор типографии, мой хороший друг, мы с ним до войны вместе в энкавэдэ работали, очищали городской аппарат от всякой дряни. Передавайте привет. Езжайте, не откладывая.

А теперь перейдем к производственным делам, план с нас никто не снимал и не снимет.

На следующее утро, проходя мимо столярки, Петлюк увидел свежевыструганный гроб, над которым трудился старичок в нелепых старорежимных очках и с карандашным огрызком за ухом. Последние вздохи бабьего лета выманили деда из тесной мастерской на свободную площадку, и он с видимым удовлетворением привычно постругивал сосновую реечку.

- День до чего ясный! – Общительно заметил старый пенёк медленно бредущему Петлюку. – Хоть с утра хмурилось, да распогодилось. Кто помер, ишо раскаяться должен бы...

- Ясный – не ясный, любит – не любит! – Невразумительно буркнул Петр Прохорович, удаляясь. – Действительно, некстати умерла ты, милая. До нелепости некстати!

Он потянулся в карман за папиросой. Врачное настроение разлилось по телу ослабляющей безразличностью. Петр Прохорович вдруг ясно представил себе, как завтра спустят этот дурацкий ящик в яму, как безразлично, но громко кинут вслед по комку пересохшей за лето кладбищенской земли и разойдутся кто куда, немедленно позабыв досадный **момент**.

Смерти он не боялся, перевидал немало смертей и сам порешил не одного врага партии. Но последнее время стало одолевать его странное и тревожное состояние, как будто умереть ему предстоит то через час, то через три-четыре минуты. Он сам назначал себе такие сроки и с радостью определял по часам, что обусловленный срок миновал, а он ещё жив.

Радовался, как если бы обманул саму **распорядительницу**. Потом он ещё и ещё назначал короткий срок и снова радовался,

как ребенок, очередной победе над возможностью умереть, не быть, прекратиться.

Внушая себе различные болезни, Петр Прохорович досконально заинтересовался медицинской литературой, так как врачам, по примеру покойного Иосифа Виссарионовича, не верил. Сто раз он обливался холодным потом, определяя у себя симптомы то рака, то гепатита, то сахарного диабета, а то и, пардон, сифилиса. Но всегда, приходя в себя от страха и приободрясь, он уверял своё сознание, что проживёт не меньше девяноста.

Днём похоронили Людмилу. Ветер с холодным дождём буквально валили с ног. В нарушение обычая гроб старательно прикрыли крышкой. «ГАЗ-53» с открытым задним бортом медленно подъехал к Первомайскому кладбищу. Ковёр из начальничьего кабинета промок, и с его края, свисавшего из кузова, как слёзы, капали струйки дождевой воды. Венки ветер неприлично раскидал по машине, фанерный четырёхгранный надгробный обелиск с пятиконечной звёздочкой из нержавеющей стали, окрашенный суриком, ветер и вовсе опрокинул рядом с гробом.

Провожаящие вышли из пазика и жалкой группкой пошли за машиной с печальным грузом. На шесть человек причастных к **мероприятию** два трепещущих от ветра чёрных зонтика. От коллектива цеха кроме Сеньки были ещё Цовик и Маша с дозировки, а от руководства парторг Краминов, дармоед Минченко и какой-то лысый шнырь из профкома.. За ними же вывалился, поёживаясь от мерзкой погоды, и оркестр – две трубы, аккордеон и барабан.

Сенька вспомнил времена своего детства, когда музыка такого рода раздавалась на улице Карла Либкнехта с 12 до трёх дня. Был обычай проводить процессию через весь город. Тогда он просто не выносил этих адских звуков! Не знаю, подумал он, наверное классические похоронные марши изначально выражали какие-то

чувства композиторов по поводу смерти их друзей. Но теперь?.. Вообще не понять, нафиг всё это. Для многих похороны это уже не обряд, а какой-то напряг – всё делается бездушно, буднично, просто потому, что "так надо" и никто не хочет особо возиться: положили в ящик – и в землю, на съедение червям...

Но Людку почему-то было так жаль, что слёзы автоматом катились по щекам, смешиваясь с дождём.

Лабухи не успели доиграть свою стандартную порцию печали, как машина тормознула у свежeverытой могилы.

Гроб сняли кладбищенские рабочие, установив на две неизвестно откуда взявшиеся табуретки. На минуту приподняли крышку, и провожающие окружили последнее Людкино пристанище. В волнах тюлевого декора только восковое отстрадавшееся лицо и скрещённые немощные руки на груди. Оркестрик грянул заключительный заход.

Маша вопросительно посмотрела на Семёна, он ответил: – *Не знаю. Кажется, надо закрыть лицо...*

Маша потянула край тюля и закрыла от Людки белый свет. Ссутулясь, как бы тайком, перекрестилась у гроба. Краминов смахнул правой рукой со скулы дождевую каплю, а Сеньке показалось, что парторг разобрался со случайной слезой. Сенька, как всегда при властях, перекрестился открыто, с вызовом.

– *Ну что, попрощались? Тогда, значит, всё!.. Шабаш!..* – Подытожил один из могильщиков.

Мужики накрыли гроб крышкой, и один из них, достав из стоявшего в изголовье могилы инструментального ящика ржавую консервную банку с гвоздями и молоток, начал торопливо, но сноровисто приколачивать крышку.

Истерично взвизгнула труба, а барабан забухал мерно и весомо, как бы помогая заколачивать гроб. Заведя под гроб две верёвки, рабочие вчетвером опустили его в могилу.

Провожающие подошли с боков и начали бросать землю в могилу, но сделать это было трудно, – комки земли, размоченные

дождём, расплывались в ладонях, прилипая к пальцам. Один могильщик сжалился и в нескольких местах земляного отвала срезал лопатой верхний промокший слой, открыв доступ к более или менее сухой земле.

Бросив по паре щепотей земли, провожающие отступили от могилы, которую тотчас начали засыпать работяги. Земля барабанно забухала в крышку гроба, оркестр вскрикнул последний раз и умолк.

Могильщики, торопясь в кладбищенскую сторожку просушиться и остаканиться, шустро установили фанерный памятник. Один из них привычно взял у Маши авоську с двумя бутылками “Столичной”, буханкой хлеба и батоном варёной колбасы, сказав почему-то вместо “спасибо” неслыханное “да будет так!”, и они гордо удалились, волоча лопаты.

Дармод Минченко потянул Сеньку за рукав и потащил к машине скатывать казённый ковёр, из-за которого, собственно, завхоз и попёрся на кладбище...

А под вечер, выбежав за хлебом, Сенька случайно на проспекте встретил Эдика.

Первоначально Семёна подмывало обложить гнусного Мадоляну покрепче, сказать что-нибудь вроде:

- Что ж ты, мужик, так обласкудился?!

Но что-то подсказало ему – не следует трогать Эдуарда. И Сенька пошёл следом, как ребёнок размахивая размахивая авоськой с кирпичом ситничка. Так они молча по Анголенко миновали мрачный, без единого включённого фонаря, сквер Пионеров и, упёршись в Трамвайную-Михеловича-Горького, повернули по ней налево, вскоре ходким шагом одолели Шёнвизский мосток, прошли у клуба “Машиностроитель”, ещё немного неуверенного монотонного хода вдоль мрачной неосвещённой стены завода “Коммунар” и выбрались на залитую электросветом привокзальную площадь у Южного вокзала.

- *И чего это ему тут надо? Вполне можно было две остановки трамваем проскочить...* - Подумалось Сербе. Уворачиваясь от бешено мчащихся такси, гигант направился к вокзалу. У касс дальнего следования, как всегда, длинные пёстрые хвосты галдящих, потрясающих командировками и похоронными телеграммами кандидатов в пассажиры. Лишь у окошка "Продажа мягких и купейных билетов" никого не было.

Мадоляну согнулся в три погибели и молча уставился на кассиршу, сомлевшую от восторга.

- *Докуда вам, гражданин?* - Осведомилась привычно девушка, хотя в душе она предпочла бы, чтобы гражданин ограничился расспросом, как доехать до ближайшей станции, а затем бы признался, что это лишь наивный повод попросить её провести с ним вечер.

- *Подальше!* - Выдавил Эдуард, и голос его несолидно дрогнул.

- *Владивосток подойдет?* - Улыбнулась кассирша, понимавшая толк в юморе. - *С вас сто двадцать один рубль двенадцать копеек! В состоянии?*

Мадоляну, вынув из бумажника деньги, насчитал всего восемь червонцев.

Кассирша продолжила юмористическую игру:

- *Тогда вам подойдёт Воркута через Москву. Шестьдесят семь сорок. Плацкарта до Москвы, место нижнее... Если от жены убегаете, самое подходящее место...*

Мадоляну молча сунул все свои деньги в окошечко. Кассирша, удивлённо вскинув брови, пересчитала купюры, выписала билет, одну десятку возвратила сразу, потом набрала сдачу и сунула её в окошечко вместе с билетом. Породистый гражданин ей сразу стал неинтересен.

- *Следующий!* - Объявила она, изучающе всматриваясь в Сербу, вроде бы тоже проявляющего интерес к дальним странствиям.

- *Я передумал,* - бросил ей Сенька и устремился на перрон, где

через двадцать минут ожидался поезд на Москву и поэтому толпился народ. Высокий, как семафор, Мадоляну виднелся издалёка. Он медленно брёл мимо киосков, буфетов, лотков и просто столиков, у которых суетились жующие и пьющие. Эдуард прислонился к стойке буфета и попросил стакан вина.

- *Не надо!* - Помахал пальцем из-за его спины улыбающейся продавщице Серба.

- *Не надо, Эдик!* - Сказал он, твёрдо беря Мадоляну под руку. - *В такую даль ехать лучше с ясной головой...*

Мадоляну повернулся на каблуках и вопросительно посмотрел на Сербу.

- *Я работал с твоей Людмилой... Это я звонил тебе, когда её не стало...*

- *Страшно было,* - с мягким молдавским акцентом произнёс Мадоляну и Серба понял, что он имеет ввиду. - *Так и не увидел её в последний раз...*

- *На вот, возьми,* - Сенька полез за борт пиджака, достал бумажник, порылся и протянул Эдьке фотографию улыбающейся Людмилы, которую носил ещё на тот товарищеский суд, чтобы показать наборщикам.

Налетевший с юга экспресс заскрежетал, подваливая к перрону. Локомотив мощным прожектором словно ожёг Семёна, Эдуарда, толпу встречающих-проводящих, тревожной сиреной прошёлся по сердцу каждого толпящегося.

- *Паспорт хоть захватил? Я тебе трудовую на главпочтамт организирую,* - расчувствовался Серба. Он даже, ни с того ни с сего, пожал Эдуарду на прощанье холодную потную руку.

Мадоляну тяжело, как бы раздумывая, поднялся в четвёртый вагон, не выпуская фотографии из левой руки. По лицу его текли слёзы. Так и стоял он в тамбуре, плача и мешая пассажирам.

- *Чудак-человек, проходи на место, не мешай работать!* - Прикрикнула на него проводница. - *Аль милка провожать не пришла? Ну и хрен с ней, найдёшь другую! Ты же симпатюга*

хоть куда!

- *Не трогай его, мать*, - тихо шепнул ей Серб. Она не ответила, взмахнув жёлтым флажком в сторону локомотива, и, выглядывая из тамбура, приготовилась к отправлению.

Голосисто свистанул локомотив и состав тронулся, напористо набирая ход. Торопливо побежали в ночь зелёные вагоны.

Заморосил неприятный дождик, но, пружинисто шагая, Серб его не замечал. Он уже переключился на реальную жизнь и обдумывал свою дальнейшую жизнь с Иринкой.

Сзади по-девически дробно и, само собой, интригуяюще стучали каблучки, но Сенька шёл всё быстрее, и звук отставал, умирая, неузнанный, ненужный. Семён отдалился от попутчицы, не оглянувшись, не поинтересовавшись. А ведь та семенила неподалёку, в нескольких шагах. Возможно, в нескольких шагах от отчаяния. Ну и что? Ах, Сень, нехорошо-то как...

Конец

*Запорожье – Москва – Топкие Колтуны
1960-2008*

*Copyright - все права сохранены
12.03.15*

Версия

Комментарии к роману “Вчера”:

1. Буслаева К. Н (ksana-ksusha@mail.ru) 2009/04/27 16:07

Олег, я долго колебалась, потом все-таки прочла Ваш роман, все 1000 к. Колебалась именно из-за объема. Мне показалось интересно, даже очень интересно. Особенно отдельные места, в частности о взрыве Днепрогэса. Я как-то никогда об этом подробно не читала, так оно все и было? Так ужасно и страшно? Неужели в Запорожье так ужасно велась борьба со стилиягами?

Может быть, Вам будет интересно мнение читателя подробнее? Мне кажется, такое большое произведение на бумаге было бы лучше, легче читать, можно отложить книгу и вернуться позже, можно читать, сидя в удобном кресле. Я от чтения подряд несколько устала, со второй половины читала не так внимательно. Понимала, что Вы интересно описываете технологический процесс, но уже не вникала подробно. Мне кажется, если бы Вы выложили в СИ 4 отдельные повести, было бы больше желающих их прочесть. Потому что, написано-то интересно. Впрочем, автору виднее.

Я не поняла, почему все заканчивается описанием смерти Люды. Мне показалось, что этот материал как раз необязателен.

Но Вы так сделали, видимо, этот финал должен нести какую-то смысловую нагрузку. Я не поняла, какую.

Главный герой Семен показался мне неоднозначным. Конечно, его болезнь, хоть и вяло текущая, что-то объясняет. Но ведь Вы-то делаете из него героя положительного, рыцаря, борца за справедливость. А он - изворотливый дезертир. А он, простите, бабник. Эти его похождения в поездах... Кстати, почему все женщины, которых Вы описываете, доступные женщины, даже шестнадцатилетние школьницы?

Впрочем, если все не так и я не поняла, сотрите и не обращайтесь внимания. Книга-то интересная. К. Н.

2. Зоин Олег (voldemarin@yahoo.com) 2009/05/10 15:55

Ксюша, СПАСИБО! Ваш комментарий - первый! И такой искренний!

1. Да, Вы правы, в герое мало героического, но ведь и жизнь вокруг нас - та ещё штучка! Но мой Сенька - и есть нелогичное, сумбурное отражение сумбурной советской жизни. А личное достижение героя - не его наивная дерготня за какой-то, невозможной в принципе при тоталитаризме "справедливостью", а постепенное "выныривание" из мерзости тогдашней жизни и собственного тупика. Ведь он мог (и был предопределён ходом событий) после возвращения в "общество" стать бичом, изгоем, суматиком, местной шпаной, деклассированным элементом, непомятым родственником и т. п.

Но, всё-таки, какая-то внутренняя пружинка повела его куда-то дальше и дальше по жизни. То-есть он в итоге остался человеком.

2. Да - не ангел. Да - в начале восстановления личности - пил, бузил, грешил. То есть вёл себя вполне соответственно той среде, в которой вращался.

Доступные школьницы? Так это на миг отодвинутая штора в мир тогдашнего "полусвета". Там немало таких моментов "неофициальной" жизни города. А пир в тюрьме? А ночные оргии руководящих сынков на Хортице?.. Что несомненно, так это

высокая степень документальности повествования. Так мы тогда жили. И Ваше удивление борьбой со стилистами меня умилило. Да, это подлинный случай. Как и вообще набор героев. У них реальные прототипы. Только Петлюк в последней части - полностью сгенерирован как собирательный образ.

Более того, практически все мелькнувшие в августе 1941-го официальные лица города и страны приведены с реальными именами и фамилиями. Единственное послабление для них было - ни единого унижающего слова в их адрес, даже к тем, кто мне лично чем-либо неприятен или даже мерзок.

3. К своим небольшим достижениям отношу скрупулёзное, почти по минутам, восстановление до сих пор замалчиваемых отечественной историографией событий августа 41-го, взрыв ДнепроГЭСа и уничтожение НКВД, а также "производственный" блок - работу Сеньки на абразивном комбинате, что списано с натуры и не может быть произвольно "перекомбинировано" никаким творческим воображением. Также кажется важным реконструкция убийства Комарова, что до сих пор остаётся тайной...

С уважением, Олег Зоин

3. Полстянко Виктор (polstianko@mail.ru) 2009/05/08 15:33

Здравствуйте, Олег! По моей фамилии Вы наверное поняли, что я имею отношение к одному из персонажей Вашего произведения. Обнаружил его случайно, желая посмотреть, что имеется в интернете обо мне и моих близких. Нашел для себя много интересного.

Начав читать Ваш роман не мог оторваться пока не прочел его до конца, не только потому, что врач Полстянко (Лука Иосифович) мой дедушка, но и потому, что я 11 лет прожил в Запорожье, в доме, о котором Вы упоминаете, и прекрасно помню три громадных тополя, которые росли там до самого последнего дня. (В настоящее время там всё снесено и построен новый микрорайон. Не сохранились и тополя. А они действительно были прекрасны.)

Несколько слов о моем дедушке. Он, говорят, был хорошим врачом, именно детским. Его помнят старожилы города до сих пор. Он воевал, был на Малой Земле, был личным врачом, а в последствии другом начальника политотдела армии, известного Леонида Ильича Брежнева. Закончил войну в звании майора медицинской службы, имеет различные награды, в том числе орден Красной Звезды. Умер в 1949 году от рака желудка, когда мне был 1 год. У него были дочь и сын.

Ваш рассказ глубоко тронул своей жизненной правдой. Многие события, о которых Вы пишете, особенно о Днепрогэсе, я не раз слышал от тех, кто об этом знал не по-наслышке. Улицы, которые Вы упоминаете, Дубовая роща, Большой и Малый базары, кинотеатр "Зирка" мне близки и вернули меня в безмятежное

детство. Это все глубоко личное.

Не мог оторваться от Вашего произведения, прочтя его на одном дыхании и по причине, как мне представляется, пронзительной исторической правды. Именно так и рассказывали мне родные и близкие о довоенной, военной и послевоенной жизни в Запорожье, именно так описывают её отдельные эпизоды различные авторы.

Огромное Вам спасибо за Ваш роман, он поможет мне добавить информации к моим воспоминаниям моим детям. Собираюсь посетить Запорожье с родными, побывать на могиле дедушки, пройтись по упомянутым улицам, побывать на Днепрогэсе и многое другое.

Успехов и удачи Вам, счастья и здоровья, которое нес людям врач Полстянко.

С уважением, Полстянко Виктор Александрович.

4. Зоин Олег (uniatik@mail.ru) 2009/05/10 15:56

Любезный Виктор Александрович!

Ваш отзыв о романе 'Вчера' я воспринял как подарок ко Дню Победы. Спасибо за добрые слова!

Конечно, не скрою, писал я этот роман долго. Начал примерно в 1960-м, потом уехал на строительство КамАЗа и жизнь завертела в таком темпе, когда себе не принадлежал. И лишь через 45 лет, после выхода на пенсию, появилось время вспомнить молодость и неординарных людей, которые наполняли мою жизнь своими горестями и радостями.

А тут ещё появился Интернет, который является кладзем людских судеб и исторических данных. Всю жизнь во мне зрела потребность, какой-то долг написать о моей малой родине настоящую правду, а не пропагандистскую ложь, приоткрыть завесу свинцового молчания о взрыве ДнепроГЭСа в 41-м и о гибели десятков тысяч бойцов Красной Армии в днепровских плавнях... Но не буду оправдываться, Вы читали и можете судить лично, насколько мне удалось сказать, как было в самом деле...

Очень рад, что Ваш дедушка, известный в Запорожье тех лет врач Полстянко, поставил на ноги и моего героя. Теперь я, благодаря Вашему письму, знаю и имя-отчество Луки Иосифовича.

Не знаю, сумею ли написать продолжение - 43-й и 75-85 годы. Пока в плане.

Если Вас интересует жизнь Запорожья тех бурных лет, то я могу Вам выслать воспоминания моей матери Зои Петровны...

Всего доброго! Олег Зоин (конечно, это псевдоним).

5. Анна, Запорожье, 2009/03/26:

Леонид, не могу сдержатъ эмоций. Я читаю с упоением,

наслаждаюсь колоритом языка, "обалденным" родным местным юмором! Откуда у вас такой талант владения словом?

6. Марина, Москва 2009/03/27

Вчера прочитала первые 30 страниц. Интересно. Но это не роман, на мой взгляд. Скорее, мемуары, воспоминания, записки, заметки... М.

Сегодня + еще 40 страниц. Дошла до студенческих лет. Несмотря на "нелитературность" отдельных мест (где звучит просто разговорный язык, который так и хочется немного "облагородить"), чтение меня увлекает. Вы абсолютно ненудно пишете - это очень важно. Вы пишете о реальном человеке и своей эпохе - и это еще плюс. О многих деталях можно было бы и не упоминать (они исключительно бытовые, пищу уму не дают, от повествования отвлекают). Это минус, но простительный. Где встречаю орфографические ошибки, выделяю цветом (ну это профессиональное, ничего не могу с собой поделаться), потом вам файл обратно вышлю, сами поправите. Ну в общем я с интересом жду, как будут дальше развиваться события у "Сеньки"...

7. Ответ Марине:

Марина, привет! Возможно, что и так, как это видится тебе. Я сознательно не избегал документальности мест действия, большинства событий и наличия у каждого персонажа реальных прототипов. В жизни так много разнообразия, что особо выдумывать нет нужды. Моей внутренней задачей было "зацепить", "заценить" дух хрущёвской оттепели, а также её предисторию в предвоенные годы с точки зрения простых людей, не Сталина или Хрущёва.

Впрочем, что касается событий 18 августа 41-го года в Запорожье (в конце книги), то это вообще полностью документальная реставрация старательно замалчивавшихся в нашей истории событий с подлинными фамилиями и поступками. Но всё же это реставрация, а не воспоминания очевидца...

Что касается мемуаров, то это у меня уже было, однако не принесло удовлетворения, потому что стесняет в свободе выражения мнений и оценок.

8. Ж-ва Маргарита, Запорожье, 2009/09/17:

Уважаемый пан Олег!

Пишет Вам студентка-старшекурсница, будущий психолог,

Маргарита...

Я прочитала все Ваши произведения о Запорожье.

Понравилось всё и сразу. Ново, интересно, очень живо и зримо. Очень яркий, образный язык произведений, очень легко читается: на одном дыхании.

Образы яркие, запоминающиеся, трогательные и понятные. Нет, не простенько-упрощённые, не приземлённо-бытовые, а по-хорошему узнаваемые, реальные, живые.

Читаю много: сейчас столько всего! Но Ваши рассказы и романы действительно актуальны и по-настоящему интересны. Особенно привлекает то, что они про наш край, живая его история.

Хотелось бы с Вашим творчеством познакомить старшеклассников и студентов. В этом году у нас преддипломная практика, я часто бываю в школе, где работает моя мама. Она психолог, а также преподаёт историю родного края. Мы дружим с несколькими библиотеками, в частности с юношеской, что на проспекте Ленина недалеко от кинотеатра им.Маяковского, и с областной библиотекой им. А.М.Горького. Хотелось бы провести выставку, а затем читательскую конференцию, возможно, с помощью интернета, если уж не реальную.

Нельзя ли на неё, встречу, приехать в Запорожье?

Жду Вашего ответа по этому поводу.

Здоровья ВАМ, успехов, новых книг!

С уважением Журавлёва Маргарита.

9. Маргарита, Запорожье:

...роман - интереснейшее произведение. Оно, скорее всего, очень автобиографично, исторически достоверно. Действительно, в романе очень много малоизвестных, но реальных исторических фактов. Язык очень живой, красивый, образный. События предстают живо, реально. Несмотря на то, что задеты очень острые моменты нашей истории, в романе нет ни малейшего намека на то, чем грешит современная литература: чернуха и пошлость. Потому роман читается на одном дыхании и запоминается. Психология героев произведения выписана живо и ярко. Таким образом, мы можем без поддавков считать его образцом современной отечественной литературы. Спасибо Вам... за прекрасное произведение о Нашем городе. Ну, это вкратце.

Правильно ли я поняла, что автор по роду деятельности много общался с самыми разными людьми и хорошо, профессионально знал их психологию? Скорее всего, он занимал руководящую должность и очень любил свою работу.

10. Ответ Маргарите:

Уважаемая Маргарита!

Спасибо за тёплые слова. Не знаю, что и сказать Вам по

поводу возможного сотрудничества. Вы обращаетесь ко мне, как к известному писателю, в то время, как я простой любитель фиксировать мысли на бумаге, никогда не издавался и не вижу никаких перспектив. Это я к тому, как провести выставку или конференцию о том, чего нет "в реале", ведь мои вещи все только в Интернете, да и то лишь благодаря вулканической энергии моих детей. Соответственно и форма конференции-обсуждения романа неясна. Хотя, не скрою, мне было бы приятно встретиться с земляками.

Жизнь моя сложилась на удивление так, что оказалась заполненной невероятными событиями и встречами. Сейчас пишу большую вещь о периоде 70-х-первой половины 80-х, т. е. о закате застоя и начале перестройки. И параллельно роман о сегодняшней России. Надеюсь, что хватит сил, хотелось бы дописать.

Буду рад знакомству и возможному сотрудничеству...

Ваш О. З.

11. Ольга Ш. (Москва) 14/10/2009:

С огромным удовольствием прочитала роман. Написано талантливо, язык яркий, сочный и очень поэтичный. Весь роман прочитала на одном дыхании. Волнует описание родных мест, до боли знакомых... Хотелось бы прочитать продолжение. Как, силы есть?

12. *Ответ Ольге Ш.:*

Привет! Спасибо на добром слове!

Продолжение в работе, но главная надежда на зимнее ничегонеделанье, сейчас некогда. С поддержкой читателей постараюсь осилить к весне...

13. Лолита, Люксембург, 2009/11/25

... здравствуйте! Как ваши дела и здоровье?

На прошлой неделе прочитала ваш роман, очень впечатлена ярким, сочным, богатым языком, детальными описаниями сцен и событий, неожиданными поворотами сюжета. Впечатление, что это далеко не первый роман в творчестве. Многие сцены настолько живо описаны, что они у меня запечатлелись в памяти визуальным рядом - срубленная яблоня в вашем дворе, шашлык для капитана, урок стрельбы в деревне, заплыв в московском пруду, танцы в парке, приставленный гбшник, гидростанция и другие.

Я прочувствовала эпоху военных и послевоенных лет, и она вызывает животный страх не нападшими немцами, а собственной системой, в которой надо было выживать и подстраиваться.

Идеология, дух и ценности шокируют здравый ум. Мне кажется, я бы не выжила в этом месиве социализма.

14. *Ответ Лолите:*

Лолита! дочитать до конца - это что-то! Терпение и труд...

Спасибо за тёплые оценки, хотя я и вижу массу недоделок. Но уже некогда доводить до глянца. Мне было важно высказаться о том времени, в котором я был не только свидетелем, но и, по мере сил, рядовым участником и, хочешь не хочешь, оценщиком...

Так что я тоже, выходит, против фальсификации истории...

Что такое Мосархив, совершенно не представляю. Передать им "Вчера" в качестве вещдока по Совку было бы некорректно, т. к. это не документально-исторический роман, а "помесь" одного с художественным обобщением и поминутным уходом в писательские "домыслы"...

Например, глава о взрыве ДнепроГЭСа. Там всё документально, по минутам синхронизировано с имеющимися документами и воспоминаниями. Но участие совершенно вымышленного Петра Петлюка в аресте взрывников группы Эпова – плод воображения автора, хотя арест и угроза расстрела этой группы были в реале и только то, что дошло до Сталина, спасло их от гибели в НКВД...

Биографическими романы быть не должны. Это судьба дневников и мемуаров. Я долгие годы веду дневники, кое-что даже издано (1988-97)... Но это малоинтересно...

=====

V. 12.10.15